В. ФРАНКЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВЕНИАМИН ФРАНКЛИН

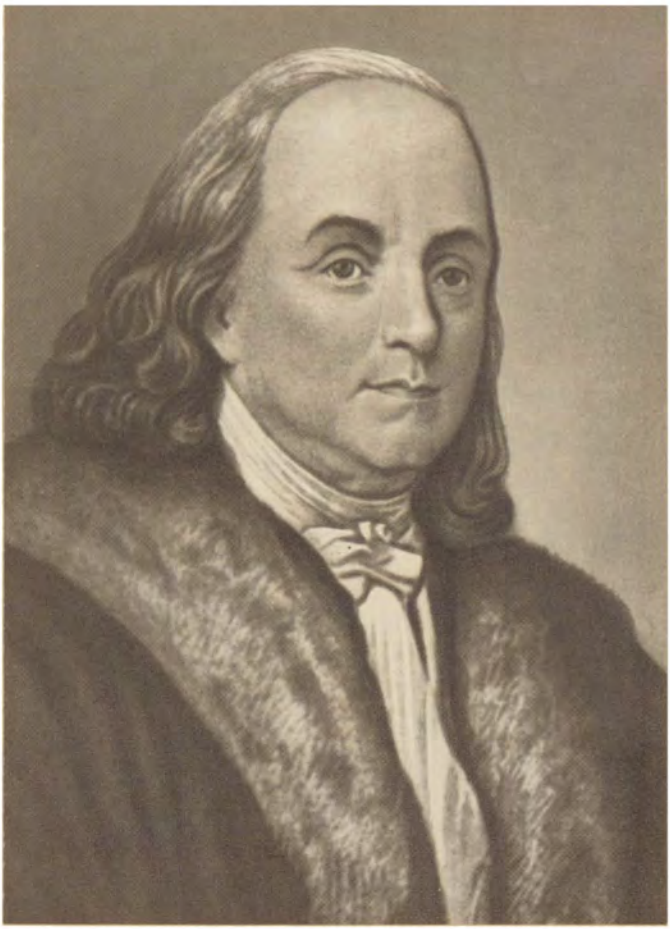
Избранные произведения

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

*

Общая редакция
и вступительная статья
проф. БАСКИНА М. П.



ВЕНИАМИН ФРАНКЛИН

ВЕНИАМИН ФРАНКЛИН

Вениамин Франклин (1706—1790) принадлежит к числу выдающихся американских прогрессивных мыслителей и общественных деятелей. Он сочетал в своем лице крупнейшего ученого-энциклопедиста, блестящего пропагандиста просветительских идей и активного деятеля буржуазной революции. По решению Всемирного Совета Мира 250-летие со дня рождения Франклина отмечалось во всех странах.

Научная и общественная деятельность Франклина неразрывно связана с американской буржуазной революцией, с справедливой войной американского народа за свою независимость в 1775—1783 годах.

В трудах В. И. Ленина война английских колоний в Северной Америке охарактеризована как национально-освободительная война, имевшая всемирно-историческое значение. В работе «О брошюре Юниуса», написанной в 1916 году, Ленин, определяя всякую войну как продолжение политики иными средствами, отметил, что национальные войны, включая национально-освободительную войну Северо-Американских Штатов против Англии, являются неизбежным продолжением национально-освободительной политики колоний, направленной на свержение власти своих поработителей. В 1918 году в статье «О чесотке» Ленин одобрительно отзывается о способностях северо-американцев, сумевших в своей освободительной борьбе против Англии использовать противоречия между англичанами, испанцами и французами с тем, чтобы добиться в конечном счете политической и экономической независимости от любых иностранных государств. Еще более подробно останавливается

Ленин на войне американских колоний против Англии в своем «Письме к американским рабочим», написанном в августе 1918 года. Ленин решительным образом протестует против отождествления справедливой войны, которую вел американский народ в конце XVIII столетия, с несправедливыми войнами, которые велись американскими империалистами в конце XIX и в начале XX века.

«История новейшей, цивилизованной Америки, — писал Ленин, — открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку...» [1].

С тех пор, отмечает Ленин, прошло около 150 лет, и американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, сам оказался в капиталистическом наемном рабстве у кучки миллиардеров. Ленин указывает на две революционные традиции в истории Америки — войну за освобождение против англичан в XVIII веке и войну против рабовладельчества в XIX веке. Эти войны не имеют ничего общего с империалистическими войнами более позднего периода, которые велись американской буржуазией вопреки интересам народа.

Американская революция XVIII столетия была буржуазной революцией. Однако она была поддержана широчайшими массами народа и подчас вызывала ужас и страх у американских капиталистов, возглавлявших войну против Англии. По образному выражению Маркса, эта революция «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии...» [2]. Среди крупных американских торговцев и наиболее богатых плантаторов появились люди, именовавшие себя «лоялистами». Они требовали лояльного отношения к английской власти, подчеркивали свою преданность королю и его агентам. Среди буржуазии, поддерживавшей революцию, существовало влиятельное консервативное крыло, выступавшее одновременно как против английских поработителей Америки, так и против американских рабочих и фермеров. К этой группе принадлежали даже такие люди, как Вашингтон. И только наиболее радикальная часть американской буржуазии полностью поддерживала рево-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 44.
[2] *К. Маркс*, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 7.

люцию. К последней принадлежали такие известные деятели, как Джефферсон, Пейн и Франклин.

Основную революционную силу представляли в тот период мелкие фермеры, ремесленники и наемные рабочие. Были среди революционных активистов и негры. По официальным данным, в 1778 году в войсках Вашингтона приходилось в среднем по 54 негра на батальон.

Франклин относился с настороженностью к «плебейской» части революционных американских войск, но, как искренний патриот, отстаивающий национальную независимость своей родины, он прекрасно понимал, что без масс, самоотверженно борющихся с английскими оккупантами, победа революции невозможна. Поэтому Франклина высоко ценили на американском континенте. Он был признанным вождем революции, ее замечательным идеологом.

Франклин отстаивал демократические позиции, хотя и не был сторонником якобинских методов ликвидации старого режима. Сохранилось письмо знаменитого французского химика Лавуазье, казненного в 1794 году революционным трибуналом, в котором Лавуазье, считая революцию законченной и возражая против деятельности якобинцев, вооруживших французский народ, сожалеет, что Франклин не находится в данный момент во Франции. «Мы очень сожалеем, — писал он американскому просветителю, — что в настоящий момент вы не во Франции; вы были бы нашим руководителем и указали бы нам тот предел, которого мы не должны были переходить» [1].

Лавуазье был прав, считая Франклина своим единомышленником в понимании цели и задач революции, но он был неправ, ища в Франклине сообщника в борьбе против вооруженного народа. В отличие от Лавуазье Франклин прекрасно понимал, что революцию нельзя совершить силами одной буржуазии или силами лишь буржуазной интеллигенции. Придерживаясь чисто буржуазных взглядов на революцию, Франклин не хотел участвовать в подавлении народных отрядов революции. Он рассматривал революционные массы как союзника, с которым следует серьезно считаться.

Подобно другим буржуазным просветителям Франклин идеализировал капиталистический строй и его носителей. Однако он отнюдь не считал крупных капиталистов «солью земли». В ряде своих работ он высказывает мысль о том, что центральной фигурой в тогдашней Америке является простой

[1] См. *О. Старосельская-Никитина,* Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции 1789—1794, изд. Академии наук СССР, М. — Л. 1946, стр. 157.

человек, своим трудом добывающий для себя и своей семьи средства к существованию.

В записке, составленной «К сведению тех, кто собирается переехать в Америку», Франклин открыто заявляет, что любителям легкой наживы нечего делать в его стране. Он утверждает, что в Северной Америке почти нет крупных богачей, столь характерных для европейского общества. В то же время американский континент, по его словам, не знает людей, умирающих от голода. Он уверяет, что в своей подавляющей части жители Америки — это скромные труженики, живущие не за счет привилегий, полученных по наследству, а благодаря своему труду, своим трудовым навыкам и способностям.

«...Хотя в этой стране, — пишет Франклин, — мало таких несчастных людей, как бедняки в Европе, но здесь также мало тех, кого в Европе называют богачами; здесь преобладает счастливая середина. Здесь мало крупных землевладельцев и мало арендаторов. Большинство людей обрабатывает свою собственную землю или занимается ремеслом или торговлей; очень мало людей настолько богатых, чтобы праздно жить на ренту и доходы и платить бешеные деньги, которые дают в Европе за живопись, скульптуру, архитектуру и другие произведения искусства, скорее любопытные, чем полезные... Гражданских чинов и должностей немного, и нет, в отличие от Европы, излишних должностей; а в некоторых штатах установлено правило, что никакая служба не должна быть столь выгодна, чтобы ее добиваться ради этого» [1].

Франклин зовет в Америку не тех, которые не имеют никаких других достоинств, кроме знатности, а лишь тех, которые знают какое-нибудь полезное ремесло, любят труд.

Из вышеприведенных нами высказываний Франклина явствует, что он рисует Америку своего времени как мелкобуржуазную страну, в которой крупные капиталисты не пользовались еще никакими привилегиями.

В самом начале своей «Автобиографии» Франклин с некоторой гордостью заявляет: «... по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности...»

Подчеркивая приоритет мелкого труженика над богатым бездельником, Франклин вовсе не предполагал ограничить пределы капиталистической собственности. Его больше устраивала умеренная социально-политическая программа Вольтера, чем мелкобуржуазный радикализм Руссо. Однако, подобно Вольтеру и Руссо, Франклин боролся за торжество новой,

[1] Настоящее издание, стр. 585.

более прогрессивной капиталистической формации, выступал против феодальных пережитков, которые в условиях Америки того времени усугублялись отвратительной системой рабства. В этом — огромная историческая заслуга Франклина.

Франклин был прежде всего сыном своей эпохи. Он был идеологом той революции, о которой хорошо сказал Уильям Фостер в своем «Очерке политической истории Америки»:

«Волна революций, прокатившаяся по всему американскому континенту, была не просто выражением возмущения народов, вызванного нестерпимыми экономическими и политическими условиями жизни, хотя это возмущение и лежало в основе развернувшейся борьбы. Американские революции являли собой прежде всего наступательное движение, мощное усилие подымающегося класса, стремившегося утвердить свою волю и установить в мире новый порядок под своим господством. Этот новый общественный строй — капитализм — несмотря на то, что он нес с собой угнетение, войны и варварскую эксплуатацию трудящихся масс, означал крупный шаг вперед по сравнению с феодализмом» [1].

Общественно-политическая и теоретическая деятельность Франклина также явилась крупным шагом вперед. Его имя навсегда вошло в историю науки, в историю просветительской философии XVIII века.

* *
*

Франклин получил широкую известность как естествоиспытатель, как выдающийся представитель передовой технической мысли XVIII столетия, как блестящий знаток политической экономии, как историк, социолог и философ. Он был также автором замечательных литературных произведений, метких памфлетов, остроумных пародий на «священные» книги.

Будучи принципиальным противником чисто кабинетной науки, оторванной от жизни, Франклин постоянно связывал свои теоретические занятия с действительностью, с конкретными задачами борьбы за независимость своей родины. Франклин был мыслителем универсального склада.

Особой известностью пользовались научные труды Франклина в области физики и в первую очередь по разработке теоретических и практических проблем электричества. Опираясь

[1] *У. Фостер*, Очерк политической истории Америки, Издательство иностранной литературы, М. 1955, стр. 162.

на глубокий теоретический анализ и экспериментальные исследования, Франклин доказал электрическую природу грозы и нанес тем самым чувствительный удар старым, теологическим представлениям о сверхъестественной природе молнии.

В знаменитом письме от 7 ноября 1749 года Франклин изложил свои доводы о тождестве молнии и электрической искры. И искра и молния, доказывал он, обладают способностью зажигать тела; и электрическая искра и молния могут вызывать смерть живых существ. Франклин ссылается, с одной стороны, на случаи, когда молния убивала людей, а с другой стороны, на свой опыт умерщвления курицы при помощи разряда лейденских банок. И искра и молния, заявляет он далее, производят примерно одинаковые механические разрушения и вызывают запах, напоминающий запах сгоревшей серы. И молния и электрическая искра следуют по одним и тем же проводникам. Наконец, электрическая искра, так же как и молния, в состоянии расплавлять металлы. Отсюда Франклин умозаключает: так как и тут и там действуют те же причинные связи, то, следовательно, мы имеем прямое доказательство существования атмосферного электричества.

В этих рассуждениях Франклина наглядно проявляется его философское мировоззрение. Он решительно отбрасывает всякое вмешательство «потусторонних сил» в дела природы. Франклин признает объективное существование материи, объективные причинные связи явлений. Он считает, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия, и на этом основании признает за наукой возможность предвидения будущего.

Настойчиво занимаясь проблемой использования электричества для всевозможных практических целей, Франклин явился одним из изобретателей громоотвода. Он построил первый громоотвод в 1752 году, а спустя 10 лет громоотводы стали применять в Англии. В 1769 году громоотводы получили распространение в Германии, а затем и в других странах Западной Европы.

Научные открытия Франклина, а также их успешное практическое применение создали американскому ученому мировую славу. Однако Франклин не сразу получил признание. Английское Королевское общество, куда был послан доклад о его научных открытиях, не сочло достойным опубликовать его. Доклад о тождестве молнии и электричества, прочитанный на собрании Королевского общества по просьбе Франклина доктором Митчел, был высмеян знатоками. Только после того, как этот доклад с помощью известного ученого Бюффона был переведен на французский язык и напечатан в Париже, а также после издания работы Франклина об электричестве на итал-

янском, немецком и латинском языках, она вновь поступила на рассмотрение английских ученых и получила с их стороны благожелательную оценку.

Исходя из дипломатических соображений, сам Франклин не счел нужным раскрыть действительную подоплеку того чрезмерно осторожного отношения, которое было проявлено Английским Королевским обществом к его великому изобретению. Исследования Франклина в области электричества, изобретение им громоотвода нанесли серьезный удар религиозным суевериям и казались английским схоластически настроенным ученым прямым выступлением против божественной воли. Недаром французские просветители говорили о Франклине: «Он низвел молнию с неба и вырвал скипетр у тиранов».

Таким образом, Франклин как ученый, как замечательный экспериментатор и изобретатель вступил в неизбежный конфликт с теологами.

Изобретение громоотвода было не первым и не последним открытием американского ученого. Ему принадлежит целый ряд других, менее известных технических нововведений. Так, например, Франклин еще в 1742 году, т. е. за 10 лет до постройки громоотвода, придумал открытую печь для лучшего обогревания комнат при большей экономии топлива. Франклиновская печь широко применялась в Англии и в Америке.

Больших успехов достиг Франклин в типографском деле. Его собственная типография была своеобразным показательным предприятием.

В своей «Автобиографии» Франклин сообщает, как еще в раннем возрасте он с помощью своего отца изучал технику и научился конструировать в опытном порядке небольшие механизмы. «...Отец, — пишет Франклин, — стал брать меня с собой на прогулки и показывал мне плотников, каменщиков, токарей, медников и других мастеров за их занятиями, чтобы иметь возможность обнаружить мои склонности и определить меня к такому ремеслу, которое удержало бы меня на суше. Мне всегда с тех пор доставляло удовольствие видеть, как управляются со своими инструментами хорошие мастера; мне пошло на пользу и то, что я приобрел некоторый навык и мог сам сделать кое-что в доме, если нельзя было найти мастера; кроме того, я умею своими руками изготовлять небольшие машины для моих опытов» [1].

Франклин вслед за Бэконом развивал идею об органической связи естествознания с техникой. В отличие от Бэкона, который лично был далек от конкретного исследования технических проблем, Франклин являлся выдающимся деятелем и в области

[1] Настоящее издание, стр. 425—426.

теоретического естествознания и в конкретном разрешении технических проблем, внедрении техники в промышленность и в сельское хозяйство.

Реакционная историография сначала не желала видеть в лице Франклина выдающегося естествоиспытателя и техника. Потом она изменила свою позицию и стала рассматривать Франклина *только* как естествоиспытателя. Эта традиция сохранилась до сих пор. А между тем Франклин сыграл большую и притом прогрессивную роль в развитии гуманитарных наук.

Франклин глубоко интересовался экономическими проблемами и сделал в этой области ряд гениальных догадок, высоко ценимых К. Марксом. Так в «К критике политической экономии» Маркс отмечает, что Франклин уже «в своей первой юношеской работе ... формулировал основной закон современной политической экономии» [1]. В примечании ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс называет Франклина знаменитым экономистом, который одним из первых после Вильяма Петти уяснил себе природу стоимости. Маркс цитирует высказывание Франклина о торговле, в котором американский просветитель определяет последнюю как обмен одного труда на другой и на этой основе утверждает, что самой правильной оценкой стоимости всех вещей является труд. Для Франклина задача сводится к тому, чтобы найти способ измерить эту стоимость с возможной точностью.

Вместе с тем Франклин, подобно другим буржуазным экономистам, идеализирует капиталистический способ производства, считает его естественным, соответствующим природе человека, и не видит его эксплуататорской сущности.

Так, в ряде своих работ — «Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым», «Как сделать, чтобы у каждого человека в кармане было много денег», «Совет молодому торговцу» и др. Франклин исходит из того, что деньги сами рождают другие деньги и что поэтому богатство буржуазии основано на ее «трудолюбии» и «расчетливости». В своей работе «Совет молодому торговцу» Франклин прямо пишет: «Помните, что деньги обладают способностью размножаться. Деньги могут производить деньги, и эти новые деньги могут тоже рождать деньги и т. д. Пять шиллингов превращаются в шесть, которые затем превращаются в семь шиллингов и три пенса и т. д., до тех пор, пока не превратятся в сто фунтов. Чем больше денег, тем больше они производят при каждом обороте, так что прибыль растет быстрее и быстрее. Тот, кто убивает одну свиноматку, тот уничтожает всех ее отпрысков до тысячного поколения.

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 44.

Тот, кто уничтожит одну крону, тот уничтожает все, что она могла произвести, — десятки фунтов» [1].

Отсюда видно, что Франклин рассматривает прибыль, получаемую купцами и промышленниками, как законный процент на вложенный капитал, который возникает якобы независимо от эксплуатации пролетариата, не за счет пролетариата.

Франклин придает почти «чудодейственное» значение кредиту и дает ряд «практических советов» молодым буржуа, которые хотят пользоваться доверием у своих кредиторов. Кредит, пишет он, зависит часто от самых незначительных поступков. Стук молотка в ранние утренние часы, услышанный кредиторами, заставит их подождать еще полгода после официального срока внесения денег. Однако если кредиторы увидят молодого буржуа за биллиардом или услышат его голос в кабачке, то они пришлют за деньгами на следующий же день и будут требовать их без какого бы то ни было снисхождения. Отсюда вывод: для того чтобы разбогатеть, необходимо быть бережливым и скромным, экономить каждый пенс и таким образом успешно накоплять капитал.

Эти советы Франклина современные реакционные историки политической экономии в США и других капиталистических странах подымают на щит. Однако они «забывают» об одном факте: Франклин выступал в защиту капитализма в тот период, когда капитализм только боролся за свое существование, когда капиталистический строй был прогрессивным общественным строем по сравнению с феодализмом; современные буржуазные экономисты защищают умирающий и загнивающий капитализм, защищают его не от феодализма, а от социалистического общественного строя, неизмеримо превосходящего капитализм. К тому же следует отметить, что и в свою эпоху Франклин отнюдь не думал, что паразитизм магнатов капитала заслуживает одобрения или уважения. Он мечтал о том, что все люди будут заняты когда-нибудь общественно полезной работой и тогда им станут неизвестны нужда и бедность. Он даже пытался подсчитать, какой рабочий день можно было бы установить для всех граждан, если бы в обществе все без исключения занимались трудовой деятельностью, и пришел к выводу, что 4-часовой день окажется вполне достаточным. Здесь Франклин не понял одного: что в капиталистическом обществе четырехчасовой рабочий день для трудящихся является утопией, ибо развитие капиталистического способа производства связано в конечном счете с ухудшением положения трудящихся масс. Поэтому его высказывания против тунеядства, за установле-

[1] Настоящее издание, стр. 82.

ние четырехчасового рабочего дня не имели и не могли иметь серьезного практического значения. Однако сама постановка этих вопросов наглядно свидетельствует о гуманизме американского ученого, о том, что он был значительно прогрессивнее своих современников из лагеря американской буржуазии, которые как накануне, так и в период буржуазной революции выступали за ничем не ограниченную эксплуатацию трудящихся масс.

Современные буржуазные экономисты не хотят признать в человеческом труде меру стоимости, т. е. как раз то рациональное и глубокое, что содержится в экономических трудах Франклина и за что его в особенности ценили основоположники марксизма. Зато эти буржуазные экономисты пытаются увековечить те положения в работах выдающегося американского мыслителя, которые могут в какой-то степени служить апологии капиталистического строя.

Передовые ученые всех стран противопоставляют фальсифицированному Франклину подлинного Франклина. Его главный, действительный, а не вымышленный недостаток как экономиста заключался в том, что он не понял подлинной сущности труда, а главное — не сумел увидеть источника прибыли капиталиста, не понял, что капиталистический строй основан на эксплуатации труда капиталом. Вот почему Маркс отмечает: «Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее движение науки, так как он рассматривал только отдельные вопросы политической экономии в связи с определенными практическими поводами» [1].

Наиболее сильной стороной Франклина как экономиста была его глубокая вера в способность общества бесконечно развивать технику и применять технические изобретения в интересах высвобождения людей от тяжелого физического труда. Однако Франклин видел только зарю капитализма в Америке, он не замечал того, что эксплуататоры используют технику в сугубо корыстных интересах — для еще большей эксплуатации трудящихся, для увеличения прибавочной стоимости. Франклин вопреки многим своим современникам выступал за технический прогресс, видя в нем не прогресс в искусстве увеличения прибылей капиталистов за счет народных масс, а прогресс в действительной власти человека над природой. Именно, исходя из такого понимания роли технического прогресса в развитии общества, Франклин дал свое замечательное определение человека — как животного, делающего орудия.

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 46.

Как известно, это высказывание Франклина Маркс цитирует в своем труде «Капитал».

Исключительный интерес представляют исторические труды Франклина, его исследования первобытного человеческого общества, его работы по истории английских колоний в Америке. В них Франклин не только опирается на множество фактов и сведений, ранее остававшихся в тени, но и пытается дать им объяснение с своих просветительских позиций. Франклин интересуется — и в этом его большая заслуга — не деятельностью царей или полководцев, а деятельностью широких народных масс, хотя он, подобно другим буржуазным просветителям, не видит главного — антагонистических отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

В своем известном исследовании «Заметки относительно дикарей Северной Америки» Франклин дает яркий анализ жизни и быта индейских племен. Он использует для этого свои собственные наблюдения, а также опыт многочисленных путешественников, изучавших те или иные стороны жизни, быта индейцев, и приходит к ряду принципиальных теоретических выводов и обобщений, наносящих резкий удар по расистским концепциям, имевшим широкое распространение среди современников Франклина. Его борьба за человеческие права индейцев до сих пор не потеряла своего прогрессивного значения.

Франклин на примере индейцев Северной Америки опровергает реакционную расистскую догму о существовании «грубых» народов и народов «благовоспитанных». Если бы мы могли беспристрастно изучать нравы различных наций, указывает американский просветитель, мы не нашли бы ни одного народа, настолько грубого, чтобы у него не было определенных правил вежливости. Точно так же нет и ни одного культурного, благовоспитанного народа, у которого бы не было остатков грубости. Поэтому само деление народов на культурных и некультурных, грубых и вежливых, невоспитанных и воспитанных Франклин считает неправомерным и противоречащим законам истории. Он критикует и высмеивает само понятие «дикарь» и утверждает, что одни народы называют другие народы дикарями только потому, что не понимают их нравов и обычаев. Говоря об индейцах Северной Америки, Франклин доказывает, что если «белые» считают «краснокожих» дикарями на основании их нравов, то в свою очередь индейцы с неменьшим основанием думают то же самое о нравах так называемых культурных народов. «Наш трудолюбивый образ жизни, — пишет Франклин, — они по сравнению со своим считают рабским и низменным, а ученость, которую мы высоко ценим, пустячной и бесполезной» [1]. В дей-

[1] Настоящее издание, стр. 400.

ствительности, утверждает передовой американский мыслитель, индейцы в ряде случаев не только не уступают выходцам из Европы, поселившимся в Северной Америке, но и превосходят их.

С особым уважением высказывается Франклин о демократических традициях индейских племен. Он с воодушевлением пишет, что индейцы ведут разумную трудовую деятельность. Мужчины занимаются охотой, индейские женщины возделывают землю, готовят пищу, воспитывают детей, хранят и передают потомству память об общественных делах. Все эти занятия и мужчин и женщин считаются в одинаковой мере естественными и почетными. Результатом этого является то, что индейцы все решают сообща.

Франклин сообщает подробности об общественных собраниях индейцев, которые проходят в исключительном порядке и организованности. Старики сидят на этих собраниях в передних рядах, женщины и дети — в задних рядах. Так как у индейцев нет письменности, то на женщин возлагается особая обязанность — запечатлевать в памяти все, что происходит во время собраний и передавать это своим детям. Они, по сообщению Франклина, как бы являются летописью собраний и передают из поколения в поколение заключаемые на общественных собраниях соглашения. «Если мы сравним их сведения с нашими записями, — иронически замечает Франклин, — то всегда найдем их точными» [1]. Всякий, желающий получить слово, встает, остальные в это время хранят молчание. Когда выступающий оканчивает речь, он садится на место, и ему дается несколько минут для того, чтобы сосредоточиться, и если он пропустил что-либо, что намеревался сказать, или хочет кое-что добавить к сказанному, он снова может подняться и получить слово. Перебивать других даже в общей беседе считается у индейцев крайне неприличным. «Как это отличается от поведения благовоспитанной английской палаты общин, — пишет Франклин, — где редкий день проходит без какого-нибудь беспорядка, что заставляет председателя кричать до хрипоты, призывая *к порядку*. Как это отличается от способа беседы во многих изящных салонах Европы, где, если вы не произнесли свое суждение с большой скоростью, вас перебьют на полуслове нетерпеливой болтовней те, с кем вы разговариваете, и никогда не дадут докончить вашу фразу» [2].

Таким образом, расхваливая демократические порядки у индейцев, Франклин смело противопоставляет их демократическим учреждениям европейских стран, в которых он видит

[1] Настоящее издание, стр. 401.
[2] Там же, стр. 402.

целый ряд пороков. Франклину приходилось неоднократно вступать в конфликт с английскими парламентариями. Он лично убедился, что английским колониям в Америке нельзя искать защиты у господствующих классов Англии, и поэтому он использовал свой исторический труд об индейцах в интересах борьбы американского народа за свою независимость.

Исторические исследования Франклина всегда поражают своей политической заостренностью. Франклин как историк не забывает никогда о той решающей цели, которой он посвятил большую часть своей деятельности, — борьбе за национальную независимость колоний, за подготовку и проведение в них буржуазной революции.

Франклин дает в своих «Заметках относительно дикарей Северной Америки» немало поучительных примеров из быта индейцев, примеров, обогативших этнографию и историю первобытной культуры. В частности, Франклин отмечает характерные черты, свойственные индейцам, — чувства коллективизма, взаимопомощи, искреннего гостеприимства. Франклин рассказывает о таком характерном обычае индейцев, как оказание помощи случайно забредшим к ним путникам. В каждой деревне есть свободное помещение, так и называемое — «дом чужеземца». Когда к индейцам приходит незнакомец, старики ходят от хижины к хижине и оповещают жителей о появлении гостя. Каждый посылает гостю то, что может дать, — и пищу, и шкуру, и постель. Только тогда, когда гость подкрепится пищей и отдохнет, ему приносят трубки и табак и с ним начинается дружеский разговор. Разговор кончается предложением услуг, если страннику нужен проводник, причем за все эти услуги не берут никакого вознаграждения. Франклин противопоставляет этот обычай обычаю, господствующему у «белых» людей, и приводит при этом слова одного индейца: «Но если я приду в дом белого человека в Олбени и попрошу еды и питья, жители скажут: «Где твои деньги?», и если у меня их нет, они скажут: «Убирайся отсюда, индейская собака»» [1].

Франклин с симпатией характеризует политическое устройство в индейских общинах и опять-таки противопоставляет так называемым дикарям их цивилизованных соседей, всячески нарушающих права человека. У индейцев, заявляет Франклин, нет полиции, тюрем, чиновников, которые бы незаслуженно налагали наказания на жителей. Все управление осуществляется у индейцев Советом мудрецов, поступающим справедливо, в интересах всего народа.

Франклин считает, что все народы должны жить в дружбе и согласии, что ни один народ не вправе иметь преимущества,

[1] Настоящее издание, стр. 405.

не вправе властвовать над другим народом. Исследование Франклина об индейцах Северной Америки напоминает самые яркие страницы исследований Моргана, направленных против буржуазной лжекультуры и высоко оцененных Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Правда, в отличие от Моргана Франклин не смог сделать широких теоретических обобщений о характере первобытно-общинного строя. Он не понял, каким образом и в силу каких причин происходит разложение первобытного строя. Здесь Франклин, как и все буржуазные просветители, искал движущие силы общественного развития в идеях, взглядах, убеждениях и ставил общественную жизнь в прямую зависимость от власти законодателей. Но все же Франклин был принципиальным врагом колониализма и расового или национального гнета. И эти его заслуги не в состоянии умалить современные реакционеры, строящие свою политику на угнетении чужих народов.

Отмечая значение Франклина как историка, нельзя не отметить его главного исторического исследования: «Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании с момента ее возникновения; в плане рассмотрения различных сторон споров, возникавших время от времени между губернаторами Пенсильвании и ассамблеями». Этот труд Франклина опирается на огромное количество исторических документов, фактов из жизни и деятельности различных политических и общественных организаций Пенсильвании. В нем нашли свое отражение большой исторический кругозор американского ученого, умение тщательно изучать первоисточники и делать глубокие, обобщающие выводы, не потерявшие своего значения и по сей день.

«Исторический очерк» Франклина может быть отнесен к лучшим образцам историографической литературы XVIII века. Его можно поставить в один ряд с историческими исследованиями таких французских просветителей, как Монтескье и Вольтер. Кстати сказать, труды Монтескье Франклин высоко ценил, а что касается Вольтера, то Франклин питал к нему дружеские чувства. Во время пребывания Вольтера в Париже Вениамин Франклин с внуком посетил его и получил от французского мыслителя своеобразное благословение: во имя «бога» и «свободы».

Эпиграфом к своему очерку о Пенсильвании Франклин избрал следующие слова: «Те, кто готовы отказаться от основной свободы ради кратковременной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности» [1]. В этих словах изложена

[1] Настоящее издание, стр. 104.

политическая концепция автора. Историю Пенсильвании Франклин рассматривает под углом зрения борьбы пенсильванского народа за свободу и независимость. Франклин не считает нужным скрывать свою политическую платформу, свою глубокую ненависть к колонизаторам и их агентам, угнетавшим пенсильванский народ. Франклин противопоставляет свое понимание исторического процесса феодальным историографам, которые прежде всего интересовались историей царей или полководцев, а не историей незначительных людей третьего сословия. Он высмеивает людей, для которых история представляется непрерывной битвой, а «всякий герой—это сплошной блеск». Однако наряду с людьми, которые способны восхищаться только «великим», иронически пишет Франклин, есть и такие люди, которые восхищаются «менее значительными явлениями». Франклин с гордостью пишет, что он уделяет главное внимание делам колонии, которая до последнего времени почти не упоминалась в наших анналах, колонии, которая одной из последних записана в список британских владений и занимает также и по положению одно из последних мест.

Жители Пенсильвании, пишет Франклин, не отличаются ни знатностью происхождения, ни какими-либо другими достоинствами, которые обычно столь ценятся историками. Но зато Пенсильвания может гордиться счастливым расположением, плодородием своей замечательной почвы, производством полезных товаров, численностью своего населения, судоходством, широтой прав и другими столь же существенными факторами, необходимыми для процветания общества.

Франклин выступает в своем «Историческом очерке» как патриот Пенсильвании, ставящий своей непосредственной задачей доказать при помощи исторических экскурсов право пенсильванского народа на самостоятельное национальное существование.

Франклин в политических целях несколько идеализирует первый период в истории Пенсильвании, период, когда колония только начинала создаваться. Тогда колониальные власти, уверяет он, и подданные жили в патриархальных условиях и относились друг к другу, как относится отец к членам своей семьи. Законы были мудрыми и свято исполнялись. Колониальные власти снисходительно пользовались своими прерогативами. Среди колонистов, уверяет Франклин, почти господствовало равенство. Никто не домогался чего-то большего, никто не был угнетен. Трудолюбие вознаграждалось, знание уважалось, достоинства почитались. Однако в дальнейшем положение коренным образом изменилось. Пенсильвания, по утверждению автора, раскололась на две противоположные группы: «С одной стороны, высокомерный лендлорд, стремящийся превратить

свободных арендаторов в подчиненных вассалов и пожинать то, что им не было посеяно, находящий поддержку лишь со стороны небольшой группы безрассудных и корыстолюбивых людей, зависящих от него; с другой стороны, те, кто достаточно хорошо знает свои права и обладает достаточным мужеством, чтобы защищать их, объединенные как один человек против этого лендлорда и его посягательств» [1].

Франклин не подразумевает здесь раскола общества на противоположные классы; он имеет в виду лишь кучку привилегированных, феодальных и полуфеодальных деспотов и противостоящую им бесправную массу простых пенсильванских граждан, начиная от промышленников и купцов и кончая ремесленниками, подмастерьями и мелкими земледельцами. Однако даже в такой форме подход Франклина к истории Пенсильвании свидетельствует не только о его больших исторических познаниях, но и об умении видеть в историческом процессе борьбу общественных сил.

Франклин придерживался мнения, что борьба в Пенсильвании против деспотизма определяется двумя факторами: циничным попранием правящими кругами законности и конституционных основ и нежеланием пенсильванских граждан терпеть систематическое нарушение их свобод. Франклин в данном случае исходит из характерной для подавляющей части буржуазных просветителей теории общественного договора. Он считает, что если власти нарушили принципы общественного договора, то народ вправе отказать таким властям в повиновении.

В «Историческом очерке» содержится прямое заявление по этому поводу. Франклин говорит, что хартия должна соответствовать в равной мере требованиям верховной власти и правам подданных, соответствовать законам и человеческому разуму. В противном случае хартия теряет свою силу. «Слова *законное правление*, — пишет Франклин, — несут в себе большой смысл. Никакое повеление короля не будет законным повелением, если оно не созвучно закону и не удостоверено одной из его печатей. Формальность в этом случае необходима для того, чтобы воспрепятствовать беззаконию. Если же должностное лицо преступно подчинится незаконным распоряжениям, то оно само будет нести ответственность перед законом» [2].

Мы знаем, что буржуазная французская революция казнила короля, исходя из довода, что король нарушил законность, нарушил принципы общественного договора. Так по крайней мере полагало большинство депутатов, голосовавших за казнь короля.

---

[1] Настоящее издание, стр. 105.
[2] Там же, стр. 110.

Франклин, как идеолог буржуазной революции в Америке, рассуждал таким же образом. Он считал, что жители Пенсильвании имеют моральное право, и не только моральное, но и юридическое право вести борьбу с правительством, если последнее поступает вопреки взятым на себя обязательствам.

Идея Франклина о праве народа на революцию была зафиксирована 4 июля 1776 года в известной Декларации независимости, проект которой составил Томас Джефферсон. В этой Декларации, ставшей законодательным актом буржуазной американской революции, содержится утверждение, что все люди равны и что равенство людей представляет собой самоочевидную истину. Ссылаясь на бога, Декларация сообщает далее, что каждый гражданин молодой заокеанской республики обладает неотъемлемым правом на жизнь, свободу и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждаются правительства, получающие законные полномочия с согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правления грозит этим целям гибелью, указывается далее в Декларации, народ вправе изменить или упразднить эту форму правления и учредить новое законное. правительство, основанное на таких принципах и организациях, какие покажутся народу наиболее пригодными для обеспечения его безопасности и счастья.

«Исторический очерк», так же как и другие исторические труды Франклина, представляет собой как бы конкретную иллюстрацию к Декларации независимости.

Франклин, подобно другим просветителям, смотрит на историю идеалистически. Он глубоко убежден, что идеи в конечном счете определяют ход событий. Но американский просветитель, бывший одновременно крупнейшим знатоком политической экономии, выгодно отличался от своих собратьев по перу глубоким интересом к экономическим условиям жизни. В его «Историческом очерке» содержится немало ценных фактических сведений об экономике английских колоний в Америке, о финансах в Пенсильвании, об экономических противоречиях между Англией и ее американскими владениями.

В главе IV «Очерка» Франклин следующим образом объясняет причины разлада между интересами колонистов и интересами Англии: «Из Англии поступали все товары, потребителями которых были колонисты; они же не были в состоянии поставить свои товары как непосредственно в Англию, так и на другие рынки на равную сумму, и поэтому баланс все время складывался не в их пользу» [1].

[1] Настоящее издание, стр. 168—169.

Таким образом, с точки зрения Франклина, независимость колоний должна привести не только к их политическому подъему, но и к экономическому расцвету.

Большое внимание уделяет Франклин в своих исторических трудах проблеме войн. Здесь особенно сказывается принципиальное отличие его от феодальных историков. Если последние в своих исследованиях по преимуществу интересовались войнами и военными успехами феодалов, то Франклина вопросы мира привлекали значительно больше, чем вопросы войн. Когда же он занимался описанием войн и объяснением их причин, то всегда старался определить, в какой мере военные действия отвечают интересам народа. Франклин различал войны по целям, во имя которых они велись. Одни войны он решительно порицал, к другим войнам относился с сочувствием. Он полагал, что война американского народа против поработителей — англичан заслуживает поддержки всех честных людей мира, в то время как военные действия английских оккупантов противоречат совести и разуму, противоречат общественным интересам. Франклин был глубоко убежден, что народы всегда предпочитают миролюбивую внешнюю политику. Выступления Франклина против поджигателей войн до сих пор сохраняют свою актуальность.

Исключительно большой интерес представляет в этом отношении работа Франклина «Об уголовных законах и об обычае каперства». В ней, опираясь на идеи Монтескье, американский просветитель осуждает войны, ведущиеся в Западной Европе в интересах правящих династий или ничтожной кучки феодалов. Франклин утверждает, что деспотическое поведение по отношению к подданным своей страны выливается в несправедливые войны с соседними странами. Он осуждает несправедливое обращение Англии с Ирландией, говорит о грабительском управлении, осуществляемом английскими купцами в Индии, и в этой связи характеризует войну Англии против американских колоний как *захватническую*. Войну с Голландией (1780—1784) Франклин называет не чем иным, как грабежом и мародерством; движущая сила этой войны, считает он, — надежда нападающих на громадную и легкую добычу. Разбойник, рассуждает Франклин, все равно грабитель, если он действует один или в шайке других разбойников. Поэтому «...страна, которая ведет несправедливую войну, всего навсего *большая шайка*» [1].

Франклин открыто призывает всех честных солдат и офицеров армий, ведущих грабительские войны, не подчиняться своим тиранам, если они отдают приказ напасть и уничтожить безо-

[1] Настоящее издание, стр. 409.

бидную соседнюю страну. Он бичует купцов, которые во времена Франклина нанимали на свой счет шайки головорезов, грабивших купцов соседних стран. «И все же такие вещи делаются купцами-христианами,— пишет с возмущением Франклин, — независимо от того, справедлива данная война или несправедлива, а она вряд ли может быть справедливой для обеих сторон. Это делается английскими и американскими купцами, которые тем не менее жалуются на отдельных воров и вешают дюжинами этих воров, которых они обучили своим собственным примером.

Уже давно пора ради человечества положить конец этому чудовищному преступлению» [1]. Гуманные и справедливые люди, по глубокому убеждению Франклина, не могут не желать всеобщего успеха его миролюбивому предложению.

Интересные мысли содержат написанные Франклином «Высказывания о войне». Франклин предлагает заключить ряд международных соглашений, которые, по его мнению, способны оградить людей от опустошительных войн. В случае войны обе воюющие стороны, замечает он, должны взять на себя обязательство не трогать ни при каких обстоятельствах земледельцев, ибо они трудятся для существования человечества. К этой же категории он относит рыбаков. Нельзя мешать торговцам, которые на невооруженных кораблях снабжают различные народы продуктами первой необходимости. Наконец, Франклин выступает в защиту художников и ремесленников, живущих и работающих в открытых городах. Он протестует против нападения на больницы, требует гуманного отношения к раненым. Грабительские войны, во время которых военные суда грабят купцов в открытом море, Франклин именует пережитком древнего пиратства.

В XVIII веке немецкие князья продавали своих солдат иноземным государям для ведения несправедливых войн. Возникали целые касты наемников, которые за деньги готовы были вести войну с кем угодно и когда угодно. По поводу этих наемников Франклин писал: «...Труд людей, занимающихся грабежом, потерян для страны; они не только тратят все, что добывают, в разгуле, пьянстве и разврате, они утрачивают свои привычки к трудолюбию, редко способны к какой-нибудь порядочной деятельности в мирное время и служат только для увеличения числа разбойников и взломщиков» [2].

Франклин требует, чтобы в интересах человечества бедствия войн и побуждающие их причины были уничтожены. Если

[1] Настоящее издание, стр. 411.
[2] Там же, стр. 564.

уничтожить грабеж, рассуждает он, то будет устранено одно из поощрений войн, и мир, вероятно, будет более прочным и длительным.

Теоретические выступления Франклина о войне и мире сочетались с его активной деятельностью на дипломатическом поприще. Он и тут был не только теоретиком, но и практическим борцом за претворение в жизнь своей прогрессивной по тому времени политической программы.

* *
*

Свои философские взгляды Франклин выработал в результате систематического изучения трудов древних и современных ему авторов. Одной из первых прочитанных им книг были «Жизнеописания» Плутарха. Морализирующие очерки Плутарха вызвали у молодого Франклина особый интерес к проблемам этики. В дальнейшем он написал по этике целый ряд работ, в которых неизменно чувствуется влияние Плутарха. Другой книгой, с которой Франклин познакомился еще в детские годы, были «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта. Идеализированный образ Сократа произвел особое впечатление на будущего просветителя. Сократ стал для него как бы символом борьбы за «истинную философию», не считающуюся ни с какими предрассудками окружающей среды.

Однако значительно бóльшую роль сыграл в философском образовании Франклина Локк. Его главный труд «Опыт о человеческом разуме» Франклин изучил досконально. С Локком Франклина сближала в некоторой степени общая классовая позиция. Локк, по яркому определению Маркса, был «представителем новой буржуазии во всех ее формах — промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовой аристократии против государственных должников, и даже доказывал в специальном сочинении, что буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок...» [1].

Франклин представлял собой более радикальное крыло американской буржуазии. Локк был сыном так называемой «славной революции» 1688 года в Англии. Франклин был сыном американской буржуазной революции, менее компромиссной, чем революция в Англии, но в конечном счете преследующей те же цели.

Материалистический эмпиризм Локка оказал влияние на формирование философских взглядов Франклина, в частности

[1] *К. Маркс,* К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 68.

на формирование его материалистического взгляда на объективное существование единичных вещей, действующих на человека и вызывающих в его сознании соответствующие идеи.

Наконец, Локк выступал сторонником деизма. Он признавал бога творцом вселенной, но вместе с тем утверждал, что вселенная и ее законы существуют сами по себе и не нуждаются во вмешательстве божества. К деизму примыкал и Франклин, признававший вместе с Локком относительную независимость природы.

Усиленно занимался Франклин изучением английских философов Шефтсбери и Коллинса.

Шефтсбери преимущественно исследовал вопросы морали. Его главная книга «Характеристики людей, нравов, мнений и времен» была посвящена этике, основанной на врожденном чувстве нравственности, якобы присущем каждому человеку. Однако Шефтсбери в отличие от теологов утверждал, что мораль может обойтись без религиозной санкции. Шефтсбери в какой-то степени противопоставлял религиозной вере во всемогущего бога принцип деизма, согласно которому люди могут обойтись в повседневной жизни и без вмешательства божества. По собственному заявлению Франклина, Шефтсбери научил его скептически относиться к религиозным доктринам.

Благотворно воздействовал на Франклина Коллинс, написавший такие работы, как «Речь о свободе мысли», «Исследование о человеческой свободе» и др. Коллинс развивал в своих трудах идею детерминизма, т. е. доказывал, что воля человека определяется соответствующими объективными условиями. Он считал, что мысль является не чем иным, как свойством высокоорганизованной материи.

Франклин не был согласен с некоторыми материалистическими положениями Коллинса, но он вслед за Коллинсом стал критиковать теологию.

Во время своего пребывания в Англии молодой Франклин, тогда еще скромный типографщик, познакомился с выдающимся английским философом Мандевилем, автором знаменитой «Басни о пчелах». Он посещал клуб, организованный Мандевилем, и воспринял целый ряд философских идей своего английского друга. В «Автобиографии» Франклин с особым удовлетворением высказывается о своих встречах с Мандевилем.

Влияние Мандевиля на Франклина было особенно благотворным. Недаром Маркс в свое время высказывался о Мандевиле как о человеке с ясной головой, у которого материалистические взгляды сочетались с явно выраженной социалистической тенденцией. Мандевиль оказал влияние на Франклина своей критикой реакционной морали, своим благожелательным

отношением к труду и к трудящемуся человеку. Он убеждал американского мыслителя в несостоятельности важнейших религиозных догматов. Благодаря Мандевилю Франклин стал более критически относиться к идеалистическим утверждениям Шефтсбери.

Большое влияние на формирование философских взглядов Франклина оказали труды французских просветителей XVIII века. Франклин познакомился, и притом обстоятельно, как с атеистическим направлением французской философии, так и с деизмом и стал на сторону последнего. Зная взгляды Гольбаха, Гельвеция, Дидро и их ближайших соратников и последователей, Франклин предпочитал, однако, более умеренную философскую позицию Монтескье и Вольтера, деизм которых он сравнительно легко и быстро усвоил. Следует учесть, что в американских условиях деизм был почти единственно возможной формой борьбы против традиционной религии и идеалистической философии. Ханжески настроенная буржуазия, пришедшая к власти в бывших колониях Англии, не допускала открытой борьбы против теологии. Поэтому Франклин, не отрекаясь от бога, при помощи более умеренных деистических аргументов боролся за научное естествознание, за освобождение науки и философии от церковной опеки.

Эта борьба была нелегкой. Господствующие в Северной Америке пуритане были не менее нетерпимы, чем католики. Достаточно вспомнить знаменитые процессы против «ведьм», организованные в Америке в 1692 году, когда в течение нескольких месяцев были казнены по обвинению в сношении с дьяволом 19 человек. Франклин мужественно критиковал религиозный фанатизм и его влиятельных носителей. Деизм помогал Франклину распространять на американской почве свои передовые, просветительские идеи.

В своей «Автобиографии» Франклин повествует о том, как он еще в 15-летнем возрасте начал сомневаться во многих религиозных догматах, несмотря на строго религиозное воспитание, полученное в семье. Так называемые священные книги не удовлетворяли молодого Франклина, и он стал скептически относиться к самому понятию «божественное откровение». Однажды в его руки попало несколько книг, направленных против деизма. Эти книги оказали на молодого Франклина глубокое влияние. «Аргументы деистов, — писал американский мыслитель, — которые приводились для опровержения, показались мне гораздо сильнее, чем сами опровержения; короче говоря, я вскоре стал самым настоящим деистом» [1].

[1] Настоящее издание, стр. 465.

Воспитанный в религиозном отношении в пресвитерианских правилах, Франклин считал некоторые догмы этого вероисповедания, вроде признания вечных божественных законов или предопределения одних людей к спасению, а других к осуждению, неразумными. В результате он перестал посещать публичные собрания своей секты и сделал воскресенье не днем молитв, а днем научных занятий.

В своей «Автобиографии» Франклин пишет, что от религии он заимствовал только веру в существование бога и в создание мира. Эти принципы Франклин называет сущностью всякой религии и находит их во всех вероисповеданиях. Отсюда он делает уже чисто просветительский вывод: все религии в одинаковой степени полезны, если они поддерживают нравственность, и в одинаковой степени вредны, если они разделяют людей и сеют между ними вражду. Исходя из этого, Франклин призывает к свободе совести, к свободе вероисповеданий и критикует фанатизм в любых его проявлениях.

Интересным является объяснение, данное Франклином, правда, в весьма осторожной и «почтительной» форме, почему он перестал посещать публичные богослужения. На этих богослужениях читались проповеди, с которыми молодой просветитель был принципиально несогласен, ибо они не ставили и не затрагивали ни одного истинно морального принципа. «...Их цель, — писал Франклин, — скорее состояла в том, чтобы сделать нас *пресвитерианами,* чем в том, чтобы сделать нас *хорошими гражданами*» [1].

Это заявление американского просветителя особенно характерно. Он считает, что быть хорошим гражданином важнее, нежели быть религиозным человеком и придерживаться того или иного вероисповедания.

С большим сарказмом рассказывает Франклин о содержании религиозной проповеди, прочитанной однажды пресвитерианским священником. В этой проповеди выдвигалось требование к молящимся соблюдать пять принципов: святость воскресного дня, усердное чтение священного писания, посещение в должное время церковных служб, принятие всех религиозных таинств и, наконец, проявление «должного уважения» к служителям бога, т. е. к духовенству. «Все это, возможно, было хорошо, — заключает Франклин, — но так как это было совсем не то, чего я ожидал от проповеди на этот текст, я потерял надежду услышать о том из какой-нибудь другой проповеди, возмутился и больше не посещал его проповедей» [2]. Быть может, такое поведение и предосудительно, рассуждает Франк-

[1] Настоящее издание, стр. 481.
[2] Там же.

лин, но он не собирается приносить каких-либо извинений, ибо его цель состоит в том, чтобы «изложить факты, а не в том, чтобы их оправдывать».

С целью высмеять религиозных фанатиков, нетерпимо относящихся к инакомыслящим, Франклин написал замечательную, полную искрящегося остроумия «Притчу против преследования», в которой, пародируя теологов, убедительно показывает внутреннюю несостоятельность церковной догматики. «Притча против преследования» Франклина — боевой просветительский памфлет, доступный самым широким слоям читателей.

Этой же теме посвящен научный труд Франклина «Терпимость в Старой Англии и в Новой Англии». В нем Франклин, анализируя историю религии, приходит к выводу, что не было религиозных организаций, которые в той или иной степени не подвергали бы преследованию инаковерующих и в особенности неверующих. Франклин обращается для этого к первым христианам и замечает, что, хотя они считали преследование, проводившееся против них язычниками, чрезвычайно несправедливым, однако сами практиковали его в отношении друг друга. Протестанты жаловались на преследование католиков и в то же время сами преследовали пуритан. Франклин объясняет религиозную нетерпимость тем, что доктрина терпимости не была в то время известна или не была распространена. Люди были убеждены, что тот, кто владеет истиной, вправе преследовать заблуждающегося, с тем чтобы уничтожить заблуждение, а так как каждая секта считала, что обладает подлинной истиной, а любой догмат, отличающийся от ее собственных, рассматривала как заблуждение, то преследование объявлялось священной обязанностью, или догмой. В современных условиях, замечает Франклин, когда идея веротерпимости приобрела широкое распространение, всякое преследование представителей других религий требует решительного осуждения. В результате Франклин приходит к нижеследующему выводу: «Если люди определенным способом поклоняются богу, то этот способ, вероятно, наиболее удобный для них; и если делается добро, то уже неважно, каким способом или кем оно делается» [1]. Франклин считает, что современное ему общество должно окончательно прийти к признанию свободы совести.

Франклином написан остроумный анекдот про храброго и не слишком набожного офицера, который, попав на тот свет, имел любопытную беседу со святым Петром. Этот офицер видел, как души умерших католиков получали в раю определенное

[1] Настоящее издание, стр. 340.

место, представители англиканской церкви и квакеры тоже попадали в соответствующие отделы рая. Зато неверующего офицера святой Петр не знал, куда поместить. Он предложил ему самостоятельно найти в раю подходящее помещение, и это успокоило храброго офицера: он почувствовал себя не меньшим «праведником», чем религиозные люди. Из этого юмористического, полного иронии рассказа Франклина следовал просветительский вывод: атеисты имеют такое же право на легальное существование, как и представители религиозных культов.

Франклин решительно критиковал схоластическую систему воспитания. Он требовал, чтобы школа обучала учащихся наукам, а не теологии. В первом, или низшем, классе, указывал Франклин, необходимо изучать грамматические правила и обращать особое внимание на обучение правописанию. Читать в первом классе нужно не отрывки из священного писания, а басни и небольшие рассказы. Во втором классе учащиеся должны почаще повторять грамматику и запоминать ее основные правила. С помощью учителя ученики должны знакомиться с лучшими произведениями мировой литературы, излагать прочитанное своими словами, произносить слова и фразы правильно, с глубоким пониманием их смысла. В третьем классе, по совету Франклина, необходимо изучать элементы риторики, искоренять дурные привычки речи, бороться с погрешностями против правил грамматики. Франклин рекомендует, чтобы ученики третьего класса заучивали наизусть не духовные псалмы, а короткие речи римских ораторов или сцены из лучших трагедий и комедий. Франклин требовал, чтобы учащиеся изучали древнюю и римскую историю и по мере возможности переходили к истории колоний. В третьем же классе Франклин предлагает начинать изучение естествознания, причем мотивирует он это следующим образом: «Обладая этими знаниями, купец сможет лучше разбираться в товарах, ремесленник сможет улучшить свое дело новыми инструментами, смесями и материалами; науки часто помогают советами новым видам производства, а также дают новые методы обработки земли, которые могут быть применены для пользы страны» [1].

Таким образом, Франклин рассматривает науку не как служанку теологии, а как могучее орудие для практической деятельности людей. Он выдвигает исключительно плодотворную мысль о том, что учащиеся даже низших классов должны знакомиться с промышленной и сельскохозяйственной деятельностью.

---

[1] Настоящее издание, стр. 576.

В четвертом классе ученики должны приобрести дальнейшие познания в самых различных науках и, в частности, хорошо овладеть географией. В пятом классе Франклин предлагает ввести небольшой курс логики. Там же он рекомендует и специальные занятия по философским дисциплинам, в том числе по морали и натурфилософии. Для шестого класса Франклин советует ввести специальное чтение и объяснение произведений выдающихся классиков литературы, начиная от Гомера, Вергилия и Горация и кончая Мильтоном и Свифтом. Вместе с другими произведениями английских писателей Франклин рекомендует труды Локка. Ссылкой на Локка он бросает смелый вызов многочисленным сектантским организациям в Америке, которые считали библию единственной книгой, заслуживающей изучения в школах. Франклин вместо библии советует читать философские книги материалистического направления. Вся намеченная им система школьного образования проникнута идеями просветительства.

В эпоху Франклина одной из самых распространенных книг в учебных заведениях была книга Коттона Мезера «Чудеса незримого мира», в которой автор всерьез рассказывал о кознях дьявола на американской земле. Франклин решительно оспаривает «труды», подобные пресловутому сочинению Мезера. Он считает, что только те учебные пособия соответствуют своему назначению, которые дают учащимся правильное, научное представление об окружающем мире и помогают молодежи не только рационально мыслить, но и рационально действовать.

Франклин заканчивает свой проект об организации истинного образования в Америке мыслью о том, что правильно обученная молодежь сумеет после школы изучить любое дело и любую профессию и принести пользу своей отчизне. Франклин не решается сказать открыто, что религиозное воспитание приносит вред и что государство должно сделать школу независимой от религии и от церкви, однако все его рассуждения о школе сводятся именно к этому и имеют поэтому серьезное прогрессивное значение.

В своих «Заметках относительно дикарей Северной Америки» Франклин специально затрагивает вопрос о церковных проповедниках и в очень осторожной форме приходит к выводу, что вряд ли имеет смысл вести религиозную пропаганду среди людей, придерживающихся иного образа мышления. Он обращается для этого к опыту одного шведского священника, собравшего вождей индейского племени и произнесшего им проповедь о грехопадении, пришествии Христа и т. д. «Когда он кончил, — отмечает Франклин, — поднялся индейский оратор, чтобы поблагодарить его. «То, что вы нам расска-

зали, — сказал он, — очень хорошо. Действительно, очень плохо кушать яблоки (намек на Адама и Еву, незаконно сорвавших плод с древа познания. — *М. Б.*). Гораздо лучше сделать из них сидр. Мы очень обязаны вам за то, что вы были настолько добры, что пришли так далеко и рассказали нам, что вы слышали от своих матерей. В ответ на это я расскажу вам несколько наших историй, которые мы слышали от своих матерей»» [1]. И дальше следует рассказ о сказочных преданиях индейского племени. «Добрый миссионер», уверяет Франклин, почувствовал отвращение к этой пустой сказке и сказал: «То, что я вам рассказал, было святой истиной, а то, что вы говорите, только небылица, вымысел и ложь». Однако оскорбленный индеец резонно заявил: если индейцы ради вежливости верят христианским рассказам, то почему христиане отказываются поверить рассказам индейцев.

Таким образом, Франклин в уста индейцев вкладывает одну из главных идей просветительской философии XVIII века: всякая религия представляет собой сказку, сочиненную людьми с той или иной целью. У каждого народа есть свойственные ему верования и обычаи, и поэтому миссионеры не должны навязывать свои религиозные взгляды чужим народам. Столь же нелепо обращать в свою веру и отдельных людей, у которых другая вера или которые вообще не верят ни в какие религиозные догматы. Сам Франклин принадлежал к числу последних. Он фактически игнорировал все догматы религии и рассматривал бога как некоего идеального конституционного монарха, власть которого ограничена законами самой объективной действительности.

В своей «Автобиографии» Франклин говорит о боге в духе культа разума эпохи французской буржуазной революции. Он называет бога лишь источником мудрости и утверждает, что человеческий разум должен обращаться к богу только за тем, чтобы умножить свои собственные познания. Франклин сообщает, что он придумал даже специальную молитву, в которой в духе просветительского рационализма обращается к богу с одной только просьбой: «Возрасти во мне мудрость, которая откроет мне мое истинное благо». Поэтому в форме молитвы Франклин по сути дела полемизирует с религией, провозглашающей божество источником всех истинных благ. С точки зрения Франклина, истинное благо открывает человеку только его собственный разум.

В этой же молитве Франклин, опять-таки полемизируя в скрытом виде с теологией, обращается к деистическому богу

[1] Настоящее издание, стр. 402.

с просьбой укрепить его решимость исполнять все то, что предписывается мудростью. Этим самым Франклин как бы хочет сказать: не заповеди, установленные богом, должны лежать в основе человеческих дел, а предписания самого человеческого разума.

Франклин заканчивает свое любопытное обращение к богу положением, что человек должен служить богу, делая добро другим людям.

Американский просветитель отбрасывает «потусторонний» мир и признает прежде всего существование реальных вещей, реальной природы, которую следует изучать и с которой человеку приходится вести беспощадную борьбу.

Вся знаменитая «Автобиография» Франклина иллюстрирует основную мысль философа, что жизненных успехов можно добиться, ориентируясь прежде всего на свои силы, а не на божественные предначертания. Даже тогда, когда Франклин ссылается на помощь «божественного провидения», он тут же оговаривается, что бог умудрил его использовать те конкретные земные средства, к которым он постоянно прибегал и которые и принесли ему подлинную удачу.

Франклин считает, что люди сами куют свое счастье и сами повинны в своем несчастье. В своем знаменитом очерке «Свисток» Франклин прямо указывает, что большая часть человеческих несчастий проистекает из-за того, что люди неверно оценивают вещи.

В своих естественнонаучных исследованиях, в своих высказываниях о технике Франклин все время конкретизирует исходное положение своего философского мировоззрения: природа, материальные вещи хотя и созданы божеством, однако изменяются по внутренне присущим им законам, и люди достигают только тогда успехов, когда они действуют на основе этих законов.

Придя к выводу о том, что материя существует объективно, Франклин сделал и другой важный вывод: сознание производно от материи. Этот вывод содержится почти во всех работах Франклина, касающихся конкретных естественнонаучных проблем. Как деист Франклин апеллирует к богу — «творцу действительности», но в самой действительности он видит в первую очередь материальные процессы, которые, по его глубокому убеждению, порождают духовную жизнь. Франклин ни в коем случае не думает, что мысль и сознание человека ниспосланы ему богом. Человеческое сознание он ставит в прямую зависимость от организации человеческого тела. Что же касается последнего, то оно, по мысли американского просветителя, является неотъемлемой частью природы и подчинено объективным законам природы.

В этом отношении особенно характерно небольшое произведение Франклина «Искусство видеть приятные сны». Автор, опираясь на данные физиологии, на собственный эмпирический опыт, доказывает, что в здоровом теле обязательно обретает здоровый дух и что поэтому духовная деятельность человека не содержит в себе ничего «сверхъестественного». В XVIII веке, т. е. в эпоху Франклина, были широко распространены всевозможные мистические теории объяснения сновидений. Нередко религиозные фанатики использовали сновидения как аргумент для обвинения «еретиков» в сношениях с дьяволом. Знаменитая книга средневековых инквизиторов Шпренгера и Инститориса «Молот ведьм», утверждавшая, что во сне, через сновидения дьявол имеет возможность непосредственно совращать людей, пользовалась авторитетом не только среди американских католиков, но и среди их противников — протестантов. В борьбе с обскурантизмом своих реакционных современников Франклин подошел к сновидениям, как к чисто физиологическому процессу, и даже «осмеливался» давать советы тем, кто хотел «добиваться хороших снов и избегать дурных». Советы эти сводились к таким чисто профилактическим мерам, укрепляющим здоровье, как проветривание комнаты, правильный режим дня, прогулки на свежем воздухе и т. д.

Таким образом, на примере сновидений Франклин доказывает, что и бодрствующий и спящий человек — это прежде всего телесное существо, организм, на который действуют различные предметы материального мира. Бросая вызов фанатичному духовенству, он пишет, что когда мы видим во сне демонов, то это объясняется только двумя естественными причинами: праздностью и неумеренным питанием. Из труда Франклина следовал прямой вывод, что не только во сне, но и наяву любые мысли и ощущения человека вызываются действием на него объективно существующих предметов. «... Когда организм находится в стесненном состоянии, — резюмирует Франклин, — то нарушается душевное равновесие...» [1].

Взгляд на сознание, как на продукт материи, определил и теоретико-познавательную позицию Франклина. Франклин утверждает, что мысли человека о природе возникли в результате воздействия предметов и явлений природы на человека, на его органы чувств.

В статье «О работорговле» Франклин развивает важную мысль. Интересы и умы людей, пишет он, действуют удивительно одинаково всякий раз, когда люди оказываются в сходных обстоятельствах. Таким образом, люди мыслят одинаково не потому, что они обладают врожденными идеями, не по веле-

[1] Настоящее издание, стр. 600.

нию бога, а прежде всего в соответствии с действительностью, одинаково влияющей на человеческие умы.

В своем «Историческом очерке конституции правительства Пенсильвании...» Франклин, следуя традиции Монтескье и других французских просветителей, предпосылает своему анализу социальных процессов общее введение, в котором ставит философские и, в частности, гносеологические проблемы. В этом введении Франклин говорит о наличии материальных предметов, которые воздействуют на человека. При этом, для того чтобы еще яснее и конкретнее подчеркнуть материальный характер этого воздействия, Франклин говорит, что предметы воздействуют на человека соответственно двум объективным условиям: своему размеру или своей освещенности. Другим условием воздействия предметов на человека Франклин считает их состояние — движение или покой. В данном случае Франклин стоит на позиции материалистического сенсуализма, т. е. считает, что наши чувства, определяемые наличием действующих на нас предметов, дают возможность прийти в конечном счете к правильному познанию этих предметов. Сначала, учит Франклин, мы занимаемся чувственным созерцанием предметов, а потом приходим к их разумному осмысливанию. Сначала ощущение и восприятие, а затем уже выработка человеческим разумом определенных понятий.

Именно такой подход к проблеме познания характерен для философских взглядов Франклина. В разбираемом нами введении он формулирует его в такой лаконической форме: «Нам более свойственно созерцание, нежели размышление».

Эта мысль Франклина отнюдь не вела его к плоскому эмпиризму. Он все время подчеркивает роль разума, как более высокой ступени процесса познания. Вся его «Автобиография» пронизана решающей мыслью: сначала люди обращаются к ощущению, к опыту, а затем уже из этого опыта делают логические выводы. В этой связи Франклин протестует против безапелляционной, заносчивой манеры опровержения тех или иных доводов. Надо сначала *проверить* свою собственную точку зрения, а затем уже опровергать доводы, кажущиеся неверными. Франклин считал, что его учение об электричестве только тогда сделалось достаточно убедительным, когда оно было подтверждено многочисленными опытами.

В «Правилах клуба, учрежденного для взаимного усовершенствования» Франклин только в первых двух пунктах обращается к отвлеченному знанию, полученному из книг, как методу усовершенствования наших представлений о мире; в 22 дальнейших пунктах он прежде всего требует, чтобы члены клуба исходили не из абстрактных, заранее данных, положений, не из априорных догм, а из жизненного опыта. Для того чтобы

выработать суждения о хороших и плохих поступках, по мнению Франклина, требуется изучить конкретно поступки граждан и лишь потом прийти к выводу, кто достоин похвалы и подражания, а кто совершил ошибку и потому требует осуждения. Рассуждению о вреде порочных страстей Франклин предпосылает требование ответить на вопрос: «Какой несчастный результат невоздержанности вы наблюдали или слышали в последнее время: неблагоразумия, страсти или какого-нибудь другого порока или безрассудства?».

Таким образом, Франклин рассматривает опытное, эмпирическое познание как необходимую предпосылку рационального познания.

Не сомневаясь в объективном существовании природы и ее законов, а также в способности человека познать природу, Франклин считал бесспорным и объективность времени и пространства. Он принимал это как само собою разумеющийся факт. Точно так же он считал само собою разумеющейся объективную сущность причинных связей. В его историческом очерке о Пенсильвании содержится критика телеологического подхода к действительности, т. е. утверждения, что якобы каждый предмет, существующий в мире, поскольку он сотворен богом, выполняет некоторую божественную цель. Хотя Франклин, как деист, признавал сотворение мира богом, он вместе с тем был глубоко убежден, что то, что мы называем «целью», порождено не богом, а самой природой. Даже люди, учил он, ставя перед собою определенные цели, действуют согласно своей природе, т. е. согласно естественным законам. Именно в этом смысле он и начинает введение к своему «Историческому очерку» знаменитыми словами: «Природе человека свойственно достигать бесконечного разнообразия целей на основе нескольких простых принципов». Развивая дальше эту идею и рассматривая человека, как животное, делающее орудия, Франклин считал, что человек, воздействуя на природу и создавая орудия труда, ставит цели, не зависящие от каких бы то ни было потусторонних сил.

Деизм Франклина, так же как и деизм многих других представителей просветительской философии XVIII века, несомненно, выражал слабость, а не силу его мировоззрения. Однако не следует забывать слова Маркса: «Деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и лёгкий способ отделаться от религии» [1]. Деистическая философия Франклина, несмотря на всю ее ограниченность, содержала, несомненно, ряд материалистических эле-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, изд. 2, Госполитиздат, 1955, стр. 144.

ментов и была для него удобным способом борьбы против теологии.

С наибольшей силой просветительские взгляды Франклина сказываются в его социологических воззрениях. Он видит в обществе результат соглашений людей в интересах свободы, причем в первую очередь понимает под свободой право каждого человека на самостоятельную хозяйственную деятельность. Франклин, подобно другим буржуазным просветителям, идиллически рисует себе капиталистический строй как строй, где якобы каждый поступает согласно велениям своего разума и своей совести. В духе идей буржуазной революции Франклин провозглашает равенство людей от рождения. Отсюда его выступление против сословных привилегий, его критика рабства. Франклин выступает в качестве одного из вождей аболиционизма в США, т. е. борется за отмену рабства негров, как вредного, антигуманного института.

Реакционная американская историография всячески преуменьшает роль рабства в развитии американского капитализма. Она рассматривает рабство как случайное явление и на этом основании не придает особого значения и аболиционизму Франклина. На самом деле вопрос о рабстве, борьба между его апологетами и врагами занимают серьезное место во всей американской истории. Вот что писал об этом Маркс: «Подобно машинам, кредиту и т. д., прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Таким образом, рабство представляет собой в высшей степени важную экономическую категорию» [1].

Еще в 1619 году начался ввоз негров-рабов в Северную Америку. В 1663 и 1667 годах был издан закон, воспрещавший освобождение негров, принявших христианство. Особенно велик был спрос на рабов в Виргинии. Первоначально в английских колониях рабов было сравнительно немного. В 1710 году их насчитывалось лишь около 50 тысяч. Однако в 1770 году количество рабов в 13 колониях достигло 462 тысяч. После 1800 года, в связи с быстрым развитием сахарной промышленности и хлопководства, количество рабов стало резко увеличиваться и с тех пор постоянно возрастало. Сторонниками рабства были не только плантаторы, непосредственно заинтересованные в рабском труде, но и многие жители городов — промышленники, купцы и т. д. Буржуазная революция

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, изд. 2, Госполитиздат, 1955, стр. 135.

провозгласила равенство людей и вместе с тем сохранила в неприкосновенности институт рабства в Соединенных Штатах Америки. Поправка Джефферсона к конституции, осуждающая работорговлю, была отклонена большинством голосов. Американская буржуазия в лице многих своих наиболее влиятельных политических деятелей умудрялась в одно и то же время сочинять гимны в честь свободы и поддерживать самую циничную и ничем не прикрытую эксплуатацию негров-невольников.

Нужно было обладать большим мужеством, чтобы подобно Вениамину Франклину выступать в этих условиях за отмену рабства. Франклин выдвинул ряд убедительных аргументов в пользу отмены рабства. Как выдающийся экономист, он раньше других понял, что рабский труд не дает необходимого эффекта, что обработка земли при помощи рабов требует во много раз больше капиталов, чем при использовании труда наемных рабочих. Франклин апеллировал поэтому не к совести соотечественников-рабовладельцев, а к их прямому экономическому интересу.

Другим аргументом Франклина была ссылка на разлагающее влияние рабства на мораль свободных граждан США. Франклин видел, как рабовладельчество вызывало у белых презрительное отношение к трудовой деятельности, как рос на основе рабства паразитизм. Франклин неоднократно указывал, что труд облагораживает человека и является необходимым условием для роста всех гражданских добродетелей. В своей работе «К сведению тех, кто собирается переехать в Америку» Франклин ссылался на распространенную в то время поговорку, что даже сам всемогущий бог является величайшим в мире ремесленником. Высмеивая в этой же статье паразитов-рабовладельцев, Франклин напомнил им слова одного негра о белом человеке, который «*заставляет работать черного человека, заставляет работать лошадь, заставляет работать быка, заставляет всех работать, кроме свиньи. Свинья не работает, она ест, пьет, гуляет, спит, когда захочет, она живет как джентльмен*» [1]. Столь нелестное сравнение рабовладельцев со свиньей, вложенное к тому же в уста черного невольника, свидетельствует о стремлении Франклина до конца разоблачить апологетов рабовладельческого строя.

За несколько недель до смерти Франклин опубликовал небольшую сатирическую работу «О работорговле», в которой от имени некоего мусульманского владыки требовал обращения в рабство христиан. Франклин хотел показать, что невежественные доводы мусульманского апологета рабства ничем не отличаются от «христиáннейших» доводов американских работор-

[1] Настоящее издание, стр. 586.

говцев. И те и другие ссылаются на религию, и те и другие исходят из циничных интересов эксплуататоров, ориентирующихся на бесплатный, даровой труд невольников. Франклин доказывает, что в защиту рабовладельчества нельзя привести ничего, кроме бездарных уверток, нарушающих элементарные законы мышления и элементарные права человека. Некий член дивана Алжира по имени Сиди Магомед Ибрагим так «доказывает» необходимость обращения в рабство захваченных в плен христиан: «А если мы не будем обращать захваченных в плен христиан в рабство, кто в столь жарком климате станет обрабатывать наши поля? Кто будет выполнять черную работу в нашем городе, в наших семьях? Должны ли мы быть в таком случае рабами самим себе? Не надлежит ли нам, мусульманам, проявлять больше сострадания и больше благосклонности к своим соотечественникам, нежели к этим христианским собакам?» [1].

Франклин остроумно замечает, что граждане, живущие в деспотическом государстве, тоже находятся фактически в положении рабов, а потому если мусульмане вернут христианских рабов на родину в Испанию, Португалию, Францию, Италию и другие страны с деспотическим режимом, то они фактически переведут принадлежащих им невольников из одного рабского состояния в другое. Так не лучше ли, восклицает мусульманский рабовладелец, держать христианских рабов в нашей стране, где светит и сияет в полном блеске солнце ислама. Здесь рабы «имеют возможность познакомиться с единственно истинным вероучением и тем самым спасти свои бессмертные души. Те же, которые остаются на родине, не имеют такого счастья. Отсылая рабов на родину, мы, стало быть, отсылаем их из царства света в царство тьмы».

Таким образом, Франклин приходит к выводу о полном тождестве рассуждений и американских и мусульманских рабовладельцев.

Как известно, замечательные выступления Франклина против рабства не принесли при его жизни реальных результатов. Наоборот, с начала XIX века в связи с быстрым развитием в Америке хлопководства и сахарной промышленности количество рабов стало расти с каждым годом и достигло к 1860 году уже около 4 миллионов. Рабовладельческие пережитки сохранились в Америке вплоть до настоящего времени, т. е. после формального уничтожения рабства. Однако несомненно, что деятельность Франклина как аболициониста оказала уже в те времена благотворное влияние на передовую общественную мысль не только в Америке, но и в странах Западной

[1] Настоящее издание, стр. 414—415.

Европы. Франклин вошел в историю как талантливый писатель-гуманист, доказывающий античеловечность невольнических порядков.

Особенно большой заслугой Франклина является постановка вопроса о необходимости борьбы с последствиями рабства. Он указывал, что мало сделать негров свободными, мало формально приравнять их к белым; нужно бороться за *фактическое равенство* черных и белых граждан. В специально составленном Франклином «Плане улучшения условий существования свободных негров» содержатся такие предложения:

1. специальный комитет по наблюдению над положением свободных негров должен защищать их от несправедливости и оказывать им всевозможные дружеские услуги;
2. комитет попечителей должен обучать негров ремеслу;
3. комитет образования должен заботиться о том, чтобы негры регулярно посещали школы;
4. специальный комитет найма должен подыскивать работу для негров, заботиться о том, чтобы талантливые люди обучались соответствующим специальностям.

В качестве президента «Пенсильванского общества содействия уничтожению рабства и оказания помощи свободным неграм» Франклин составил ряд «Обращений к населению», в которых борьба за уничтожение рабства и его пережитков рассматривается как кровное дело всех «друзей человечества». Франклин утверждает, что борьба за освобождение рабов является частью «ясного и доброго духа свободы, который распространяется по всему миру» и что поэтому все просвещенные люди не могут не вдохновляться идеями аболиционизма.

Как и все просветители, Франклин пытается подойти к обществу и человеку с точки зрения абстрактной «человеческой природы». Поэтому рабство он рассматривает как самое жестокое унижение человеческой природы, как нарушение элементарных биологических законов. Рабство превращает человека в животное-автомат. У раба, заявляет Франклин, вырабатывается привычка даже передвигаться подобно машине, т. е. по желанию своего хозяина. У раба приостанавливается мышление. Он знает только одно решающее чувство — чувство страха. Освобожденных рабов, утверждает Франклин, нужно научить пользоваться гражданской свободой, позаботиться об их образовании.

В замечательной сатире «Эдикт прусского короля» Франклин приходит к выводу, что феодальный деспотизм немногим лучше деспотизма рабовладельцев. Он не случайно в связи с этим останавливается на прусском деспотизме, отличавшемся особой нетерпимостью ко всем проявлениям передовой, просве-

тительской мысли. Франклин показывает в своем сочинении, что феодальный произвол препятствует развитию производительных сил общества и насаждает в стране разбойничьи нравы. От лица прусского короля Франклин иронически заявляет: «...мы настоящим также предписываем, чтобы все *воры,* разбойники с большой дороги, грабители, взломщики, фальшивомонетчики, убийцы, развратники и всякого рода мошенники, которые по законам Пруссии должны быть лишены жизни, но которых мы по великому нашему милосердию не считаем уместным повесить здесь, были выпущены из наших тюрем и отправлены на означенный остров Великобританию для лучшего заселения этой страны» [1].

Феодальным разбойникам и убийцам Франклин противопоставляет скромных и трудолюбивых представителей третьего сословия, которым, по его глубокому убеждению, принадлежит будущее.

Как же добиться окончательного уничтожения рабовладельческих и феодальных пережитков? На этот вопрос Франклин, несмотря на свое активное участие в буржуазной революции, отвечает в духе просветительских идей своего времени: нужно заняться перевоспитанием людей и через *просвещение* добиться победы нового, более прогрессивного строя. Среди буржуазных просветителей были люди, которые делали ставку прежде всего на просвещенных монархов. Некоторые просветители доказывали, что главное внимание следует уделять просвещению кучки высокопоставленных государственных деятелей. Франклин принадлежал к представителям более демократического крыла просветителей, которые считали, что главное — это просвещение самих народных масс.

В 1728 году Франклин организовал в Филадельфии своеобразное просветительское общество — философскую «Хунту», ставящую своей целью пропаганду деистического мировоззрения и отдельных научных знаний. В дальнейшем небольшая «Хунта» превратилась в влиятельное просветительское философское общество, причинившее немало неприятностей американскому духовенству.

Характерен демократический состав «Хунты». Туда входили по преимуществу жаждущие знаний ремесленники, подмастерья и даже рядовые рабочие. В «Автобиографии» Франклин сообщает о первых членах «Хунты», ее главных организаторах. В ней были Джозеф Брайнтнал — бывший переписчик у нотариуса, Томас Годфрей — математик-самоучка, Николас Скалл — землемер, Вильям Персонс — сапожник, Вильям Могридж — столяр, Вильям Коулмен — приказчик и др. Входили в «Хунту» и молодые буржуа вроде Роберта Грейса.

[1] Настоящее издание, стр. 359.

Франклиновская «Хунта» изучала главным образом вопросы натурфилософии, морали и политики. Каждый из членов этой просветительской организации выступал по очереди с философскими докладами или лекциями на любую тему по собственному выбору.

«Наши дискуссии, — сообщает Франклин, — проводимые под руководством председателя, должны были быть проникнуты духом искреннего стремления к истине. В них не было места спору ради спора или ради победы, и, во избежание полемического пыла, все слова, выражающие непреклонность личного мнения или прямое противоречие мнению другого, вскоре стали считаться недопустимыми и были запрещены под страхом небольших денежных штрафов» [1].

«Хунта» существовала свыше 40 лет и была на протяжении этого периода лучшей философской школой в провинции. «Хунта» не занималась да и не могла заниматься пропагандой атеизма. Она ставила перед собой более умеренные цели — распространение общих научных сведений о мире и его закономерностях. Однако все члены «Хунты» в той или иной степени критиковали ходячие церковные догмы и вели борьбу против феодально-сословных предрассудков.

Большое внимание уделял Франклин организации в Америке библиотечного дела. В этой области его просветительская деятельность принесла особо богатые плоды. В те времена в колониях не было ни одного хорошего книжного магазина. Любителям чтения приходилось посылать за книгами в Англию. На американском континенте массовое хождение имели только «священные книги». Франклин сообщает, что он прежде всего предложил, чтобы все члены «Хунты» снесли в одну комнату свои личные книги и превратили их в общественное достояние. «Увидев преимущества, которые представляла эта маленькая коллекция книг, — сообщает он в главе шестой «Автобиографии», — я предложил расширить круг читателей, организовав библиотеку на основе общественной подписки» [2]. Он собрал сначала 50 человек — особых любителей книги, которые согласились внести вступительный взнос в размере 40 шиллингов и платить ежегодно 10 шиллингов для пополнения библиотечного фонда. На эти деньги стали выписывать новые книги, и была таким образом создана библиотека. Франклин с удовлетворением сообщает, что вслед за этой библиотекой стали организовываться библиотеки во всех других городах и провинциях. «Число библиотек, — пишет Франклин, — увеличивалось

[1] Настоящее издание, стр. 468.
[2] Там же, стр. 478.

благодаря частным пожертвованиям, чтение вошло в моду, и наш народ за неимением публичных развлечений, которые отвлекали бы его от занятий, стал более начитанным, так что через несколько лет иностранцы отмечали, что у нас люди были более развиты и сведущи, чем люди того же общественного положения в других странах» [1].

Много внимания уделил Франклин созданию в Северной Америке новых учебных заведений. Ему принадлежит заслуга организации так называемой Академии, дававшей возможность молодежи из рядов третьего сословия получать университетское образование. Руководителем этой Академии был избран сам Франклин.

Можно сказать без преувеличения, что нет той области народного образования, где бы Франклин не сказал своего слова, не провел бы мероприятий, содействующих борьбе с невежеством и средневековыми предрассудками.

Как выдающийся философ-просветитель, Франклин особенно большое внимание уделял вопросам морали. Он не был сторонником атеистической морали, подобно Гольбаху и Гельвецию. Уступая теологам, Франклин вместе с Монтескье готов признать, что религиозная мораль содействует облагораживанию нравов. Но вместе с тем он, как и другие просветители, — горячий сторонник светской морали. Понимая под моралью правила и нормы поведения людей, Франклин был глубоко убежден, что эти нормы создаются самими людьми, зависят от людей и имеют мало отношения к заповедям религии.

Франклином написан целый ряд работ по вопросам морали. Однако он считал, что его «Автобиография» является своеобразным учебным пособием по морали. Он начинает главу первую «Автобиографии» с обращения к своему сыну, как бы желая этим сказать: учти опыт своего отца и поступай таким же образом, как и твой отец. «Удача мне неизменно сопутствовала, — заявляет Франклин, — даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг... Кто знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям» [2].

В приведенных нами словах Франклина характерен аргумент, почему сын должен подражать действиям отца. Прежде всего потому, что эти действия привели к *удаче*, к жизненному успеху. Таким образом, мораль, по утверждению Франклина, ставит своей целью служение не богу, а человеку. Моральные

[1] Настоящее издание, стр. 478.
[2] Там же, стр. 418.

правила должны помогать людям добиваться необходимых благ здесь, на земле, а не уповать на несуществующий «потусторонний» мир.

Таким образом, уже с самого начала «Автобиографии» Франклин отмечает человеческий, светский, сугубо земной характер моральных требований. Это в своеобразном, американском оформлении просветительская мораль разумного эгоизма.

Поскольку мораль, с точки зрения Франклина, создается людьми, а не богом, от людей зависит сделать свое поведение достойным, полезным для каждого человека в отдельности и для общества в целом. Он утверждает, что морали можно и должно учиться. Франклин подробно сообщает в «Автобиографии», как он замыслил смелый и трудный план достижения морального совершенства. Я пожелал жить, указывает американский мыслитель, никогда не совершая никаких ошибок, победить все то плохое, к чему меня могли толкать соответствующие обстоятельства. Вначале может показаться, рассуждает Франклин, что после ответа на вопрос, что хорошо и что плохо, человек в состоянии легко совершать хорошие поступки и с такой же легкостью отказываться от дурных поступков. Однако вскоре Франклин обнаружил, что он поставил перед собой гораздо более сложную задачу, чем предполагал вначале. В то время как его внимание было занято тем, как бы избежать одной ошибки, он сплошь и рядом совершенно неожиданно для себя совершал другие ошибки. Стремясь действовать разумно, человек иногда оказывается в плену своих укоренившихся дурных привычек или склонностей. В итоге Франклин пришел к мнению, что простого разумного убеждения недостаточно для предохранения человека от промахов. Для того чтобы добиться устойчивого нравственного поведения, необходимо искоренить в себе вредные привычки. Для этой цели, сообщает Франклин, он выработал специальный метод. Существо этого метода сводится к выработке главных «моральных добродетелей» и к уяснению тех приемов, при помощи которых каждая из этих добродетелей станет для человека обязательной, само собою разумеющейся нормой поведения. Франклин называет целых 13 «добродетелей» этого типа, причем ни одна из них не имеет никакого отношения к религии.

Франклин начинает перечисление своих моральных заповедей с «воздержания», причем сразу становится очевидным, что он вкладывает в понятие воздержания отнюдь не средневековый принцип аскетизма. Речь идет о праве человека удовлетворять свои материальные потребности, но в духе разумного эгоизма. Франклин учит, что чрезмерное насыщение пищей может принести вред пищеварению, т. е. человеческому телу, а все, что вредно человеку, его организму, то, по Франклину,

аморально. Таким образом, франклиновская идея «воздержания» прямо противоположна средневековому аскетическому учению об умерщвлении плоти.

Второй моральной заповедью Франклин провозглашает «молчание», конкретизируя его требованием говорить только то, что может принести пользу мне и другим людям. Здесь опять-таки, не называя религии, Франклин в скрытой форме полемизирует с теологами, которые выше всего ценят религиозные проповеди.

Третьей добродетелью Франклин провозглашает «порядок», подразумевая под ним систематичность и организованность человека в его занятиях. Он говорит далее о таких «добродетелях», как «решительность», «бережливость» и т. д., причем в качестве особой самостоятельной добродетели называет «трудолюбие». Не терять времени попусту, заявляет Франклин, быть всегда занятым чем-либо полезным, отказываться от каких бы то ни было ненужных действий — только при соблюдении этих условий человек вправе считаться действительно трудолюбивым и моральным. Здесь Франклин не только критикует паразитизм феодалов и рабовладельцев, но и намекает на паразитизм церковников. Только в последней, 13-й «добродетели» Франклин как будто отдает дань религии, выдвигая требования «подражать Иисусу». Однако тут же он в один ряд с Иисусом ставит Сократа и таким образом рассматривает Иисуса Христа не как бога, а как историческую личность. Этим самым он снова использует свои принципы морали для борьбы с духовенством.

Франклин сообщает в «Автобиографии» ряд характерных подробностей о борьбе за моральное усовершенствование и открыто признает, что не достиг в ряде случаев желательных успехов.

Подводя итоги своим рассуждениям о морали, Франклин чистосердечно заявляет, что у него нет и следа специфических догматов какого бы то ни было вероисповедания. «Я сознательно избегал их», — восклицает он.

В главе седьмой «Автобиографии» Франклин неожиданно для читателя заявляет, что он признает бессмертие души и считает, что бог непременно вознаграждает добродетель и наказывает порок «или здесь, или в загробной жизни». Это положение свидетельствует о том, что Франклин, вступая в противоречие со своими предшествующими формулировками, делает уступку религиозной морали. Однако он и тут не может не критиковать официальных догматов церкви. Утверждение, что вознаграждение добродетели и наказание порока возможно *или* на земле, *или* в загробной жизни, дает возможность оспаривать ориентировку церкви на потусторонний мир. Франклин

как бы заявляет: кто хочет, пусть ориентируется на загробную жизнь, но люди вправе вознаграждать добродетель и наказывать пороки здесь, на земле, причем большинство людей стоит именно на этой, а не на религиозной точке зрения. Большинство людей, заявляет Франклин, «действует не из альтруистических соображений», т. е. руководствуется не верой в бога и в загробную жизнь, а личными интересами, причем наиболее передовые из них с самого начала рассматривают свои интересы как одно целое с интересами родины.

Как бы осторожно ни относился Франклин к пропаганде своей по существу антицерковной, просветительской морали, все же подавляющая часть его современников воспринимала моральную проповедь американского просветителя как вызов религии. Поэтому вплоть до настоящего времени представители церкви или поносят франклиновское учение о морали, или при помощи прямой фальсификации выхолащивают из этики Франклина ее передовую, антисхоластическую направленность.

Большую роль в истории этических учений сыграла нашумевшая работа Франклина «Нравственность игры в шахматы». В ней Франклин сравнивает шахматную игру с жизнью, где люди также борются с соперниками и противниками и имеют возможность и выиграть и проиграть. В человеческой жизни, рассуждает он далее, есть большое разнообразие хороших и дурных событий, являющихся в какой-то степени результатом благоразумия или отсутствия такового. Играя в шахматы, полуиронически замечает американский просветитель, можно научиться многим моральным качествам. В шахматах, как и в жизни, особое значение, по утверждению Франклина, имеет *предвидение*, т. е. способность заглядывать в будущее и взвешивать последствия, которые могут сопровождать какое-либо действие. Из этого Франклин делает вывод: всякий человек должен *разумно* подходить к своим поступкам, взвешивать их последствия и извлекать из каждого шага пользу для себя. Здесь Франклин опять-таки пропагандирует при помощи оригинальной ссылки на шахматную игру принципы разумного эгоизма.

Большой интерес представляет мысль Франклина о том, что, играя в шахматы, мы приобретаем привычку не падать духом и упорно продолжать поиски новых возможностей. Таким образом, Франклин мотивирует оптимизм, доказывает, что человек должен никогда не падать духом, а всегда бодро смотреть вперед. Франклин учит, что будущее принадлежит разуму, который в конечном счете одержит победу над предрассудками. Оптимистическая этика Франклина отражает веру молодой тогда буржуазии в свое торжество над феодалами.

Еще более характерно произведение Франклина «Путь к изобилию», в котором дается яркая критика паразитизма отживающих сил общества, их нравственной порочности и беспомощности. В остроумной речи, приписываемой «отцу Аврааму», Франклин отмечает, что, как ни тяжелы налоги, установленные правительством, «мы платим в два раза больший налог за свою праздность, втрое больше за нашу гордость и вчетверо больше за нашу глупость...» Его «Путь к изобилию» содержит огромное количество метких афоризмов, ярких примеров, народных поговорок, которые должны доказать, что самой худшей болезнью человека является праздность, неорганизованность, пассивность. «*Лень, как ржавчина, разъедает быстрее, чем труд изнашивает*», — восклицает Франклин. Если любишь жизнь, не трать время зря, поучает он, потому что жизнь состоит из времени. Франклин приводит народную поговорку про спящую лису, которая не ловит кур, и, отбрасывая в категорической форме всякие надежды на жизнь после смерти, Франклин провозглашает, что человек будет отсыпаться в могиле, а, пока он живет, он должен думать о жизни и действовать энергично и целеустремленно. «*Подгоняй свои дела, чтобы они тебя не подгоняли*», — остроумно заявляет американский просветитель.

Что значит желать и надеяться на лучшее будущее? — вопрошает он и дает на это следующий ответ: «Мы сами можем улучшить жизнь, если сами как следует примемся за дело». «*Усердие — мать удачи*». «Работай сегодня, потому что ты не знаешь, что тебе может помешать завтра». «Стыдитесь своего безделья». «Снимай рукавицы, бери в руки свои инструменты; помни, что *кот в перчатках не поймает мышь...*» [1]

Много еще других аналогичных советов дает Франклин, причем он открыто признает, что его этика *противоположна* этике феодалов.

Франклину принадлежит замечательное изречение, отражающее народную мудрость, ненависть угнетенного крестьянства к феодалам: «*...земледелец на своих ногах выше, чем дворянин на коленях...*» [2].

В многочисленных трудах Франклина по вопросам морали (почти все они опубликованы в настоящем издании) содержится немало устаревших, наивных положений. Иногда Франклин одобрительно высказывается о капиталистическом накоплении, а в связи с этим и о буржуазном стяжательстве. Однако при всех этих пороках и недостатках, свойственных буржуаз-

[1] Настоящее издание, стр. 98, 99.
[2] Там же, стр. 101.

ным просветителям, он все же стоит впереди многих других своих прогрессивных современников.

Франклина все время занимают судьбы его родины, его народа. Он связывает буржуазную революцию в Америке с антифеодальной революционной борьбой во всем мире. Не случайно поэтому передовые, просветительские идеи Франклина, его выступления в защиту международного сотрудничества в интересах общественного прогресса пользовались особым почетом у передовых представителей русской общественной мысли. Франклина ценили в России и как великого ученого, и как дипломата, и просто как человека с высокими моральными качествами.

В конце XVIII столетия произведения Франклина были изданы на русском языке. Так, в 1799 году в Москве в университетской типографии был напечатан «Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений». В этом сборнике были опубликованы краткая биография Франклина, его письма, а главное, многие из его знаменитых работ, наиболее резко разоблачающих феодально-сословный строй и его идеологию.

Включенная в сборник биография Франклина проникнута истинной симпатией к американскому просветителю. Анонимный автор описания «жизни Франклиновой» отмечает демократическое происхождение американского мыслителя, его неутомимое трудолюбие, его пламенную любовь к наукам, «соединенные с прямодушием и честностью...» [1] В биографии особенно подчеркивается значение работ Франклина для истории физики, высоко оценивается деятельность Франклина по созданию громоотвода, наконец, русский автор говорит о содружестве русских ученых, в частности петербургского профессора Рихмана, с передовым американским ученым.

Еще более ценное издание сочинений Франклина было выпущено в Москве в 1803 году. Оно печаталось в типографии Платона Бекетова. Здесь, несмотря на штамп «С дозволения московского гражданского губернатора», составителям нового собрания трудов Франклина удалось довести до русского читателя наиболее радикальный политический документ, написанный Франклином, — его письмо к лорду Гове с протестом по поводу реакционной борьбы Англии против американского народа. Франклин в этом письме говорит об английских колониальных властях как о наглых захватчиках, движимых ненасытным стремлением к накоплению. «Войну, которую объявляют нам англичане, — писал Франклин, — почитаю

[1] «Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений», М. 1799, стр. 9.

я войною несправедливою и вместе безумною. Я уверен, что равнодушное и беспристрастное потомство предаст бесславию тех людей, которые были побудительными причинами оной, и что сама победа не может вовсе изгладить постыдного пятна для генералов, согласившихся добровольно производить ее» [1].

Русский переводчик приводит это заявление Франклина без каких бы то ни было комментариев, однако несомненно его прямое сочувствие американскому народу и его пламенному защитнику Франклину.

Не менее характерны другие отрывки из сочинений Франклина, помещенные в этом русском издании. Русский переводчик и составитель сборника сочинений Франклина особенно охотно цитирует заявление Франклина о существовании бесконечной и вечной материи, о зависимости мыслей человека от его телесной организации, о происхождении земли из другого вида материи и т. п.

Можно сказать без преувеличения, что передовые русские ученые ознакомились с главными идеями Франклина почти одновременно с его соотечественниками в Америке.

Многочисленны высказывания о Франклине русских ученых, философов, писателей. Так, гениальный мыслитель-энциклопедист Ломоносов, работавший параллельно с Франклином над проблемами электричества, относился с большим уважением к американскому просветителю и, расходясь с ним в некоторых специальных научных вопросах, отмечал большое положительное значение франклиновских исследований. «Погружению и восхождению атмосферы кратко коснулся славный господин Франклин...» [2], — писал Ломоносов.

Высоко оценивал Франклина Радищев. В своем «Путешествии из Петербурга в Москву» он называет Франклина *зодчим* в науке об электричестве [3].

О большой роли Франклина неоднократно говорит Пушкин. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», написанной в 1825 году, Пушкин, характеризуя огромное значение Ломоносова, отмечает, что всеобъемлющий гений Ломоносова «предугадывает открытия Франклина» [4]. В 1834 году, снова обращаясь к Франклину, Пушкин подчер-

---

[1] «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», М. 1803, стр. 116.

[2] *М. В. Ломоносов*, Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1950, стр. 252.

[3] См. *А. Н. Радищев*, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, 1952, стр. 213.

[4] *А. С. Пушкин*, Полное собрание сочинений, т. 11, изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 32.

кивает идейную связь между просветительством Вольтера и просветительством Франклина. В работе, посвященной Радищеву, Пушкин вспоминает слова Екатерины II о Радищеве: «Он хуже Пугачева; он хвалит Франклина». Пытаясь объяснить столь враждебное отношение русской императрицы к Франклину, Пушкин делает такой вывод: «монархиня... не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии» [1]. Здесь гениальный русский поэт чрезвычайно глубоко объяснил недружелюбное отношение официальной царской России к деятельности Франклина. Правящие классы старой России ненавидели Франклина, как деятеля буржуазной революции, как борца за свободу американского народа. За это самое Радищев, а вслед за ним и Пушкин высоко ценили американского мыслителя.

Высоко ценил Франклина как государственного деятеля, как борца за национальное освобождение американских колоний, как противника рабства выдающийся деятель декабристского движения В. Ф. Раевский, преданный после декабрьского восстания 1825 года военному суду за участие в тайном обществе. В своей работе «О политике» Раевский противопоставляет Наполеону I, как узурпатору и властолюбцу, Франклина, как одного из вождей американской революции. «Не Бонапарт, — писал Раевский, — сделал революцию: он только воспользовался ею для своего властолюбия... Вашингтон и Франклин — освободители от рабства или Американские Соединенные Штаты...» [2]

Много внимания уделяли Франклину русские революционные демократы. В «Письмах об изучении природы» А. И. Герцена содержится упоминание о Пенсильвании, родине Франклина, одной из первых вступившей в борьбу за освобождение американского народа от английского владычества. Именно в этом смысле и ссылается на Пенсильванию автор «Писем». В политических обзорах Чернышевского, посвященных Америке, Вашингтон, Франклин и Джефферсон рассматриваются как самые выдающиеся представители американского народа. В знаменитой работе «Очерки из истории труда» Д. И. Писарев, не называя имени Франклина, полностью солидаризируется с его критикой американских плантаторов и рабовладельцев.

С глубоким уважением относятся к Франклину в Советской стране.

---

[1] *А. С. Пушкин*, Полное собрание сочинений, т. 12, изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 33.

[2] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, Госполитиздат, 1951, стр. 374.

* *
*

Предлагаемое издание избранных произведений В. Франклина содержит главные его труды, дающие полное представление о Франклине как философе-просветителе, авторе многочисленных антирелигиозных трактатов, выдающемся историке, моралисте и политическом деятеле.

Перевод работ Франклина на русский язык осуществлен с четырехтомного бостонского издания (*B. Franklin,* The Works, Boston 1840, vv. I—IV) А. А. Кисловой, Н. М. Макаровой, Ю. В. Семеновым, А. А. Френкиным и А. Н. Чанышевым. Сверяли перевод Ю. В. Семенов и Н. М. Соболева. Примечания составлены А. А. Кисловой.

В настоящем издании все произведения Франклина расположены в хронологическом порядке. Произведения, дата написания которых неизвестна, помещены в конце издания.

ПРАВИЛА КЛУБА, УЧРЕЖДЕННОГО ДЛЯ ВЗАИМНОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Прочли ли вы эти вопросы сегодня утром с тем, чтобы решить, что вы можете предложить Сообществу касательно любого из них?

1. Встретили ли вы у автора последней прочтенной вами книги что-нибудь замечательное или подходящее для сообщения Сообществу? Особенно в области истории, морали, поэзии, физики, путешествий, механики и в других областях знаний.

2. Какой новый рассказ вы недавно слышали, достаточно интересный для того, чтобы пересказать?

3. Знаете ли вы какого-нибудь гражданина, который недавно потерпел неудачу в своем деле, и что вы слышали о причинах этого?

4. Слышали ли вы недавно о каком-нибудь преуспевающем гражданине, и каким образом он этого достиг?

5. Слышали ли вы недавно, каким образом какой-нибудь богатый человек здесь или еще где-нибудь приобрел свое состояние?

6. Знаете ли вы какого-нибудь гражданина, который недавно совершил поступок, достойный похвалы и подражания, или другого гражданина, который совершил ошибку, от которой нужно предостеречь и которую нужно избегать?

7. Какой несчастный результат невоздержанности вы наблюдали или слышали в последнее время: неблагоразумия, страсти или какого-нибудь другого порока или безрассудства?

8. Каковы счастливые последствия трезвости, благоразумия, умеренности и других добродетелей?

9. Были ли вы или кто-нибудь из ваших знакомых больны или ранены? Если да, то какие лекарства применялись и каково их действие?

10. Кого вы знаете, кто собирается отправиться в путешествие или в плавание, куда?

11. Как вы думаете, имеется ли какая-нибудь вещь, которой Сообщество может сослужить пользу, может быть полезным для *человечества,* для своей страны, для друзей и для нас самих?

12. Слышали ли вы, что со времени нашего последнего собрания в наш город прибыл какой-нибудь достойный чужестранец? Что вы слышали или наблюдали в его характере и достоинствах? И как вы думаете, в силах ли Сообщество помочь ему или поощрить его, если он этого заслуживает?

13. Знаете ли вы о каком-нибудь достойном молодом человеке, недавно начавшем свою карьеру, которого Сообщество могло бы как-то поддержать?

14. Наблюдали ли вы в последнее время какой-нибудь недостаток в законах своей *страны,* о котором следовало бы сообщить законодательным властям на предмет исправления? Или вы можете предложить какой-нибудь полезный закон, в котором ощущается потребность?

15. Наблюдали ли вы в последнее время какое-нибудь нарушение законной свободы народа?

16. Порочил ли недавно кто-нибудь вашу репутацию? И что может сделать Сообщество, чтобы защитить ее?

17. Есть ли человек, в дружбе которого вы нуждаетесь, и может ли вам в этом помочь Сообщество или кто-либо из его членов?

18. Слышали ли вы, чтобы кто-нибудь выступал с нападками на члена Сообщества, и как вы защищали его?

19. Оскорбил ли кто-нибудь вас, от кого Сообщество может потребовать удовлетворения?

20. Каким образом может Сообщество или кто-нибудь из его членов помочь вам в каком-нибудь вашем честном намерении?

21. Есть ли у вас какое-нибудь важное дело, в котором, вы думаете, Сообщество может помочь вам советом?

22. Какие выгоды вы получили в последнее время благодаря кому-либо из неприсутствующих здесь?

23. Есть ли какие-нибудь трудности в вопросах о мнениях, о справедливости и несправедливости, которые бы вы хотели обсудить сейчас?

24. Видите ли вы какие-нибудь недостатки в нынешних порядках и установлениях Сообщества, которые могли бы быть исправлены?

Каждый, готовящийся стать членом Сообщества, должен встать и, положа руку на сердце, ответить на следующие вопросы:

1. Питаете ли вы какое-нибудь особенное неуважение к любому из нынешних членов?

Ответ: Нет, не питаю.

2. Искренно ли вы утверждаете, что любите вообще человечество, независимо от профессии и религии людей?

Ответ: Да, искренно.

3. Думаете ли вы, что можно нанести ущерб имени любого человека, его имуществу и ему самому только лишь за его воззрения и за религию, которую он исповедует?

Ответ: Нет.

4. Любите ли вы истину ради истины, и будете ли вы стараться беспристрастно искать и признавать ее для себя и передавать ее другим?

Ответ: Да.

«ЛЮБОПЫТНЫЙ» № 1

Вторник, 4 февраля 1728—9 годы.

г. Эндрю Бредфорд!

Я решил написать это письмо, чтобы сообщить Вам, что в течение долгого времени я был одним из Ваших благосклонных читателей, а теперь решил сам выступить в качестве автора — не из тщеславия, уверяю Вас, и не из желания показать свои способности, но просто для блага моей страны.

Я часто с сожалением замечал, что Ваш «Меркурий» не всегда одинаково интересен. Опоздания кораблей и недостаток свежих новостей из Европы делают его часто очень скучным; и я обнаружил, что замерзание наших рек имеет то же влияние на новости, что и торговля. С еще большим сожалением я постоянно наблюдал за ростом пороков и безрассудств моих соотечественников, и хотя исправление является собственно заботой каждого человека, т. е. каждый должен исправляться сам, все же в этом случае совершенно справедливо говорят: что является делом каждого, то никого не касается, и дело соответственно не двигается. Поэтому я после долгого обдумывания решил взять это дело в свои руки и ради общего блага решил стать чем-то вроде censor morum, намереваясь с Вашего разрешения использовать «Еженедельный Меркурий», через который мои увещевания будут сообщаться всему миру.

Я сознаю, что предпринятое мной дело очень неблагодарно, и мало ожидаю за свои труды и старания. Более того, возможно я вызову недовольство большинства Ваших читателей, которым не очень-то понравится платить десять шиллингов в год за то, чтобы я им рассказывал об их заблуждениях. Большинство людей восхищается осуждением, когда они сами не являются его

объектом; если кто-нибудь будет оскорблен тем, что я публично разоблачу его личные пороки, то я обещаю, что он получит удовлетворение в самое короткое время, когда увидит своих добрых друзей и соседей в том же положении.

Однако разрешите заверить прекрасный пол, что я всегда буду относиться к нему и к его поступкам с предельной благопристойностью и уважением. Я намереваюсь время от времени посвящать главу полностью им. И если мои лекции каким-либо образом будут способствовать украшению их разума и улучшению их понимания, без того чтобы оскорбить их скромность, я не сомневаюсь, что я добьюсь их расположения и поощрения.

Несомненно, что ни одна страна в мире не порождает столько замечательных умов, как наша; наши гении во всех областях науки способны овладеть в совершенстве любой специальностью, которая нужна человечеству. Но так как только немногие имеют возможность пользоваться хорошими книгами, из-за недостатка которых серьезная беседа еще более редка, несомненно, что будет очень приятно для читателей, если вместо устаревших статей о Московии и Венгрии, Вы развлечете их хорошо подобранными отрывками из книг новых авторов. Это я иногда буду делать, когда случится, что я сам не смогу сказать ничего интересного. Иногда я намереваюсь читать лекции о нравственности или философии, и (потому что я естественно склонен вмешиваться в дела, которые меня не касаются), возможно, я буду говорить о политике. И если я смогу любыми средствами доставить обществу еженедельное удовольствие, которое дает разумное развлечение, и в то же самое время будет поучительно и для читателей, то я буду считать свой досуг проведенным с пользой. А если Вы опубликуете мою статью, то одновременно я прошу всех чистосердечных людей, а также и всех других, которые одобрят это предприятие, стать моими помощниками и корреспондентами.

Теперь Вы, наверное, хотите полюбопытствовать и узнать мое имя и характер. Так как я не стремлюсь к похвалам общества, то я хочу оставить свое имя в тайне; теперь в нашей стране так много членов нашей семьи и родственников, что если бы я полностью подписал свое имя, у меня не было бы ни малейшего опасения быть узнанным по этому имени. Что касается моего характера, то я Вас познакомлю с ним. Я очень осторожен в похвалах самому себе и не хочу трубить о своих достоинствах, однако сейчас я не могу найти в себе ничего предосудительного.

С авторами часто бывает, что в своих первых выступлениях они говорят с читателями следующим образом: «Если это произведение встретит хороший прием, или если это произведение встретит надлежащую поддержку, то в будущем я опубликую

и т. д.». Это только показывает, насколько авторы ценят свои собственные произведения, если они думают заставить общественность аплодировать им, угрожая при этом, что до тех пор, пока не будет одобрено то, что уже написано, они никогда не будут писать (когда, возможно, совсем неважно, напишут они вообще или нет). И так как я не видел, чтобы критики были по этому поводу более снисходительны, то всегда буду избегать говорить подобные вещи. В заключение лишь скажу, что если Вы пришлете мне бутылку чернил и десть бумаги с подателем сего письма, Вы можете рассчитывать снова услышать, сэр, Вашего покорнейшего слугу

«Любопытного».

«ЛЮБОПЫТНЫЙ» № 2

Вторник, 11 февраля 1728—9 годы.

«Всем глупцам не терпится осмеять кого-нибудь,
А оказываются осмеянными сами».

Поп

Где-то в своих мемуарах де ла Рошфуко рассказывает, что принцу де Конде доставляло наслаждение осмеивать людей, и он часто на полдня запирался в комнате с фаворитом, чтобы посмеяться над слабостями или смешными сторонами каждого известного при дворе человека. Этот фаворит потом рассказывал в одной компании, что ни в ком не было столько смешного, как в самом принце; я тоже склонен быть того же мнения. В нас есть общее стремление к такому развлечению, которое, я боюсь, часто сильнее захватывает моих дорогих соотечественников, чем разум; а то одобрение, которое это осмеяние встречает со стороны подрастающего поколения, наполняет меня серьезными опасениями за будущую репутацию моей страны. Молодому скромному человеку (что является наиболее определенным указанием на его способности) это отобьет охоту попытаться что-либо совершить. Опасение быть осмеянным заставляет его скорее оставаться в полной неизвестности и не дает возможности познать свои качества и проявить их перед людьми, чем осмелиться сопротивляться тем, у кого каламбур или насмешка считаются остроумием, сплетня — разумом, а об убедительности аргумента судят по силе голоса.

Давайте посмотрим на Риденциуса, одного из этих остроумных джентльменов. Каким презренным выглядит он в кругу своих ничтожных обожателей! Этот человек смеется над тем, как надета на ком-нибудь шляпа, какие каблуки на башмаках, осмеивает беспечную манеру разговора и даже какой-нибудь личный недостаток; и высшей целью своего низкого стремления

считает ввести в краску кого-нибудь из компании, кто, возможно, отплатит тем же, чтобы свести счеты. Если такой человек превращает насмешку в единственную цель жизни, если это необходимо для его характера или если он вдруг возымеет большое желание растолстеть, пусть питается, и дайте ему совет поискать какого-нибудь глупца, который за один пенс даст согласие, чтобы над ним посмеялись. Но когда друзья встречаются для беседы и отдыха от дел, очень жестоко и некрасиво одного из них сделать предметом насмешек всей компании, и четверым веселиться за счет пятого.

Как это отличается от добродушного и веселого характера Евгения, который всегда говорит с намерением развлечь и угодить и ему никогда не препятствуют в его намерениях. Он получает большее наслаждение от остроумия своих друзей, нежели когда восхищаются им самим; и если один из компании настолько несчастлив, что его больше всех задевают, то Евгений пользуется изобретательной хитростью, чтобы иначе повернуть насмешку, предпочитая самому стать предметом насмешек, чем видеть своего друга сконфуженным.

Среди насмешников я заметил незначительных личностей, которые пишут сатиры, носят их с собой в карманах и сами их читают во всех компаниях, в которых им случается бывать; рассчитывая на плохо́й вкус горожан, они пытаются прославиться на жалких и низких бессмыслицах, за которые люди, у кого есть хоть немного такта, должны их выгонять пинками, а не восхищаться ими. Таких насмешников я считаю самыми неисправимыми из всех моих читателей; кроме того, я думаю, что они будут насмехаться над самим «Любопытным».

Однако единственной милостью, которую «Любопытный» от них просит, является то, что если они не могут сдерживать свое сильное желание писать пасквили, то пусть их нападки будут в виде прямых, честных и резких стихов, потому что нет такой сатиры, которой бы он так боялся, как панегирика.

«ЛЮБОПЫТНЫЙ» № 3

Вторник, 18 февраля 1728—9 годы.

Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solidâ, neque Auster,
Dux inquieti turbidus Adriae,
Nec fulminantis magna Jovis manus.
Hor. *

Говорят, что в Персии в древние времена существовали общественные школы, в которых учили добродетели, как свободному искусству и науке. Для человека важно очень, если он обучен управлять своими страстями вопреки искушениям, быть справедливым в своих действиях, быть воздержанным в своих удовольствиях, стойко переносить несчастья; благоразумно вести себя во всех делах и во всех жизненных обстоятельствах. Я считаю, что для него быть этому обученным гораздо лучше, чем быть магистром всех искусств и наук в мире.

Одной добродетели достаточно, чтобы сделать человека великим, славным и счастливым: тот, кто, как я, знаком с Катоном, не может не думать о нем, как я сейчас, и не признавать, что он заслуженно носит это имя. Катон — это человек, которого судьба занесла в наиболее уединенную часть страны. Его материальное положение немного лучше нищенства, не говоря уже о достатке; и все же, кто более велик, чем Катон? Мне на днях случилось быть в городе в одном доме, где я встретил много выдающихся людей нашего города. Катон имел дело с некоторыми из них и постучался в двери. Самые пустячные поступки человека, по моему мнению, так же как незначительные черточки и линии лица, дают внимательному наблюдателю некоторое представление об уме этого человека. Мне кажется,

---

* Ни суровое лицо грозного тирана
Не выводит из спокойного состояния духа, ни Австр,
Бурный вождь беспокойного Адриатического моря,
Ни рука великого Юпитера-громовержца *(Гораций).— Ред.*

что он постучался так своеобразно, как будто этим хотел сказать, что пришел тот, кто хочет войти и заслуживает разрешения на вход. Он явился в простом деревенском наряде; пальто у него было из грубой материи и выглядело старым и потертым; белье было из домотканного холста, борода, возможно, небрита целую неделю, башмаки толстые и тяжелые; соответственно выглядела каждая часть его одежды. Почему этот человек был принят с таким всеобщим уважением со стороны каждого из находившихся в комнате, даже со стороны тех, кто никогда не знал и не видел его прежде? И не изящная фигура этого человека и не великолепие наряда поразили нас.

Я уверен, что добродетель долгих лет отразилась на его лице. В его лице было что-то такое, что обнаруживало подлинное величие его ума, и это сквозило во всем, что он говорил, в его поведении и заставляло нас относиться к нему со своего рода благоговением. Его вид, приветливый и благожелательный, в то же время исполненный решимости, равно свободный от робкой застенчивости и неподходящей самоуверенности. Сознание своего собственного врожденного достоинства и непоколебимой честности делает его спокойным и неустрашимым в присутствии людей сильных и могущественных и в самых исключительных обстоятельствах. Его строгая справедливость и известная беспристрастность сделали его арбитром и судьей во всех затруднениях, которые имеют место за много миль от него, и это избавляет его соседей от тяжб и неопределенности судебного разбирательства. Он всегда говорит то, что думает; он никогда не боится и не стыдится своих дел, потому что знает, что мысль его справедлива и поэтому ему никогда не придется краснеть и чувствовать смущение из-за упреков во лжи, в которой его нельзя обвинить. Он никогда не имеет зла против своих соседей и поэтому никогда не выглядит мрачным и подозрительным. Сочетание простоты и мудрости делает его одновременно серьезным и веселым. Его щедрое гостеприимство по отношению к чужестранцам соответственно его возможностям; его доброта, его милосердие, его мужество в поддержке угнетенных, его преданность в дружбе, его скромность, его честность и искренность, его умеренность и его верность правительству; его благочестие, его трезвенность, его любовь к человечеству, его великодушие, его общественная энергия, словом, его совершенная добродетель справедливо заслуживает того, чтобы он считался славой своей родины.

Храбрые никогда не избегают света;
Их мысли справедливы, у них открытый нрав;
Они любят и ненавидят свободно, без обмана;
Их легко найти ясным днем,
И небо и люди ценят их деяния.

Роу

Кто бы не захотел, если бы это было в его силах, заслужить такое же мнение о себе, чем быть самым богатым, самым ученым или самым могущественным человеком в провинции?

Почти у каждого человека есть естественное и сильное желание, чтобы люди им гордились и его ценили; но я обеспокоен и огорчен тем, что вижу, как мало людей избирает верный и единственно безошибочный способ достичь этого. Это похвальное стремление обычно неправильно используется и очень часто неверно применяется. Некоторые, чтобы выдвинуться, занимаются наукой; другие хватаются за богатство; иные стремятся к тому, чтобы их считали остроумными, другие заботятся только о том, чтобы быть красивыми; но что такое остроумие или богатство, или внешний вид, или ученость в сравнении с добродетелью? Правда, мы любим красоту, аплодируем учености и боимся богатых и могущественных, но мы поклоняемся и почитаем добродетельных, и это не странно, так как добродетельные люди редки и их так трудно найти. Если бы мы так же стремились быть добродетельными, как и великими, мы действительно бы стали великими при условии, если бы мы были добродетельны, и число замечательных людей сильно бы возросло; но было бы большой ошибкой думать, что можно не быть добродетельным и стать великим человеком; я совершенно определенно считаю, что еще не было действительно великого человека, который в то же время не был бы действительно добродетельным.

О критикан! ты угрюмый философ! ты хитрый государственный деятель! ты ловкий, но далеко не мудрый. Разве тебя будут ценить, уважать и любить так, как Катона? Разве ты среди своих прихвостней встретишь непритворное уважение и сердечную доброжелательность, какую встречает со стороны всех порядочных людей Катон? Неужели ты никогда не поймешь, что раболепное, низкое, смиренное поведение твоих приспешников (так же как поклонение индейцев дьяволу) происходит скорее из-за страха перед тем злом, которое ты им можешь причинить, чем из-за благодарности за блага, которые они получают от тебя? Ты не полностью лишен добродетельности; в тебе есть много хорошего, и люди говорят о многих твоих хороших делах. Послушайся совета твоего друга. Пренебреги заплесневевшими писателями, пусть они покроются пылью и пусть истлевают на своих полках, а ты займись более полезным изучением, изучением человечества и себя самого.

Теперь следует сказать, что «Любопытный» с этого времени строго запрещает всем людям, независимо от возраста, пола, чина, положения в обществе, звания, под любым предлогом наводить справки о том, кто автор этой статьи, чтобы не при-

чинить ему неприятностей (исключение делается только для его близких и дорогих родственников).

Следует сказать, что если в этих статьях будут выведены какие-нибудь дурные люди, то автор не имеет в виду определенных лиц, если только он сам их непосредственно не называет.

К тому же автор не принадлежит к какой-либо партии, а лишь обыкновенный непоседливый человек.

NB. Критикан живет в соседней провинции.

«ЛЮБОПЫТНЫЙ» № 4

Вторник, 25 февраля 1728—9 годы.

Ne quid nimis *

В моей первой статье я приглашал всех ученых и чистосердечных людей присоединиться ко мне, и теперь я снова повторяю это приглашение. Я бы хотел, чтобы они использовали эту возможность (испытать свой талант в писании), позабавить друзей и самого себя и улучшить вкусы горожан. И так как я буду поощрять всякое остроумие местного происхождения, то я обязуюсь, что кто бы ни прислал мне небольшой очерк на моральную или на какую-нибудь другую тему, который подойдет для публики (и который в основном не заимствован у другого автора), я охотно приму его и позабочусь, чтобы его опубликовали. Печально, если мы не сможем собрать по всей стране достаточно материала, чтобы снабдить «Любопытного» по крайней мере на год.

Что касается меня, то я уже открыто признал, что в глубине души в этом проекте я целиком отстаиваю интересы своей родины без малейшего дурного намерения; моей основной целью является внедрение благородных принципов добродетели и борьба со всякого рода пороками. Но так как я знаю, что толпа не любит наставлений и большинством будут прочитаны только первые строчки моих лекций, даже если в этих лекциях не будет ничего, кроме полезных правил и советов, то поэтому я должен

---

* «Nam id arbitror
Apprime in vitâ esse utile, ut ne quid nimis»
Terentius
«Ничего лишнего; я считаю особенно полезным в жизни не иметь ничего лишнего» (*Теренций*). — *Ред.*

иногда ублажать их. В провинции есть целый ряд известных людей, которые являются предметом всеобщего отвращения. Если я смогу время от времени побороть свою неохоту, превозмочь себя и слегка сатирически изобразить одного из этих джентльменов, то тогда ожидание получить такое удовольствие заставит многих прочитать все мои статьи. В противном случае все немедленно приступят к чтению заграничных новостей. Так как я вполне уверен, что самые выдающиеся наши деятели искренне любят свою страну, несмотря на ее неблагодарность и лесть завистливых и злобных людей, то я не сомневаюсь, что они с радостью извинят мне те вольности, к которым я намереваюсь прибегать для вышеуказанной цели.

Пока у меня еще мало корреспондентов, но число их теперь начинает возрастать. Нижеследующее письмо, оставленное для меня в типографии, было одним из первых, которое я получил. Я приветствую его еще больше потому, что оно написано представительницей прекрасного пола, и потому, что я сам часто страдал от посягательств, на которые она жалуется в своем письме.

«Г. ЛЮБОПЫТНОМУ

Сэр!

Так как Вы выдаете себя за censuror morum (так Вы, кажется, себя называете), что, как говорят, означает человека, исправляющего нравы, то я не знаю никого, более подходящего, к кому бы можно было обратиться для устранения всех неприятностей, которые мы переносим из-за недостатка воспитанности в некоторых людях. Вы должны знать, что я одинокая женщина, зарабатываю на жизнь тем, что держу магазин в городе. У меня есть одна соседка, которая довольно приятна в компании и с которой я была близка в течение некоторого времени; но в последнее время она так часто стала заходить ко мне и каждый раз так подолгу оставалась, что я потеряла всякое терпение. У меня совсем нет для себя времени; и Вы, как человек, по-видимому, мудрый, должны понимать, что каждый человек имеет небольшие секреты и тайны, которые неподходящи для того, чтобы раскрыть даже близким друзьям. Теперь я не могу сделать никакой мелочи, без того чтобы она не узнала об этом; и даже удивительно, что я еще нашла возможность написать Вам это письмо. Мое несчастье в том, что я слишком ее уважаю и не знаю, как сказать ей, что я была бы рада, если бы она не так часто приходила ко мне, потому что если я когда-нибудь намекну ей на это, я боюсь, что она так обидится, что никогда больше не переступит моего порога.

Но увы, сэр, я еще не рассказала Вам и половины моего несчастья. У нее двое детей, которые достаточно выросли для

того, чтобы всюду бегать и шалить; они обычно приходят со своей мамашей в мою комнату или в магазин, когда у меня слишком много покупателей или людей, которые пришли по делу. Однажды они сбросили товар с нижней полки на пол, где перед этим один из мальчиков устроил лужу. Моя соседка подняла материал и закричала: «Ах, ты, противный, непослушный шалунишка! Однако он ничего не испортил, материя только намокла немножко», и она снова положила ее на полку. Однажды они залезли в бочонок с гвоздями, который стоит за прилавком, и, к моей великой досаде, развлекались тем, что смешивали все десятипенсовые гвозди с восьмипенсовыми и четырехпенсовыми. Я пыталась, как только было возможно, скрыть свое неудовольствие и с печальным видом пошла сортировать их. Соседка сказала: «Да не беспокойся ты, голубушка, дай им немножко поиграть; перед тем как уйти, я все приведу в порядок». Но ничего не было приведено в порядок, и, после того как они ушли, мне пришлось еще много потрудиться. Таким образом, сэр, я испытываю всяческое беспокойство от надоедливых детей без удовольствия называть их своими собственными; а они теперь так привыкли бывать здесь, что больше никуда не соглашаются ходить. Если бы она была так добра, что сократила бы свои визиты до десяти раз в день и оставалась каждый раз по полчаса, то я была бы довольна и никогда не доставила бы Вам столько беспокойства. Но сегодня утром они так извели меня, что я не могла больше терпеть, потому что, пока мать задавала мне двадцать неуместных вопросов, младший добрался до моих гвоздей и с большим восторгом рассыпал их горстями по всему полу, а другой в это время с таким страшным грохотом колотил молотком по прилавку, что я обезумела. Я как раз в то время собиралась сделать себе чепец нового фасона, но в раздражении и в смущении я вырезала его совсем не так, как нужно было, и совершенно испортила кусок первосортного муслина.

Умоляю Вас, сэр, скажите, что я должна сделать; и в своей следующей статье немного скажите о таких безрассудных визитах; я не хочу, чтобы она сильно обиделась на меня, потому что я так искренне люблю ее и ее детей, как только, я думаю, может любить соседка, и каждый год она покупает очень много вещей у меня в магазине. Но я хочу, чтобы она поняла, что она немилосердна ко мне, хотя я верю, что это только из-за недостатка ума. Но, кроме этого, у меня еще есть вопросов двадцать, чтобы рассказать Вам. Тут живет красивый джентльмен, у которого есть намерение (я не сомневаюсь) жениться на мне, но он не может подыскать удобного случая, чтобы... О, боже! Она опять идет сюда, я должна кончить. Ваша и т. д.

Терпение».

Действительно, этого достаточно, чтобы понять, что ей нужно было сократить свою жалобу, которая, я думаю, уже довольно длинна и, возможно, была бы еще длиннее. Тем не менее я должен сознаться, что не могу не пожалеть мою корреспондентку. В ее интересах убедить свою гостью, чтобы она помнила и приняла во внимание слова мудреца: «Удались из дома твоего соседа, пока он не устал от тебя и не возненавидел тебя». Я знаю, что это вещь хорошая, но и очень трудная — регулировать наши визиты таким образом, чтобы никогда не обидеть хозяина, не приходить очень редко или очень часто, не уходить внезапно или не оставаться очень долго. Однако, по моему мнению, вообще самое лучшее для большинства людей, которые не хотят досадить, — это редко ходить в гости и оставаться совсем недолго, несмотря на настойчивые приглашения, которые чаще всего бывают неискренни. А если люди действительно хотят, чтобы вы задержались, все же в этом случае сдержанность является более легко исправимой ошибкой, чем навязчивость.

Люди подвержены различным неудобствам только из-за отсутствия небольшой доли храбрости, которая является крайне необходимым качеством в простых житейских случаях, так же как и в битве. Как много дерзости мы ежедневно переносим с громадным беспокойством, потому что мы недостаточно храбры, чтобы обнаружить свое отвращение? И почему человек не может использовать свою смелость и свободу, чтобы сказать своим друзьям, что иногда их долгие визиты стесняют его? По этому поводу может быть забавным для некоторых моих читателей, если я познакомлю их с турецким способом принимать гостей, заимствованным мной у бесспорно правдивого автора, который уверяет нас, что турки не так неосведомлены в вопросах вежливости и в искусстве обходительности и что они проявляют вежливость с такой же точностью, как и люди любой другой национальности всякий раз, когда они хотят показаться любезными.

«Когда вы приходите в гости к знатному человеку, — говорит он, — и расскажете все о своем деле или поздравите, или скажете еще что-нибудь, что привело вас сюда, хозяин подает знак, чтобы все приготовить для угощенья, которое обычно состоит из конфет, шербета и кофе; все это моментально вносится слугами и предлагается всем гостям по порядку с чрезвычайным вниманием и благоговением. Наконец, наступает заключительная часть вашего приема — это обкуривание бород собравшихся. Эта церемония выполняется следующим образом. Для этой цели у них есть маленькая серебряная жаровня, покрытая крышкой с дырочками и установленная на красивом блюде. В нее они кладут горячие угли, а на них кусочек

lignum aloes, закрывают ее, и немедленно через дырочки в крышке поднимается дым с приятным ароматом. Этим дымом они обкуривают бороды всех присутствующих, и это является как бы жертвоприношением. Щетинистые бороды так жадно вбирают в себя и впитывают смолистый дым и так долго сохраняют этот аромат, что продолжительное время после этого имеют запах букета цветов.

На первый взгляд эта церемония может показаться смешной, но для турок она является большим удовольствием. И я скажу в ее оправдание, что ее предназначение очень мудро и полезно. Потому что эта церемония понимается, как вежливый намек гостям, что у хозяина дома есть дела или какие-нибудь другие занятия, которые позволяют гостям уйти так скоро, как они захотят, и чем раньше после церемонии, тем лучше. Таким образом в любое время вы можете без всякой обиды избавиться от скучных и неуместных визитов и поспешить к своим делам без того, чтобы принуждать себя лицемерить, как это обычно бывает, и уговаривать еще остаться тех людей, которых вы бы хотели скорее выпроводить за то, что они уже и так вас долго беспокоили».

Таково мнение этого автора. Что касается меня, то мне так понравился этот турецкий обычай, что в будущем я тоже устрою что-нибудь подобное ему. Я заготовлю бутылку хорошего французского коньяка для мужчин и лимонада для дам. После того как я угощу всех и предложу щепотку моего лучшего нюхательного табака, я надеюсь, вся компания удалится и оставит меня продолжать свои занятия на благо общества.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Я хочу всех уведомить, что в настоящее время я составляю и собираюсь опубликовать в ближайшем будущем правдивую историю о происхождении, развитии и прогрессе знаменитого клуба выпивал. Желательно, чтобы все, знакомые с какими-либо фактами, обстоятельствами, характерами, действиями и т. д., необходимыми для выполнения и украшения указанной работы, сообщили все это автору и направляли свои письма в типографию.

Письма, подписанные *«Хочу кем-нибудь стать»*, дойдут по назначению.

«ЛЮБОПЫТНЫЙ» № 5

Вторник, 4 марта 1728—9 годы.

Vos, o patricius sanguis, quos vivere fas est
Occipiti caeco, posticae occurrite sannae.
Persius *

Так как эта статья предназначается для того, чтобы внушить страх всем злодеям, а также, чтобы похвалить всех, кто поступает справедливо, то я преисполнился скрытой радости, обнаружив, что мое намерение одобряется и поощряется справедливыми и хорошими людьми и что против меня выступают только те немногие, которые имеют основание меня бояться.

В поведении большинства людей проявляются мелкие слабости, о которых сострадательные друзья не говорят; закон не обращает внимания и не занимается исправлением небольших пороков и несерьезных проступков; подобно этому иногда крупные преступления совершаются так хитро и так осмотрительно, что закон не может задержать преступников. Все эти вещи и все вещи подобного рода находятся в моей компетенции, как цензора; и я решил быть внимательным к тому делу, которое я себе доверил, и принял решение выполнять свои обязанности прилежно и честно.

Чтобы весь мир мог судить, с какой гуманностью и справедливостью я буду делать эту работу, и чтобы даже мои враги могли убедиться, что я не испытываю удовольствия рыться в отвратительных подробностях жизни порочных людей, и, наконец, чтобы определенные люди могли освободиться от страха и чтобы у них уменьшилось страшное сердцебиение, которое в последнее время они ощущали и ощущают до сих пор, я

---

* Вы, о потомки патрициев, которым суждено жить слепо; страшитесь насмешливой гримасы за вашей спиной *(Персий)*. — *Ред.*

милостиво издаю всеобщую амнистию на все нарушения, преступления и всякого рода проступки, совершенные с начала 1681 года и до дня появления моей первой статьи. Я обещаю, что буду интересоваться только теми преступлениями, которые были совершены с этого дня, и теми, которые будут совершены в будущем. Я не буду обращать внимания на то, кто до этого сколотил себе состояние обманом и угнетением или хитростью и лицемерием; какая женщина была неверна мужу, или какой мужчина грубым обращением или пренебрежением разбил сердце верной жены и растратил свое здоровье и имущество в разврате; какой гнусный негодяй предал своего друга и продал свою честность за золото; и какой еще более низкий негодяй сначала подкупил его, а потом обманул; все это и многое другое подобного рода я забуду и молча пройду мимо; но следует заметить, что я ожидаю и требую немедленного и всеобщего исправления.

Я надеюсь, что эти мои угрозы будут иметь хороший результат и, если с ними будут считаться, могут предотвратить множество глупостей и безнравственных поступков людей и в то же самое время не доставят мне столько беспокойства; и, чтобы люди не могли обольщать себя надеждой скрыть от меня беспринципные проступки и поэтому продолжать свои злодеяния, я должен сообщить им, что недавно я близко познакомился с необыкновенным человеком, который с тех пор написал мне нижеследующее письмо и который обладает удивительной способностью раскрывать наиболее тайные беззаконные проступки и может оказывать мне большую помощь в задуманном мною труде по моральному исправлению людей.

«Господин «Любопытный»,

Я рад, сэр, предоставленной мне возможности быть полезным Вам и через Ваше посредство нашей провинции. Вы должны знать, что обстоятельства моей жизни и удивительные совпадения моего рождения были таковы, что я обладаю способностью не только раскрывать поступки людей, которых нет или которые спят, но даже самого дьявола во всех его тайных проделках в различных формах, привычках и именах мужчин и женщин. А так как я много путешествовал и общался с людьми и очень редко встречался с имеющими одинаковые ощущения и свойства, то я могу Вам рекомендовать себя, как наиболее полезного человека, с которым Вы можете переписываться. Мой прадед (деда не было в нашей семье) — это и был тот Джон Бениан, который написал незабвенную книгу «Странствие паломника» и который в какой-то степени обладал способностью ясновиденья. Этой способностью (не совсем понятно

из наших семейных архивов, как он ее приобрел) обладали все его потомки, но не в равной степени. Эта способность была очень слабо проявлена в некоторых моих двоюродных братьях и возможно совсем бы угасла в нашей ветви, если бы мой отец не был путешественником. В молодости он жил в Новой Англии. Там он женился, и там родился мой старший брат, который в такой степени обладал этой способностью, что раскрывал тайные деяния ведьм.

Так как мои родители переехали в Великобританию, мой второй брат родился в этом королевстве. Он в очень небольшой степени обладал этой добродетелью и мог только узнавать события незадолго до их совершения или после. Мой добрый отец, который восхищался «Странствием паломника» и любил гористые места, уехал с женой в Шотландию и поселился в горах, где я и родился. Я не буду здесь обсуждать, почва ли, климат или влияние звезд, по которым можно предсказывать, восстановили во мне способность ясновидения наших предков в бóльшей степени, чем эта способность проявлялась в нескольких поколениях до этого. Но факт тот, что я обладаю этой способностью и предполагаю, если Вы примете предложение использовать эту возможность, делать добро, что, я не сомневаюсь, с благодарностью будет принято многими нашими читателями, хотя мои открытия не предвещают мне никакого уважения со стороны ваших великих ученых и современных философов. Мой отец полностью сознавал это, и, чтобы его имя не могло повредить судьбе его детей, он благоразумно изменил его при переезде из одной страны в другую.

Однако, сэр, я хочу сказать, что могу быть Вам полезен только при условии остаться в неизвестности. Благодаря этому великому дару природы, ясновидению, я постоянно вижу многих мужчин, женщин и детей и то, что они делают, в то время как я сижу у себя в комнате; это слишком большая нагрузка для моего мозга, и это делает меня тщеславным, несмотря на то, что все эти люди могут видеть меня и наблюдать за мной, и это заставляет меня уединиться и вести затворническую жизнь; а с другой стороны, для меня будет облегчением освободиться от мыслей и наблюдений при таких условиях, какие предлагает Вам, сэр, Ваш друг и покорный слуга».

Я скрываю имя этого корреспондента, заботясь о его жизни и безопасности, и не могу не одобрить его благоразумие в выборе уединенной жизни. Я помню судьбу моей бедной обезьянки. У нее была злая забава: зубоскалить и дразнить всех, одетых в юбку. Мои невежественные деревенские соседи решили, что обезьянка инстинктивно огрызается на всех женщин, потерявших невинность. Как только все этому поверили, обезьянка была приговорена к смерти, — кем, я так и не мог

узнать, но обезьянка была убита ночью, зверски исколота и поранена в тысяче мест и мертвой была повешена на моих воротах, где я нашел ее на следующее утро.

Цензор отмечает, что зуд писания начал распространяться чрезвычайно быстро; и так как он озабочен репутацией своей страны с точки зрения ума и здравого смысла, то решил принимать все написанное в стихах и прозе и немедленно просматривать; согласно этому он в будущем запрещает публикование любых статей до тех пор, пока они не будут им проверены и не получат его санкцию, за что он требует вознаграждение в размере только шести пенсов за лист.

N.B. Тем не менее он разрешает публиковать все сатирические заметки на «Любопытного», несмотря на вышеизложенное запрещение, без проверки и без оплаты; этой льготой рекомендуется воспользоваться с благодарностью всем мелким острякам в городе и его окрестностях.

Человеку, который называет себя Вахлаком, по получении этого приказывается сжечь свою большую книгу «Грубостей».

P. S. Из сострадания к этому молодому человеку и к большому труду, который он затратил, и принимая во внимание письмо, которое я получил от него, и при условии, что он не покажет ни одному умному иностранцу или приезжему своего труда, я решил отменить приговор о сожжении вышеуказанной книги до дальнейших распоряжений.

Noli me tangere *

Когда я впервые начал это дело, то я решил ни в коем случае не входить в публичные споры ни с кем, потому что я считал, что будет одинаково неприятно для меня и для моих читателей видеть в статьях пререкания, спорные возражения, ответы и т. д., которые можно продолжать бесконечно; в то же время они редко содержат что-нибудь поучительное или развлекательное. Все же, когда такой значительный человек, как мистер X, почувствовал себя задетым настолько, чтобы обвинить и осудить меня, как он это сделал в последнем номере «Наставника» Кеймера, то я не мог сдержаться, чтобы не попытаться сказать кое-что в свою защиту против одного из худших обвинений, выдвинутых против меня человеком, заслуживающим уважения. Но так как у меня есть много важных вещей, которые я должен предложить публике, то я заявляю, что с этого времени я никогда не буду обращать внимание на любые обвинения, не основанные на правде и разуме, и уж

* Не тронь меня. — *Ред.*

тем более каждый ничтожный писака, который будет нападать на меня, не получит ответа от «Любопытного».

Обвинения, выдвинутые против меня прямо или косвенно в упомянутой статье, следующие. Не говоря уже о первом тяжелом обвинении в тщеславии и в дурном нраве, тонкий намек на то, что я немилосерден и поэтому не могу иметь никакого отношения к религии, я был изображен виновным в клевете и в сплетнях, гнусность чего очевидна каждому добропорядочному человеку и противна христианству, морали, общей справедливости и в некоторых случаях настолько ниже всех этих добродетелей, что может считаться бесчеловечной. Я был обвинен в подрыве репутации, в попытке путем обмана скрыться от обвинения в преступных намерениях, в пользовании оружием, к которому и умнейшая, лучшая часть человечества относится с отвращением на тех же основаниях и по тем же причинам, как и к убийству и т. п. — и все это выводится на основании характера, описанного мной в статье № 3.

С целью проверить справедливость и правдивость этого тяжкого обвинения, давайте возвратимся к этому характеру. И здесь мы можем удивиться, обнаружив, какой пустяк повлек за собой такой шумный протест и жалобы, такое тяжкое обвинение! Оказывается, самое худшее, что можно сказать о человеке (как говорится в моей пространной статье), это то, что он угрюмый философ, ловкий, но не умный (пусть даже это будет так), к которому мой обвинитель приложил характер критикана. Мало таких человеческих характеров, которые могут быть нарисованы так, что не подойдут к кому-нибудь в такой обширной стране, как наша; кто-нибудь может предположить, что под критиканом я имел в виду реальное лицо, но я достаточно доказал свою беспристрастность, когда сказал в том же самом абзаце, что критикан не лишен добродетелей, что в нем много хорошего и что люди говорят о его хороших поступках — все это во всех отношениях должно перевешивать сказанные о нем слова «угрюмый» и «хитрый». Мой враг и обвинитель должен был знать об этом, если он открыто признается, что он серьезно думал и не мог решить, кем бы он хотел быть в этой статье, Катоном или критиканом, так как мой Катон — один из лучших характеров. Больше я ничего не скажу в свое оправдание.

Единственный довод, выдвинутый здесь против того, что я должен более подвергать рассмотрению характеры людей, следующий: почему по произволу одного человека нужно выставлять напоказ портрет другого человека, для которого тот не позировал, или лишать его доброго имени (что хуже, чем лишить его денег и имущества). На этот вопрос я могу ответить только следующее. Деньги и имущество, я полагаю, здесь ни

при чем, поскольку никто не может заявить своих прав на них, если человек поступит так, что у него нужно конфисковать деньги и имущество и лишить его доброго имени. А разве общество не является единственным судьей, который определяет репутацию любого человека? Предположим, я имел возможность и был склонен изобразить всех хороших и плохих людей Америки; был бы тогда оскорблен хороший человек, если бы я изобразил его хороший характер? А если я изображаю плохих людей, может ли тогда это относиться к кому-нибудь кроме тех, кто этого заслуживает? И кому же, как не им, беспокоиться о своих недостатках? У меня такое же большое отвращение к клевете и злословию, как у любого человека, и я с чрезвычайной осторожностью избегаю обвинений в таких низких поступках; кроме того, я очень хорошо знаю и уверен, что если бы я использовал статьи для оклеветания людей, то моя бы репутация пострадала скорее, чем их репутация, и «Любопытный» очень скоро стал бы вызывать отвращение; потому что в таких случаях, как справедливо замечено, удовольствие, проистекающее от остроумного и необычного рассказа, скоро исчезает в благородных и честных умах и сменяется скрытой печалью при виде своих оклеветанных соседей.

Но если я сам действительно был бы худшим человеком в провинции и каждый мог бы изобразить мой действительный характер, то разве не было бы смешно, если бы я сказал, что кто-то меня оклеветал и опозорил, если только он не сказал обо мне долю правды? И если задается вопрос, почему нужно выставлять напоказ портрет человека, для которого он не позировал, то это значит, что мы вообще не можем изобразить какой-либо характер без согласия того человека, которого мы хотим изобразить. Если я распознал волка, переодетого в овечью шкуру, который собирается зарезать овцу моего соседа, должен ли я спрашивать его разрешения перед тем, как я смогу раскрыть это злодеяние и предотвратить его? Если я знаю, что какой-то человек — хитрый мошенник, должен ли я спрашивать его согласия, чтобы предупредить моих друзей? Если это так, то предположим, что «Любопытный» совершил все, в чем его обвинил враг; согласно этому же правилу, нужно было бы добиться его согласия перед тем, как опубликовать такое тяжкое обвинение против него.

В заключение я должен сказать, что в предпоследнем абзаце рассматриваемой статьи злопыхательство и здравый смысл сосуществуют (так он выражается). Злопыхательство проявляется в попытке обнаружить сатиру там, где я ничего подобного не имел в виду, а имел в виду как раз обратное; здравый смысл в том, что изображение преувеличенно хорошего харак-

тера является утонченной сатирой, которая может быть такой же оскорбительной, как и обыкновенная сатира, потому что, подвергая рассмотрению характер человека, в спешке может случиться, что он будет лишен того, чем он действительно располагает и что заслуживает. Так как я цензор, то я мог бы наказать за первое, но я прощаю это. Но последнее я не оставлю без вознаграждения, и уверяю моего противника, что, принимая во внимание качество этих четырех строк, я решился воздержаться обидеть его этим утонченным способом.

Я благодарю своего соседа П. В. за его любезное письмо. Львы, на которых жалуются, будут укрощены.

«ЛЮБОПЫТНЫЙ» № 8

Вторник, 27 марта 1729 года.

«Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames?»
Virgil. *

Одно из величайших наслаждений, которое может получить автор, так это, конечно, слышать, что его труды одобрены. Скрывать от мира свои имена, тогда как мы публикуем наши мысли, представляется настолько необходимым для собственного удовлетворения, что, я надеюсь, мои доброжелатели поздравят меня с тем, что я избежал многих усердных, но бесплодных расследований, которые в последнее время велись с целью узнать мое имя. Каждый согласится, что автора как такового должны судить только по достоинству его произведения; но в наше время тщеславие, принадлежность к партии и предубеждения играют такую большую роль, что опыт показывает, что у нас создается мнение о произведении по личности его автора. Но ведь есть очень робкие политики в нашем городе и в других местах, которые, перед тем как осмелятся высказать свое мнение о произведении, спросят, на чьей стороне автор. Я хорошо знал о таком неблагородном способе действий перед тем, как опубликовал мое первое размышление, и поэтому скрыл свое имя. Я обращаюсь к более благородной части общества; если я, с тех пор как выступаю под именем «Любопытного», дал повод считать, что я ближе к одной партии, чем к другой, на которые, к несчастью, разделено мое отечество, то у меня, кроме того, есть внутреннее удовлетворение, потому что ни привязанность, ни отвращение, ни заин-

---

* «К чему только не принуждаешь ты смертные сердца,
Отвратительная жажда золота?» *(Вергилий).* — *Ред.*

тересованность не заставили меня проявить пристрастие к какому-то человеку или же к какой-то группе людей; и на все, что я нахожу бессмысленным, смешным или безнравственным и бесчестным, я продолжаю и буду продолжать открыто нападать с независимостью честного человека и патриота.

Я открыто признаю, что я почти не могу сдерживаться или сохранять серьезность и достоинство, которые должны отличать должность цензора, когда я слышу странные, непонятные толкования некоторых моих произведений благодаря умышленному невежеству одних и тщеславной гордости, более чем обычной проницательности других; с одним таким толкованием знакомы многие мои читатели. Некий джентльмен приложил большие старания, чтобы составить разъяснение к моему письму, помещенному в номере IV, где он искусно превратил беззлобную сатиру на неуместных и нахальных визитеров в пасквиль на некоторых членов правительства. Это я упомянул как образец склонностей этого джентльмена, которого несомненно вынужден ублажать в своих статьях; я не предполагаю, что моя беспристрастность будет когда-нибудь взята под сомнение с этим случаем. Я мог бы жаловаться на такого рода несправедливости и приводить примеры, но в настоящее время я отвлечен получением письма, которое, хотя и касается только моих личных способностей как адепта, все же я осмеливаюсь опубликовать для развлечения моих читателей.

ЦЕНЗОРУ, ЭСКВАЙРУ, ОБЕР-ЛЮБОПЫТНОМУ ПРОВИНЦИИ ПЕНСИЛЬВАНИИ И ОКРУГОВ НЬЮКАСЛА, КЕНТА И СЕССЕКСА НА ДЕЛАВЭРЕ

Досточтимый сэр!

Судя по Вашим научным произведениям, Вы не только поборник правды и равенства, но и способный человек, ученый и магистр наук; в качестве такого я Вас уважаю. Тогда знайте, мудрейший господин, что с самой юности я был неутомимым исследователем и почитателем божественной науки — астрологии. Я перечитал Скота, Альберта Великого и Корнелия Агриппу более трехсот раз; и питал надежду своими знаниями и трудолюбием заработать достаточно денег, чтобы возместить деньги и время, потраченные на овладение этой наукой. Вы не можете не знать, сэр (потому что Ваш личный корреспондент, обладающий способностью ясновидения, знает все эти вещи), что в различных местах в этом городе и во многих областях страны в земле спрятаны огромные суммы денег; но, увы, сэр, несмотря на то, что я использовал все средства, предложенные вышеупомянутыми бессмертными авторами, это не оправда-

лось, тогда я использовал средства, предложенные чистосердечным П — д — л с его ртутным жезлом и магнитом, и все равно не достиг своей цели. Поэтому я посылаю Вам письмо, чтобы предложить и попросить познакомиться с Вами; и я не сомневаюсь, что, несмотря на мои повторяющиеся неудачи, мы можем быть чрезвычайно полезны друг другу в Ваших открытиях; и если мы прибегнем к нашим объединенным попыткам, то придет время, когда «Любопытный», его корреспондент, обладающий даром ясновидения, и Ваш покорный слуга будут тремя самыми богатыми людьми в провинции. И тогда, сэр, чего мы только не сможем сделать! Мудрому достаточно одного слова. Я кончаю, с величайшим уважением, почитатель Урании и Ваш.

Титан Плейадес.

Вечером после того, как я получил это письмо, я зашел к моему другу-ясновидцу и передал ему это предложение. Когда он прочел письмо, он уверил меня, что, как ему точно известно, в настоящее время в любой части нашей провинции не имеется больше ни одной унции серебра или золота, зарытого в земле, потому что прежний и теперешний недостаток в деньгах принудил тех, кто тогда жил и знал, где они раньше их спрятали, выкопать их и использовать на свои собственные необходимые нужды, а что касается всех остальных денег, зарытых в прежние времена пиратами и другими людьми, которые никогда не возвращались за ними, то он сам их все выкопал и употребил на благотворительные цели; и он хотел, чтобы я опубликовал это заявление для всеобщего блага. Потому что, как он мне сказал, среди нас существует большое число честных ремесленников и рабочих людей, которые, лелея тщетную надежду внезапно разбогатеть, пренебрегают своим делом, почти разоряют себя и свои семьи и добровольно терпят лишнюю усталость в бесплодных поисках за воображаемым кладом. Днем они бродят по лесам и по кустам, чтобы найти метки и знаки; в полночь они приходят к многообещающим местам с лопатами и кирками; полные ожидания, они отчаянно работают, в то же время дрожа всем телом от страха перед злыми демонами, которые, как говорят, сторожат и охраняют такие места. В конце концов вырыта громадная яма и выброшен, возможно, не один воз земли, но, увы, не найдено ни бочонка, ни железного горшка. Никаких матросских сундуков, набитых испанскими пистолями или полновесными пиастрами! Тогда они решают, что из-за какой-нибудь ошибки в процедуре, какого-нибудь необдуманно сказанного слова или упущенного правила дух смог опустить клад глубже в землю и поместить его так, чтобы они его не достали. Если однажды человеку вскружила голову

эта мысль, то он так далек от разочарования из-за своего неуспеха, что еще больше воодушевляется, удваивая свое трудолюбие и пытаясь найти клад снова и снова в сотне различных мест, в надежде, наконец, встретить удачу, которая сразу же достаточно вознаградит его за всю трату времени и труда.

Странная склонность копать землю, чтобы найти деньги, в надежде, что в прежние времена они были спрятаны пиратами, заплывавшими в реку, в последние несколько лет настолько сильно распространилась среди нас, что вы не можете пройти и полмили в любом месте за чертой города, чтобы не встретить нескольких ям, вырытых с этим намерением, и некоторые, возможно, вырыты совсем недавно. Люди, в других отношениях здравомыслящие, втянулись в это дело из-за чрезмерного желания неожиданного богатства и легковерности, пренебрегая или забывая о разумном и почти верном способе разбогатеть посредством трудолюбия и умеренности. Возможно, в надежде на нахождение денег есть свое очарование; и если бы в песках Схейлкилла было столько крупиц золота, что за день усердного и напряженного труда можно было бы получить его на полкроны, то я уверен, что многие занялись бы этим делом, хотя они легко могли бы заработать пять шиллингов в день, занимаясь своим ремеслом.

Рассказывают много нелепых историй об успехе отдельных людей, а это поощряет других заниматься тем же делом; и астрологи, которыми теперь кишит наша страна, либо сами верят этому, либо находят пользу в том, чтобы заставить поверить в это других, так как с ними часто советуются о времени для копания, о способах заклинания духов и о других причудах, благодаря чему они становятся необходимыми для бедных заблуждающихся искателей кладов, которые их всячески ублажают.

Конечно, эта погоня за золотом, серебром и другими ценными металлами очень увлекает, и многие от этого разоряются. Один мой знакомый капитан дальнего плавания обычно обвинял англичан в том, что они завидуют испанским серебряным рудникам и презирают, смотрят сквозь пальцы на преимущества своей собственной промышленности. «Что касается меня, — говорит он, — то я считаю Ньюфаундленскую отмель более ценной, чем горы Потоси; и когда я там рыбачил, то на каждую выловленную треску смотрел, как на определенное количество серебряной руды, которую нужно только доставить в ближайший испанский порт, чтобы превратить в звонкую монету, не говоря уже о национальном доходе от оснащения большого числа кораблей и матросов».

Пусть честный Питер Бакрам, который в течение долгого времени безуспешно разыскивал клады, подумает над этим

и бросит свое глупое занятие. Пусть он считает, что каждая мелочь, которую он берет, стоя за прилавком, составляет крупинки золота, которые через несколько дней обратятся в пистоль, и пусть Фабер думает то же самое о каждом гвозде, который он вбивает, и о каждом ударе молотка. Такие мысли могут заставить их быть более трудолюбивыми, и в результате этого со временем они могут разбогатеть. И что за глупость менять определенную выгоду на смехотворные затеи, проводить целые дни в трактире, в компании с самозванным астрологом, придумывать планы, как найти то, что никогда не было спрятано, забывая, что их дело дома в их отсутствии остается без присмотра, а если настал час, то покидать в полночь жен и теплую постель (несмотря на дождь, град, снег, ураган) и утомлять себя настойчивой погоней за тем, чего они никогда не найдут; они часто простуживаются, что может стоить им жизни, или расстраивают свое здоровье так, что в течение нескольких дней после этого не способны ни к какой работе. Безусловно, это не что иное, как явная глупость и безумие.

Я закончу статью словами моего благоразумного друга Агриколы из округа Честер. Передавая своему сыну хорошую плантацию, он сказал: «Мой сын, я даю тебе хороший участок земли; уверяю тебя, что, копая его, я нашел значительное количество золота; ты можешь сделать то же самое; но ты должен хорошо усвоить следующее: *Никогда не копай больше, чем на глубину плуга*».

НЕОБХОДИМЫЕ СОВЕТЫ ТЕМ, КТО ХОТЕЛ БЫ СТАТЬ БОГАТЫМ

Все преимущество иметь деньги заключается в возможности ими пользоваться.

За шесть фунтов в год вы можете пользоваться ста фунтами, при условии, если вас знают как человека благоразумного и честного.

Тот, кто зря тратит четыре пенса в день, в год тратит больше шести фунтов, что составляет проценты за пользование ста фунтами.

Тот, кто ежедневно, день за днем тратит зря время, равное четырем пенсам, теряет возможность пользоваться ста фунтами в год.

Тот, кто бесцельно потерял время, равное пяти шиллингам, потерял эти пять шиллингов так же, как если бы выбросил их в море.

Тот, кто потерял пять шиллингов, не только утратил эту сумму, но и всю прибыль, которая могла быть получена, если деньги пустить в дело, и к тому времени, когда молодой человек состарится, могла обратиться в значительную сумму денег.

С другой стороны: тот, кто продает в кредит, назначает цену за то, что он продает, равную основной стоимости плюс процент с его денег за то время, пока они не находились в деле, поэтому тот, кто покупает в кредит, платит процент за то, что покупает; а тот, кто платит наличными деньгами, пускает их в обращение; так что тот, кто владеет какой-то купленной вещью, платит процент за пользование ею.

Все же при покупке товаров лучше платить наличными деньгами, потому что тот, кто продает в кредит, ожидает

потерять пять процентов на невыплаченных долгах; поэтому он взимает со всего, что он продает в кредит, аванс, чтобы восполнить этот недостаток.

Тот, кто платит за купленные товары в кредит, оплачивает также часть этого аванса.

Тот, кто платит наличными деньгами, избегает или может избежать этого расхода.

Сохраненный пенс — это чистых два пенса.
Каждый день по капле — это четыре пенса в год.

СОВЕТ МОЛОДОМУ ТОРГОВЦУ

Моему другу А. Б.

Раз вы хотите, то я напишу вам следующие советы, которые мне были полезны и, возможно, будут также полезны и вам.

Помните, что *время* — это деньги. Если тот, кто может своим трудом заработать в день десять шиллингов, пойдет гулять или полдня будет сидеть без дела, хотя и будет тратить только шесть пенсов во время прогулки или безделья, не должен думать, что это только *единственный* расход; на самом деле он тратит или скорее бросает на ветер еще пять шиллингов.

Помните, что *кредит* — это деньги. Если человек оставляет свои деньги у меня, этим самым он дает мне проценты и дает право в течение этого времени делать с ними все, что я хочу. Если человек имеет хороший и большой кредит и правильно его использует, он может получить значительный доход.

Помните, что деньги обладают способностью размножаться. Деньги могут производить деньги, и эти новые деньги могут тоже рождать деньги и т. д. Пять шиллингов превращаются в шесть, которые затем превращаются в семь шиллингов и три пенса и т. д., до тех пор, пока не превратятся в сто фунтов. Чем больше денег, тем больше они производят при каждом обороте, так что прибыль растет быстрее и быстрее. Тот, кто убивает одну свиноматку, тот уничтожает всех ее отпрысков до тысячного поколения. Тот, кто уничтожит одну крону, тот уничтожает все, что она могла произвести, — десятки фунтов.

Помните, что шесть фунтов в год это только четыре пенса в день. Благодаря этой незначительной сумме (трата которой или равноценный расход времени ежедневно могут быть неза-

метными) человек, имеющий кредит, может с уверенностью постоянно владеть и пользоваться сотней фунтов. Так трудолюбивый человек быстро обращает свой запасный капитал и получает большую прибыль.

Помните пословицу: «*Тот, кто точно отдает долги, является хозяином чужих кошельков*». Если известно, что человек платит аккуратно и точно в то время, когда обещал, то в любое время и по любому случаю он получит все деньги, которые ему могут одолжить друзья. Иногда это очень важно. Кроме трудолюбия и бережливости, ничто лучше не будет способствовать успеху молодого человека в обществе, как точность и справедливость во всех его действиях; поэтому никогда не задерживай одолженных денег даже на час против обещанного срока, иначе разочарование закроет навсегда кошельки ваших друзей.

Нужно считаться с самыми незначительными поступками, от которых зависит кредит. Стук вашего молотка в пять часов утра или в девять часов вечера, услышанный кредиторами, заставит их подождать еще шесть месяцев после срока; но если они увидят вас за биллиардом или услышат ваш голос в кабачке в то время, когда вы должны работать, то они пошлют за своими деньгами на следующий же день и будут их требовать, пока не получат все.

Это показывает, кроме того, что вы внимательны к тому, что вы должник; характеризует вас как осмотрительного и честного человека, что еще больше повысит ваш кредит.

Остерегайтесь мысли, что все, чем вы владеете, принадлежит вам; и остерегайтесь жить соответственно этому. Это ошибка, в которую впадают многие люди, имеющие кредит. Чтобы предотвратить это, подсчитывайте время от времени ваши расходы и доходы. Если вы возьмете на себя труд учитывать все мелочи, то это даст хороший результат: вы обнаружите, что незначительные пустяковые расходы вырастают до больших сумм, и вы увидите, что эти суммы могли бы быть сохранены и в будущем будут сохранены без особых неудобств.

Короче говоря, путь к богатству, если вы его желаете, так же прост, как и путь на рынок. Богатство главным образом зависит от двух вещей: от *трудолюбия* и *умеренности*, иначе говоря — не теряй ни *времени*, ни *денег*, и используй и то и другое наилучшим образом. Без трудолюбия и умеренности ничего не удастся, а с их помощью удастся все. Тот, кто все добывает честным путем и все сохраняет (исключая необходимые расходы), конечно, *разбогатеет*, если только существо, которое правит миром и к которому все должны обращаться за благословением в честных деяниях, не решит по-другому в своем мудром провидении.

Старый торговец

ПЛАН ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ЗАПАДНЫХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И ОБОСНОВАНИЕ ЭТОГО ПЛАНА

В данное время и англичане и французы считают местность позади Аппалачских гор, по обоим берегам Огайо, между этой рекой и озерами, одной из прекраснейших местностей в Северной Америке; она славится исключительным богатством и плодородием почвы, здоровой температурой воздуха и мягкостью климата, богатой охотой на зверя и дичь и рыбной ловлей, широкими возможностями торговли с индейцами, удобством внутренней навигации по озерам и большим рекам на много сотен лье вокруг.

Благодаря таким природным преимуществам этой местности суждено стать (быть может, менее, чем через столетие) густо населенным и сильным доминионом и значительно приумножить могущество либо Англии, либо Франции.

Французы сейчас открыто вторгаются в эти земли, игнорируя наши признанные права на них, и если мы и впредь будем медлить с заселением этой территории и позволим им завладеть ею, то возможно возникнут следующие *неприятности* и *беды:*

1. Численность населения нашей страны, расположенной между морем и горами [1], не сможет увеличиваться в какой-либо значительной мере, так как увеличение народонаселения всегда пропорционально пространству и средствам существования (см. «К вопросу о росте народонаселения и т. д.», т. II, стр. 311).

2. Французы же, приобретя это пространство и изобилие средств существования, будут численно увеличиваться гораздо быстрее и станут могущественной нацией в нашем тылу.

3. Многие из наших должников и из безответственных англичан, из наших немецких слуг, а также рабов, возможно, перебегут к ним, увеличив тем самым численность и мощь французов и ослабив нашу.

4. Французы лишат нас торговых и других отношений с западными индейскими племенами, что нанесет большой ущерб Британии, закрыв перед ней рынок сбыта ее товаров.

5. И в мирное и в военное время они будут (как они всегда это делали против Новой Англии) подстрекать индейцев тревожить нас на наших границах, убивать и скальпировать наших людей и угонять наших поселенцев, живущих близ границы. Лишение нас возможности увеличивать средства к существованию за счет возделывания новых земель приведет к сокращению количества браков и прекращению роста народонаселения, т. е. (если можно так выразиться) к убийству тысяч наших детей еще до их рождения.

Если бы удалось основать две сильные английские колонии на территории между рекой Огайо и озером Эри, в тех местах, о которых будет сказано ниже, то можно было бы ожидать следующих выгод.

1. Они значительно укрепили бы безопасность границ других наших колоний, не допуская вторжения французов и французских индейцев Канады в тыловые районы Пенсильвании, Мериленда, Виргинии и Каролин [2]; защитить границы этих новых колоний стало бы гораздо легче, чем границы упомянутых выше колоний, что мы увидим дальше.

2. Было бы предотвращено опасное для нас объединение французских поселений в Канаде с поселениями в Луизиане [3].

3. В случае войны было бы легко из этих новых колоний досаждать Луизиане, спускаясь вниз по Огайо и Миссисипи, а также и южной части Канады, на судах переправляясь через озера, и тем самым держать французов в тесных пределах.

4. Мы могли бы установить дружественные отношения и наладить торговлю с миами, или, как их еще называют, твигтвиз (многочисленная народность, состоящая из многих племен, населяющих район между западной оконечностью озера Эри и южной оконечностью озера Гурон и Огайо). В настоящее время они недовольны французами, любят англичан и охотно способствовали бы созданию небольшого английского поселения на их территории или вблизи ее, а также взяли бы на себя охрану этого поселения, о чем заявляли автору данного проекта некоторые из их вождей. Далее, наладив судоходство по названным выше озерам, по Огайо и Миссисипи, мы могли бы расширить торговлю, охватив ею всю огромную страну и ведя

ее с многочисленными народностями, населяющими отдаленные районы, что было бы весьма выгодно для Британии.

5. Основание поселений на всех промежуточных территориях, расположенных между теперешними границами наших колоний, с одной стороны, и озерами и Миссисипи — с другой, было бы делом нетрудным и быстро выполнимым и привело бы к увеличению численности живущих здесь англичан, расширению английской торговли и росту английского могущества.

Территории, выделенные большинству колоний, представляют собой длинные, узкие полоски земли, тянущиеся на запад от Атлантического океана к Южному морю [4]. Они слишком узки при большой протяженности; крайние точки слишком далеко отстоят друг от друга; теперешние их размеры делают их непригодными для дальнейших поселений.

Аллеганские (или Аппалачские) горы являются удобной естественной преградой для ограничения распространения некоторых старых колоний на запад, а новые колонии могут быть основаны к западу от этих гор.

Слабость старых колоний позволяет каждой из них в отдельности расширять свои владения лишь очень медленно, дюйм за дюймом. Такая колония не может позволить себе основать поселение, расположенное слишком далеко от основного поселения, так как не имеет возможности поддержать его; но если бы колонии объединились под управлением одного генерал-губернатора и Великого Совета в соответствии с планом заселения территории Олбени, они легко могли бы совместными усилиями организовать одну или более новых колоний в таком месте, которое, по их суждению, было бы самым необходимым или удобным для всех колоний.

Если же такое объединение не состоится, то предлагается даровать две привилегии — *каждая* на значительные территории к западу от Пенсильвании и Виргинских гор — ряду английских титулованных аристократов и дворян; те же самые привилегии должны быть дарованы американцам, которые захотят присоединиться к ним, способствуя заселению этих территорий как принятием на себя соответствующей части расходов по созданию этих поселений, так и личным выездом туда на жительство вместе с семьями.

Эти привилегии должны даровать каждому поселенцу 000 акров земли для него лично и 000 акров для каждого члена семьи, которого он привезет с собой; и каждый, кто внесет 000 гиней, будет иметь право на столько акров земли, сколько приходится на долю каждого отдельного поселенца. Сумма 000 гиней, внесенная казначею колонии, дает право на одну долю земли. Тот, кто внесет деньги за 000 доль, получит еще одну долю *бесплатно;* поселенцы также могут вно-

сить деньги и иметь одновременно право на владение землей в качестве тех и других.

Количество и размер привилегий и прав, которые будут предоставлены вкладчикам и поселенцам, определяются мудростью его величества; он решает, сколько следует даровать для их пользы и поощрения соразмерно общему благу Британской империи, ибо особые привилегии и свободы, выгодные условия приобретения земли побуждают людей основывать новые колонии, рискуя жизнью и состоянием. Что касается прав, связанных с управлением колониями, то некоторые из них (хотя и необходимые в определенных условиях в первый период существования новых колоний) могут оказаться непригодными, когда колонии вырастут и укрепятся, и такие права можно предоставлять лишь на определенный срок. К таким правам может быть отнесено право выбора своего губернатора, данное сроком на 99 лет. Содержание правительства в колониях Коннектикута и Род-Айленда (которые в *настоящее время* пользуются этой и другими подобными привилегиями) требует гораздо меньших расходов, чем в колониях, находящихся под непосредственной властью короны, а законодательство выглядит более заманчиво.

Первым вкладчикам, внесшим сумму в 000 гиней, должно быть предоставлено право выбора казначея для хранения их вкладов.

Вклады не должны выплачиваться до тех пор, пока сумма подписки не достигнет 000 тысяч гиней.

Собранные таким путем деньги должны быть употреблены на покупку земли у Шести племен [5] и других индейцев, а также на приобретение для поселенцев продовольствия, припасов, оружия, боеприпасов, экипажей и пр. Поселенцы, после того как они запишутся у казначея или у лица, назначенного казначеем для составления списков поселенцев, должны ждать официального извещения. По получении извещения они должны собраться в назначенном месте и все вместе отправиться к выделенному для них месту поселения, где они будут жить, подчиняясь учрежденному над ними правительству. Эти сборы и отправка к месту поселения могут производиться только в том случае, если число записавшихся поселенцев, способных носить оружие, будет составлять не менее 000 тысяч человек.

Предполагается, что, действуя согласно такому плану, в Америке можно будет собрать большую сумму денег, так как там имеется много людей, которые будут рады любой возможности обеспечить своим детям кусок земли, внеся сейчас небольшую сумму, а через несколько лет эта земля может оказаться очень ценной. Найдется среди американцев и много таких людей, которые сами станут настоящими поселенцами

(некоторые из них уже сейчас живут в наших нынешних колониях), причем они смогут создать многочисленные и мощные колонии. Для этого требуется только, чтобы английское правительство взяло на себя расходы по уничтожению небольших фортов, которые были построены французами на захваченных ими территориях во владениях его величества, а также усилить большой форт близ Ниагарского водопада, передав ему несколько небольших вооруженных судов или полугалер для крейсирования по озерам.

Для обеспечения безопасности этой колонии на первое время можно было бы построить временно действующий небольшой форт у бухты Буффалкрик на реке Огайо, выше поселения; второй форт — у устья реки Тайога, на южном берегу озера Эри, где следует создать порт и город для развития торговли в районе озер. Колонисты, которые будут жить в *этом поселении*, могут добраться туда по суше через Пенсильванию.

Река Сайото, впадающая в Огайо примерно в двухстах милях ниже Логстауна, пожалуй, больше всего подходит для основания *второй колонии;* на правом и левом берегу реки, почти до самого ее истока лежат богатые земли, протяженностью в сорок миль; это самая замечательная местность таких размеров во всей Северной Америке, обладающая еще и тем преимуществом, что там находятся большие залежи каменного угля (в двух местах эти залежи даже выходят на поверхность земли). Когда леса будут уничтожены, уголь будет использован в качестве топлива. Эта колония сможет вести торговлю с миами (или твигтвиз). Ей необходимы будут два форта; один небольшой форт около Хочокина, у истока реки, и второй — около устья реки Вабаш. Необходимо также захватить французский форт Сандуски, расположенный около озера Эри, а все небольшие французские форты к югу и западу от озер, почти до реки Миссисипи, должны быть уничтожены или же захвачены и переданы английским гарнизонам. Колонисты, для которых будет выделено это поселение, могут собраться у истоков рек в Виргинии и идти пешком до судоходных притоков реки Кенгава, где они смогут сесть на суда, погрузив на них все свое имущество и продовольствие. Из Кенгавы они попадут в реку Огайо, недалеко от устья реки Сайото. Или же они могут собраться в бухте Уилкрик и спуститься по Мононгахела к реке Огайо.

Наличие форта и вооруженных судов в Ниагарском проливе будет служить надежной защитой границ этих новых колоний против всяких попыток французов совершить нападение из Канады. Форт у истока реки Вабаш будет охранять эту реку, а также реки Огайо и Кутава на случай попыток к нападению

со стороны французов, поселившихся на Миссисипи. Вокруг каждого форта должно быть небольшое поселение; форт будет защищать поселенцев, а поселенцы будут охранять форт и снабжать его продовольствием.

Трудности поселения первых английских колоний в Америке на таком большом расстоянии от Англии были значительно бóльшими, чем те, с которыми придется встретиться при организации предполагаемых новых колоний; ведь все существующие сейчас колонии будут заинтересованы в поддержке новых колоний, так как эти колонии прикроют их границы и не позволят французам усиливать свою мощь в тылу или в непосредственной близости от теперешних английских поселений. Кроме того, подлежащая заселению территория расположена примерно на равном расстоянии от всех старых колоний и сможет легко получить помощь от них всех.

Поскольку во всех старых колониях уже имеется много тысяч семей, готовых совместно тронуться в путь в поисках больших земельных угодий, богатство и естественные преимущества территории вдоль реки Огайо привлекли бы большинство из них, если бы они знали, что на новом месте поселения они будут находиться в относительной безопасности. Новые колонии заселились бы таким образом очень скоро и, учитывая преимущества их расположения, стали бы гораздо большей угрозой для французских поселений, чем те в данное время являются для нас. Если бы нам удалось вырвать из рук французов торговлю с отдаленными индейскими племенами путем открытия судоходства на озерах и т. п., то одно это уже значительно ослабило бы наших врагов, так как они существуют сейчас в основном за счет торговли. Представляется в высшей степени вероятным, что со временем французы либо перейдут под власть английской короны, либо будут изгнаны из страны.

Такого рода поселения лучше создавать сейчас, чем через пятьдесят лет; ибо нам самим тем легче поселиться и этим помешать поселению там французов, что они, повидимому, собираются сейчас сделать, чем изгнать их оттуда, когда они прочно обоснуются.

Если создание наших поселений будет отложено, то следует увеличить количество фортов, сделав их более мощными и разместив в них более многочисленные гарнизоны. Это необходимо для того, чтобы воспрепятствовать французам создавать здесь поселения, а также для обеспечения безопасности наших нынешних границ. Расходы на содержание фортов, возможно, превысят расходы на создание предлагаемых нами поселений, а преимущества будут несравнимо меньшими.

Форт в Освего также следует усилить и держать там несколько вооруженных полугалер или других небольших судов для крейсирования по озеру Онтарио, как предлагает мистер Паунолл в своем меморандуме, представленном специальным уполномоченным при заключении договора в Олбени.

Если бы также построить форт в Тайрондеквате на озере Онтарио и основать там поселение неподалеку от берега, где, как говорят, земли очень хорошие, гораздо лучше, чем в Освего, то поселенцы помогли бы в случае необходимости защищать оба форта

ДОКЛАД КОМИТЕТА ПО ЖАЛОБАМ АССАМБЛЕИ ПЕНСИЛЬВАНИИ

от 22 февраля 1757 года

Во исполнение приказания Палаты мы составили перечень наиболее важных жалоб на нарушения законов, нарушений, от которых так страдают жители этой провинции, а именно: многочисленные нарушения конституции (нарушение дарованных королем привилегий, хартии собственности, законов этой провинции, а также законов и обычаев империи) и другие, которые, по нашему мнению, настоятельно требуют исправления.

Они сводятся к следующему:

Первое. Королевской хартией (которая всегда была, должна быть и действительно является главной и неизменной основой здешней конституции) король Карл II даровал Вильяму Пенну, его наследникам и правопреемникам провинцию Пенсильванию; он даровал ему же и его наследникам и его или их *представителям* или заместителям свободное, полное и абсолютное право на доброе и счастливое управление указанной провинцией, право издавать и осуществлять любые законы «по их разумению, пользуясь советом, согласием и одобрением свободных жителей указанной страны или же уполномоченных ими лиц»; право сбора денег и осуществления других мер, направленных на удовлетворение государственных и военных нужд, а также на обеспечение безопасности указанной страны. Из содержания этой дарственной записи следует, что вся полнота власти предоставлена уполномоченным и заместителям Вильяма Пенна и его наследникам; они должны в согласии с народом издавать законы для его защиты и для обеспечения безопасности провинции по своему разумению, независимо от каких бы то ни было инструкций или наставлений, получаемых ими от вышестоящих лиц. Вашей комиссии известно также,

что *народу* этой провинции и его *представителям* выгодна эта королевская привилегия, что она дает им право самостоятельно издавать законы и что попытки со стороны владельцев или каких-либо других лиц лишить их этого права или же ограничить его явились бы откровенным нарушением и уничтожением буквы, духа и смысла данной привилегии.

Однако мы, к сожалению, видим, что владельцы этой провинции, пренебрегая священной основой всех наших прав и свобод, настолько урезали и ограничили свободу действий как прежнего, так и нынешнего *губернатора* в вопросах законодательства своими незаконными, практически неприменимыми и нарушающими конституцию инструкциями и запретами, что ни один законопроект, касающийся субсидий и поставок нашему всемилостивейшему государю (сколь бы разумен, целесообразен и необходим он ни был для защиты этой колонии его величества и для обеспечения безопасности его народа), не получает одобрения, если он не приходится по вкусу владельцу провинции и не будет им одобрен. В результате этого большое количество значительных денежных сумм, предложенных для вышеупомянутых целей Ассамблеями этой провинции (всегда стремящимися поддержать его честь и права), было отвергнуто к большой выгоде врагов его величества, и это создало непосредственную опасность потери его величеством этой колонии.

Второе. В соответствии с указанной выше королевской хартией и хартией привилегий, дарованной поименованным выше Вильямом Пенном, а также в соответствии с законом этой провинции представители народа в Генеральной ассамблее должны пользоваться всеми правами и привилегиями члена ассамблеи. Это право принадлежит им, как свободно рожденным подданным Англии, и таким правом пользуется любая колония в Америке. Английская палата общин имеет несомненное, а теперь и неоспоримое право *предоставлять субсидии* и ассигнования его величеству в любой форме, которая, по ее мнению, наиболее удобна как для палаты, так и для народа. И ей одной предоставлено право решать, в каком *размере*, каким *путем* и в *какие сроки* должны быть дарованы и собраны эти субсидии.

Несмотря на это, владельцы провинции в нарушение указанных выше королевских привилегий, хартии собственности и закона их колонии, стремясь подорвать основы конституции, лишить ассамблею и народ их прав и привилегий и присвоить себе деспотическую и тираническую власть над свободами и собственностью верноподданных его величества, настолько ограничили права своих губернаторов *деспотическими инструкциями* (от которых нельзя отклоняться и которые

преимущественно затрагивают законопроекты, предусматривающие денежные субсидии и ассигнования его величеству, пытаясь навязать вид, размер и сроки высылки субсидий), что если бы Ассамблея, предав забвению свои самые существенные права, действовала бы в соответствии с этими инструкциями, то она была бы не в состоянии выделить достаточно средств для защиты этой колонии его величества от общего врага.

Третье. На основании ряда законов, изданных Генеральной ассамблеей и одобренных короной, а также подчиняясь естественному стремлению, присущему каждому человеку еще до появления законов, Ассамблеи данной провинции имели право *распоряжаться общественными* деньгами, собранными в целях поощрения торговли, а также для содержания правительства путем выпуска кредитных билетов и акцизных сборов. *Владельцы* никогда не имели отношения к этим суммам, не делая взносов сами и не взимая акцизных сборов в своих владениях, поэтому они не могут претендовать на право голоса в расходовании этих сумм. Деньги расходовались всегда с благоразумной бережливостью на пользу и выгоду жителей и на срочные нужды короля при общем одобрении населения. Поддерживалась хорошая репутация правительства, и аккуратно выплачивались государственные долги. Короче говоря, благоразумное расходование этих денег Ассамблеей не только не создавало неудобств, а, напротив, давало много значительных преимуществ.

И все же владельцы решили лишить Ассамблею права и средств на *содержание своего уполномоченного* в Англии, лишая ее тем самым возможности подавать жалобы его величеству и его парламенту на ущемление своих прав. Для того, чтобы отнять у Ассамблеи это ее естественное право (неоднократно подтвержденное всемилостивейшим государем), владельцы своими инструкциями запретили губернатору одобрять законы, предусматривающие эмиссию или реэмиссию бумажных денег или же кредитных билетов, а также взимание денег путем наложения акцизных сборов или же другим путем; в инструкцию предполагается включить параграфы, предоставляющие губернатору или главнокомандующему *голос против в расходовании* собранных таким путем денежных сумм, в сколь плачевном состоянии ни находилась бы наша торговля и в каких бы дальнейших или бóльших субсидиях она ни нуждалась.

Четвертое. Согласно законам и статутам Англии, крупные землевладения, титулы и замки *короны* облагаются налогами и *вносят причитающиеся с них суммы* в ассигнования, выделяемые королю на защиту королевства и содержание правительства. Его величество, титулованная аристократия королевства и все британские подданные в настоящее время факти-

чески вносят свою долю в ассигнования, отпускаемые на защиту Америки в целом и данной ее провинции в частности. Тем более обязаны *владельцы провинции* платить свою долю налогов для непосредственной охраны их собственного имущества в этой провинции. Не платить налоги с некоторых видов имущества и тем самым уклоняться от положенной им доли участия в этих необходимых тяготах столь же несправедливо, сколь и незаконно, и столь же ново, сколь и самоуправно

И все же владельцы, невзирая на общую опасность, которой подвергаются как империя, так и ее колонии, а также невзирая на бедственное положение, в котором оказалась эта провинция, в частности в результате упомянутых выше инструкций, запретили своим губернаторам принимать законы о выделении ассигнований на ее защиту, *если не будут* особо освобождены от налогового обложения все их сданные в аренду, невозделанные, пустующие и брошенные земли, штрафы и наличные деньги, отданные под проценты (указанные выше земли составляют большую часть их огромных владений в этой колонии).

Пятое. Указанная выше королевская хартия наделяет владельцев властью осуществлять мероприятия, «относящиеся к полному установлению правосудия, учреждению судов и трибуналов, процедуры отправления правосудия и судопроизводства». Смысл и назначение этой привилегии состояли, несомненно, в том, что необходимо создать суды, а *судьи* и судебные исполнители должны исполнять свои обязанности так, чтобы это не только не шло вразрез с законами и обычаями Англии, а, напротив, полностью соответствовало им. При этом они должны быть свободны от влияния власть имущих, права населения должны охраняться, а неприкосновенность их собственности соответствующим образом гарантироваться.

В дарованных Вильяму Пенну привилегиях (понимая в этом свете рассмотренную выше привилегию) указывалось, что на основании первоначальной системы правления и в соответствии с согласием народа судьи и другие должностные лица занимают свои должности *при условии хорошего поведения и ни в каком ином случае.*

Невзирая на это, губернаторы этой провинции в течение многих лет предоставляли право судьям Королевской скамьи или Верховного суда этой провинции, а также судьям по гражданским делам отдельных графств исполнять свои обязанности, *сколько им заблагорассудится;* в результате этого указанные судьи, находясь под влиянием владельцев и их губернаторов, а также их фаворитов и креатур и выполняя их указания, не могут должным образом исполнять законы. Зачастую подлинный смысл законов искажается в угоду определенным целям. Это может подорвать основы правосудия

и тем самым поставить под угрозу жизни, законы, свободы, привилегии и собственность населения, что явится величайшим поруганием наших законов и нанесет невообразимый вред подданным его величества.

Ваша комиссия позволяет себе также отметить, что помимо изложенных жалоб, жители провинции испытывают также и другие тяготы, которые необходимо устранить. *Мобилизация на военную службу слуг без уплаты хозяевам какой-либо компенсации* не только мешает возделыванию земель и сокращает торговлю и коммерцию в провинции, но и ложится крайне неравномерным и тяжким бременем на плечи отдельных лиц. Если такая практика будет продолжаться, то последствия ее весьма отрицательно скажутся на дальнейшем заселении этой колонии и создадут предубеждение против королевской службы в будущем. Справедливость требует поэтому, чтобы хозяева, у которых забирают слуг на военную службу, получили компенсацию и чтобы права хозяев на слуг были подтверждены и закреплены. Однако, поскольку эти слуги призываются на службу его величества для защиты всей американской территории и не только данная провинция, но и все колонии и нация в целом в равной мере получают и будут впредь получать выгоду от их службы, компенсация должна выплачиваться за счет всей страны, а не только за счет данной провинции.

Что, кроме того, в настоящее время население несет на себе *бремя налогов*, почти невыносимое для столь молодой колонии. Эти средства идут на защиту ее границ, растянувшихся почти на двести миль от Нью-Джерси до Мериленда, причем ни одна из этих колоний, а также три графства, расположенные ниже по реке Делавэр, не вносят своей доли средств на охрану границ, несмотря на то, что их границы в значительной мере прикрываются и защищаются нашими фортами. Если война продлится [1], а вместе с тем будет продолжаться и это неравное бремя налогов, то многие подданные его величества в этой провинции будут доведены до нищеты, а сама провинция, если и не попадет в руки врага, то погрязнет в долгах и придет в полный упадок.

Что, несмотря на бремя налогов, Ассамблеи этой провинции *дали английским вооруженным силам* пять тысяч фунтов на закупку продовольствия для войск, сражающихся под командованием генерала Брэддока [2]; 2985 фунтов 0 шиллингов 11 пенсов — на расчистку дороги по его приказу; 10 514 фунтов 10 шиллингов 1 пенс генералу Шерли для закупки продовольствия для войск в Новой Англии [3]; и израсходовали сумму в 2385 фунтов 0 шиллингов $2^1/_2$ пенса на поддержку жителей Новой Шотландии. Эти расходы, по нашему мнению, также должны были быть произведены за счет бюджета империи.

И что имуществу, торговле и коммерции его величества, купцов и страховщиков в Англии, а также купцов, проживающих здесь и в других местах, был нанесен большой ущерб в прошлую войну *каперами*[4] *противника* на этом побережье и у наших мысов. Они будут терпеть убытки и в эту войну, если не будут приняты специальные меры.

Ввиду вышесказанного ваша комиссия полагает, что уполномоченным, которых собираются послать в Англию с ходатайством об исправлении многочисленных нарушений конституции, следует также поручить представить нашему всемилостивейшему государю и палатам его парламента ходатайство об урегулировании вопроса о различных неравномерных тяготах и лишениях, о которых упоминалось выше, о выплате компенсации тем хозяевам, у которых забирают слуг на военную службу, и об установлении и закреплении прав хозяев на своих слуг, а также добиться возврата упомянутых денежных сумм, оказания помощи в защите наших протяженных границ, получения военного корабля для охраны торговли и коммерции этой провинции.

Представляется на исправление палаты.

ПУТЬ К ИЗОБИЛИЮ,

ЯСНО УКАЗАННЫЙ В ПРЕДИСЛОВИИ К СТАРОМУ ПЕНСИЛЬВАНСКОМУ АЛЬМАНАХУ «БЕДНЫЙ РИЧАРД»

Любезный читатель,

Я слышал, что ничто не доставляет автору такого большого удовольствия, как узнать, что на его работы многие ссылаются с уважением. Судите тогда, насколько я должен быть удовлетворен случаем, который я собираюсь вам рассказать. Недавно я остановил свою лошадь там, где большая толпа людей собралась на продажу с аукциона товаров каких-то купцов. Час продажи еще не настал, и люди разговаривали о том, что настали плохие времена, а один из них обратился к просто, но опрятно одетому старику, с седой головой: «Послушай, отец Авраам, что ты думаешь о наших временах? Разве эти тяжелые налоги не разорят страну? Как мы их сможем платить? Что ты нам посоветуешь?» Отец Авраам встал и ответил: «Коли хотите знать мой ответ, то я скажу вам очень коротко, потому что *умному одного слова достаточно*, как говорит Бедный Ричард». Собравшиеся захотели, чтобы он рассказал им, и окружили его, а он продолжал следующим образом.

«Друзья, — сказал он, — налоги действительно очень тяжелые, и если бы налоги, установленные правительством, были единственными, которые нужно было платить, мы могли бы легко их выплатить; но у нас есть много других налогов, гораздо более тяжелых для некоторых из нас. Мы платим в два раза больший налог за свою праздность, втрое больше за нашу гордость и вчетверо больше за нашу глупость; и члены королевской парламентской комиссии не могут путем сокращения облегчить или освободить нас от этих налогов. Тем не менее, давайте послушаем хороший совет и что-нибудь придумаем сделать для себя. *Бог помогает тем, кто сам себе помогает*, как говорил Бедный Ричард.

I. Правительство, которое со своего народа взимало бы налог, равный одной десятой времени, потраченного на работу, считалось бы жестоким; а праздность берет с нас гораздо больше; лень ведет за собой болезни, и это очень укорачивает нашу жизнь. *Лень, как ржавчина, разъедает быстрее, чем труд изнашивает; ключ же, которым пользуются, всегда блестит,* как говорит Бедный Ричард. *Если любишь жизнь, не трать время зря, потому что жизнь состоит из времени.* Насколько больше, чем необходимо, мы тратим на сон, забывая, что *спящая лиса не ловит кур* и что *в могиле можно будет отоспаться,* как говорит Бедный Ричард.

Если время самая драгоценная вещь, то растрата времени, как говорит Бедный Ричард, *является самым большим мотовством;* и он нам в другом месте говорит, что *потерянное время никогда нельзя снова найти и то, что мы называем достаточным временем, всегда оказывается мало.* Давайте тратить время целеустремленно, и если будем стараться, то без затруднения сделаем гораздо больше. *Лень делает всякое дело трудным, а трудолюбие легким; и тот, кто поздно встает, должен целый день бегать и только к ночи еле-еле кончит свои дела, а Лень плетется так медленно, что Бедность вскоре догонит ее. Подгоняй свои дела, чтобы они тебя не подгоняли. Кто рано ложится и рано встает, тот всегда здоров, богат и умен,* как говорит Бедный Ричард.

Что значит желать и надеяться на лучшее будущее? Мы сами можем улучшить жизнь, если сами как следует примемся за дело. *Трудолюбие не нуждается в желаниях; и тот, кто живет надеждами, умрет постясь. Без труда ничего не приобретешь; руки, помогайте мне, потому что у меня нет земли,* а если даже есть, так она обложена порядочным налогом. *У кого есть ремесло, есть имение; у кого есть профессия, у того есть выгодная служба и почет,* как говорит Бедный Ричард. Но нужно работать, иначе ни уважения, ни почета не хватит, чтобы уплатить налоги. Если мы трудолюбивы, мы никогда не погибнем от голодной смерти. *В дом рабочего человека голод заглядывает, но не смеет войти.* Судебный пристав и полицейский тоже не войдут, потому что *трудолюбие уплачивает долги, а отчаяние увеличивает их.* Если ты не нашел клада и у тебя нет богатых родственников, которые оставили тебе наследство, то *Усердие — мать удачи, и бог все дает трудолюбивым. Поэтому паши землю глубоко, пока спит лежебока, и у тебя будет достаточно зерна для продажи и для себя.* Работай сегодня, потому что ты не знаешь, что тебе может помешать завтра. *Один сегодняшний день стоит двух завтрашних,* как говорит Бедный Ричард; *и дальше — никогда не откладывай на завтра того, что можешь сделать сегодня.* Если бы ты был слугой,

разве не было бы тебе стыдно, если бы добрый хозяин заметил, что ты ничего не делаешь? А ты разве сам себе не хозяин? Стыдитесь своего безделья, когда так много можно сделать для самого себя, для своей семьи, для своей страны, для своего короля. Снимай рукавицы, бери в руки свои инструменты; помни, что *кот в перчатках не поймает мышь*, как говорит Бедный Ричард. Это правда, что нужно много сделать, а у тебя, возможно, слабые руки; но берись как следует за дело, и ты получишь хорошие результаты, потому что *капля по капле камень долбит и с терпением и старанием мышь перегрызла канат пополам. Небольшими ударами можно большие дубы свалить.*

Кажется, я слышу, что кто-то из вас сказал: «Разве человеку нельзя иметь досуг?» Я скажу тебе, мой друг, что говорит Бедный Ричард: *Как следует займи свое время, если хочешь, чтобы у тебя был досуг; и если ты не уверен в минуте, не трать понапрасну целый час.* Досуг — это время для того, чтобы делать что-нибудь полезное; старательный человек добьется такого досуга, а ленивый человек никогда, потому что *жизнь без дела и праздная жизнь — это одно и то же. Многие хотели бы схитрить и прожить без труда, да ума не хватает*, тогда как трудолюбие даст покой, изобилие и уважение. *Избегай удовольствий, и они сами придут к тебе. У старательной пряхи длинная рубаха; и теперь, когда у меня есть овца и корова, все мне желают доброго здоровья.*

II. Но, и обладая трудолюбием, мы должны быть настойчивы, спокойны и внимательны и сами следить за своими делами, не слишком доверяя другим; потому что, как говорит Бедный Ричард,

Я никогда не видел, чтобы дерево, которое часто пересаживали,
Или семья, которая часто переезжала,
Процветали так же, как те, которых не тревожили.

И еще, *трехкратные переезды с места на место все равно, что пожар;* и еще: *заботься о своей лавке, и она позаботится о тебе; если хочешь, чтобы твое дело было сделано, ступай сам, если не можешь, так пошли другого.*

И еще:

Тот, кто хочет разбогатеть с помощью плуга,
Должен либо сам идти за плугом, либо погонять.

И еще: *хозяйский глаз сделает больше, чем его обе руки*, и еще, *недостаток заботы наносит бо́льший вред, чем недостаток знаний;* и еще, *не наблюдать за рабочими, значит оставить им открытым свой кошелек.* Слишком доверять чужой заботе — значит испортить дело; потому что *в делах этого мира люди*

спасаются не благодаря вере, а благодаря ее недостатку. Но непосредственная забота человека полезна, потому что, *если хочешь иметь верного слугу, который бы тебя удовлетворял, служи себе сам, небольшая небрежность может повести к большому несчастью; из-за того, что не было гвоздя, пропала подкова; из-за того, что пропала подкова, лошадь пропала; из-за того, что лошадь пропала, всадник пропал, потому что он был застигнут врасплох и убит врагами; и все это из-за того, что не позаботились о маленьком гвоздике в подкове.*

III. Вот как важно трудолюбие, друзья мои, и внимание к вашему собственному делу; по к этому мы должны прибавить умеренность, если хотим, чтобы наше трудолюбие принесло больший успех. Если человек не знает, как сохранить то, что он заработал, то он всю жизнь может работать без отдыха и умереть, не сохранив даже монеты в четыре пенса. *Богатый стол оставляет скудное завещание, и*

Много тратится на то, чтобы добыть,
Если женщина из-за чая отказывается прясть и вязать,
А мужчины из-за пунша отказываются рубить и колоть дрова.

Если хочешь быть богат, то думай о том, чтобы сохранить так же, как и о том, чтобы добыть. Ост-Индия не обогатила Испанию, потому что ее расходы больше, чем ее доходы.

Отбрось прочь свои дорогостоящие причуды, и у тебя не будет так много причин жаловаться на трудные времена, тяжелые налоги и семьи, которые требуют бо́льших забот, потому что

Женщины и вино, игры и обман
Уменьшают богатство и увеличивают желания.

И далее, *те средства, которые удовлетворяют один порок, достаточны, чтобы воспитать двух детей.* Вы думаете наверное, что немножко чая или немножко пунша время от времени, более дорогая пища, более красивые платья и немножко развлечений время от времени не являются большим делом, но помните, *маленькая экономия создает большой капитал.* Остерегайтесь мелких расходов; *маленькая течь может потопить большой корабль*, как говорит Бедный Ричард; и еще, *кто любит лакомство, обязательно будет нищим;* и еще, *дураки устраивают пиры, а умные едят на них.*

Сейчас вы все собрались здесь на продажу пышных нарядов и безделушек. Вы их называете *хорошими вещами*, но если вы не будете осмотрительны, то для многих из вас эти хорошие вещи обернутся *злом.* Вы ожидаете, что они будут продаваться дешево, а возможно они дешевле той цены, по которой продаются; но если вам эти товары не нужны, то они дороги для вас. Помните, что говорит Бедный Ричард: *Купи то, в чем ты не нуждаешься, и вскоре тебе придется продать все необходимое.* И еще: *когда покупаешь подешевле на один пенс, подумай*

немножко. Он подразумевает, что, возможно, эта дешевизна мнимая, или сделка, в которую ты втянут, может принести тебе больше вреда, чем добра. Поэтому в другом месте он говорит: *Многие разорились из-за того, что старались купить на грош побольше.* Или еще, *глупо бросать деньги, чтобы купить раскаяние;* и все же эта глупость каждый день совершается на аукционах, так как не хотят заглянуть в альманах. Многие ради того, чтобы надеть пышный наряд, ходят голодные и заставляют голодать свои семьи. *Шелка и атласы, пурпур и бархаты гасят огонь на кухне*, как говорит Бедный Ричард.

Все это не является необходимым для жизни, и это едва ли можно назвать удобствами; и все же только потому, что это хорошо выглядит, многие хотят купить эти вещи! Из-за этих и других излишеств дворяне доходят до бедности и вынуждены занимать деньги у тех, кого они раньше презирали, но кто благодаря трудолюбию и бережливости устроил свое существование; и в этом случае вполне очевидно, что *земледелец на своих ногах выше, чем дворянин на коленях*, как говорит Бедный Ричард. Возможно, они получили небольшое состояние и не знают, как оно добывалось; они думают, что *сейчас день и ночь никогда не наступит;* что если от большого количества взять немножко, то об этом не стоит беспокоиться; но *если из бочки все время брать муку и ничего туда не класть, то скоро доберешься до дна*, как говорит Бедный Ричард; и затем, *когда колодец высохнет, тогда узнаешь цену воде.* Но это могли бы они знать раньше, если бы воспользовались советом. *Если хочешь знать цену деньгам, то иди и попытайся взять взаймы; тот, кто берет взаймы, будет горевать*, как говорит Бедный Ричард. И действительно, так случается с людьми, когда они снова идут занимать. Бедный Дик, далее, советует:

> *Излишняя гордость своим нарядом — это бедствие,*
> *И прежде, чем советоваться с прихотью,*
> *Посоветуйся со своим кошельком.*

И еще, *Гордость такая же крикливая попрошайка, как и Нужда, и даже более нахальная.* Если ты купишь одну хорошую вещь, ты должен купить еще десять, чтобы твоя внешность была образцовой; но Бедный Дик говорит, *легче подавить в себе первое желание, чем удовлетворить все, которые за ним последуют.* Для бедных подражать богатым такая же глупость, как раздуваться лягушке, чтобы сравняться с волом.

> *Большой корабль может заплывать дальше,*
> *А маленькие лодочки должны держаться берега.*

Однако эта глупость скоро наказывается; потому что, как говорит Бедный Ричард, *гордость, которая обедает на тщеславии, ужинает на презрении. Гордость, которая обильно зав-*

тракает, обедает в бедности, а ужинает в бесчестии. А кроме этого, какая польза гордиться внешностью, ради которой так много рискуют и так много страдают? Внешность не может способствовать здоровью или облегчать боль, она не увеличивает достоинств человека, она только порождает зависть и ускоряет несчастье.

И что это должно быть за сумасшествие *влезать в долги* для этих излишеств? На этой распродаже нам предлагают кредит на шесть месяцев, и это возможно побудило многих из нас прийти сюда потому, что мы не можем располагать наличными деньгами и надеемся теперь обойтись без них. Но, ах! Подумайте, что вы делаете, когда берете в долг, — вы даете другим людям власть над вашей свободой. Если вы не можете вернуть долг в срок, вам будет стыдно видеться со своим кредитором, вы будете бояться с ним говорить, вы будете приносить несостоятельные, жалкие, трусливые извинения и постепенно потеряете правдивость и погрузитесь в низкую, явную ложь, потому что, как говорит Бедный Ричард, *второй порок — ложь, первый порок — долги;* и еще по тому же поводу: *ложь едет верхом на спине долгов;* тогда как англичанин, рожденный свободным, не должен стыдиться или бояться говорить с любым человеком. А бедность часто лишает человека всяких душевных качеств и добродетели. *Трудно пустой суме стоять прямо.*

Что вы подумаете о принце или правительстве, которое издает указ, запрещающий вам одеваться, как джентльменам и леди, под страхом тюремного заключения или рабства? Не скажете ли вы, что вы свободны, имеете право одеваться, как вам нравится, и что такой указ является нарушением ваших привилегий, а такое правительство тираническим? И все же вы близки к тому, чтобы попасть под такую тиранию, когда вы влезаете в долги из-за платьев! Ваш кредитор имеет право по своему желанию лишить вас свободы и заключить в тюрьму на такой срок, пока вы не сможете заплатить ему. Когда вы получите купленное, тогда, может быть, вы немного подумаете о платеже. Но, как говорит Бедный Ричард, *у кредиторов память лучше, чем у должников; кредиторы — суеверный народ и зорко следят за установленными днями и сроками платежей.* День срока придет до того, как вы осознаете это, а требование будет предъявлено до того, как вы будете готовы удовлетворить его. Или если вы помните о своем долге, то срок, который сначала казался очень большим, с течением времени покажется чрезвычайно коротким. Время как будто прибавляет крылья к его ногам и плечам. *Великий пост очень короток для тех, кто занимает деньги до пасхи.* Возможно, в настоящее время вы считаете себя преуспевающим и поэтому можете позволить себе без всякого ущерба некоторое излишество; но

Если можете, копите деньги на случай нужды и старости,
Утреннее солнце не будет сиять целый день.

Заработок может быть временным и неопределенным, но всегда, пока вы живете, расходы постоянны и определенны,и *легче построить две печи, чем запастись топливом на одну*, как говорит Бедный Ричард; поэтому *лучше ложиться спать без ужина, чем вставать в долгу.*

Получай все, что можешь, и береги все, что получил,
Это как раз тот камень, который обратит весь твой свинец в золото.

И когда ты получишь этот философский камень, будь уверен, что тебе не придется жаловаться на плохие времена или на трудность уплаты налогов.

IV. Это учение, мои друзья, благоразумие и мудрость; но, кроме всего прочего, не зависьте очень сильно от вашего трудолюбия, бережливости и предусмотрительности, хотя все это прекрасные вещи, потому что без благословения неба все это может быть разрушено; и поэтому смиренно просите этого благословения и будьте милосердны к тем, кто в настоящее время нуждается в этом, утешьте их и помогите им. Помните, что Иов сначала страдал, а потом преуспевал.

А теперь в заключение скажу: *опыт — это дорогая школа, но глупцы ни в какой другой не могут выучиться*, как говорит Бедный Ричард; потому что верно, что *мы можем дать совет, но не можем дать поведения.* Однако помните, что если *человеку нельзя советовать, то ему нельзя и помочь;* и даже если *ты не внемлешь благоразумию, то оно обязательно тебе отомстит*, как говорит Ричард Бедный».

Так старик закончил свою речь. Люди выслушали ее и одобрили, но немедленно поступили наоборот, так, как будто это было обычной проповедью; аукцион открылся, и они бойко начали покупать. Я обнаружил, что добрый человек внимательно изучал мои Альманахи и все, что было написано мной по этому вопросу в течение двадцати пяти лет. Частое упоминание, которое он делал обо мне, могло каждого утомить, но мое тщеславие этим было удивительным образом удовлетворено, хотя я понимал, что и одна десятая доля этого не была моей собственной мудростью, хотя он приписал мне ее, н скорее крупицами знаний, которые я собрал во все времена и у всех народов. Однако я решил, что лучше подражать этому; и хотя первоначально у меня было намеренье купить материал на новое пальто, я ушел прочь и решил еще поносить свое старое пальто. Читатель, если ты сделаешь то же самое, то ты получишь такую же выгоду, как и я. Остаюсь, как всегда твой, готовый служить тебе,

Ричард Саундерс.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОНСТИТУЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА ПЕНСИЛЬВАНИИ С МОМЕНТА ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ;

В ПЛАНЕ РАССМОТРЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТОРОН СПОРОВ, ВОЗНИКАВШИХ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ГУБЕРНАТОРАМИ ПЕНСИЛЬВАНИИ И АССАМБЛЕЯМИ.

СОСТАВЛЕНО НА ОСНОВАНИИ ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ.

Те, кто готовы отказаться от основной свободы ради кратковременной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

По природе человека свойственно достигать бесконечного разнообразия целей на основе нескольких простых принципов. В этом процессе участвуют как зрительное восприятие, так и разум; предметы на расстоянии воздействуют на нас соответственно своим размерам или же освещенности; степень воздействия определяется также тем, знакомы ли нам эти предметы или мы видим их впервые, находятся ли они в состоянии движения или покоя. То же самое относится и к действиям. Всякая битва есть непрерывное движение; всякий герой — это сплошной блеск. Пока мы созерцаем такие образы, мы не можем воспринимать ничего другого. Солон и Ликург выглядели бы неуместно, если бы их изобразили рядом с прусским королем; в настоящее время наше внимание настолько приковано к перипетиям военных событий на соседнем континенте [1], в которых мы, следует признаться, глубоко заинтересованы, что у нас почти не хватает времени взглянуть на Америку, где у нас также многое поставлено на карту и где нам прежде всего нужно, наконец, рассчитаться сполна.

Нам более свойственно созерцание, нежели размышление; мы предпочитаем предаваться праздным развлечениям вместо того, чтобы совершить малейшее насилие над своим терпением и заняться разгадкой запутанных ходов — работой неприятной и утомительной, которая ничем нас не обогащает, кроме познания.

Но наряду с людьми, которые способны восхищаться только великим, есть и такие, которые восхищаются менее значительными явлениями. Им доставляет такое же удовольствие рассмат-

ривать под микроскопом мельчайшие существа, как доктору . . . заниматься географией луны или же измерять хвост кометы.

Да послужит это извинением автору этих строк, если он нуждается в таковом, за то, что он уделяет столько внимания делам колонии, которая до последнего времени почти не упоминалась в наших анналах, колонии, которая, возникнув недавно, одной из последних занесена в списки британских колоний и по положению своему занимает одно из последних мест.Объясняется это тем,что поселенцы этой колонии являются не только подданными короны, как и все остальные, но и подчиняются указам владельца колонии, который думает, что оказывает им большую честь, управляя ими через своего уполномоченного. Находясь на таком отдалении от королевского взора, они испытывают на себе особенно большой гнет эгоистических инструкций владельца. Однако эта колония, как и большинство других, может гордиться счастливым расположением, плодородием почвы, производством ценных товаров, численностью населения, судоходством, количеством вывозимых товаров, широтой прав и привилегий и другими факторами, необходимыми для существования и процветания общества. Ни от кого не получая помощи, эта колония растет значительно быстрее других благодаря энергии и достоинствам ее замечательных жителей.

Первоначально колония создавалась на основе взаимоотношений отца с членами семьи: последних объединяли заинтересованность и любовь; к первому относились с уважением за мудрость учрежденных им законов и за снисходительное пользование своей властью. Тот, кто стремился лишь к покою, находил его здесь. И поскольку, возвращаясь отсюда, никто не приносил с собой дурных вестей об этой стране, число переселенцев возрастало, все они приспосабливались к здешним условиям. Колонисты жили одинаково; никто не домогался чего-то большего, никто не был угнетен, трудолюбие вознаграждалось, знания уважались, достоинства почитались.

В дальнейшем и по сей день взаимоотношения сложились следующим образом:

С одной стороны, высокомерный лендлорд, стремящийся превратить свободных арендаторов в подчиненных вассалов и пожинать то, что им не было посеяно, находящий поддержку лишь со стороны небольшой группы безрассудных и корыстолюбивых людей, зависящих от него; с другой стороны, те, кто достаточно хорошо знает свои права и обладает достаточным мужеством, чтобы защищать их, объединенные как один человек против этого лендлорда и его посягательств.

Несомненно, что для народа, рожденного для такой свободы и обязанного сохранить ее нетронутой, такой, какую

он получил ее от своих отцов, чтобы затем передать ее своим потомкам, и заинтересованного в сохранении ее в любой части Британской империи, подробности такого спора не могут быть полностью безразличными.

Наоборот, весьма вероятно, что первые же посягательства власти на свободу и естественные усилия со стороны всякого непредубежденного человека охранить себя при первых признаках угрожающего гнета, не могут не захватить тех из нас, кто умеет чувствовать и делать различие между добром и злом.

Можно сказать, что свобода пышнее всего расцветает в лесу. То, что было порождено Германией, лучше всего культивируется Америкой. И если бы не желание удержаться от некоторых некрасивых сравнений, которое я с трудом могу подавить в себе, то исследование в этой области могло бы доставить ничем не омраченное удовольствие.

Непримиримая вражда во Флоренции, о которой рассказывает Макиавелли, скорее заслуживает сожаления, чем похвалы. С трудом можно поверить, что первые граждане древних республик столь претендовали на уважение к себе, хотя их и прославляет древняя история. Что касается нас, то нам уже нет нужды обращаться взором к славному прошлому французских парламентов, чтобы подогреть дух соревнования.

Среди фермеров существует обычай обмениваться из года в год зерном, чтобы получить полный бушель. И если случится так, что мудрость века побудит повторить тот же эксперимент в другой форме, то мы, возможно, узнаем, где позаимствовать то, чего нам недостает.

Не следует, однако, думать, что тех, кто давно уже привык рассматривать колонии вообще лишь как страны, зависимые от совета, министерства торговли и таможенного департамента, или же как неиссякаемый источник судебных процессов, должностей и других денежных доходов, как страны, которыми следует управлять инструкциями и законами, вряд ли можно будет переубедить и заставить их относиться в какой-то мере уважительно к этим фермерам-патриотам.

Наоборот, на долю того, кто вообразит, что его перо может как-то прославить этих колонистов, выпадет осмеяние, негодование же будет уделом тех, кто осмелится отстаивать независимость, записанную в их конституции, видимо превратившуюся теперь в лишний атрибут и поэтому подлежащую упразднению.

Но сколь бы презрительно ни отзывались эти господа о колониях, какого бы низкого мнения они ни были об их ассамблеях, сколь бы незначительны, с их точки зрения, ни были земледельцы и торговцы, населяющие их, правда всегда останется правдой, а принцип — принципом.

Смелость, мудрость, целостность и честь должны измеряться не отведенной для них сферой деятельности, а испытаниями, которым они подвергаются, и теми оправдательными документами, которые они представят, и если они выйдут победителями из этих испытаний, то они не будут нуждаться в украшении мантиями и титулами.

ГЛАВА I

Извлечение из хартии, дарованной Вильяму Пенну. Условия, в которых жили первые колонисты Пенсильвании. Управление колонией, первоначально введенное Пенном. Сохранение им права на погашение долгов по арендной плате. Второе правительство Пенна. Объединение Пенсильвании с территорией трех нижних графств. Возражения ассамблеи последующего созыва против этого объединения. Мотивы, выдвигавшиеся колонистами в защиту второй формы правления. Возвращение мистера Пенна в Англию и назначение пяти уполномоченных для надзора за управлением колонией. Беспорядки, имевшие место во время его отсутствия. Правительство капитана Блеккуэлла.

Конституция Пенсильвании исходит, во-первых, из *прав* каждого британского подданного *в силу рождения;* во-вторых, из *королевской хартии*, дарованной Вильяму Пенну королем Карлом II, и, в-третьих, из *хартии привилегий*, дарованной упомянутым Вильямом Пенном,как владельцем и губернатором, по его собственной воле свободным жителям упомянутых провинций и территорий. Эта конституция является последней из *четырех* конституций, принятых в разное время теми же органами власти.

Каждый британский подданный имеет право по рождению на земельную собственность, свободу личности и репутации; он подчиняется только тем законам, которые принимаются с его согласия, будь то в его присутствии или в присутствии его представителей; это право по рождению сопровождает его при перемене места жительства до тех пор, пока он пребывает в британских владениях и верен отечеству.

Королевская хартия была дарована Вильяму Пенну в начале 1681 года. Самый тревожный период! В народе происходило сильное брожение, а двор составил произвольный план, который он начал осуществлять в том же году, имея всего лишь небольшую армию. В отношении некоторых корпораций была пущена в ход лесть,других же заставили силой отказаться от своих хартий путем quo warrantos *.

---

* Право, согласно которому корона могла предпринять действия против лица (или учреждения), не сумевшего показать, на основании какой привилегии оно пользуется тем или иным правом. Даровано короне статутом Глостеров. — *Ред.*

Так, нарушив закон, использовав парламенты в противозаконных целях, а также пустив в ход государственный террор, королевство стало по существу жертвой произвола и своеволия.

До этого правительства Америки предоставляли право убежища преследуемым и отверженным; и как бы для того, чтобы расширить поле свободы за границей, столь кощунственно сокращенное на родине, Пенсильвания уже *в то время* была превращена в новое *убежище*, где все, кто хотел быть свободным, мог бы навечно им стать.

Основанием для привилегий, перечисленных в преамбуле, послужили достоинства и заслуги адмирала Пенна [2], а также достойное похвалы желание его сына расширить Британскую империю, дать рынок сбыта для английских товаров и насадить цивилизацию среди дикарей.

В разделе третьем, который утверждает вышеупомянутого Вильяма Пенна законным и абсолютным владельцем упомянутой провинции, имеется оговорка верховной власти в отношении веры и преданности упомянутого Вильяма Пенна, его наследников и правопреемников, а также в отношении всех других владельцев, арендаторов и жителей упомянутой провинции и о ее суверенности.

Раздел четвертый, который призывает оказывать особое доверие упомянутому Пенну и выражает веру в его преданность, мудрость, справедливость, бережливость и предусмотрительность, дарует ему и его наследникам, а также уполномоченным им или его наследниками лицам свободную, полную и абсолютную власть на *доброе* и *счастливое* управление упомянутой страной. Им даруется право предписывать, составлять и осуществлять любые законы и за своей печатью или печатью упомянутых выше лиц опубликовывать их; право взимать деньги для общественных нужд упомянутой провинции или же для каких-либо других целей, имеющих отношение к общественному положению, миру или безопасности упомянутой страны, или же для частных нужд определенных лиц, по их благоусмотрению; пользоваться советом, согласием и одобрением свободных жителей упомянутой страны или же большинства из них, или же их делегатов и уполномоченных, которые должны собираться вместе таким образом, какой он и они найдут наилучшим, и так часто, как это будет необходимо.

Раздел пятый предоставляет упомянутому Вильяму Пенну права и полномочия создавать органы правосудия, назначать судей и осуществлять правосудие во всех его видах, а также исполнять законы, изданные на указанных выше основах, применяя предусмотренные в них меры наказания. Далее говорится, что эти законы должны быть благоразумны и не

только не противоречить законам, статутам и *правам* Англии, а, наоборот, по возможности больше соответствовать им. При этом за верховной властью Англии сохраняется право пересмотра судебных решений. Это было сделано, несомненно, с той целью, чтобы в случае несправедливого решения потерпевшая сторона могла быть уверена в восстановлении справедливости.

Раздел шестой, исходя из предположения, что в управлении такой большой территорией могут возникнуть неожиданные неприятные случайности, которые потребуют вмешательства *до того*, как смогут собраться для составления законов *фригольдеры* [3] или уполномоченные ими лица, предоставляет право упомянутому Вильяму Пенну и его наследникам лично или же их магистратам, наделенным соответствующими полномочиями, время от времени издавать соответствующие обстановке и полезные указы, направленные как на сохранение мира, так и на лучшее управление жителями колонии, с той же оговоркой, что и в отношении законов. В этом разделе говорится также, что упомянутые указы не должны ущемлять, изменять или отменять права какого-либо лица или лиц, которыми последние пользуются пожизненно и которые распространяются на членов их семей и касаются земельной собственности, товаров и движимого имущества.

И, наконец, ни упомянутый Вильям Пенн, ни его наследники, ни основатели, ни владельцы, ни жители упомянутой провинции не могут отступить от веры и преданности короне даже в случае неправильного истолкования упомянутых выше прав и полномочий, будь то по невнимательности или преднамеренно. Раздел седьмой предусматривает, что копии или дубликаты всех изданных и опубликованных законов должны быть в течение пяти лет с момента их издания переданы Тайному совету. В том случае, если король признает их на заседании Тайного совета несовместимыми с суверенностью или законодательной прерогативой верховной власти, или же противоречащими вере и преданности *законному правительству* королевства, они будут признаны недействительными.

Упомянутый Вильям Пенн обязуется также иметь адвоката или доверенное лицо в качестве своего представителя в Англии с проживанием в каком-либо известном месте в Лондоне. Это лицо должно нести ответственность перед короной за любой судебно наказуемый проступок или преднамеренное невыполнение обязательств или пренебрежение ими со стороны Пенна в отношении законов торговли и судоходства. Он обязан возмещать убытки согласно решению суда его величества. Если это не будет сделано, то правительство колонии лишается

своих полномочий на тот срок, пока убытки не будут возмещены. При этом не следует допускать какого бы то ни было предубеждения по отношению к землевладельцам или жителям колонии, которых это не должно ни затронуть, ни ущемить.

Более того, в разделе двадцатом его величеством по соглашению с упомянутым Вильямом Пенном предусмотрено, что ни король, ни его наследники и преемники не могут облагать жителей колонии какими бы то ни было налогами иначе, как с согласия владельца или генерал-губернатора, или ассамблеи, или акта английского парламента.

Под страхом его высочайшего нерасположения он повелевает также всем своим чиновникам и министрам не предпринимать никаких попыток, идущих вразрез с его предписаниями, или же сопротивляться им; он призывает их всегда быть готовыми оказать необходимую помощь и поддержку упомянутому Вильяму Пенну и его наследникам, а также жителям и купцам упомянутой выше провинции, их должностным лицам, посредникам и правопреемникам в полном использовании всех благ данной хартии.

И, наконец, специальным волеизъявлением, повелением и указом короля предусматривается, что в случае возникновения впоследствии каких-либо сомнений или неясностей касательно подлинного смысла или значения какого-либо слова, параграфа или фразы хартии, суды его величества должны будут давать им такое истолкование, которое было бы наиболее выгодным и благоприятным для упомянутого Вильяма Пенна, его наследников и правопреемников; при этом оговаривается, что не может иметь место такое истолкование, которое ослабляло бы преданность короне или предубеждало против нее.

Вся хартия состоит из двадцати трех разделов, причем с нашей точки зрения приведенные выше являются наиболее существенными. Они написаны с такой искренностью и простотой,что если и потребовалось искусство для составления их, то никогда это искусство не было лучше скрыто. Почти не оставлено поводов для последующих инструкций, и нигде вы не найдете и тени намека на то, что такие инструкции могли бы стать законами. Все в равной мере соответствует законам и разуму, требованиям верховной власти и правам подданных; в противном случае эта дарственная хартия потеряла бы силу. Слова *законное правление* несут в себе большой смысл. Никакое повеление короля не будет законным повелением, если оно не созвучно закону и не удостоверено одной из его печатей. Формальность в этом случае необходима для того,чтобы воспрепятствовать беззаконию. Если же должностное лицо преступно подчинится незаконным распоряжениям, то оно само будет нести ответственность перед законом.

Излишне доказывать поэтому, что все акты и дарственные хартии верховной власти ограничиваются основными положениями конституции и что, точно так же как она не может отчуждать какие-либо территории от своего государства, она не вправе и присоединять к нему какие-либо колонии или же сокращать ее размеры в большей мере, чем на это уполномочивает подвластное лицо Великая хартия [4] Англии.

Но если примечательно, что такому документу, как этот, суждено было стать предметом разбирательства арбитражного суда, то не менее примечателен и тот факт, что брат короля Иаков, граф Иоркский (впоследствии самый несчастный из королей) принимал в этом косвенное участие. Оказалось, что предшествующей дарственной записью ему были отданы права на весь участок земли, который теперь именуется территорией Пенсильвании, а в августе 1682 года он передал эти права упомянутому Вильяму Пенну, пожаловав его ленным поместьем.

Следует упомянуть также и о том, что Вильям Пенн проявил столь же большие способности в сколачивании вокруг себя группы поселенцев, сколь и в том, чтобы добиться необходимых полномочий от верховной власти, ибо за тот промежуток времени, который отделил хартию от дарования ему владений, он воспользовался временными правами, предоставленными ему шестым разделом хартии для осуществления первого акта колонизации, назвав его «Некоторые условия, или уступки, по которым достигнута договоренность между Вильямом Пенном, владельцем и губернатором Пенсильвании, и теми, кто отважился приехать в эту провинцию и купить земельные участки».

Этот документ содержит, однако, только правила поселения, торговли с индейцами и обращения с ними и т. д. с добавлением общих указаний о поддержании порядка и мира в соответствии с обычаями, нравами и законами Англии.

На следующий год мистер Пенн опубликовал структуру правительства под следующим названием: «Структура правительства провинции Пенсильвания в Америке; с приложением некоторых законов, по которым была достигнута договоренность в Англии между губернатором и различными свободными жителями указанной выше провинции. Эти законы подлежат дальнейшему пояснению и подтверждению *на месте* первым советом провинции, *если таковой соберется*».

Изложению структуры правительства предшествует небольшое предварительное рассуждение, частичное ознакомление с которым может дать нам более ясное представление о проповеди мистера Пенна на Грейсчерч-стрит, чем картина Рафаэля, на которой изображен Павел, читающий проповедь

в Афинах; начинает он как совестливый человек, продолжает как человек разумный, и, как светский человек, он предлагает *всем* настолько внушающие доверие условия, чтобы в конечном счете извлечь самому пользу хотя бы из *некоторых* из них.

Два параграфа этого рассуждения пенсильванцам следует всегда иметь перед глазами, а именно: 1. «Любое правительство (какова бы ни была его структура) будет свободным в глазах народа там, где господствуют законы и народ является частью этих законов; все, что выходит за пределы этого, есть тирания, принуждение или хаос». 2. «Великой целью всякого правительства является поддержание власти, основанной на уважении к народу, и ограждение народа от злоупотребления властью, с тем чтобы народ был свободен на основе справедливого повиновения, а магистраты уважались за справедливое правление».

Эта структура состояла из двадцати четырех статей и сильно напоминала Гаррингтона и его «Океану» [5]. Правительство состояло из губернатора и свободных жителей провинции, из совета провинции (всегда существующего и, однако, постоянно меняющего свой состав) и Генеральной ассамблеи. Они совместно должны были издавать все законы, назначать всех чиновников и вести все дела провинции. Совет должен был состоять из семидесяти двух членов, избираемых свободными жителями, и хотя губернатор или уполномоченное им лицо должен был постоянно председательствовать на заседаниях совета, он имел лишь три голоса. Одна треть членов совета должна была избираться сроком на три года, одна треть — сроком на два года и одна треть — на один год, таким образом, чтобы ежегодно состав совета обновлялся двадцатью четырьмя членами. Первоначально предполагалось, что Генеральная ассамблея будет состоять из всех свободных жителей, затем из двухсот, никогда не превышая пятисот.

Всего согласованных в Англии законов было сорок; это были законы, частью политические, частью нравственные и частью экономические. Они носили характер первоначальной договоренности между владельцем, свободными жителями и как таковые были взаимно приняты и выполнялись.

Но на следующий год, когда место действия было перенесено из метрополии в колонию, настроение законодателя также изменилось. Религиозный человек отступил на второй план, уступив место светскому мужу.

Один пункт ему уже удалось протащить вопреки настроению его последователей, а именно сохранение права на квит-ренты [6], против которых они возражали, так как эта арендная плата уже сама по себе была тяжким бременем, а выплата ее наряду

с покупкой земельных участков не имела прецедента ни в одной из колоний. Но он, ловко используя свои права, одновременно права и владельца и губернатора и ссылаясь на то, что правительство должно иметь средства для великолепия и достоинства, и пообещав, что эта арендная плата освободит фригольдеров от всех других налогов, поймал их на удочку, и пункт был принят.

Сочетать коварство змеи с невинностью голубя не так-то просто. Использовав в данном случае свое влияние и силу убеждения, он пошел еще дальше, разработав двойной план: объединение провинции с территорией, хотя он по всей видимости не был уполномочен на это, и изменение структуры правительства. Когда этот вопрос решался здесь (в Англии), то структура правительства была разработана с таким расчетом, чтобы побудить к переселению возможно большее число людей. Теперь же он старался сделать ее несколько более выгодной для себя, как главы правительства.

В 1704 году ассамблея провинции в специальном меморандуме, адресованном ему, обвинила его во многих ловких проделках. Насколько они были справедливы, пусть рассудит мир.

Так, например, они сказали ему следующее: «Нами установлено как из протоколов ассамблеи, так и из других документов, а также из показаний живых свидетелей, что вскоре после прибытия сюда ты, получив дарственную грамоту герцога на *Три нижние графства* (т. е. на территорию), уговорил жителей провинции объединиться с жителями нижних графств в отношении законодательства и управления; а затем путем хитрых уловок, разгадать которые некоторые люди не смогли да и не имели времени подумать об этом в силу сложившихся у них обстоятельств, ты нашел способ отказаться от этого проекта и ввести другое законодательство, завершенное тобою в 1683 году».

В декабре 1682 года в Честере были созваны свободные жители как провинции, так и территории. Но свободные жители провинции, избранные в количестве двенадцати человек, чтобы представлять каждое графство в качестве членов провинциального совета, должны были заручиться свидетельствами и прошениями шерифов и других лиц о том, что в связи с малочисленностью населения, его неспособностью вести хозяйство в своих владениях и неискушенностью в делах государственного управления, они изъявляют свое желание, чтобы двенадцать человек, избранных каждый от одного графства, являлись бы одновременно и членами провинциального совета и Генеральной ассамблеи. Другими словами, трое из каждых двенадцати выдвигались в члены совета, а остальные девять — в

ассамблею, причем им предоставлялись те же права и полномочия, которые хартия или правительство предусматривали для всех. Согласно этим свидетельствам и прошениям был составлен и принят закон о поселении, искусно названный одним из тех *временных* законов, которые могут быть изменены по воле совета и ассамблеи; этим законом утверждаются совет и ассамблея в сокращенном таким путем составе; лица, избранные по указанной выше системе, получают полномочия членов совета и ассамблеи; впредь численность совета устанавливается из расчета трех представителей от каждого графства, а число представителей в ассамблею от каждого графства уменьшено до шести. Далее предусмотрен ряд других правил, после чего хартия или структура правительства торжественно признается и принимается, как будто бы все эти изменения и добавления придали ей завершенный вид.

Закон об объединении провинции и территории, о чем якобы всепокорнейше *ходатайствовали* депутаты указанных территорий, был принят в это же время и в этом же месте. В результате принятия этого закона все выгоды и преимущества, дарованные до этого жителям провинции, в равной мере распространялись как на тех, так и на других. Отныне как те, так и другие становились одним народом, подчиняющимся одному правительству.

Однако ассамблея провинции созыва 1704 года в упомянутом выше меморандуме на имя владельца провинции следующим образом выражает свое недовольство по поводу этого закона.

«Что касается удобства объединения провинции с нижними графствами, то мы не можем отрицать его, если король даровал тебе управление так же, как герцог даровал землю. Но, к нашему великому сожалению и беспокойству, мы не можем обнаружить, что у тебя имеется эта привилегия; а если она у тебя и имеется, ты упорно отказывался предъявить ее, хотя тебя часто просили об этом. Тем достойнее осуждения, что ты, зная, насколько необоснованно твое право на управление нижними графствами, довел свою провинцию до такого состояния, что если бы верховная власть вздумала взять в свои руки управление провинцией, или же если бы жители провинции подняли мятеж или отказались действовать с нами заодно в вопросах законодательства, как они уже часто поступали, тогда эта вторая хартия оказалась бы недействительной, а привилегии, дарованные ею, не имели бы значения для провинции, так как число представителей от нижних графств равнялось бы числу представителей от провинции, а хартия требовала большего числа представителей, чем провинция имела или могла бы на законном основании избрать в качестве чле-

нов совета и ассамблеи. Согласно же хартии мы не могли увеличить число наших представителей без согласия мятежников».

За промежуток времени между этим собранием в Честере в декабре 1682 года и следующим заседанием в Филадельфии в марте и апреле 1683 года, мистер Пенн в нарушение закона о поселениях запасся еще одной *структурой* правительства, которая частично совпадала с первой, а частично была изменена согласно упомянутому выше закону. Частично же она существенно отличалась от обеих структур. Учитывая это, ассамблея, собравшаяся в 1704 году, в указанном выше меморандуме открыто увещевала владельца следующими словами:

«Мы усматриваем две главные причины, которые побудили жителей провинции согласиться на принятие второй хартии; во-первых, число представителей было бы обременительным для страны; и, во-вторых, учитывая, что ты имеешь только *тройной голос*, жители провинции, не разбираясь достаточно умело в законах торговли и судоходства, могли бы провести помимо твоей воли такие законы, которые шли бы во вред торговле и судоходству, что могло бы привести к упразднению королевской хартии, которая дарует тебе эту страну. В хартии содержится соответствующий пункт, который, как нам удалось установить, часто зачитывался и обсуждался на заседаниях ассамблеи в то время, и ты требовал от людей гарантий в этом вопросе». «Что касается первой причины, то нам известно, что число представителей можно было уменьшить и без новой хартии. Что же касается законов торговли, то мы не можем себе представить, чтобы люди, столь любившие тебя как своего губернатора и смотревшие на вопросы торговли главным образом твоими глазами, приняли бы вопреки твоему совету и предостережениям какие-либо законы, идущие во вред торговле, и тем самым причинили бы горе и разочарование самим себе, став причиной удаления тебя с поста губернатора. Влияние твоего управления и надежды на то, что ты будешь управлять провинцией и впредь, побудили их, как мы милостиво заключаем, пуститься вместе с тобой в это большое и ответственное предприятие, пренебрегая честью, которая должна быть присуща людям, занимающим столь высокие посты, и губительными последствиями для конституции, в создании которой они сами принимали участие. Поэтому мы не усматриваем какой-либо справедливой причины, которая заставляла бы тебя настаивать на таких гарантиях или же голосовать против законопроектов, которые должны были быть приняты в генеральных ассамблеях, поскольку ты на основании указанной королевской хартии (раздел об органах власти и управ-

ления) сформировал эти ассамблеи и сохранил за собой всего лишь право *трех голосов* в провинциальном совете, что, по приведенным выше причинам, не могло принести тебе большего ущерба, чем народу».

И затем ниже:

«Так была отложена в сторону первая хартия вопреки смыслу этого документа и вопреки истинным намерениям первых колонистов; Генеральной ассамблеей, собравшейся в Филадельфии в марте и апреле 1683 года, была предложена и принята вторая хартия. При этом ты торжественно заверял, что все то, что записано в этой хартии, предусмотрено тобой исключительно для блага и выгоды свободных жителей провинции и с полным сохранением твоей ответственности перед всевышним».

Менее чем через три года после прибытия мистера Пенна в провинцию, в то самое время, когда провинция *стала* принимать процветающий вид, между лордом Балтимором, владельцем Мериленда, и ним возник спор, который дал ему повод для возвращения в Англию, оставив управление провинцией в руках пяти уполномоченных, отобранных из числа членов совета провинции и членов Генеральной ассамблеи.

На троне был в то время Иаков II. Мистер Пенн был его ревностным приверженцем, если не из принципиальных убеждений, то из чувства долга. Можно предположить, что именно Пенном в значительной мере был внушен королю несостоятельный в политическом отношении план возрождения римского ритуала на основе всеобщей терпимости. В споре короля с членами колледжа Магдалины мистер Пенн активно выступал от имени его величества, что в известной мере набросило тень на его собственную репутацию. В течение нескольких лет после революции он имел несчастье находиться под подозрением правительства и был в немилости.

Колония, которую он основал, переживала еще младенческий возраст, когда он таким образом покинул ее; следовательно, ей нужны были всевозможные средства для дальнейшего роста и предотвращения беспорядков.

И, действительно, там начались беспорядки, что подтверждается протоколами ассамблей. Так, например, некий Мор предстал перед советом провинции по предъявленному ассамблеей обвинению в нарушении им десяти статей закона, а в письме на имя владельца провинции, подписанном спикером Джоном Уайтом, о Море говорилось как о *честолюбивом и продажном чиновнике.*

Ассамблея и совет провинции расходились во мнениях по поводу своих прав и привилегий. Еще более удивитель-

ным является тот факт, что владелец провинции потребовал в 1686 году от своих уполномоченных распустить правительство, созданное на основе его последней хартии. А поскольку они не сумели выполнить это требование, в декабре 1688 года был назначен вице-губернатором капитан Джон Блеккуэлл, который, будучи опытным человеком, начал сеять раздор между свободными жителями и употреблять власть владельца с таким расчетом, чтобы большинство прониклось страхом перед ним.

Так, бывший спикер Джон Уайт, подписавший от имени ассамблеи письмо мистеру Пенну о преступлениях Мора, будучи только что избран в ассамблею от графства Ньюкасл, был доставлен в Филадельфию по акту Habeas corpus [7] и брошен в тюрьму, причем пришлось применить насилие, чтобы вырвать его из рук ассамблеи.

Упомянутый выше губернатор, найдя, что состав ассамблеи не по вкусу владельцу и что члены ассамблеи намерены открыть сессию обсуждением жалоб, в течение нескольких дней не давал им аудиенцию, выдумывая для этого всевозможные пустяковые и неосновательные предлоги. Тем временем он пустил в ход все средства для того, чтобы настроить в свою пользу членов совета провинции и затем с их согласия оказать давление на ассамблею.

Однако члены ассамблеи не только не дали поколебать себя, но даже позаботились о том, чтобы запечатлеть эти события в следующих двух меморандумах:

14 мая. «Принимая во внимание, что настоящая ассамблея заседает здесь в течение нескольких дней и посылала нескольких делегатов к губернатору и в совет, которые согласно хартии должны совещаться с членами ассамблеи; и принимая во внимание, что упомянутые делегаты сообщили членам Палаты, что губернатор отказался их принимать в связи с неполным составом совета; и принимая во внимание, что Палате было хорошо известно, что последние два дня и по настоящее время в городе находится достаточное число членов совета, готовых явиться на заседание совета, все же некоторым из упомянутых членов не было разрешено заседать в совете, что наносит большой ущерб провинции и дает повод для недовольства; мы хотим, чтобы этот повод для недовольства был быстро устранен, а наши свободы нерушимо сохранены».

15 мая. «Ни одно лицо, уполномоченное губернатором производить для него сборы штрафов, пени или каких-либо других доходов, не должно заседать в качестве судьи ни в одном из судов, назначаемых данным правительством, или же принимать участие в разборе какого-либо дела, которое может принести штраф или пени губернатору».

На второй день, до того как было принято второе решение, губернатор, наконец, соблаговолил дать им аудиенцию, которой они добивались. На этом заседании он выступил с речью, в которой содержались следующие примечательные пункты:

«I. Я полагаю, что вы были заранее ознакомлены с причинами и необходимостью столь длительного отсутствия владельца провинции, вызванного последними революциями в Англии. Он неоднократно заявлял, что ему больше всего хочется вернуться к вам. Из различных сообщений о событиях в Англии нам известно, что препятствует его возвращению. Нам следует подождать, пока положение в Англии не станет более ясным. Тем временем будем ревностно молиться о том, чтобы всевышний, правящий вселенной, по своей мудрости и доброй воле, позаботился об этом ради страждущих на земле и ради нас в особенности.

Я полагаю, господа, что вам хотелось бы, чтобы совет провинции представил на ваше рассмотрение ряд законопроектов до того, как вы явитесь сюда и утвердите их в качестве законов на сегодняшнем заседании. По различным причинам этого не было сделано; я ознакомлю вас сейчас с некоторыми из них:

«1. Высокочтимый владелец провинции по причинам, известным ему одному, дал ясные указания об аннулировании всех законов, за исключением основных, с последующим созывом законодательных органов для утверждения лишь тех из них, которые они сочтут годными на будущее, что я твердо и намерен сделать.

2. Королевская хартия предоставила высокочтимому владельцу провинции, его наследникам и пр. право с согласия свободных жителей принимать и за своей печатью опубликовывать законы, необходимые для блага народа. Это никогда не делалось с соблюдением всех правил, когда владелец сам находился здесь. Учитывая это, я вынужден усомниться в том, что как уже принятые законы, так и те, которые будут приняты в будущем, имеют юридические основания и санкции, без которых не может быть признан действительным ни один закон. Когда же я узнал, что владелец провинции отказался передать в мое распоряжение большую печать, я решил, что тщетно пытаться что-либо предпринять в этом вопросе.

3. Нам не позволяют делать это современное изменившееся положение в Англии, неопределенность положения самого владельца провинции и его полномочий, боязнь навлечь опасность как на него, так и на нас самих принятием и утверждением таких законов, которые могли бы быть одобрены при нынешних обстоятельствах.

4. Вражда и распри, происходившие между вами до моего приезда и возобновившиеся недавно среди членов совета провинции в связи с происками некоторых из них по поводу продвижения их по службе, мешали их согласию в совете при решении любого дела. Это приняло такие размеры, что я был вынужден в интересах любви и мира, а также из других упомянутых выше соображений освободить их от дальнейшего присутствия в совете.

5. Я пришел к следующему решению, представляющему наименьшую опасность для нас всех: поскольку я, как уже было сказано, уполномочен основывать свое управление на существовавших законах, которые были одобрены и приняты как владельцем провинции, так и выборными лицами в то время, когда владелец провинции находился здесь среди вас, и учитывая, что он сохранил за собой право утверждения и аннулирования законов, принятых в его отсутствие, и что поэтому, какие бы законы мы с вами ни приняли, они не будут действительны, если не будут одобрены им, я пришел к выводу о необходимости соблюдения в процессе моего управления провинцией существующих ныне законов, а также правил и инструкций, данных мне моим хозяином. Я буду делать это постольку, поскольку они на мой взгляд не будут противоречить законам Англии. Недостающие законы, а также упущения, имеющиеся в вашем законодательстве, я буду восполнять теми английскими законами, которые с моей точки зрения наиболее приятны верховной власти в Англии, особенно в данное время, и весьма полезны в здешних условиях. Насколько я понимаю, это единственная возможность для вас воспользоваться ими. В этих целях я готов действовать, если с вашей стороны не последует другого совета, до тех пор, пока мы не получим более благоприятные сообщения из Англии, которые выведут нас из этого тупика».

Ассамблея ответила на это между прочим следующее:

«Мы от всего сердца желаем, чтобы ты, прибыв сюда с чувством самого большого уважения к нашему губернатору и жителям колонии, осуществлял соответственно этим чувствам управление провинцией, принимая для этого надлежащие меры. Мы глубоко убеждены в сердечном уважении нашего достойного губернатора к своему народу и полагаем, следовательно, что он не станет оправдывать неподобающий образ действия своего представителя по отношению к нам. Поэтому мы надеемся, что он не возьмет под защиту какие-либо незаконные или суровые меры, принятые против нас. Что касается отсутствия нашего губернатора, то мы понимаем, что ему самому оно неприятно, а нам приносит огромнейший ущерб. Мы надеялись получить от тебя и от совета законопроекты, как это

делалось раньше. В качестве причины, почему мы не получили их, ты приводишь указание владельца и губернатора об аннулировании всех законов, в то время как мы имеем достоверные сведения о том, что он впоследствии не возражал против того, чтобы оставить их в силе. Все законопроекты, составленные здесь с момента его отъезда, направлялись на его рассмотрение, и, насколько нам известно, ни один из них не был отвергнут им; мы полагаем также, что у него не было для этого оснований.

Что касается введения законов, то мы не мыслим себе более высокой санкции, чем та, которая давалась во время пребывания здесь губернатора. В случае же, если законопроекты подготавливались и провозглашались в соответствии с хартией и принимались всеми в качестве законов и требовалась большая печать для их опубликования, а хранитель печати отказывал в ней, то мы могли бы справедливо порицать такой отказ; ты утверждаешь, что наш владелец и губернатор уполномочен с согласия свободных жителей издавать законы и публиковать их за своей печатью, а не в соответствии с дарованной ему хартией и актом о поселении; мы не хотим, чтобы такого рода законы были навязаны нам; если бы мы сейчас издали законы, как мы это делали прежде, мы не сомневаемся в том, что они были бы столь же безобидными, как и те; мы твердо уверены в том, что наши законы, ни разу не признанные неправильными королем, должны остаться и сохранить полную силу в соответствии с их истинным назначением и содержанием.

Что касается обвинения во вражде и распрях между нами до твоего приезда, то оно настолько обще, что мы можем лишь ответить, что в вопросах управления мы придерживались иных взглядов, стремясь к доброму управлению путем уважения прав народа, который был гарантирован от злоупотреблений властью. Что же касается распрей, возобновившихся, по твоим словам, среди членов совета, то мы предоставили им самим ответить на этот вопрос.

Что касается принятого тобою решения управлять провинцией и территориями на основании законов, принятых до отъезда отсюда нашего владельца и губернатора, которые по-твоему не противоречат законам Англии, то мы считаем, что такое решение несовместимо с нашей конституцией, требующей согласия совета. До сих пор в нашем законодательстве такие методы не применялись, нам они непонятны и мы считаем их неуважением к себе, так как в королевской хартии точно определено, в какой мере мы должны подчиняться законам метрополии.

Что касается твоего заверения о желании жить в согласии с нами, что и нам желательно, то мы с радостью принимаем это заявление и выражаем желание, чтобы членам совета было раз-

решено заседать в совете и дальше согласно нашей прежней просьбе».

Когда губернатор встретился с таким упорным сопротивлением, то он пустился на другую уловку, которая состояла в том, чтобы оказать давление на некоторых членов совета и уговорить их выйти из Палаты; Палата со своей стороны расценила это как предательство и представила губернатору следующий запрос:

«Губернатору и совету, заседающему в Филадельфии, двадцатый день третьего месяца, 1689 года.

Мы, представители свободных жителей Пенсильвании и присоединенных территорий, собравшись на заседание ассамблеи, были сильно разочарованы в наших надеждах, когда обнаружили, что вами не подготовлены и не представлены для дальнейшего согласования какие бы то ни было законопроекты. Мы узнали также, что троим членам, избранным на законном основании в совет (в чью мудрость и преданность мы глубоко верим), в течение долгого времени не разрешают присутствовать на его заседаниях, а также о том, что один из членов ассамблеи в настоящее время подвергается весьма суровому и жестокому обращению и ему не разрешают присутствовать здесь, хотя большинство из нас знает, что он в течение последних лет был весьма полезен ассамблее. Находясь в связи с указанными обстоятельствами в затруднительном положении, мы просим вас милостиво рассмотреть наши жалобы, которые мы уже представили, а также наш ответ; переданный губернатору на заседании совета в ответ на его речь, с которой он обратился к нам там. И мы надеемся, что вы не отстраните нас от обязанностей, пока не примете нас и не удовлетворите наших справедливых требований. Мы просим также не чинить нам препятствий в предъявлении пред лицом совета провинции обвинений тем лицам и членам, в отношении которых мы можем достаточно твердо сказать, что они являются дурными правителями и виновниками того произвола, который царит сейчас в правительстве. Люди эти, по нашему мнению, недостойны того, чтобы с ними советовались, и непригодны для того, чтобы возглавлять магистрат.

То что мы предлагаем сделать в связи с этим, будет сделано быстро и в рамках законов».

Вряд ли этому запросу было уделено какое-либо внимание и губернатор вряд ли проявил какой-либо интерес к деятельности ассамблеи двух последующих созывов. А в 1693 году король и королева взяли управление колонией в свои собственные руки, причем неизвестно, чем именно это было вызвано — желанием ли вознаградить мистера Пенна за выказанное ему ранее нерасположение или же с его согласия.

ГЛАВА II

Управление провинцией, взятое в 1693 году в свои руки верховной властью и осуществлявшееся через полковника Флетчера, губернатора Нью-Йорка. Он заявляет, что конституция правительства Пенна и конституция их величеств прямо противоречат друг другу. Он угрожает ассамблее присоединением ее провинции к провинции Нью-Йорк. Протест против принятия законопроектов. Протест в адрес Пенна. Губернатор уступает принципам квакеров, призывающим к отказу носить оружие или собирать деньги на военные нужды. Ассамблея настаивает на своем праве как ассигновать, так и взимать деньги. Правительство Вильяма Маркхема. Новый акт о поселении или о новой структуре правительства. Пенн снова берет управление колонией в свои руки. Новая система выборов. Роспуск ассамблеи, избранной по этой системе. Выборы другой ассамблеи по новой системе. Помощь губернатору владельцев взамен подтверждения им права на собственность. Речь Пенна к новому составу ассамблеи. Три требования ассамблеи к Пенну, его ответы и их ответы. Разрыв отношений между провинцией и территорией. Последняя хартия привилегий. Она единодушно отвергается свободными жителями территории. Отъезд Пенна в Англию. Эндрю Гамильтон, вице-губернатор, тщетно пытается воссоединить территорию с провинцией.

Полковник Флетчер был назначен губернатором Нью-Йорка и Пенсильвании одним и тем же указом с предоставлением ему одинаковых прав и прерогатив в обеих провинциях, как если бы не существовало такой вещи, как хартия.

Одновременно с назначением ему было вручено письмо королевы, скрепленное подписью *Ноттингем*, в котором ему предписывалось направлять для обеспечения безопасности провинции Нью-Йорк от попыток нападения на нее со стороны французов и индейцев помощь людьми и прочим в таком размере, в каком это позволят сделать условия колонии, как будто бы добрая воля свободных жителей не заслуживала более упоминания.

Этот королевский посланец счел нужным сообщить ассамблее как о своем назначении, так и об упомянутом выше письме ее величества. Но в то время состав ассамблеи сильно отличался от того состава, который был избран на основе хартии. Вместо шести членов от каждого из шести графств, число членов ассамблеи от Филадельфии и Ньюкасла было уменьшено до четырех от каждой, а от остальных графств — до трех; разница составила шестнадцать человек. В качестве милостивого акта его величество освободило от принесения присяги тех, которые считали отказ от присяги делом совести. Вместо этого до утверждения от членов ассамблеи принимались письменные заявления и заверения в преданности. Независимо от того, высказывалось или нет открытое и особое недовольство таким странным нововведением, ассамблея с полным присутствием

духа открыла свое заседание, приняв единодушно следующее решение: «Законы этой провинции, действовавшие до прибытия нынешнего губернатора, попрежнему остаются в силе; ассамблея имеет право покорнейше побуждать губернатора согласиться с этим и подтвердить существующие законы».

Это решение было включено ими также в обращение к нему. При этом они весьма искусно намекнули, что король и королева сочли необходимым назначить его губернатором в связи с отсутствием их владельца. Однако это не принесло им пользы, так как губернатор прямо заявил им, что «он сожалеет, что их желания основаны на столь ошибочных предположениях», присовокупив следующие категорические выражения: «Отсутствие владельца упоминается в указе их величеств в качестве причины в последнюю очередь, ибо их величества считают своим бесспорным правом управлять своими подданными в этой провинции. Имеются более важные причины, как то: упущения и неудачи последнего правительства, отсутствие необходимых мер защиты от врага, опасность быть отторгнутой от короны (следует понимать — для провинции). Конституция правительства их величеств и конституция правительства мистера Пенна прямо противоречат одна другой; став приверженцами одной, вы тем самым отвергаете другую, что бы вы при этом ни говорили».

Сознавая свой долг перед королем и королевой, но в то же время будучи последовательными в своих действиях, члены ассамблеи признавали бесспорным право их величеств на управление, но хотели бы иметь совершенно ясное представление о том, чем объясняется отсутствие владельца провинции. «Что касается других причин, вызвавших необходимость замены нашего владельца на посту губернатора», пишут они в своем обращении, «то мы считаем, что они основаны на неправильной информации, ибо вплоть до приезда вице-губернатора суды были открытыми во всех графствах и правосудие осуществлялось должным образом как в случае таких тягчайших преступлений, как измена или убийство, так и при решении мелких имущественных распрей. Не можем мы также согласиться и с тем, что провинции грозила опасность быть отторгнутой от короны, хотя правительство и находилось в руках людей, которые не всегда стояли за войну. Мы считаем также, что нынешнее правительство не является противоположностью правительству нашего владельца Вильяма Пенна (имея в виду королевское правление здесь вообще), хотя ты и пытаешься использовать здесь свою власть в большей мере, чем это делал наш владелец. Однако мы охотно признаем тебя своим законным губернатором, сохраняя за собой и за теми, кого мы представляем, наши справедливые права и привилегии».

Перейдя затем к делу, они приняли решение об ассигнованиях, но выразили желание, чтобы сначала были утверждены их законы и удовлетворены их жалобы. В соответствии с этим они послали к губернатору комиссию из десяти человек со сводом своих законов и с просьбой ратифицировать их. После продолжительных дебатов между вице-губернатором и пятью членами совета, с одной стороны, и членами комиссии — с другой, закончившихся несколькими неопределенными обещаниями со стороны вице-губернатора, он направил двух членов совета заверить Палату от его имени, что он утвердит все упомянутые законы (за исключением одного, касающегося кораблекрушений), если на то будет согласие короля. За это ассамблея сочла необходимым выразить ему благодарность.

Не приходится особенно удивляться тому, что люди, которых неожиданно лишили власти их *друга* — владельца и сразу же поставили перед необходимостью борьбы с короной, с которой они до этого времени никогда непосредственно не соприкасались, предпочли удержать свои свободы любезным обращением, чем рисковать лишиться их совсем.

Однако среди членов ассамблеи существовала группа людей, которые, составив петицию о правах с требованием оставить в силе двести три перечисленных в ней закона, мотивируя это тем, что все законы соответствуют их хартии и ни один из них не был аннулирован короной согласно праву, оставленному за собой королем, не желали идти ни на какие уступки. Эта группа пользовалась достаточным авторитетом у ассамблеи, чтобы заручиться ее согласием направить губернатору послание, в котором указывалось, «что ассамблея твердо надеется, что прежде чем будет принят законопроект об ассигнованиях, должны быть удовлетворены ее претензии».

Но здесь мужество покинуло их, ибо губернатор возвратил им законопроект вместе с посланием, в котором он обещал внести поправки к законопроекту, не уточняя характер поправок и дав следующий ответ. «Ассамблея не будет информирована о характере поправок к законопроекту, прежде чем она не предстанет перед ним в полном своем составе для получения последней санкции к законам» и далее, если не будут даны ассигнования, то «ему ничего не останется делать, как осуществить присоединение провинции к Нью-Йорку»; эта угроза способствовала проведению законопроекта об ассигнованиях.

Однако когда ассамблея направила ему принятый законопроект об ассигнованиях, то она присовокупила к нему не только свод всех законов, но и первым среди них записала свой последний законопроект.

Далее они «решили единогласно, что все законопроекты, направляемые губернатору и совету для внесения поправок,

должны быть возвращены Палате для дальнейшего изучения поправок, после чего только они могут получить окончательное согласие ассамблеи на утверждение законопроекта».

И хотя члены ассамблеи и не приняли участия в составлении приводимого ниже документа комиссии ассамблеи из десяти человек, они, скрепя сердце, позволили занести его в свои протоколы в знак своего протеста.

«Мы, нижеподписавшиеся представители свободных жителей данной провинции в ассамблее, заявляем, что эта Палата имеет бесспорное право получать назад от губернатора и совета все те законопроекты, которые направляются им для одобрения или внесения поправок. Знать эти поправки и обсуждать их столь же необходимо, как и знать содержание самих законопроектов. Отрицание этого права нарушает свободу законодательства. Мы заявляем также, что ассамблея имеет право добиваться рассмотрения жалоб до того, как законопроект об ассигнованиях будет представлен для последней санкции, которая утвердит его в качестве закона. Поэтому мы в знак протеста (отстаивая свои законные права в ассамблее) заявляем, что если среди нас и нашлись такие, кто дал согласие на отправку законопроекта сегодня утром, то это было сделано лишь в связи со спешным отъездом губернатора, но что это не следует рассматривать как образец или прецедент на будущее. Давид Ллойд и др.».

Далее мы устанавливаем, что в 1704 году свободные жители, собравшись на заседание ассамблеи, пытались снова убедить своего владельца, обращаясь к нему с посланием, о котором уже неоднократно упоминалось, со следующими словами: «Но то, чего ты и они (пять государственных уполномоченных) не могли добиться в этом отношении, было сделано полковником Флетчером в 1693 году, и тогда мы оказались под непосредственным управлением короны, но в то же время он имел указания править нами по законам метрополии. И хотя задолго до этого и законы и хартия были переданы тебе для получения одобрения со стороны покойного короля (Иакова), на чем мы настаивали, а также требовали, чтобы они имели законную силу, пока не будут отвергнуты королем, мы, не получив от тебя сообщения о том, были ли они одобрены или нет, были вынуждены подчиниться Флетчеру и принимать только те законы, которые нравились ему; хартию же он отверг полностью».

Однако перед отъездом в Нью-Йорк он дал письменную санкцию на законы, которых требовала ассамблея, и ассамблея, созванная в следующем году, оказалась той же закваски, что и предыдущая.

Эта ассамблея была созвана по предписанию вице-губернатора (Маркхема), и когда она собралась с намерением разо-

брать жалобы колонии и удовлетворить их, то оказалось, что она не может приступить к работе в связи с предписанием Флетчера отсрочить это заседание.

За имевшиеся в их распоряжении два дня члены ассамблеи назначили комиссию по рассмотрению жалоб и, получив доклад этой комиссии, договорились послать губернатору протест. В этом протесте они жаловались на то, что их созвали лишь затем, чтобы тут же распустить, указывали на право ассамблеи самостоятельно назначать сроки заседаний и, далее, призывали губернатора так употреблять свою власть и свои права, чтобы дела, назначенные присяжными к рассмотрению, не аннулировались без особых на то причин определениями на основе права; чтобы во избежание произвола в определении суммы штрафов и вызываемого этим недовольства мировые судьи согласовывали свои действия с несколькими судейскими коллегиями и действовали только с их согласия; и чтобы денежные суммы, собранные ассамблеей прошлого созыва, расходовались по назначению, о чем должен быть представлен отчет настоящей ассамблее на следующем ее заседании.

После того как было признано право ассамблеи самостоятельно назначать сроки заседаний, члены ассамблеи собрались на заседание в конце месяца. К этому времени губернатор Флетчер возвратился в Пенсильванию и, выступая с речью на заседании ассамблеи, мило извинялся перед ними за то, что не встретился с ними ранее. Он объяснил свой неожиданный отъезд в Олбени необходимостью перетянуть на сторону Англии Пять племен [8], которые прежде являлись союзниками Англии, а за последнее время вступили в сговор против нас с губернатором Канады. Он сказал, что привез с собой документы, составленные в пользу индейцев, которые и были предъявлены им на совещании. Далее, он высказал предположение, что индейцы Пенсильвании тоже будут вынуждены вступить в такой же губительный сговор; в Олбени он видел своими глазами большие участки возделанной земли, покинутые жителями не столько из-за натиска врага, сколько из-за отказа соседей оказать им помощь. Он пожелал, чтобы тот, кто не хочет замечать опасность, грозящую другим, не нашел бы ее у порога своего дома; воздал должное двум провинциям Джерси за помощь, которую они послали, и закончил свою речь следующими словами:

«Господа, я учитываю ваши принципы не носить оружие или не собирать деньги в целях войны, если только этого не требуется для защиты вас самих. Однако я надеюсь, что вы не откажетесь накормить голодных и дать одежду лишившимся крова. Я намерен снабдить указанные индейские племена всем необходимым, что побудило бы их продолжать жить в дружбе

с этими провинциями. А теперь, господа, если я могу быть чем-нибудь вам полезен в меру своих полномочий для рассмотрения ваших жалоб, если таковые имеются, то вы увидите, что я готов действовать в духе лояльности с истинным уважением к свободе и собственности».

Наиболее примечательным на этом заседании был спор между губернатором и ассамблеей по поводу финансового законопроекта. Губернатор утверждал, что принимать такой законопроект не следует, потому что в нем они назвали имена сборщиков, что является нарушением конфиденциальности миссии королевского чиновника, назначенного для сбора последнего налога. Губернатор настаивал на предварительном ответе на письмо королевы, прежде чем он примет окончательное решение по этому вопросу. Что же касается членов ассамблеи, то они настаивали на принятии законопроекта, убеждая губернатора не отвергать его на основании первого аргумента, так как ассамблея утверждает свое неоспоримое право принимать финансовые законопроекты, а также производить денежные сборы в соответствии с теми привилегиями, которые были дарованы ей, а также в соответствии с существующей практикой как в Англии, так и в некоторых соседних колониях. Что же касается получателя, то после того как будут удовлетворены их требования, он сможет располагать остальными суммами по указанию губернатора и совета.

Губернатор все же настойчиво требовал ответа ассамблеи на письмо ее величества вместо того, чтобы удовлетворить их требования, а поскольку упомянутый выше ответ вылился в форму протеста, он распустил ассамблею.

Сведения о последующих ассамблеях крайне неполны. Изучая протоколы, мы находим, что по требованию губернатора объединенный комитет совета неоднократно собирался на заседания для рассмотрения письма королевы, требований губернатора в связи с этим письмом, изложенных в его речи, а также акта о поселении. Мы находим также, что был составлен и направлен губернатору ответ на его речь вместе с актом о поселении, что посланцы, вернувшись, сообщили, что ими были вручены оба документа и что им сказали, что губернатор и совет никаких дальнейших мер в настоящее время принимать не будут, и что после нескольких отсрочек члены ассамблеи все же собирались и в результате горячих споров губернатор потребовал их присутствия для того, чтобы распустить их.

Более чем вероятно, что предметом этих споров были требования, предъявленные к ассамблее на основании письма королевы. Если это было так, то отсюда следует, что причиной роспуска ассамблеи было отсутствие желания или возможности со стороны ее членов удовлетворить эти требования.

В 1696, т. е. в следующем, году Маркхем, некогда секретарь владельца и чиновник совета, с недавних пор вице-губернатор, созвал следующую ассамблею. На заседании Маркхем высказался в пользу речи губернатора Флетчера на открытии ассамблеи Нью-Йорка, преследуя при этом цель уговорить Пенсильванию оказать помощь бедным индейцам, у которых французы уничтожили зерно и съестные припасы. На это ассамблея ответила следующее:

«Поскольку губернатор изъявил милость собрать нас своим предписанием, хотя и не в той форме *, как это предусмотрено нашей хартией и желательно нам, мы подчинились его предписанию и рассмотрели представленный им документ — ответ на последнее письмо королевы, а также обещание нашего владельца вернуться к управлению провинцией. Мы единодушно и от всего сердца готовы выполнить наш долг, поскольку это будет в наших возможностях при условии, что губернатор соблаговолит вернуть нам наши прежние права, которыми мы пользовались до того, как управление провинцией было вверено губернатору Флетчеру».

Губернатор в ответ на это потребовал, как и прежде, денег для оказания помощи индейцам. Тогда ассамблея, решив прежде всего позаботиться о конституции провинции, потребовала от губернатора назначить комиссию совета, которая должна была собраться с этой целью совместно с комиссией ассамблеи. Такая совместная комиссия была назначена и выступила со следующими рекомендациями: «По требованию ассамблеи губернатор должен соизволить принять акт (следует понимать акт о поселении) с оговоркой в отношении владельца и народа. Ему же надлежит издать предписание о выборе полного числа представителей 10 марта, которые служили бы в совете провинции и в ассамблее, согласно хартии, при условии одобрения со стороны владельца. Если же владелец выскажет свое неодобрение, то упомянутый выше акт будет признан недействительным, что не нанесет никакого ущерба ни ему, ни народу и не подвергнет сомнению законность хартии».

Ассамблея единодушно согласилась с этим решением. Вслед за этим был подготовлен законопроект о поселении и финансовый законопроект, которые после небольших споров были приняты.

Финансовый законопроект предусматривал сбор 300 фунтов для содержания правительства и для оказания помощи впавшим в нужду индейцам.

---

* Предписание было составлено на основе вышеуказанного плана Флетчера. — *Автор.*

В акте о поселении был полностью отвергнут принцип чередования. Выборы членов совета и ассамблеи должны были происходить ежегодно и непременно; дата выборов назначалась на 10 марта; заседания назначались на 10 мая; от каждого графства избирались по два члена совета и по четыре члена ассамблеи; это должны были быть люди, особо известные своей добродетелью, мудростью и способностями, а также отвечающие имущественным требованиям и требованиям о проживании. Управление провинцией вверялось губернатору или его заместителю, а также упомянутым выше ассамблее и совету. Губернатор или его заместитель должны были председательствовать в совете, но ни в коем случае не принимать каких бы то ни было государственных актов, не посоветовавшись предварительно с советом и не получив согласия всех членов совета или большинства из них; при решении более важных дел кворумом должны считаться две трети членов совета, а при решении менее важных дел одна треть; ассамблее, а также совету должно быть предоставлено право вносить законопроекты, причем они могут совещаться друг с другом по тем или иным законопроектам, если сочтут нужным: те законопроекты, которые будут одобрены губернатором в совете, принимают силу законов; каждый из этих законов должен начинаться следующими словами: «Губернатор с согласия и одобрения свободных жителей, собравшихся на Генеральную ассамблею»; дубликаты этих законов должны пересылаться Королевскому совету согласно жалованной грамоте покойного короля; ассамблея в целом, а также ее комитеты сами определяют сроки своих заседаний и продолжают готовить и выносить на рассмотрение законопроекты, производить разбор жалоб, привлекать к суду преступников и т. д. до тех пор, пока губернатором и советом не будет принято решение о роспуске. В течение года как губернатор, так и совет могут привлечь их к выполнению их служебных обязанностей; им выплачивается жалование и проездные издержки; две трети составляют кворум; все вопросы решаются большинством голосов; в случае необходимости во всех судах и т. п. вместо присяги принимают письменные заявления; все лица, купившие землю или приобретшие ее каким-либо другим законным путем, продолжают владеть ею; шерифы и их заместители обязуются достойно выполнять свои служебные обязанности; выборы должны быть свободными, регулярными, не допускающими подкупа и т. д., причем никому из членов не разрешается служить без жалования или же получать меньшее жалование, чем предусмотрено настоящим актом, и т. д. Ни форма, ни смысл этого акта не могли подвергаться таким изменениям в какой-либо своей части, которые противоречили бы истинному назначению и смыслу этого документа без согласия губернатора и

шести седьмых общего числа свободных жителей, собравшихся на совместное заседание совета и ассамблеи. Этот акт должен был оставаться в силе до тех пор, пока владелец каким-либо документом за своей собственной подписью и печатью не выскажется против него; предусматривалось также, что ни этот акт, ни какой-либо другой не мог воспрепятствовать жителям провинции и территорий пользоваться любым из тех прав и привилегий, которые были предоставлены владельцем лично, его наследниками и преемниками или же которые принадлежат жителям на основании любого закона, хартии или дарственной грамоты, даже если в них и содержится что-либо, противоречащее этому акту.

Единственные документы, которыми мы располагаем в отношении того, что произошло в ассамблее в 1697 году, это новое обращение губернатора Флетчера с просьбой об оказании дальнейшей помощи и доклад комитета ассамблеи, которому эта просьба была передана вместе с актом о ратификации и подтверждении актов и протоколов ассамблеи прошлогоднего созыва некоторыми лицами, поставленными под сомнение. (Ассамблея отклонила просьбу губернатора Флетчера, мотивируя это тем, что колония возникла недавно, бедна и не имеет средств.)

Ничего существенного не произошло также в 1698 и в 1699 годах вплоть до прибытия из Англии владельца.

25 января 1699—1700 годов ассамблея была созвана вторично. Владелец заявил, что он собрал ее главным образом для принятия более решительных мер против пиратства и незаконной торговли путем внесения дополнений в уже существующие законы или же путем принятия нового закона. По его словам, эти два преступления особенно очернили правительство провинции в глазах короны и верховная власть настаивает на том, чтобы он исправил это, что он *настойчиво* просит их сделать.

Оба эти вопроса были немедленно переданы на рассмотрение двух комитетов, причем один из членов ассамблеи, зять бывшего вице-губернатора Маркхема, который, как оказалось, был сильно замешан в первом из упомянутых преступлений, по их настоянию должен был предстать перед судом, если губернатор не даст достаточных гарантий, что это лицо будет держать ответ за те обвинения, которые будут предъявлены ему.

Они позаботились также о том, чтобы решительно очистить свою среду от тех людей, которые занимались запрещенной или незаконной торговлей, и это, видимо, было сделано настолько эффективно, что сам губернатор не смог отказаться от сотрудничества с советом. Чтобы доказать это, достаточно

привести здесь его ответ на их неоднократные обращения (по вопросу о том, кого назначить казначеем провинции; предостережения, как избежать замешательства при последующих выборах, которые должны происходить по новому образцу; о необходимости запрашивать совет и согласие совета и ассамблеи по этому вопросу; а также о *ложной информации* в отношении них, посланной в Англию).

«Во-первых, что касается сборщика или казначея, то губернатор должен позаботиться о том, чтобы остановить свой выбор на достойном лице; во избежание замешательства на последующих выборах губернатор должен согласиться на требование ассамблеи и дать указание при общем согласии совета и ассамблеи вести протоколы как в том, так и в другом органе; на последующих выборах от каждого графства должно быть выбрано три человека в совет и шесть в ассамблею; выборы должны состояться в обычный день, однако за губернатором сохраняется право назначать сроки созыва совета, что следует отразить в предписании; что же касается *ложной информации*, посланной в Англию в отношении колонии, то все представители как совета, так и ассамблеи договорились составить общий план защиты на настоящее время, поскольку в данное время года не представляется возможным детально обсудить этот вопрос».

Такой план был действительно разработан и представлен губернатору до того, как закончилось совместное заседание ассамблеи и совета.

Генеральная ассамблея следующего созыва собралась в обычное время и во всех отношениях была необычной. Необычным было число членов, дополнительно избранных согласно только что процитированному документу; необычным был и закон, который они приняли, предоставлявший право губернатору и совету продлевать срок работы этой ассамблеи против срока, определенного хартией; необычны были также и дебаты касательно еще одной новой структуры правительства, продолжавшиеся в течение всей сессии, не приведя ни к какому удовлетворительному результату.

Ассамблея была признана неподатливой и после месяца работы была распущена, а в октябре следующего года была созвана новая ассамблея, но она уже состояла не из 36 членов, как прежде, а из 24. Другими словами, от каждого графства было уже не шесть, а четыре представителя.

Ассамблея была созвана в другом месте. Если прежде она обычно созывалась в Филадельфии, то на этот раз члены ее собрались в Ньюкасле. Возможно, это было сделано в угоду жителям территории, так как это совпало с тем временем, когда им должны были быть предъявлены крайне большие тре-

бования в пользу губернатора, назначенного владельцем.

На открытии ассамблеи губернатор сказал, что он созвал ее в связи со срочными делами: провинции необходимы структура правительства, свод законов, урегулирование вопросов собственности и ассигнования на содержание правительства. Он добавил, что окажет им всяческую помощь в пределах своей власти.

Начали они со свода законов и добились значительного успеха в этой работе; вопрос же о структуре правительства натолкнулся на те же трудности, что и прежде. Так, например, условия, на которых произошло объединение провинций и территорий, были таковы, что возникла угроза немедленного разделения. Спор, возникший по поводу равных привилегий и равного представительства, не мог быть разрешен иначе, как путем передачи его на рассмотрение Генеральной ассамблеи следующего созыва.

Наиболее непосредственное отношение к обеим отраслям законодательной власти имели вопросы собственности и субсидий. В последнем был глубоко заинтересован сам губернатор, в то время как почти каждый землевладелец колонии был особенно заинтересован в первом, и поэтому с этими двумя вопросами справились в первую очередь: был принят законопроект, предусматривавший гарантию собственности фригольдеров в обеих частях объединенной колонии, их наследников и преемников на землю и строения; законопроект о взимании одного пенни с каждого фунта стоимости имущества и шести шиллингов с человека на содержание правительства; а также законопроект, согласно которому в пользу владельца и губернатора взималось 2 тысячи фунтов с фактической стоимости движимого и недвижимого имущества; а также подушный налог в размере шести шиллингов, причем более половины этой суммы выплачивалось одним только графством Филадельфия. Не следует также забывать, что на предыдущей сессии для этих нужд потребовали взимать четыре пенса с фунта стоимости имущества и двадцать четыре шиллинга с человека и что поскольку эти суммы выплачивались равными половинами, то и владелец исполнял свои обязанности по отношению к обеим провинциям, что нашло свое подтверждение в упоминании, сделанном впоследствии в изданной им хартии собственности.

Та же самая ассамблея, созванная снова в августе в Филадельфии, рассмотрела письмо его величества с просьбой предоставить 350 фунтов стерлингов на укрепления, которые должны были быть построены на границах провинции Нью-Йорк. Ассамблея отказалась удовлетворить просьбу короля, ссылаясь на то, что крупные суммы, собранные за последнее время

с жителей колонии путем налогов и податей, взимавшихся помимо квит-ренты, опустошили казну колонии. Эти извинения были охотно приняты правительством, и, таким образом, интересы владельца в данном случае безусловно взяли верх над интересами короля и государства.

В сентябре 1701 года владелец созвал еще одну ассамблею, которая состояла из четырех членов от каждого из шести графств, в соответствии с законом о числе членов, незадолго до этого принятом в Ньюкасле; и хотя он обычно всячески избегал давать письменный экземпляр своей речи на ассамблее, на этот раз он изменил своему обыкновению.

Он принес извинение за то, что созвал их на месяц раньше, чем это было положено, сославшись при этом на необходимость выезда в Англию в связи с посягательствами врагов на процветание колонии. Пользуясь его отсутствием, некоторые лица в Англии пытались подорвать его власть в провинции. Он говорил это так, как если бы предстоящая поездка была неприятна ему, как если бы пределом его мечтаний была тишина этой дикой местности, как если бы он намеревался оставаться с ними навсегда или же по крайней мере до тех пор, пока не обеспечит безопасности и процветания каждому. Он говорил, что что бы ни думали некоторые, сердце его всегда с ними, что никакое зло или разочарование, да видит бог, никогда не сможет изменить его любви к этой стране и его решения вернуться сюда и обосноваться здесь со своей семьей и потомством и т. д. и т. п. «Подумайте поэтому, — продолжал он самым пленительным тоном, на который он только был способен, — поскольку все люди смертны, о каком-либо документе, который гарантировал бы как ваши привилегии, так и собственность, и вы встретите во мне готовность согласиться на все, что может осчастливить нас благодаря более тесному единству наших интересов. Пересмотрите снова свои законы, предложите новые, которые могут лучше устроить вас, и то, что вы будете делать, сделайте быстро, помня, что парламент соберется в конце будущего месяца и что чем скорее я попаду туда, тем в большей безопасности, я надеюсь, мы окажемся все здесь».

После этого он возвратился к 350 фунтам стерлингов, которых требовал король, сообщил ассамблее о счастливом исходе переговоров Флетчера с Пятью племенами и снова рекомендовал единодушие и быстроту действий, так как это может вызвать еще большее разочарование у тех, кто давно уже стремился погубить их молодую страну.

Ассамблея ответила кратко, но с чувством признательности и уважения, после чего вручила ему обращение, состоящее из 21 статьи. Прежде всего она выражала желание, чтобы, уезжая в Англию, он позаботился о том, чтобы оставить вместо себя людей, безупречных и обладающих значительными владениями,

людей, наделенных полной властью и правами не только даровать землю и подтверждать приобретение ее, но и компенсировать *недостающее* и, с другой стороны, не допускать *превышения* против норм; во-вторых, они потребовали от него такого документа, который полностью и навсегда гарантировал бы свободным жителям провинции, представителями которых они являются, безопасность их владений и имущества от посягательств с его стороны, со стороны его наследников или преемников, освободил бы также от пошлин как торговлю с индейцами, так и всякую другую и, наконец, чтобы в хартию был включен законопроект о собственности, принятый в Ньюкасле с теми поправками, по которым будет достигнуто соглашение.

Губернатор дал ответы на каждую из 21 статьи, а на три статьи, цитированные выше, он ответил следующее: «По первому вопросу: я назначу тех, кому я могу довериться, чьи полномочия будут *достаточны* и заранее *обнародованы* для обеспечения безопасности всех, кого это касается, и я надеюсь, что все они без исключения будут честно выполнять свои обязанности к нашему обоюдному благу. (Странно, что в этой связи даже не упоминается корона). По второму вопросу: мой ответ на первый вопрос во многом включает и ответ на этот, однако я согласен издать официальный документ или хартию, которая гарантировала бы вашу собственность и торговлю в соответствии с законами, принятыми недавно в Ньюкасле, за исключением некоторых исправлений и поправок, в которых эти законы непременно нуждаются. И по последнему вопросу: я согласен, чтобы закон о собственности, принятый в Ньюкасле, был включен в хартию с необходимыми поправками».

Совершенно очевидно, что эти выражения расходились с его собственной речью; не делает чести также ни ему, ни его законам то обстоятельство, что последние нуждались в столь многих поправках и что свободные жители не без основания полагали, что сколько бы предосторожностей они ни принимали против него самого, их все же будет недостаточно.

Ассамблея столь же подробно ответила губернатору, причем в основном выражала свое согласие и признательность; особенно следует напомнить ответ ассамблеи по первому вопросу, а именно: «Мы желаем, чтобы те лица, которых вы соблаговолили пообещать нам назначить своими уполномоченными, были наделены *полными* и *неограниченными полномочиями* и чтобы в документе, которым вы их назначите, был специальный пункт, повелевающий им действовать безотказно и безотлагательно в соответствии с полномочиями, предоставленными им, и чтобы вы сами представили этих лиц ассамблее».

Трудно сказать, что руководило в данном случае губернатором — хитрость или любезность, но он предложил ассамблее самой назвать его преемника. Но члены ассамблеи то ли схитрили, то ли также желали быть вежливыми, но заявили, что не считают себя достаточно осведомленными для такого шага и что они предпочитают предоставить это самому губернатору. В то время как шло рассмотрение хартии привилегий, трещина, образовавшаяся за последнее время между членами ассамблеи от провинции и членами ассамблеи от территории, снова дала о себе знать и вскоре стала большей чем когда-либо.

Представители территории добивались некоторых прав и привилегий, особенно благоприятных для них, другая же сторона, считая это неразумным, не желала предоставлять таковые. Будучи не в состоянии добиться удовлетворения своих требований, представители территории покинули ассамблею.

Владелец воспользовался своей властью для урегулирования этого вопроса, что ему на некоторое время и удалось. Однако дух враждебности остался, и если в спешке губернатору кое-что и удалось урегулировать, то остальная часть сессии, столь благоприятно открывшаяся и на которой должно было состояться окончательное принятие конституции, была омрачена обвинениями и упреками до самого ее закрытия. Наконец, губернатор и свободные жители его провинции расстались с одинаковым чувством удовлетворения по поводу того, что ими было столь много сделано и что теперь они должны распроститься друг с другом.

Таким образом, мы подходим с вами к той структуре правительства, которая в настоящее время существует в Пенсильвании на основании королевской хартии.

В мае 1700 года шесть седьмых членов ассамблеи вручили власть губернатору, взяв с него торжественное обещание даровать хартию и вносить в нее такие изменения и поправки, которые они сочтут необходимыми.

28 октября 1701 года, в тот момент, когда губернатор настолько был готов к отъезду, что он одной ногой, можно сказать, стоял на палубе корабля, это обещание было дано, при этом присутствовали члены совета, члены ассамблеи (вернее, та часть из них, которая представляла *провинцию*, а также несколько видных жителей Филадельфии).

Этот важный документ называется хартией привилегий, дарованной Вильямом Пенном, эсквайром, жителям Пенсильвании и территории. В основном содержание его сводится к следующему: «Поскольку ни один народ не может быть по-настоящему счастливым, если он, даже пользуясь всеми гражданскими свободами, стеснен в свободе совести, вероисповедания

и культа; ни один житель, верующий в *единого всемогущего бога* и заявляющий о своем долге жить мирно под управлением гражданского правительства, не должен быть ущемлен ни в личных правах, ни в имущественных; все лица, заявляющие о том, что они веруют в Иисуса Христа спасителя, обещающие быть верноподданными короля и приведенные к присяге согласно определенному закону провинции, имеют право служить правительству как в законодательных, так и в исполнительных органах; ежегодно свободными жителями должна избираться ассамблея, состоящая из четырех представителей от каждого графства, особо отличившихся своей добродетелью, мудростью и способностями, или же из большего числа представителей по решению губернатора и ассамблеи; выборы ассамблеи должны происходить отныне 1 октября, а заседание ассамблеи 14-го числа следующего месяца; ассамблее предоставляется право выбирать спикера и других должностных лиц, самой судить о личных качествах своих членов, заседать в сроки, назначаемые самой ассамблеей, назначать комиссии, подготавливать законопроекты, предавать суду преступников, разбирать и удовлетворять жалобы, а также пользоваться всеми другими правами и привилегиями ассамблеи по праву свободнорожденных подданных Англии, а также по обычаям, соблюдаемым в любой из королевских колоний в Америке; две трети свободных жителей, избранных таким образом, имеют полное право принимать решения от имени ассамблеи; упоминаемые выше свободные жители от каждого графства, собравшись для выборов представителей, имеют право избрать двойное число лиц, которых они представят губернатору на должности шерифов и следователей со сроком службы три года при том условии, что все это время они будут вести себя хорошо; из числа этих людей губернатор должен назначить одного на каждую должность при условии, что это назначение будет сделано им на третий день после представления, в противном случае назначается то лицо, которое было названо первым, а в случае смерти или несоответствия вакантное место замещается по усмотрению губернатора; три лица выдвигаются судебными органами соответствующих графств, причем губернатор избирает одного из них для службы в качестве письмоводителя мирового судьи; если губернатор не сделает этого в течение 10 дней, то эта вакансия заполнится тем, кто был первым назначен на эту должность; все законы правительства должны начинаться следующими словами: «Губернатор с согласия и одобрения свободных жителей, собравшихся на Генеральную ассамблею»; «все преступники должны пользоваться теми же привилегиями выставлять свидетелей и требовать полного состава суда, что и их обвинители; ни один человек не может быть привлечен к ответственности по

какой-либо жалобе или другому делу, связанному с собственностью, перед губернатором и советом или же в каком-либо другом месте, иначе как в обычном судебном порядке, за исключением апелляции, согласно закону; земельные владения самоубийц не должны подлежать конфискации; отныне не может быть принято ни одного акта, закона или указа, которые изменяли бы или ущемляли дух или букву этой хартии в целом или в какой-либо части или статье ее без согласия губернатора и шести седьмых членов ассамблеи, собравшихся на заседание; первая статья, касающаяся свободы совести, должна сохраняться навечно неприкосновенной без каких-либо изменений; упомянутый Вильям Пенн за себя, своих наследников и преемников торжественно заявляет, гарантирует и подтверждает, что ни он, ни его наследники, ни преемники не предпримут ничего такого, что отменяло бы или ущемляло свободы, содержащиеся в данной хартии, или же в какой-либо части ее, и если какое-либо лицо или лица поступят вопреки этому, это не будет иметь ни действия, ни силы».

Таким образом, хотя от первой хартии осталось много, но многое было и изъято. Совет более не избирался народом; а следовательно, все, кто должен был служить в совете, назначались губернатором, т. е. исполняли свои обязанности на угодных ему условиях. Если раньше губернатор имел лишь три голоса из семидесяти двух, то теперь ему предоставлялась полная исполнительная власть и он мог ограничивать законодательство, отказываясь давать свое согласие на их законопроекты, когда он считал это необходимым.

С другой стороны, ассамблея, которой первоначально не было предоставлено право предлагать на обсуждение законы, хотя она и могла вносить в них поправки или отвергать их, теперь наделялась этой привилегией; в целом же этот новый документ скорее заслуживал признания, чем недовольства.

Хотя мистер Пенн все более усиливал губернаторские права и все меньше делал для блага других, будучи поставлен над ними, он не забыл ни собственных злоключений, ни благородных заявлений по поводу Великой хартии вольностей, и в опубликованном им трактате, который он назвал «Подтверждение старых и справедливых свобод народа», он писал:

«Существовало лишь два вида правления: воля и власть или условие и договор. Первое было правлением людей, второе — законов. Всеобщий разум был и должен быть для разумных людей всеобщим законом; некоторые из законов были основными и неизменными, некоторые были временными, изданными в связи с данными обстоятельствами и при изменении обстоятельств могли меняться и сами. Основные законы Англии, более чем какие-либо другие, несовместимы с произволом;

до тех пор, пока дома будут стоять на своих собственных фундаментах, а англичане попрежнему останутся англичанами, эти законы не могут быть отменены, а подданные не могут быть лишены тех благ, которые эти законы предусматривают».

Как бы то ни было, но свободные жители провинции с благодарностью приняли новую хартию, а свободные жители территории единодушно отклонили ее; так и не добившись единства, этот новый Ликург, как называет его Монтескье, покинул их.

Эндрю Гамильтон, эсквайр [9] (речь идет не о знаменитом адвокате, носившем это имя), был назначен вице-губернатором; его усилия были направлены главным образом на то, чтобы добиться воссоединения; когда же в конце концов он понял, что это недостижимо (представители территории попрежнему отказались признавать хартию), то провинция в интересах хартии потребовала отдельного представительства, которое было определено в количестве восьми человек от каждого из трех графств и двух членов от города Филадельфии, выделившегося в самостоятельную единицу в соответствии со специальной хартией владельца; найдя необходимое подтверждение в законодательстве, они приняли следующую первую резолюцию:

«Представители или делегаты фригольдеров этих провинций согласно полномочиям, гарантированным владельцем и губернатором в его хартии, датированной 8 октября 1701 года, могут ежегодно собираться на заседания 14 октября в Филадельфии или же в каком-либо другом месте, назначенном губернатором и советом, и далее собираться в назначаемые ими самими сроки, время от времени, в течение года их службы для подготовки законопроектов, обсуждения их и голосования на предмет утверждения их в качестве законов. В их обязанности входит также назначать комиссии, удовлетворять жалобы, предавать суду преступников в той же полной мере, как это делали ассамблеи этих провинций и территорий прежде или могли бы делать согласно закону. Все их действия должны соответствовать тем же самым целям, что и действия соседних правительств, находящихся под властью английской короны, согласно правам и привилегиям свободнорожденных подданных Англии, по возможности ближе придерживаясь правил и предписаний английского парламента, учитывая молодость правительства и возможности народа; упомянутая ассамблея должна по каждому требованию губернатора выполнять его указания по вопросам законодательства; он должен удовлетворять всякие справедливые требования ассамблей по чрезвычайным или государственным вопросам, но губернатор не может откладывать созыв этого органа, назначать перерыв в его работе или распускать его».

ГЛАВА III

Джон Эванс сменяет Гамильтона на посту губернатора. Спор между ним и ассамблеей. Девять жалоб заносятся в протоколы ассамблеи в качестве основания для обращения к владельцу с петицией. Остальная часть петиции. Ассамблея отказывает губернатору в просьбе передать ему копию петиции. Губернатор критикует хартию собственности, дарованную владельцем. Автор хартии берет ее под защиту. Губернатор заявляет о величайшем недовольстве владельца петицией ассамблеи. Ответ ассамблеи. Губернатор ссылается на хартию привилегий, как на единственный закон, который должен быть положен в основу управления провинцией. Ассамблея жалуется на нарушения этой хартии. Ассамблея обращается к владельцу с жалобой на губернатора. Ассамблея выдвигает обвинения против Логена, но губернатор берет его под защиту. Ассамблея единодушно выражает благодарность владельцу за отзыв Эванса. Общий обзор правления губернатора Гукина. Ассамблея характеризует свою деятельность.

Таково было положение вещей, когда Джон Эванс, эсквайр, назначенный вице-губернатором после смерти мистера Гамильтона, прибыл в Пенсильванию в начале 1704 года.

Нам неизвестно, какова была его задача и какие инструкции он получил, но, обращаясь к представителям провинции и территорий, которые собрались одновременно по его распоряжению в зале совета, он выразил удивление по поводу того, что они административно разделены, и заявил, что ее величество королева считает их единым административным целым, и убедительно просил их прийти к мирному соглашению, дав им при этом понять, что в противном случае ни то, ни другое правительство не будет считаться правомочным.

В ответ на это представители провинции заявили, что они будут искренне приветствовать более тесный союз с территориями при условии неприкосновенности их конституции и дарованной им хартии. Они сказали, что конституция и хартия территорий послужили причиной для внесения в их хартию пункта, который дал им возможность действовать самостоятельно; заверили, что будут придерживаться столь доброжелательных и добрососедских отношений с территориями, что не возникнет никаких неудобств от разделения, и сообщили, что уже назначили комиссию для переговоров, и т. п.

В связи с этим между двумя палатами имел место ряд совещаний, результатом которых явились два документа. Один из них был от представителей территорий, довольно неясный по содержанию; в нем выражалось согласие принять хартию, которую они до этого времени отклоняли, и сотрудничать с провинцией. Второй документ был ответом представителей провинции; они обвиняли представителей территорий в непоследо-

вательности и заявляли, что поскольку в прошлом из-за их формального отказа они были вынуждены создать самостоятельную ассамблею, то теперь не в их власти удовлетворить их просьбу об объединении, так как это несовместимо с хартией и может подорвать оказанное им доверие и т. п.; на этом закончились все переговоры по данному вопросу, а представители провинции уже успели навлечь на себя немилость нового губернатора своим невниманием к его пожеланиям.

Немилость эта усугубилась после того, как ассамблея представила на рассмотрение губернатора законопроект, подтверждающий ее хартию и предусматривающий ряд мер по ограничению излишеств, допускавшихся земельным департаментом, который находился в ведении владельца; члены ассамблеи в свою очередь были недовольны неумеренной критикой их действий на одном из заседаний совета.

Но это было еще не все: законопроект, который должен был подтвердить их хартию, был возвращен с такими поправками, которые, по мнению Палаты, уничтожали существующую конституцию, в связи с чем ассамблея единодушно приняла следующие решения:

«Палата не может принять эти поправки, будучи твердо убеждена в том, что поправки к четвертой и пятой страницам законопроекта сделают хартию бесполезной и ненужной и вызовут недовольство по адресу владельца, который даровал эту хартию вместо других хартий, предусматривавших большие привилегии для первых поселенцев и тех, кто покупал землю в этой провинции, привилегии, которые казались им столь же неоспоримыми, как и права на купленную ими землю; кроме того, вносимые поправки сводят на нет существующую конституцию, на основании которой и собрались сейчас представители свободного населения данной провинции и которую они твердо намерены отстоять и сохранить.

Мы твердо убеждены в том, что губернатору следует урегулировать порядок принятия законопроектов; однако губернатор сам решает, следует ли ему присутствовать в совете при принятии законопроектов.

Мы твердо убеждены в том, что совет (избранный по существующей ныне системе) может участвовать в издании законов лишь при условии присутствия губернатора на заседании совета; в противном случае его участие в законодательной власти несовместимо с дарственной грамотой покойного короля и упомянутой выше хартией привилегий; палата считает, что самостоятельное принятие законов советом возможно лишь в случае смерти губернатора или же по особому распоряжению генерал-губернатора; в законопроект должна быть внесена при этом соответствующая оговорка».

«Джону Эвансу, эсквайру, губернатору провинции и пр.

Обращение ассамблеи указанной провинции, заседающей в Пенсильвании, 12 августа 1704 года.

Ассамблея всепокорнейше заявляет, что, серьезно рассмотрев вопросы, обсуждавшиеся вчера на совещании касательно поправок к законопроекту, озаглавленному «Акт к устранению и предотвращению вопросов и споров по поводу созыва и порядка заседаний настоящей ассамблеи» и ставящему своей целью подтверждение хартии привилегий, она не обнаружила никаких дополнительных аргументов, которые позволили бы примирить упомянутые выше поправки с содержанием нашей хартии, и на основании этого пришла к следующему решению: Признание за губернатором права распускать ассамблею или же объявлять перерыв в ее работе свело бы на нет порядок выборов, установленный хартией, которая является постоянным документом, подтвержденным законодательными органами нашего правительства. Это привело бы к тому, что выборы стали бы производиться на основании документов прерогативного и даже преимущественного порядка, что запрещено хартией как владельцу, так и его наместнику.

Но во избежание возникновения недовольства той частью хартии и законопроекта, согласно которой мы имеем право назначать заседания по нашему собственному усмотрению, мы согласны твердо установить и ограничить сроки заседаний и перерывов и соответственно вносим на рассмотрение губернатора следующее предложение:

Внести в вышеупомянутый законопроект дополнительный пункт о том, чтобы сроки заседаний ассамблеи ежегодно, начиная с четырнадцатого октября, не превышали двадцати дней, если губернатор и ассамблея не примут совместного решения о более длительном сроке; перерыв в работе ассамблеи с этого момента не должен быть меньше трех месяцев; это относится к каждому заседанию и к каждому перерыву в течение всего года».

Ответ на это послание гласил:

«От губернатора ассамблее

Губернатор, посоветовавшись с компетентными лицами по вопросу о роспуске ассамблеи и о назначении перерывов в ее работе, отнюдь не считает, что владелец передоверил свое право в этом отношении и что поэтому неблагоразумно с его стороны поступать подобным образом. Ему крайне нежелательно вступать в какие-либо споры с ассамблеей, и он постоянно будет стремиться к тому, чтобы не осложнять положения вещей ни в этом, ни в других вопросах, и он изъявляет желание отложить рассмотрение данного вопроса до получения дальнейших указаний из Англии, куда, по его мнению, следует обратиться за решением. Тем временем он советует ассамблее

заняться неотложными государственными делами, и да вдохновит ее на этот труд предоставленная сейчас возможность».

Ассамблея ответила следующее:

«Джону Эвансу, эсквайру, губернатору провинции и пр.

Обращение представителей и т. д.

Покорнейше сообщаем,

что мы серьезно рассмотрели вчера твое письменное послание касательно законопроекта о подтверждении хартии привилегий и т. п.

И поскольку ты утверждаешь за собой право роспуска и назначения перерывов в работе ассамблеи, а начиная с октября прошлого года совет поставил под сомнение право ассамблеи самой назначать сроки заседаний, что заставило нас пойти на издание специального документа, подтверждающего нашу конституцию, то мы считаем, что если мы сейчас откажемся от обсуждения этого вопроса (и оставим его нерешенным), то мы тем самым нарушим существующую ныне конституцию; а следовательно, не совсем правильно будет приступить к другим важным делам, прежде чем не будет урегулирован вопрос об основном документе, нашей конституции.

Один из членов совета, доставивший нам послание, соизволил заметить, что владелец не отказался от содержащегося в хартии права роспуска ассамблеи и пр. (так он и выразился); однако мы считаем очевидным, что владелец не намеревается сохранить за собой это право и вот по каким причинам:

Во-первых, потому что воспользоваться этим правом — значит свести на нет само существо дарованной хартии, в которой говорится, что у нас должна быть ассамблея, избираемая сроком на один год.

Во-вторых, если ассамблея будет распущена, а губернатор не имеет права созвать новую ассамблею письменным предписанием, как совершенно справедливо заметил тот же член совета, то провинция на всю оставшуюся часть года окажется без ассамблеи, а губернатор — без права созвать таковую, какие бы распоряжения ни были получены от верховной власти и какие бы чрезвычайные происшествия ни имели место; созвать новую ассамблею (как соизволил заметить упомянутый выше член совета) можно будет лишь в том случае, если губернатор рассчитывает на то, что новая ассамблея задним числом утвердит его действия.

В-третьих, владелец в преамбуле к действующей ныне хартии благоволил вспомнить и подтвердить свое обещание ассамблее при вручении прежней хартии, что он даст нам хартию, в большей мере отвечающую обстоятельствам провинции; поэтому в подтверждение его добрых и искренних намерений эта хартия и должна быть именно такой.

В-четвертых, из ранее существовавшей конституции следует, что о роспуске ассамблеи не может быть и речи, так как в течение года могут созываться только определенные члены ассамблеи, которых нельзя заменять; долголетний опыт показал, что это не вызывает никаких неудобств. Кроме того, такой порядок никогда не вызывал споров и разногласий между владельцем и народом, для урегулирования которых понадобилась бы новая хартия; причины составления новой хартии были иные, о чем известно некоторым членам совета.

В-пятых и в последних, ясным доказательством того, что владелец никогда не намеревался сохранять за собой право роспуска ассамблеи, является тот факт, что на заключительном заседании ассамблеи в 1701 году, когда члены ассамблеи, избиравшиеся в то время на основании письменных предписаний, потребовали роспуска Палаты, владелец ответил, что не станет делать этого; он не мог взять на себя ответственность перед верховной властью и оставить провинцию без постоянной ассамблеи.

Итак, мы берем на себя смелость поставить тебя в известность, что поскольку данная ассамблея (долго надеясь, что ты утвердишь как этот, так и другие представленные на твое рассмотрение законопроекты) очень стеснена во времени, так как время года настоятельно требует от большинства членов вернуться к своим делам, а также считая, что нерасположение губернатора мешает делу и что вскоре произойдут новые выборы, ассамблея имеет намерение и желание отсрочить рассмотрение всех дел до заседания ассамблеи следующего созыва, а тем временем губернатор соблаговолит еще раз рассмотреть упомянутые выше вопросы».

Помимо этого члены ассамблеи единогласно решили объяснить все самому владельцу и составили жалобу из девяти пунктов, следующим образом записанную в ее протоколах:

Первое. При первоначальном заселении провинции владелец обещал большие привилегии и даровал своему народу несколько хартий; однако путем всевозможных уловок он соизволил свести их на нет.

Второе. Предоставление владельцем его нынешнему наместнику полномочия распускать ассамблею, объявлять перерыв в ее работе и созывать ассамблеи по письменному предписанию, а также те распоряжения, которые он давал прежним наместникам и уполномоченным, противоречат вышеупомянутым хартиям.

Третье. В последний раз, когда он был здесь, в его распоряжении были большие суммы денег для ведения переговоров об утверждении наших законов, а также для того, чтобы добиться в Англии благоприятных условий для населения данной провинции, для освобождения его друзей в провинции от принесения присяги и т. д.; однако мы видим, что ни один из наших за-

конов. не утвержден, люди не освобождены от присяги; более того, нами получен указ королевы, требующий принесения присяги, в результате чего квакеры не могут заседать в суде.

Четвертое. После смерти Эдварда Пеннингтона не был назначен главный землемер, а землемеры и другие чиновники, имеющие отношение к имуществу населения, занимаются злоупотреблениями и вымогательством, и все это потому, что владелец отказывается утвердить внесенный ассамблеей в 1701 году законопроект об урегулировании оплаты за услуги и т. д.

Пятое. Обстоятельства складываются так, что мы бессильны предпринять что-либо в тех случаях, которые не были предусмотрены им в хартиях, так как нынешний наместник считает для себя обременительным вносить какие-либо дополнения в дарованные владельцем права или давать разъяснения, а некоторые члены совета считают абсурдными и неразумными наши обращения к нему по этому поводу.

Шестое. Мы бессильны также добиться справедливости в тех случаях, когда владелец поступает несправедливо по отношению к нам или ущемляет наши гражданские права, так как судебный письмоводитель, будучи назначен самим владельцем, отказывается принимать к рассмотрению в суде наши жалобы, а судьи, которым надлежало бы разбирать наши дела, также назначены владельцем, в результате чего он становится судьей по своему собственному делу, что противоречит естественной справедливости.

Седьмое. Шерифы и другие высокопоставленные правительственные чиновники, командированные сюда владельцем, не имеют сколько-нибудь значительного состояния, и если кто-либо из них и вносил залог, то только владельцу, поэтому люди, которых эти чиновники обманывают и обкрадывают, никакой пользы от этих залогов получить не могут.

Восьмое. Хотя уполномоченные по делам собственности и наделены правом компенсации в тех случаях, когда люди не получили столько земли, сколько им следовало при покупке, они всячески оттягивают восстановление справедливости в этих случаях.

Девятое. Мы просим владельца не устраняться от управления провинцией, вспомнив данные им обещания добиться лучших условий для населения и пр., и хотим дать ему понять, как увеличился порок за последнее время.

Ассамблея приняла решение составить петицию на основании этой жалобы и отослать ее при первой возможности.

Некоторые части этой петиции мы уже изложили, но поскольку впоследствии высказывались предположения, что в петиции помимо приведенных нами ниже содержались и другие вопросы, то следует привести здесь и остальную часть.

После того как ты был восстановлен в управлении провинцией, ты потребовал от наместника, чтобы он правил нами в соответствии с хартией, но в связи с вмешательством Флетчера это оказалось невозможным до тех пор, пока не были получены твои приказания, в результате чего управление провинцией снова осуществлялось без должного порядка. Не лучше обстояло дело и с осуществлением твоих прав собственности, так как ты назначил для этой цели в числе других и таких людей, с которыми остальные не желали иметь дела. И, наконец, был упразднен департамент по делам собственности и уничтожена должность главного землемера, и это продолжалось до тех пор, пока ты не распродал земли на сумму около двух тысяч фунтов стерлингов и дал полномочия в Англии на межевание этих земельных участков; кроме того, ты закрепил большие земельные участки за собой и за своими родственниками помимо нескольких ценных участков, которые подлежали продаже, но были укрыты твоими землемерами то ли для тебя, то ли для них самих, о чем нам неизвестно; однако ты присвоил эти земли под видом *утаенных земель,* в то время как в действительности они были утаены от покупателей, которым причитались смежные участки без всякого промежуточного расстояния между ними; тебе же полагалась только десятая часть согласно твоим обещаниям первым поселенцам; если же ты приобретал землю в другом порядке, то это твоя собственная вина (а не их), второй же твой поступок причинил им явный ущерб, как мы уже выше заявили.

Когда ты в последний раз был здесь, то мы надеялись, что после всех пережитых нами трудностей и разочарований нам удастся пожать плоды твоих прежних обещаний и обязательств; но вместо этого мы увидели, что ты полон негодования, и на многие наши обращения и просьбы относительно наших справедливых прав и привилегий ты отвечал встречными обвинениями или же горькими упреками; и мы поняли, что несправедливые наветы и обвинения наших противников по адресу провинции о нарушении правил торговли и об укрывательстве пиратов произвели на тебя такое сильное впечатление, что ты предпочел поверить им, а не твоим честным друзьям.

Когда ты приступил к законодательству, то тебе было угодно отменить все законы, принятые во время правления полковника Флетчера и, насколько нам известно, одобренные королем или королевой; как мы поняли из твоего сообщения, а именно, что канцлер Сомерс вызывал тебя, чтобы узнать, нет ли у тебя каких-либо возражений против этих законов, и если бы ты высказался против, то ни один из них бы не прошел. Но это еще не все, ты уговорил население отказаться от упомянутой второй хартии, пообещав ему даровать лучшую, а под предлогом принятия закона, подтверждающего и гарантирующего их право

на землю и пр. ты добился неограниченного права заново измерить все земельные участки в провинции и заставить людей платить за излишки; благодаря этой уловке привилегии, межевание и новые патенты обходятся населению так же дорого, а некоторым людям даже дороже, чем первоначальная стоимость земли, не говоря уже о том, что им приходится подолгу уговаривать твоего секретаря и землемеров сделать то, что положено; но прежде чем ты утвердишь этот акт, потребуется утвердить налог или акциз и, кроме того, законопроект на две тысячи фунтов. И всему этому ты не придавал никакого значения, когда ты сравнивал это с большими расходами, которые тебе пришлось нести по управлению этой провинцией и обороне ее с 1682 года, хотя нам известно, что, впервые приехав сюда, ты пробыл здесь всего два года, после чего ты отправился в Англию для урегулирования разногласий между тобой и Балтимором касательно границ Нижних графств, а вернулся ты только в 1699 году, объясняя свое отсутствие службой английскому народу вообще и твоим друзьям в Англии в частности (как явствует из писем, которые ты время от времени присылал нам); интерес же к этой провинции тем временем падал, в то время как его можно было бы поддержать стараниями многих состоятельных людей, которые охотно переехали бы сюда после поражения из Монмаута, если бы ты в то время приехал сюда, как ты неоднократно обещал. О том, смог ли ты действительно добиться того, зачем ты уехал в Англию, и в какой мере твой отъезд способствовал утверждению жителей провинции в их правах, свободах и привилегиях, мы предоставляем доказать тебе самому, а миру судить об этом. Сейчас нам хотелось бы, чтобы ты лучше подумал о том, что хорошего было сделано в этой провинции; не забывай, что из якобы понесенных тобой расходов ничего не пошло на вознаграждение тем, кто, принимая участие в управлении провинцией, действовал по твоим указаниям; один из них, Томас Ллойд, прослужил тебе в твое отсутствие около девяти лет, а платить за это, по твоему, должна очевидно провинция.

После того как ты провел эти пункты и был вызван в Англию, ты даровал третью хартию привилегий, на основании которой мы и собрались здесь сейчас; кроме того, тобой была дарована хартия о присоединении города Филадельфии, подписана хартия собственности, но ты отказался поставить свою печать под ней, не посоветовавшись по этому поводу в Англии; однако ты обещал, что утвердишь первую часть ее, касающуюся прав на землю, но шесть месяцев спустя ты прислал указ за своей печатью, отменяющий твое первое решение.

После того как было закончено составление законов о сборе указанных выше налогов и податей, ты внес предложение, что если твои друзья дадут тебе денег, то ты обещаешь повести их

дела в Англии к их наибольшей выгоде, а также добиться одобрения наших законов и всеобщего освобождения от присяги. Мы считаем, что нам удалось собрать значительную сумму денег для этих целей путем подписки и пожертвований; часть из них ты получил еще до отъезда, а большая часть была получена затем твоим секретарем; однако у нас нет сведений о том, что наши законы одобрены, не получали мы от тебя ни писем, ни каких-либо других извещений; писал нам твой секретарь, да и то от случая к случаю, и из его писем мы поняли, что ты добиваешься лучших условий для себя и своей семьи. Мы также сделали вывод о том, что ты собираешься отказаться от правления; твои друзья здесь не только не освобождены от присяги, а, напротив, получено приказание королевы требовать присяги по всем правилам закона от всех, желающих занимать судейские должности, благодаря чему люди, называемые квакерами, лишены возможности заседать в судах.

Последней хартией привилегий ты установил порядок ежегодного выбора представителей в ассамблею, которые сами назначают сроки своих заседаний и перерывы в работе; однако ты дал своему нынешнему наместнику Джону Эвансу полномочия, прямо противоречащие упомянутой хартии, а именно — не только созывать ассамблею по письменному предписанию, но и делать перерыв в работе ассамблеи или же распускать ее по собственному усмотрению. Кроме того, хотя ты и находишься в Англии, ты сохраняешь за собой право окончательного одобрения законопроектов, принятых здесь наместником. Мы полагаем, что ты не забыл о том, что прежняя хартия потому главным образом и была признана неудобной, если не непригодной, что вмешательство полковника Флетчера нарушило ежегодные выборы совета, а следовательно, и внесение советом законов в присутствии губернатора; известную роль при этом сыграло также неопределенное положение Нижних графств, и если в то время мы еще могли сомневаться в том, что именно последует из этого, то теперь результаты имеются налицо. Однако наличие в провинции избираемой ежегодно, постоянно действующей ассамблеи, роспуск или созыв которой в экстренных случаях мог производиться только губернатором, никогда не встречало возражений и не выдвигалось в качестве основания для замены прежней хартии настоящей; если же будет введен порядок роспуска ассамблеи, то это сведет на нет конституцию, так как если ассамблея будет распущена, то провинция окажется бо́льшую часть года без ассамблеи, а губернатор будет лишен права созвать ее, какие бы приказания ни были получены от верховной власти и что бы другое ни случилось; ибо поскольку выборы установлены хартией, которая по своей природе является постоянно действующим документом и имеет силу закона, то за-

мена ее предписаниями губернатора, являющимися всего лишь правительственными актами временного характера, имела бы губительные последствия для провинции, равно как и для тебя; в свое время ты, казалось, прекрасно понимал это, ибо, когда по окончании заседаний в 1701 году ассамблея потребовала роспуска (поскольку она была созвана письменным предписанием), ты сообщил ей, что тебе это нежелательно, так как ты не можешь нести ответственность перед верховной властью, оставив провинцию без постоянно действующей ассамблеи.

Поскольку запрещение роспуска ассамблеи или объявления перерыва в ее работе прямо следует из дарованной тобой хартии, а также подтверждается всей практикой на основе предыдущей хартии, которую ты обещал заменить лучшей, то, когда совет в октябре прошлого года попытался назначить перерыв в нашей работе, мы сочли своим долгом подготовить законопроект, подтверждающий, объясняющий и регулирующий существующую ныне конституцию; такой законопроект мы представили твоему наместнику на утверждение, однако он, считая, что в хартии не сказано точно, что отменяется право роспуска ассамблеи или назначения перерыва в ее работе, а также считая, что такое положение препятствует выполнению им своих полномочий, после неоднократных совещаний с ним и членами совета счел необходимым рекомендовать нам не настаивать больше на утверждении законопроекта, пока не получим от тебя указаний; поскольку он не хочет принять упомянутый выше законопроект, столь необходимый с нашей точки зрения и являющийся основой нашей конституции, мы не сочли возможным перейти к рассмотрению других дел, пока этот вопрос остается неурегулированным. Мы считаем также, что ни нынешняя, ни последующие ассамблеи не смогут предпринять что-либо в области законодательства до тех пор, пока не будут устранены те трудности, с которыми мы сейчас встречаемся в нашей работе, причем это можно сделать либо твоим срочным приказанием, либо твоим наместником без твоего вмешательства. Мы считаем, что рассмотрение в настоящее время других дел было бы равносильно строительству здания до того, как заложен его фундамент. Мы не считаем также целесообразным предпринимать какие-либо дальнейшие шаги в области законодательства до тех пор, пока ты не отменишь ту часть полномочий твоего наместника, которая относится к роспуску ассамблей или назначению перерыва в их работе как по причинам, которые мы упомянули выше, так и учитывая твое право окончательного одобрения законов, которое мы считаем весьма неразумным само по себе и являющимся серьезным нарушением нашей конституции, так как ты предлагаешь сейчас ввести три инстанции, имеющие право наложить вето на наши законы, в то время как согласно нашей первой

хартии это право сохранялось только за верховной властью; мы уже ранее указывали тебе на то, каким способом ты добился права вето для себя, если же ты теперь хочешь учредить над нами три инстанции, то нам останется только пожаловаться королеве, что ты не имеешь должного веса в провинции, и дать ей таким образом предлог взять нас под свою непосредственную защиту и попечение, а это в свою очередь приведет к тому, что ты сложишь свои правительственные полномочия в некоторой степени по нашей инициативе. Если же ты сделаешь это, не испросив предварительно согласия землевладельцев и жителей данной провинции, то это будет слишком уж похоже на предательство.

Находящиеся в нашем распоряжении жалобы говорят о том, что жители провинции очень страдают от злоупотреблений и вымогательств со стороны твоего секретаря, землемеров и других чиновников, занимающихся вопросами собственности и заседающих в судах. Этого можно было бы избежать, если бы ты соблаговолил утвердить законопроект, внесенный ассамблеей в 1701 году касательно урегулирования вознаграждения за услуги; большим неудобством является также отсутствие главного землемера, что наносит большой ущерб населению и вызывает его недовольство так же, как и отсутствие правильного отправления правосудия по делам, возникающим между тобой и жителями провинции. Дело в том, что если мы подадим жалобу на тебя или на лиц, представляющих тебя в провинции по делам собственности или администрации, то разбирать эти дела будут назначенные тобой лично судьи. Тем самым, с точки зрения законности, ты выступаешь судьей по своему же собственному делу, что противоречит естественной справедливости. Поэтому мы предлагаем, чтобы королева направила к нам человека, хорошо знающего английские законы, для разбора всех дел, возбужденных твоими арендаторами против тебя, твоих представителей или уполномоченных тобой лиц. Или же следует восстановить право населения самому избирать судей, заседателей и других чиновников, как это было предусмотрено первой хартией и как этого желали первые поселенцы, и как это имеет место сейчас в Новой Англии согласно хартии короля Вильгельма. Назначенные тобой чиновники по делам собственности весьма неохотно компенсируют недостаток тех земельных участков, за которые тебе было уплачено много лет тому назад (хотя ты и предоставил им полномочия делать это), а для удовлетворения жалоб в этом вопросе людям приходится преодолевать такие трудности и испытывать такие беспокойства, что некоторые из землевладельцев предпочитают отказаться от своих прав, чем обхаживать и упрашивать чиновников, за исключением тех случаев, когда не хватает слишком много земли.

Если у нас много и других жалоб, как, например, на неслыханное злоупотребление с твоей стороны по отношению к твоим покупателям и др., когда ты делаешь вид, что отдаешь в их распоряжение целый город, а затем, обложив их бессовестной квит-рентой, сдираешь с них вдесятеро больше, чем им обошлась бы обычная покупка; имеются также жалобы на банк, на отсутствие в городах общественных выгонов для скота, более того, сама земля, на которой стоит город, еще является предметом шведских притязаний.

Таковы главные жалобы, которые мы сочли нужным довести до твоего сведения, и убедительно просим тебя серьезно рассмотреть их, чтобы ты, наконец, после стольких трудностей, пережитых и выстраданных нами (а за последнее время их становится все больше и больше), сделал все, что в твоих силах, чтобы восстановить доверие к тебе в наших глазах, в глазах твоих бедных арендаторов и соотечественников, удовлетворив наши жалобы, главным образом утвердив наши законы, освободив нас от присяги и дав категорические указания твоему наместнику действовать совместно с нами на основе нашей конституции; дав ему также указания разъяснить, урегулировать и подтвердить в законодательном порядке привилегии, дарованные тобой городу и провинции хартиями. Далее мы убедительно просим тебя принять действенные меры к пресечению порока, который, к нашему великому огорчению, распространился среди нас с еще большей силой со времени приезда твоего наместника и его сына, особенно за последнее время, причем этот порок принял размеры, до этого неведомые нам. Не можем мы скрыть от тебя и того, что власти потворствуют пороку, если не поощряют его, а наиболее трезвые члены городского самоуправления не могут раскрыть рта в связи с последним указом относительно присяги, а губернатор дает разрешение на открытие таверн без согласия членов магистрата города Филадельфия, причем тон задают главным образом те, которые не отличаются большой умеренностью в разговоре. Совершенно необходимы твои категорические указания по этому вопросу твоему наместнику, который считает неразумным и весьма затруднительным для себя санкционировать законы, объясняющие твою хартию, или же предпринять какие-либо меры в порядке расширения или подтверждения таковой за исключением того, что безусловно даровано тобой, а некоторые члены совета считают бессмысленным с нашей стороны ждать от него такого рода действий; мы хотим также, чтобы ты распорядился, что разрешения на открытие трактиров и таверн могут давать только судебные органы согласно твоему письму от сентября 1697 года; и мы надеемся, что достаточно ясно объяснили тебе, в чем заключается дело чести для тебя и твои обязательства по отношению к твоим друзьям и особенно по отно-

шению к первым покупателям земли и поселенцам этой провинции; что ты не откажешься от управления провинцией, какие бы условия ты ни оговорил при этом для себя и своей семьи, так как твой отказ мы расценили бы как предательство; в лучшем случае это было бы похоже на то, как если бы ты сначала остриг овцу, а затем продал ее; мы советуем тебе лучше использовать все свое влияние при дворе королевы, чтобы облегчить наше положение; и если, несмотря на все твои старания удержать в своих руках управление провинцией, оно все же будет *насильственно* отнято у тебя, ты будешь чист перед богом и перед нами, представителями народа этой твоей провинции, которые являются твоими настоящими друзьями и доброжелателями, что явствует из нашего откровенного обращения к тебе».

Совершенно естественно, что подобный документ не мог не затронуть особенно глубоко тех, против кого он был направлен, и что остальные люди также воспринимали его по-разному, в зависимости от склада ума и занимаемого общественного положения.

Те, кто прекрасно отдавал себе отчет в необходимости блюсти прежде всего основные принципы управления и в той опасности, которую может повлечь за собой малейшее отступление от них, не могли не приветствовать прямоты и твердости этого обращения; те же, кого столь ослепляет внешняя сторона вещей, что они не в состоянии вникнуть в их содержание, больше всего беспокоились о репутации отца и основателя своей общины и, следовательно, были склонны думать, что с ним обошлись жестоко.

Прочные связи и зависимость всегда оказывают какое-то скрытое косвенное влияние на наши мысли и желания, а также на наши высказывания, и это следует всегда учитывать при спорах в отношении обеих сторон.

Семь человек, в том числе и несколько членов совета, обратились с просьбой к ассамблее следующего созыва дать им копию обращения к владельцу, но им наотрез отказали; и даже когда сам губернатор в весьма резких выражениях потребовал копию, члены ассамблеи оставались непоколебимы.

Сколь бы сильным ни было их желание заставить владельца выполнить свои первоначальные обещания, они в равной мере не желали разоблачать его; в соответствии с этим ассамблея созыва 1706/07 года в одном из своих посланий губернатору заявила, что «в надежде на то, что обсуждаемый законопроект о судопроизводстве положит конец некоторым несправедливостям, от которых члены ассамблеи страдали несколько лет, они отныне будут воздерживаться от *публичных* петиций, предпочитая устранять неполадки, вместо того чтобы жаловаться на них». Их тоже, видимо, одолевали сомнения; влияние их было непроч-

ным, оно зависело от доброй воли многих людей, а непостоянство человеческого характера, о чем упоминалось выше, могло взять верх над соображениями справедливости и благополучия как их самих, так и их потомков. В это время у провинции были свои причины, которые делали весьма нежелательным переход под непосредственное управление короны (положение с присягой, милиция и пр.), в связи с чем она не стремилась к полному разрыву с владельцем.

Незадолго до этого губернатор, предприняв ряд косвенных мер, как то: воздействие на избирателей и запугивание их (это обвинение было публично предъявлено правительственным органам ассамблеей созыва 1706/07 года), добился такого покладистого состава ассамблеи и назначения спикером такого уступчивого человека, что ему уже почти ничего не оставалось желать. Не следует также забывать, что и его преемнику Гукину удалось добиться того же в 1710 году.

Во все государственные дела вклиниваются какие-то личные моменты. Так и в этот бурный период мы часто встречаем упоминание о двух деятелях, придерживавшихся противоположных целей и принципов и выступавших от имени двух противоположных сторон. Речь идет о Давиде Ллойде, спикере ассамблеи, и Джемсе Логене, секретаре губернатора и совета.

Логен оскорбил членов ассамблеи, прибывших с посланием к губернатору. Палата обиделась, пожаловалась, привлекла его к суду и предъявила ему обвинение в государственном преступлении. Что касается губернатора, то он питал непреодолимое отвращение к спикеру, выставлял его перед лицом общественного мнения как корыстного, ведущего раскольническую политику, опасного человека, высокомерно обращался с ним на двух заседаниях и упрекал ассамблею в том, что она не желает считаться с его мнением в этом вопросе.

Так возникали раздражение друг против друга, взаимная вражда, а поскольку каждая сторона упорно отстаивала свою правоту, то и та и другая часто бывали неправы.

Мы упоминаем здесь об этом между прочим. Но следует также добавить, что эти распри имели место в то время, когда хартия *привилегий,* хартия о городе Филадельфия и хартия собственности все еще не были утверждены, а Эванс прямо заявил народу, что до тех пор, пока владелец и назначенный им губернатор не займут подобающего им положения, ему не дождаться ни его расположения, ни защиты.

Последнюю из упомянутых хартий губернатор в одном из документов соизволил назвать скучным имущественным законопроектом, составленным исключительно в интересах народа и совершенно не учитывающим интересы владельца; он не понимает, как могли разумные люди ничтоже сумняшеся пред-

ложить его; в другом же документе он истолковывает этот законопроект как попытку спикера вовлечь в орбиту ассамблеи всю провинцию, вырвать из рук владельца и губернатора почти всю власть и передать ее народу.

На эти обвинения ассамблея дала следующий примечательный ответ:

«Что касается заявления о той хартии, которая была подготовлена при отбытии владельца из провинции, то составитель ее заверил нас, что в эту хартию включены только те полномочия, в отношении которых имеются указания владельца, и перед тем как она была переписана набело и владелец собственноручно подписал ее, она была рассмотрена и исправлена его родственником Пармитером. Однако составитель не знает, имел ли владелец при этом в виду изменить способ правления, установленный английской конституцией, и заменить существующую форму правления республиканской, или же он хотел, чтобы население провинции попрежнему отвоевывало свои права у губернаторов королевы, что непременно имело бы место, если бы парламент утвердил законопроект против управления провинцией владельцем. В то же время он хорошо помнит, как владелец сказал ему, что считает себя обязанным сделать все, что в его силах, чтобы утвердить арендаторов в их правах на землю и имущество и предоставить им всевозможные привилегии, так как он является главным хозяином своих владений, и т. п.».

Чтобы покончить с вопросом о представительстве, объективности ради следует привести здесь также выдержку из послания губернатора, что позволяет лучше разобраться как в конституции этой колонии, так и в том, что впоследствии произошло в ассамблее.

«О чем я не смею умолчать, — говорит губернатор Эванс, — так это о том, что он (владелец) крайне оскорблен гнусным пренебрежением и оскорбительным обращением, с которыми он встретился в письме, направленном от имени ассамблеи и населения этой провинции ему, но явно предназначенном для ознакомления некоторых лиц, нерасположенных к нему; в свое время я просил дать мне копию этого письма, но мне отказали под тем предлогом, что оно будет затребовано обратно (когда было уже слишком поздно). Если это письмо исходит действительно от народа, имеющего своих подлинных представителей в ассамблее, то владелец считает подобные действия достаточным основанием для того, чтобы сложить с себя все заботы о народе; если же это письмо написано лишь определенными лицами и обманным путем выдается за обращение всего народа, то он надеется, что провинция очистится от этих людей и позаботится о том, чтобы он получил должное удовлетворение».

Читатель обратит внимание на то, что владелец называет письмо оскорбительным не потому, что находит его *лживым,* а лишь потому, что оно написано в свободной манере, в чем, очевидно, и заключалось пренебрежение.

На это ассамблея направила следующий ответ:

«Что касается послания или письма, направленного владельцу по приказу или от имени ассамблеи *прошлого* созыва, которое он, как видно, счел пренебрежительным и соответственно высказал свое возмущение, то поскольку это письмо было послано не нынешней, а *прошлой* ассамблеей (или же от имени ее) и если и было нанесено оскорбление, то не нами, то и нести за это ответственность мы не можем; нам остается только сожалеть (что мы и делаем) о том, что для такого послания, очевидно, существовала *действительная* причина; если же это не так, то мы сожалеем, что было предъявлено обвинение губернатору, которого мы и любим и почитаем. Поэтому мы надеемся, что он ни в коем случае не сложит с себя обязанностей заботиться о нас и о населении данной провинции».

Достаточным доказательством того, что мистер Пенн так и не установил более или менее совершенной формы правления, является то обстоятельство, что правление этого человека с самого начала и до конца было ознаменовано беспрерывными распрями.

Население тоже чувствовало это и заявляло о своих настроениях как по этому поводу, так и по поводу его поведения в других вопросах.

Так, в одном из своих посланий ассамблее Эванс писал об этом следующее:

«По прибытии губернатор обнаружил, что народу дарована хартия, на основании которой и заседает ассамблея настоящего созыва. В этой хартии сформулирована форма управления провинцией, установленная, как он полагает, по договоренности между владельцем и народом, так как имеющиеся документы говорят о том, что она была *с благодарностью* принята заседавшей тогда ассамблеей и была подписана не только владельцем, но и спикером ассамблеи от имени всех тех представителей провинции (как утверждается), которые в то время присутствовали на заседании ассамблеи и единодушно одобрили этот документ. Из этого можно по праву сделать вывод, что все единодушно соглашались с хартией, что подтверждается также и материалами совета. Ибо, если бы люди считали, что хартией не полностью предусмотрены все их права и привилегии, то это было бы зафиксировано в свое время, так как губернатор осведомлен о том, что заседавшая тогда ассамблея полностью рассмотрела и обсудила проект хартии. Если же впоследствии были предъявлены какие-либо требования и они не были удовлетворены, то губернатор не считает себя вправе вмешиваться или брать на

себя полномочия, выходящие за пределы дарственной грамоты короля владельцу и тех полномочий, которые он получил от владельца с одобрения ее величества королевы, и намерен осуществлять свое правление на основе упомянутой выше хартии и действующих законов» и т. д.

Ассамблея ответила следующее:

«Что касается действующей ныне хартии, то хотя ей и *очень далеко* до английской конституции, но и она неоднократно *нарушалась;* и если губернатор не может удовлетворить разумных и справедливых требований народных представителей, высказываемых в соответствии с существующими в Англии порядками, то из этого можно заключить, что владелец не представлен в провинции полностью; когда хартия принималась, то отнюдь не было такого единодушия, как предполагают, так как в ней *урезаны* существовавшие прежде привилегии. Кроме того, она подготавливалась не Палатой представителей, а была составлена в *большой спешке.*

Мы хотим получить только те полномочия, которые необходимы для отправления правосудия и соответствуют английской конституции; и если за последние двадцать четыре года у нас не было таковых, то мы знаем, кого следует обвинить в этом, и мы можем только сказать, что давно пора предоставить нам возможность пользоваться своими правами».

И, наконец, ассамблея составила две петиции владельцу, в которых она подробно излагала свои жалобы и претензии к губернатору; в последней из них, датированной 10 июня 1707 года, говорилось следующее:

«Мы и народ, который мы представляем, испытывая на себе попрежнему гнет пагубного правления и образа действий твоего наместника, а также дурное поведение, незаконные действия и крупные злоупотребления со стороны твоего секретаря, стоим на пороге гибели из-за великих несправедливостей и незаконных притеснений, творимых твоими дурными уполномоченными, злоупотребляющими властью, данной тебе короной; и если ты до сих пор не оказываешь нам помощи, то, очевидно, эти люди стоят выше нас в твоем мнении.

Ассамблея, заседавшая 26-го числа, шестого месяца 1704 года, пришла к соглашению по ряду вопросов, которые согласно повестке дня заседания были сформулированы в присутствии членов ассамблеи. Документ был подписан спикером и направлен тебе с одним из пассажиров на бригантине Джона Гая, направлявшейся во Францию, откуда документ и был доставлен тебе; в этом документе тебе напомнили о том, на каких условиях была достигнута договоренность между тобой и первыми колонистами и покупателями земельных участков относительно основания этой колонии; о том, какие обещания и гарантии были

даны тобой, как ты заверял и обнадеживал их и остальных поселенцев и жителей этой провинции, что они будут пользоваться привилегиями, дарованными тобой *помимо* прав и свобод, которыми пользуются все английские подданные; далее в обращении говорится о том, как они были разочарованы во всех отношениях и обратились за помощью не только в тех вопросах, о которых говорится в *обращении* как о несправедливостях, не уничтоженных и по сей день, но и по другим вопросам, не упомянутым в нем; жалобы продолжают поступать и сейчас на жестокие притеснения, которым подвергаются подданные королевы, и на скандальное поведение нынешнего губернатора.

Нас очень беспокоит, что ты высказал такое недовольство по адресу той ассамблеи и по сей день не проявил готовности исправить несправедливость. Ты также не высказал каких-либо личных возражений против законопроектов, которые в то время были подготовлены с такой заботливостью и ответственностью и преследовали цель подтвердить хартии, дарованные тобой этому городу и провинции касательно привилегий и собственности и введения торжественных заявлений вместо присяги. Напротив, к нашему великому разочарованию, мы увидели, что ты поверил ложным обвинениям по адресу членов ассамблеи, как это явствует из твоего письма, написанного в Гайд Парке двадцать шестого числа двенадцатого месяца 1704/05 года, в котором ты весьма недружелюбно отзываешься о некоторых положениях, высказанных в обращении, и безо всякого на то основания порицаешь народных представителей, которые, как мы можем заключить из их поступков, были готовы поддержать назначенное тобой правительство провинции и желали лишь подтверждения своих справедливых прав, привилегий и собственности, установления законного отправления правосудия, назначения в магистраты людей достойных и честных и принятия такой конституции, при которой люди, называемые квакерами, могли бы наравне с другими христианами участвовать в правительстве, в чем ты их всегда обнадеживал и на что они справедливо претендуют не из соображений чести, а ради борьбы с пороками и пр.».

Потребовалось бы слишком много времени, чтобы проследить весь ход споров в этой провинции, которые с небольшими перерывами продолжались до тех пор, пока в 1717 году Гукина не сменил на посту губернатора Вильям Кейс, эсквайр (впоследствии сэр Вильям Кейс, баронет). Следить за перипетиями этого спора читателю было бы скучно, а автору утомительно.

Рассказанного достаточно для того, чтобы показать, на каких условиях вначале за мистером Пенном, как за новым патриархом, последовала в Пенсильванию его паства: на какие проступки с его стороны они впоследствии жаловались; а также об-

раз действия ассамблей нескольких созывов, которые неоднократно вступали в споры, причем одного лишь ознакомления с их протоколами достаточно для их оправдания.

Члены ассамблеи были людьми, а, следовательно, обладали всеми присущими человеку страстями и увлечениями, а если подчас эти страсти и заводили их несколько дальше, чем следовало, то ясно, что другие люди, также одержимые страстями и увлечениями, первыми заваривали эту кашу и не шли ни на какие уступки до самого конца.

Правда, от правительства почти не приходится ожидать, чтобы оно строго соблюдало все условия; но в то же время, если представители народа не будут упорно отстаивать права и требования народа, то со временем народ уже не сможет их даже предъявить.

Секретарю владельца Логену было предъявлено официальное обвинение во взяточничестве и злоупотреблениях на основании тринадцати статей, и ассамблея настаивала на привлечении его к судебной ответственности, но губернатор (Эванс) всегда находил способы уклониться от этого, хотя ассамблея неоднократно предлагала выставить своих свидетелей и запротоколировать их показания против него; самому губернатору было предъявлено шесть обвинений в форме увещаний, в которых ему вменялись в вину беспринципность, самоуправство и скандальное поведение в личной жизни.

Губернатор был настолько непопулярен, что, когда стало известно, что он отзывается со своего поста, ассамблея единогласно проголосовала за благодарность владельцу, причем это было сделано почти на его глазах, так как он еще проживал в Пенсильвании; и подобно тому как он прикрывал действия Логена, его преемник Гукин стал по существу орудием в руках Логена. У первого было имя, у последнего власть; и с помощью совета Логен делал с ним, что хотел: то пришпоривал его, то натягивал поводья.

Оба они нуждались в средствах, а следовательно, и устремления их были одинаковы: так как каждый из них на первое место ставил свои интересы, а затем уже интересы владельца, то об интересах короны они заботились очень мало, а об интересах народа не заботились вовсе.

Если Эванс отваживался зачастую действовать так, как если бы вовсе не существовало ни хартии, ни ассамблеи, или, вернее, как если бы он был уполномочен делать все, что ему угодно, презирая и хартию и ассамблею (об этом можно заключить по тому, что он произвольно распустил однажды ассамблею только лишь за то, что ее нельзя было заставить подчиняться его диктатуре), то Гукин, следуя его примеру и подстрекаемый Логеном, также объявил одну ассамблею непредставительной

и отказался поддерживать с ней отношения. Однако, когда его вот-вот должны были отозвать с поста, то у него хватило подлости в порыве отчаяния созвать эту же самую ассамблею и предложить ей в немногих словах следующее:

«За то недолгое время, которое он еще будет оставаться на своем посту, он согласен оказывать провинции всяческие услуги, какие только может; они же могут действовать *по своему собственному усмотрению* в том случае, если они в какой-то мере помогут ему вернуться для подыскания другой службы»; предложением его ассамблея не воспользовалась, а отблагодарила его подарком в двести фунтов.

И, наконец, чтобы у читателя могло сложиться общее впечатление о тех ассамблеях, которые владелец называл непокорными и беспокойными, назойливыми и высокомерными, необходимо ознакомить его с отрывком из письма ассамблеи к губернатору Эвансу, в котором она характеризует себя следующим образом: «И хотя мы и низкие люди и представляем бедную колонию, но поскольку именно нам вверен один вид законодательной власти в данной провинции *(которую мы хотим передать нашим потомкам такой же свободной, какой она была дарована нам)*, то с нами надлежало бы обращаться более учтиво тому, кто претендует на другой вид той же самой власти на основании той же самой королевской дарственной грамоты и получает *поддержку* от нас и от народа, который мы представляем».

ГЛАВА IV

Быть губернатором, назначенным владельцем, — самое пропащее дело. Ловкое поведение губернатора Кейса. Смерть Пенна. Провинция в руках доверенных лиц. Логен — одно из доверенных лиц — получает большинство в совете против губернатора. Логен совершает поездку в Англию и возвращается с личными инструкциями на имя Кейса. Ухудшение отношений между губернатором и спикером. Провинция в состоянии покоя в течение девяти лет под его управлением. Пенсильванией легко управлять, если ею управлять хорошо. Частные инструкции владельца в двух различных инстанциях признаются недействительными. Владельцы — единственные скупщики земли у индейцев. Народ несет все расходы по делам с индейцами. В Пенсильвании впервые выпускаются бумажные деньги. Предосторожности, принимаемые против их обесценивания. Конституция провинции предоставляет возможность принять пункт о самообороне силой оружия, хотя применение оружия было несовместимо с принципами квакеров.

К этому времени стало достаточно очевидно, что интересы владельца и народа, хотя и берут свое начало из одного и того же источника, расходятся постепенно все больше и больше. По этой причине каждый губернатор, назначаемый владельцем,

имеет двух хозяев: одного, от которого он получает полномочия, и другого, от которого он получает плату. Он одинаково хорошо ведет себя по отношению к обоим. Если он не будет с рвением выполнять каждое распоряжение владельца, какой бы вред оно ни наносило провинции и сколь бы оскорбительно оно ни было для ассамблеи, он будет отозван; если же он не удовлетворит тех требований ассамблеи, на которые она считает себя вправе претендовать, то его жизнь неминуемо будет проходить в постоянных ссорах с ассамблеей, причем еще неизвестно, сможет ли он вообще жить. В общем быть губернатором в таких условиях — самое пропащее дело.

Сэр Вильям Кейс не мог не понимать этого, и поэтому какие бы инструкции он ни получил в Англии, будь то от своего принципала или же от министерства торговли, он все же решил, прибыв на место, управлять провинцией так, как этого требовали ее основные интересы. Поэтому его правление полностью отличалось от правления обоих его предшественников.

В первом его обращении к ассамблее явно сквозила забота о его собственных доходах, но он говорил простым и доходчивым языком, даже не упомянув имени владельца, намеки его были настолько ясны, что их нельзя было истолковать превратно, и сводились они к тому, что, если ему будут хорошо платить, он будет хорошо им служить.

Ассамблея в свою очередь оказалась достаточно разумной, чтобы понять, что ничего иного нельзя требовать от человека, который должен с определенным блеском содержать семью, а сам не богаче всякого другого губернатора провинции. Короче говоря, они поверили в него, были либеральны по отношению к нему, а выгоды для провинции от его правления вполне оправдывали их доверие. Таким образом, правильное действие главной пружины в течение значительного периода времени поддерживало ход всей правительственной машины, причем механизм ее действовал с таким постоянством, какого она раньше и не знавала.

В политике людей крепче всего связывает взаимный интерес, а деньги подданных никогда не расходуются более целесообразно, чем на поддержание порядка и спокойствия и на создание хорошего законодательства. В этом отношении правление Кейса следует помянуть добрым словом.

Наконец, Кейс пал. Он навлек на себя недовольство владельца благодаря проискам Логена, секретаря владельца, который чувствовал себя обиженным, а также вследствие ряда собственных упущений и ошибок. Небесполезно будет рассказать о том, как именно это произошло.

Когда в 1718 году мистер Пенн умер, то по его завещанию владение провинцией (значительно обедневшей, во-первых,

в связи с ипотекой, и, во-вторых, в связи с передачей ее короне за десять тысяч фунтов, из которых он получил только две) перешло в руки опекунов, а именно: его вдовы, Генри Гулдни, Джошуа Джи и его вездесущего секретаря Логена.

В провинции было хорошо известно, какие трудности испытывает семья Пенна. Между тем жители провинции, будучи довольны своим губернатором, исполняли все свои обязанности по отношению к ней и не высказывали, по всей видимости, никакого недоброжелательства.

Единственно, кто был недоволен, — это Логен и его прихвостни, а почему — мы увидим ниже. Губернатор и ассамблея, действуя в полном согласии, могли управлять провинцией без его участия; так он утерял значение как для губернатора, так и для ассамблеи, и лишь эта доля в опекунстве предоставила ему возможность вмешаться и уполномочивала его подавать голос к невыгоде как губернатора, так и ассамблеи.

На второй год после приезда Кейса Логен добился раскола в совете, настроив большинство членов против губернатора. Отныне он писал о нем в своих донесениях как о человеке, который подменил интересы владельца своими собственными и находится в сговоре с ассамблеей, стремясь поставить как законодательную, так и исполнительную власть на службу интересам народа.

При всей его осторожности и опытности в искусстве политического притворства его деятельность не могла долго оставаться незамеченной Кейсом. Будучи разоблачен (как говорит Кейс *) в ухудшении и даже в извращении некоторых протоколов совета в указанных выше целях и будучи полностью уверен в протекции со стороны владельца, он прибегнул к его защите и стал возводить обвинения на губернатора. Последний сместил Логена с его секретарского поста и назначил другого на его место.

Запасшись этой и множеством других жалоб того же содержания, Логен уехал в Англию, вскоре стал одним из опекунов и так обхаживал вдову Пенна и других членов семьи, что они отправили его обратно с полным упреков письмом и личными инструкциями Кейсу — не только восстановить Логена в должности, но и по существу подчиниться ему так же безоговорочно, как это делал Гукин.

Кейс же, будучи слишком честолюбивым человеком, чтобы подчиниться такому требованию, а также предположив, что его служба в колонии и защита ее интересов и его связи с самыми именитыми колонистами оградят его от какой бы то ни было

---

* Письмо губернатора Кейса к вдове Пенна от 24 сентября 1724 года.— *Автор.*

оппозиции, сообщил обо всем ассамблее, в том числе и о своих ответах. Он считал это своим первейшим долгом, поскольку Логен уже пытался восстановить против него группу людей.

В ответ на это Логен начинает выступать в защиту интересов владельца, представляет на имя ассамблеи письменное ходатайство, оправдывая в нем все те ограничения власти губернатора, которые содержались в инструкциях (они будут объяснены на следующей сессии), и, трудно сказать, случайно или преднамеренно, ему удалось утаить существо ссоры, заявив, что владелец за время своего отсутствия не получил от правительства ни одного пенни ни для себя, ни для членов своей семьи, в то время как другие получали крупные суммы.

Однако ассамблея не испытывала желания выплачивать две правительственные субсидии вместо одной, учитывая, что по первоначальной редакции конституции жители провинции в связи с выплатой квит-ренты освобождались от обязанности выплачивать вообще какие бы то ни было суммы на содержание правительства, и не обратила на этот пункт никакого внимания. Напротив, став на сторону губернатора, она высказала желание действовать с ним заодно, если окажется, что в инструкциях содержатся указания, противоречащие их хартии или же несовместимые с дарованными им привилегиями.

Губернатор также выступил в защиту провинции и предложил на рассмотрение ассамблеи письменный ответ на меморандум Логена, с ссылками на конституцию провинции и на репутацию покойного владельца. Заседание закончилось полной победой губернатора: ассамблея не только согласилась направить протест в ответ на *личные* инструкции вдовы Пенна, как они назывались, но и вознаградила губернатора тысячью фунтов за его исключительные заслуги.

Спор, однако, продолжался, причем обе стороны в равной мере старались завоевать себе сторонников. Логен на вид был еще более скромен, чем прежде, но и более уверен в себе, чем когда-либо. Кейсу еще никогда не приходилось так заботиться о прочности своего положения и в то же время он никогда еще не был так далек от мрачных предчувствий. Однако, по мере того как становилось все более и более вероятным, что он будет отстранен, его это стало все меньше и меньше беспокоить, и разногласия между ним и спикером Ллойдом, о котором уже не раз упоминалось и который даже в письменных документах стоял на стороне Кейса, стали настолько роковыми для Кейса, насколько благоприятными они стали для Логена.

Когда собралась следующая ассамблея, то вскоре оказалось, что хотя губернатор и обратился к членам ассамблеи с

такими же патриотическими речами, как и прежде, он уже не имел в ней прежнего влияния. Ассамблея последовательно отклонила два его ходатайства о выдаче ему субсидий, сначала в сумме шестисот фунтов, а затем в сумме пятисот фунтов. Ему удалось добиться получения лишь четырехсот фунтов, и, несмотря на то, что были пущены в ход все средства, никаких дальнейших субсидий получить не удалось.

Нашей нации более свойственна показная, чем истинная добродетель, пышность, чем постоянство, и она всегда имеет больше политических деятелей, чем философов. По складу ума Кейс был скорее политиком, чем философом, будучи впрочем посредственностью и в области политики, и в области философии. Настоящий политик никогда не дал бы в руки своих противников такого предлога для смещения его с должности, как частное письмо, оглашенное на народной ассамблее. Ни один философ, которым руководит принцип и который не поддается страсти, не смог бы сделать такого шага; и если бы ассамблея была способна к последовательности в своих действиях, то она придала бы блеск его отставке, обставив ее такими атрибутами признательности, что последующие губернаторы сочли бы уместным пойти по его стопам в управлении провинцией.

Вместо этого, как только ассамблея прослышала о назначении нового губернатора (эта весть была немедленно доведена до сведения членов ассамблеи, но тщательно скрывалась от Кейса), она начала откладывать со дня на день решение дел провинции, а когда Кейс стал упрекать ее в бездеятельности и не без чувства негодования потребовал публичного засвидетельствования его губернаторских полномочий, члены ассамблеи сделали это, проявив больше сдержанности, чем желания, и в конце концов постарались высказаться как можно короче, хотя они и имели возможность сказать очень многое.

Короче говоря, после девятилетнего правления, не омраченного никакими разногласиями между губернатором и ассамблеей и, по признанию последней, принесшего много благ провинции, они расстались с чувством взаимной холодности, если не отвращения: Кейс не пожелал последовать примеру Гукина и испросить подати под видом добровольного пожертвования, а члены ассамблеи, не испытывая более признательности к нему, и не предложили таковой.

В этом перенаселенном городе и по сие время можно встретить не одного хорошо осведомленного человека, которому приходилось зачастую бывать в обществе бывших губернаторов, обреченных скитаться остаток своей жизни и полных жгучих воспоминаний о своем былом величии и о жестоком забвении в настоящем.

Сэр Вильям Кейс по возвращении * пополнил этот список неудачников. В связи с этим можно сказать лишь одно: на такие высокопоставленные должности следует назначать только состоятельных людей. В противном случае честь самого правительства требует того, чтобы в случае отставки с этого поста людей, ничем особенно не запятнавших своей репутации, они были бы предохранены от презрения и недостойного положения, в которое они слишком часто впадают из-за отсутствия средств к хотя бы просто сносному существованию.

Прошу читателя извинить мне это отступление, если его можно считать таковым. Необходимо было показать, что провинцией Пенсильвания легко управлять, если ею управлять хорошо, и что если какая-либо область законодательства вызывает ревность со стороны владельца или же вторгается в его интересы, то результат всегда бывает одинаков: противодействующая ассамблея подвергается порицанию и поношению и, как было уже замечено, противодействующий губернатор смещается.

Отсюда следует сделать вывод, что до тех пор, пока провинция не согласится на обложение колонии тройными субсидиями, а именно субсидиями для общественных нужд, обычных и чрезвычайных, субсидиями для ежегодных назначений, производимых губернатором, и субсидиями в пользу владельцев и их прихвостней, то резонно будет заключить, что ей никогда не придется наслаждаться прочным покоем.

В добавление к тому, что было сказано о посягательствах владельца и чувстве обиды с его стороны, о чем уже упоминалось выше, мы подходим к тем причинам разногласий, которые возникали время от времени в результате отсутствия достаточного предвидения и превентивных мер и многие из которых, к несчастью, существуют и по сей день.

Нельзя не вспомнить, что мистер Пенн, обсуждая со своими колонистами вопрос о ренте для субсидирования правительства, делал многозначительное различие между своими правами *владельца* и *губернатора*. Отсюда со всей очевидностью следует, что когда он уехал в Англию и передал правление своим заместителям, к этим заместителям перешли все те права, которые первоначально были предоставлены ему короной. При всей его ловкости и хитрости он не мог придерживаться той же политики, какой он придерживался, живя в Пенсильвании, т. е. сохранить

* Некоторое время после снятия с должности он жил в Филадельфии и, поддавшись чувству обиды, стал играть неподобающую ему и неблагоразумную роль. Добившись того, чтобы его вернули в качестве члена ассамблеи, он стал принимать всевозможные меры к тому, чтобы разделить провинцию, затруднять деятельность губернатора и доставлять беспокойство *владельцам*. — *Автор*.

за собой власть и, как это делали пьяные моряки в одной пьесе, назначить вице-короля и в то же время быть над ним вице-королем..

Все же мистер Пенн в своих полномочиях Эвансу, который, как мы видели, был достаточно решителен, чтобы протолкнуть любого владельца и одержать победу над любым общественным мнением, осмелился протащить следующий пункт в свои полномочия: «...сохраняя всегда за мной и моими наследниками *окончательное одобрение* всех тех законопроектов, которые ты будешь утверждать в качестве законов в упомянутом правительстве и т. д.».

Однако ассамблея, осведомленная об этих полномочиях, была достаточно проницательна, чтобы высказать следующее сомнение по поводу них, сформулировав его в послании совету: «Не является ли упомянутое выше право окончательного голоса само по себе несостоятельным и делающим несостоятельными упомянутые полномочия в целом?»

Совет, во главе которого стоял старший сын владельца и за спиной которого стоял секретарь Логен, был так поражен этим, что во избежание подтверждения сделанного асамблеей вывода они были вынуждены дать следующий ответ:

«Мы, нижеподписавшиеся члены совета, считаем, что упомянутая *оговорка сама по себе несостоятельна* и что те законопроекты, которые нынешний вице-губернатор сочтет нужным претворить в законы и обратиться к владельцу с ходатайством скрепить их своей большой печатью, не могут быть впоследствии аннулированы владельцем без согласия ассамблеи этой провинции».

В этих же целях был сделан следующий ход, заключавшийся в том, что правители предъявили членам ассамблеи определенные условия, за невыполнение которых они должны были выплачивать определенную сумму. Первым губернатором, который предъявил эти условия, был Кейс, а впоследствии это стало правилом для всех его преемников с той лишь разницей, что в его время штрафы, налагавшиеся на членов ассамблеи, составляли всего тысячу фунтов стерлингов; впоследствии же эта сумма была доведена до двух или трех тысяч фунтов.

Если когда-либо парламенту придется разбирать дела этой колонии, то вполне вероятно, что об этих условиях несомненно вспомнят, и если будет установлено, что они противоречат хартии, стесняют законодательную власть, противоречат конституции и законам, то мудрость нации несомненно вынесет тем более суровый приговор этому злоупотреблению, чем более отвратительным она его найдет.

Кроме того, вдова Пенна в частных инструкциях сэру Вильяму Кейсу, жалуясь на то, что законодательная власть нахо-

дится в руках губернатора и ассамблеи, а за владельцем в его отсутствии *даже* не сохраняется право *отклонить* принятые законы, заявляет затем, что в намерения (имеется в виду владельца) никогда не входило, чтобы губернатор и ассамблея пользовались этими правами; она объявила также *опасным изобретением Кейса* принимать законы совместно с ассамблеей и пересылать их непосредственно министрам короля без какой-либо иной проверки; а затем, заняв столь непримиримую позицию между королем и его подданными в этой провинции, она закончила инструкцию следующим предписанием: «Для того, чтобы исправить эту несправедливость, требуется, чтобы ты советовался с членами совета по поводу каждого заседания ассамблеи, что губернатор волен делать; чтобы ты не выступал с какой-либо речью и не посылал какое-либо письменное послание ассамблее, не одобренное предварительно членами совета; чтобы ты принимал послания от членов ассамблеи только на заседаниях совета и не возвращал законопроекты ассамблее, не посоветовавшись с членами совета, а также не придавал бы силу закона ни одному из законопроектов без согласия большинства членов совета и т. д.».

Целью этого нового документа являлось добиться того, чего не мог достичь губернатор с имевшимися у него полномочиями. Если бы губернатор не стал действовать так, как от него требовала эта инструкция, то он вообще не смог бы действовать; и после того как были дарованы всевозможные системы правительства, в конечном счете восторжествовал *произвол* владельца.

Тщетно как губернатор, так и ассамблея протестовали против такого нововведения, указывая на то, что хартия охраняет правительство данной провинции от всякого рода нововведений, тем паче от таких, которые идут вразрез с правами народа и с теми полномочиями, которыми уже облечен губернатор, и с уважением к короне.

Логен докопался, что *хартия* не уполномочивает ассамблею *давать советы*, хотя ей и предоставлялось право вводить законы, так как слово *совет* не было обнаружено в *последней* хартии, дарованной ей. Он обнаружил также, что губернаторы не уполномочиваются действовать, не испросив совета, а следовательно, упомянутая выше инструкция вполне подходила для обуздания губернаторов, и, насколько мы можем судить по событиям, его софистика отныне стала законом.

Из всего сказанного выше следует, что здесь, в Англии, владелец Пенсильвании пользовался столь небольшим уважением, что не мог быть особенно полезен провинции ни в качестве защитника, ни в качестве адвоката; однако *в самой провинции* он стоял настолько выше своих свободных жителей и

арендаторов, что, даже решая совместно с губернатором вопросы законодательства, последние с трудом отстаивали свои не раз дарованные им права против посягательств и уловок со стороны его эмиссаров.

В дальнейшем мы будем говорить о нем как о *хозяине земли*. Дарованная мистеру Пенну королевская хартия предусматривала гораздо большую протяженность территории, чем он при первой покупке считал необходимым забрать у индейцев.

И даже в самом начале существования его колонии, актом ассамблеи было непреложно установлено, что в случае, если какое-либо лицо попытается купить у индейцев землю в пределах провинции, не получив предварительно разрешения владельца колонии, то заключенная сделка будет признана недействительной.

Став, таким образом, единственным покупателем, он пришел к выводу, что может приспособиться к индейскому рынку на одинаковых условиях, какое бы количество земли он ни пожелал купить; он только тогда покупал новые земельные участки, когда успевал продавать все, что им было приобретено до сих пор, или столько, сколько он считал необходимым.

Это произошло быстрее, чем он предвидел, хотя следует признать, что лишь немногие основатели городов обладали лучшим даром предвидения, чем он. Рост его колонии превзошел его самые радужные ожидания, и когда наступило время сделать новые закупки, то постепенно обнаруживалось, что возникло одно неудобство, о котором он прежде не подумал, или же если и подумал, то не принял никаких мер, чтобы оградить себя от него.

Люди, которые хотят иметь выгоды в настоящем, не должны проявлять чрезмерной заботы о выгодах в будущем; и вообще мы предпочитаем не замечать таких вещей, которых нам не под силу избежать. Тот, кто торгуется по мелочам, часто проигрывает сделки, тот же, кто этого не делает, часто выигрывает судебные процессы.

Не трудно было внушить убеждение, что правительству необходимо время от времени заключать договоры с индейцами под предлогом ведения той самой братской переписки, которая велась с ними с самого начала. Не трудно было также убедить провинцию в необходимости оплаты связанных с этим расходов.

Когда же со временем стало очевидным, что договору сопутствовали покупки и что договор был лишь оправой для покупки, что губернатор всего лишь расточал комплименты, а ассамблее приходилось делать подарки, то нельзя было отделаться от впечатления, что было что-то нечестное в такой процедуре, когда один платил все издержки, а другой загребал все прибыли,

и что давно наступило время прекратить практику, столь недостойную с их точки зрения.

В частной жизни не приходится доказывать, что тот, кто покупает для собственных нужд, должен платить из собственного кармана, в государственных же делах это приходится доказывать.

Люди, занимающие одно и то же положение, будут настаивать на равных правах, и приходится только удивляться, если какая-либо группа имеет глупость и дерзость требовать своего превосходства над другой.

С другой стороны, всякая прерогатива уже отрицает равенство и предполагает, что разница в положении заставляет людей разговаривать на разных языках и даже меняет самую природу вещей.

Отсюда следует, что, хотя правительства и создаются для защиты прав населения, нам следует быть в равной мере начеку по отношению как к нашим защитникам, так и к нашим врагам.

Власть, как вода, всегда пробивает себе путь, и всюду, где она может найти или сделать какое-либо отверстие, она сейчас же устремляется туда.

И хотя, казалось бы, человек может требовать восстановления своего права в любое время, в действительности этого восстановления не так-то скоро можно добиться.

Та ассамблея, которая первая обнаружила этот пробел, или та, которая по требованию своих членов попыталась восполнить его, всего лишь выполнила свой долг, и этому прецеденту надлежит следовать.

Кроме того, когда мистер Пенн в вопросе о квит-ренте снова стал разделять свои полномочия *губернатора* и *владельца*, то дело практически сложилось так, как даже он при всей своей проницательности возможно и не ожидал.

Необходимо напомнить, что эта рента взималась для содержания губернатора и правительства, для содержания владельца, когда он отсутствовал и не принимал участия в управлении провинцией и когда на содержание правительства изыскивались другие средства. Когда же он и его уполномоченные стали не только удерживать такую ренту с каждого участка земли, который они продавали, но и повышать ее по мере повышения стоимости земли, то не могло не случиться, что с течением времени эта рента превратилась сама по себе в огромное состояние.

Поэтому, когда владелец перестал быть губернатором и даже не жил в провинции и не расходовал там одной пятой части своих доходов, можно ли было предположить, чтобы это состояние, полученное таким путем и потерявшее свое первоначальное

назначение, не подлежало наравне со всеми другими состояниями обложению на те нужды, для которых эта рента собственно первоначально и предназначалась и которые она во столько раз превысила?

Ни один вид собственности в Англии не освобождается от налогов; платить налоги должны все подданные, независимо от размера и стоимости своего имущества, и, естественно, наиболее разумным будет такое положение, при котором тот, кто владеет большей собственностью, будет вносить бóльшую сумму на общественные нужды.

Однако теперешние владельцы, ссылаясь на отсутствие специального параграфа, в котором бы их собственность объявлялась подлежащей налогообложению, настаивают на том, чтобы она была освобождена от всяких обязательств, а также на том, чтобы разницу выплачивало население, которое, как известно, первоначально выплачивало квит-ренту как цену за полное освобождение от всех других налогов.

Для каждого непредубежденного человека становится очевидным, что в таком специальном параграфе никогда не было и нет нужды и что согласно праву по рождению, а также согласно полномочиям и привилегиям, предоставленным свободным жителям самим определять способы и средства налогообложения, они вправе считать всю собственность в провинции равно подлежащей налогообложению.

Далее, следует упомянуть о *бумажной валюте* провинции, поскольку мы не упоминали о ней при рассмотрении различных *структур* правительств.

В то время да и впоследствии в течение многих лет за валюту принималась любая золотая и серебряная звонкая монета на вес; вначале валютные операции производились без всякой регулярности и установленного обеспечения, что давало ловкачам возможность обманывать невежественных людей и бедняков; это неизбежно влекло за собой разлад, запутанность в делах и беспорядок.

На четвертом году царствования королевы Анны были изданы правила, ограничивающие и устанавливающие курс и стоимость всех иностранных монет, имеющих обращение в английских колониях; а на шестом году ее царствования эти правила приняли силу закона, действующего и до сего времени.

Но ежегодный приток этих иностранных монет, по каким бы каналам и из каких бы источников они ни поступали, ни в коей мере не соответствовал количеству ежегодно выпускаемых денег.

Из Англии поступали все товары, потребителями которых были колонисты; они же не были в состоянии поставить свои

товары как непосредственно в Англию, так и на другие рынки на равную сумму, и поэтому баланс все время складывался не в их пользу.

Этот дефицит приходилось возмещать золотом и серебром, что и делалось при наличии последних. Колонии одна за другой лишались своих запасов звонкой монеты; известно и признано, что ни одно ведущее торговлю общество не может существовать без определенного уровня денежного обращения. Поэтому все колонии были вынуждены прибегнуть к выпуску бумажных денег и по возможности восполнить ими недостаток в золотой и серебряной валюте. Благодаря этому мероприятию и их денежные средства увеличились, а золото и серебро превратились в товары, которые можно было сэкономить для экспорта, и купцам метрополии можно было платить этим золотом и серебром без ущерба для провинции.

Пенсильвания была если не последней, то одной из последних провинций, решившихся на этот шаг. Лишь в 1722 году (губернатором был Кейс) она сделала первый опыт, действуя при этом с максимальной осторожностью и осмотрительностью.

Зная, например, что ей нужно оградить себя только от угрозы обесценивания денег, а эта угроза может возникнуть лишь в результате чрезмерного выпуска бумажных денег, отсутствия прочного обеспечения и права досрочного выкупа и аннулирования, она вначале выпустила кредитные билеты всего на сумму пятнадцать тысяч фунтов под обеспечение земельной собственности или столового серебра; кредит выдавался со взиманием пяти процентов; кредитные билеты были обязательными для всех видов платежей; тем, кто отказывался заключать торговые сделки в этой валюте, грозило наказание вплоть до конфискации имущества; налагался штраф на тех, кто пытался совершить сделку или продать товары на более дешевых условиях, требуя уплаты золотом, а не серебром; они предусмотрели меры постепенного снижения суммы выпущенных билетов, издав закон об обязательном выкупе ежегодно одной восьмой части основного капитала и процентов. И только после того, как они на опыте убедились в целесообразности этой меры и в том, что выпущено денег недостаточно, они отважились выпустить еще тридцать тысяч фунтов.

Выгода от этого была совершенно очевидна, и в то же время каждый понимал, что слишком поспешная выплата долга неизбежно повлечет за собой недостаток денег в обращении, колония же за этот промежуток времени сильно выросла, поэтому в 1729 году (губернатором был Патрик Гордон) было признано целесообразным увеличить капитал провинции путем нового выпуска кредитных билетов на сумму тридцать тысяч фунтов, снизив сумму выплаты до одной шестнадцатой в год.

Кроме того, в 1739 году (губернатором был Джордж Томас) в результате неоднократных наблюдений было установлено существование подделки этих провинциальных кредитных билетов, что вызвало необходимость изъять все билеты из обращения с тем, чтобы заменить их билетами нового выпуска, и пр. Была и другая причина, о которой говорилось выше, а именно, решение выпустить кредитные билеты на сумму 11 110 фунтов 5 шиллингов сроком на 16 лет (вместе с суммами, уже находившимися в обращении, этот выпуск доводил весь капитал до 80 тысяч фунтов).

И, наконец, подсчитав, что при еще более быстром росте колонии такая, а возможно и еще большая, сумма всегда будет необходима, ассамблея приняла решения, что, по мере того как будут погашаться старые выпуски, кредитный департамент получит право вновь выпускать кредитные билеты на данную сумму сроком на 16 лет, на тех же самых условиях, предоставляя кредиты тем же самым лицам или другим, не испрашивая ничьего разрешения на этот счет.

В целом же следует заметить, что ассамблея, выпустив эти бумажные деньги, взяв на себя, как на собрание представителей провинции, ответственность за назначение управляющих и других чиновников, которым вверено это дело; установив, что упомянутые управляющие и другие чиновники несут ответственность перед провинцией за свои действия; и оставив за ассамблеей на данное время право распоряжаться годовой прибылью, не встретила в отношении своих действий ни со стороны губернаторов, ни владельцев, ни учреждений в Англии каких-либо серьезных возражений, которые могли бы послужить поводом к соперничеству, впутать провинцию в неприятности, затронуть интересы или поставить правительство провинции в неловкое положение.

Правда, вначале владельцы и их уполномоченные выражали недовольство этой мерой, пока, наконец, они не поняли, что это и в их интересах; как улитка с рожками, они только тогда ощущали провинцию, когда что-нибудь доходило до их сознания по нервам власти и выгоды. Хотя слово выгода и стоит у нас последним, для них оно имело первостепенное значение; они считали, что, чем большей властью они обладают, тем большие выгоды она им сулит.

Если вдова Пенн и согласилась неохотно на акты о выпуске бумажных денег, принятые Кейсом, то она все же укоряла его за принятие их и некоторым образом как бы запретила ему в дальнейшем принимать такие акты.

Гордон (преемник Кейса), неоднократно заявлявший о том, что он *убежден в выгодах*, которые проистекают для провинции от разумного увеличения выпуска бумажных денег, дал понять

ассамблее, что в Англии только в том случае будут возражать против принятия такого акта, если ассамблея не удовлетворит владельцев в вопросе о *квит-ренте*.

Путем заключения специального соглашения с покупателями квит-рента должна была выплачиваться в *стерлингах*, а поскольку не предоставлялось возможным каким бы то ни было путем уравнять валюту провинции с мировым курсом золота и серебра, то эти металлы так или иначе предпочитались бумажным деньгам. Перевести бумажные деньги на курс звонкой монеты или слитков можно было, конечно, при условии определенных потерь, а отсюда следует, что владельцы получали из провинции меньшие суммы денег. Поэтому, когда после принятия решения о выпуске кредитных билетов на сумму 80 тысяч фунтов в провинции были узаконены бумажные деньги, владельцы не соглашались на то, чтобы получать свою долю доходов от этого мероприятия в бумажном исчислении (мы впоследствии увидим, что их доля по меньшей мере равнялась доле всей провинции), а настаивали на выплате им не только разницы между курсом бумаг и курсом звонкой монеты или слитков, но также и разницы между валютным курсом, другими словами, чтобы они *чистоганом* получали в Англии то количество фунтов стерлингов, которое им должна была Пенсильвания.

Короче говоря, таким путем из провинции выкачивалась сумма в 1 200 фунтов плюс ежегодная выплата 130 фунтов в течение всего срока выпуска кредитных билетов. Этого примера достаточно, чтобы показать, что эгоизм владельцев в этом вопросе был не меньшим, чем упрямство провинции в ряде других.

Остается упомянуть еще об одном вопросе, который потребует от читателя более благосклонного внимания, чем этот вопрос, пожалуй, обычно встречает.

Мистер Пенн и его последователи принадлежали к секте, члены которой называют себя милым и ничего не говорящим именем *друзья*. Вначале они назывались оскорбительно *квакерами* [10], а впоследствии, став жертвой обмана и обычаев, они вынуждены были примириться с этим названием.

Большинство из них были совестливыми людьми, а совестливость — качество, более пригодное для формирования общества и сохранения его в мире, чем для защиты его от тех оскорблений и опустошений, которым неизменно подвергались более слабые соседи со стороны горделивых и похотливых владык и от нашествия которых никогда еще не удавалось уберечь человечество ни одной политической, нравственной или религиозной системе.

Поэтому их взгляды, цели и устремления были ограничены формами и обычаями гражданской жизни и необходи-

мостью по возможности теснее сплотить разные части своего собственного небольшого сообщества.

В то время они не ставили перед собой, конечно, никакой иной цели; пятнадцатый раздел королевской хартии безусловно запрещал как владельцу, так и провинции вести войну против какой-либо державы, находившейся в союзе с Англией, а также иметь сношения с какой-либо державой, находившейся в состоянии войны с ней.

Силы французов в Америке были слишком малочисленны, да и находились они слишком далеко от Пенсильвании, чтобы вызывать в то время какие-либо опасения. Смежные провинции были ветвями того же корня и отвечали за свое поведение по тем же самым законам; что же касается индейцев, то их с самого начала привыкли считать родными братьями и соответственно обращались с ними.

Земля, которая была нам нужна, для них не представляла никакой ценности. Провинция, которую в то время предстояло основать, заселить, а землю обработать, была не отторгнута у них силой, а куплена на сходных условиях. В договорах, заключавшихся между владельцами и индейцами, предусматривались все возможные меры, исключающие недовольство с их стороны; в области торговли не допускались обман или хитрость по отношению к ним; их личность не подвергалась ни обидам, ни оскорблениям, а если с чьей-либо стороны возникали жалобы, то разбор их должен был производиться магистратами совместно с вождем индейцев, а решение по этим жалобам принималось смешанной комиссией, состоявшей из индейцев и колонистов.

То же самое уважение к совести, которое привело квакеров в эти необжитые места, не покидало их и в дальнейшем; и, решив, таким образом, никогда не становиться агрессорами и в то же время не будучи полноправными хозяевами своей судьбы, они предоставили все остальное на волю провидения.

Руководствуясь определенными принципами во всех делах и считая применение оружия незаконным, они даже не рассматривали вопроса о вооруженной защите.

Впоследствии же, когда в их общину стал свободно вливаться поток христиан всевозможных убеждений и никто не возражал против условий объединения, к ним присоединялись люди, не такие совестливые, как они, которых легко можно было склонить к тому, чтобы за соответствующее вознаграждение освободить их от этих трудностей; что же касается военной службы в защиту английской короны, то нельзя было заставить служить лично того, кто предпочитал выставлять вместо себя другого.

Прибавьте к этому, что сам Вильям Пенн, видимо, не находился во власти этих угрызений совести, поскольку он позаботился о том, чтобы хартия, полученная им от короны (раздел 16), облекала его всеми полномочиями капитан-генерала (эти права должны были перейти к его наследникам и преемникам), а именно: «набирать, вербовать и обучать людей любого сословия и происхождения, вести войну и преследовать врагов, вторгшихся в пределы провинции как с суши, так и с моря и даже за пределами данной провинции, и, с божьей помощью, побеждать их и брать в плен» и т. д.

И, наконец, будучи вовлечены в военные действия, которые ведутся их отчизной и будучи обязаны разделить общий долг и общую опасность, они со всем основанием могут надеяться на любую помощь родины, в которой они будут нуждаться, при условии если они по отношению к ней до конца будут выполнять свой долг, совместимый с их принципами.

Это они от случая к случаю и делали, начиная со времен правления полковника Флетчера и позже; они сделали бы и больше, если бы владельцы и назначаемые ими правители не лишили их этого права.

Допуская поэтому, что такого рода твердый принцип мог бы показаться нарушением приличий при создании независимого государства, в масштабах провинции он не лишен был соответствующих паллиативов.

Угрызения совести во все времена и при любых обстоятельствах заслуживали меньшего порицания, чем те бесстыдные эксперименты, которые проводились в провинции даже собственными уполномоченными владельца; это прежде всего попытки насадить террор среди мирных жителей с тем, чтобы затем доказывать необходимость применения военной силы против результатов собственных же гнусных происков.

К числу таких событий относится ложная тревога, поднятая во времена королевы Эвансом и Логеном; факт, который инкриминируется им в протоколах ассамблеи и по сей день, и каждый раз воспоминания о нем будут внушать опасения, что мера, которой пытались добиться столь безответственными средствами, будучи одобрена, применялась бы столь же безответственно.

Теперь перед нами такое подробное описание положения дел в Пенсильвании, начиная с момента ее основания, что нам становятся понятными все стороны спорных вопросов, а поскольку факты очевиднее и понятнее в том порядке, в каком они происходили, мы постараемся и далее по мере своих сил следовать этому же принципу.

ГЛАВА V

Ассамблея ассигнует деньги для помощи экспедиции против Картагены. Губернатор в связи с этим зачисляет на военную службу законтрактованных слуг; а ассамблея использует ассигнованные деньги на компенсацию владельцам слуг. Ассамблея дает деньги на общественные нужды. Владельцы Пенсильвании выступают против внесенного в парламент законопроекта о запрещении северным колониям выпускать бумажные кредитные билеты. Ассамблея призывает владельцев взять на себя часть расходов по делам с индейцами, но владельцы отказываются. Законопроект об увеличении бумажной валюты провинции. Губернатор отклоняет его, а колонисты ходатайствуют о принятии. Ответ владельцев на представление ассамблеи о расходах по делам с индейцами. Послание ассамблеи губернатору вместе с отвергнутым им ранее финансовым законопроектом. Еще одно послание к губернатору по вопросу о делах с индейцами. Послание губернатора, в котором он дает свое согласие на финансовый законопроект, но делает оговорку о вступлении его в силу лишь с санкции его величества. Решение ассамблеи не принимать эту оговорку и мотивировка его. Ответ ассамблеи владельцу по вопросу о расходах по делам с индейцами.

В апреле 1740 года, когда только что был увеличен выпуск бумажных денег в провинции, как было сказано выше, до 80 тысяч фунтов сроком на 16 лет, купцы, которые вели торговлю с восточными колониями Америки, пожаловались в палату общин на неудобства и неблагоприятные условия торговли для Великобритании из-за чрезмерного выпуска бумажных денег, а следовательно, и обесценивания их из-за отсутствия соответствующих фондов для обеспечения кредита. Палата, приняв паллиативное решение, обратилась к королю с просьбой на время прекратить это зло, дав указание всем губернаторам не давать своего согласия на принятие дальнейших законов такого характера, если предварительно не будет получено согласие его величества.

Такие инструкции были посланы. Инструкция губернатору Пенсильвании была датирована 21 августа 1740 года. Несмотря на все это, министерство торговли и колоний сочло необходимым рекомендовать королю принять и ратифицировать законопроект о выпуске бумажных денег, а 10 дней спустя министерство юстиции утвердило этот законопроект в качестве закона. Министерство торговли и колоний располагало к этому времени полными и исчерпывающими сведениями как о положении с валютой после акта о выпуске 80 тысяч фунтов, так и о курсе золота и серебра с 1700 по 1739 гг.; более того, купцы, которые вели торговлю с этой провинцией, убедили министерство, что такая сумма была не только разумной, но и необходимой для ведения торговли в провинции.

В течение нескольких лет это дело не получало дальнейшего хода; ассамблея в соответствии с указанием, полученным вместе с упомянутой инструкцией, направила год спустя министерству торговли сообщение о состоянии валютного курса, но, прежде чем этот вопрос был снова поднят в парламенте, произошли некоторые события, о которых мы расскажем ниже.

В то время рассматривался вопрос о посылке экспедиции против Картагены, и северным колониям, в том числе и Пенсильвании, было дано указание выделить солдат для этой экспедиции. Состав ассамблеи в этот период был таким, как и прежде, а следовательно, это требование вызвало колебания и трудности морального порядка. Однако для того, чтобы сразу выполнить все обязательства, они проголосовали за ассигнование 1 тысячи фунтов в распоряжение короля, а губернатор взял на себя обязанность вербовки солдат.

Это входило в его служебные обязанности, и, выполнив их должным образом, он снискал бы всеобщее одобрение. Все работы на плантациях производились главным образом слугами, которые были привезены из Великобритании, Ирландии и Германии по договорам. Как бы дорого это ни стоило, другого выхода не было. Слуг этих покупали у капитанов, привозивших их; по закону покупатель становится законным владельцем этих слуг на определенный срок, может продать или завещать их, и, подобно другому движимому имуществу, их могут брать в уплату долгов. Несмотря на это обстоятельство, губернатор производил набор именно из числа этих слуг. Это вызвало волнение; владельцы упорно отстаивали свои права, а губернатор превыше всего ставил свои прерогативы; спор был передан в суд, и террор власти таков, что обиженные были вынуждены обратиться за защитой в Нью-Йорк.

Ассамблея, не видя другого выхода, сочла себя обязанной защитить права своих избирателей, что она и сделала, отказавшись выдать ассигнование в пользу короля до тех пор, пока слуги, столь несправедливо отнятые у своих хозяев, не будут им возвращены. Губернатор проявил упрямство, и деньги были, наконец, отданы по назначению, т. е. владельцам слуг в качестве компенсации.

Однако, не желая быть неправильно понятыми в Англии и чтобы их не упрекали в недостаточном рвении к общественным интересам или нежелании внести свой вклад в расходы на военные нужды, члены ассамблеи год спустя приняли следующее решение: «Принимая во внимание большое количество налогов, которые подданные Великобритании, проживающие в самой метрополии, должны выплачивать для поддержания достоинства короны, на уплату расходов по управлению страной, а также желая продемонстрировать верность, преданность

и любовь жителей этой провинции к нашему всемилостивейшему государю, приняв на себя часть бремени налогов пропорционально нашим возможностям, ассамблея с радостью, единодушно вынесла решение ассигновать в распоряжение короля, его наследников и преемников 3 тысячи фунтов, которые он с его королевской мудростью может расходовать по своему собственному усмотрению». Указанные 3 тысячи фунтов были впоследствии выданы казначею его величества уполномоченным провинции. Это был свободный дар подданных своему господину, и хотя был он невелик, но служил достаточным доказательством добрых намерений тех, кто это сделал.

В начале 1745 года большинством всего лишь в один голос ассамблеей Новой Англии был принят проект против Луисбурга. Этот проект был сообщен ассамблее Пенсильвании губернатором Шерли. При этом была выражена надежда, что и ассамблея Пенсильвании примкнет к нему. Хотя членов пенсильванской ассамблеи и нельзя было заставить принять участие в предприятии, которое с их точки зрения было безрассудным, они все же проголосовали за 4 тысячи фунтов, которые должны были пойти на содержание отважных войск, на что эта сумма и была в действительности израсходована.

В начале 1746 года министрами был составлен проект завоевания Канады. В письмах, полученных из министерства и датированных 6 апреля, содержалось требование к северным колониям внести свою соответствующую долю в это мероприятие, что они с радостью и сделали, так как их собственные интересы и склонности утверждали их в мнении, что это будет способствовать более мирному существованию всех наших колоний, а индейские племена — союзники Канады не выступят вместе с ней во время военных действий, т. е. они рассматривали этот акт как стратегический маневр для укрепления мира.

Губернаторы провинций начали вербовать рекрутов, а ассамблея Пенсильвании проголосовала за 5 тысяч фунтов для нужд короля, или, другими словами, внесла свой вклад в это якобы общенародное дело. Поскольку сумма в 5 тысяч фунтов превышала годовой доход провинции, то ассамблея внесла предложение выпустить дополнительно на эту сумму бумажных денег; при этих условиях и королю была бы оказана услуга, и капитал провинции увеличился бы, а проценты с этой суммы со временем увеличили бы основной капитал.

Вот тут-то и начался первый спор между губернатором и ассамблеей по этому вопросу; губернатор, ссылаясь на инструкцию 1740 года, заявил, что он не может пойти на такой *смелый риск* и нарушить ее, и поэтому призвал членов ассамблеи изыскать какой-либо другой, менее рискованный способ для сбора этой суммы; члены же ассамблеи, желая по возможности

считаться с его убеждениями, пошли на большие уступки, а именно взяли эту сумму из денег, которые лежали неприкосновенными в управлении по займам для обмена порванных и неясно напечатанных кредитных билетов, а вместо взятых денег они выпустили новые кредитные билеты на такую же сумму с погашением в течение 10 лет. После этого губернатор утвердил законопроект. На эти деньги были завербованы и снабжены всем необходимым 500 человек на срок около полутора лет. Эти войска были заняты главным образом охраной границ Нью-Йорка; по истечении этого срока экспедиция, наконец, была прекращена и войска распущены.

Следует отметить, что хотя в парламент и был внесен формально законопроект, предусматривающий запрещение северным колониям вообще выпускать бумажные кредитные билеты, но вопрос этот не был окончательно разрешен; не был он разрешен и в 1748 году; в связи с этим губернатор Пенсильвании Джемс Гамильтон, эсквайр, в своем послании ассамблее в октябре 1749 года заявил следующее: «Я уверен в том, что все мы не согласны с злонамеренной направленностью законопроекта, внесенного в парламент в прошлом году и предусматривающего регулирование и ограничение выпуска бумажных кредитных билетов в колониях (в этом законопроекте был пункт, требующий от американских доминионов его величества выполнения указов верховной власти), и не исключена возможность, что на предстоящей сессии парламента будет принято такого рода решение. Я убежден, что вы дадите вашему уполномоченному подробную инструкцию по этому вопросу на тот случай, если окажется необходимым, чтобы он выступил против этого законопроекта; уважаемые владельцы со своей стороны не безуспешно принимают меры к тому, чтобы предотвратить ущерб, который будет причинен этой провинции, если указанный законопроект будет принят; владельцы уполномочили меня заверить вас, что вы можете в будущем рассчитывать на их помощь во всех тех случаях, когда речь будет идти о благе и счастье народа этой провинции».

Это обращение казалось весьма благоприятным по отношению к провинции, но, как мы увидим дальше, все, что исходит из подобного источника, никогда не выдерживает испытания серьезными или длительными распрями.

И хотя ключи еще и не вырвались наружу, они пробивали себе путь под землей. Растущее бремя расходов по ведению дел с индейцами, целиком ложившееся на провинцию, в то время как выгоду от этих сделок получали только владельцы, стало предметом жалоб со стороны населения, намеки же губернатора на важное положение, которое владельцы зани-

мали в Англии, были рассчитаны на то, чтобы внушить народу, сколь велика опасность непослушания.

На деле же оказалось иначе; хотя ассамблея и была слишком проницательна, чтобы ее можно было отвлечь от непосредственных дел каким-либо другим вопросом, с какой бы ловкостью это ни было сделано, однако она занялась рассмотрением этого дела.

Вряд ли необходимо упоминать о том, что губернатор и прихвостни правительства сделали все, что могли, не только для того, чтобы затруднить ассамблее разбор этого дела, но также и чтобы убедить ее, что в мире все устроено так, что выгоды есть прерогатива вышестоящих, а бремя житейское — удел нижестоящих.

Возможно это и действительно совпадает с общим положением дел в мире, но если уж в других местах такого рода доктрины не имеют большого количества сторонников, то в таком свободном государстве, как Пенсильвания, с ними вообще не пожелали мириться. Членов ассамблеи, видимо, не удалось ни убедить, ни обескуражить; напротив, они проявили настойчивость, изучили это дело, составили доклады, приняли решение и, наконец, обратились к владельцам с просьбой сделать то, чего требует справедливость, т. е. взять на себя часть расходов.

Владельцы же заявили в своем ответе следующее: «Они не считают себя связанными такого рода обязательствами, хотя народ и платит налог на содержание правительства; поскольку ни одного шиллинга не было собрано с населения для этих расходов, то совершенно неразумно со стороны народа требовать этого от владельцев; несмотря на это, они взяли на себя расходы по оплате переводчика, причем даже в большем размере, чем падало на их долю; они также несли расходы по содержанию сына переводчика и его наставника в области, населенной индейцами, с тем чтобы он смог выучить язык и обычаи индейцев на пользу своей страны, а также несли всевозможные другие расходы, связанные с индейскими делами; им приходится также нести значительные расходы, связанные с делами провинции как в Англии, так и в самой провинции; они платят индейцам за землю, которую покупают; они не обязаны принимать большее участие в общественных расходах, чем генерал-губернатор всякой другой колонии».

В ответ на это в мае 1751 года ассамблея почтительно заявила, «что в поддержании доброго взаимопонимания с индейцами владельцы заинтересованы более, чем кто-либо другой в провинции, поскольку это дает владельцам возможность покупать землю в приграничной полосе по низкой цене и продавать ее по высокой, что в противном случае было бы невоз-

можно; что поэтому долг, основанный на справедливости, сильнее долга по закону, а следовательно, владельцы должны вносить свою долю в расходы по договорам с индейцами и на подарки им, благодаря которым поддерживаются столь выгодные для них отношения с индейцами; что хотя за последние годы формально провинция и не облагалась налогами на содержание замещающего владельца лица и на несение расходов по договорам с индейцами, по существу же все эти расходы несла на себе провинция; (они выражались в процентах с бумажных денег, являвшихся по существу налогом, в акцизе, который является настоящим налогом, дающим 3 тысячи фунтов в год, а также в налоге на всевозможные привилегии, что давало в год довольно значительную сумму денег, уходившую исключительно на содержание губернатора); что ассамблея всегда полностью оплачивала услуги индейского переводчика; она полагает, что последующие ассамблеи сделают все возможное в отношении сына переводчика, когда он выучится настолько, чтобы заменить отца, а также по оплате всех справедливых долгов по расходам провинции, как в пределах ее, так и в Англии по предъявлению счетов; что поскольку благодаря закону, запрещающему кому бы то ни было, кроме владельцев, покупать у индейцев землю, владельцы получили монопольное право на землю, то они, следовательно, должны нести все расходы по каждому договору на покупку земли, так как выгоду от этого получают только они; то обстоятельство, что они платят за землю (которую они, кстати говоря, приобретают по гораздо более дешевой цене благодаря дарам провинции, сопровождающим каждый договор), не является достаточной причиной, которая освобождала бы их от участия в расходах по другим договорам, направленным на всеобщее благосостояние и обеспечение мира в провинции; и вообще, поскольку интересы владельцев так постоянно в той или иной степени переплетаются с интересами провинции при заключении любых договоров с индейцами и поскольку владельцы, видимо, считают, что они платят больше, чем положено на их долю, а население считает, что оно выплачивает слишком уж много, ассамблея полагает, что самым надежным средством для предотвращения недовольства с обеих сторон было бы точно определить, какую часть всех расходов в будущем по заключению договоров между провинцией и индейцами должны нести владельцы и какую — провинция; такое предложение не только справедливо само по себе, но неизбежно должно привести к сохранению единства и гармонии между владельцами и народом, что выгодно для обеих сторон, в связи с чем ассамблея надеется, что при более внимательном рассмотрении владельцы согласятся с ним».

Как было принято это заявление, мы увидим несколько позже.

Вскоре ассамблея занялась вопросами роста населения провинции и состоянием торговли; придя к выводу, что оба эти фактора требуют увеличения выпуска бумажных денег по тем же самым причинам и с той же целью, что и те, которые в свое время послужили поводом для такого мероприятия, она единодушно решила выпустить кредитные билеты на сумму 20 тысяч фунтов, чтобы иметь средства для замены дефектных билетов, для увеличения капитала провинции пропорционально увеличению численности ее населения, а также для реэмиссии и отсрочки тех сумм, которые уже находились в обращении.

В январе 1753 года был подготовлен соответствующий законопроект, который был послан на согласование губернатору (Гамильтону), но, хотя этот господин и был уроженцем провинции, обладал более подходящими качествами для своей должности и даже, пожалуй, питал больше симпатий к населению, чем это вообще свойственно губернаторам, у него были свои причины, не позволившие ему взглянуть на этот вопрос под тем же углом зрения, что и провинция, в результате чего он через день или два возвратил законопроект, отклонив его. При этом он, конечно, высказал свое сожаление по поводу того, что его взгляды так разошлись с мнением ассамблеи, но обосновал их тем, что за последнее время в Англии возникло недовольство в связи с поступающими весьма общими и неконкретными жалобами по поводу выпускаемых в колониях бумажных денег и что, по его мнению, сейчас весьма неблагоприятный момент для обращения к верховной власти по вопросу об увеличении выпуска или реэмиссии бумажных денег в Пенсильвании. Он заявил также, что те преимущества, которые провинция получила от пользования бумажными деньгами, должны были бы сделать ассамблею крайне осторожной, а она решается предпринять шаг, возможно, чреватый опасными последствиями. Это было предостережением, которое казалось весьма правдоподобным, поскольку такие опасения не были чужды и самим членам ассамблеи.

Ассамблея же охотно ухватилась за признание, столь явно говорившее в пользу ее собственного проекта, и заявила, что она, так же как и губернатор, предполагала большую осторожность в проведении этого акта. Однако далее в ответе ассамблеи говорилось: «Что она не предполагала, что недовольство, вызванное в Англии выпуском кредитных билетов в колониях, настолько общее и неконкретное, нашло столь питательную почву, как это показалось губернатору; что она, так же как и губернатор, считает данное время неподходящим для обращения к верховной власти с ходатайством Пенсиль-

вании; что ее, так же как и губернатора, опечалило расхождение в мнениях и что она ни в коем случае не намерена действовать чересчур поспешно в таком важном деле и поэтому решила сделать небольшой перерыв в своей работе, прежде чем перейти к рассмотрению его возражений».

И они действительно сделали перерыв в работе, а на следующем своем заседании, состоявшемся в конце мая того же года, они были вынуждены заняться рассмотрением срочных дел: посланием губернатора по вопросу о делах с индейцами, а также петицией значительного числа граждан, ходатайствовавших о дополнительном выпуске бумажных денег; петиция сопровождалась разного рода заявлениями весьма интересного и впечатляющего содержания.

Насколько своевременным было послание губернатора, покажет изложение дальнейшего хода событий. Он готовил ассамблею к тому, что возможно «Аллегания, расположенная на реке Огайо, частично в пределах Пенсильвании и частично в пределах Виргинии, уже подверглась или же вскоре подвергнется нападению со стороны войск французов и индейцев из Канады; в этом случае проживающие там индейцы, представляющие собой смешение Шести племен — шони, делаваров и твигтвиз, — которые совсем недавно заявили устами представителей Шести племен, что они являются союзниками Пенсильвании, должны будут покинуть страну, что нанесет большой ущерб подданным его величества, ведущим с ними торговлю, если губернатор во-время не пошлет к ним гонцов, чтобы предупредить их; переводчик Монтур слышал содержание заявления французов и ответа индейцев на него. Этот ответ был тверд и решителен, но на него нельзя положиться, так как индейцы испытывают большую нужду во всем». Таковы были разведывательные данные. Остальная часть послания губернатора состояла из патетических описаний тех опасностей и разрушений, которые ожидают Пенсильванию на ее собственных границах, а также увещеваний дать ему возможность оказать индейцам помощь, в которой они крайне нуждаются.

Сразу же после передачи ассамблее этого послания губернатор также сообщил ей ответ владельцев на вышеизложенное ходатайство ассамблеи, и если целью этого ответа являлось разобщение провинции и разжигание уже теплившейся вражды, то трудно было бы найти более подходящую для этого форму и более подходящее время.

Начали они с заверений в приверженности истинным интересам провинции, в том, что они не пожалеют ни средств, ни усилий для ее дальнейшего процветания и займут такую позицию в вопросе ходатайства ассамблеи, которую все не-

предубежденные люди сочтут справедливой. Подготовив таким образом почву для себя, они стали обвинять ассамблею в том, что в ее действиях ею руководят нерасположение к ним, с одной стороны, и желание снискать расположение более слабой части избирателей — с другой. В следующем абзаце они заявили следующее: после того, как мы «приказали нашему губернатору дать вам ответ на ваше предыдущее ходатайство, что им и было сделано, мы никоим образом не ожидали повторного ходатайства, адресованного непосредственно нам, ибо вы могли не сомневаться в том, что, прежде чем дать вам первый ответ, мы рассмотрели вопрос; на повторное ходатайство можно лишь дать повторный ответ, что мы не считаем целесообразным делать. Возможно вы, направляя вторичное ходатайство, желали более публично продемонстрировать расхождение в мнениях между нами и вами; если вы именно это имели в виду, то мы предпочитаем дать правильную оценку этому делу (если даже ответ наш будет пространнее, чем нам хотелось бы), с тем чтобы выявить действительное положение вещей».

Далее, они ссылаются на авторитет министерства торговли в оправдание сделанного ими ранее заявления, что они не считают себя обязанными участвовать в расходах на общественные нужды в большей мере, чем это делает генерал-губернатор любой другой колонии; они не желают слышать заявлений о том, что их уважаемый отец получал какую-либо помощь от населения при покупке земельных участков, а также не признают безосновательных попыток заставить их нести долю общественных расходов, так как эти расходы лишь незначительно превышают половину годового дохода. Они не только повторяют свое прежнее обвинение, что, поступая таким образом, ассамблея может лишь преследовать цель расположить к себе слабых и с их помощью удерживать свои места, но и присовокупляют к этому, имея на то многочисленные доказательства, что ассамблея приурочила свое первое ходатайство к предстоящим выборам. Тот факт, что ассамблея напечатала доклад вместе с самыми необычайными резолюциями, служившими обоснованием ее ходатайства, дает повод полагать, что оно скорее мыслилось как обращение к упомянутой части населения, а не к владельцам. Вопрос сам по себе не столь уж важен и значителен, чтобы по нему следовало возбуждать вторичное ходатайство.

Следующий абзац приводим дословно: «Из всего сказанного для нас вытекает необходимость поставить в известность население через вас, как его представителей, что, поскольку согласно конституции для принятия закона требуется наше согласие, но в то же время народ имеет бесспорное право при-

нимать те законы, которые необходимы для защиты и пользы страны, то было бы лучше, если бы его представители, обращаясь к нам по тем или иным важным вопросам, требующим нашего решения, проявляли бы уважение к нам и к нашим интересам, ибо, учитывая то положение, которое даровала нам королевская власть в Пенсильвании, мы вправе ожидать от представителей народа во всех случаях соответствующего нашему положению отношения; и, поскольку мы желаем управлять провинцией только по закону, они должны столь же заботливо блюсти наши интересы, сколь и мы считаем себя обязанными делать по отношению к их интересам».

Снова возвращаясь к вопросу о годовом доходе, владельцы заявили о своем долге ознакомить население с положением дел, о своем решении установить сумму дохода в размере 6 тысяч фунтов в год, статьи дохода — акцизный сбор и выпускаемые провинцией деньги; заявить еще раз, что в течение нескольких последующих лет расходы правительства, включая и расходы по делам с индейцами, будут ненамного превышать половину этой суммы и что из всего этого дохода лишь около четырехсот фунтов в год в среднем расходовалось за последние двадцать лет (большая часть времени пришлась на годы войны) на подарки индейцам и связанные с этим расходы, что, по их мнению, не составляет большой суммы по сравнению с общей суммой годового дохода и теми путями, которыми он создавался, а также учитывая всю важность такого дела, как привлечение союзов индейских племен на службу интересам Великобритании.

Далее, они говорят о тех налогах, которые их семья платит в Англии в размере, равном расходам по делам с индейцами, а затем переходят к следующему примечательному заявлению: «Показав вам, что мы платим здесь все налоги, кроме налога на землю, мы советуем вам быть очень осторожными и не сообщать здешним жителям об этом единственном исключении. Было уже внесено несколько предложений о налоговом обложении Северной Америки; и весьма легко предвидеть, что один и тот же акт парламента будет предусматривать обложение налогами как нашего, так и вашего имущества, а также и имущества ваших избирателей».

В следующем разделе, отрицая тот факт, что ассамблея всегда полностью оплачивала услуги переводчика, и настаивая на том, что они сами платили ему, когда ассамблея отказалась платить ему столько, сколько, по его мнению, он заслуживал, они добавили с некоторым высокомерием следующее: «Однако, какие бы расходы нам ни приходилось нести, мы несли их, не ожидая никакой компенсации, и мы считаем ниже своего достоинства посылать счета по этим расходам

в Палату представителей, как это возможно и сделали бы состоящие у вас на службе лица».

Продолжая в том же духе, они заявляют в следующем разделе: «Мы не считаем, что какой-либо акт ассамблеи может утвердить за нами то, что вы называете монополией на покупку земли; такой закон не давал бы нам никаких прав; исключительное право на покупку земли даровано нам королевской хартией», и т. д.

Следующие пять разделов заслуживают быть приведенными полностью:

«12. Ваше утверждение, что договора на покупку земли заключаются с минимальными затратами с нашей стороны благодаря подаркам, которые провинция делает индейцам, с нашей точки зрения не основывается на фактах; последняя покупка была совершена с единственной целью уберечь провинцию от расходов на подношение подарков тем индейцам, которые явились уже после того, как главная делегация индейцев получила подарки, предназначавшиеся всем, и возвращалась домой; по этой причине покупка земли обошлась очень дорого. Договора на покупку земли заключались и в тех случаях, когда провинция не делала подарков, и мы не желаем и никогда не желали, чтобы жители колонии участвовали в расходах по делам с индейцами, которые являются к нам только по нашему вызову, чтобы дать согласие на продажу земли, или же находятся в провинции по каким-либо другим общественным делам; в тех же случаях, когда они приходят одновременно и по тому и по другому поводу, то нам желательно, чтобы расходы делились с выгодой для населения.

13. Мы далеки от того, чтобы отвергать разумное участие в расходах на общественные нужды, хотя наше имущество по закону и не подлежит налогообложению. Мы не сомневаемся в том, что как прежде, так и теперь мы несем гораздо большие расходы по делам провинции, чем мы должны были бы делать, исходя из размера налогов на наше имущество в том случае, если бы все имущество в провинции облагалось налогом на общественные нужды, а это было бы самым справедливым способом установления доли каждого. Если бы мы согласились на это, то надлежало бы учесть как стоимость нашего имущества, так и стоимость имущества всех жителей с тем, чтобы пропорционально этому распределить и расходы; в этом случае вы установили бы, что те расходы, на которые мы сейчас соглашаемся по доброй воле из уважения к жителям колонии, превышают те суммы, которые выпали бы на нашу долю пропорционально стоимости нашего имущества; помимо этих общих расходов первый из нас послал пушку для защиты нашего города Филадельфии, чему Палата представителей

последнего созыва не уделяла должного внимания. Пушка была приобретена им за свой счет и обошлась больше чем в 400 фунтов стерлингов, а это превышает ту сумму, которую составила бы наша доля налогов с имущества за несколько лет. Учитывая все вышесказанное, мы не намерены вступать в какое-либо соглашение с Палатой представителей по поводу уплаты какой бы то ни было доли расходов по ведению дел с индейцами или участия в других расходах на общественные нужды, а предоставляем ей самой (поскольку по праву это надлежит делать именно ей) изыскивать средства на те расходы, которые она сочтет необходимыми для общественных нужд.

14. Поскольку вам хотелось бы освободить ваших избирателей от небольшой доли расходов по ведению дел с индейцами, возложив эти расходы на нас, мы со своей стороны советуем вам облегчить их финансовое положение в более реальной и значительной мере, освободив их от уплаты большей части того единственного налога, который они обязаны платить. В связи с тем, что общая сумма расходов провинции составляет немногим более 3 тысяч фунтов в год, мы считаем, что ее можно целиком покрыть за счет процентов с выпуска бумажных денег и половины акцизного сбора; если мы по ознакомлении с отчетом о состоянии торговли в провинции (который мы надеемся скоро получить) придем к выводу о необходимости дать согласие на увеличение выпуска бумажных денег, то это снимет с жителей колонии около полутора тысяч фунтов в год, что будет весьма ощутимо для многих из них, если они не станут проявлять излишней чувствительности к такому пустяку, как наша доля участия в общих расходах. Мы дали указание губернатору дать согласие на такой закон, когда вы сочтете необходимым представить ему таковой.

15. Поскольку мы всегда будем стремиться в первую очередь радеть об истинных интересах добрых пенсильванцев, мы не сомневаемся в том, что нам удастся сохранить мир и согласие с ними, если только не случится так, что на выборные должности пролезут люди с горячими головами и беспокойным умом, которые, защищая собственные взгляды или интересы, постараются оказывать влияние на своих собратьев, честных и благонамеренных людей. В этом случае могут, конечно, возникнуть споры, что нам будет весьма неприятно. Но даже и тогда, руководствуясь в своих действиях всеобщим благом, мы будем твердо и непоколебимо принимать меры, направленные к этой доброй цели.

16. Поскольку представители избираются ежегодно, то мы понимаем, что пишем сейчас не тем людям, которые направили нам свое послание; возможно, что лица, столь энергично добивавшиеся этой меры (которая, как мы уже сообщали гу-

бернатору, неприемлема для нас), не заседают уже в Палате, а на смену им пришли более благоразумные люди, которые не станут заходить слишком далеко в деле, не затрагивающем прав народа. Так или иначе это письмо является ответом на полученное нами послание. Когда бы ни возник такой или аналогичный ему вопрос, мы хотим, чтобы Палата удовлетворялась тем ответом, который будет дан губернатором по нашему поручению.

Томас Пенн, Ричард Пенн»

Учитывая настроение, в каком пребывали члены ассамблеи еще до чтения этого нелюбезного письма, естественно было ожидать, что оно приведет их в возбужденное состояние, и они немедленно примут меры к оправданию своих действий.

Но к чести их следует сказать, что они поступили иначе. Они отложили в сторону как письмо, так и свое решение, доклад, послание и прочие документы, на которые делались ссылки в письме владельцев, и решили заняться рассмотрением двух текущих дел, чтобы, решив их в первую очередь, развязать себе руки.

Напомним, что речь идет о финансовом законопроекте, возвращенном губернатором палате перед перерывом в заседаниях с отрицательным решением, а также о послании губернатора в связи с решением индейцев оказать сопротивление французам, если последние нападут на них на реке Огайо.

Ассамблее предстояло также рассмотреть несколько новых донесений от своего агента в Англии, а также финансовый отчет об импорте товаров из метрополии. Всего в 1749 году из Англии было ввезено товаров на сумму 238 637 фунтов, 2 шиллинга и 10 пенсов. В 1750 году на сумму 217 713 фунтов и 10 пенсов. В 1751 году на сумму 190 970 фунтов, 5 шиллингов и 1 пенс. Из этих цифр следует, что из-за недостатка валюты, необходимой для оживления промышленности и удовлетворения потребностей провинции, импорт товаров из Англии постепенно сокращался. По зрелом размышлении члены ассамблеи снова послали губернатору свой законопроект, сопроводив его следующим посланием:

«Да будет угодно губернатору,

На нашем последнем заседании губернатор высказал мысль, что недовольство, вызванное в Великобритании финансовыми законопроектами колоний на основании общих, неконкретных жалоб, делает несвоевременным в настоящее время обращение к верховной власти с просьбой утвердить наш законопроект о дополнительном выпуске кредитных билетов. Это заставило Палату, вопреки ее собственным убеждениям, сделать небольшой перерыв в работе с тем, чтобы еще раз взве-

сить основательность этих возражений, а также пересмотреть сумму выпуска бумажных денег, предусмотренную нашим законопроектом, и те суммы бумажной валюты, которые сейчас имеют хождение в нашей провинции. Теперь же, когда нам стало известно, что хотя жалобы на выпуск бумажных денег, вызванные излишествами отдельных колоний, первоначально действительно имели общий, неконкретный характер и имели своим результатом внесение в парламент законопроекта о запрещении выпуска бумажных денег во всех колониях, впоследствии парламент, тщательно изучив этот вопрос (ему был представлен отчет о положении с валютой в нашей провинции), счел целесообразным изменить законопроект и наложить запрет на выпуск бумажных денег только в тех колониях, которые злоупотребляли их выпуском. Мы не можем не расценивать такой акт как благоприятный для нас, тем более, что мы уверены в том, что английские купцы, ведущие торговлю с нами, никогда не заявляли жалоб на нашу валюту, а это могло затрагивать именно их интересы. Напротив, нам известно, что всякий раз, когда парламент или министерство торговли запрашивали их мнение, они неизменно отзывались весьма благожелательно и заявляли (как, например, в 1739 году, когда рассматривался наш акт о выпуске 80 тысяч фунтов, т. е. той суммы, о которой мы просим в настоящее время), что эта сумма не только умеренна, но и совершенно необходима для ведения торговли в провинции. Это явствует из доклада министерства торговли совету. А поскольку экспорт Англии в эту провинцию, как нам достоверно известно, составлял в течение трех прошлых лет всего лишь 179 654 фунта, 9 шиллингов и 2 пенса, а в 1749, 1750 и 1751 годах он составил 647 317 фунтов, 8 шиллингов и 9 пенсов, а также учитывая рост численности населения провинции, внутренней торговли и возросшие возможности торговли, не может быть сомнений в том, что и сейчас английские купцы будут придерживаться мнения о необходимости выпуска нами небольшой дополнительной суммы, хотя, возможно, по их мнению, выпуск большей суммы был бы более целесообразен; 100 тысяч фунтов в бумажной валюте в данное время будут менее удовлетворять потребности торговли, чем 80 тысяч фунтов в то время, когда мы впервые выступили с нашим законопроектом. Поскольку количество находящихся в обращении денег постоянно уменьшается, то совершенно очевидно, что должны сокращаться также и размеры нашей торговли с Великобританией, потребление нами английских товаров, а следовательно, и выгоды, приносимые метрополии нашей колонией.

Мы убедительно просим губернатора принять во внимание то отчаянное положение, в котором окажется торговля,

а следовательно, и вся провинция, если вопреки нашим ожиданиям представляемый нами законопроект не будет утвержден и не примет силу закона. Основываясь на заявлениях губернатора, что и ему ясны те выгоды, которые получает колония благодаря выпуску бумажных денег, а также на том факте, что он, направляя наш законопроект в Англию, сопроводил его правильными пояснениями, мы выражаем твердую уверенность, что наше обращение к короне окажется и своевременным и успешным».

Губернатор стал колебаться в свою очередь и через своего секретаря дал понять Палате, что поскольку ассамблея должна как обычно собраться на заседание в августе для подведения итогов своей деятельности за год, он по этой, а также по другим причинам хотел бы поразмыслить над законопроектом до этого времени.

Палата согласилась и, отложив до следующего заседания принятие решения по письму владельцев и рассмотрение проекта ответа на него, составленного комиссией ассамблеи, перешла к рассмотрению индейских дел. Приняв соответствующее решение по этим делам, она передала их также на рассмотрение губернатора, направив ему следующее рассудительное послание:

«Да будет угодно губернатору,

Мы неоднократно выражали нашу признательность губернатору за то уважение и справедливость, которые он проявлял к нашим союзникам индейцам; и сейчас мы снова сердечно благодарим его за заботы и за то, что он передал нам полученные им сведения об их бедственном положении. В связи с этим мы снова рассмотрели письма, представленные Палате вместе с посланием от 16 октября прошлого года, а также последнее послание и документы, направленные нам губернатором до и со времени возвращения гонцов, посланных в Огайо. Мы также тщательно опросили самого гонца, а также купцов, ведущих торговлю с индейцами, и других лиц, которые могли бы сообщить нам сведения о численности и назначении вооруженных сил, мобилизованных губернатором Канады, о положении племени твигтвиз, а также других живущих по реке Огайо индейских племен, являющихся нашими союзниками. По зрелом размышлении мы решили оказать им щедрую помощь, учитывая испытываемые ими в настоящее время лишения.

Несмотря на то, что союз между верховной властью Великобритании и Шестью племенами, а также защита и помощь, которую последние рассчитывают получить на основе этого союза, имеют более непосредственное отношение к правительству провинции Нью-Йорк, а также несмотря на то, что Вир-

гипия в данное время ведет с ними обширную торговлю и, несомненно, окажет им и их союзникам помощь в связи с создавшимся положением, мы всегда старались соразмерно нашим возможностям сохранить дружбу с индейцами как путем подношения им подарков, так и обязывая купцов, ведущих с ними торговлю, проявлять по отношению к ним справедливость. При сложившихся сейчас обстоятельствах, несмотря на то, что мы, к сожалению, расходимся во мнении с нашими владельцами по вопросу о том, какую часть расходов по делам с индейцами они должны взять на себя, мы учли выгоду от нашей щедрости как для владельцев, так и для провинции, и с радостью приняли решение предоставить в распоряжение губернатора денежные средства для Шести племен в Онондаго (если они обратятся к нему с просьбой об оказании помощи им или же их союзникам, которые живут западнее и вероятнее всего могут подвергнуться нападению), а также сделать им подарок, который лучше всего вызволил бы их из нужды и явился бы свидетельством наших миролюбивых и дружественных намерений».

В качестве подарка было выделено 800 фунтов; 200 фунтов в знак соболезнования племени твигтвиз по поводу потери им четырнадцати человек, уведенных в прошлом году французами и находившимися на их стороне индейцами; остальную часть губернатор мог распределить между другими племенами по своему усмотрению.

Пока все было тихо и спокойно. На следующем заседании ассамблеи, которое состоялось в конце августа, они получили еще два послания от губернатора по вопросу о финансовом законопроекте и подарке индейцам. Губернатор писал, что индейцы еще ни разу не обращались к нему с просьбой о денежной помощи или же с обоснованным ходатайством в связи с испытываемыми ими лишениями, поэтому он так и не использовал предоставленных ему ассамблеей денег. Далее, он писал, что отправил Эйзера (переводчика) в разведку и что, получив сведения от лиц, приехавших с запада, о том, что французы движутся к Огайо и выслали отряды для прочесывания попадающихся на их пути лесов, он не отослал твигтвизам подарка в знак соболезнования, опасаясь, что деньги попадут в руки врага, и т. д.

Что касается финансового законопроекта, то он возвратил его с некоторыми поправками, против которых, как он полагает, Палата не будет возражать. Он закончил свое послание следующими примечательными словами: «Я должен, однако, поставить вас в известность, что, давая свое согласие на этот законопроект, я действовал скорее из побуждения удовлетворить ваши неоднократные обращения, чем из убеждения

в абсолютной необходимости дополнительного выпуска бумажных денег. Однако, я надеюсь, что поскольку предполагаемая к выпуску сумма не является чрезмерной, этот акт не будет иметь неблагоприятных последствий для провинции».

Основной поправкой к законопроекту была следующая оговорка: «Оговаривается по указанию вышеупомянутого представителя власти, что ни этот акт в целом, ни какая-либо часть его не вступят в силу и не будут истолкованы как вступившие в силу, пока не будет получена санкция его величества, его наследников или преемников». Эта оговорка не могла не вызвать возражений, и Палата единодушно решила «не соглашаться с этой поправкой, так как она наносит удар по привилегиям, предоставленным им королевской хартией и хартией провинции, а также ущемляет права владельцев и не имеет прецедента в законах провинции». Губернатор же в ответ на это настаивал на ее включении, «так как предлагаемый для внесения в законопроект пункт основан на дополнительных инструкциях министерства юстиции в ответ на обращение Палаты представителей. Об этих инструкциях провинции известно с января 1740 года, и члены ассамблеи должны понять, что он включил эту поправку в законопроект именно потому, что не мог позволить себе не выполнить ее».

Приходится выразить сожаление по поводу того, что во время рассмотрения этого вопроса в парламенте ни владелец, ни уполномоченный провинции не сочли нужным доложить парламенту о тех пунктах своей хартии, которые предоставляют владельцу и ассамблее полную законодательную власть, за королем же сохраняется право пересматривать и ратифицировать издаваемые ими законы, причем владелец и ассамблея имеют право даже без королевской санкции осуществлять сроком на пять лет законы, если они не противоречат законам Англии. Если бы эти пункты хартии были оглашены, то дело обошлось бы без той ссоры, которая произошла.

Ассамблея немедленно рассмотрела ответ губернатора и подготовила соответствующий ответ, в котором, сообщив о только что упомянутом единодушном решении, она заявила, что, изучив доклад комиссии, которой она поручила рассмотреть поправку и законы провинции, она пришла к твердому убеждению, что никогда еще с самого основания колонии и по сей день ни один закон не принимался с такой ограничительной оговоркой. На этом бы им и следовало остановиться, если бы они сочли нужным, так как было ясно, что ничего более убедительного, чем хартия и практика законодательства на основе ее, нельзя прибавить в свое оправдание. Но, желая максимально укрепить свои позиции, они решили дознаться, чем было вызвано настойчивое желание навязать им столь

опасный эксперимент без всякой видимой надобности. Они стали доказывать, далее, что сама инструкция носит временный характер, что хотя она и была направлена губернатору данной провинции в числе других губернаторов, она не соответствует да и не может соответствовать обстановке в Пенсильвании ни в настоящее время, ни прежде; что министерство торговли изучило положение дел в данной провинции и пришло к положительному выводу; что указанное министерство в своем докладе палате общин по поводу обращений к его величеству о выпуске бумажных денег в Америке, заявило о своем намерении всепокорнейше просить его величество соизволить дать повторные указания губернаторам колоний — не давать в будущем согласия на какой-либо законопроект или законопроекты о выпуске или реэмиссии бумажных денег. Далее, министерство писало: «Мы надеемся, что эти предложения об уменьшении количества бумажных денег в колониях дадут положительные результаты в тех колониях, которые находятся под непосредственным управлением его величества; но мы очень сомневаемся в том, будут ли они иметь столь же благотворные последствия в тех колониях, управление которыми ведется на основе хартии. Правительства этих колоний считают, что благодаря своим хартиям и конституциям они мало зависят от короны и в связи с этим редко выказывают должное послушание повелениям его величества». Ассамблея утверждала также, что что бы ни говорилось в этом докладе о повторном направлении таких указаний, у нее есть все основания полагать, что по крайней мере губернаторы *данной провинции* повторных указаний не получали; что в парламент уже неоднократно вносился законопроект, содержащий пункт, требующий соблюдения колониями в Америке указов и повелений короны и что этот законопроект неизменно отклонялся; что губернатор сам охарактеризовал законопроект о сокращении выпуска бумажных денег как злонамеренный; что даже сами владельцы настроены против него; что поскольку в акт парламента, принятый в июне 1751 года, были включены только восточные колонии, следовательно, самим парламентом были сохранены за Пенсильванией полностью все ее права; что поскольку полномочия губернатора были утверждены много лет спустя после того, как эта инструкция была издана, ассамблея полагает, что губернатор имеет полное право утверждать все ее акты на условиях, дарованных ей хартиями короля и владельца провинции, не вынуждая ее прибегнуть к неприятной необходимости подвергать сомнению законность подобных инструкций и т. д. И, наконец, сколько усилий они ни прилагали, чтобы найти обоснование в подтверждение необходимости согласиться с данными поправками, они не только не смогли обна-

ружить такового, но и обратились к губернатору с просьбой пойти навстречу чаяниям всего народа и повторным единодушным обращениям его представителей и одобрить законопроект в том виде, как он был представлен, облегчив тем самым финансовое положение колонии, что и предусмотрено данным законопроектом.

О том, в каком положении находился губернатор, можно заключить из его действий. Он настаивал на своих поправках и снова возвратил законопроект с письменным посланием, в котором он продолжал утверждать, что не может преступить инструкцию, пока она существует, а следовательно, и не может дать своего согласия. Он напомнил о том, что его предшественник поступил точно так же в 1746 году; что ассамблея не оспаривала законность этой инструкции при решении обычных дел, а только выражала надежду, что в случае крайней необходимости он все же решится согласиться на принятие финансового законопроекта; что в то время казалось очевидным, что ассамблея не считала незаконной или временной инструкцию, основанную на обращении палаты общин, и не заявляла, что эта инструкция ущемляет ее свободы; что если в то время и губернатор и ассамблея придерживались такого мнения, то не должно быть места намекам, что он первый стал настаивать на таком опасном эксперименте; что если в прошлом и не было случая, когда была бы предложена такая оговорка, то, возможно, не было и такой инструкции, так как в противном случае не могло бы быть и речи о неподчинении ей; что, быть может, ни в каком другом вопросе нет такой необходимости в предусмотренных инструкцией ограничениях, как в финансовом вопросе, где король имеет особые прерогативы; что если бы ассамблее удалось убедить министерство его величества в необходимости дополнительного выпуска бумажных денег в данное время, то король, несомненно, дал бы свое согласие; что же касается прежнего финансового законопроекта, на который они ссылаются, то он попрежнему придерживается своей точки зрения, но нужно не так уж много проницательности, чтобы делать различие между актом, требующим исполнения всех приказаний, и инструкцией, основанной на обращении парламента; что ассамблея, безусловно, предоставит ему право самому рассудить в таком вопросе, который затрагивает его полномочия и где любая неосторожность грозит навлечь недовольство его величества; что он ни в коей мере не порицает ассамблею за ее стремление отстоять то, что она считает своим правом и привилегией, а следовательно, он не имеет возражений против проверки законности королевских инструкций, при условии, что ассамблея проявит при этом умеренность, и не даст людям повода повторить те обвинения

по адресу колоний, управляемых на основе хартий, которые содержались в докладе министерства торговли и сводились к тому, что эти колонии не считают себя в большой мере зависимыми от короны; и что вообще он искренне убежден в том, что королевская инструкция имеет ту же силу, что и в 1746 году, когда бывший губернатор заявил ассамблее, что он не может отважиться преступить ее.

Очевидно, что губернатору понадобилось потревожить дух этих покойных инструкций только затем, чтобы вселить страх в сердца членов ассамблеи и таким образом подготовить их к новым распоряжениям, которые неизбежно должны были последовать за упомянутым выше письмом владельцев.

Король, министры короля и члены палаты общин были слишком большими людьми, чтобы представитель провинции мог состязаться с ними.

Но члены ассамблеи были слишком мудры и тверды, чтобы их забавляло это; а разница в выражениях, употреблявшихся владельцами и их губернатором, свидетельствовала о различии проводимой ими политики, ибо если губернатор говорил только от имени верховной власти, владельцы говорили только от своего имени: «Если состояние торговли в провинции вынудит *нас* дать согласие на увеличение выпуска бумажных денег».

Не считая себя поэтому обязанными размышлять о том, что еще нужно для того, чтобы власть имущие дали возможность их уполномоченному выполнять его обязанности, ассамблея предпочла лучше отказаться от своего законопроекта, чем заплатить за него дороже, чем он стоит.

В соответствии с этим она снова единодушно отклонила поправки губернатора к законопроекту, и была назначена комиссия для составления ответа на его послание. Ответ был составлен таким образом, чтобы показать, что она предпочитает отстаивать правоту своего дела, чем делать поклоны в сторону губернатора.

В качестве аргумента она противопоставила его словам утверждение губернатором Томасом акта о выпуске бумажных денег на сумму 5 тысяч фунтов; что касается его заявления, что ассамблея того времени не оспаривала законность инструкций при решении обычных дел, то они объяснили это тем, что он пользуется этим фактом лишь с целью оправдать свое нежелание утвердить законопроект. Это не первая инструкция, не ограниченная временем и до сих пор не отмененная, которая не выполнялась и, они надеются, не будет выполняться, так как в документах совета и сейчас можно найти инструкцию губернатору Кейсу, датированную июлем 1723 года, предписывающую ему не утверждать в будущем ни одного акта без оговорки о временном прекращении его действия до

получения санкции его величества. Дела Пенсильвании будут весьма плачевны, если губернаторов не будут освобождать от обязанности следовать случайным инструкциям. Они писали: «Если даже король сочтет, что парламент, утвердив в 1751 году законопроект о выпуске бумажных денег, полностью исчерпал смысл его инструкций, то нам все равно придется вечно страдать под их бременем. Если же мы предположим, что губернатор имеет распоряжение от владельцев не утверждать в дальнейшем выпуска кредитных билетов на какую бы то ни было сумму, в чем мы почти не сомневаемся, и если владельцы в будущем соблаговолят снять с него это ограничение и предоставят ему свободу утверждать все наши законопроекты на условиях, дарованных нам нашими хартиями, то что пользы будет от этого, если губернатор будет попрежнему думать, что он никогда не может быть свободен от обязательств, налагаемых на него полученными инструкциями?»

Следующие параграфы их письма еще более существенны:

«Мы сознаем, что невыполнение всех королевских предписаний и инструкций губернаторами, которым они были посланы, а также их преемниками грозит королевской немилостью, если эти инструкции не будут отменены властью его величества; однако мы не видели, чтобы губернатор Кейс, которому такая инструкция была прислана, или его преемник губернатор Гордон, или губернатор Томас, или же наш теперешний губернатор считали, что им грозит опасность навлечь на себя недовольство его величества из-за полного пренебрежения и прямого неповиновения дополнительной инструкции министерства юстиции 1723 года, оригинал которой, а также оригиналы инструкции 1740 года несомненно имеются у губернатора; содержание этих инструкций зафиксировано в протоколах нашей Палаты. Почему же тогда с инструкцией, вступившей в силу в 1723 году и до сих пор не отмененной, можно не считаться, а дополнительная инструкция министерства юстиции, изданная в 1740 году, возможно отмененная на последующих заседаниях парламента, так как она основывалась на обращении парламента к его величеству, должна так связывать губернатора в его действиях. Этого мы не можем понять.

Если же губернатор понимает свободу действий в том смысле, что мы должны позволить ему самому судить о том, в какой мере он смеет на свой собственный риск не подчиняться королевским инструкциям (поскольку высочайшая немилость его величества угрожает главным образом ему), то мы должны признать, что нам трудно увидеть какую-либо существенную разницу между злонамеренной тенденцией акта, требующего выполнения всех без исключения повелений и

инструкций короны, и необходимостью для нас предоставить губернатору власть требовать выполнения этих повелений и инструкций в тех случаях, когда он сочтет нужным. Разница заключается разве только в том, что мы предпочли бы вверить наши судьбы и наше дело в руки короля и английского парламента, чем отдать их на произвол нашего губернатора, который захочет — посчитается, а не захочет и не посчитается с ними, сколь справедливыми они бы ни были. Что касается данного случая, то мы надеемся, что губернатор, подумав, отнесется с некоторым уважением к суждению того самого парламента, на основании обращения которого к короне и была издана эта дополнительная инструкция и который, несмотря на требование министерства торговли на последующем заседании снова обратиться к короне с ходатайством соблаговолить повторить свои инструкции губернаторам американских колоний, не только отказался сделать это, но издал закон об ограничении выпуска кредитных билетов только в тех колониях, где, по имеющимся достоверным сведениям, выпуск этих билетов наносит ущерб торговле Великобритании или же не рассчитан на справедливые отношения между людьми. Мы полагаем, что нас не коснулось бремя этой дополнительной инструкции и мы попрежнему свободны в принятии законов на основании наших хартий. А поскольку мы не требуем ничего, что выходило бы за их пределы, то мы надеемся, что наши требования не могут затрагивать королевские прерогативы.

Можно предположить, что представители данной провинции, собравшись на заседание ассамблеи, сохранили еще за собой кое-какие ценные привилегии в составлении законов, которые устанавливали бы справедливые отношения между людьми, не нуждаясь для этого в каких-либо дополнительных инструкциях; вряд ли кто-нибудь думает, что мы легко откажемся от этих прав и поставим себя в зависимость от королевских инструкций, согласно которым мы должны облечь губернатора такой властью, какую он соизволит пожелать; мы не сомневаемся также в том, что всякий разумный и беспристрастный человек предпочтет санкционируемые губернатором регулярные законы, принимаемые по мере необходимости избираемыми ежегодно представителями народа, потоку инструкций, присылаемых издалека.

Со своей стороны мы вполне уверены в том, что до тех пор, пока мы будем верно и преданно служить лучшему из королей, который соизволил заявить, что *ничто в этом мире не может доставить ему большей радости, чем видеть процветание и счастье своих подданных*, и не будем претендовать на какие-либо другие, бóльшие привилегии, чем те, на которые мы

имеем право на основе жалованной грамоты его предшественников на троне, нам нечего опасаться короля и английского парламента; а поскольку мы обязаны всемерно защищать свои привилегии, чтобы оправдать оказанное нам высокое доверие, то лично мы, а также, как мы надеемся, и все добрые люди, считаем, что вопреки мнению губернатора, меры, принятые министерством торговли по отношению к нашей провинции (в числе других провинций, существующих на основе хартии), весьма невыгодны для нас».

Выразив свою уверенность или убеждение в том, что губернатор может провести закон, о котором идет речь, или же любой другой закон, не противоречащий королевской хартии, совершенно не опасаясь навлечь на себя немилость его величества, они заявляют, далее, что зачем представителям терять время на составление законопроектов, а провинции в целом нести связанные с этим расходы, если губернатор все равно не может их утвердить согласно частным инструкциям владельцев.

Этот доклад был единодушно одобрен; однако, желая, очевидно, еще раз убедиться в его правильности, ассамблея передала его на рассмотрение следующей ассамблеи; так же поступили и с другим докладом, полученным в тот же день от комиссии, назначенной для составления проекта ответа на последнее послание владельцев. Было бы нечестно и несправедливо по отношению к провинции не упомянуть о нем здесь.

Вспомним, что этот документ состоял из шестнадцати разделов или пунктов; каждый из них отдельно рассматривался в ответе, получал одобрение или же отвергался.

Заявление, содержавшееся в первом разделе, было признано благородным и достойным общественного положения владельцев; обвинения, выдвинутые во втором разделе, были объявлены не только неосновательными, но и оскорбительными, так как ассамблея не только не пренебрегала интересами владельца, а, напротив, учитывала их даже в том вопросе, о котором идет речь, если они не шли вразрез с собственным желанием владельцев постоянно поддерживать взаимопонимание с народом, причем был предложен способ, как добиться этого; что касается содержащегося в третьем разделе заявления о том, что, после того как их губернатор согласно их приказанию дал ответ на первое ходатайство ассамблеи, они не ожидали, что ассамблея повторит свое ходатайство, направив его на этот раз непосредственно в их адрес, то на это отвечали, что всякое повторное ходатайство, если оно обосновывается новыми мотивами и содержит ответы на те аргументы, которые послужили основанием для отказа в просьбе, законны во всех случаях, если только лица, к которым обращаются

с ходатайством, не считают себя непогрешимо правыми или же неспособны внять разуму; на четвертый раздел, в котором излагается мнение министерства торговли о том, должны ли владельцы, будучи генерал-губернаторами, участвовать в расходах на общественные нужды, комиссия отвечает, что Палата требовала от них участия в расходах не как от правителей, а как от владельцев, поскольку Вильям Пенн сам когда-то делал такое различие; считая их, как и они сами признают впоследствии в том же разделе, самыми состоятельными жителями провинции, ассамблея и полагает, что они должны участвовать в общих расходах провинции пропорционально их состоянию; в ответе на пятый раздел комиссия возражает против искажений, содержащихся в нем, называя их несовместимыми с достоинством владельцев и генерал-губернаторов провинции, заявляя, далее, что ассамблея никогда не утверждала, что земля у индейцев покупается непосредственно на народные деньги, а говорила только, что эти покупки обходятся владельцам дешевле благодаря подаркам, преподносимым каждый раз провинцией, причем это обстоятельство выдвигалось лишь в качестве дополнительного аргумента в защиту того, что владельцам следует принимать хотя бы пропорциональное участие в расходах на эти подарки, так как они в первую очередь извлекали пользу и большие выгоды из договоров.

На шестой раздел, в котором содержатся намеки на то, что народ в состоянии сам нести эти расходы без участия в них владельцев, комиссия категорически заявляет, что из того, что народ в состоянии платить, отнюдь не следует, что он обязан нести несправедливые расходы, а поскольку они, владельцы, также в состоянии платить деньги, то возникает вопрос, почему это обстоятельство, недостаточное для того, чтобы заставить их оплачивать часть расходов, по их мнению, достаточно для того, чтобы заставить народ оплачивать всю сумму расходов? Далее, они заявляют, что выдвинутое против членов ассамблеи обвинение в том, что они якобы стремятся завоевать расположение слабых людей и пр., совершенно ошибочно, не имеет под собой ни малейших оснований; все дело в том, что в течение многих лет владельцы не пользуются уважением народа, а до окончания выборов ассамблея не выступала с обращением к народу и не опубликовывала ни состава представителей, ни результата голосования и т. д.

По седьмому разделу, в котором содержалось требование проявлять должное уважение к владельцам и их интересам, комиссия писала следующее: «Мы понимаем это требование следующим образом: хотя владельцы имеют здесь своего уполномоченного, оплачиваемого провинцией, который облечен или же должен быть облечен полной властью принимать все

законы, необходимые для пользы провинции, однако прежде чем мы можем получить такие законы, мы должны облегчить их принятие, выплачивая за владельцев те деньги, которые они должны платить сами, или же каким-либо иным путем особо заинтересовать владельцев в принятии этих законов. Мы надеемся все же, что если так и повелось когда-то, то это не будет продолжаться в нашей провинции, и что, поскольку, как признается в самом этом разделе, мы имеем неоспоримое право на такие законы, мы всегда сможем получить таковые по милости нашего суверена, не выпрашивая их». Далее, комиссия подробно останавливается на слове «положение», которое владельцы в этом же разделе неоднократно упоминают, говоря о себе. По этому поводу она пишет: «Внимательно перечитывая ходатайство, мы не смогли обнаружить, чтобы оно содержало что-либо, что говорило бы о неуважении к положению владельцев. Во избежание возможного недовольства с чьей бы то ни было стороны Палата решила обратиться к владельцам с разумным ходатайством, написанным в самом почтительном тоне, согласиться взять на себя часть расходов по ведению дел с индейцами, поделив эти расходы с провинцией, как этого требует справедливость; пусть рассудят все беспристрастные люди, разумно ли по существу и почтительно ли по форме ходатайство, ставившее перед собой такую цель. Это не являлось, как утверждают владельцы, обращением к народу. Оно не обнародовано и по сей день. Это было обращением лично к ним, переданным через их губернатора. В нем учитывались их подлинные интересы (которые всегда должны состоять в справедливых, правильных и великодушных мерах и в обеспечении расположения народа) и предлагалось единственное средство для достижения этой цели. Что касается положения, то владельцам не следует забывать, что корона соблаговолила точно так же возвести в соответствующий ранг и ассамблеи данной провинции, причем этот ранг удерживается ими не по наследству, а на основе свободных выборов свободного народа, которого не подкупают и даже не уговаривают; но ассамблея твердо убеждена в том, что подлинное уважение не обязательно связано с положением и что, только действуя сообразно положению, они могут надеяться завоевать его».

Переходя затем к восьмому разделу, они выражают свое удивление по поводу того, что владельцы озабочены необходимостью ознакомления населения с состоянием годового дохода провинции, ибо данные о годовом доходе ежегодно составляются и опубликовываются ассамблеей вот уже в течение тридцати лет. Они присовокупили к этому, что если у владельцев и имеются какие-либо причины держать втайне свой годовой доход, то у провинции таковых не имеется. Аргументы

владельцев по вопросу о налогах они называют неточными и неубедительными, утверждая, что, сколь бы умеренными ни были налоги и как бы охотно они ни выплачивались, налоги всегда остаются налогами; что всякий налог в конечном счете должен принести большую пользу тем, кто его платит, чем если бы эти деньги оставались в их собственном распоряжении, и что в этом случае они не являются бременем и т. д., и закончили следующими словами: «Исходя из расчета, что весь наш доход в настоящее время будто бы составляет столько же, сколько и все последние двадцать лет и будет оставаться таким же, хотя владельцам и известно, что он зависит от временных актов, срок действия которых вскоре истекает, а возобновление их в лучшем случае сомнительно, они приходят к заключению, что 400 фунтов в год, которые тратит провинция на ведение дел с индейцами, — сумма небольшая и что у нас нет необходимости так экономить общественные деньги. Они подсчитали, что 400 фунтов — это та сумма, которая в среднем выплачивалась за последние 20 лет, причем они не учитывают, что эта сумма все время возрастала, а за четыре года, предшествовавшие ходатайству, она достигла приблизительно 1 200 фунтов в год, что, по нашему мнению, каждый незаинтересованный человек назовет очень большой суммой; и хотя можно было бы собрать акцизный сбор на эту сумму, если бы не расходовалась половина этих денег, мы все же не делаем из этого вывода, что владельцы не должны выплачивать своей доли пропорционально их состоянию; если бы сумма была меньшей, то и их доля оказалась бы соответственно меньшей, а сэкономленные таким путем деньги можно было бы употребить на другое дело, на пользу населения или же держать наготове в казначействе на случай крайней необходимости».

В ответ на девятый раздел они заявляют, что в пропорциональном отношении население Пенсильвании выплачивает столько же на содержание правительства его величества в форме налога и акциза, сколько и семья владельца или какие-либо другие подданные, конечно, в пределах, доступных молодой колонии; при этом они полагают и надеются, что справедливость английского парламента никогда не позволит увеличить эту сумму. Далее, они пишут: «О том, что владельцы освобождены от этих налогов, они до сих пор по их собственной инициативе публично не заявляли; этот мотив был выдвинут ими только в ходатайстве на имя владельцев».

В ответ на десятый раздел, в котором, между прочим, упоминалось и о переводчике, они пишут: «Мы полагаем, что упоминание о недовольстве переводчика оплатой его труда ассамблеей, очевидно, относится к тем случаям, когда вла-

дельцами совершалась покупка земли и часть расходов по оплате услуг переводчика, очевидно, должны были нести они». От своего имени и от имени ассамблей всех других созывов они выражают надежду, что всякие услуги провинции со стороны владельцев всегда встретят благодарную признательность и соответствующее вознаграждение.

Что касается монопольного права владельца на землю, предоставленного или короной или ассамблеей, то они в ответ на раздел одиннадцатый пишут, что и не оспаривают его, а лишь делают вывод, «что те, в чью пользу была создана такая монополия, должны по крайней мере нести часть расходов, необходимых для обеспечения им полной выгоды от этого монопольного права».

Наконец, поскольку мы в свое время полностью привели здесь содержание пяти заключительных разделов письма владельцев, то целесообразно привести полностью и ответы на них, которые гласили следующее:

...12. В двенадцатом разделе комиссию несколько удивили три вещи. 1. Отрицание владельцами того факта, что договоры на покупку земли заключаются на более выгодных условиях благодаря подаркам, преподносимым каждый раз провинцией. Вероятность этого, по нашему мнению, не станет отрицать ни один беспристрастный человек. 2. Заявление владельцев о том, что последняя покупка земли была сделана с единственной целью освободить провинцию от необходимости сделать подарок. Это сказано так, как будто бы у владельцев не было необходимости приобрести у индейцев еще один участок земли и как если бы они сами никакой выгоды от этого не получали. 3. Для того, чтобы доказать, что такие покупки не совершались на более выгодных условиях благодаря подаркам провинции, они ссылаются на случай, когда, по их же собственным словам, покупка земли обошлась им дороже именно потому, что ей не сопутствовал подарок от провинции. Если владельцам покупка земли обходится дороже, когда ей не сопутствует подарок от провинции, то разве это не подтверждает утверждение ассамблеи, что покупки обходятся дешевле при наличии подарков? И разве это не подтверждает именно то, что отрицают владельцы?

13. Из тринадцатого раздела письма явствует, что та часть расходов на общественные нужды, которую владельцы добровольно берут на себя и полагают, что и в будущем она должна оставаться таковой, превышает сумму, которая досталась бы на их долю, если бы расходы распределялись пропорционально состоянию. Если это так и если они действительно, как они заявляют, «далеки от того, чтобы отвергать разумное участие в расходах на общественные нужды, хотя их имущество по

закону и не подлежит налогообложению», то комиссия совершенно не может понять, почему они отказываются «вступать в какие-либо соглашения по поводу уплаты какой бы то ни было доли расходов по ведению дел с индейцами или участия в других расходах на общественные нужды», поскольку такое соглашение только сэкономило бы им деньги и имеет целью предотвратить недовольство и сохранить единство и согласие между ними и народом; это заявление владельцев можно расценивать лишь как желание продемонстрировать полное презрение с их стороны к подобному единству и согласию, а также, насколько они пренебрегают уважением народа.

Обвинение по адресу ассамблей прежних созывов в том, что они не уделяли должного внимания обороне города владельцев, комиссия считает несправедливым, так как всем известно, что во время войны ассамблеи передали в распоряжение короля много тысяч фунтов, помимо единовременной уплаты около трех тысяч фунтов в порядке компенсации ущерба, нанесенного хозяевам слуг незаконными и обременительными действиями наместника владельцев; то обстоятельство, что ассамблеи не предоставили пушку для защиты города, объясняется не пренебрежением с их стороны, а совершенно иными соображениями, подробно изложенными в опубликованных документах того периода, и нет нужды снова их повторять. В то же время следует напомнить, что хотя защита пушечными батареями города владельцев, как им угодно его называть, прежде всего в их собственных интересах (не будем уж говорить о долге), и хотя они сейчас и представляют дело так, что такая защита была столь уж необходима, в действительности же они не только не позаботились о ней, но даже мешали ее проведению; в то время как некоторые частные лица внесли суммы, почти равные той, о которой владельцы упоминают, а многие внесли и значительно больше, соответственно своему имущественному положению, и именно на эти средства было не только своевременно закончено сооружение батарей, но и осуществлена оборона как города, так и всей провинции, помощь в 400 фунтов, о которой хвастливо пишут владельцы, была прислана, когда война уже закончилась, как это было в свое время с венецианскими подкреплениями. И все же мы не сомневаемся в том, что пославший эти деньги владелец давно уже получил благодарность от тех, кто получил их, хотя нам так и не удалось услышать о том, чтобы он в свою очередь отблагодарил их за то, что ими было сделано и израсходовано на защиту его доли собственности в провинции.

14. Четырнадцатый раздел ответа владельцев, видимо, рассчитан именно на то, в чем они обвиняют составителей ходатайства, а именно на заигрывание со слабыми. Если вла-

дельцы действительно собираются поощрять тех, кто пьет спиртные напитки, то они могут делать это без всякого закона, дав указание своим наместникам сократить наполовину налоги на трактирщиков, торгующих спиртными напитками, что даст им возможность продавать их по соответственно более низкой цене; или же запретить продавать спиртные напитки более чем половине существующих ныне трактиров, что предотвратило бы разорение многих семей и рост праздности, пьянства и других безнравственных поступков среди нас.

15. В ответ на хорошие решения, содержащиеся в пятнадцатом разделе письма владельцев, комиссия надеется, что ассамблеи последующих созывов, так же как и их предшественники, будут руководствоваться в своей деятельности заботой о благе народа и всегда будут считаться с действительными интересами и честью семьи владельца, независимо от настроения или поведения отдельных ее представителей. Мы считаем, что честные и откровенные замечания, содержащиеся в настоящем докладе, будут больше способствовать достижению этой цели, чем тысяча льстивых посланий. И мы надеемся, что, если когда-либо владельцы сочтут нужным пересмотреть этот вопрос, они убедятся в том, что, согласившись нести справедливую долю расходов, они тем самым уничтожат причину для разногласий с «горячими головами и беспокойными умами, если таковым, к несчастью, удастся пролезть на выборные должности».

16. И все же если владельцы действительно стремятся сохранить единство и согласие с народом, то нас не может не удивлять последний раздел их письма, в котором они пытаются лишить ассамблеи свободного доступа к ним в тех случаях, когда ответы, полученные от наместников, не будут, по мнению ассамблеи, соответствовать благу народа. Если память нам не изменяет, ни один английский король никогда не отказывал самому последнему из своих подданных в праве лично обращаться к нему в тех случаях, когда он не мог добиться удовлетворения своей жалобы от его министров. Говорят, что даже султаны, шахи и другие абсолютные монархи Востока иногда просиживают целыми днями, выслушивая жалобы и прошения своих рабов; неужели же владельцы Пенсильвании вознеслись так высоко, что к ним не могут даже обратиться представители свободных жителей их провинций? Если их нельзя ни в чем переубедить только потому, что они уже дали указания своему уполномоченному, а его в свою очередь нельзя переубедить, потому что он эти указания получил, то отныне все встречи и обмен мнениями между нами становятся бесполезными; мы должны только выслушать их волю и подчиниться ей.

В заключение следует сказать следующее: если данная провинция должна выплачивать ежегодно более двух тысяч фунтов на содержание наместника, который не имеет права по собственному уразумению принимать законы (как говорится в четырнадцатом разделе рассматриваемого нами письма), а должен запрашивать согласие генерал-губернаторов, живущих на расстоянии трех тысяч миль и часто несведущих в наших делах или имеющих о них неправильные сведения и к которым мы не должны обращаться или пытаться убедить в чем-либо, если они уже дали свои указания, то нам остается только признаться, что колонии, непосредственно управляемые короной, находятся в более привилегированном положении; искреннее уважение к памяти нашего первого владельца заставляет нас предостеречь его детей, что, если они будут следовать советам советников Ровоама [11], они, как и последний, полностью лишатся по меньшей мере расположения своего народа. Сколь бы пренебрежительно они ни относились к этому, потеря расположения народа будет чревата для них более серьезными последствиями, чем это им сейчас кажется».

ГЛАВА VI

Ассамблея принимает единодушное решение о необходимости ремиссии бумажных денег. Письмо лорда Холдернисса и другие документы. Губернатор возобновляет старый спор по поводу инструкции, запрещающей выпуск бумажных денег, и требует ассигнований на вооружение провинции. Ассамблея возражает и настаивает на непродолжительном перерыве в работе. Губернатор продолжает отстаивать свое прежнее заявление. Ассамблея устраивает перерыв в работе и снова созывается губернатором. Дебаты в ассамблее и повторный перерыв в работе. Заседание ассамблеи, на котором зачитывается послание губернатора и полученные от него сведения о подходе французов к форту, построенному виргинцами на реке Огайо. Совместный законопроект об ассигновании средств. Губернатор вносит поправки. Ассамблея единодушно отвергает их. Ответ губернатора. Реакция на него. Решения ассамблеи и послание губернатору перед перерывом в работе. Члены ассамблеи созываются снова по особому вызову. На заседании ассамблеи заслушивается доклад о действиях уполномоченных в Олбени. Ассамблея готовит и представляет законопроект о выпуске кредитных билетов. Губернатор уклоняется от его утверждения под предлогом отсутствия достаточных полномочий.

Состав ассамблеи, избранной в октябре 1753 года на срок до октября 1754 года, оставался почти прежним. Члены ассамблеи собрались в прежнем настроении и продолжали руководствоваться в своей деятельности теми же принципами, что и раньше.

Как мы уже видели, главной задачей провинции было обеспечение достаточного количества денег. Из сказанного выше

становится ясным, что согласия владельца в этом вопросе можно было добиться лишь на таких условиях, которые обошлись бы дороже серебра и золота. На ссудную кассу, находившуюся в ведении ассамблеи, все еще смотрели как на противовес земельному департаменту, который находился в руках владельцев, и хотя они ни разу не конкурировали друг с другом, провинция никогда не могла извлечь какой-либо выгоды, без того, чтобы владельцы не получили от этого своей доли.

Нижеследующие события лучше всего покажут, какую роль для обеих сторон сыграла перспектива войны, какие были сделаны из этого выводы, на ком должна лежать ответственность за помехи исполнению государственной службы.

Собравшись на заседание в феврале 1754 года, ассамблея рассмотрела состояние торговли провинции и еще раз утвердилась в своем мнении, что благодаря увеличению валюты торговля провинции (как импорт из Англии, так и экспорт собственных товаров) поразительно возросла. В связи с этим был снова рассмотрен финансовый вопрос и единодушно приняты следующие решения:

«Необходима реэмиссия бумажных денег в данной провинции на более длительный срок.

Необходим выпуск бумажных денег в дополнение к тем, которые имеют в настоящее время хождение на основании закона, изданного данной провинцией.

Необходим выпуск определенной суммы бумажных денег для замены потрепанных и порванных ассигнаций, имеющих в настоящее время хождение на основании закона в данной провинции».

В соответствии с этими решениями ассамблея внесла затем законопроект о выпуске 40 тысяч фунтов в кредит и о реэмиссии и продлении срока действия бумажных денег, находящихся в обращении; губернатор же направил ассамблее письменно послание с приложением письма, адресованного ему графом Холдерниссом, письма от министерства торговли, а также письма от командующего французскими войсками на реке Огайо мистеру Динвидди, вице-губернатору Виргинии.

Письмо графа Холдернисса было датировано 28 августа 1753 года и, как можно было предположить, почти ничем не отличалось от других писем, посланных в то же самое время губернаторам других провинций.

Содержание его было следующее: «В связи с тем, что его величеством было получено сообщение о выступлении значительного числа индейцев, поддерживаемых регулярными войсками некоторых европейских стран, с целью нападения на части владений его величества в Америке, его светлость получила распоряжение короля поставить его (губернатора) об

этом в известность, а также дать указание разведать всеми имеющимися в его распоряжении средствами, насколько обоснованы эти данные; приказать ему быть начеку, чтобы в случае необходимости он мог оказать сопротивление всяким попыткам нападения на любую часть владений его величества, находящуюся под его управлением; дать ему указание от имени короля, что в случае если подданные какого бы то ни было чужеземного властителя или государства предпримут вторжение в пределы владений его величества или сооружение фортов на землях его величества, или же предпримут какие-либо другие враждебные действия, он должен немедленно заявить о несправедливости подобных действий и потребовать от совершивших их, чтобы они воздерживались впредь от подобных незаконных деяний; если же, несмотря на такое требование, они станут продолжать свои действия, он должен собрать вооруженные силы провинции и приложить старание, чтобы одержать победу, ответить силой на применение силы. Но, поскольку его величество решительно не желает быть агрессором, король приказал ему строго вменить в обязанность губернатору применять вооруженную силу лишь в пределах неоспоримых владений его величества, а также сообщить ему, что, поскольку король заинтересован в том, чтобы все провинции в Америке оказали друг другу помощь и поддержку в случае нападения, его величество специально уполномочил его поставить губернатора в известность, что согласно воле и желанию короля он должен поддерживать переписку со всеми его губернаторами на континенте; если они сообщат ему о каких-либо попытках военных действий, он должен немедленно созвать генеральную ассамблею, доложить ей о необходимости взаимопомощи и призвать ее выделить ассигнования в том размере, какого потребует чрезвычайность положения».

Письмо министерства торговли было датировано 18 сентября; в нем говорилось, «что министерство считает своим долгом сообщить, что его величество соблаговолил приказать выпустить бумажные деньги для дара Шести индейским племенам и направить своего губернатора провинции Нью-Йорк для переговоров с ними, для вручения им дара, для заключения мира и для возобновления ряда договоров. Поскольку прежде представители всех колоний его величества, интересы и безопасность которых были связаны с взаимоотношениями с индейскими племенами или зависели от них, имели обыкновение принимать участие в таких переговорах; а также, учитывая нынешние настроения указанных выше индейских племен и попытку извне вырвать их из-под английского влияния, министерство торговли считает, что в настоящее время особенно необходимо провести переговоры с индейцами с участием

представителей всех провинций. Министерство желает, чтобы он, губернатор, изложил этот вопрос перед советом и генеральной ассамблеей провинции, находящейся под его управлением, и порекомендовал ей выделить средства для назначения уполномоченных, которые совместно с уполномоченными других провинций возобновили бы соглашения с индейцами, и пр. Эти уполномоченные должны обладать твердым характером, быть способными и честными людьми и хорошо знать индейские дела.

Письмо командующего французскими войсками было ответом на представление губернатора Динвидди по поводу вторжения французов в район реки Огайо (дело в том, что регулярные европейские войска, упоминаемые в письме лорда Холдернисса, были французскими войсками, хотя и принимались меры предосторожности, чтобы не называть их) и в очень вежливых выражениях отвергало предъявленное губернатором Динвидди обвинение.

В письменном послании губернатора, сопровождавшем эти документы, говорилось о каждом из них, о последнем даже более того, что в нем самом написано, каково бы ни было фактическое положение вещей. Французский командующий пишет: «что доказывать право его повелителя французского короля на земли, расположенные вдоль реки Огайо, — дело его генерала в Канаде, а не его; что он перешлет ему полученное письмо; что его ответ будет для него законом; что же касается предъявленного ему требования отвести войска, то он не считает себя обязанным подчиниться ему; что он находится здесь по приказу своего генерала, и этот приказ он намерен выполнить; что ему неизвестно о каком-либо происшествии за время кампании, которое можно было бы рассматривать как военные действия; что если губернатор выскажет более конкретные жалобы, он даст более конкретный ответ, и т. д.».

Губернатор дал следующие пояснения к этому письму: «На этой неделе курьер доставил мне сообщение губернатора Динвидди о письме этого господина (полковника Джорджа Вашингтона) вместе с ответом коменданта форта, который признает, что военные действия уже начались и что он имеет приказ французского короля строить форты, завладеть всей страной, выступить против тех, кто окажет сопротивление, будь то индейцы или англичане, и что он выполнит этот приказ, как только наступит более благоприятное время года».

Можно с уверенностью сказать, что в Англии не придерживались такого тона; не менее удивительно также, что в следующем абзаце этот господин так свободно называет французов, в то время как министр с такой осторожностью избегал упоминать это имя.

«Господа, — продолжает он, — столь близкое расположение французских фортов и французских войск ни на минуту не даст нам покоя; отныне жители провинции испытают все те несчастья и ужасные бедствия, которые прежде испытывали соседние с нами колонии: все те оскорбления, убийства, насилия и жестокости, которым подвергалось население этих колоний, теперь нам придется испытать самим, если немедленно не будет собрано достаточно войск, чтобы отбросить захватчиков. Поэтому следует надеяться, что, как верноподданные его величества и исходя из интересов своей страны, вы не преминете рассмотреть не терпящие отлагательств события; поскольку это потребует весьма значительных расходов, большого числа людей, то прошу вас выделить необходимые ассигнования, которые позволили бы мне действовать, как этого ожидает его величество, а также соседние с нами колонии от колонии с таким большим населением и которой весьма вероятно грозит опасность в связи с близостью расположения французских гарнизонов».

В последующих параграфах он ставит ассамблею в известность, что губернаторы провинций Виргиния, Нью-Йорк и Массачузетс заявили о своем намерении оказать помощь Пенсильвании, и выразили горячее желание действовать совместно с ней; он настоятельно напоминает о необходимости объединения усилий всех провинций как в вопросе согласования действий, так и объединения вооруженных сил; рекомендует поселить среди индейцев на Огайо заслуживающего доверия человека, который действовал бы от имени провинции; а также советует подготовить законопроект, предусматривающий улучшение ведения торговли с индейцами, и заканчивает свое письмо следующими поощрительными словами:

«Господа,

Предстоит сделать так много, а времени для этого так мало, поскольку близится лето, а губернатор Динвидди надеется, что войска этой провинции присоединятся к войскам Виргинии в начале марта на реке Потомак, что я убедительно прошу вас не медлить с ассигнованиями и не проявлять в этом вопросе особой бережливости, а, напротив, сделать все, что в вашей власти, ибо вы несомненно согласитесь со мной, что такого тревожного положения не было с самого начала заселения колонии и что вообще ничто прежде не требовало к себе такого серьезного внимания с вашей стороны».

Следует заметить, что с индейцами, проживающими на реке Огайо, были только что завершены переговоры, все расходы по которым легли на плечи провинции. Эти переговоры велись тремя уполномоченными, причем двоих из них губернатор выбрал сам из числа членов ассамблеи. В процессе

переговоров стала совершенно очевидной необходимость урегулирования торговли с индейцами, так как вожди индейских племен выступали с жалобами и петициями по этому вопросу.

Читатель сам может составить себе мнение о письмах графа Холдернисса к губернаторам провинций, в которых им вменялась двойная забота: защищаться от нападения со стороны врага, а также от недовольства в Англии, если они не сумеют сделать это достаточно умело. Не приходится говорить о том, что перед Пенсильванией и ее губернатором встали особые затруднения, поскольку эта провинция никогда не имела армии.

Ассамблея немедленно рассмотрела все вопросы и приняла решение о следующем ответе губернатору. Ответ был направлен ему в тот же день.

«Отчаянное положение, в котором находятся наши союзники индейцы на реке Огайо, требует самого пристального внимания с нашей стороны, и мы не замедлим принять меры в соответствии с посланием губернатора, причем сделаем это настолько быстро, насколько позволит столь важное дело, и мы сделаем все разумное, возможное в этом отношении.

Мы подготовили на днях законопроект, который считаем абсолютно необходимым не только для ведения торговли и обеспечения благополучия провинции, но и для содержания правительства. От успеха этого законопроекта будут во многом зависеть предстоящие нам решения. Мы представляем его губернатору как законопроект исключительной важности и мы единодушно ходатайствуем о его утверждении».

Губернатор и совет провинции затратили четыре дня на то, чтобы решить, какой ответ дать на это обращение ассамблеи, или, вернее, на изыскание таких средств, которые заставили бы ассамблею согласиться на меры, предложенные владельцами, а в случае отказа поссорили бы ее с правительством. В самом первом разделе своего письма губернатор решительно отказался утвердить законопроект. Он заявил ассамблее, что денежных средств, имеющихся в распоряжении провинции, более чем достаточно для содержания правительства; он надеялся, что члены ассамблеи столь преданы его величеству и так любят свою страну, что не выступят с законопроектом, по которому между ним и ассамблеей существуют такие расхождения, а каждый сам должен судить о том, какого образа действия ему следует придерживаться. «Если все же, — продолжал он, — вы сочтете необходимым выпустить дополнительную сумму кредитных билетов для покрытия расходов на военные нужды империи в этот момент нависшей над нами опасности и выпустите государственные процентные бумаги с условием погашения их через несколько лет,

я соглашусь утвердить такой закон, так как считаю себя вправе делать это в чрезвычайных случаях.

А теперь, господа, я надеюсь, что, рассмотрев этот вопрос, вы согласитесь со мной, что таким путем в значительной мере будет достигнута цель, которую вы преследуете вашим законопроектом, так как суммы, на которую предполагается выпустить кредитные билеты, на некоторое время будет вполне достаточно вместе с уже находящимися в обращении деньгами».

Ассамблея в свою очередь достаточно долго размышляла над ответом губернатору и, вкратце затронув ту необычную форму, в которую губернатор соблаговолил облечь свой отказ утвердить законопроект, и воздав некоторым образом должное самой себе в том смысле, что члены ассамблеи никогда не противопоставляли свои личные интересы общему благу, она обратила внимание на некоторую разницу между королевскими приказами и тем, как губернатор истолковывает их. Поэтому ассамблея предпочла придерживаться истинного смысла королевских приказов; весьма осторожно и благоразумно воспользовалась предостережениями, столь настоятельно и подробно изложенными в них, особенно в части неоспоримых границ английских владений и необходимых мер предосторожности, чтобы его величество не был признан агрессором; заявила, что было бы в высшей степени самонадеянным с ее стороны судить о неоспоримых границах; что вместо того, чтобы призвать ассамблею оказать сопротивление всякой попытке вторжения на любую часть Пенсильвании, ее призывают ассигновать такие средства, которые позволили бы губернатору собрать войско и держать его наготове, чтобы оно могло присоединиться к войскам Виргинии; она надеется, что при этих обстоятельствах губернатор согласится с ее мнением, что наиболее благоразумным было бы подождать результатов решения виргинского правительства, так как ни эта провинция, ни другие соседние колонии, насколько ей известно, еще не выделили никаких ассигнований, хотя все губернаторы во исполнение приказа короля сделали необходимые запросы своим ассамблеям, а они в равной мере связаны всеми узами общих интересов. Она добавила также, что необходимо уважать моральные убеждения тех, кто отрицает войну, но в то же время испытывает чувство благодарности за блага, которыми они пользуются, и желают продемонстрировать свою преданность и выполнить свой долг, предоставив в распоряжение короля такие суммы, которые можно было бы разумно потребовать от столь молодой колонии; заметила, что колонией были покрыты расходы в сумме 1400 фунтов на подарки индейцам, а также другие расходы, связанные с веде-

нием последних переговоров, что жители провинции сделали бы с легким сердцем, если бы владельцы не отказались от какого бы то ни было участия в расходах по делам с индейцами; согласилась согласно требованию направить уполномоченных в Олбени, хотя это и очень далеко, а также взять на себя расходы и т. д.

Этот ответ поставил губернатора в трудное положение и, надо полагать, еще больше усилил его недовольство. Он взял протоколы последних заседаний ассамблеи прошлого созыва и под предлогом оправдания своих действий возобновил старый спор по поводу инструкций, запрещающих выпуск бумажных денег, направив Палате 1 марта длинное и гневное письмо; и забыв о том, что им было прежде самим сказано, а именно: «Я не порицаю вас, господа, за то, что вы настаиваете на том, что по вашему убеждению является вашими правами и привилегиями, и, следовательно, не могу возражать против вашего желания изучить законность королевских инструкций», выпалил следующее: «Если бы я был врагом свобод и привилегий народа или хотел бы удовлетворять за его счет собственные желания, то следует признать, что вы предоставили мне самый блестящий случай, который мог бы только пожелать любой губернатор, имеющий такого рода наклонности. Так, например, вы заявили, что оговорка, которую я предлагал включить в ваш законопроект по прямому указанию его величества, по требованию обеих палат парламента, нарушает свободы народа этой провинции и т. д., и даже грозили проверить законность инструкций короля, если, настаивая на своем мнении, я подвергну вас необходимости сделать это. Разве это не равносильно заявлению, что палата лордов и палата общин, а также королевский Тайный совет, в который входят между прочим самые выдающиеся юристы Великобритании, представили, а его величество утвердил акт, прямо противоречащий закону».

В заключение он воздает себе должное за ту умеренность, которую он проявил, найдя в себе силы умерить свой гнев в ответ на вызов, сделанный ему, в надежде на более спокойное поведение в будущем.

Уже на следующий день он направил ассамблее еще одно послание, гораздо более категорическое по форме. Губернатор заявлял в нем о намерении отстаивать свое отрицательное отношение к законопроекту и о принятых им мерах; и, во-вторых, повернуть дело таким образом, чтобы ассамблея оказалась виноватой во всем, а правда была бы целиком на его стороне.

Что касается заявления ассамблеи о различном толковании им и министром королевских приказов, то он называет это увертkой и считает, что из соображений долга ей не следовало бы

извлекать из этого пользу. Далее, он заявляет, что располагает точными данными о вторжении на территорию владений его величества, находящуюся под его управлением, подданных одного иностранного государя, соорудивших форты на этой территории; он напоминает ассамблее о том, что он призывал ее согласно приказу его величества, учитывая создавшееся чрезвычайное положение, ассигновать такую сумму, которая позволила бы ему собрать вооруженные силы провинции и пр. Затем он принялся доказывать, что место расположения французского штаба находится в пределах Пенсильвании; что если до настоящего времени он и не представлял им информацию, которая облегчила бы им выяснение обстановки, то и они не обращались к нему за таковой; если же они собирали сведения по собственной инициативе и скрыли от него правду, то это в высшей степени нечестно с их стороны; если этого не было, то их неведение можно объяснить только стремлением иметь благовидный предлог для того, чтобы не отнестись с должным уважением к приказам его величества; даже учитывая соображения морального порядка, которые они выдвигают, он считает официальное предписание губернатора Динвидди весьма счастливым обстоятельством, так как он понимает, что, сделай он сам такое предписание, провинция воспротивилась бы ему, а отказ с их стороны в свою очередь сделал бы эти предписания предметом презрения и насмешек как со стороны французов, так и со стороны наших союзников индейцев; что если французы открыто признают военные действия, то индейцы, которым они угрожают, убедительно просят нас построить убежища, где могли бы укрыться их жены и дети, а также оказать им поддержку в борьбе с врагом; вместо того, чтобы следовать примеру соседних колоний, ассамблея должна была выделить необходимые ассигнования и тем самым подать пример этим колониям, учитывая, что Пенсильвания первой подверглась нападению, а следовательно, ей грозит самая непосредственная опасность; не сделав этого, Пенсильвания не сможет выполнить договоров с индейцами, а также продемонстрировать свой долг и верность его величеству; он выполнил свой долг, и вина за все тяжелые последствия ляжет на ассамблею; что касается отказа владельцев взять на себя часть расходов по ведению дел с индейцами, то они действительно, как и следовало ожидать, отказались сделать это, приведя свои аргументы; но при этом не следует забывать предложения, сделанного им, губернатором, по приказанию владельцев в 1750 и 1751 годах по вопросу о постройке большой торговой палаты около той территории, которая в то время была отторгнута французами и находилась в их владении; если бы ассамблея сочла нужным согласиться на это предложение, то при небольших затратах можно было бы

предотвратить все неприятности и обеспечить английское господство над этой территорией, в то время как теперь для этого потребовались бы большие средства и потеря многих человеческих жизней.

Главным вопросом стал теперь вопрос о том, произошло ли вторжение французов на территорию Пенсильвании. Ассамблея потребовала доказательств; губернатор сообщил ей все сведения, которые он смог собрать; после тщательного изучения обстоятельств ассамблея осознала всю сложность своего положения и заявила о своей готовности сотрудничать с губернатором в целях обеспечения полного единства действий различных видов законодательной власти, столь необходимого вообще, а тем более во время такого серьезного кризиса, оговорив при этом, что должны быть соблюдены ее права, а она будет действовать так, как ее обязывает долг по отношению к избирателям. Ассамблея не отказалась от своих прежних убеждений, не признала ни одного из предъявленных ей обвинений. Напротив, заявив о том, что она будет руководствоваться в своей деятельности только письмом министра, и молчаливо упрекнув губернатора в том, что он внезапно изменил взаимоотношения между Пенсильванией и Виргинией, неосновательно обвинив ассамблею в неправильном образе действий, она закончила свое послание следующими словами: «Поскольку губернатор Динвидди представил своей ассамблее письмо графа Холдернисса, которое, как мы предполагаем, было направлено в одной и той же редакции всем колониям в Америке, мы сочли наиболее благоразумным выждать, пока ассамблея Виргинии предоставит ему возможность действовать в соответствии с королевским приказом, тем более что указанное письмо находилось на рассмотрении ассамблеи Виргинии с 1 ноября прошлого года, о чем свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении ведомости нижней палаты этой провинции; к нам же обращаются сейчас как к лицам, несущим особую ответственность, и губернатор соизволил сообщить нам, что он имеет точные сведения о том, что часть владения его величества, входящая в пределы нашей провинции, в настоящее время подверглась нападению со стороны подданных одного иностранного государя, которые воздвигли там форты, и призывает нас во исполнение приказов его величества в настоящем чрезвычайном положении ассигновать такие суммы, которые позволили бы ему оказать сопротивление упомянутым враждебным действиям и отразить силу силой. Но поскольку мы поняли королевские приказы в том смысле, что нашему губернатору не вменяется в обязанность руководить военными действиями за пределами неоспоримых границ данной провинции; и поскольку из документов и показаний очевидцев, присланных нам губернатором и на которые

он ссылается, упомянутые границы не были ясно уточнены, мы опасаемся, что изменение наших отношений с колонией его величества Виргинией и поспешное обращение к нам как к провинции, подвергшейся нападению, не может дать никакого положительного результата в данное время, и поэтому мы склонны сделать непродолжительный перерыв в нашей работе».

Они предложили сделать перерыв в работе до 6 мая; но до того как они прервали свою работу, губернатор обратился к ним еще с одним посланием, где он также попытался отвести от себя некоторые личные упреки, на которые он в другое время не счел бы нужным обращать внимание; далее, он заявил им, что если бы они со свойственной им аккуратностью опросили тех господ, которые по его указанию присутствовали на заседании Палаты, и сравнили их показания с документами, которые неоднократно им направлялись, то, по его мнению, им бы стало ясно, что французы за последнее время соорудили один или несколько фортов в пределах провинции, и им остается только лично измерить территорию провинции, если эти доказательства не кажутся им достаточно убедительными; если даже предположить, что упомянутое вторжение не коснулось территории провинции, все же, когда были получены сведения от губернатора Виргинии о попытках врага вторгнуться в какую-то часть владений его величества и его просьба к Пенсильвании об оказании помощи, то в равной мере и их обязанностью было выделить такие ассигнования, каких требовало создавшееся чрезвычайное положение; он не может сделать вывода, что столь длительная отсрочка в работе ассамблеи приведет к невыполнению справедливых требований его величества.

Это послание было датировано 9 марта, а 2 апреля состоялось заседание ассамблеи по специальному вызову губернатора. Причину этого вызова он объяснил на следующий день, как обычно, в форме письменного послания. «Я должен сообщить вам, господа, что за время перерыва в вашей работе я получил от губернатора Динвидди ряд документов, которые я при этом прилагаю. Из содержания этих документов вам станет ясно, что он принимает всевозможные меры для обеспечения безопасности владений его величества, насколько ему позволяют средства, выделенные ассамблеей Виргинии; он с нетерпением ожидает исхода ваших размышлений по этому вопросу. Я не сомневаюсь поэтому, что в соответствии с заявлением, содержавшемся в вашем послании от 27 февраля, вы «готовы выполнить свой долг и доказать свою преданность, предоставив в необходимых случаях в распоряжение короля такие суммы, которые вам позволят обстоятельства или же можно разумно потребовать от этой провинции»; я не сомневаюсь, что вы с величайшей

готовностью воспользуетесь этим случаем, чтобы доказать искренность вашего заявления, оказав такую помощь его величеству, которую позволяет положение провинции и которой будет достаточно для осуществления намеченных целей. Я надеюсь, что в ваших действиях вы будете руководствоваться важностью предстоящего дела, а не примером других колоний; опыт показал, что экономия в ассигнованиях на такого рода нужды чревата опасными последствиями и что в большинстве случаев, если отпускается недостаточно средств на достижение поставленной цели, то это ведет к потере больших ценностей и ни одна из поставленных целей не бывает достигнута.

Мне остается только присовокупить просьбу, чтобы, вынося то или иное решение по этому вопросу, вы действовали по возможности быстро; время года, наиболее благоприятное для ведения военных действий, приближается с каждым днем, и если мы не примем срочных мер, то боюсь, что таковые вообще окажутся ненужными».

5 апреля после длительных дебатов незначительным большинством голосов было принято решение ассигновать средства в распоряжение короля; по поводу размеров ассигнований разгорелись еще более жаркие споры. 9 апреля была предложена сумма в 20 тысяч фунтов, но она была отклонена большинством в двадцать пять голосов против восьми; когда ее сократили до 15 тысяч фунтов, она была отклонена большинством в двадцать три голоса против десяти; будучи сокращена до 10 тысяч фунтов, она была отклонена большинством в двадцать два голоса против одиннадцати; когда же на следующий день она была снижена до 5 тысяч фунтов, то ее снова отклонило большинство в двадцать два голоса против десяти. Те, кто стоял до сих пор во главе Палаты, голосовали за; те же, кто до этого голосовал за, перешли на сторону голосовавших против. Ассамблея следующим образом охарактеризовала в своем ответе на послание губернатора это замешательство: «Мы ставим губернатора в известность, что с момента поступления его послания в Палату оно подвергалось серьезному рассмотрению; после же наших дебатов по нему выяснилось, что почти половина членов ассамблеи по различным причинам настроена против ассигнований каких-либо сумм в распоряжение короля в настоящее время; те же, кто стоит за ассигнования, настолько расходятся в вопросе о сумме, что сейчас невозможно прийти к соглашению, вопрос может стоять только о такой сумме, которая, по мнению многих из них, не соответствует обстоятельствам; поэтому, а также для того, чтобы члены ассамблеи могли посоветоваться со своими избирателями по этому важному делу, мы намерены сделать перерыв в работе до 13-го числа следующего месяца».

Палата снова собралась на заседание 6 мая и была поставлена губернатором в известность о прибытии соединения французской армии численностью до тысячи человек в район форта, который виргинцы строят на реке Огайо, и о капитуляции форта. Он представил ей также донесения, полученные им от губернатора Виргинии Динвидди, о положении в провинции и о помощи, которую он надеется получить; а также донесения от губернатора провинции Нью-Йорк Деланси по вопросу об интересах колоний его величества вообще и Пенсильвании в частности, и заявил, что «он надеется, что ассамблея уделит этим документам должное внимание». Затем он серьезно рекомендовал ее вниманию внесенные губернаторами Бостона и Нью-Йорка предложения об объединении всех колоний в вопросе ведения дел с индейцами, поскольку эти предложения вполне соответствовали его собственным убеждениям и весьма вероятно принесли бы более реальные выгоды при гораздо меньших затратах, чем существующий в настоящее время порядок преподнесения индейцам подарков, что делается часто и в совершенно определенной форме и т. д. Ему желательно было бы дать указания уполномоченным, которые будут посланы от Пенсильвании, действовать совместно с уполномоченными других колоний, если будет предложен разумный проект.

Результатом дебатов, состоявшихся в первый день заседания, явился законопроект, в котором одновременно предусматривалось оказание помощи королю и выпуск бумажных денег для замены потрепанных и порванных кредитных билетов; после того как эти вопросы были несколько раз поставлены на голосование, была определена сумма в 10 тысяч фунтов для нужд короля и в 20 тысяч для второй цели.

Палата общин Великобритании не потерпит, чтобы в представляемые ею финансовые законопроекты вносились поправки; Палата лордов может отклонить законопроект, его величество может отказаться дать свое согласие, но то, что Палата общин представляет, она представляет на своих условиях.

В Пенсильвании же финансовый законопроект, которого требовала провинция, тщательно взвесив все за и против, требовала в обстановке непосредственной военной угрозы, рискуя навлечь на себя немилость короля и ненависть народа за непринятие должных мер для отражения вражеского наступления, не мог быть принят без поправок.

Даже этот законопроект, внесенный в столь критический момент и в таких целях, был возвращен губернатором с поправками и письменным посланием, два наиболее существенных раздела которого мы цитируем ниже:

«Принимая во внимание королевские инструкции, представленные ассамблее в прошлом году, вы должны были понять,

что я дал согласие на предложенный вами способ сбора денег, предназначенных в распоряжение его величества, только лишь из желания угодить вам. Я согласился на выпуск такой дополнительной суммы кредитных билетов на основании рассматриваемого в настоящее время законопроекта, которая, с моей точки зрения, не угрожала моему собственному благополучию.

«И поскольку суммы, которую я предлагаю сейчас в поправке, будет более чем достаточно, чтобы возместить сумму, предусмотренную вашим законопроектом, я не вижу оснований для продления акта об акцизном сборе более чем на четыре года по сравнению с существующими сейчас сроками его действия, так как нет нужды излишне обременять население таким налогом, который, возможно, не понадобится».

Эти поправки восстановили единодушие в Палате, так как если в ходе обсуждения законопроекта члены ассамблеи расходились во мнениях по ряду вопросов, теперь они стали действовать единодушно и единогласно, отклонив поправку губернатора об акцизе, так как исходным моментом для такой поправки могли быть только соображения, высказанные владельцами провинции; ради этих соображений либо пришлось бы пренебречь услугами населения, либо отказаться от взаимопонимания в провинции. В последнем случае нельзя было бы больше рассчитывать на силу убеждения, а что касается первого соображения, то ассамблея считала, что за последствия его пусть несут ответственность те, кто его высказывает.

Они направили губернатору следующий ответ: «Палата не склонна вступать в какие бы то ни было споры с губернатором по вопросу о предложенных им поправках к финансовому законопроекту, так как представители народа имеют неоспоримое право определять не только сумму, которая должна быть собрана для нужд короны, но также и то, каким именно способом она должна быть собрана.

В своем послании от 19 февраля губернатор соизволил поставить нас в известность о том, «что если Палата сочтет необходимым выпустить дополнительную сумму кредитных билетов для покрытия расходов на военные нужды империи в этот момент нависшей над нами опасности и выпустит государственные процентные бумаги с условием погашения их через несколько лет, он поддержит нас в принятии такого закона, считая себя вправе делать это в чрезвычайных случаях».

Получив такое заверение, Палата подготовила и представила губернатору законопроект о выпуске кредитных билетов на сумму 10 тысяч фунтов с тем, чтобы ассигновать такую сумму в распоряжение короля и погасить ее путем продления акта об акцизе еще на десять лет. Мы просим губернатора учесть при этом, что его предшественник, которому были даны упо-

мянутые выше инструкции, впоследствии утвердил аналогичный законопроект, продлив акт об акцизе на десять лет (срок почти истек), хотя речь шла всего лишь о 5 тысячах фунтов; мы не слышали, чтобы он навлек на себя за это немилость короля. Поскольку сумма, которую мы предоставляем в распоряжение короля, вдвое больше, мы не ожидали, что наше предложение о продлении акта об акцизе на такой же точно срок сочтут чрезмерным. Губернатор считает достаточным четырехлетний срок, но поскольку представители народа лучше осведомлены о материальном положении населения и, будучи сами частью населения, должны будут также платить соответствующую долю налогов, то вряд ли разумно предполагать, что они введут эти налоги без всякой на то необходимости. Сейчас они намерены ассигновать короне 10 тысяч фунтов и предлагают такой способ сбора этих денег, какой, по их мнению, является наиболее легким и удобным для населения, которое они представляют; если же губернатор сочтет нужным отклонить его, исходя только из того, что, по его мнению, более короткий срок погашения кредитных билетов будет легче для населения, то нам останется лишь предположить, что со времени его послания, в котором он столь горячо советовал нам пойти на этот шаг, он, послушав чьего-либо совета или же продумав этот вопрос еще раз, изменил свое мнение относительно важности предоставления субсидий короне именно в это время, или же не считает теперь опасность такой близкой, большой и реальной, какой она в то время ему представлялась».

Одновременно они дали понять, что просят губернатора по возможности скорее сообщить им ответ, так как время сейчас такое, что членам палаты нужно быть у себя дома.

На следующий день ответ был действительно получен, но оказался совершенно необычайным. Обвинив членов ассамблеи в том, что в своем последнем послании они посягнули на права правительства, утверждая, что представители народа имеют неоспоримое право определять не только сумму, которая должна быть собрана для нужд короны, но также и то, каким именно способом она должны быть собрана, он сначала признает это право, а затем начисто отрицает его, утверждая, что это право не является исключительным, так как половина законодательной власти вверена губернатору. Далее, он заявляет, что он и не возражал ни против такой суммы, хотя ему и хотелось, чтобы она была большей и предоставление ее было сделано во-время, ни против способа сбора ее, хотя ему и не желательно, чтобы это делалось за счет того, что он должен отступить от инструкций его величества; его возражения касались только значительного продления срока погашения государственных процентных бумаг, за счет чего и предполагалось возместить

ассигнования; это означало бы излишнее обременение налогами населения без всякой видимой необходимости; к своему сожалению, он обнаружил, что их не удовлетворила сумма выпуска государственных процентных бумаг, которая не только позволила бы более легким путем в течение шести лет возместить 10 тысяч фунтов, ассигнуемых его величеству, но в их распоряжении осталось бы еще несколько тысяч фунтов, которыми они могли бы распорядиться по своему усмотрению; они же хотят приобрести за ассигнуемые ими 10 тысяч фунтов сумму, более чем в три раза превышающую ее; пример какого бы то ни было его предшественника для него не закон, но если они все же увеличат ассигнования его величеству, он соответственно продлит срок возмещения этой суммы против предусмотренного во внесенной им поправке, в противном же случае он не отступит от нее; возможно, что за их просьбой о столь значительном продлении срока действия акта об акцизе скрывается нечто большее, чем может показаться на первый взгляд и чем им хотелось бы сделать явным; далее следует фраза, которая действительно делает открытие и которая поможет проницательному читателю лучше разобраться во всем ходе спора: «Хорошо известно, что по действующим ныне законам общественные деньги находятся в исключительном распоряжении ассамблеи и губернатор не участвует в расходовании их; несмотря на это, до тех пор, пока акты, на основании которых собирались деньги, имели непродолжительный срок действия, губернатор имел возможность время от времени оказывать весьма существенные услуги путем возобновления срока действия этих актов и тем самым располагал к себе членов ассамблеи; продлить же срок их действия на такое непомерно длительное время, как вы об этом просите, означало бы, что, пока эти акты будут действовать, ассамблея не будет нуждаться в нем, что будет неприятно ему и оскорбительно для его избирателей; мне не хотелось бы стать виновником невыгодного положения, в которое может попасть мой преемник; это обстоятельство играет далеко не последнюю роль в моем решении отстаивать свою поправку». Далее, он просит их учесть, что вопрос сейчас заключается не в том, кто из них лучше осведомлен о материальном положении населения, а в том, разумно ли обременять его ненужными налогами; он заверяет их, что они глубоко заблуждаются, если полагают, что он действительно изменил свое мнение по вопросу о том, требует ли создавшееся положение предоставления субсидий королю, или что он не отдает себе отчета в том, что сейчас провинции угрожает не меньшая опасность чем прежде в связи с вторжением иностранных войск; он указывает на то, что пошел на бóльшие уступки в угоду ассамблее, чем ему позволяют королев-

ские инструкции, при условии, что она увеличит субсидии, продлив срок действия бумажных денег на год дольше максимального срока, разрешенного правительством восточных провинций последним актом парламента; он добавляет, что ему хорошо известно состояние их бумажной валюты и что если бы деньги поступали в срок, то ссудная касса могла бы предоставить гораздо большую сумму, чем та, которая ассигнована в распоряжение короля при столь серьезных обстоятельствах, независимо от того, в какие сроки была бы впоследствии погашена эта сумма, и т. д. Учитывая благоприятное финансовое положение провинции, членов ассамблеи, — отказывающихся сделать то, на что его величество справедливо надеялся, только лишь потому, что он, губернатор, не желает полностью отступать от королевских инструкций, — можно с большим основанием обвинить в явном пренебрежении к приказаниям его величества, чем губернатора в равнодушии к ним, которое, к его великому негодованию, приписывают ему; одновременно и убеждая и угрожая, он заканчивает свое послание следующим образом: «Позвольте мне поэтому, господа, рекомендовать вам серьезно проанализировать свой образ действий в данном вопросе, и, если окажется, что вы проявили излишнюю поспешность, принимая решение, о котором говорится в вашем послании, я настоятельно советую вам исправить это пока еще не слишком поздно, ибо поскольку я вскоре буду вынужден изложить все обстоятельства дела его величеству, то мне доставило бы величайшее удовольствие, если бы и моя и ваша служба получили всемилостивейшее одобрение. Если же, вопреки моим ожиданиям, вы будете и впредь упорно отказываться принять мою поправку, и законопроект тем самым будет аннулирован, то я заранее предчувствую, что ваше странное поведение будет иметь неприятные последствия для провинции».

Можно подумать, что люди, стоящие у власти, обладают какой-то магической силой, способной не только изменять форму, цвет и сущность вещей, но даже придавать им обратный смысл. Всякому здравомыслящему человеку ясно, что население дает, а губернатор отказывается принять, и что упомянутый губернатор, открыто признавая, что, отказываясь, он действует в интересах владельцев и их уполномоченного, тем самым открыто признает, что королевская служба и безопасность населения имеют второстепенное значение. Но, оказывается, нельзя верить собственным глазам; дело обстоит вовсе не так. Если население не делает всего, что от него требуется, и так, как от него требуется, то это значит, что оно не делает ничего, и все неприятности, вытекающие из этого, следует вменить в вину именно ему.

Однако ассамблее отнюдь не показалось забавным, как губернатор размахивает волшебной палочкой; наоборот, потратив на это дело столько времени, сколько требовалось для того, чтобы тщательно обсудить его, она встала на путь энергичных решений, наиболее существенными и ясными из которых являются следующие:

«За последние более чем тридцать лет с небольшими перерывами в этой провинции практиковался сбор денег на содержание правительства и другие общественные нужды путем наложения акцизного сбора на спиртные напитки, причем не считалось communibus annis * собирать больше денег, чем требовалось на указанные выше цели.

Опыт показал, что сбор денег путем такого рода акцизного сбора менее обременителен для населения, чем подушный налог и налог с каждого фунта ввозимых и вывозимых товаров; поэтому население с большей радостью несло на себе бремя расходов на государственные нужды, правительство получало более щедрые субсидии, те, кто служит народу, получали за это бóльшую плату, и более аккуратно и время от времени в распоряжение короля выделялись бóльшие суммы денег, чем те, которые можно было бы собрать иным способом.

Если бы акт об акцизе был продлен всего лишь на четыре года, а сумма в 10 тысяч фунтов подлежала бы погашению в этот же срок, то в скором времени потребовалось бы ввести в провинции ежегодные подушные налоги и налоги с каждого фунта ввозимых и вывозимых товаров (всегда более обременительные для населения) для покрытия обычных и непредвиденных расходов правительства.

Нам представляется возможным, хотя и маловероятным, что путем взыскания долга с неплательщиков Палата могла бы располагать суммой денег, достаточной для покрытия всех расходов в настоящее время; но это означало бы внезапное взыскание с должников путем конфискации и продажи их имущества сейчас, когда денег так мало, когда, предложив одновременно к продаже так много земельных участков, вряд ли можно было бы рассчитывать найти достаточное число обеспеченных покупателей, а это значит, что участки пришлось бы продавать дешевле, чем они в действительности стоят, что было бы жестоко, обременительно и разорительно для населения.

Право определять не только размер суммы, которую надлежит собрать для каких бы то ни было государственных нужд, но также сроки и способ сбора ее и условий выплаты принадлежит исключительно представителям народа; губернаторы данной провинции не имеют, никогда не имели да и не могут

* Общим правилом. — *Ред.*

иметь права вмешиваться в эти дела, будь то под предлогом исправления ошибок, облегчения положения населения или же под каким-либо другим предлогом.

Справедливое, честное и благоразумное управление провинцией всегда будет наилучшим и самым действенным средством приобрести любовь народа; нет ни необходимости, ни целесообразности препятствовать ассамблее настоящего созыва осуществлять свои неотъемлемые права, а будущий губернатор окажет ассамблее большую услугу, разрешив ей делать это.

Парламентский акт, имеющий целью устранить беспорядки в восточных колониях, акт, в котором не называется и даже не подразумевается данная провинция, не может служить документом, обязывающим к чему-нибудь губернаторов или ассамблеи Пенсильвании.

Палата считает, что отказ предоставить 10 тысяч фунтов в распоряжение короля в столь критический момент, когда, по мнению губернатора, интересы короны, а также благополучие английских колоний как в настоящем, так и в будущем настоятельно требуют предоставления субсидий, является слишком большой жертвой в угоду мелким и несущественным соображениям, вроде того, что губернатору-де виднее, чем представителям народа, что более выгодно для него, или что будущий губернатор должен, мол, иметь возможность расположить к себе ассамблею.

Мы представили сейчас губернатору законопроект, предусматривающий ассигнование на нужды короля 10 тысяч фунтов с условием погашения этой суммы путем продления акцизного сбора на 10 лет, но он отказался дать свое согласие (законопроект, аналогичный принятому в 1746 году губернатором Томасом, о предоставлении 5 тысяч фунтов на нужды короля с условием погашения путем продления акцизного сбора на 10 лет).

Поскольку губернатор (в своем послании от 1 марта) заявляет, что десятилетний срок, на который был продлен акцизный сбор в целях погашения ассигнований в сумме 5 тысяч фунтов, «был коротким отрезком времени» и что «не существовало ни малейшей вероятности, что этот акт повлечет за собой какие-либо из неудобств, по поводу которых высказывались недовольства», то естественно будет предположить, что тот же десятилетний срок продления акциза для погашения 10 тысяч фунтов также следует рассматривать как «короткий отрезок времени», а поскольку законопроект, который он в данное время отказывается утвердить, совершенно аналогичен прежнему, то также «не может быть ни малейшей вероятности, что он повлечет за собой неудобства, по поводу которых высказывалось недовольство; губернатор же считает, что единственной

целью королевских инструкций является предотвращение такового».

Губернатор (выражаясь его собственными словами) надеется, что он «неоспоримо доказал, что подлинный и действительный смысл королевских инструкций может заключаться не в чем ином, как в предотвращении злоупотреблений, перечисленных в нем; акт же о предоставлении пяти тысяч фунтов в распоряжение короля, утвержденный его предшественником в 1746 году, представлял собой исключение и коренным образом отличался от актов, принимавшихся в обычной обстановке, в связи с чем его и не следует рассматривать в свете упомянутых инструкций»; поскольку представленный сейчас губернатору законопроект об ассигновании 10 тысяч фунтов в распоряжение короля также представляет собой исключение и коренным образом отличается от актов, принимавшихся в обычной обстановке, и аналогичен акту, принятому в 1746 году, то губернатор (если только он в самое последнее время не изменил своего мнения) не может рассматривать его подлежащим компетенции королевских инструкций; а поэтому,

Мы считаем, что если какие-либо инструкции не позволяют губернатору утвердить данный законопроект, то речь, очевидно, идет о таких инструкциях, о которых он ни разу не соблаговолил поставить в известность Палату, а не о королевских инструкциях, компетенцию которых в отношении законопроектов такого рода он сам отрицает.

Палата делает сегодня перерыв в работе до 19 августа с. г.».

Однако перед роспуском члены ассамблеи направили губернатору следующее послание, не упоминая в нем о своих решениях: учтиво поблагодарив его за старания в деле сбора сведений в связи с предстоящими переговорами в Олбени и пр., они писали: «Поскольку он соизволил запросить их мнение по поводу указаний, которые следует дать господам уполномоченным от данной провинции, «к которому он отнесется с величайшим уважением», то нам остается лишь выразить свою признательность за его снисходительность и справедливость, и мы охотно приступили бы сейчас же к своим обязанностям. Но когда мы думаем о том, что никакие предложения о союзе всех колоний в вопросе о взаимоотношениях с индейцами не могут быть эффективными или же обязательными, не будучи подтверждены законами, принятыми различными провинциями, входящими в этот союз; что нам неизвестно, какие именно ограничения будут связывать губернатора при утверждении наших актов; что нам почти не приходится ожидать какой-либо помощи в несении расходов по ведению дел с индейцами, в то время как ассамблея прошлого созыва вежливо

обращалась с просьбой об оказании таковой, а с нашей точки зрения было бы справедливым, если бы мы ее получили, — при таких обстоятельствах мы затрудняемся дать ему совет по тем важным вопросам, которые он соблаговолил представить на наше рассмотрение. Несмотря на это, поскольку мы уже одобрили кандидатуры господ, которых губернатор соизволил назначить уполномоченными, то мы выражаем уверенность, что их способности и благоразумие позволят им выполнить задачи, поставленные в письме министерства торговли от 18 сентября прошлого года, возобновив соглашения с Шестью племенами и сведя на нет, насколько это окажется в их возможностях, все попытки вырвать индейцев этих племен из-под английского влияния; с этой целью в исполнение упомянутого выше письма министерства торговли мы ассигновали в настоящее время деньги на подарки индейцам от нашего имени, какие бы сомнения у нас ни возникали по поводу переговоров в Олбени в целом».

И, наконец, губернатор со своей стороны также выразил желание, чтобы члены, передавшие это послание, поставили Палату в известность, что, поскольку ему, возможно, понадобится упомянуть некоторые части протоколов данной сессии в докладе, который он считает себя обязанным представить его величеству в ответ на его королевское приказание в связи с вторжением в его владения французов и находящихся в союзе с ними индейских племен, он желал бы, чтобы Палата приказала снять копию с протоколов и переслала ему; было дано указание о передаче ему упомянутых протоколов.

Следующее заседание ассамблеи состоялось 7 августа по специальному созыву; по этому случаю губернатор, созвавший ассамблею, сообщил ей о поражении Вашингтона и самым торжественным тоном рекомендовал ей принять энергичное решение выбить неприятеля с территории, расположенной *рядом* с их поселениями (не из самых поселений или же из незаселенных районов в *дальних* пределах провинции, в прошлом тайно установленных на основании *несомненных заверений*), причем сделать это не одним, а совместно с правительством Виргинии, после того как они будут поставлены в известность о решениях, принятых там. Далее губернатор убеждал их, что тем временем было бы крайне важно обсудить наиболее подходящие средства и способы сбора денег для этих целей; приступая к этому, им следует избегать малейших поводов к расхождению в мнениях между ним и ими в ущерб общему делу и т. д. Он указывал на необходимость выделить какую-то сумму на содержание тех индейцев, которые, убегая от врага, нашли убежище у своих пенсильванских братьев. Жители пограничных районов также обращались к нему с ходатайством о защите. Беззащитность

провинции вообще требует их особого рассмотрения. Его настоятельный долг теперь — требовать от ассамблеи принятия решений по этим вопросам, и т. д. В заключение он выразился следующим образом:

«С чувством большого удовлетворения я сообщаю вам о ходе работы уполномоченных во время последних переговоров в Олбени, поскольку, изучив эти материалы, вы ясно поймете, что земли на реке Огайо еще принадлежат индейцам Шести племен и давно уже вверены ими под защиту английской короны. Действия французов, соорудивших форты на этой реке и в прилегающих районах, никогда не встречали одобрения этих племен; напротив, индейцы категорически заявляют, что это делалось без их ведома и согласия. Их очень тревожит быстрое продвижение французов, и в резких выражениях они упрекают нас в крайней беспечности и в беззащитном состоянии наших владений; они призывают нас укрепить наши границы в целях обеспечения безопасности как их, так и наших поселений. Тщательно продумав и взвесив все эти вопросы, а также ряд других, имеющих не меньшее значение, уполномоченные сочли необходимым рассмотреть положение колоний в настоящее время и составить по этому поводу доклад; придя к выводу, что оказать успешное сопротивление пагубным действиям французов можно лишь при условии объединения всех колоний для совместной обороны, они предложили также общий план обороны на рассмотрение законодательных органов соответствующих провинций.

И поскольку с моей точки зрения в обоих этих документах говорится о вещах, имеющих исключительное значение для благополучия колоний вообще, а сами они продуманы и составлены с большой ясностью и силой суждения, я не могу не выразить своего одобрения. Поэтому я и рекомендую их вам как документы, заслуживающие вашего самого серьезного и пристального внимания».

Им действительно было представлено Палате несколько документов, подтверждавших высказанное им в его речи; Палата, рассмотрев обстоятельства дела, после ряда дебатов, расхождений, отклонений и пр. приняла решение представить законопроект, предусматривающий выпуск кредитных билетов на сумму 35 тысяч фунтов, ассигновав из этой суммы 15 тысяч фунтов на нужды короля, остальную же часть обратить на обмен порванных и потрепанных ассигнаций. Губернатор, получив этот законопроект, дал на него следующий ответ:

«Губернатор в своей речи на открытии сессии выразил надежду, что, учитывая серьезность создавшейся ситуации, Палата придумает такой способ сбора денег для королевских нужд, против которого у него не могло бы возникнуть каких-

либо существенных возражений; поэтому он был крайне уязвлен, когда обнаружил, что законопроект, представленный ему с этой целью, не только по форме, но и по содержанию ничем не отличается от того законопроекта, который он отказался утвердить на последнем заседании Палаты. Несмотря на это, он не отказался от своего прежнего предложения и дал согласие увеличить сумму выпуска государственных процентных бумаг, под которые ассамблея предпочла ассигновать деньги пропорционально увеличению ею суммы, предоставляемой его величеству. Палата же заняла безапелляционную позицию и не соглашается ни на какие поправки к законопроекту. После того как губернатор заверил членов Палаты в том, что он во избежание нанесения урона королевской службе осмелился пойти на такой шаг, который грозит его собственному благополучию, ему остается лишь представить весь спор между ними на суд вышестоящих лиц. Однако он надеется, что этого можно будет избежать в связи с приездом его преемника, которого следует ожидать со дня на день. Возможно, что новый губернатор не будет считать себя столь связанным в вопросе, вызвавшем спор между ними. Он надеется, что за небольшой промежуток времени, отделяющий нас от его приезда, не будет нанесен какой-либо значительный ущерб интересам его величества.

По этому вопросу было столько сказано при других обстоятельствах, что губернатор не желает дальнейшей дискуссии, так как ему известно, что такого рода споры между государственными деятелями часто приводят к личной враждебности, чего ему очень хотелось бы избежать. Поэтому он просит, чтобы Палата отнеслась к нему так же справедливо, как и он к ней, поняв, что он действует по убеждению, заявляя о том, что он не может отказаться от своих поправок».

Таков был последний акт правления Гамильтона. Устав от службы, несовместимой с его точки зрения если не с его понятиями о чести, то уж по крайней мере с оказанным ему доверием, он пожелал уйти со своего поста, и его преемником стал Роберт Хантер Моррис, эсквайр.

РАССМОТРЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЕЕ КОЛОНИЙ И ПРИОБРЕТЕНИЯ КАНАДЫ И ГВАДЕЛУПЫ

Я внимательно и с немалым удовольствием прочел «Письмо, адресованное двум великим мужам» [1] и «Замечания» по этому письму. Удовольствие мое вызвано не только красотой, силой и ясностью выражений или общим изяществом стиля, отличающим оба памфлета, но главным образом тем, что мне довелось увидеть, как публично обсуждаются предметы величайшего значения для английской нации, обсуждаются без навязывания партийных взглядов и без партийной горячности, благопристойно и вежливо, без всякого пыла, если не считать того, который внушает ревностная забота о чести и счастье нашего короля и нашей родины; обсуждается авторами, чье понимание вопроса, как бы значительно они друг от друга ни отличались, по-видимому, не уступает их искренности и честности их намерений.

Но, поскольку большие таланты не всегда являются наиболее осведомленными, боюсь, что в «Замечаниях» имеются мнения, недостаточно обоснованные, и ошибки, столь существенные, что возникает необходимость сделать несколько замечаний о них для лучшей информации общественности.

Надеюсь, что автор «Письма», который, несомненно, может во всех отношениях лучше других защитить свои собственные мнения, извинит меня, если ему покажется, что я назойливо вмешиваюсь не в свое дело; пусть он рассудит, что дух патриотизма, подобно другим качествам, хорошим и плохим, заразителен и что долгое молчание автора после появления «Замечаний» заставило нас отчаяться увидеть дальнейшее обсуждение вопроса под его мастерской рукой. Остроумный и чистосердечный автор «Замечаний», который был, очевидно, введен

в заблуждение сам, прежде чем употребил свое искусство и мастерство на то, чтобы вводить в заблуждение других, несомненно также — поскольку он заявляет, что *не собирается никого совращать* — будет готов простить даже самую слабую попытку помешать такому совращению.

И если общие мнения, владеющие умами людей, имеют значение в общественных делах, то, без сомнения, подобает направить эти мнения на правильный путь. Если, как предполагает автор «Замечаний», существует опасность того, что «экстравагантные ожидания» могут поставить «добродетельное и способное министерство» в затруднение и «сделать переговоры о мире делом бесконечной трудности» *, то имеется неменьшая опасность и того, что ожидания, слишком умеренные в силу недостаточной осведомленности общества, могут иметь обратный результат, т. е. могут побудить даже добродетельное и способное министерство быть менее озабоченным и менее внимательным к достижению целей, существенно затрагивающих честь и интересы нации, и ослабить готовность народа оказывать поддержку такому министерству и его мероприятиям.

Англичане, несомненно, достойны уважения не только в силу своей многочисленности, но и в силу царящего между ними согласия и свойственного им духа коллективизма. Первое проявляется ими во всеобщей поддержке недавних благоразумных и энергичных мероприятий и в том доверии, которым они так справедливо облекают мудрого и доброго государя и честное и способное правительство; последний они доказали огромными ассигнованиями, единодушно одобренными в парламенте и с охотой выплачивавшимися во всем королевстве. И поскольку наши «победы и успехи»** в значительной мере явились результатом этого духа и этих ассигнований, то правильно ли, благородно ли говорить вместе с автором «Замечаний», что народ «не принимал в их достижении никакого участия?» Он не может иметь в виду простую чернь даже там, где говорит о безумстве народа; ибо безумство черни слишком слабо и бессильно, — учитывая, как вооружено сейчас правительство нашей страны,— чтобы «взять верх» *** даже в самых незначительных случаях над добродетелью и «умеренностью» твердого и устойчивого министерства.

Пока война продолжается, ее окончательный исход остается совершенно неопределенным. Победивший в этом году может оказаться побежденным в следующем. Поэтому, быть может,

---

* «Замечания», стр. 6.

** Там же, стр. 7.

*** Там же.

слишком рано еще говорить, на каких преимуществах мы безусловно должны настаивать, делая их непременным условием (sine quibus non) мира. Если бы положение наших дел заставило нас в силу необходимости принять менее выгодные условия, чем те, которые, повидимому, обещают нам наши нынешние успехи, умный народ, каким является наш, должен будет понять эту необходимость и дать свое согласие на них. Но, поскольку мир может быть заключен поспешно, поскольку злосчастное продолжение войны дает нам время рассудить, какое из различных преимуществ — выигранных или могущих быть выигранными — для нас особенно важно сохранить, если будет возможно сохранить лишь некоторые из них, но не все, то я не порицаю общественного обсуждения этих пунктов, как преждевременного или бесполезного. Свет истины часто возникает из столкновения мнений, как огонь из кремня и стали, и если мы можем получить все блага *света,* не опасаясь *жара,* иногда порождаемого спором, то зачем же нам препятствовать этому?

Итак, предполагая, что небо будет попрежнему покровительствовать оружию его величества и что исход этой справедливой войны может дать нам власть удержать за собой при заключении мира некоторые из наших завоеваний, рассудим — должны ли мы ограничиться только теми владениями, которые составляли «цели, ради которых мы начали войну» *. Автор «Замечаний», повидимому, считает это правильным, когда речь идет о «*собственно Канаде,* поскольку она никогда не упоминалась в качестве одной из этих целей ни в одном из наших меморандумов или деклараций, ни в одном национальном или государственном акте». Однако сам этот джентльмен, вероятно, признаёт, что если бы уступка Канады представляла для нас действительную выгоду, то мы могли бы потребовать ее в соответствии со вторым его пунктом, как «*компенсацию* за издержки», понесенные в процессе восстановления наших законных прав; иначе требование отдать нам Гваделупу, согласно его же собственным принципам, не может иметь никакого основания. Мне, признаюсь, отнюдь не кажется, чтобы «предъявленные нами перед войной претензии были достаточно велики как для обладания Канадой, так и для обеспечения безопасности», хотя нашему остроумному автору «Замечаний» этот момент и представляется ясным. Я придерживаюсь скорее противного мнения и сейчас изложу свои доводы.

Но сначала позвольте мне заметить, что мы предъявили эти претензии не потому, чтобы они были достаточны для гарантии нашей безопасности, но потому, что по справедливости не могли требовать большего. Выигранные в ходе настоящей войны прei-

* «Замечания», стр. 19.

мущества могут увеличить объем наших прав. Наши претензии перед войной содержали *некоторую* гарантию безопасности; но это не основание для того, чтобы мы пренебрегли приобретением *большего,* когда такое требование стало разумным. Быть может, для Америки в данном случае и было бы разумно требовать гарантии, рекомендуемой автором «Письма» *, хотя во многих других случаях это было бы нелепо. Предлагаемое им требование основывается на незначительной ценности Канады для французов; на принадлежащем нам праве требовать и на возможности настаивать на возмещении наших издержек; на тех затруднениях, которые будут испытывать сами французы, которым придется удерживать своих беспокойных подданных в Америке от посягательств на наши границы и от нарушения нашей торговли; и на трудности для нас помешать посягательствам, которые могут продолжаться много лет без нашего ведома.

Но автор «Замечаний» «не видит, почему бы аргументы, используемые в отношении гарантии для миролюбивого поведения в Канаде, не были в равной степени убедительными для требования той же гарантии в Европе». По некотором размышлении он, думаю, должен будет понять, что обстоятельства в этих двух случаях совершенно различны. *Здесь* мы отделены самой лучшей и самой четкой из границ — океаном, и у нас есть люди на каждой или вблизи каждой части нашей территории. Поэтому любая попытка посягнуть на нас путем постройки форта — будь она предпринята даже в самом отдаленном уголке этих островов — немедленно станет известной и будет предотвращена. Агрессоры также станут известны, и государство, к которому они принадлежат, будет ответственным за их агрессию. В Америке же дело обстоит совершенно иначе. Обширная пустыня, редко или почти совсем не заселенная, легко скроет передвижение войск и рабочих. Могут быть захвачены важные проходы в пределах наших границ и с небольшими затратами на протяжении одного месяца построены форты, уничтожение которых может занять у нас много лет и потребует миллионных расходов. Этому нас научил дорого обошедшийся нам опыт. Но, что еще хуже, широко раскинувшиеся между нашими и их поселениями леса заселены варварскими племенами дикарей, с наслаждением предающихся войнам и гордящихся убийствами; людей, которые по сути дела не являются подданными ни французов, ни англичан, но тесно связаны с первыми благодаря искусству и неустанному усердию их священников, общности суеверий и многочисленным смешанным бракам. Они легко поддаются подстрекательству, и их постоянно подстрекают нападать на нас и убивать наших плантаторов даже во времена полного

* «Письмо», стр. 30, «Замечания», стр. 21.

мира между обеими державами, что приводит к постоянной убыли наших людей и сокращению наших поселений. И, хотя известно, что они снабжаются французами и доставляют к ним своих пленных, мы не можем добиться своими жалобами никакого удовлетворения, поскольку губернаторы Канады всегда имеют наготове отговорку, что индейцы — независимый народ, над которым они не имеют власти и за действия которого они поэтому не несут ответственности. Нет сомнения, что столь различные обстоятельства могут служить разумным основанием для требования особых гарантий безопасности в Америке, отличных от тех, которые являются обычными или необходимыми в Европе.

Автор «Замечаний» думает, однако, что подлинный залог возможности заставить «Францию или любую другую нацию быть верной своим обязательствам должен состоять не в требовании гарантий, которых не может дать ни одно государство, пока оно является *независимым,* а в нашей собственной силе и нашей собственной бдительности» *. Ни одно государство, которое вело неудачную войну и не в состоянии далее продолжать ее, не может быть при таких обстоятельствах названо *независимым;* и в то время как каждая из сторон считает себя вправе требовать возмещения, не найдется ни одного здравомыслящего человека, который не предпочел бы caeteris paribus (при прочих равных условиях) возмещения, дающего более дешевую и более эффективную гарантию, чем любая другая, которую он может себе представить. Находящиеся в таком положении государства требуют и уступают территории почти по каждому заключаемому ими мирному договору. Французская часть острова святого Христофора была присоединена к Великобритании при обстоятельствах, целиком сходных с теми, в каких через несколько месяцев сможет оказаться и Канада. Дополнительные гарантии безопасности всегда рассматривались как мотив для того, чтобы победитель был менее умеренным в своих требованиях; и даже *побежденные* настаивают на гарантии безопасности, как на основании для требования того, о чем им иначе, по собственному их признанию, не подобало бы просить.

Безопасность границы Франции *со стороны Нидерландов* всегда принималась во внимание в переговорах, начавшихся в Гертруденберге и окончившихся войной. По той же причине они потребовали и получили Бретонский мыс. Но война, заканчивавшаяся в пользу Франции, всегда что-то добавляла к могуществу либо Франции, либо династии Бурбонов. Даже война 1733г.[2], которую Франция начала заверениями в том, что не имеет

* «Замечания», стр. 25

никаких честолюбивых намерений, и которая закончилась договором, сопровождавшимся неоднократными декларациями французских министров, что Франция ничего не хочет для себя лично, фактически выиграла для нее Лотарингию — компенсацию, в десять раз превышавшую стоимость всех ее североамериканских владений.

Короче говоря, безопасность и спокойствие государей и государств всегда считались достаточным основанием для того, чтобы, опираясь на свою силу, отбрасывать в сторону права; и такая политика никогда не рассматривалась как недостаток умеренности. Она всегда служила основой для большинства договоров. Безопасность Германии явилась аргументом для уступки шведам значительных владений в этой стране; а безопасность Европы расколола испанскую монархию договором о ее расчленении, заключенным между державами, не имевшими иного права распоряжаться какой бы то ни было ее частью. Не может быть уступки, не предполагающей по меньшей мере усиления могущества стороны, в пользу которой она делается. Достаточно того, что эта сторона имеет право требовать ее и что она делает это не просто для удовлетворения опасного честолюбия.

Канада в руках Англии будет столь же мало угрожать безопасности Французского королевства, как и любая другая уступка; в силу своего местоположения и своих обстоятельств она не может быть угрозой ни для какого другого государства; скорее — если только мир представляет собой преимущество — эта уступка окажется преимуществом для всей Европы. Нынешняя война учит нас, что конфликты, возникающие в Америке, могут явиться поводом для того, чтобы втянуть в них нации, не имеющие там никаких интересов. Если французы останутся в Канаде и Луизиане, то, как бы вы ни устанавливали границы между нами и ими, мы должны будем иметь общие границы протяженностью свыше полутора тысяч миль. Население пограничных областей обычно состоит из подонков обеих наций, часто людей безнравственных и нерассудительных, находящихся к тому же вдали от наблюдения, благоразумного воздействия и сдерживающего влияния правительства. Поэтому зачастую на том или ином отрезке столь длинной границы происходят нарушения ее обеими сторонами, провоцируется возмущение; сначала в дело вступают колонии, а затем и метрополии. И едва ли две большие нации могут воевать в Европе без того, чтобы тот или другой государь или то или другое государство не сочли этого за удобный случай, чтобы возродить какую-нибудь старую претензию, воспользоваться каким-нибудь преимуществом, получить какую-то территорию или увеличить в каком-нибудь отношении свое могущество за счет соседа.

Пламя войны, раз вспыхнув, часто распространяется во все стороны и причиняет неисчислимые бедствия. Счастливым оказалось для обеих наций, что голландцев в конце концов вынудили уступить нам Новые Нидерланды (сейчас провинция Нью-Йорк) при заключении мира 1674 года [3] — мира, который с тех самых пор продолжает существовать между нами, но который был бы неоднократно нарушен, если бы обладание этой областью, граничащей на протяжении нескольких сот миль с нашими колониями — Пенсильванией на западе, Коннектикутом и Массачузетсом на востоке, осталось за ними. Нет ничего удивительного также и в том, что в этих отдаленных уголках люди, говорящие на разных языках, имеющие различную религию и обычаи, ввязываются в частые ссоры; ведь мы видим, что даже жители наших собственных колоний нередко бывают настолько озлоблены друг против друга в своих спорах относительно границ, что прибегают к открытому насилию и кровопролитию.

Однако автор «Замечаний» думает, что наша безопасность в Америке будет в достаточной степени гарантирована, если мы «возведем английские форты в таких проходах, что это сразу же заставит как французскую, так и индейскую нации уважать нас» *. Желаемая гарантия безопасности в Америке может рассматриваться как гарантия троякого рода: 1. Гарантия безопасности владения в том смысле, что французы не вытеснят нас из страны. 2. Гарантия безопасности наших плантаторов от набегов дикарей и совершаемых ими убийств. 3. Гарантия того, что английская нация, чтобы защитить свои владения в Америке, не будет вынуждена при каждой новой войне снова нести те огромные расходы, которые вызвала эта война.

Я признаю, что форты в самых важных проходах могут принести пользу в обеспечении гарантии *первого рода;* но поскольку эти места выдвинуты далеко за пределы населенных территорий, то расходы по содержанию и снабжению гарнизонов будут очень велики даже в период полного мира и станут огромными при каждом его нарушении; ибо при столь длинных дорогах через леса скрытно передвигающимся отрядам противника будет легко перехватывать и отрезать наши транспортные колонны, если только они не будут постоянно охраняться крупными отрядами солдат.

Гарантии же *второго рода* форты не обеспечат, если только такие форты не будут связаны между собой стеной наподобие китайской стены, проходящей от одного конца наших поселений до другого. Если бы индейцы, находясь в состоянии войны, передвигались подобно европейцам большими армиями, с тяже-

* «Замечания», стр. 25.

лой артиллерией, военным снаряжением и повозками, то можно было бы достигнуть достаточной безопасности при условии надежной защиты всех проходов, через которые они могли бы проникнуть с такими армиями в нашу страну или получать снабжение. Однако дело обстоит совершенно иначе; они идут на войну, как они это называют, небольшими отрядами — от пятидесяти до пяти человек. Благодаря своему охотничьему образу жизни они знакомы со всей страной, и едва ли хоть какая-нибудь ее часть окажется для такого отряда непроходимой. Они могут двигаться через леса даже ночью и умело скрывают свои следы. Они легко проходят незамеченными между вашими фортами и тайком приближаются к поселениям ваших пограничных жителей. Они не нуждаются в сопровождении колонн с провиантом, ибо, переходят ли они с места на место в лесах или выжидают в засаде удобного случая, чтобы нанести удар, каждая чаща и каждый поток обеспечивает такую маленькую группу людей достаточными средствами к существованию. Захватив врасплох, перерезав и оскальпировав десяток семей, они с непостижимой быстротой уходят по неведомым путям, и лишь очень редко преследователям удается их настигнуть. Короче говоря, многолетний опыт научил наших плантаторов, что они не могут полагаться на форты для защиты против индейцев; с таким же успехом могли бы жители Хэкни полагаться на лондонский Тауэр для защиты их от разбойников с большой дороги и грабителей.

Что касается *третьего* вида гарантии, т. е. гарантии того, что нам не придется через несколько лет начать в Америке все сначала и быть вынужденными применить столько же войск и кораблей, с теми же огромными издержками, чтобы защитить наши владения там при соответственном нашем ослаблении здесь, то такие форты, я полагаю, не смогут этому помешать. Не приходится сомневаться в том, что в мирное время французы, столь искусные в фортификационном деле, будут подобным же образом воздвигать форты в самых выгодных для этого местах страны, которую мы им оставим, что сделает покорение ее в случае новой войны более трудным, чем когда-либо прежде. По опыту этой войны мы знаем, как исключительно трудно вести через американские леса армию с артиллерией и припасами, необходимыми для подавления даже весьма незначительного форта. Отчеты казначейства расскажут вам, какие поразительно большие суммы мы были вынуждены затратить на экспедиции против двух ничтожных фортов — Дюкен и Краун Пойнт. Пока французы сохраняют свое влияние над индейцами, они легко смогут держать нашу сильно растянутую границу в состоянии постоянной тревоги с помощью очень незначительного числа этих людей; и мы убеждаемся, что в такой стране

они могут с небольшим количеством регулярных войск и милиции удерживать целую нашу армию в течение нескольких лет. Поэтому нам не придется ожидать, чтобы, в случае если мы оставим Канаду французам, хотя бы и урезав ее границы, наши колонии сказали нам, что «мы ничего не сделали»; мы скоро почувствуем это *сами* ценой собственного горького опыта.

Мне не хотелось бы, чтобы меня поняли так, будто я отрицаю, что даже в том случае, если мы покорим и возьмем Канаду, некоторое *небольшое число фортов* может оказаться полезным для безопасности товаров и купцов и охраны торговли в случае внезапного столкновения с каким-нибудь индейским племенем; однако будет лучше, если попечение об этих фортах будет возложено на колонии, заинтересованные в торговле с индейцами, и если они получат гарнизоны, составленные из местных провинциальных войск и содержащиеся за их собственный счет. Собственные интересы побудят в таком случае американские правительства взять на себя заботу о таких фортах в соответствии с их значением и наблюдать за тем, чтобы офицерский корпус всегда был в полном составе и выполнял свои обязанности. Но любые наши войска, размещенные там и подчиненные английскому правительству, скоро утеряли бы свое значение в столь отдаленных и уединенных местах и на таком большом расстоянии от надзора и контроля начальства даже в том случае, если Канада была бы оставлена во владении французов. Если четыре отдельные роты, свыше сорока лет с большими расходами содержавшиеся короной в Нью-Йорке, состояли на протяжении большей части этого времени главным образом из лиц, непригодных к военной службе, если их офицеры пользовались своими местами как синекурами и представляли собой, как величает их один писатель из этой страны *, только своего рода военных монахов, если таково было состояние войск, размещенных в многолюдной стране, где не так-то легко скрыть обман, то чего же мы можем ожидать от тех, которые будут размещены в двух-, трех- или четырехстах милях от поселений, в таких уединенных и отдаленных местах, как Краун Пойнт, Освего, Дюкен или Ниагара? Они едва ли будут даже инвалидами и сведутся к простым именам на бумаге, фигурирующим только в официальных списках.

А между тем все перечисленные виды гарантий можно получить посредством покорения и *удержания* Канады. Наши нынешние владения в Америке будут надежно защищены; наших плантаторов уже не будут больше убивать индейцы, которые, находясь в абсолютной зависимости от нас в отношении того,

* Дуглас. — *Автор.*

что стало сейчас насущными потребностями их жизни (ружья, порох, топоры, ножи и одежда), и не имея поблизости других европейцев, которые могли бы либо снабжать их, либо натравливать против нас, несомненно, всегда будут расположены, если мы будем относиться к ним с элементарной справедливостью, жить с нами в постоянном мире. Что же касается Франции, то в случае новой войны она уже не сможет подвергнуть нас огромным расходам по защите этой столь растянувшейся границы; мы будем, так сказать, иметь за спиной стену в Америке; морское побережье легко можно будет защитить нашими превосходными военно-морскими силами; и здесь «наша собственная бдительность и наша собственная сила» будут использованы должным образом и с несомненным успехом. В таком положении войска, занятые сейчас там, смогут быть употреблены для любой другой службы здесь или где-нибудь в другом месте, так что наступательная и оборонительная мощь Британской империи в целом значительно увеличится.

Но оставить французам владение Канадой, когда в наших силах устранить их, и полагаться (как предлагает автор «Замечаний») на нашу собственную «силу и бдительность»* для того, чтобы предотвратить возможные бедствия, не будет, как нам кажется, ни безопасным, ни благоразумным. Как бы счастливы мы сейчас ни были при лучшем из королей и с перспективой престолонаследия, обещающего всяческое благоденствие, каким только была когда-нибудь благословлена нация; как бы счастливы мы также ни были, имея мудрую и энергичную администрацию, мы не можем, мы не должны рассчитывать на то, что эти благословения будут продолжаться бесконечно. Безопасность значительной части государства и интересы его в целом не должны быть доверены мудрости и энергии *будущих администраций*, когда возможна более эффективная, более постоянная и гораздо более дешевая гарантия безопасности. Те, которые тревожатся по поводу столь отдаленных опасностей, как опасность будущей независимости наших колоний (вопрос, на котором я остановлюсь ниже), едва ли бывают последовательны, когда предполагают, что в отношении их безопасности мы можем полагаться на мудрость и энергию администрации. Я, по правде говоря, считал бы менее существенным для нас, будет ли Канада уступлена нам или нет, если бы имел в виду только гарантию *владения* в наших колониях. Я полностью согласен с автором «Замечаний», что мы представляем собой в Северной Америке «значительно бóльшую континентальную и морскую державу» и что наши колонии там могут быть захвачены французами только в результате трусости или неве-

* «Замечания», стр. 25.

жества. Но именно поэтому я серьезно расхожусь с ним во взглядах по другому вопросу.

Я не думаю, чтобы, как он полагает, наши «кровь и средства были затрачены во имя дела наших колоний» и что мы «совершаем территориальные завоевания для *них*» *; и все же мне кажется, что это весьма распространенная ошибка. Я не говорю, что колонии совершенно не заинтересованы в этом деле. Жители их совместно с другими подданными Великобритании страстно желают славы ее короны, расширения ее могущества и ее торговли, благополучия и будущего спокойствия всего английского народа. Поэтому они не могли не отнести на свой счет открытых оскорблений, нанесенных Англии, и были движимы подлинно британским духом в стремлении действовать не щадя своих сил и в ущерб своим очевидным интересам. И все же им так не посчастливилось, что их добродетель обернулась против них же самих; ибо на одном лишь этом основании они были заподозрены, что были зачинщиками войны, которая велась якобы только в их интересах.

Будет большой ошибкой предполагать, что американская территория, за которую идет спор между Великобританией и Францией, оспаривается как собственность какого-либо *индивидуума или общественного учреждения в Америке* или что в том случае, если она будет принадлежать Великобритании, это принесет кому-нибудь в Америке корыстные выгоды. С другой стороны, основную массу жителей Северной Америки составляют землевладельцы, чьи земли уступают по ценности землям английских землевладельцев только вследствие меньшей численности населения в Америке. Правда, присоединение обширной территории, оспаривавшейся до того, как началась война (в особенности если владение этой территорией будет обеспечено благодаря обладанию Канадой), будет способствовать умножению британских подданных, и численность их будет возрастать быстрее, чем если бы они были заключены между горами; но все же прирост только в области между горами, очевидно, гораздо скорее сделал бы относительную численность населения равной численности населения Великобритании, чем этого можно ожидать, если наши люди расселятся на территории в шесть раз большей. Я думаю, что это единственный критерий, в свете которого можно рассматривать настоящий отчет, и единственный, который затрагивает какие-либо из колоний.

Поэтому ни одна колония, ни один обладатель земель в какой-либо из колоний не желает завоеваний и не может ничего выиграть от них, разве только в том случае, если они окажутся средством обеспечения мира на ее границах. Колонии не полу-

* «Замечания», стр. 25.

чили никакой серьезной выгоды в результате завоеваний настоящей войны и не могут получить ее в результате подтверждения их заключением мира, кроме тех выгод, которыми они должны пользоваться совместно с остальным английским народом; причем для них эти выгоды будут иметь ту явно отрицательную сторону, что они неизбежно снизят ценность того, что составляет основу их частной собственности — их земли — или по крайней мере помешают увеличению ее ценности. Население, которое рассеяно по всей площади территории по эту сторону Миссисипи и безопасность которого была бы обеспечена, если бы Канада находилась в наших руках, вероятно, нашло бы себе на несколько столетий занятие в сельском хозяйстве и тем самым надежно избавило бы нас в Англии от опасений конкуренции со стороны американских мануфактур. Непредубежденные люди хорошо знают, что все карательные и запретительные законы, которые когда-либо измышлялись, не будут в состоянии помешать возникновению мануфактур в стране, население которой слишком многочисленно для того, чтобы существовать только обработкой земли. В том, что это скоро произойдет в Америке, если наш народ останется заключенным между гор, и что почти столь же скоро для него будет небезопасно жить вне их пределов, хотя бы эта территория и была уступлена нам, — в этом не может сомневаться ни один человек, знакомый с политической и коммерческой историей. Мануфактуры учреждаются в бедности. Именно многочисленность в стране безземельных бедняков, вынужденных за низкую оплату работать на других или умирать с голоду, дает предпринимателям возможность держать мануфактуру и позволяет ей быть достаточно дешевой, чтобы помешать ввозу тех же самых товаров из-за границы и выдержать расходы по вывозу своих собственных.

Но ни один человек, который может иметь свой собственный участок земли, дающий ему возможность содержать своим трудом семью в довольстве, не настолько беден, чтобы стать рабочим на мануфактуре и работать на хозяина. Отсюда, пока в Америке имеется достаточно земли для нашего народа, там никогда не будет мануфактур в сколько-нибудь большом количестве или сколько-нибудь большого значения. По замечательному наблюдению весьма талантливого литератора, естественным способом добывания средств существования для редкого населения лесистой области является охота; для более многочисленного населения — скотоводство; для населения средней плотности — земледелие; а занятие жителей наиболее густо населенных районов — мануфактуры; последние должны доставлять содержание основной массе населения в густо заселенной стране, которое в противном случае было бы вынуждено существовать за счет благотворительности или умирать с

голоду. Поэтому низкая плотность населения, которая наиболее выгодна для Великобритании, будет скорее всего достигнута в результате обладания Канадой, поскольку лишь в этом случае будет обеспечена реальная гарантия его безопасности.

В той мере, в какой это касается *существования* наших нынешних колоний в Северной Америке, я безусловно согласен с автором «Замечаний», что французы там не являются *«врагом, которого следует бояться»* *; однако выражение это слишком туманно для того, чтобы его можно было применить к настоящему или по сути дела к любому другому случаю. Алжир, Тунис и Триполи, как ни незначительны их могущество и численность их населения по сравнению с нашим государством, являются врагами, которых все еще следует опасаться; величайшие государи Шотландии и Англии на протяжении многих веков опасались шотландских горцев. Необузданные ирландцы были способны причинять весьма много беспокойства даже королеве Елизавете и стоили ей больше крови и средств, чем ее война с Испанией. Канада в руках Франции всегда ограничивала рост наших колоний — и в ходе этой войны и по сути дела до нее; беспокоила даже лучшие и сильнейшие из них и всячески досаждала им; изыскала способы убивать тысячи их жителей и расстроила жизнь на значительной части их территории. Тем легче ей будет задушить развитие поселения в его младенческом возрасте. Канада нашла также способы заставить Англию расходовать в Америке 2—3 миллиона фунтов в год; и народ, который при всей его малочисленности может в настоящем его положении делать это каждый раз, как мы ведем с ним войну, является, думается мне, «врагом, которого следует бояться».

Наши североамериканские колонии должны рассматриваться как *граница Британской империи* по ту сторону океана. Когда на границу любого владения совершается нападение, то это становится «делом» не только непосредственно подвергшегося ему народа, жителей этой границы, но и по праву «делом» всего государства. Кому пограничные жители обязаны повиновением и оказывают его, у того они имеют право искать и защиты. Ни один политический принцип не установлен более прочно, чем этот. Оскорбительно и несправедливо поэтому представлять «кровь и средства», затраченные в этой войне, как затраченные «за дело одних только колоний», и утверждать, что они «глупы и неблагодарны», если думают, что мы ничего не сделали, если мы не «совершаем для них завоеваний» и не принудим Канаду удовлетворить их «суетное тщеславие», и т. д. Это не будет завоеванием для *них*, равно как и не удовлетворит их «суетного тщеславия». Это будет завоеванием для

* «Замечания», стр. 27.

всего государства; и весь наш народ почувствует выгоду этого завоевания, которая проявится в расширении торговли и облегчении налогообложения.

Если бы нам когда-либо пришлось вести войну в защиту нашей торговли и для обеспечения вывоза наших изделий, то было ли бы справедливо представлять такую войну просто как трату крови и средств за дело ткачей Йоркшира, Норвича или Запада, ножовщиков Шеффилда или фабрикантов пуговиц Бирмингама? Я надеюсь, что раньше, чем я закончу эту статью, выяснится, что если когда-либо вообще велась национальная война, то эта поистине является таковой, т. е. войной, в которой непосредственно и коренным образом затронуты интересы всей нации. Те, которые хотят прослыть глубокими знатоками человеческой природы, любят выискивать эгоистические цели во всем — даже в основе самого честного и благородного поведения. Подозрения и обвинения этого рода легко находят признание и веру даже со стороны толпы, и поэтому достаточно было бы и меньшей проницательности и мастерства, чем те, которыми обладает автор «Замечаний», чтобы убедить всю нацию в целом в том, что все усердие и воодушевление, проявленные колониями в этой войне, были проявлены ими только «во имя их собственного дела», чтобы «совершать завоевания для себя», чтобы побудить нас больше для них сделать, чтобы удовлетворить их собственное «суетное тщеславие».

Но если бы они сейчас смиренно обратились к метрополии в тех выражениях и с теми чувствами, о которых говорит автор «Замечаний»; принесли бы ей свою благодарность за кровь и средства, затраченные ею «во имя их дела»; сознались бы, что «для них» было сделано недостаточно; допустили бы, что «английские форты, воздвигнутые в надлежащих проходах, будут, учитывая мудрость и энергию ее администрации», достаточной защитой в будущем; выразили бы свои пожелания, чтобы народ их мог быть заключен в пределах гор во избежание того, чтобы,— если бы им позволили распространиться и расшириться на плодородной и приятной территории по другую сторону этих гор, — он «не умножался бы бесконечно по всем причинам», не «жил бы исключительно плодами собственного труда», и не стал бы независимым; поэтому если бы они просили, чтобы французам позволили сохранить Канаду в своем владении, поскольку такое соседство может оказаться полезным, чтобы помешать их умножению, а устранение французов может «оказаться даже опасным по своим последствиям» *; повторяю, если бы здесь появилось такое обращение колоний (хотя, согласно автору «Замечаний», это было бы весьма справедливым

* «Замечания», стр. 50, 51

и разумным), то не было ли бы, не могло ли бы явиться более справедливым ответом на него: «Мы прекрасно понимаем вас, джентльмены; вы имеете в виду только ваши собственные интересы; вы хотите, чтобы ваш народ был ограничен пределами ваших нынешних границ для того, чтобы через несколько лет ценность находящихся в вашем владении земель увеличилась в десятки раз. Вы хотите снизить цену труда в результате умножения численности населения на той же самой территории, чтобы оказаться в состоянии учреждать мануфактуры и соперничать с вашей метрополией. Вы хотели бы, чтобы ваш народ оставался сплоченным, чтобы вам было легче оспаривать приказы короны и получить независимость. Вы хотели бы, чтобы французы остались в Канаде, чтобы вы могли упражняться в военной доблести и превратиться в воинственный народ, что позволило бы вам с большей уверенностью пуститься на интриги неповиновения и быть более способными осуществлять их. Вы также вкусили сладость двух или трех миллионов фунтов стерлингов в год, которые расходуются у вас нашими флотами и войсками, и не расположены лишиться предлога для разжигания новой войны, которая повлекла бы за собой повторение таких же восхитительных сумм. Но, джентльмены, позвольте нам также хотя бы немного понимать *наши* интересы; мы устраним французов из Канады, чтобы вы могли жить в мире, и чтобы нас не истощали больше ваши ссоры. Вы будете иметь достаточно земли для обработки, чтобы у вас не возникло ни необходимости, ни склонности заниматься мануфактурами, а мы будем изготовлять для вас промышленные товары и править вами».

Читатель «Замечаний», быть может, скажет: «Если этот писатель хочет, чтобы вы возвратили Канаду, руководствуясь принципами умеренности, то как же можем мы, следуя этим принципам, удерживать Гваделупу, которую он изображает столь значительно более ценной?» Я постараюсь объяснить это, потому что тем самым буду иметь благоприятный случай показать меткость и здравый смысл ответа на только что высказанное мною небескорыстное заявление. А именно, противоречивость суждений автора — только мнимая, а не действительная. Если возвращением Канады мы сможем приобрести репутацию умеренности, то это хорошо; однако мы должны возвратить ее *при всех условиях,* потому что она не только была бы для нас бесполезной, но и «обладание ею (по его мнению) может быть чревато опасными последствиями» *. Каким образом? Да ведь ясно (наконец-то он открывает карты), что если французы не будут оставлены здесь, чтобы сдерживать рост населения наших

* «Замечания», стр. 50, 51.

колоний, то «оно будет почти беспредельно распространяться во внутренние части страны и бесконечно умножаться по всем причинам, превращаясь в многочисленный, дерзкий, независимый народ, обладающий сильной страной, слабо или вовсе не связанный с Англией, живущий всецело своим собственным трудом, — народ, который с течением времени почти совсем забудет о своей метрополии и мало будет ею интересоваться».

Короче говоря, согласно мнению этого писателя, нынешние наши колонии достаточно велики и население их достаточно многочисленно; и французов следует оставить в Северной Америке для того, чтобы помешать росту этих колоний, дабы они не стали не только бесполезными, но и опасными для Англии. Я согласен с этим джентльменом, что если мы будем обладать Канадой, то наше население в Америке возрастет с поразительной быстротой. Я знаю, что там, где ему не досаждает враг, общая норма роста его численности такова, что только в результате естественного прироста оно возрастет вдвое за каждые двадцать пять лет, не считая притока* иностранцев; я полагаю, что если такой рост будет продолжаться, то еще через сто лет число английских подданных по ту сторону океана превысит нынешнюю численность их по эту его сторону; но, я далек от опасений, что колонии станут в этом отношении бесполезными или опасными для нас, и считаю такие опасения просто воображаемыми и не имеющими никакого реального основания. Автор «Замечаний» весьма сдержанно излагает свои доводы, поскольку, по его мнению, «это — не подобающая тема для обсуждения». Я приведу свои доводы, поскольку считаю, что обсудить этот предмет необходимо, тем более, что эти опасения, какими бы необоснованными и химерическими они ни были, могут, овладев умами масс, побудить самое способное министерство применяться к ним, вопреки его собственному суждению, и тем самым помешать обеспечить английскому имени и нации такую устойчивость и постоянство, на какие не смел надеяться ни один человек, знакомый с историей, до тех пор пока наши американские владения не открыли перед нами этой приятной перспективы.

* Причина этого более значительного прироста населения в Америке по сравнению с Европой та, что в издавна заселенных странах все ремесла, фермы, должности и занятия заполнены и многие люди воздерживаются от женитьбы до тех пор, пока им не представится возможность устроиться с удовлетворительными перспективами содержания семьи; но в Америке, поскольку здесь легко получить землю, которая при умеренной затрате труда обеспечит существование и кое-какие сбережения, люди женятся более охотно и в более раннем возрасте, откуда возникает многочисленное потомство и быстрое заселение этих областей. Широко распространено ошибочное мнение, что мы не можем заселить наши провинции или увеличить их число, не обескровив нашу нацию. Однако роста наших нынешних колоний достаточно для обеих этих целей.—*Автор.*

Автор «Замечаний» думает, что наш народ в Америке, «не встречая преград со стороны Канады, будет почти беспредельно распространяться во внутренние части страны и бесконечно умножаться по всем причинам». Самое основание, которое приводится в «Замечаниях» для такого распространения переселенцев и которое несомненно является истинным (а именно — что их «влечет сюда привлекательность, изобилие и плодородие страны»), может убедить нас в том, что это распространение будет продолжаться до тех пор, пока в пределах досягаемости колонистов будет оставаться привлекательная, плодородная земля. И если мы даже предположим, что воды Миссисипи ограничат расселение колонистов на западе, а воды реки Святого Лаврентия и озер — на севере, то мы все же оставим им достаточное пространство для размножения, даже при практикующейся там сейчас манере расселяться, — до тех пор, пока численность их не достигнет, быть может, сотни миллионов. Для этого может потребоваться несколько столетий, а тем временем наша нация должна будет по необходимости снабжать их изделиями, которые они потребляют, поскольку новые поселенцы будут заняты в сельском хозяйстве и новые поселения будут непрестанно настолько оттягивать свободные руки из старых, что на протяжении упомянутого нами периода наши нынешние колонии не будут в состоянии производить товары в сколько-нибудь значительном количестве даже для своих собственных жителей, не говоря уже о тех, которые размещаются еще дальше.

Таким образом, до тех пор, пока эта страна не будет столь же плотно заселена, как Англия (т. е. еще в течение нескольких столетий), наша торговля будет непрерывно расширяться, а вместе с ней и наше морское могущество, ибо нас отделяет от них океан, и численность наших судов и моряков должна расти по мере роста этой торговли.

Человеческое тело и политический организм различаются между собой тем, что первое по природе ограничено известными пределами, достигнув которых оно уже не может более расти; второй же при лучшем управлении и более благоразумной политике, равно как и при изменении обычаев и других обстоятельств, часто вновь начинает расти, после того как в течение долгого времени находился в одном положении, и может вдесятеро увеличить пределы, которыми был ограничен на протяжении столетий. Подрастающая дочь за несколько лет догоняет в росте свою вполне сложившуюся мать; но в отношении метрополии и ее колоний дело обстоит совершенно иначе. Тут рост детей имеет тенденцию увеличить и рост матери, и, таким образом, различие между матерью и детьми и ее превосходство над ними сохраняются дольше. Если бы жители нашего острова были

ограничены в своем нынешнем числе каким-нибудь явлением природы или не поддающимися изменению обстоятельствами, то численность населения обеих стран, несомненно, могла бы сравняться быстрее; однако достоверный опыт в тех частях острова, где были введены мануфактуры, учит нас, что население растет и умножается пропорционально возрастанию способов и возможностей добывания средств к жизни и что наш остров в состоянии прокормить в десять раз больше людей, чем имеется на нем сейчас, если бы они могли быть обеспечены работой.

Поэтому соразмерно повышению спроса на изделия английских мануфактур в результате роста населения английских колоний будет возрастать и численность населения метрополии, а вместе с тем — сила и богатство нации. Чтобы убедиться в этом, пусть читатель мысленно сравнит численность и силу наших нынешних флотов с нашим флотом времен королевы Елизаветы *, до того, как у нас появились колонии. Пусть он, хотя бы в пределах собственной памяти, сравнит с нынешним прежнее состояние наших городов на нашем западном побережье или вблизи него (Манчестер, Ливерпуль, Кендаль, Ланкастер, Глазго и окружающие их районы), которые поставляют товары для наших колоний (не говоря уже о Лидсе, Галифаксе, Шеффилде и Бирмингаме), и подумает, как велико различие в числе людей, зданий, в рентах, ценности земли и ее продуктов. Пусть он сравнит эти районы с другими на том же острове, где мануфактуры еще не распространились, пусть он заметит существующее в настоящее время различие и поразмыслит над тем, насколько может возрасти наша сила, — если количественные показатели дают силу, — когда наши мануфактуры будут занимать каждую часть острова, где только возможно их существование.

Но, возразят мне, «в Америке *на известном расстоянии от моря* расходы по перевозке положат конец продаже и потреблению ваших товаров; а это наряду с трудностью оплаты их заставит жителей самих производить эти товары для себя; конечно, если вы допустите, чтобы ваши люди распространили свои поселения далее этого расстояния, то эти люди станут для вас бесполезны»; расстояние это некоторые ограничивают примерно двумя стами миль, другие же — Аппалачскими горами.

Не буду настаивать на той очевидной истине, что ни одна часть какого-либо владения, которая может при случае послужить для правительства источником снабжения людской силой и деньгами (хотя и слишком отдаленная для того, чтобы снабжаться товарами из какого-либо другого места), не может

---

* А именно сорок парусных судов, ни одно из которых не имело больше сорока пушек. — *Автор.*

считаться бесполезной для империи в целом; попытаюсь, однако, показать, что эти воображаемые границы полезности являются слишком узкими даже с точки зрения торговли. Внутренние части европейского континента расположены дальше от моря, чем предположенные для Америки границы расселения. Германия изобилует всевозможного рода торговцами и ремесленниками и не всегда и не все ее правительства благосклонно относятся к торговле с Англией; тем не менее остается общеизвестным фактом, что наши изделия находят дорогу даже в самое сердце Германии. Спросите крупных фабрикантов и торговцев товарами Лидса, Шеффилда, Бирмингама, Манчестера и Норвича, и они скажут вам, что некоторые из них часто посылают коммивояжеров в поездки через Францию или Испанию и Италию до Вены и обратно через Центральную и Северную Германию, чтобы показывать образцы своих товаров и собирать заказы, которые они в огромном количестве получают чуть ли не с каждой почтой. Все издержки по перевозке товаров добавляются к их стоимости, и все оплачивается потребителем.

Если эти нации, управлять которыми мы не властны и на потребление которых можем влиять лишь посредством дешевизны и добротности наших товаров, нации, торговля, мануфактуры и коммерческие связи которых не подлежат контролю со стороны наших законов, как это, безусловно, имеет до известной степени место в случае наших колоний; если эти нации покупают и потребляют такие количества наших товаров, несмотря на отдаленность своего местоположения от моря, то насколько менее вероятно, чтобы поселенцы в Америке, на протяжении ряда веков вынужденные заниматься главным образом сельским хозяйством, смогли дешевле производить для себя те товары, которыми их снабжают наши фабриканты, даже если предположить, что перевозка на расстояние пяти-шести или даже семисот миль от моря будет столь же трудной и дорогой, как перевозка на подобные же расстояния в глубь Германии, где естественные расстояния зачастую увеличиваются вдвое в результате политических обструкций (я имею в виду переплетение владений и столкновение интересов отдельных государей).

Но если мы поразмыслим о том, что проникать во внутренние части Америки можно по большим судоходным рекам; и что там имеется множество крупных озер, сообщающихся друг с другом, с этими реками и с морем, не считая отдельных очень небольших волоков *; что протяженность побережий (если позволительно

* Перевозка сушей от Нью-Йорка до озера Онтарио на протяжении нескольких волоков составляет в общем всего около 27 миль. От озера Онтарио до озера Эри перевозка сухим путем у Ниагары составляет всего

так выразиться) одних только этих озер составляет по меньшей мере 2700 миль, не считая впадающих в них рек, многие из которых в значительной своей части судоходны для лодок и каноэ и протекают через обширные пространства страны; как же мало вероятно, чтобы расход по перевозке наших товаров в эти районы мог помешать их использованию! Если бедные индейцы в этих отдаленных частях страны в состоянии платить сейчас за льняные, шерстяные и железные товары, которыми их в настоящее время снабжают французские и английские торговцы, хотя у индейцев нет ничего, кроме того, что они добывают охотой, и хотя товары эти обременены всеми обложениями, которые только могут быть изобретены мошенничеством и плутовством для того, чтобы повысить их стоимость, то разве трудолюбивые английские фермеры, которые поселятся в будущем в этих районах, не будут значительно более способны платить за то, что будет им доставляться путем честной торговли?

Если спросят, что́ могут такие фермеры производить для того, чтобы платить за изделия, которые им понадобятся от нас, я отвечу, что, как хорошо известно, внутренние части Америки, о которых здесь идет речь, пригодны для производства конопли, льна, поташа и в первую очередь шелка; в южных частях могут производиться оливковое масло, изюм, коринка, индиго и кошениль, не говоря уже о лошадях и крупном рогатом скоте, которых легко можно гнать на приморские рынки и одновременно использовать для доставки других товаров. То, что первые из упомянутых товаров легко могут быть доставлены водным и сухим путем из внутренних областей Америки к морским портам, не покажется невероятным, если вспомнить, что *пенька* раньше доставлялась из Украины — самой южной части России, в Вологду и вниз по Двине в Архангельск, а оттуда опасным морским путем вокруг Нордкапа в Англию и другие части Европы. Сейчас она доставляется из той же области вверх по Днепру и затем вниз по Дунаю, причем большие расстояния проходятся сухим путем. Значительная часть русского *железа* — недорогого товара, перевозится за триста миль из глубины Сибири по суше и по воде. *Меха* (продукт и Америки также) доставляются в Амстердам из всех частей Сибири и даже из самой отдаленной из них — Камчатки. Та же страна дает мне еще один пример широкой внутренней торговли.

около 12 миль. Все озера выше Ниагары сообщаются между собой судоходными проливами, так что можно попасть из одного в другое без перевозки по суше. От полуострова на озере Эри до Биф-ривер, рукава Огайо, всего пятнадцать миль сухим путем, и притом по хорошей проезжей дороге, что дает возможность проплыть на много тысяч миль в глубь страны, если взять вместе Огайо, Миссисипи и все их крупные притоки и рукава.— *Автор.*

Считается достаточно выгодным поддерживать торговые сношения между Пекином в Китае и Петербургом. И ни в одном из этих примеров внутренней торговли длина пути не превышает длины тех путей, по которым в различные периоды велась *вся торговля Востока* в целом. До того как процветание государства Мамелюка в Египте обеспечило постоянный рынок для богатств Востока в Каире и Александрии (куда они доставлялись по Красному морю), значительная часть этих товаров шла в города Кашгар и Балх. Торговля вызвала к жизни эти города, которые все еще живут остатками прежнего изобилия, среди дикого народа и столь же дикой местности. Отсюда эти товары отправлялись вниз по реке Аму-Дарье (древний Оксус) к Каспийскому морю и вверх по Волге в Астрахань, откуда они шли к Дону и вниз по этой реке к ее устью; а отсюда венецианцы — непосредственно и косвенным путем, а генуэзцы — только косвенным путем распространяли их через Каффу и Трапезунд в средиземноморских портах и некоторых других частях Европы.

Другая часть этих товаров шла сухим путем от Волги к рекам Дунаю и Неве. С обеих этих рек их доставляли в город Висби на Балтийском море (столь знаменитый своими морскими законами), а из города Ладоги на Неве, как говорят, они перевозились даже по Двине в Архангельск, а оттуда вокруг Нордкапа. Если железо и пенька выдерживают расходы по перевозке из глубинных областей страны, то тем более их выдержат и другие товары; несомненно, их выдержит шелк, поскольку три пенса с фунта не превышают одного процента стоимости и составляют двадцать фунтов с тонны. Если *сельскохозяйственные продукты* какой-то страны находят себе дорогу за ее пределы, то *промышленные изделия* той страны, в которую они идут, неизбежно найдут обратную дорогу.

Те, кто разбирается в экономике и принципах мануфактур, знают, что их невозможно учредить в слабо заселенных местах; и даже там, где имеется многочисленное население, их едва ли возможно учредить в ущерб тем местам, *которые их уже имеют*. Во Франции и Испании с поощрения правительства было сделано несколько попыток оттянуть от нас и учредить в этих странах наши мануфактуры — металлических изделий и шерстяную, но безуспешно.

Это произошло по многим причинам. Мануфактура является составной частью широкой системы торговли, включающей различного рода удобства: способы добывания всевозможных материалов, машины для ускорения и облегчения труда, все каналы корреспонденции по продаже товаров, кредит и доверие, необходимые для учреждения и поддержки этой корреспонденции, взаимная помощь различных ремесленников и тысячи

других деталей, которые были постепенно установлены временем и длительным опытом. Часть подобной системы не может существовать без целого, и прежде чем удается достичь целого, эта часть погибает. Мануфактуры там, где они достигли совершенства, ведутся множеством рабочих, каждый из которых является специалистом только по своей части; ни один из них не владеет всем мастерством в целом, и если он каким-нибудь способом будет тайно увезен в чужую страну, он без своих сотоварищей пропадет. Затем, убедить полный комплект рабочих, искусных во всех деталях производства, вместе покинуть родину и поселиться в чужой стране — дело чрезвычайной трудности. Можно сманить каких-нибудь лентяев и пьяниц, но они только разочаруют своих хозяев и будут содействовать развалу предприятия. Если в результате щедрости короля и расходов, покрыть которые одними только торговыми прибылями невозможно, будет собран и перевезен на место полный комплект хороших и искусных рабочих, то они найдут в системе так много несовершенств, отсутствие такого множества вещей, необходимых для успешного производства, такое множество препятствий на пути к цели, а союз рабочих так легко разрушается смертью, недовольством и дезертирством, что и они и их хозяева совершенно падают духом и весь проект разлетается, как дым.

Отсюда получается, что упрочившиеся мануфактуры едва ли когда-нибудь погибают, разве только в результате иностранного завоевания или какого-либо серьезного внутреннего недостатка в методах или управлении, например упорных полицейских притеснений, обескураживающих рабочих, или религиозных преследований, вынуждающих трезвых и трудолюбивых людей покидать страну. Короче говоря, там, где мануфактуры однажды упрочились, едва ли можно найти в истории хоть один пример, опровергающий сказанное мной. Иногда мануфактуры возникают в новом месте; но обычно они поддерживаются, подобно экзотическим растениям, за счет бóльших издержек, чем сами того стоят, только ради любопытства, пока эти новые заведения не становятся прибежищéм для фабрикантов, вынужденных покинуть старые.

Взятие турками Константинополя и падение греческой империи рассеяли множество искусных мастеров по различным странам христианского мира. Тот же результат имели и предыдущие завоевания ее провинций. Утрата свободы в Вероне, Милане, Флоренции, Пизе, Пистойе и других крупных городах Италии заставила фабрикантов шерстяных тканей искать убежища в Испании и Фландрии. Последние сначала лишились своей торговли и мануфактур в пользу Антверпена и городов Брабанта, откуда из-за религиозных преследований они пере-

местились в Голландию и Англию; гражданские войны в период несовершеннолетия Карла I испанского, в результате которых утратили свободу крупные города Испании, также закончились гибелью мануфактур Толедо, Сеговии, Саламанки, Медина дель Кампо и т. д. Отмена *Нантского эдикта* передала всей протестантской части Европы секреты бумажной, шелковой и других ценных мануфактур Франции, которые были в то время почти исключительным достоянием этой страны, причем все попытки учредить их в других странах были до этого безуспешными.

Чтобы убедиться в том, что местоположение мануфактур определяется не почвой и климатом и даже не свободой от налогов, нам достаточно обратить взор на Голландию, где множество мануфактур все еще ведется — быть может, соответственно в большем количестве, чем на такой же территории в любой другой стране Европы, — и где их изделия продаются на условиях, на которых они не могут быть получены ни в одной другой стране мира. И это справедливо также в отношении тех *продуктов земли,* которые по своему характеру и необходимой для их выращивания затрате труда ближе всего стоят к мануфактурам.

Что касается широко распространенного возражения в отношении североамериканских поселений — а именно, что они *расположены в стране с таким же климатом и производят те же продукты, что и Англия*, то, во-первых, это неверно; в особенности неверно это по отношению к тем территориям, которые, вероятно, будут присоединены сейчас к нашим поселениям; что же касается наших нынешних колоний, то их продукты — лес, табак, рис и индиго, важные предметы торговли, — не являются помехой английским продуктам; во-вторых, только невежда в вопросах мировой торговли может не знать, что бóльшая ее часть ведется между странами, климаты которых лишь очень мало отличаются друг от друга. Даже торговля между различными частями наших Британских островов значительно превышает торговлю между Англией и всеми островами Вест-Индии, вместе взятыми.

Если мне удалось доказать, что между нами и нашими будущими наиболее удаленными от моря поселениями в Северной Америке, несмотря на их отдаленность, может и будет существовать значительная торговля, то тем самым я более чем наполовину доказал, что *никакого другого неудобства эта их отдаленность не вызовет.* Многие люди в такой стране должны «знать», «думать» и «заботиться» о стране, с которой ведут основную свою торговлю. Юридические и другие связи правительства представляют собой еще более крепкие узы, чем даже торговые связи и распространяются — прямо и косвенно — по-

всюду. Ходатайства по делам и находящиеся на рассмотрении суда процессы создают обширные сношения даже в тех случаях, когда частная собственность не разбросана по разным странам; между тем, такая разбросанность всегда будет существовать там, где различные страны управляются одним и тем же правительством. Когда человек имеет земельную собственность как в метрополии, так и в провинции, он почти всегда будет жить в метрополии. Уже одно это само по себе представляет достаточную выгоду, даже если бы не было никакой торговли. Говорят, что Ирландия выплачивает ежегодно около миллиона фунтов стерлингов своим землевладельцам-абсентеистам, проживающим в Англии. С этой цифрой едва ли может сравняться баланс торговли с Испанией или даже с Португалией.

Пусть не говорят, что у нас нет *землевладельцев-абсентеистов* из Северной Америки. К сведению писателя, их много; и если в настоящее время лишь немногие из них выделяются здесь большими расходами, то это объясняется незначительностью состояний северных колонистов и более равномерным распределением у них земельной собственности, чем на Вест-Индских островах, так что пока там имеется лишь небольшое число крупных поместий. Но если владельцы подобных поместий живут в них и сами за ними смотрят, то разве они являются худшими подданными, чем в том случае, если бы они праздно жили в Англии?

Господам из Вест-Индии вменяется в великую заслугу *, что они проживают и расходуют свои деньги в Англии. Я не хотел бы умалять этой заслуги; она значительна; ибо они могли бы, если бы пожелали, расходовать свои деньги во Франции; но разница между тем, расходуют ли они их здесь или у себя дома, не столь уж велика. На что они их тратят, когда находятся здесь, как не на английские продукты и промышленные изделия? И разве не делали бы они то же самое у себя дома? Так ли уж важно английскому фермеру, приедет ли джентльмен из Вест-Индии в Лондон и будет есть его говядину, свинину, языки в свежем виде, или закажет, чтобы их привезли ему в Вест-Индию засоленными? Будет ли он есть английский сыр и масло и пить английский эль в Лондоне или в Барбадосе? Уменьшится ли прибыль фабриканта сукон или торговца шелком или бархатом, или ножовщика, или игрушечного мастера от того, что их товары будут потребляться прежними лицами, но живущими по ту сторону океана? Не будут ли от этого доходы торговца и мореплавателя даже больше, и не выиграет ли от этого наше мореплавание, суда и моряки? Если североамериканский джентльмен останется в своей собственной стране и будет

* «Замечания», стр. 47, 48 и т. д.

жить там в такой роскоши и с такими расходами на английские промышленные изделия, какие позволяет ему его состояние, то не может ли его пример, в силу столь свойственного человеку подражания вышестоящим, распространить употребление этих изделий среди сотен окружающих его семей и вызвать значительно больший спрос на них, чем это случилось бы, если бы он уехал и стал жить в Лондоне?

Как бы там ни было, если для целей нашей непосредственной выгоды кажется предпочтительным, чтобы господа, обладающие крупными состояниями в Северной Америке, пребывали в течение продолжительного времени в Англии, то это как раз то, чего, несомненно, можно ожидать, как только там приобретаются такие состояния. Этому не помешает то обстоятельство, что они имеют «свои собственные колледжи для обучения своих юношей». Небольшое количество приобретенных знаний и учености разжигает аппетит к большему и сделает общение с образованными людьми по эту сторону океана еще более желательным. Ирландия также имеет свой университет, но это не мешает нам получать огромный денежный доход от этого королевства. Удобства жизни — хорошее воспитание, удовольствия, великолепие царствующей страны — всегда будут представлять много приманок сверх той, которая связана с образованностью, чтобы привлекать людей со средствами туда, где они могут — по крайней мере по видимости — получить за свои деньги максимум счастья.

Наша торговля с Вест-Индскими островами является, несомненно, весьма ценной; но каков бы ни был ее объем, он уже давно перестал увеличиваться. При тех ограничениях, какие испытывают наши плантаторы, производящие сахарный тростник, в силу скудости территории, они не могут увеличиться в числе; как я покажу ниже, мы не сможем сколько-нибудь серьезно исправить это зло тем, что удержим Гваделупу.

Объем торговли с нашими северными колониями не только больше, но и с каждым годом растет вместе с ростом их населения, и даже в еще более значительной пропорции, поскольку помимо увеличения численности населения растут его богатство и покупательная способность. Я уже говорил, что наше население в северных колониях возрастает вдвое примерно за 25 лет, не считая прироста за счет иностранцев. Чтобы доказать, что я не преувеличиваю, обращусь к подлинным отчетам, которые часто запрашиваются министерством торговли и передаются ему соответствующими губернаторами; из этих отчетов я выберу для образца один, а именно отчет колонии Род Айленд, которая получает наименьший по сравнению со всеми другими прирост за счет иностранцев. В отношении роста нашей торговли с этими колониями сошлюсь на отчеты, часто представляемые

парламенту таможенными чиновниками, и на таможенные книги, из которых я также отобрал один отчет — о товарах, прибывающих из Англии (исключая Шотландию) в Пенсильванию, колонию, особенно примечательную простым и скромным образом жизни своих обитателей и больше других подозреваемую в том, что в ней процветают мануфактуры, поскольку, как известно, сюда переселилось множество немецких ремесленников; хотя, по правде сказать, даже и они, прибывая в эту страну, обычно обращаются к земледелию, как наиболее надежному способу добывания средств к существованию и наиболее выгодному занятию.

Из этого отчета явствует, что за 28 лет ввоз в эту провинцию увеличился примерно в пропорции 17 к 1, в то время как население, которое, согласно другим подлинным отчетам, повидимому, возросло вдвое (включая поселяющихся здесь иностранцев) за период около 16 лет, не могло увеличиться за 28 лет в большей пропорции, чем 4 к 1. Следовательно, дополнительный спрос на английские товары и их потребление, составляющие 13 частей из 17 — больше, чем это потребовалось бы для дополнительного числа обитателей, — должен объясняться тем, что население, улучшив своим прилежанием свои материальные обстоятельства, в состоянии позволить себе более изящную одежду, лучшую мебель и более широкое пользование всеми нашими промышленными изделиями, чем прежде.

В действительности благоприятные условия для сбыта английских товаров в Северной Америке и желание населения иметь их и пользоваться ими значительно превышают — и будут еще целую вечность значительно превышать — способность людей платить за них; поэтому они должны или, как они это делают сейчас, отказывать себе во многих вещах, которые желали бы иметь, или усилить свое прилежание, чтобы получить их. Таким образом, если они и начнут когда-либо изготовлять какой-нибудь грубый товар, который по причине его громоздкости или в силу каких-либо других обстоятельств не так легко доставить из Англии, то это только даст им возможность легче заплатить за более изысканные товары, приобретения которых они не могли бы себе в противном случае позволить; так что такое производство не сокращает, а скорее увеличивает экспорт Англии.

Единственное промышленное изделие в этих колониях, упоминаемое автором «Замечаний», — это *шляпы*, выделываемые в Новой Англии. Правда, с самого заселения этого района здесь было несколько шляпных мастеров, первоначально привлеченных сюда, вероятно, легкостью добывания бобровых шкурок, пока леса были еще мало расчищены и бобры водились здесь в изобилии. Сейчас это обстоятельство сильно изменилось.

Бобровых шкурок уже нельзя достать в Новой Англии; их привозят только из очень отдаленных мест и по высокой цене. Соответственно с этим шляпное ремесло приходит здесь в упадок, так что мастера не могут удовлетворить даже внутренний спрос, не говоря уже о том, чтобы выделывать шляпы в достаточном количестве для экспорта; хорошо известно, что туда ежегодно посылается несколько десятков тысяч шляп из Лондона, Бристоля и Ливерпуля, причем эти шляпы продаются дешевле, чем те, которые могут делать местные жители (при условии одинаковой добротности).

В действительности колонии так мало приспособлены к учреждению мануфактуры, что они непрестанно теряют те немногие отрасли ее, которые случайно приобретают. Рабочие медники, ножовщики и мастера по выделке оловянной посуды, равно как и шляпные мастера, время от времени прибывающие из-за океана и поселяющиеся в колониях, постепенно перестают сами производить свои товары и начинают ввозить их из Англии, где могут получить их по более дешевой цене и лучшего качества, чем они в состоянии делать сами. Они, конечно, продолжают вести свое дело в той же отрасли торговли, но становятся *продавцами* медных изделий, ножового товара, оловянной посуды, шляп и т. д., ввозимых из Англии, вместо того чтобы быть *производителями* этих товаров.

Так обстоит дело в отношении опасения, что наши колонии станут для нас бесполезными. Сейчас я рассмотрю другое предположение — о том, что рост этих колоний может сделать их *опасными*. Это, признаюсь, представляется мне совершенно невероятным, когда подумаю, что мы имеем уже *четырнадцать отдельных правительств* на морском побережье континента; а если мы расширим наши поселения, то будем, вероятно, иметь столько же и во внутренних его областях. Те поселения, которые существуют сейчас, возглавляются не только различными губернаторами, но и имеют различные формы управления, различные законы, различные интересы, а некоторые из них и различные религиозные верования и различные обычаи.

Их ревность друг к другу настолько велика, что как ни необходимо уже давно объединение колоний для совместной обороны и обеспечения безопасности против их врагов и как хорошо ни понимает эту необходимость каждая колония, тем не менее они никогда не были способны ни осуществить такой союз, ни даже согласиться на то, чтобы просить свою метрополию учредить его для них. Ничто, кроме непосредственного приказа короны, не могло осуществить даже несовершенный союз вооруженных сил некоторых колоний, который мы увидели там лишь совсем недавно. Если они не могли договориться об объединении для обороны против французов и индейцев,

которые непрестанно тревожили их поселения, сжигали их деревни и убивали их население, то разумно ли предполагать существование какой-то опасности их объединения против их собственной нации, которая защищает и поощряет их, с которой их объединяет такое множество связей и кровных уз, общие интересы и взаимная привязанность и которую, как это хорошо известно, все они любят гораздо больше, чем друг друга?

Короче говоря, имеется так много причин, которые должны действовать в сторону предотвращения союза между ними для такой цели, что я беру на себя смелость утверждать, что он не просто невероятен, но и совершенно невозможен. А если невозможен союз всех колоний в целом, то попытка к учреждению его, предпринятая какой-то частью этих колоний, была бы безумием, поскольку те из них, которые не присоединились бы к восстанию, объединились бы с метрополией для его подавления. Когда я говорю, что подобный союз невозможен, то я имею в виду, что он невозможен при условии, если не будет весьма прискорбной тирании и угнетения. Люди, имеющие в стране собственность, которую они могут потерять, и привилегии, которых они могут лишиться, обычно предпочитают держаться тихо и даже сносить многое, чем рисковать всем. Пока правительство будет мягким и справедливым, пока останутся незыблемыми важные гражданские и религиозные права, такие подданные будут послушны и преданны. *Волны поднимаются лишь тогда, когда дуют ветры.*

Что могло бы вызвать такое управление, как управление герцога Альбы в Нидерландах, — мне неизвестно; но, думается мне, я имею право считать, что здесь оно было бы невозможно. И тем не менее между положением в Нидерландах и у нас существовало два весьма показательных различия, причем оба в нашу пользу. Первое, это то, что Испания уже объединила к этому времени все семнадцать провинций под одним официальным правительством, хотя штаты продолжали оставаться независимыми; второе, что население этих провинций принадлежало не только к другой нации, но и к нации, крайне непохожей на испанцев. Если бы Нидерланды были населены выходцами из Испании, то, возможно, даже самое злейшее угнетение не побудило бы их пожелать отделения от правительства. Оно могло бы погубить и, вероятно, погубило бы страну, но никогда не породило бы самостоятельного суверенного государства. В самом деле, ни самое худшее из правительств, ни самая худшая политика за все последнее столетие, ни полная ликвидация остатков свободы в провинциях самой Испании не породили в настоящее время в Испании какого-либо независимого правительства, которое было бы возможно поддержать. То же самое можно заметить и в отношении Франции.

И пусть не говорят, что в этих примерах отделение было предотвращено близостью к резиденции правительства. Пока продолжает существовать наша морская мощь, берега Огайо ближе к Лондону с точки зрения легкости и быстроты доставки войск, чем отдаленные области Франции и Испании — к их столицам, и гораздо ближе, чем были Коннаут и Олстер во времена королевы Елизаветы. Никто не предвещает распада русской монархии по причине обширности России, и тем не менее я позволю себе сказать, что ее восточные части уже сейчас гораздо менее доступны из Петербурга, чем область на Миссисипи — из Лондона; я имею в виду, что большее количество солдат могло бы быть доставлено к этой последней дистанции за меньший отрезок времени, чем к первой; реки Обь, Енисей и Лена и наполовину так не облегчают сообщения своим течением и наполовину не столь проходимы, как американские реки. К этому я добавлю только замечание Макиавелли в его «Государе»: правительство редко надолго сохраняет свое господство над теми, кто является для него иноземцами; с другой стороны, последние очень легко подпадают под власть правительства своей собственной нации и продолжают оставаться неразлучно присоединенными к нему. Все это он доказывает на примере английских завоеваний во Франции. И тем не менее при всех этих неблагоприятных обстоятельствах свергнуть упрочившееся правительство настолько трудно, что Объединенные провинции могли продержаться лишь с помощью Франции и Англии; а это учит нас тому, что если следует бояться воображаемой опасности независимости в наших колониях, то ничто не может с большей вероятностью сделать ее реальной, чем соседство иноземцев, враждующих с верховными правительствами и способных предоставить, смотря по обстоятельствам, либо помощь, либо убежище. Тем не менее, несмотря даже на эти неблагоприятные обстоятельства, Испания сохранила почти десять провинций исключительно вследствие отсутствия среди них единения; что, несомненно, не могло иметь места в остальных провинциях, если бы только там не возникли особые причины, из которых одни у нас невозможны, а что касается других, то предположить их возможность было бы кощунством.

Римляне проявили хорошее понимание той политики, которая учит, что безопасность для центрального правительства возникает из наличия сепаратных государств среди управляемых им, когда, издав эдикт о том, что каждое государство должно жить по своим собственным законам, восстановили свободы греческих государств (угнетенных, но объединенных под главенством Македонии). Они даже не назначили туда губернатора. Независимость друг от друга и раздельные интересы (хотя этот народ был объединен общими обычаями, языком

и, можно сказать, религией, и не уступал самим римлянам в мудрости, храбрости и любви к свободе) были единственной гарантией суверенитета, которую желали иметь монархи.

Правда, они не называли себя монархами; они не придавали значения титулу; они были довольны обладанием тем, что он означал. И они действительно этим обладали, даже без наличия постоянной армии. Что может быть более убедительным доказательством надежности их владения? И тем не менее, именно политикой, во всех отношениях подобной этой, был покорен и держался Римский мир, представлявший собой конгломерат нравов и языков (число последних достигало сотни с лишним), отличных от языка и нравов их господ. И тем не менее это господство оставалось непоколебимым до тех пор, пока оно не было низвергнуто утерей свободы и упадком нравов в суверенном государстве.

Но какова та благоразумная политика, которую настоятельно предлагает автор «Замечаний» для достижения этой цели — прочности господства над нашими колониями? Это — оставить французов в Канаде, чтобы «сдерживать» рост колоний, ибо в противном случае наш народ может «бесконечно разрастаться по всем причинам». Мы уже видели, каким образом французы и связанные с ними индейцы сдерживают рост наших колоний. Какое скромное слово «*сдерживать*» для обозначения массовых убийств мужчин, женщин и детей! Написавший его желал бы, если бы мог, скрыть от самого себя, равно как и от общественности, ужас, порождаемый таким предложением, прикрыв его общим выражением. Не удивительно, что он назвал это в своем «Письме» «темой, не пригодной для обсуждения», хотя и рекомендует ее как «вопрос, который должен был бы быть предметом постоянного внимания министра!»

Но если Канада будет на основе этого принципа возвращена французам, то не будет ли Англия виновна во всей той крови, которая должна быть пролита, во всех убийствах, которые должны быть совершены для того, чтобы сдержать этот страшный рост нашего народа? Не будет ли это равносильно тому, чтобы в недвусмысленных выражениях сказать французам, что ужасные зверства, которые они вместе с индейцами совершают в наших колониях, устраивают нас и что им незачем опасаться негодования нашего правительства, с целями которого так удачно совпадает их образ действий? Не будут ли колонии рассматривать это именно в таком свете? Будут ли они иметь основание продолжать считать себя подданными и сынами Великобритании, когда узнают, что страна, из которой они произошли, правительство, которое обязано их защищать, поскольку оно требует от них послушания, натравливает на них их злейших врагов? Не послужит ли это наиболее вероятным

средством для того, чтобы бросить их в объятия французов, ибо последние могут привлечь их к себе предложением безопасности, которую их собственное правительство предпочитает не давать им? Я не хочу, чтобы меня заподозрили в инсинуации, что автор «Замечаний» лишен гуманности. Я знаю, как мало затрагивают многих добродушных людей бедствия народа, который находится на далеком от них расстоянии и которого они не знают. Бывают даже такие, которые искренно сочувствуют горю дамы по поводу внезапной смерти любимой птички, если они при этом присутствуют, и вместе с тем весьма спокойно читают о затоплении города в Сирии.

Если в конце концов все же будет сочтено необходимым сдержать рост наших колоний, то разрешите мне предложить для этого менее жестокий способ. Это способ, пример которому мы находим в священном писании. Убийство мужей, жен, братьев, сестер и детей глубоко огорчает остающихся в живых их близких, которые в течение известного времени наслаждались их приятным обществом; но горе по поводу смерти новорожденного ребенка кратковременно и переносится легко. Способ, который я имею в виду, — тот, который был продиктован египетской политикой в период, когда боялись «бесконечного умножения» детей в Израиле, как опасного для государства. Пусть же парламент издаст закон, предписывающий акушеркам в колониях душить при рождении каждого третьего или четвертого ребенка. Таким способом вы сможете удержать колонии в их нынешних размерах. И если бы перед ними встала жестокая альтернатива подчинения тому или другому из этих планов для сдерживания их роста, то, возьму на себя смелость ответить за них, — они предпочли бы второй.

Однако, возможно, что весь этот спор о целесообразности или нецелесообразности сохранения или возвращения Канады преждевременен. Мы, конечно, взяли ее столицу, но далеко еще не овладели страной и, быть может, никогда и не овладеем; ибо если таким советникам, как автор «Замечаний», удастся убедить наших министров в том, что французы там «не худшие из соседей» и что если мы покорим Канаду, то должны будем во имя наших собственных интересов возвратить ее в качестве силы, сдерживающей рост наших колоний, — то в таком случае, боюсь, мы никогда этой страной не овладеем. Ибо существует много способов уклониться от завершения завоевания, которые будут менее предосудительны и менее гнусны, чем отказ от него.

Возражение, которое я часто слышал, а именно, что если бы мы имели Канаду, то не смогли бы ее заселить, не истощив тем самым населения Англии, основано на незнании характера заселения новых стран. Когда мы впервые начали колонизовать Америку, было необходимо направлять туда людей и посы-

лать посевное зерно; но сейчас нет никакой необходимости, чтобы мы снабжали новую колонию тем или другим. Один только ежегодный прирост населения в наших нынешних колониях достаточен для того, чтобы через десять лет, не уменьшая его численности и не отнимая у нас ни одного человека, заполнить Канаду вдвое большим числом англичан, чем там имеется сейчас французов. Протестантская часть французского населения предпочтет, вероятно, остаться под английским правлением; многие пожелают уехать, если им будет позволено продать свои земли, сооружения и имущество; остальная часть обитателей этой слабо заселенной страны, благодаря тому что вокруг них и среди них поселятся массы англичан, менее чем через полвека смешается и объединится с нашим народом как в отношении языка, так и в отношении нравов.

В Гваделупе дело обстоит несколько иначе; и хотя я далек от того, чтобы думать, что у нас достаточно сахарных районов, я не могу считать, чтобы Гваделупа являлась столь же желанным для нас прибавлением, как многое другое, с чем противник расстался бы, вероятно, бесконечно охотнее. Страна, полностью заселенная какой-то нацией, не является пригодным владением для другой, отличающейся от нее по языку, нравам и религии. Ее едва ли удастся удержать с меньшими затратами, чем доставляемые ею доходы. Но остров Кайен и его придаток — Экваториальная Франция, имеющие лишь очень небольшое население, которое поэтому может быть легко отсюда вытеснено, были бы безусловно приобретением, во всех отношениях соответствующим нашему положению и нашим желаниям. Они могли бы вместить всех переселенцев с Барбадоса, Подветренных островов и Ямайки. Это, несомненно, вернуло бы под управление Великобритании, которое способно распространиться на миллионы людей, всех, кто ранее поселился или приобрел земли на Мартинике, Гваделупе, в Санта-Круц или Сент-Джоне, за исключением тех, кто не ценит английского управления, а такие, я уверен, и не достойны возвращения.

Но если бы мы сохранили Гваделупу, говорят нам, это дало бы нам возможность экспортировать на 300 тысяч фунтов стерлингов сахара. Допустим, что это верно, хотя, быть может, необычайный рост потребления в Англии мог бы задержать бóльшую часть этого количества здесь; но на чьих доходах это отразится? На доходах французского населения острова, за исключением небольшой части этих денег, которая досталась бы английским покупателям, чьи свободные капиталы должны, однако, сначала увеличить богатство и денежное обращение Франции. Правда, я допускаю, что значительная часть этих 300 тысяч фунтов стерлингов была бы израсходована на английские промышленные изделия. Быть может,

некоторые землевладельцы Гваделупы даже поселятся в Англии и будут проживать там свое состояние, хотя их, вероятно, будет гораздо меньше, чем жителей Северной Америки. Я признаю выгоду, возникающую для нас из этих обстоятельств, если они сложатся именно так в отношении Гваделупы, а также и других наших вест-индских поселений. Тем не менее даже это потребление немногим лучше того, каким было бы потребление союзной нации, которая покупала бы наши промышленные изделия и снабжала бы нас сахаром, не вовлекая нас при этом в крупные расходы по защите места его произрастания.

Но хотя наши собственные колонии и расходуют среди нас почти всю свою продукцию сахара, можем ли мы, должны ли мы обещать себе, что так же будет обстоять дело и с Гваделупой? 100 тысяч фунтов стерлингов пойдет на снабжение ее жителей английскими промышленными изделиями; допустим даже, что мы сможем эффективно помешать проникновению французских изделий (хотя это морально невозможно в привыкшей к ним стране); тогда остальные 200 тысяч все же будут израсходованы во Франции на обучение их детей и содержание их самих или же будут отложены там, где, как они всегда будут думать, находится их родина.

Кроме этого потребления английских промышленных изделий, много говорят о той выгоде, которую нам даст местоположение Гваделупы, и о торговле с Каракасом и Испанской Америкой. Но я никак не могу понять, в каком отношении Гваделупа расположена для этой торговли лучше, чем Ямайка или даже другие наши острова. Я считаю, что она не так хорошо расположена для торговли с наветренным берегом, как Тобаго и Санта Лючиа, которые в этом, равно как и в других отношениях были бы для нас более ценными владениями и которые, в чем я не сомневаюсь, будут обеспечены нам заключением мира. Она также и приблизительно не так хорошо расположена для торговли с остальной частью Испанской Америки, как Ямайка. Что же касается большей безопасности для нашей торговли благодаря обладанию Гваделупой, то опыт убедил нас в том, что, владея одним единственным островом или даже несколькими, мы только незначительно сдержим каперство. Каперы продолжают существовать в прежнем, если не в большем, количестве и водят в Мартинику суда, которые раньше им было удобнее водить в Гваделупу. Правда, если бы все острова Караибского моря были в наших руках, каперы не имели бы убежища в этих краях.

Тем не менее я считаю, что это вопрос спорный и что весьма уместно обсудить, представит ли для нас обладание всеми Караибскими островами нечто большее, чем временную выгоду, поскольку по необходимости оно вскоре привело бы к запол-

нению французской части Испаньолы французским населением и тем самым сделало бы ее в пять раз более ценной в мирное время и почти что неприступной во время войны, а через немного лет окончилось бы, вероятно, объединением всего этого обширного и плодородного острова под французским управлением. Общепризнано, что завоевание нами Сент-Кристофера и изгнание оттуда французов обеспечили Испаньоле первых ее искусных и зажиточных плантаторов и, следовательно, явились первой причиной нынешнего ее богатства. С другой стороны, осмелюсь выразить мнение, что какими бы ценными ни были французские владения в Вест-Индии и как бы неоспоримы ни были выгоды, которые французы извлекают из них, существует нечто, что должно быть положено на другую чашу весов. Они не могут в настоящее время воевать с Англией, не подвергая эти преимущества — поскольку они рассеяны по многочисленным принадлежащим им сейчас островам, — гораздо большему риску, чем было бы, если бы они обладали одним только Сан-Доминго; их собственная часть этого острова при условии хорошей обработки давала бы им больше сахара, чем они выращивают сейчас на всех принадлежащих им Вест-индских островах.

Я уже сказал, что не отрицаю полезности покорения Гваделупы или даже будущего нашего обладания ею, если оно не будет приобретено слишком дорогой ценой. Вест-индская торговля представляет собой одну из самых ценных отраслей нашей торговли. Наши владения там заслуживают величайшей нашей заботы и внимания. Того же заслуживают и наши североамериканские владения. Я не беру на себя утомительной задачи сравнивать их подлинную ценность. Пересмотреть каждую деталь, существенную в этом отношении, — дело весьма длительное и весьма неприятное. Для занимающего нас сейчас вопроса достаточно, если я доказал, что ценность Северной Америки может быть всемерно увеличена приобретениями и мероприятиями, эффект которых по необходимости будет прямо противоположен тому, которого нас прилежно учили опасаться, и что Гваделупа в смысле выгоды мало что добавит к нашим вест-индским владениям; последние стали для нас во многих отношениях менее ценными, чем они являются для французов, которые, вероятно, будут ценить Гваделупу дороже, чем другую страну (Канаду), представляющую для нас значительно бóльшую ценность, чем для них.

Можно было бы сказать еще очень много по всем аспектам этих проблем, но поскольку это завело бы меня в детали, которые, боюсь, истощили бы терпение моих читателей, — что, как я опасаюсь, уже произошло, — отложу остальное до тех пор, пока не осмелюсь снова себе позволить посягнуть на снисходительность общественности.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ВЫСТУПЛЕНИЕ СУДЬИ ФОСТЕРА В ЗАЩИТУ ПРАВА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ВЕРБОВКИ МАТРОСОВ

Стр. 157. «В настоящее время существует единственный вопрос: можно ли матросов, людей, которые сами выбрали морскую жизнь, людей, чье образование и занятие сделали их пригодными к службе и приучили к ней, можно ли таких людей вербовать по закону для службы королю, когда этого требует общественная безопасность; ne quid detrimenti respublica capiat. *

Что касается меня, то я думаю, что можно. Я считаю, что верховная власть имеет право руководить службой этих людей, если этого требует общественная безопасность. Правительство имеет такое же право требовать службы от *каждого человека*, способного носить оружие, в случае внезапного вторжения или грозного мятежа. Это право в обоих случаях основано на одном и том же принципе необходимости этого положения для сохранения целого».

Это заключение от *целого* к *частному* не кажется очень логичным. Когда требуется воинская повинность от *каждого*, тогда для всех бремя одинаково. Но совсем не то, когда на службу вербуется часть людей, а другие освобождаются. Если бы все сказали: давайте все бороться в защиту всех, это было бы равноправно и поэтому справедливо. Но если говорят A, B, C и D: идите и сражайтесь за нас, тогда как мы будем сидеть дома и спасать свою шкуру — то это не равноправие и поэтому не может быть справедливым.

Стр. 158. «Было бы пикчемной тратой времени доказывать, что нация не может долго быть в состоянии безопасности, наше побережье — защищенным, наша торговля — защищенной без морских сил, готовых к любым неожиданностям, которые могут случиться. А как мы можем обеспечить себе такие силы? Содержание в мирное время тех же самых морских сил, которые абсолютно необходимы для нашей безопасности в военное

---

* Чтобы государству не был нанесен какой-либо ущерб. — *Ред.*

время, будет абсурдом, бесполезной и разорительной тратой. Единственным выходом, который остается для правительства, это при крайней необходимости *использовать* услуги матросов торгового флота».

«*Использовать услуги*», — видите ли. Это выражение обозначает приглашение человека ко мне на работу с предложением ему платы, достаточной, чтобы побудить его предпочесть мою работу. Но совсем не то, если я *принуждаю* его работать *на условиях, которые я считаю подходящими.*

«Что касается самого матроса, то, поступая на королевскую службу, он только меняет на время хозяина; *его служба и занятие* остаются теми же самыми, с тем преимуществом, что опасность со стороны моря и врагов не так велика на королевской службе, как в торговом флоте».

Это ложный факт. *Его служба и занятие* не те же самые. В торговом флоте он плавает на невооруженном судне, не обязан сражаться, а должен только перевозить товары. На королевской службе он обязан сражаться и подвергается всем опасностям боя. Болезни на королевских кораблях также более распространены, и смертность выше. В конце плавания он может уйти со службы купца, а с королевской не может. К тому же плата купцов гораздо выше.

«Я вполне сознаю, что матросы в определенных случаях испытывают тяжелые лишения из-за насильственной вербовки, особенно если вербуют возвращающихся домой после дальнего плавания. Но купцы знают, что вербовка на кораблях, отправляющихся в дальнее плавание, повлекла бы за собой еще большие неудобства для торговли королевства; и все же это иногда необходимо».

Здесь сравниваются две несравнимые вещи, а именно несправедливость по отношению к матросам и неудобство торговли. Неудобство для всей торговли нации не оправдывает несправедливость к одному матросу. Если торговля страдает без его службы, можно и нужно предложить ему такую плату, которая бы могла побудить его добровольно поступить на службу.

«Там, где имеются два зла, мудрое правительство изберет *меньшее*, если можно выбрать».

Меньшее зло: если нужны матросы, то следует предоставить им такую плату, которая побудит их добровольно поступить на военную службу. И пусть это зло будет распределено среди всей нации посредством равного налога для уплаты матросам.

Стр. 159. «Война сама по себе является большим злом, но она избирается, чтобы предотвратить еще большее зло. Практика насильственной вербовки является одним из несчастий, которые приносит война. Но принцип *закона, а также и правильной политики гласит, что личное несчастье должно переноситься с терпением, чтобы предотвратить национальное бедствие*».

Где же существует подобный принцип в законе и правильной политике? И как это может быть принципом, если это несовместимо со здравым смыслом? Если бы принцип гласил, что личные несчастья, которые предотвращают национальное бедствие, должны щедро компенсироваться целой нацией, тогда можно было бы его понять. Но то, что эти личные несчастья должны только переноситься с терпением, является абсурдом.

«А так как нет большего бедствия, которое может обрушиться на нас, чем быть слабыми и беззащитными на море в военное время, то я не думаю, чтобы мудрая нация до сих пор обнаружила *менее неудобный* метод обеспечения людьми нашего флота, чем насильственная вербовка, и в то же время столь же надежный и эффективный».

Менее неудобный для кого? Для богатых, которых следует обложить налогом. Для бедных матросов нельзя изобрести никакого *более* неудобного бедствия.

«Добровольная регистрация, которая была испробована при короле Вильгельме, не имела результата. И более поздние проекты, которые я видел, кажутся мне более неудобными для матросов и более несовместимыми с принципами свободы, чем практика насильственной вербовки; и, что еще хуже, они, по моему мнению, абсолютно неосуществимы».

Двадцать безрезультатных или неудобных проектов не могут оправдать одного, который является несправедливым.

Стр. 159. «Право короля на насильственную вербовку матросов основано на обычном праве».

Если насильственная вербовка матросов является обычным правом в Англии, значит там является законом рабство; и нет худшего рабства, чем то, в котором находятся матросы.

В том же месте: «Результат очевидной необходимости».

Вербовка не была бы необходимой, если бы была дана более высокая плата для насильственной вербовки в виде предшествующих постановлений.

Стр. 160. «Имеется много прецедентов. Одни — о реквизиции кораблей; другие — о вербовке матросов; третьи — и о реквизиции кораблей и о вербовке матросов. Этого обзора будет достаточно, чтобы понять природу этих прецедентов. И хотя передо мной сейчас не стоит вопрос о реквизиции кораблей, все же я не мог избежать упоминания о нем, так как многие прецеденты, с которыми я столкнулся и на которые я должен ссылаться, относятся к реквизициям кораблей так же, как к делу вербовки матросов. И взятые вместе они служат для того, чтобы показать, какую власть постоянно проявляет государство по отношению ко всем морским силам королевства, будь то корабли или матросы, когда этого требует государственная служба. Однако следует заметить, что ни один человек ни в каком случае не служит королю за свой собственный счет. Капитаны и матросы получают *полную плату*, а владельцам кораблей платят полную стоимость перевозок».

Полная плата. Вероятно, такая же, какую они получали в торговом флоте. Полная плата матроса во время войны —

это плата, которую он получает в торговом флоте в военное время. Но на королевских судах и половина этой платы не выдается насильственно завербованным матросам.

Стр. 173. «Разве эти вещи неоспоримо не предполагают целесообразность, необходимость и законность вербовки вообще? Если нет, то тогда нужно иметь такое мнение о действиях законодательной власти, какое я в данном случае не могу себе позволить высказать, поскольку *это было бы неприлично*».

Я рискну совершить подобное неприличие и позволю себе упомянуть об этом. Они нечестные люди; они поступают несправедливо с матросами (которые не имеют права голосовать или, находясь за границей, не могут воспользоваться этим правом, если они его имеют), чтобы спасти свои собственные кошельки и кошельки своих избирателей. Предшествующие парламенты поступали так же несправедливо по отношению к рабочему люду, который не имел сорока шиллингов дохода в год от земли; мошеннически лишив его права голосовать на выборах, они урезали его плату и заставили работать за ничтожное вознаграждение под страхом отправки в исправительные дома. Раздел 8, H, VI, гл. 7 и 8.

Стр. 174. «Я с готовностью допускаю, что насильственная вербовка является ограничением естественной свободы тех, кто подвергается этой вербовке. Но надо также допустить, с другой стороны, что любое ограничение естественной свободы не является ео nomine незаконным или совершенно несовместимым с принципами *гражданской* свободы. И если ограничение в какой бы то ни было степени является необходимым для богатства и благосостояния целого и подтверждено установленным законом, так же как применением с незапамятных времен, *то на него нельзя жаловаться иначе, как на личное несчастье, которое,* как я сказал в начале, *должно* при каких бы то ни было правительствах быть подчинено во избежание общественного беспокойства».

Я не вижу правильности этого «*должно*». Это личное несчастье является потерей свободы и заставляет большинство честных людей рисковать жизнью за половинную плату. Общественное беспокойство сводится только к более высокой оплате матросов. Тот, кто считает, что эта личная несправедливость *должна* быть совершена во избежание общественного беспокойства, возможно, понимает *закон*, но, повидимому, не тверд в понятии о *справедливости*. Попробуем применить эту авторскую доктрину к его собственному случаю. Для обслуживания общества существуют суды, и судьи назначаются для того, чтобы блюсти законы. Судьи должны быть воспитаны на законе и искусны в нем, но их высокое жалованье вызывает общественное *беспокойство*. Чтобы устранить это беспокойство, пусть будут изданы приказы о вербовке: арестовать и задержать лучших юристов и заставить их быть судьями за половинное жалованье вместо того, которое они обычно получали,

когда были адвокатами. Затем скажите им, что, хотя для них это личное несчастье, они *должны* подчиняться, чтобы избежать *общественного беспокойства*. Одобрит ли ученый судья такое использование своей доктрины?

Когда автор на стр. 158 говорит о насильственной вербовке — он, как только возможно, преуменьшает ее ужас, рассказывая об одном только матросе, переносящем, как он мягко выражается, тяжелые испытания в *исключительных случаях;* и он противопоставляет этому личному несчастью беспокойство для торговли королевства. Но если, как я полагаю, это часто случается, матрос, которого насильно завербовали и заставили служить для защиты этой торговли за 25 шиллингов в месяц, сможет иметь 3 фунта 15 шиллингов в торговом флоте, вы берете у него 50 шиллингов ежемесячно; и если у вас на службе 100 тысяч, вы обкрадываете эту честную часть общества и их бедные семьи на 250 тысяч фунтов ежемесячно, или на 3 миллиона в год, и в то же самое время заставляете их рисковать жизнью, сражаясь в защиту вашей торговли, в защиту которой действительно все (в том числе и матросы) должны вносить свой вклад соответственно получаемым от нее выгодам; но эти три миллиона больше, чем их доля, если они не заплатили своими жизнями; и когда вы поймете это, мне кажется вы должны простить остальное.

Но могут сказать, что если давать королевским матросам плату, которая существует в торговом флоте, то это будет очень дорого стоить для нации и повлечет за собой более высокие налоги. Вопрос тогда сводится к следующему: будет ли справедливо, если в обществе более богатые будут заставлять более бедных сражаться за них и их собственность за такую плату, которую они считают достаточной, и наказывать их, если они отказываются? Наш автор говорит нам, что это *законно*. Я недостаточно хорошо знаю законы, чтобы спорить с его авторитетом, но не могу убедить себя, что это *справедливо*. Однако я на этот раз признаю, что вербовка может быть законной, если это необходимо; но затем я утверждаю, что она может применяться так, чтобы была достигнута та же цель — *общественная безопасность*, без того чтобы совершать такую ужасную несправедливость, как проведение вербовки простых матросов. Чтобы меня лучше поняли, я предложу две вещи. Во-первых, добровольцы-матросы могли бы пойти на службу, если бы они достаточно оплачивались. Доказательством этому является следующее: чтобы служить на тех же кораблях и подвергаться тем же опасностям, вам не надо насильственно вербовать капитанов, старших лейтенантов, лейтенантов, мичманов, казначеев и других офицеров. Выгоды их должностей или ожидаемый заработок является достаточным побужде-

нием. Дело заключается в том, чтобы при вербовке найти достаточно денег, чтобы все матросы были добровольцами так же, как офицеры; и это без всяких дополнительных расходов для торговли. Второе мое предложение состоит в том, что 25 шиллингов в месяц с порцией солонины, свинины и горохового пюре, считающейся достаточной для поддержания существования матроса, занимающегося тяжелым трудом, скорее достаточно для ведущего сидячий образ жизни ученого или дворянина. Поэтому и предлагаю создать казну, откуда матросам будут выплачиваться деньги. Чтобы пополнить эту казну, я бы насильственно завербовал гражданских чиновников, которые в настоящее время имеют большое жалованье, и заставил бы их служить в тех же министерствах за 25 шиллингов в месяц на казенных харчах, а остальную часть их заработка передал бы в матросскую казну. Если бы мне было поручено выполнить подобный приказ, то первым, кого бы я завербовал, это главного судью города Бристоля или господина судью Фостера, потому что я нуждался бы в его поучительном личном примере, чтобы показать, как должна переноситься такая вербовка; конечно, он поймет, что, хотя снижение заработка до 25 шиллингов в месяц — это *личное несчастье*, все же соответственно принципу его *закона* и правильной политики *несчастье должно переноситься с терпением*, чтобы предотвратить национальное бедствие. Затем я бы завербовал остальных судей; а открыв «Красную Книгу», я бы завербовал каждого гражданского чиновника, находящегося на государственной службе, получающего в год от 50 до 50 тысяч фунтов; это дало бы огромную сумму в нашу казну; а эти джентльмены не могли бы жаловаться, так как они бы получали свои 25 шиллингов в месяц и питание, и это без обязанности сражаться. Наконец, я думаю, я бы насильственно завербовал короля и конфисковал его доходы; но по древнему предрассудку я чувствую расположение к этому титулу, и я бы разрешил ему получать плату капитана купеческого судна. Я не мог бы больше для него сделать потому, что, говоря по правде, я не совсем убежден в необходимости и полезности этой должности в Великобритании, так как я видел в мире много процветающих государств, хорошо и счастливо управляемых без нее.

Стр. 177. «Я смело утверждаю, что одни *древние прецеденты*, если они не поддержаны *современной практикой*, имеют очень малый вес для меня в такого рода вопросах».

Современная практика, поддержанная *древними прецедентами*, имеет для меня столь же малый вес. Как одно, так и другое показывают только, что конституция все еще не совершенна, если в таком общем деле не защищает свободу, а уничтожает

ее; а парламенты несправедливы и потворствуют угнетению бедных, тогда как богатые получают доходы от этого угнетения.

Стр. 179. «Я не прошу прощения за пространность моего довода, я надеюсь, что *важность* этого вопроса будет *достаточным* извинением для меня в этом отношении».

Автор не мог сделать свой довод короче. Потребовалось длинное рассуждение, чтобы пускать пыль в глаза здравому смыслу, спутать все наши представления о праве и несправедливости, сделать белое черным и худшее представить как лучшее мнение.

ЗАМЕЧАНИЯ

ПО ПОВОДУ НЕДАВНЕГО ПРОТЕСТА ПРОТИВ НАЗНАЧЕНИЯ ГОСПОДИНА ФРАНКЛИНА АГЕНТОМ ДЛЯ ПРОВИНЦИИ ПЕНСИЛЬВАНИИ

Обычно я отвечал молчаливым пренебрежением на *безымянные* ругательные статьи, написанные против меня; и, хотя этот документ, озаглавленный «Протест», подписан несколькими уважаемыми лицами, я все же был склонен так же пренебречь и им; но поскольку в нем бросается тень на законодательное собрание, поводом для чего послужил я, то было высказано мнение, что сделать по поводу него несколько замечаний является моим долгом.

Итак, я хотел бы в первую очередь заметить, что такой способ *протеста* меньшинства, выдвигающего ряд аргументов против поступков большинства Палаты собрания, является у нас совершенно новым; это второй случай такого рода, и оба они произошли на протяжении нескольких месяцев. Он неизвестен в практике палаты общин или любой Палаты представителей в Америке, о которой я слышал, и выглядит как аффектированное подражание палате лордов в парламенте, что отнюдь не подобает членам законодательного собрания Америки. Отсюда становится ясной абсурдность жалобы на то, что Палата отказалась занести этот протест в свои протоколы. Протестующие знают, что никакой обычай и никакие традиции не дают им права требовать этого и что такая практика здесь не только бесполезна сама по себе, но и была бы в высшей степени неудобна для Палаты, поскольку было бы вероятно сочтено необходимым, чтобы большинство также записало свои доводы и оправдалось перед своими избирателями; а это загромоздило бы протоколы и затруднило общественное дело. Это окажется особенно неуместным, если подобные протесты будут

использоваться как новая форма клеветы, как проводники личной вражды и как средство придать частной брани видимость санкционированного публичного акта. Ваш протест, джентльмены, был поэтому правильно отклонен; и, поскольку он не включен в материалы собрания, его можно рассмотреть более свободно.

Ваш первый довод против моего назначения заключается в том, что вы «считаете меня главным автором осуществленных последним собранием мероприятий, которые вызвали такое беспокойство и отчаяние среди добрых людей этой провинции». Я не буду оспаривать своего участия в этих мероприятиях; я надеюсь, что они со временем сделают честь всем, кто в них участвовал. Но вы, повидимому, ошибаетесь в последовательности событий. Именно беспокойство и отчаяние добрых людей провинции вызвали к жизни эти мероприятия; провинция была в смятении до того, как они были проведены, и они были проведены с целью предотвратить такое беспокойство и отчаяние в будущем. Сделайте еще один шаг назад, и вы убедитесь, что подлинной причиной всего нашего беспокойства и отчаяния была несправедливость со стороны владельца, поддерживавшаяся его фаворитами и креатурами.

Другой из ваших доводов состоит в том, что, «как нас информировали, некоторые из министров его величества весьма неблагоприятного обо мне мнения». Боюсь, джентльмены, что ваш информатор ошибается. Он, несомненно, приложил много стараний, чтобы создать обо мне неблагоприятное впечатление, и, возможно, льстит себя надеждой, что так много искреннего усердия не могло остаться совершенно безрезультатным. Его длительные успехи в подрыве или уничтожении репутации всех людей, стоящих у него на пути (что было его любимым наслаждением и постоянным занятием на протяжении всей его жизни), также могли дать ему некоторые справедливые основания для уверенности в том, что он, как они это называют, *убил* в числе других и меня. Но, как я уже сказал, я полагаю, что он ошибается. Ибо, что я сделал такого, чтобы министры могли быть обо мне неблагоприятного мнения? Причиной этому не может быть постоянное и неизменное содействие с моей стороны мероприятиям короны, продолжающееся с того самого времени, как я начал пользоваться каким-то влиянием в провинции. Не может, конечно, быть причиной и мое содействие переходу управления от владельца к королевскому правительству.

В самом деле, если бы своими речами и статьями я старался сделать правительство его величества повсеместно ненавистным в этой провинции, если бы я целыми неделями разглагольствовал с каждым встречным о мнимой несправедливости и притес-

нениях со стороны королевского правительства и рабстве находящегося под его властью народа; если бы я писал вероломные документы на эту тему и давал переводить их на другие языки, чтобы внушить живущим здесь иностранным подданным его величества эти отвратительные идеи о нем; если бы я заявлял, писал или печатал, имея в виду наши свободы, что «мизинец короля окажется для нас тяжелее всей поясницы владельца», тогда, несомненно, можно было бы предположить, что у министров сложилось обо мне неблагоприятное мнение. Но подобные действия не могут исходить от человека, который занимает выгодную должность на государственной службе и понимает, что сохранит ее до тех пор, пока будет проявлять ту преданность и чувство долга, какие подобают каждому верноподданному. Подобные действия подходят только чиновникам, которые назначаются владельцем и удерживают свои посты до тех пор, пока это будет угодно ему, а не королю; которые, распределяя между собой и своими родственниками должности, приносящие ежегодно благодаря покровительству владельца многотысячные доходы, *чувствуют*, кому им надлежит хранить верность. Хотел бы я, чтобы они были столь же хорошими подданными для его величества; быть может, они и смогут стать такими, когда владелец уже не будет больше этому мешать.

Другой ваш довод заключается в том, что «предложение меня на пост агента чрезвычайно неприятно для очень большого числа самых серьезных и почтенных жителей провинции; доказательством чему является то, что я был отвергнут на последних выборах, хотя я и представлял этот город в собрании на протяжении четырнадцати лет».

Не упрекают ли меня за это те из вас, джентльмены, которые получили едва ли на одно очко больше меня от почти четырех тысяч избирателей? В таком случае, повидимому, ваше избрание было весьма близко к отклонению и потому служит в отношении вас таким же доказательством, какое вы приводите в отношении меня, а именно свидетельствует, что вы также чрезвычайно неприятны весьма большому числу самых серьезных и почтенных людей. Не упрекаете ли меня за это вы, достопочтенный сэр, вы, который на протяжении почти четырнадцати лет дважды были отвергнуты (если *не быть избранным* означает *быть отвергнутым*) теми же самыми людьми и (оказавшись не в состоянии при всем вашем богатстве и связях и том влиянии, какое они вам дают, добиться избрания в том графстве, где вы живете, и в городе, где вы родились и где вас лучше всего знают) были вынуждены принять место в одном из внешних графств, самом отдаленном графстве провинции! Лицам, предложившим меня, известно, сэр, что я был в первый раз

выбран против моего желания и вопреки моим настоятельным просьбам позволить мне остаться частным лицом. Ни разу во всех четырнадцати выборах, о которых вы упоминаете, я не фигурировал в качестве кандидата. Я никогда, ни прямо, ни косвенно, не просил никого отдать мне свой голос. Шесть из тех лет, в течение которых я ежегодно избирался, я отсутствовал, живя в Англии; на протяжении всего этого периода вы не прекращали своих тайных и открытых нападок на мою репутацию и доброе имя; и тем не менее вы ничего не достигли. И можете ли вы, джентльмены, действительно усматривать повод для торжества в том, что я был *отвергнут*, как вы это называете? Минутное размышление о тех средствах, с помощью которых было достигнуто это торжество, должно заставить вас устыдиться его.

Для того чтобы ожесточить против меня людей, незнакомых с истинным положением вещей, была использована не только моя служба короне в деле улучшения работы почты, точно я увеличивал свои доходы, запуская руку в их карманы; само усердие, с которым я противодействовал убийцам и поддерживал авторитет правительства, даже моя гуманность по отношению к находящимся под нашим покровительством невинным индейцам были занесены в список моих преступлений, чтобы восстановить против меня религиозных ханжей — самых жестоких из всех дикарей. Добавьте сюда бесчисленное количество лжи, распространяемой под видом правды, и множество лжесвидетельств, полученных от несчастного сброда, который заставили поклясться в том, что он имеет право на голосование; и все же какое жалкое превосходство достигнуто такой дорогой ценой — ценой чести и совести! Может ли это, джентльмены, быть поводом для торжества? Наслаждайтесь же им в таком случае. Однако ваше ликование продолжалось недолго.

Ваши уловки, ваши двойные списки кандидатов, полные ящики поддельных избирательных бюллетеней не всюду достигли цели. Значительное большинство вновь избранного собрания составляют старые его члены, и они остаются неподкупными. Они попрежнему твердо стоят за народ и действительно добиваются справедливости от владельцев. Но какое значение это имеет для вас, поддерживающих интересы владельца? И какое утешение это может принести вам, когда из результатов проведенных собранием выборов агента оказывается, что все тот же ненавистный вам человек (несмотря на все ваши ядовитые инвективы против него) попрежнему сохраняет столь значительную долю общественного доверия?

Но «этот шаг, — говорите вы, — тем более вас огорчает, что он предпринят в момент, когда один из членов палаты информировал вас, что губернатор уведомил его о полученной

им от владельцев инструкции, предлагающей ему дать свое согласие на обложение их поместий налогом на равных основаниях с поместьями других лиц, а также утвердить для общественного пользования некоторые кварталы, на которые ранее претендовал город». О сила дружбы! О власть выгоды! Какую вежливость они вселяют в писателя и какие деликатные выражения они порождают!

Спор между владельцами и нами шел о доле, норме их налогообложения, а не о способе его; но сейчас, когда весь мир осуждает их за требование частичного освобождения их имений от налогообложения и они вынуждены подчиниться справедливому равенству, это называется «*согласиться* быть обложенным налогом на *равных* основаниях с другими людьми». Возвращение ими пяти общественных кварталов в черте города, которые они несправедливо и бесчестно захватили и оторгли от нас почти сорок лет тому назад (приказав своему землемеру планировать через них улицы так, чтобы превратить их в участки, а своим чиновникам — продать часть этих участков), это *возвращение ими нечестно присвоенного* мягко называют *утверждением* его для общественного пользования; а вместо недвусмысленных слов «прежде отданных городу первым владельцем, их отцом», мы имеем осторожное, красивое выражение «на которые ранее *претендовал* город». Да, не только *ранее*, но всегда претендовал, с того самого момента, когда они были обещаны и отданы для поощрения поселенцев; и всегда будет претендовать, до тех пор, пока мы фактически не станем их владельцами. Забавно, однако, видеть, как легко и нежно вы перескакиваете через эти вопросы, как будто ступаете по яйцам.

Но «*тот самый момент*», драгоценный момент! — почему же он так сильно задержался? Почему эти благотворные инструкции так долго скрывались и утаивались от народа? Кажется, они были привезены сюда господином Алленом. Различными лицами были получены сведения из Лондона, что владельцы послали сюда распоряжения, подававшие большие надежды на соглашение. Почему же так долго отрицалось существование и получение этих распоряжений? Причину этого легко понять. Господа Барклей, приятели как владельцев, так и народа, с радостью ожидали прибытия этого джентльмена, в надежде, что его влияние, добавленное к полномочиям и доверенности, которыми облекли его владельцы, окажется действенным в восстановлении среди нас согласия и спокойствия. Но он, кажется, надеялся, что сможет уладить дело при помощи одного своего влияния, без этих добавлений.

По его приезде наметились некоторые (обусловленные различными обстоятельствами) перспективы изменений в палате,

которые должны были произойти в результате приближающихся выборов. Приятели владельца и его креатуры знали чувства своего хозяина, знали, что ему чрезвычайно неприятно это равное налогообложение, это возвращение кварталов и другие уступки, которые предстояло сделать ради примирения. Поэтому они надеялись избавить его от всех этих огорчений и тем самым обеспечить себе в еще большей степени его покровительство. Поэтому инструкции не были предъявлены последнему собранию, хотя они прибыли до сентябрьской сессии, когда губернатор находился в городе и фактически вел дела с Палатой. Не были они сообщены также и новому собранию до «*того самого момента*», — рокового момента! — когда Палата была готова избрать этого зловредного противника владельца на должность агента для провинции в Англии.

Но я питаю, говорите вы, «неизменную неприязнь к владельцам», и «вы считаете, что она помешает всякому урегулированию наших споров с ними, даже на справедливых и разумных условиях». Но почему же вы думаете, что я питаю неизменную неприязнь к владельцам? Я никогда не имел с ними никаких личных столкновений. Я не спекулянт земельными участками и поэтому никогда не имел никаких дел с их земельным управлением или чиновниками; если бы мне приходилось иметь с ними дело, то, быть может, я был бы вынужден, подобно другим, трусливо подчиниться их мероприятиям или имел бы такие же причины для жалоб. Но наши личные интересы никогда не сталкивались, и все их недовольство мной и мое ими происходит из-за общественных интересов. Пусть они проявят справедливость по отношению к населению Пенсильвании, поступают достойно по отношению к гражданам Филадельфии и станут честными людьми; моя неприязнь, если это имеет какое-то значение, прекратится с «*того самого момента*», и я обещаю так скоро, как только смогу, любить, почитать и уважать их.

Но пока этого не произошло, почему вы «считаете, что это помешает всякому урегулированию с ними на справедливых и разумных условиях?» Разве вы не хвастаетесь, что они оказывают милостивую снисходительность губернатору и что «если бы это было обычное время для ведения дел, его честь упомянул бы их в своем послании к Палате». Каким же образом в таком случае мой отъезд в Англию может помешать этому урегулированию? Губернатор может созывать Палату, когда ему будет угодно; и можно было бы подумать, что, по крайней мере по вашему мнению, мое отсутствие явилось бы благоприятным обстоятельством. Ибо тогда, «пользуясь проявленным владельцами расположением, можно было бы добиться удовлетворения всех разумных требований, которые могли бы быть предъявлены населением; ведь вы обещаете энергично настаивать на этом и

с этой целью более серьезно объединиться с остальной частью Палаты». Следовательно, мы, повидимому, предъявляем «разумные» и — как вы называете их несколько выше — *справедливые требования.* Признать это — большое дело для фаворитов владельца; но все вы становитесь лучше в подражание вашему господину, что, несомненно, весьма похвально. И если бы урегулирование здесь провалилось, то я надеюсь, что, хоть вы и не долюбливаете ту особу, которую большинство Палаты в соотношении двух к одному сочло нужным назначить агентом, тем не менее, во исполнение вашего долга перед родиной, вы будете придерживаться своего благородного решения объединиться с остальной частью Палаты, чтобы энергично настаивать на том равенстве и справедливости, которых, несомненно, добьется для нас подобный союз.

Я обхожу выдвинутое против собрания тривиальное обвинение в том, что «перейдя к этому назначению без предварительного небольшого перерыва, оно проявило излишнюю поспешность» и т. д., а также ваши притворные опасения риска, связанного с такой поспешностью. Необходимость быстроты действия в этом случае так же очевидна для каждого за стенами собрания, как и для тех, кто присутствовал на нем; и я полагаю, что упоминаемые вами опасения не столь серьезны, чтобы они могли потревожить ваш покой.

Итак я подхожу к вашему *главному* обвинению против меня, — в том, «что до этого я рискнул вопреки постановлению собрания поместить общественные деньги в ценные бумаги, в результате чего эта провинция потерпела убыток в 6 тысяч фунтов», и что эта сумма вместе с 5 тысячами фунтов, ассигнованными на мои расходы, доводит общую стоимость моего предыдущего путешествия в Англию до *11 тысяч фунтов!* Как мудро была придумана та формула в наших законах, которая в тех случаях, когда в суде решается жизнь человека, требует, чтобы свидетели говорили *правду, всю правду* и *одну только правду!* Причина очевидна. Ложь может погубить невинного; то же может сделать и частичная правда, при умолчании всей правды; столь же пагубной может оказаться смесь правды и лжи. Вы, господин верховный судья, и другие судьи из числа подписавших протест, а также, вы, сэр, являющийся юридическим советником — все вы должны быть хорошо знакомы с этой превосходной формулой, и когда вы перед собранием, а сейчас в почтенном общественном трибунале посягнули на мою репутацию (которая мне дороже жизни), то не подобало ли вашим милостям проявить какое-то уважение хотя бы к духу этой формулы?

Вы могли бы упомянуть, что распоряжение поместить деньги в банк с последующей выдачей их по чекам доверенных членов

правления здешнего заемного банка было невыполнимым; что банк отказался взять их на этих условиях, поскольку принятие денег, подлежащих выдаче по приказам неизвестных людей, живущих в отдаленных странах, противоречило их твердым правилам. Вы могли бы упомянуть, что Палата, будучи об этом информирована и не имея срочной нужды в деньгах, сама одобрила помещение их в ценных бумагах, курс которых был тогда низким; в условиях мира они могли бы принести, таким образом, значительный доход, а тем временем накапливать проценты. Вы могли бы упомянуть, что Палата даже приняла билль, предписывающий помещать дальнейшие суммы, ассигнуемые парламентом, вместе с этими деньгами; что это мероприятие было благоразумным и безопасным; и что убыток явился не следствием помещения денег *в* ценные бумаги, а результатом неосторожного и не являвшегося необходимым *снятия их* в то самое время, когда они были на самом низком курсе, в связи с некоторыми туманными слухами о заключении мира; что если бы собрание оставило их лежать еще один год, то вместо убытка оно выиграло бы *6 тысяч фунтов;* и что в конце концов, поскольку курс, по которому доверенные собрания продали свои бумаги, был тогда, когда они брали деньги, почти на 20 процентов выше, чем когда они купили бумаги, убыток был далеко не столь велик, как вы его изображаете.

Все это вы могли бы сказать; ибо это представляет собой — и вы знаете, что это так, — *часть всей правды;* но это испортило бы ваше обвинение. Бывший спикер вашей почтенной Палаты, господин Норрис (у которого, думаю, сохранились все мои письма к нему и копии его писем ко мне, касающиеся этой операции) может удостоверить, как честно и четко я провел все это дело. Это понимала вся Палата, которая время от времени получала полную информацию о фактах. Если я вел игру на бирже на общественные деньги и какая-то сумма была потеряна по моей вине, как старается инсинуировать ваш протест, почему же я по возвращении не подвергся порицанию и наказанию за это? Вы, почтенный сэр (мой враг на протяжении семи лет), были тогда в Палате. Вы были назначены в комиссию для рассмотрения моих счетов; вы доложили, что нашли их правильными, и подписали этот доклад.

Я никогда не искал должности агента; у меня не было никакой договоренности о моей будущей службе, когда собрание направило меня в Англию; оно также не вотировало мне никакого жалованья. Я жил там почти шесть лет на собственные средства и не предъявил никаких счетов или требований, когда вернулся домой. Именно вы, сэр, в качестве члена Палаты предложили (что делает честь Палате и свидетельствует о ее справедливости), чтобы мне была выдана компенсация в 5 тысяч

фунтов, о которой вы упоминаете. Не было ли это сделано с намерением впоследствии публично попрекнуть меня за то, что я ее принял. Я тогда поблагодарил за это Палату, и сейчас благодарю вас за то, что вы это предложили; хотя вы, который жили в Англии, легко можете понять, что моих расходов не возместила бы и еще одна тысяча фунтов, не говоря уже о том ущербе, какой нанесло мое отсутствие моим частным делам.

Вотированные деньги были мне немедленно выплачены. Но если я причинил провинции убыток в 6 тысяч фунтов, то здесь представился прекрасный случай легко спасти бо́льшую часть этой суммы. Почему не были удержаны эти 5 тысяч фунтов и не было востребовано остальное? Причина заключается в том, что тогда это обвинение еще не было сфабриковано. Разрешите мне добавить: допустим, что все 11 тысяч фунтов явились расходом, вызванным моей поездкой в Англию; тем не менее установленный сейчас налог на имение владельца, если оценить доход, который он будет приносить ежегодно в течение ряда лет, со временем принесет общественности выгоду, значительно превышающую этот расход. И если в настоящее время этот расход является бременем, то ответственность за него должна бы лежать на тех, кто своей несправедливостью сделал эту поездку необходимой, а не на мне, который, предпринимая ее, только подчинялся приказам Палаты.

Сейчас я должен проститься (быть может в последний раз) со страной, которую я люблю и в которой провел большую часть своей жизни. Esto perpetua. Желаю друзьям моим всяческого благополучия; и прощаю моим врагам.

В. Франклин

Филадельфия, 5 ноября 1764 г.

ЗАМЕЧАНИЯ

ПО ПОВОДУ ОСОБОГО БИЛЛЯ О МИЛИЦИИ, ОТКЛОНЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ВЛАДЕЛЬЦА ИЛИ ГУБЕРНАТОРОМ

К свободным жителям (фрименам) Пенсильвании

Филадельфия, 28 сентября 1764 года.

Джентльмены,

Ваше желание узнать, каким образом случилось, что на последнем собрании билль о милиции провалился, будет немедленно удовлетворено.

Поскольку губернатор упорно настаивал на законе о милиции для обеспечения внутреннего мира в провинции, а население этой страны непривычно к службе в милиции, Палата, чтобы сделать эту службу более приемлемой для фригольдеров, сформулировала билль так, чтобы последние могли принимать некоторое участие в избрании офицеров, дабы им не оказаться в подчинении у абсолютно посторонних людей или лиц вообще неприятных.

Это участие выражалось всего лишь в том, что каждая рота должна была выбрать и рекомендовать губернатору по три лица для каждой должности капитана, лейтенанта и прапорщика; *из этих троих* губернатор должен был присвоить офицерское звание *одному,* которого он счел бы наиболее подходящим, или которого ему было бы угодно удостоить этого звания. Капитаны, лейтенанты и прапорщики, произведенные таким образом губернатором, должны были соответственно выбрать в своих полках и рекомендовать губернатору по три лица для каждой должности полковника и майора; из этих трех лиц губернатор должен был назначить *одного,* кого ему будет угодно, на каждую из указанных должностей.

Поправка губернатора к биллю в этом вопросе заключалась в том, чтобы совершенно изъять из него эту привилегию для населения и присвоить себе исключительное право назначения всех офицеров.

Следующая поправка была направлена на отягчение и повышение всех штрафов. Штраф, который собрание установило в 100 фунтов стерлингов и который оно считало достаточно тяжелым, губернатор потребовал увеличить до 300 фунтов. Установленную собранием сумму в 50 фунтов он потребовал повысить до 150. Это были штрафы, налагаемые на офицеров за неповиновение его приказам; что же касается унтер-офицеров и рядовых, которых собрание предложило штрафовать за ту же провинность на 10 фунтов, то он настаивал, чтобы их штрафовали на 50 фунтов.

Эти штрафы и некоторые другие, о которых будет сказано ниже, собрание сочло разорительно высокими. Но когда следующей поправкой губернатор захотел лишить членов милиции права на разбирательство совершаемых ими преступлений *судом присяжных* в обычных судах и потребовал, чтобы они были подсудны военному суду, состоящему из офицеров, которые назначались бы исключительно им самим и имели бы полномочие приговаривать даже к смерти, Палата никак не могла согласиться отдать, таким образом, свободу, имущество и самую жизнь своих избирателей на абсолютный произвол губернатора-владельца, и билль провалился.

Чтобы вы были уверены в том, что я не представляю этого дела в ложном свете, приведу последнюю из упомянутых мной так называемых поправок в полном ее объеме и позволю себе апеллировать к господину секретарю Шиппену в отношении правильности и точности моей копии.

Слова на стр. 43 билля гласили: «Каждое такое лицо, совершающее подобное преступление, будучи в законном порядке признано виновным в нем...» и т. д. Под словами «*в законном порядке признано виновным*» имелось в виду осуждение после законного судебного разбирательства обычным порядком по законам страны. Но губернатор потребовал, чтобы непосредственно за словами «признано виновным в нем» следовало такое добавление: «военным судом, было приговорено *к смерти* или другому наказанию, каковое такой суд сочтет подобающим наложить на него и объявить своим приговором или решением. И, далее, вышеупомянутой инструкцией должно быть предписано, чтобы тогда и так часто, как это окажется необходимым, губернатор и главнокомандующий, которые будут в то время занимать эти посты, назначали шестнадцать офицеров в каждом полку и выдавали им патент, скрепленный государственной печатью этой провинции, уполномочивающий их и дающий им или любым тринадцати из них право проводить военные суды, в которых всегда должен принимать участие и быть заседателем указанного суда штаб-офицер; такие военные суды должны и настоящим уполномочиваются приводить к присяге любого

свидетеля, вызванного на допрос или судебное разбирательство по любому из преступлений, которые настоящий закон делает подсудными таким судам и которые будут в них рассматриваться. При всех разбирательствах в военных судах, происходящих во исполнение этого закона, каждый присутствующий на таком разбирательстве офицер, до того, как будет приступлено к судопроизводству, должен дать *присягу* на святом евангелии перед мировым судьей того графства, где происходит суд; мировые же судьи настоящим уполномочиваются приводить к присяге в следующих выражениях, т. е. говорить: «Я, имярек, клянусь, что буду должным образом отправлять правосудие, в соответствии со свидетельскими показаниями и указаниями закона, озаглавленного: «*Закон о формировании и управлении милицией провинции Пенсильвании*», не проявляя пристрастности, благосклонности или привязанности; и что я не разглашу приговора суда, прежде чем он будет утвержден губернатором или главнокомандующим провинции, которые будут в то время занимать эти посты; а также что ни в каком случае и ни в какое время не разоблачу и *не открою голосования или мнения* какого бы то ни было члена военного суда. Да поможет мне в этом бог». И никакой смертный приговор или другой приговор не будут вынесены правонарушителю иначе, как с согласия *девяти* присягнувших таким образом офицеров. И ни один приговор, вынесенный таким военным судом любому правонарушителю, не будет приведен в исполнение до тех пор, пока все материалы суда не будут доложены губернатору или главнокомандующему этой провинции, занимающему в данное время этот пост, и пока не будут объявлены его указания по ним».

Здесь можно заметить, что в соответствии с обычной судебной процедурой человек должен быть судим судом присяжных из числа своих соседей и товарищей по списку, составляемому шерифом, в избрании которого участвует население. Заключенный также имеет право отвести двадцать человек из этого списка, не указывая причин отвода, и еще столько лиц, в отношении скольких он сможет привести такие причины; и, прежде чем он может быть осужден, присяжные должны достичь единодушия: они все должны согласиться, что он виновен, и поэтому все они ответственны за свое решение. Но по этой поправке все присяжные заседатели (если можно их так назвать) являются офицерами, назначаемыми исключительно одним только губернатором, и ни один из них не может быть отведен; и хотя перед судом предстанет рядовой солдат милиции, в составе суда присяжных не будет ни одного рядового солдата милиции; а для того чтобы осудить вас, не только не потребуется общего согласия, но достаточно будет простого боль-

шинства. Во избежание же того, чтобы это большинство не почувствовало себя несвободным в своем решении или стесненным, опасаясь того, что̀ могут подумать или сказать люди о строгости или несправедливости их приговора, с них должна браться клятва никогда не открывать голосования или мнения любого отдельного члена этого суда.

Таковы некоторые из тех цепей, которые пытается выковать для нас клика владельца! Нетрудно понять, кто был советчиком губернатора в этом деле. Это те самые люди, которые шумно требуют сейчас в собрании постановления о перенесении в это графство разбирательства судебного дела об известном убийстве, поскольку в том графстве, где оно подлежит разбирательству, сочли небезопасным для кого бы то ни было выступать как присяжным, так и свидетелем; это те люди, которые называют это лишением народа его гражданских прав и которые горланят сейчас о конституции, делая вид, что очень заботятся о ваших свободах. Отказывая вам в малейшем средстве для рекомендации тех лиц, которые будут поставлены над вами в качестве офицеров и тем самым станут судьями над вашей жизнью и имуществом; не давая вам возможности выразить ваше уважение к таким лицам, эти люди пренебрегли примером короля, нашего мудрого и в то же время доброго господина, указывавшего во всех своих обращениях к колониям, в запросах о наборе войск для их защиты, что, для того «чтобы наилучшим образом облегчить эту важную службу, офицерские звания должны присваиваться тем, кто в силу авторитета и доверия, которыми он пользуется у народа, наиболее способен осуществить набор рекрутов». При учреждении милиции для защиты провинций каким способом можно было бы лучше всего обнаружить, кто пользуется «авторитетом и доверием» у народа, как не способом, указанным в этом билле, а именно, чтобы большинство тех, кто должен будет находиться под их командованием, назвало бы губернатору трех лиц для каждой должности, а он мог бы выбрать из этих трех того, который понравится ему больше других?

Теперь, когда военные суды учреждены, и все мы, таким образом, отданы под абсолютную власть господина губернатора, он принимается за повышение штрафов и взысканий. Так, на стр. 49 билля, там, где собрание предложило штраф в десять шиллингов, губернатор потребовал, чтобы этот штраф составлял десять фунтов. На стр. 50, где упоминается штраф в пять фунтов, поправка губернатора потребовала, чтобы он составлял пятьдесят фунтов. А на стр. 44, где собрание сказало: «должен уплатить штраф и внести сумму, не превышающую пять фунтов», поправка губернатора гласит: «Должен быть приговорен *к смерти* или такому другому наказанию, которое будет нало-

жено в соответствии с характером преступления приговором военного суда».

Отказ собрания признать эти поправки к биллю представляет собой одно из его преступлений против лорда-собственника, за что эта клика ругает теперь членов собрания на обоих языках провинции [1] со всем ядом, который может быть продиктован этой почтенной злобой, подкрепленной бесчисленным количеством самой отъявленной лжи, какую только могут позволить себе измыслить самые бесчестные и подлые люди и поверить в которую могут лишь наиболее слабые и легковерные.

Веритас

ЗАМЕЧАНИЯ

ПО ПЛАНУ БУДУЩЕГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ ИНДЕЙЦЕВ

Предлагаемые в этом плане правила кажутся мне в целом очень хорошими; но некоторые из них, повидимому, нуждаются в объяснении или дальнейшем обсуждении.

Статья 3. Имеется ли в виду посредством этой статьи воспрепятствовать торговле, которую живущие вблизи границ индейцы могут пожелать вести с населением, принося в поселки шкуры убитых ими зверей? Воспрепятствовать этому едва ли удастся, потому что такая торговля может производиться во многих местах, находящихся вне сферы наблюдения правительства, поскольку граница имеет большую протяженность, а колонисты живут в небольших поселках в лесах, на значительном расстоянии друг от друга. Индейцы также не везде живут в стойбищах, достаточно густо населенных, чтобы торговцы пожелали селиться среди них; обычно они селятся отдельными семьями, разбросанными здесь и там и часто меняющими свое местожительство в поисках лучшей охоты, и тем из них, которые живут поблизости от английских поселений, покажется очень несправедливым, если они будут вынуждены носить шкуры убитых ими зверей на продажу в отдаленные города или посты, когда они могли бы продать их своим соседям с меньшим беспокойством и большей выгодой, поскольку в таких отдаленных постах товары, в которых они сами нуждаются, стоят и должны стоить дороже.

Статья 4. Колониальные «законы для регламентации индейских дел или торговли» являются плодом долголетнего опыта живущих на месте людей, заинтересованных в том, чтобы делать добро индейцам; и было бы хорошо тщательно продумать

этот вопрос, прежде чем они будут отменены и заменены новыми и непроверенными планами.

Кем они должны быть отменены? Колониальными собраниями или парламентом? Здесь возникнут некоторые трудности.

Статья 13. Округа кажутся для этого слишком крупными. Согласно этому плану, селения индейцев, находящиеся в ведении северного инспектора, граничат с колониями Новая Шотландия, Квебек, Нью-Гемпшир, Массачузетс, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мериленд, Виргиния; местопребывание инспектора, отдаленное от многих из этих колоний, может причинить большие неудобства, если во всех таких случаях требуется его согласие.

Статья 14. Это, повидимому, предусматривает слишком большую работу, если принять во внимание обширность района. Если бы количество округов было больше и они были бы менее обширны, то осуществить такое мероприятие было бы легче.

Статьи 15 и 16. Будет ли этим агентам или комиссарам предоставлено право выносить смертные приговоры? Не будет ли целесообразнее отправлять преступников для предания суду в какую-нибудь благоустроенную, цивилизованную провинцию или колонию, где можно найти хороших присяжных?

Статья 18. «Вождь для всего племени, который будет иметь постоянную резиденцию вместе с комиссаром», и т. д. В таком случае следует позаботиться о его содержании, ибо индейцы не имеют имущества, а живут охотой; и их народ не имеет запасов или доходов. Поскольку они привыкли к бродячему образу жизни, быть может, не легко будет найти среди них такого, которого удалось бы принудить жить в постоянной резиденции; однако такую попытку можно сделать.

Статья 22. Если агент и его заместители и комиссары не должны заниматься торговлей, то не следует ли включить в их присягу обязательство не заниматься такой торговлей ни прямо, ни косвенно? Следует принять меры против частных соглашений между ними и торговцами о дележе прибылей; такие же меры должны быть приняты для предотвращения, если это возможно, частных соглашений между ними и покупателями индейских земель.

Статья 31. «...или торговать в каком-либо другом посту» и т. д. Это должно быть выражено так, чтобы заставить хозяина отвечать за преступление слуги; в противном случае это не будет иметь эффекта.

Статья 33. Боюсь, что установление тарифов будет трудным делом. Могут существовать такие различия в тонкости, добротности и ценности товаров различных торговцев, которые не могут быть надлежащим образом предусмотрены общими

тарифами. К тому же вмешательство правительства в установление цен на товары кажется противоречащим природе торговли. Торговля является добровольным делом между покупателем и продавцом; в отношении каждого товара каждый из них имеет свое собственное суждение и должен поступать, как ему нравится. Допустим, что либо индеец, либо торговец будет недоволен тарифом и откажется вести меновую торговлю на этих условиях; следует ли принуждать отказывающихся к подчинению тарифу? Если нет, то почему надо запрещать индейцам брать за свои шкуры больше товаров, чем предусматривает ваш тариф, если торговец готов дать их, или запрещать торговцу брать больше шкур за свои товары, если индеец согласен отдать их? Там, где имеется много торговцев, желание каждого отдельного из них приобрести больше клиентов приведет к установлению разумных цен на их товары. Поэтому мне кажется, что сама торговля лучше всего определит и установит свои собственные тарифы и что правительству нецелесообразно вмешиваться в это дело, если только оно не возьмет всю торговлю в свои руки (как оно это делает в некоторых колониях) и не будет вести ее через своих собственных служащих на собственный риск.

Статья 38. Боюсь, что если индейцы не смогут доставать ром у честных торговцев, то это окажется верным средством для того, чтобы свести на нет все те правила, которые предписывают, чтобы торговля велась на определенных постах. Провинции и леса столь обширны, что едва ли возможно охранять каждую их часть так, чтобы помешать торговцам, не имеющим лицензий, привлекать к себе индейцев и сосредоточивать в своих руках торговлю с помощью рома и других спиртных напитков, столь излюбленных всеми дикарями. Думаю, что они предпочтут торговать там, где смогут получать ром, чем в тех местах, где им будет в нем отказано; поэтому предполагаемое запрещение продажи спиртных напитков послужит серьезным поощрением для нелегальных торговцев и будет содействовать такой торговле. Если комиссары или чиновники на постах смогут помешать продаже рома во время меновой торговли другими товарами, пока индейцы не соберутся уходить, то, быть может, это и будет единственно осуществимым и необходимым мероприятием. Одной из задач миссионеров будет стараться убедить их жить в трезвости и избегать пьянства.

Статья 39. В отношении кредита торговля с индейцами до сих пор целиком основывалась на честности. У них нет таких вещей, как тюрьмы или тюремное заключение за долги. Эта статья как будто подразумевает, что индеец может быть принужден законом уплатить долг в 50 шиллингов или ниже. Наш легальный метод принуждения состоит в тюремном заключении.

Индейцы не могут и не будут заключать друг друга в тюрьму, если же это попытаемся делать мы, то боюсь, что это не понравится их племенам и явится причиной конфликтов. Они имеют столь высокие представления о ценности личной свободы и столь пренебрежительные — о ценности личного имущества, что диспропорция между свободой человека и его долгом в несколько шиллингов покажется им чудовищной и они сочтут, что лишать человека свободы из-за неуплаты какого-то должка чрезвычайно несоразмерно и несправедливо. Поэтому мне кажется, что лучше оставить это дело на нынешних основах; долги по 50 шиллингов не подлежат возвращению силой закона, как это предлагает настоящая статья для долгов свыше 50 шиллингов. Долги чести обычно выплачиваются так же добросовестно, как и другие долги. Там, где не может быть применено принуждение, нечестность становится еще более позорной. Если торговец сочтет, что рискует слишком многим, доверяя такому-то индейцу, то он либо не будет этого делать, либо соразмерит свою цену с этим риском.

Статья 44. Поскольку все товары для торговли с индейцами идут из Англии, а меха отправляются главным образом в Англию, то, быть может, будет лучше налагать пошлину на вывоз одних и ввоз других здесь (в Англии), чтобы избежать возни с вопросом о праве здешнего парламента налагать пошлины в Америке.

Если будет сочтено нужным провести в жизнь ту часть настоящего плана, которая касается торговли, то не целесообразно ли было бы испробовать ее сначала на небольшом числе постов, на которые не распространяются колониальные законы, регулирующие торговлю с индейцами? В таком случае можно будет на опыте удостовериться в ее полезности или выявить и исправить ее недостатки, прежде чем действие ее будет распространено на всю торговлю в целом и существующие законы будут отменены, чтобы уступить место новому плану. Если индейцы убедятся на опыте, что в их торговле на постах, где действуют эти правила, с ними обходятся лучше, чем в других местах, то не заставит ли это их пожелать, чтобы правила были распространены и на другие места? А когда это будет сделано, то не будут ли они по размышлении и в результате сопоставления этих правил с прежними более ими удовлетворены?

ПИСЬМО
КАСАТЕЛЬНО БЛАГОДАРНОСТИ АМЕРИКИ,

А ТАКЖЕ ВЕРОЯТНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЙ СОЮЗА С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ; ОБ ОТМЕНЕ ИЛИ ОТСРОЧКЕ ЗАКОНА О ГЕРБОВОМ СБОРЕ

[Лондон], 6 января 1766 года.

Сэр,

я внимательно изучил документ, который Вы мне прислали, и полагаю, что предлагаемое в нем мероприятие — союз с колониями, является благоразумным; но, боюсь, что здесь едва ли согласятся с этим мнением, пока не станет слишком поздно пытаться это осуществить. Было время, когда колонии сочли бы за большое преимущество и честь, если бы им было позволено посылать своих представителей в парламент, и просили бы этой привилегии, если бы имели малейшую надежду получить ее. Сейчас настало время, когда они безразличны к этому, — и, вероятно, не будут об этом просить, хотя, быть может, и согласились бы, будь это им предложено; и придет время, когда они, несомненно, от этого откажутся. Но если бы такой союз был сейчас учрежден (а учредить его, думается мне, для нашей страны чрезвычайно важно), он, вероятно, существовал бы до тех пор, пока Англия будет существовать как нация. Народ Великобритании, однако, слишком горд и слишком сильно презирает американцев, чтобы смириться с мыслью о допущении их до такого равноправного участия в управлении империей.

Лучшее, что остается в таком случае сделать, это предоставить американцам спокойно пользоваться своими конституциями; а когда понадобятся деньги для какой-нибудь государственной службы, в которой американцам надлежит нести свою часть, — обращаться к колонистам с письменными запросами от имени короны (в соответствии с издавна установившимся обычаем) о вотировании такой помощи, какую продиктует им их лояльность и позволят их возможности. Весьма

разумный и благожелательный автор этого документа, повидимому, не знал, что в Америке существует и до сего времени всегда практиковался такой конституционный обычай, иначе он не выразился бы следующим образом: «для умного и беспристрастного человека очевидно и несомненно, что после экстраординарных усилий, успешно совершенных Великобританией в ходе последней войны для того, чтобы спасти колонистов от уничтожения, и в результате этого по необходимости сопровождавшихся огромным бременем долгов, следует как-то побудить названных колонистов, теперь надежно гарантированных от чужеземных врагов, внести со своей стороны некоторый вклад для удовлетворения насущных потребностей государства в будущем». Это выглядит так, как если бы он представлял себе, что война велась исключительно за счет одной Великобритании, а колонии только пожинали плоды, не разделяя до сих пор ее бремени, и поэтому сейчас обязаны Англии в этом отношении. Это та самая аргументация, которая используется теми, кто желает предъявить колониям тяжелое обвинение в неразумности и неблагодарности, что, думаю, не входило в намерения Вашего друга.

Сообщите же ему, пожалуйста, что дело обстоит не так; что ежегодно на протяжении войны короной предъявлялись к колониям запросы о сборе денег и вербовке солдат; что они совершили более экстраординарные усилия соответственно своим возможностям, чем Англия; что в течение пяти или шести лет они набрали, оплатили и одели около 25 тысяч человек, не говоря о других повинностях, как например, строительство фортов, снаряжение сторожевых судов, оплата транспортов и т. д. Такой их вклад даже превысил их справедливую долю; и это — не просто мое личное мнение; таково также и суждение английского правительства, полностью осведомленного обо всех фактах; ибо тогдашнее министерство, чтобы сделать бремя более равномерным, представило это дело на рассмотрение парламента и добилось возмещения американцам около 200 тысяч фунтов стерлингов ежегодно, что составило всего около двух пятых их издержек; значительная часть остальной суммы все еще лежит на американцах грузом долга, и хотя колониальные собрания своими законами и облагают их имущество, движимое и недвижимое, тяжелыми налогами, чтобы расплатиться с этим долгом, они тем не менее не рассчитаются с ним еще много лет.

Итак, пока продолжают существовать эти тяготы; пока Англия стесняет колонии в каждой отрасли торговли и мануфактур, которые, по ее мнению, мешают ее собственным; пока она истощает колонии своей торговлей с ними, вытягивая у них все наличные деньги, которые они могут добыть каким бы то

ни было ремеслом и кустарной промышленностью в какой бы то ни было части мира, и тем самым держит их постоянно у себя в долгу (ибо они не могут издать никакого закона, препятствующего ввозу ваших разорительных для *них* предметов роскоши, как это делаете *вы* в отношении французских предметов роскоши, поскольку подобный закон был бы немедленно опротестован вашим министерством торговли и отменен короной); повторяю, пока такое положение остается в силе и пока существует установившийся метод королевских запросов о сборе с них денег их собственными собраниями при всяком подходящем случае, будет ли необходимо или благоразумно приводить их в отчаяние и досаждать им налогами, устанавливаемыми здесь, в парламенте, где они не имеют представителя, и в такой форме, которую они считают неконституционной и губительной для самых ценных их прав? И можно ли считать их неразумными и неблагодарными, если они протестуют против таких налогов?

Чем же, говорят они, покажем мы свою верность нашему милостивому королю, если наши деньги будут отдавать ему другие, не спрашивая нашего согласия? И если парламент имеет право отбирать у нас таким образом по одному пенни из каждого фунта, то где же предел этому праву и что может помешать им потребовать, когда им заблагорассудится, остальные 19 шиллингов и 11 пенсов? Так имеем ли мы что-нибудь, что мы можем назвать своим? Более чем вероятно, что если бы представители колоний приглашались сюда, чтобы заседать и действовать в качестве членов парламента, эта мера, способствующая объединению и укреплению ваших владений, в короткий срок устранила бы указанные возражения и трудности и облегчила бы управление колониями в будущем; но до тех пор, пока что-нибудь в этом роде не будет сделано, боюсь, что никакие налоги, устанавливаемые для них отсюда английским парламентом, никогда не будут собраны, разве что они будут запятнаны кровью; и я уверен, что доходы с таких налогов никогда не окупят расходов по их сбору, и что уважение и любовь американцев к нашей стране будут полностью утрачены в этой борьбе и, может быть, никогда уже больше не возродятся, а тем самым будут уничтожены и все торговые и политические выгоды, которые могли бы сопутствовать этому уважению и этой любви.

По моему личному суждению, лучшей мерой для Англии была бы немедленная отмена закона о гербовом сборе, отсрочка же его на три года — лучшей мерой для Америки. Отмена его исполнила бы ее население чувствами радости и благодарности, восстановила бы их уважение и почтение к парламенту, сразу же возродила бы их прежнюю естественную любовь к нашей

стране и их расположение ко всему, что исходит из нее; в связи с этим была бы возобновлена торговля во всех ее отраслях; они снова стали бы позволять себе все дорогие предметы роскоши, которыми вы их снабжаете, а их собственная вновь испеченная отечественная промышленность постепенно бы угасла. Но отсрочка этого закона на три года, хоть она быть может и не положила бы конец их опасениям и тревогам, в то же самое время поддержала бы их решимость к прилежанию и экономии; через два или три года эти качества стали бы для них привычкой, к их постоянной выгоде. Однако, поскольку об отмене сейчас, вероятно, договориться не удастся из-за того, что я считаю ошибочным мнением, а именно — что честь и достоинство правительства будут лучше соблюдены, если будет отстаиваться неправильное мероприятие, которое уже начато, чем если ошибка будет исправлена, как только она обнаружена, то мы должны допустить, что лучшим из всех других выходов, выгодным для обеих стран, является отсрочка; ибо что касается проведения закона в жизнь силой, то это безумие и будет гибельно для империи.

Остальная часть рассуждений и предложений Вашего друга кажется мне поистине правильной и разумной. Поэтому я только добавлю, что мне столь же желательно познакомиться и сблизиться с ним, как ему было желательно узнать мое мнение.

Остаюсь с глубоким уважением,
Ваш обязанный Вам друг,

В. Франклин.

О ЦЕНЕ НА ХЛЕБ И УПРАВЛЕНИИ БЕДНЫМИ

Уважаемой публике

Я один из представителей того класса людей, который всех вас кормит, а в настоящее время всеми вами оскорбляется; короче — я *фермер*.

В ваших газетах нам говорят, что бог послал очень плохой урожай некоторым странам Европы. Я думаю, что это, может быть, на пользу Старой Англии и что теперь мы получим хорошие цены за наше зерно, которое принесет нам миллионы, мы будем купаться в деньгах, а это, будьте уверены, бывает довольно редко.

Но мудрость правительства запретила экспорт.

«Ну, — сказал я, — тогда мы должны быть довольны рыночными ценами у себя в стране».

«Нет, — сказала ее светлость чернь, — вы этого не получите. Несите свое зерно на рынок, если осмелитесь; мы продадим его за вас по меньшей цене, или возьмем даром».

Подвергаясь нападению, таким образом, со стороны обоих концов *конституции* — головы и хвоста *правительства*, что мне остается делать?

Что же, я должен хранить зерно в амбаре, кормить и размножать крысиную породу? Пусть будет так; они не могут быть менее благодарными, чем те, которых я обычно кормил.

Неужели мы, фермеры, — единственные люди, которым отказывают в доходе от нашего честного труда? И почему? Один из писак, выступавший недавно против нас, прочитал меню на свадьбе моей дочери и провозгласил на весь мир, что мы имеем дерзость есть говядину и пуддинг! Или он не читал заповедь в Библии: «Не заграждай рта волу, когда он молотит»; или он думает, что мы меньше достойны хорошей жизни, чем наши волы?

«О, а фабриканты, фабриканты! К ним нужно благоволить и их нужно кормить по дешевой цене!»

Слушайте, вы, господин ушибленный, вы говорите, что фермеры живут великолепно. А скажите, разве бы вы хотели, чтобы они копили деньги, которые получают? А свои прекрасные платья и обстановку они сами делают для себя и друг для друга и благодаря этому сохраняют у себя деньги? или они нанимают этих ваших любимых фабрикантов и таким образом рассеивают эти деньги снова по всему народу?

За шерсть я получил бы лучшую цену, если было бы дозволено продавать ее на иностранных рынках; но это, господа Публика, не разрешается вашими законами. Я должен все держать дома, чтобы наши *дорогие* фабриканты могли покупать подешевле. А потом, уменьшив таким образом наши доходы от разведения овец, вы проклинаете нас за недостаток баранины!

Я слышал, как мой дед говорил, что фермеры подчинились запрещению экспортировать шерсть, так как их заставили ожидать и верить, что если фабрикант купил шерсть дешевле, они смогут купить дешевле сукно. Ничуть не бывало. С того дня до сегодняшнего оно все дорожает. Почему? Да потому, что сукно экспортируется, это ведь взвинчивает цены.

Теперь, если бы проводить принцип ограничения экспорта товаров, чтобы наш народ мог покупать их дешевле у себя в стране, то нужно было бы придерживаться этого принципа и следовать ему. Запретите экспорт вашего сукна, вашей кожи и обуви, ваших изделий из железа и других изделий, чтобы они стали дешевле в нашей стране; я ручаюсь вам, что они будут достаточно дешевы, пока люди не перестанут их делать.

Некоторые люди, повидимому, думают, что они не должны успокаиваться до тех пор, пока Англия не станет раем для дураков, где улицы замощены сдобными булками, дома покрыты блинами, а только что зажаренные цыплята кричат: «приди, съешь меня!».

Я повторяю, если вы уверены, что у вас есть хороший принцип, придерживайтесь его и проводите его в жизнь. Говорят, что хотя с точки зрения министерства было *правильным* и *необходимым* рекомендовать запрещение экспорта зерна, все же это *противоречило закону;* и хотя то, что толпа задерживала фургоны, *противоречило закону*, все это было *необходимо* и *правильно*. Повторяется то же самое. Говорят, теперь должен выйти акт об амнистии кабинета министров, чтобы спасти их от последствий их незаконных действий. Если так, то выпустите другой акт, об амнистии для толпы. Некоторые говорят, что для примера кое-кого из толпы следовало бы повесить. Если так, — но я больше ничего не скажу, кроме того, что

я уже сказал раньше: *если вы уверены, что у вас есть хороший принцип, придерживайтесь его.*

Вы говорите, что бедные рабочие не могут покупать хлеб по высокой цене, если им не повысят плату. Возможно. Но как мы, фермеры, сможем платить нашим рабочим более высокую плату, если вы не разрешаете нам получить более высокую цену за зерно, когда мы могли бы ее иметь?

Насколько мне известно, мы могли бы иметь по крайней мере на одну гинею больше за четверть зерна, если бы был разрешен экспорт. И эти деньги Англия получила бы от иностранцев.

Но, повидимому, мы, фермеры, должны брать настолько меньше, чтобы бедным это было настолько же дешевле.

Это выглядит тогда как налог для содержания бедных. Хорошую вещь мы придумали. Но я интересуюсь, почему частный налог? Почему обложены только фермеры? Если это хорошая вещь, пожалуйста, господа Публика, примите в этом участие и возместите немного нашу общественную казну. В выполнении хорошего дела есть и честь и удовольствие, пожалуйста, вы можете иметь и то и другое.

Что касается меня, то я не совсем удовлетворен этим делом. Я за то, чтобы делать добро бедным, но я расхожусь в вопросе о средствах достижения этого. Я думаю, что лучшим способом делать добро бедным является не облегчение их нищеты, а избавление от нее. В юности я много путешествовал, и наблюдал в разных странах, что чем больше власти заботились о бедных, тем меньше они обеспечивали себя и, конечно, становились беднее. И наоборот — чем меньше делалось для них, тем больше они делали для себя и становились богаче. В мире нет страны, где бы столько делалось для бедных, где бы для хромых и больных было столько больниц, устроенных на добровольные пожертвования, где было бы так много богаделен для престарелых обоего пола и где существовал бы торжественный всеобщий закон, установленный богатыми для обложения их имущества большим налогом для поддержки бедных, как у нас. При всех этих обстоятельствах разве наши бедные скромны, покорны и благодарны? Разве они стараются сами себя содержать и снять с наших плеч это бремя? Я уверен, что наоборот: в мире нет страны, где бы бедные были более праздными, распущенными, пьянствующими и дерзкими. В день, когда вы издали этот закон, вы освободили их от всякого стимула к трудолюбию, бережливости и трезвости, поставив их в зависимость не от усердного накопления во время молодости и здоровья для поддержки в преклонном возрасте и при болезнях.

Короче, вы дали награду за поощрение праздности, и вы теперь не должны удивляться, что это имеет свой результат

в возрастании бедности. Отмените этот закон, и скоро вы увидите изменение в их поведении. *Святой понедельник* и *святой вторник* перестанут быть свободными днями. *Шесть дней работай*, хотя это одна из старых заповедей, которая долго считалась устаревшей, теперь на нее снова будут смотреть, как на высокочтимое наставление; возрастет трудолюбие, а вместе с ним и богатство среди низших людей; обстоятельства их улучшатся; и для их счастья будет сделано больше, если они приучатся обеспечивать сами себя, чем могло быть сделано посредством распределения среди них всего вашего имущества.

Извините меня, господа Публика, если, разбирая этот *интересный* вопрос, я поставил вас перед необходимостью прочитать немного *моего* вздора. Я уверен, что в последнее время я прочел порядочно *вашего вздора*, и поэтому от вас (по крайней мере от тех из вас, кто является писателями) я ожидаю снисхождения.

Остаюсь ваш и т. д. *Оратор*

ДОПРОС ДОКТОРА ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА

В АНГЛИЙСКОЙ ПАЛАТЕ ОБЩИН ПО ДЕЛУ ОБ ОТМЕНЕ АНГЛИЙСКОГО ЗАКОНА О ГЕРБОВОМ СБОРЕ В 1766 ГОДУ

В. Ваше имя и место жительства?

О. Франклин, из Филадельфии.

В. Платят ли американцы какие-нибудь значительные налоги у себя в стране?

О. Конечно, они платят много налогов и очень тяжелых.

В. Каковы в настоящее время налоги в Пенсильвании, установленные законами колоний?

О. Там существует налог на всякое имущество, движимое и недвижимое; подушный налог; налог на все должности, профессии, ремесла и занятия в соответствии с получаемыми доходами; акцизный сбор на все вина, ром и другие спиртные напитки; пошлина в 10 фунтов стерлингов с человека на всех ввозимых негров, а также некоторые другие пошлины.

В. Для каких целей установлены эти налоги?

О. Для содержания гражданских и военных учреждений страны и для выплаты огромного долга, сделанного во время последней войны [1].

В. Как долго должны существовать эти налоги?

О. Те, которые предназначены на уплату долга, должны продолжаться до 1772 года и дольше, если к этому времени долг не будет еще выплачен полностью. Другие будут существовать вечно.

В. Разве не ожидалось, что долг будет выплачен раньше?

О. Да, в то время, когда был заключен мир с Францией и Испанией. Но поскольку вспыхнула новая война с индейцами, страна взяла на себя новое бремя долгов и срок действия налогов был, конечно, продлен новым законом.

В. Разве не все население вполне способно платить эти налоги?

О. Нет. Поскольку пограничные графства на протяжении всего континента часто опустошались врагом и сильно разорены, они в состоянии платить лишь очень низкие налоги. И поэтому, принимая во внимание их бедственное положение, наши позднейшие законы о налогах специально предусматривают для этих графств льготы, освобождающие пострадавших от уплаты налогов; думаю, что то же самое имеет место и в других провинциях.

В. Занимаете ли вы должность одного из заведующих почтой в Америке?

О. Да, я являюсь заместителем главного почтмейстера Северной Америки [2].

В. Не считаете ли вы, что распределение марок по почте между всеми жителями — дело вполне осуществимое, если бы ему не оказывалось сопротивления?

О. Почта ходит только вдоль морских побережий; в глубь же страны она, за редкими исключениями, не доставляется, да даже если бы и доставлялась, то выписка марок по почте вызвала бы почтовые расходы, которые во многих случаях значительно превысили бы стоимость самих марок.

В. Знакомы ли вы с Ньюфаундлендом?

О. Я никогда там не был.

В. Не знаете ли вы, имеются ли на этом острове почтовые дороги?

О. Я слышал, что там вообще нет никаких дорог, и сообщение между отдельными поселениями происходит только морским путем.

В. Можете ли вы распространять марки почтой в Канаде?

О. Там имеется только одна почтовая линия — между Монреалем и Квебеком. Обитатели этой огромной страны живут так разбросанно и далеко друг от друга, что поддерживать между ними почтовое сообщение невозможно, и поэтому они не могут получать марок по почте. Английские колонии вдоль границ также заселены очень редко.

В. Не явился ли бы закон о гербовом сборе, если бы он был введен в действие, крайне неудобным для жителей в силу малолюдности отдаленных поселений?

О. В этом нет сомнения, поскольку многие из жителей не смогли бы достать марок, когда они им потребовались бы, не совершив для этого длинных путешествий и не затратив быть может трех или четырех фунтов стерлингов для того, чтобы корона могла получить шесть пенсов.

В. Разве материальное положение колоний не делает их вполне способными платить гербовую пошлину?

О. По моему мнению, в колониях не хватило бы золота и серебра, чтобы уплачивать гербовый сбор в течение одного года [3].

В. Разве вам не известно, что доход с этого налога полностью предназначался для израсходования в Америке?

О. Я знаю, что закон предназначает его для нужд самой Америки, но он будет израсходован в покоренных колониях, где находятся солдаты, а не в тех колониях, которые его платят.

В. Разве не имеется активного баланса от торговли с колониями, где расквартированы войска, который возвратил бы старым колониям их деньги?

О. Не думаю. Я полагаю, что обратно вернулось бы очень мало. Я не знаю такой отрасли торговли, которая могла бы возвратить эти деньги обратно. Думаю, что из колоний, в которых они были истрачены, они пойдут прямо в Англию, ибо я всегда замечал, что, чем больше возможностей имеет та или иная колония для перевода денег в Англию, тем больше товаров она выписывает и тем шире ее торговля с Англией.

В. Как вы думаете, сколько имеется в Пенсильвании белых?

О. Полагаю, что их здесь около ста шестидесяти тысяч.

В. Сколько из них квакеров?

О. Быть может, одна треть.

В. А сколько там немцев?

О. Возможно, также одна треть, но я не могу этого сказать с уверенностью.

В. Имеются ли среди немцев такие, которые служили в Европе солдатами?

О. Да, среди них много служивших как в Европе, так и в Америке.

В. Так же ли они недовольны законом о гербовом сборе, как и англичане?

О. Да, и даже еще больше, и притом с достаточным основанием, поскольку во многих случаях им придется платить за марки вдвойне [4].

В. Сколько, по вашему мнению, имеется в Северной Америке белых?

О. Около трехсот тысяч человек в возрасте от 16 до 60 лет.

В. Какова может быть сумма ежегодного импорта из Англии в Пенсильванию?

О. По имеющимся у меня сведениям, наши торговцы исчисляют импорт из Англии в сумме свыше пятисот тысяч фунтов стерлингов.

В. Какова может быть общая стоимость вывозимой в Англию продукции вашей провинции?

О. Она, очевидно, невелика, поскольку мы производим мало того, что нужно в Англии. Я считаю, что она не может превышать сорока тысяч фунтов стерлингов.

В. Каким же образом вы в таком случае оплачиваете разницу?

О. Разница оплачивается нашими продуктами, вывозимыми в Вест-Индию и продаваемыми на наших собственных островах, или же французам, испанцам, датчанам и голландцам, а также теми же продуктами, вывозимыми в другие колонии в Северной Америке, как, например, в Новую Англию, Новую Шотландию, Ньюфаундленд, Каролину и Георгию; и, наконец, теми же продуктами, вывозимыми в различные части Европы, как, например, в Испанию, Португалию и Италию. Во всех этих местах мы получаем либо деньги и векселя, либо товары, пригодные для отправки в Англию, что вместе со всеми доходами от трудов наших купцов и моряков, получаемыми в их круговых путешествиях, а также с фрахтами, которые делают их суда, в конце концов сосредоточивается в Англии для покрытия баланса и уплаты за английские изделия, постоянно используемые в провинциях или продаваемые нашими торговцами иностранцам.

В. Доводилось ли вам слышать о каких-либо трудностях, чинимых в последнее время в отношении торговли с Испанией?

О. Да, я слышал, что эта торговля была весьма затруднена некоторыми новыми постановлениями, а также английскими военными кораблями и катерами, патрулирующими все американское побережье.

В. Считаете ли вы правильным, чтобы Америка пользовалась покровительством Англии и не возмещала хотя бы части этих расходов?

О. Дело обстоит не так. В течение последней войны колонии набрали, обмундировали и содержали почти двадцать пять тысяч солдат и израсходовали много миллионов.

В. Разве парламент не возместил вам эти расходы?

О. Нам было возмещено только то, что, по вашему мнению, мы дали сверх нашей доли или сверх того, что можно было от нас ожидать; а это составляет лишь малую часть всего, что мы истратили. Пенсильвания, в частности, израсходовала около пятисот тысяч фунтов стерлингов, а возмещено ей было в целом не свыше шестидесяти тысяч фунтов.

В. Вы сказали, что платите в Пенсильвании тяжелые налоги. Сколько они составляют на один фунт?

О. Налог на всякое имущество, движимое и недвижимое, составляет по полной оценке восемнадцать пенсов на один фунт, а налог на доходы от ремесел и профессий вместе со всеми другими налогами составляет, думаю, добрых полкроны на один фунт стерлингов.

В. Известно вам что-нибудь о валютном курсе в Пенсильвании и о том, не упал ли он за последнее время?

О. Обычно он составляет от ста семидесяти до ста семидесяти пяти. Я слышал, что за последнее время он упал со ста семидесяти пяти до ста шестидесяти двух с половиной, в связи — как я думаю — с сокращением заказов этой колонии на товары. А когда ее долги Англии будут выплачены, то, полагаю, курс будет стоять на альпари.

В. Не считаете ли вы, что американцы подчинились бы необходимости платить гербовый сбор, если бы он был снижен?

О. Нет, никогда, если только их не принудят к этому силой оружия.

В. Не распределено ли налогообложение в Пенсильвании неравномерно, так, чтобы обременить английскую торговлю, — в частности, налог на профессии и коммерческую деятельность?

О. Этот налог относительно не более обременителен, чем налог на земли. По замыслу — и предполагается, что это действительно так, — он должен брать пропорционально одинаковую часть доходов.

В. Каков состав колониального собрания? Кто его члены — землевладельцы или торговцы?

О. Оно состоит из землевладельцев, купцов и ремесленников.

В. Не составляют ли землевладельцы большинство?

О. Думаю, что да.

В. Не стараются ли они елико возможно облегчить бремя налога на землю и перенести его тяжесть на торговлю?

О. Я никогда не считал этого. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь высказал такое предположение. И в самом деле, попытка такого рода не достигла бы цели. Купец или торговец всегда искусен в цифрах и легко управляется с пером и чернилами. Если на его торговлю налагается несоразмерное бремя, он повышает цены на свои товары; и большую часть налога, если не все, уплачивают в конечном счете потребители, каковыми являются главным образом землевладельцы.

В. Каково было настроение Америки по отношению к Великобритании до 1763 года [5]?

О. Самое лучшее, какое только может быть. Население охотно покорилось королевскому правительству и было послушно в своих судах законам парламента. Как ни многочисленно население многих старых провинций, вам ничего не стоило держать его в подчинении — я имею в виду форты, крепости, гарнизоны или армии. Англия управляла им с помощью всего лишь небольшого количества перьев, чернил и бумаги; его буквально водили на веревочке. Оно питало не только уважение, но и любовь к Великобритании, к ее законам, обычаям и нравам, даже пристрастие к ее модам, что намного увеличило

торговлю. К уроженцам Англии всегда относились с особым почтением; принадлежность к *Старой Англии* сама по себе создавала репутацию человека, достойного уважения, и как бы ставила такого человека над нами.

В. А каково их настроение сейчас?

О. О, сейчас оно сильно изменилось.

В. Доводилось ли вам когда-либо вплоть до последнего времени слышать, чтобы право парламента устанавливать законы для Америки ставилось под сомнение?

О. Власть парламента признавалась безусловной в отношении всех законов, за исключением тех, которые устанавливали бы внутренние налоги. Она никогда не оспаривалась, когда дело шло об установлении пошлин для регламентации торговли.

В. В какой пропорции происходит увеличение численности населения в Америке?

О. Я полагаю, что число жителей всех провинций, взятых вместе, в среднем удваивается примерно каждые 25 лет. Но их спрос на изделия английской промышленности растет гораздо быстрее, поскольку рост потребления происходит не только пропорционально числу жителей, но и соразмерно возрастающей покупательной способности того же числа людей. В 1723 году весь импорт из Англии в Пенсильванию составлял примерно 15 тысяч фунтов стерлингов; сейчас он составляет почти полмиллиона.

В. В каком свете привыкли американцы рассматривать парламент Великобритании?

О. Они считали парламент великим оплотом и гарантией их свобод и привилегий и всегда говорили о нем с величайшим уважением и благоговением. Быть может деспотические министры, думали они, и могут иногда пытаться притеснять их, но они полагались на то, что если они обратятся в парламент, то он всегда удовлетворит их жалобы. Они с благодарностью вспоминают убедительный пример этого, когда в парламент был внесен билль, содержавший пункт, который предусматривал, что королевские инструкции должны стать в колониях законами, и который палата общин не приняла и отклонила.

В. А теперь они не питают прежнего уважения к парламенту?

О. Нет, оно значительно уменьшилось.

В. Чем же это объясняется?

О. Стечением ряда причин: стеснениями, чинимыми за последнее время их торговле, что помешало притоку в колонии иностранного золота и серебра; запрещением выпускать у себя бумажные деньги, а затем требованием нового, тяжелого гербового налога, причем одновременно были отменены суды при-

сяжных и колониям было отказано в приеме и выслушании их смиренных петиций.

В. Не думаете ли вы, что они подчинились бы закону о гербовом сборе, если бы он был изменен, если бы была изъята неприятная его часть, а пошлина сведена к некоторым маловажным деталям?

О. Нет, они никогда не подчинятся ему.

В. В чем, по вашему мнению, заключается причина того, что численность населения в Америке растет быстрее, чем в Англии?

В. В том, что американцы женятся в более молодом возрасте, и что здесь вообще заключается больше браков.

В. Почему это происходит?

О. Потому, что любая молодая чета, отличающаяся трудолюбием, легко может получить в собственность землю и тем самым содержать семью.

В. Не находятся ли низшие слои населения в Америке в лучшем материальном положении, чем в Англии?

О. Возможно, что это и так, если они трезвы и прилежны, поскольку их труд оплачивается лучше.

В. Как бы, по вашему мнению, отнеслись американцы к новому налогу, установленному на тех же принципах, что и закон о гербовом сборе?

О. Точно так же, как они отнеслись к этому. Они не стали бы его платить.

В. Не слышали ли вы о резолюциях палаты общин и палаты лордов, утверждающих право парламента по отношению к Америке, включая полномочие облагать ее население налогами?

О. Да, я слышал о таких резолюциях.

В. Каково будет мнение американцев об этих резолюциях?

О. Они будут рассматривать их как неконституционные и несправедливые.

В. Не было ли распространено в Америке до 1763 г. мнение, что парламент не имеет права устанавливать там какие-либо налоги и пошлины?

О. Я никогда не слышал никаких возражений в отношении права устанавливать пошлины для регламентации торговли; однако за парламентом никогда не признавалось права вводить внутренние налоги, поскольку в нем нет наших представителей.

В. На чем вы основываете свое мнение о том, что американцы делают такое различие?

О. Я знаю, что когда бы разговор об этом ни заходил в моем присутствии, всегда оказывалось, что все сходятся в мнении о том, что парламент, в котором нет наших представителей, не может облагать нас налогами. Но уплата пошлин, установленных законом парламента в целях регламентации торговли, никогда не вызывала возражений [6].

В. Но можете ли вы назвать какой-нибудь закон, принятый колониальным собранием, или государственный закон какого-либо из ваших правительств, который делал бы такое различие?

О. Я не слышал о существовании таких законов; думаю, что никакой надобности для их установления никогда не возникало до настоящего времени, когда вы попытались обложить нас налогом. Это явилось причиной принятия колониальным собранием резолюций, декларирующих такое различие, с чем, думаю, единодушно согласится каждое собрание на континенте и каждый член каждого такого собрания.

В. Но что же в таком случае могло до этого дать повод для разговоров на эту тему?

О. В 1754 году было внесено предложение [7] (думаю, что отсюда это и пошло), чтобы в случае войны, которой в то время опасались, губернаторы колоний встретились и издали приказ о наборе войск, строительстве фортов и принятии всех других необходимых мер для общей защиты, а также, чтобы они взяли деньги на эти расходы из здешней казны с тем, чтобы позднее покрыть взятые суммы путем сбора в колониях общего налога, который должен был быть установлен для них *актом парламента*. Это вызвало массу разговоров на данную тему, и общее мнение сошлось на том, что парламент и не пожелал, и не смог бы обложить нас налогом до тех пор, пока мы не будем надлежащим образом представлены в парламенте, поскольку это было бы несправедливо и противоречило характеру английской конституции.

В. Разве вы не знаете, что в свое время в Нью-Йорке обсуждался вопрос об обращении к парламенту с просьбой установить налоги для этой колонии, чтобы покрыть дефицит, возникший в связи с тем, что колониальное собрание отказалось или не позаботилось собрать необходимые средства для содержания гражданского правительства?

О. Я никогда об этом не слыхал.

В. Такое обращение обсуждалось в Нью-Йорке, и не думаете ли вы, что тогда предполагалось, что право парламента устанавливать налоги в Америке является только местным и ограничивается случаем дефицита в одной отдельной колонии, возникшего в результате отказа ее собрания собрать необходимые средства?

О. Не могло предполагаться такого случая, что собрание не соберет необходимых средств для содержания своего собственного правительства. Собрание, которое отказалось бы от этого, должно быть лишено здравого смысла, что невозможно предположить. Я думаю, что такого случая в Нью-Йорке никогда не было и что это, очевидно, извращение факта или неправильное его понимание. Я знаю о некоторых попытках обя-

зать собрания с помощью данных отсюда инструкций министерства назначить губернаторам постоянное жалование, что̀ эти собрания мудро отказались сделать; но я полагаю, что никакое собрание Нью-Йорка или любой другой колонии никогда не отказывалось должным образом поддерживать правительство, время от времени выдавая государственным чиновникам соответствующие субсидии.

В. Не думаете ли вы, однако, что в случае, если бы губернатор, действуя по инструкции, потребовал от собрания сбора необходимых средств и собрание отказалось бы это сделать, то установление парламентом налога на колонии было бы полезным для ее населения, равно как и необходимым для ее правительства?

О. Я не считаю, что это было бы необходимым. Если допустить, что какое-то собрание могло поступить так абсурдно, чтобы отказаться собрать средства, необходимые для содержания своего собственного правительства, то такое положение не могло бы долго продолжаться: вызванные этим беспорядки и неразбериха скоро заставили бы это собрание одуматься.

В. А если бы этого не произошло, то не принадлежало ли бы Великобритании право применить такую меру?

О. Я бы не возражал, если бы это было право, применяемое только в подобных случаях, предполагая, что это делается только в интересах населения колоний.

В. Однако кто может судить об этом — Англия или колония?

О. Те, которые сознают, что они являются лучшими судьями.

В. Вы говорите, что колонии всегда подчинялись внешним налогам и возражают только против права парламента устанавливать внутренние налоги; но можете ли вы доказать, что для колонии, на которую они могут быть наложены, имеется какая-то разница между этими двумя видами налогообложения?

О. Я думаю, что эта разница очень велика. *Внешний* налог — это пошлина, назначаемая на ввозимые товары; эта пошлина добавляется к первоначальной стоимости данного товара и другим издержкам на него, и когда он поступает в продажу, она составляет часть его цены. Если люди не хотят покупать товар по этой цене, они от него отказываются, они не обязаны платить эту пошлину. Но *внутренний* налог берется с населения силой, без его согласия, если только он не установлен собственными представителями этого населения. Закон о гербовом сборе гласит, что мы не имеем права вести никакой торговли, не имеем права совершать друг с другом никакого обмена имуществом, приобретать или дарить его, получать обратно отданные взаймы деньги, жениться или составлять

завещание, если только не уплатим при этом такую-то сумму; таким образом имеется в виду вымогать у нас наши деньги или разорить нас последствиями нашего отказа уплатить их.

В. Но допустим, что внешний налог, или пошлина, будет наложен на предметы первой необходимости, ввозимые в вашу страну, — не будет ли это по своим последствиям то же самое, что и внутренний налог?

О. Я не знаю ни одного такого товара, ввозимого в северные колонии, без которого они не могли бы обойтись и который не могли бы изготовить сами.

В. Не считаете ли вы, что английские ткани являются для них абсолютно необходимыми?

О. Нет, отнюдь не абсолютно необходимыми; с прилежанием и хорошей организацией американцы прекрасно могут сами снабжать себя всем, что им нужно.

В. Не займет ли создание такой мануфактуры у них самих очень много времени и не будут ли они до этого весьма страдать от ее отсутствия?

О. Не думаю. Они уже достигли поразительных успехов. И я придерживаюсь того мнения, что прежде чем они успеют сносить свое старое платье, они получат новое собственного производства.

В. Сумеют ли они найти в Северной Америке достаточно шерсти?

О. Они предприняли шаги к увеличению производства шерсти. Они приняли общее решение — не есть больше баранины, и в прошлом году было зарезано очень мало овец. Этот курс, если он будет упорно проводиться и дальше, даст в результате огромное увеличение количества шерсти. А создание крупных мануфактур, подобных тем, которые существуют в занимающихся производством тканей городах Англии, не является здесь столь необходимым, как там, где они существуют для целей торговли. Все жители будут прясть и работать для самих себя, у себя дома.

В. Может ли быть произведено достаточно шерсти и готовых изделий через один-два года?

О. Думаю, что через три года их может быть произведено достаточно.

В. Не являются ли суровые зимы в северных колониях причиной плохого качества шерсти?

О. Нет, шерсть здесь очень тонка и хороша.

В. Не известно ли вам, что в более южных колониях, таких, как Виргиния, шерсть груба и представляет собой всего лишь своего рода волос?

О. Мне это неизвестно. Я никогда об этом не слышал. Между тем я несколько раз бывал в Виргинии. Не могу ска-

зать, чтобы я когда-либо обращал особое внимание на тамошнюю шерсть, но думаю, что она хороша, хотя и не могу утверждать это положительно. Но Виргиния и колонии к югу от нее меньше нуждаются в шерсти: зимы здесь короткие и не очень суровые, а в остающуюся часть года ее население прекрасно может обходиться для своей одежды полотном и хлопком собственного производства.

В. Не вынуждено ли население более северных колоний кормить своих овец на протяжении всей зимы?

О. Жители некоторых из самых северных колоний, быть может, вынуждены это делать в течение какой-то части зимы.

В. Что касается резолюций парламента *в отношении права*, то не думаете ли вы, что, если закон о гербовом сборе будет отменен, население Северной Америки будет удовлетворено?

О. Полагаю, что да.

В. Почему вы так думаете?

О. Я думаю, что резолюции о *праве* будут их весьма мало интересовать, если никогда не будет сделано попытки осуществить их на практике. Колонии, вероятно, сочтут себя в этом отношении в одном положении с Ирландией; они знают, что вы претендуете на то же право в Ирландии, но никогда не осуществляете его, и могут решить, что и у них, как и в Ирландии, вы никогда не осуществите его, разве только в каком-нибудь совершенно исключительном случае.

В. Но кто будет судить об исключительности такого случая? Не парламент ли?

О. Хотя в данном случае парламент и мог бы быть таким судьей, но население будет считать, что он не сможет осуществить такого права, пока в него не будут допущены представители от колоний, и что всякий раз, когда такой случай возникнет, представители *будут* вызываться.

В. Вам никогда не доводилось слышать, что во время последней войны Мериленд отказался поставить свою долю для общей обороны?

О. В этом вопросе Мериленд выставили в совершенно ложном свете. Насколько мне известно, Мериленд никогда не отказывался внести свою часть или оказать помощь короне. На всем протяжении войны колониальные собрания ежегодно вотировали крупные суммы и издавали билли об их сборе. В соответствии с конституцией провинции билли эти посылались на согласование в совет или в Верхнюю палату, с тем чтобы их можно было представить губернатору для введения в силу в качестве законов. Досадные распри между двумя палатами, порожденные главным образом недостатками этой конституции, сорвали принятие всех этих законов, кроме одного-двух. Совет при лорде-собственнике отклонил их. Правда,

Мериленд так и не внес своей части, но в этом, по моему мнению, виновато правительство, а не народ.

В. Не поговаривали ли в других провинциях, как о надлежащей мере, о том, что следует обратиться в парламент с просьбой заставить Мериленд это сделать?

О. Я слыхал такие разговоры, но, поскольку было хорошо известно, что население ни в чем не виновато, такое обращение в парламент не состоялось и никаких шагов к нему предпринято не было.

В. Разве это было предложено не на публичном собрании?

О. Насколько я знаю, нет.

В. Помните ли вы отмену бумажных денег в Новой Англии, постановленную актом колониального собрания [8]?

О. Я помню, что их отменили в Массачузетс Бэй.

В. Не губернатор ли Хатчинсон был главным образом замешан в этом деле?

О. Так я слышал.

В. Не было ли это в то время весьма непопулярным законом?

О. Возможно, хотя я могу сказать об этом немного, так как жил далеко от этой провинции.

В. Не выдвигался ли в качестве аргумента против отмены бумажных денег недостаток золота и серебра?

О. Повидимому, да.

В. Что думают там об этом законе сейчас? Так же ли он непопулярен, как и вначале?

О. Думаю, что нет.

В. Не посылались ли губернаторам отсюда в высшей степени деспотические и бестактные инструкции?

О. Да.

В. Не потому ли их обошли некоторые губернаторы?

О. Да, я об этом слышал.

В. Оспаривали ли когда-либо американцы полномочие парламента контролировать торговлю путем регламентации?

О. Нет.

В. Может ли что-нибудь, кроме военного отряда, ввести в действие закон о гербовом сборе?

О. Я не вижу, каким образом может быть применен для этой цели военный отряд.

В. А почему он не может быть применен?

О. Если в Америку будет послан военный отряд, он не найдет здесь ни одного вооруженного человека. Что же ему тогда останется делать? Он не может заставить покупать марки того, кто решил обойтись без них. Он не найдет здесь мятежа, но, несомненно, сможет его вызвать.

В. Если закон не будет отменен, то какие, по вашему мнению, это вызовет последствия?

О. Полную потерю уважения и любви, которые питает народ Америки по отношению к Великобритании, и прекращение всякой торговли, покоящейся на этом уважении и любви.

В. Каким образом это может затронуть торговлю?

О. Вы убедитесь, что если закон не будет отменен, то через непродолжительное время американцы будут покупать очень мало ваших изделий.

В. Способны ли они обойтись без них?

О. Я полагаю, что они прекрасно могут без них обойтись.

В. В их ли интересах не покупать этих изделий?

О. Товары, которые они покупают у Англии, либо являются предметами первой необходимости, либо представляют собой простые удобства, либо это излишества. Первые, такие, как ткани и т. д., они при небольшой доле прилежания могут изготовлять у себя дома; без вторых они смогут обходиться до тех пор, пока не будут в состоянии сами обеспечивать себя этими товарами, а последние, составляющие подавляющую часть, они вычеркнут немедленно. Это просто предметы моды, которые покупаются и потребляются потому, что являются модными в уважаемой стране, но теперь они станут ненавистными и будут отвергнуты. Американцы уже отказались по общему согласию от использования всех предметов, которые принято носить в период траура, и товары общей стоимостью во много тысяч фунтов стерлингов были отправлены обратно за невозможностью их продать.

В. Заинтересованы ли американцы в том, чтобы производить ткани у себя дома?

О. Думаю, что в настоящее время они могут получать их по более дешевой цене из Англии. Я имею в виду ткани, отличающиеся той же тонкостью и искусством выработки; но если учесть другие обстоятельства — стеснения, налагаемые на их торговлю, и трудности в переводе денег, то в их интересах будет все делать самим.

В. Предположим, что будет издан закон о местных постановлениях, связанных с налогом; как бы они его восприняли?

О. Думаю, что он встретил бы возражения.

В. Значит, они не подчинились бы никакому постановлению, связанному с налогом?

О. Они придерживаются того мнения, что когда требуется оказать помощь короне, то в соответствии с исстари установленным обычаем эта помощь должна испрашиваться от всех колониальных собраний, которые охотно ее утвердят, как они всегда это делали. Они также полагают, что их деньги не должны раздаваться без их согласия лицами, находящимися далеко от них и незнакомыми с их обстоятельствами и возможностями. Субсидии короне представляют собой единственное

средство, которым они располагают, чтобы отрекомендовать себя своему монарху. И они считают крайне жестоким и несправедливым, чтобы организация людей, в которой они не имеют своих представителей, присваивала бы себе заслугу отдавать и жаловать то, что принадлежит не ей, а им, и лишать их права, которое они почитают исключительно ценным и важным, поскольку оно является гарантией всех других их прав.

В. Но разве почта, которую они давно получили, не представляет собой в такой же мере налог, как и постановление?

О. Нет, деньги, уплачиваемые на пересылку письма, не носят характера налога; это просто quantum meruit * за оказанную услугу; никто не обязан платить деньги, если он не пожелает воспользоваться услугой. Каждый может попрежнему, как до этого закона, отправлять свои письма через слугу, специального посыльного или приятеля, если считает это более дешевым и надежным.

В. Но разве они не рассматривают почтовые правила, установленные прошлогодним законом, *как налог?*

О. Согласно прошлогодним постановлениям почтовый тариф был в целом снижен почти на тридцать процентов по всей Америке; они, конечно, не могут рассматривать такую скидку, *как налог.*

В. Если бы парламент установил акциз, от уплаты которого они могли бы уклониться подобным же образом, не потребляя предметов, обложенных этим акцизом, то разве они не стали бы в таком случае возражать против него?

О. Они, конечно, стали бы возражать против него, поскольку акциз не связан с какой-либо оказанной услугой и представляет собой просто субсидию, которая, как они полагают, должна быть испрошена у них и пожалована ими, если им придется ее платить, и не может быть дарована за них кем бы то ни было, кого они для этой цели не уполномочили.

В. Вы говорите, что они не возражают против права парламента устанавливать пошлину на товары, подлежащую оплате при их ввозе. Ну, а есть ли какая-нибудь разница между пошлиной на ввоз товаров и акцизом на их потребление?

О. Да, и весьма существенная; по причинам, уже упомянутым мной, они считают, что вы не имеете права устанавливать акцизы в пределах их страны. Но море принадлежит вам: своими флотами вы поддерживаете безопасность плавания по нему и охраняете его от пиратов; поэтому вы можете иметь естественное и справедливое право на какой-то сбор или пошлину с товаров, перевозимых через эту часть ваших владений,

* Справедливое возмещение. — *Ред.*

для компенсации расходов, которые вы несете по содержанию судов, поддерживающих безопасность этой перевозки.

В. Сохраняет ли это рассуждение силу в случае пошлины, налагаемой на экспорт продукции их земли? И не стали ли бы они возражать против такой пошлины?

О. Если бы она вела к такому повышению стоимости продукции за границей, которое снизило бы спрос на нее, то они безусловно стали бы возражать против подобной пошлины, но не против вашего права налагать ее; однако они стали бы жаловаться на нее, как на бремя, и обратились бы к вам с просьбой облегчить его.

В. Не такова ли пошлина на вывозимый табак?

О. Эта пошлина, думается мне, налагается только на табак, перевозимый вдоль побережья из одной колонии в другую, и предназначена как фонд для содержания колледжа в Вильямсбурге в Виргинии.

В. Пользуются ли законодательные собрания в Вест-Индии теми же естественными правами, что и собрания в Северной Америке?

О. Несомненно.

В. А разве там нет налога на вывозимый оттуда сахар?

О. Я не очень хорошо знаком с Вест-Индией, но пошлина в четыре с половиной процента на вывозимый сахар была, кажется мне, разрешена ее собственными собраниями.

В. Каков подушный налог на холостяков в вашей провинции?

О. Он составляет, кажется, пятнадцать шиллингов, которые должен уплачивать каждый холостой фримен старше двадцати одного года.

В. Какова ежегодная сумма всех налогов в Пенсильвании?

О. Полагаю, что около двадцати тысяч фунтов стерлингов.

В. Если закон о гербовом сборе не будет отменен и будет проведен в жизнь, думаете ли вы, что строптивый нрав побудит американцев платить столько же за изделия худшего качества собственного производства и использовать их предпочтительно перед изделиями лучшего качества нашего производства?

О. Думаю, что да. Люди с готовностью будут платить за удовлетворение двух страстей — чувства обиды и чувства гордости.

В. Прекратят ли купцы в Бостоне свою торговлю?

О. Число купцов очень невелико по сравнению со всей массой населения, и они должны будут прекратить свою торговлю, если никто не будет покупать их товаров.

В. Из кого в основном состоит население колоний?

О. Это фермеры, земледельцы и плантаторы.

В. Допустили ли бы они, чтобы продукция их земли гнила?

О. Нет, но они не выращивали бы так много. Они производили бы больше промышленных изделий и меньше пахали бы.

В. Неужели они предпочли бы жить без отправления правосудия по гражданским делам и долгое время терпеть все неудобства подобного положения, чем покупать марки, предполагая, что марки эти будут охраняться достаточной силой, так чтобы каждый мог бы их иметь?

О. Я думаю, предположение, что марки будут охраняться так, чтобы каждый мог получить их, является неосуществимым. Закон требует, чтобы в каждом городе, округе и деревне каждого графства были назначены помощники агентов по их распространению, и они были бы необходимы. Но основные агенты, которые должны были получать значительную прибыль со всего в целом, не сочли целесообразным продолжать свою службу; и я думаю, что невозможно найти достойных доверия помощников агентов, которые ради приходящейся на их долю пустячной прибыли решились бы навлечь на себя ненависть населения и подвергнуться связанному с этим риску; а если бы и удалось найти таких людей, то думаю, что охранять марки в таком множестве отдаленных и уединенных мест практически невозможно.

В. Но разве в тех местах, где они могли бы охраняться, жители не предпочли бы использовать их, чем оставаться в таком положении, не имея возможности добиться справедливости или возмещения долгов с помощью закона?

О. Трудно сказать, что бы они сделали. Я могу судить о том, что они сделали бы или сказали, только по тому, что чувствую сам. У меня очень много должников в Америке, и я предпочел бы лишиться возможности получить свои деньги обратно с помощью закона, чем подчиниться закону о гербовом сборе. Это будут долги чести. Я держусь того мнения, что люди будут либо продолжать жить в таком положении, либо найдут какой-то способ выпутаться из него самим — быть может, путем общего соглашения вести дела в судах без марок.

В. Какова, по вашему мнению, должна быть численность войска, достаточного для того, чтобы охранять распространение марок во всех уголках Америки?

О. Это должно быть очень большое войско — не могу назвать точную цифру, — если Америка будет склонна к всеобщему сопротивлению.

В. Какова численность людей в Америке, способных носить оружие, или дисциплинированной милиции?

О. Думаю, что их по меньшей мере...

(Вопрос вызывает протест. Франклин удаляется. Призывается вновь.)

В. Является ли американский закон о гербовом сборе посильным налогом на страну?

О. Не думаю.

В. Почему?

О. Подавляющая часть денег должна поступать от судебных исков по невозвращенным долгам и уплачиваться людьми из низших слоев общества, которые были слишком бедны для того, чтобы легко расплатиться со своими долгами. Таким образом, сбор этот представляет собой тяжелый налог на бедняков — налог, наложенный на них за их бедность.

В. Но не явится ли такое увеличение расходов средством для уменьшения количества тяжб?

О. Не думаю, ибо поскольку все издержки падают на должника и должны быть оплачены им, они не отобьют у кредитора охоты к подаче иска.

В. Не произведет ли это такого же действия, как и чрезмерное ростовщичество?

О. Да, как притеснение должника.

В. Сколько судов с льняным семенем для Ирландии грузится ежегодно в Северной Америке?

О. Я не могу назвать количества судов, но знаю, что в 1752 году из Филадельфии в Ирландию было вывезено десять тысяч бочек льняного семени по семь бушелей в каждой. Думаю, что с того времени это количество значительно увеличилось; считается, что экспорт из Нью-Йорка равен экспорту из Филадельфии.

В. На что идет лен, выращенный из этого семени?

О. Из него изготовляют частично грубый, частично средний сорт полотна.

В. Имеются ли в Америке металлообрабатывающие заводы?

О. Думаю, что их имеется три, но в настоящее время, кажется, используется только один. Полагаю, что все они будут пущены в ход, если перерыв в торговле продолжится.

В. Имеются ли там сукновальни?

О. Множество.

В. Вы никогда не слышали о том, что по заключенному во время войны контракту в Филадельфии было изготовлено большое количество чулок для армии?

О. Да, я об этом слышал.

В. Если закон о гербовом сборе будет отменен, то не решат ли американцы, что могут заставить парламент отменить все ныне действующие внешние налоги?

О. Трудно ответить на вопрос о том, что будут думать люди, находящиеся на столь большом расстоянии отсюда.

В. Но как вы себе представляете, что подумают они о том, каковы были мотивы отмены закона?

О. Вероятно, они подумают, что он был отменен потому, что убедились в его нецелесообразности, и будут рассчитывать, что, пока это будет оставаться нецелесообразным, вы не станете пытаться создать новый закон, подобный этому.

В. Что вы подразумеваете под его нецелесообразностью?

О. Я считаю его нецелесообразным по многим причинам — ввиду бедности и несостоятельности тех, кому предстояло бы платить этот налог, и в силу вызванного им широкого недовольства, а также практической невозможности проведения его в жизнь.

В. Если бы закон был отменен и законодательная власть проявила свое недовольство по отношению к противникам закона о гербовом сборе, то подчинились бы колонии ее авторитету? Что бы они, по вашему мнению, сделали?

О. Я нисколько не сомневаюсь, что если законодательная власть отменит закон о гербовом сборе, колонии подчинятся ее авторитету.

В. Но если бы вопреки их мнению законодательная власть сочла уместным удовлетворить свое право на налогообложение посредством какого-нибудь закона, устанавливающего небольшой налог, то покорились ли бы они необходимости платить его?

О. Слишком уж много внимания было уделено поступкам населения в Америке. Образ действий колониальных собраний значительно отличается от образа действий простонародья, и их следует рассматривать отдельно, как не имеющие никакой связи друг с другом. Колониальные собрания только мирно осуществляли то, что они рассматривают как свои права; они не принимали никаких мер для сопротивления силой, они не построили для такого сопротивления ни одного форта, не поставили под ружье ни одного человека, не обеспечили ни единого грана боеприпасов. Они считают, что главари бунтов должны быть наказаны; они наказали бы их сами, если бы могли. Каждый здравомыслящий, разумный человек хотел бы, чтобы бунтари были наказаны, поскольку в противном случае для миролюбивых людей не будет безопасности ни личной, ни их имущества; но что касается внутреннего налога, каким бы небольшим он ни был, то, думаю, что налогу, наложенному органом законодательной власти в Англии на население Америки, в то время как это население не имеет своих представителей в этом органе законодательной власти, — такому налогу они никогда не подчинятся; они будут сопротивляться ему до конца; они совершенно не считают, что вам необходимо собирать с них деньги посредством ваших налогов, потому что они готовы, и всегда были готовы, собрать у себя деньги посредством налогов и даровать крупные суммы — соответствующие их возможностям — по требованию короны.

Они не только давали субсидии, соответствующие их возможностям, но на всем протяжении последней войны давали суммы, значительно превышавшие их возможности и несоразмерные с тем, что должно было бы приходиться на долю этой страны (о чем вы можете судить сами), суммы, достигавшие многих сотен тысяч фунтов стерлингов, и делали это охотно и с готовностью, хотя имели от государственного секретаря только какое-то неопределенное обещание рекомендовать парламенту компенсировать их. Это и было соответственно рекомендовано парламенту в самой почетной для них форме. Америка была представлена здесь в весьма ложном свете, ее называли в газетах, памфлетах и речах неблагодарной, неразумной и несправедливой, обвиняя ее в том, что она вовлекла английский народ в огромные расходы по ее защите, и в том, что она отказалась взять часть этих расходов на себя. В ходе последней войны колонии набрали, оплатили и обмундировали почти двадцатипятитысячную армию, что по численности равнялось той, которая была послана из Англии, и значительно превышало их долю; при этом они сделали крупные долги, и для уплаты этих долгов все их налоги и имущество заложены на много лет вперед.

В то время английское правительство в полной мере сознавало все это. Колонии были рекомендованы парламенту. Ежегодно король направлял в палату письменное послание о том, что «его Величество, высоко оценивая усердие и энергию, проявленные его преданными подданными в Северной Америке в защиту справедливых прав и владений его Величества, рекомендует Палате принять это во внимание и дать ему возможность надлежащим образом их компенсировать». Вы найдете эти послания в ваших протоколах за каждый год войны вплоть до самого последнего; и вы соответственно ежегодно ассигновали короне по двести тысяч фунтов стерлингов для распределения колониям в качестве такой компенсации.

Вот убедительнейшее доказательство того, что колонии не только не проявляли нежелания взять на себя часть бремени, но даже превысили свою долю; ибо если бы они сделали меньше или дали бы только то, что приходилось на их долю, компенсировать их было бы неуместно и бессмысленно. В самом деле, возвращенные им суммы ни в коей мере не соответствовали тем расходам, которые они понесли сверх своей доли; но они никогда не роптали на это; одобрение, выраженное монархом их усердию и верности, и одобрение этой палаты они ценили неизмеримо выше всякого другого вида компенсации. Поэтому не было никакого основания для этого закона, направленного на то, чтобы силой выжать деньги из народа, готового дать их добровольно. Он не отказывался давать деньги для целей,

которые преследуются этим законом; к нему не было предъявлено никаких требований; он всегда был охотно готов сделать то, чего можно было бы разумно от него ожидать, и он хочет, чтобы его рассматривали именно в этом свете.

В. Но если бы Великобритании пришлось вести войну в Европе, то стала ли бы Северная Америка оказывать ей поддержку в этой войне?

О. Я безусловно считаю, что она сделала бы это в той мере, в какой это позволили бы ее обстоятельства. Америка рассматривает себя как часть Британской империи и считает, что имеет общие с ней интересы; здесь могут смотреть на американцев, как на иностранцев, но они-то не считают себя таковыми. Они ревностно относятся к чести и процветанию английской нации, и, пока с ними обращаются хорошо, они всегда будут готовы поддерживать ее, насколько это позволяют им их небольшие силы. В 1739 году к ним обратились с просьбой помочь в экспедиции против Картагены[9], и они послали в вашу армию три тысячи человек. Правда, Картагена находится в Америке, но столь же далеко от северных колоний, как если бы она находилась в Европе. Они не делают никакого различия между войнами в смысле своего долга помогать в них Англии.

Я знаю, что о последней войне здесь обычно говорят как о войне, в которую Англия вступила ради защиты интересов населения Америки. Я думаю, что это совершенно неправильное мнение. Война началась из-за границ между Канадой и Новой Шотландией, из-за территорий, на которые *корона* несомненно предъявляла претензии, но на которые не претендовала ни одна английская *колония;* ни одна из этих земель не была дарована никому из колонистов; поэтому мы не были особенно задеты или заинтересованы в этом споре. Что касается Огайо, то здесь борьба началась из-за вашего права торговли на индейской территории, права, которое вы получили по Утрехтскому договору [10] и на которое посягали французы; они задерживали купцов и их товары — изделия вашей промышленности; они взяли форт, который возвела там для охраны этой торговли компания ваших купцов и их агенты. Это рассматривалось здесь как новое покушение на территорию короля. Брэддок был послан с армией, чтобы взять этот форт обратно и охранять вашу торговлю. Только после его поражения было совершено нападение на колонии. До этого они жили в полном мире как с французами, так и с индейцами; следовательно, войска были посланы не для их защиты.

Торговля с индейцами, хотя она и ведется в Америке, не представляет интереса для американцев. Американцы — главным образом фермеры и плантаторы, и едва ли хоть один из выращиваемых или производимых ими продуктов служит

предметом торговли с индейцами. В торговле с индейцами заинтересована Англия; предметом ее служат английские изделия, она приносит доход английским купцам и фабрикантам; поэтому война, поскольку она была начата в защиту территорий короны (не являющихся собственностью ни одного американца) и в защиту чисто английской торговли, была в действительности английской войной; тем не менее американцы без малейших колебаний сделали все, что только могли, для ее продолжения и доведения до счастливого конца.

В. Так вы считаете, что обеспечение территориальных прав короля и укрепление границ не являются делом, в котором заинтересованы американцы?

О. Это дело, в котором заинтересованы не американцы, взятые в отдельности, а американцы и англичане вместе.

В. Вы не станете отрицать, что предыдущая война — с Испанией [11] — была начата ради Америки: разве причиной ее не были захваты, сделанные в американских морях?

О. Да, захваты судов, поддерживающих в Америке английскую торговлю английскими промышленными изделиями.

В. Разве недавняя война с индейцами, имевшая место после заключения мира с Францией, не была войной за одну только Америку?

О. Да, эта война была в большей мере войной за Америку, чем предшествовавшая, однако она в значительной степени явилась следствием или продолжением этой предыдущей войны, поскольку индейцы не были усмирены достаточно основательно; и американцы понесли подавляющую часть расходов. Конец ей был положен армией под командованием генерала Буке; в этой армии было не более 300 солдат регулярных войск и свыше тысячи пенсильванцев.

В. Разве нет необходимости посылать войска в Америку для защиты американцев от индейцев?

О. Нет, ни в коей мере. В этом никогда не было необходимости. Американцы сами защищали себя, когда их была всего горсточка, а индейцы были значительно более многочисленными. Они постоянно продвигались вперед и оттеснили индейцев за горы без всякой помощи со стороны войск, которые были бы посланы из Англии. Так можно ли говорить о необходимости посылки войск для их защиты от этих ослабленных индейских племен сейчас, когда колонии стали такими многолюдными и сильными? Для этого нет ни малейшего основания, они вполне способны сами себя защитить.

В. Вы говорите, что в последней войне против индейцев участвовало не более 300 солдат регулярных войск?

О. Их было не больше того на Огайо или на пенсильванской границе, представлявших собой главный участок войны,

затрагивавшей колонии. Существовали гарнизоны на Ниагаре и в форте Детройт, а также те отдельные посты, которые содержались ради вашей торговли; их я не учитывал, но полагаю, что в целом число американских или провинциальных войск, участвовавших в войне, превосходило число регулярных войск. Я не могу утверждать этого с уверенностью, но думаю, что это было именно так.

В. Считаете ли вы, что колониальные собрания имеют право облагать налогом подданных в Америке, чтобы даровать собранные деньги короне?

О. Я это безусловно считаю; они так всегда и делали.

В. Знакомы ли они с декларацией прав? И знают ли они, что по этому статуту налоги с подданных могут взыскиваться лишь с согласия парламента?

О. Им это прекрасно известно.

В. Как же в таком случае они могут думать, что имеют право собирать деньги для короны или для любых других целей, кроме местных?

О. Они понимают этот пункт в том смысле, что он касается только английских подданных в пределах королевства, и что с них деньги для короны могут взыскиваться лишь с согласия парламента. Колонии не считаются находящимися в пределах королевства. Они имеют свои собственные законодательные собрания, которые являются их парламентами, и в этом отношении они находятся в одинаковом положении с Ирландией. Когда необходимо собрать деньги для короны с подданных в Ирландии или в колониях, согласие на это дается парламентом Ирландии или законодательными собраниями колоний. Они полагают, что парламент Великобритании не может по праву дать такое согласие до тех пор, пока в нем не будет представителей от Америки, ибо петиция о праве специально оговаривает, что это должно быть сделано по общему согласию в парламенте, американский же народ не имеет представителей в парламенте, которые участвовали бы в этом общем согласии.

В. Если бы закон о гербовом сборе был отменен и был бы принят закон, повелевающий законодательным собраниям колоний компенсировать пострадавших от бунтов, подчинились ли бы они этому закону?

О. Это вопрос, на который я не могу ответить.

В. Предположим, что король потребует от колоний даровать ему какую-либо статью дохода, а парламент будет против того, чтобы они это сделали, считают ли они, что могут даровать королю доход без согласия парламента Великобритании?

О. Это трудный вопрос. Что касается моего собственного мнения, то я считал бы себя вправе сделать это, и сделал бы, если бы я одобрял причину такого требования.

В. Когда в колониях собирались деньги по запросам, разве они не даровались королю?

О. Да, всегда, но эти запросы обычно требовали какой-нибудь изложенной в них услуги, например, собрать, обмундировать и оплатить войска, а не одних только денег.

В. Если бы был принят закон, требующий, чтобы американские законодательные собрания выплатили пострадавшим компенсацию, а они не подчинились бы этому закону, а затем парламент другим законом установил бы внутренний налог, подчинились бы они ему в таком случае?

О. Население не будет платить внутреннего налога, и, думаю, что закон, обязывающий собрания выплатить компенсацию, является излишним, ибо я придерживаюсь того мнения, что как только разгоревшиеся сейчас страсти улягутся, собрания возьмутся за это дело, и, если окажется нужным и справедливым, они сделают это сами.

В. Не приходят ли часто в почтовые учреждения Америки письма, адресованные в какой-нибудь город в глубине страны, куда не ходит почта?

О. Да.

В. Может ли какое-нибудь частное лицо взять эти письма и отвезти их по адресу?

О. Да, любой друг адресата может это сделать, уплатив накопившийся почтовый сбор.

В. Но не должен ли он уплатить дополнительный почтовый сбор за расстояние до такого отдаленного города?

О. Нет.

В. Может ли почтмейстер осуществить доставку письма, не получив оплаты за такую дополнительную доставку?

О. Конечно, он не может ничего требовать там, где не оказывает никакой услуги.

В. Предположим, какой-то человек, находясь вдали от дома, находит на почте адресованное ему письмо, причем живет он в месте, куда почта обычно ходит, и письмо адресовано в это место; выдаст ли ему в таком случае почтмейстер это письмо без оплаты им почтового сбора, подлежащего оплате в том месте, куда письмо адресовано?

О. Да, почта не может требовать оплаты почтового сбора за письмо, которое она не отвозит, или за доставку на большее расстояние, чем то, на какое она в действительности его доставила.

В. Не обязывает ли паромщиков в Америке изданный парламентом закон перевозить почту без оплаты за это?

О. Да.

В. Не является ли это налогом на паромщиков?

О. Они не считают это налогом, поскольку они получают доход с лиц, сопровождающих почту.

В. Если бы закон о гербовом сборе был отменен и корона обратилась бы к колониям с требованием известной суммы денег, то выполнили ли бы они это требование?

О. Думаю, что да.

В. Почему вы так думаете?

О. Я могу это сказать о колонии, в которой живу сам. В полученной мной от собрания *инструкции* мне поручалось уверить министерство, что собрание, как и прежде, всегда будет почитать своим долгом даровать короне такие субсидии, которые соответствуют обстоятельствам и их возможностям, во всех случаях, когда к ним будет обращена такая просьба в обычной конституционной форме. И я имел честь сообщить эту инструкцию почтенному джентльмену, бывшему в то время министром.

В. Сделали ли бы они это ради интересов Англии, предположим, в случае не затрагивающей их самих войны в какой-либо части Европы?

О. Да, они сделали бы это ради всего, что касалось бы общих интересов. Они считают себя частью целого.

В. Какова обычная конституционная форма обращения к колониям за материальной помощью?

О. Письмо государственного секретаря.

В. Это все, что вы имеете в виду, — письмо от государственного секретаря?

О. Я имею в виду обычную форму запроса в циркулярном письме государственного секретаря, по повелению его величества излагающем обстоятельства дела и рекомендующем колониям оказать такую материальную помощь, какая подобает их лояльности и соответствует их возможностям.

В. Обращался ли когда-нибудь государственный секретарь к колониям с просьбой о деньгах для короны?

О. Предъявлялись требования набрать, обмундировать и оплатить солдат, что не может быть сделано без денег.

В. Согласились ли бы они даровать одни только деньги, если бы у них этого потребовали?

О. По моему мнению, да, — как деньги, так и людей, когда у них есть деньги или когда они могут их получить.

В. Аннулирует ли собрание Пенсильвании свои резолюции, если парламент отменит закон о гербовом сборе?

О. Думаю, что нет.

В. Выражали ли собрания желание иметь представительство в парламенте до того, как возникла мысль о гербовом сборе?

О. Нет.

В. Известно ли вам, что в хартии Пенсильвании имеется специальная оговорка о праве парламента устанавливать здесь налоги?

О. Я знаю, что в хартии имеется статья, в которой король провозглашает, что он не будет взимать налогов с населения иначе, как с согласия собрания или по закону парламента.

В. Как же тогда собрание Пенсильвании могло утверждать, что обложение колонистов налогом по закону о гербовом сборе является посягательством на их права?

О. Они понимают это таким образом: по той же самой хартии и по другим документам они имеют право на все привилегии и свободы англичан. Они находят в Великой хартии и в петиции и декларации о правах, что одна из привилегий английских подданных состоит в том, что они могут облагаться налогами только по общему их согласию. Поэтому они с начала учреждения провинции полагались на то, что парламент никогда не присвоит и — на основании этого пункта хартии, — не сможет присвоить себе права облагать их налогом до тех пор, пока не станет правомочным для осуществления такого права, допустив в свой состав представителей населения, подлежащего обложению налогом, которые должны участвовать в этом общем соглашении.

В. Имеются ли в хартии какие-нибудь слова, оправдывающие такое истолкование?

О. «Частное право англичан», как оно провозглашено в Великой хартии (Magna Charta) и в петиции о правах, — все это оправдывает его.

В. Существует ли в словах хартии различие между внутренними и внешними налогами?

О. Нет, не думаю.

В. В таком случае, не могут ли они путем такого же истолкования возражать против права парламента на обложение их внешними налогами?

О. До сих пор они этого никогда не делали. За последнее время здесь было использовано много аргументов, чтобы доказать им, что никакого различия не существует и что если вы не имеете права облагать их внутренним налогом, то не имеете права и облагать их внешними налогами или издавать какие-либо другие обязывающие их законы. В настоящее время они так не рассуждают, но со временем, возможно, будут убеждены этими аргументами.

В. Не сказано ли в резолюциях пенсильванского собрания «все налоги»?

О. Если и сказано, то имеются в виду только внутренние налоги; одни и те же слова не всегда имеют одинаковое значение здесь и в колониях. Под налогами они подразумевают внутренние налоги, под пошлинами — таможенные сборы; таков их язык.

В. Не довелось ли вам видеть резолюции собрания Массачузетс Бэй?

О. Да, я их видел.

В. Не говорится ли в них, что парламент не может облагать их ни внешними, ни внутренними налогами?

О. Мне не известно, чтобы это было так; думаю, что нет.

В. Если бы та же колония заявила, что на нее не может быть наложен ни налог, ни обложение, то не означало ли бы это, что эта провинция считает парламент неполномочным устанавливать ни то, ни другое?

О. Я полагаю, что под словом «*обложение*» они не подразумевают пошлин, налагаемых на ввозимые товары в целях *регламентации торговли.*

В. Что же в таком случае могут колонии подразумевать под обложением в отличие от налогов?

О. Они могут подразумевать многое — как вербовку людей или реквизицию повозок, расквартирование войск по частным домам и тому подобное; могут существовать крупные обложения, не являющиеся в собственном смысле этого слова налогами.

В. Не является ли почтовый тариф внутренним налогом, установленным законом парламента?

О. Я уже ответил на этот вопрос.

В. Одинаково ли способны все части колоний уплачивать налоги?

О. Конечно, нет; пограничные области, разоренные врагом, тем самым сильно ослаблены, и поэтому в таких случаях в наших налоговых законах им обычно даются льготы.

В. Можем ли мы на таком расстоянии быть компетентными судьями в вопросе о том, какие льготы являются необходимыми?

О. Парламент предполагал, что это возможно, претендуя на право издавать налоговые законы для Америки; я считаю это невозможным.

В. Оказала ли бы отмена закона о гербовом сборе расхолаживающее действие на ваши мануфактуры? Отказались ли бы люди, начавшие производить какие-нибудь товары, от их дальнейшего производства?

О. Думаю, что да, особенно если одновременно будет вновь открыта торговля, так что легко можно будет переводить деньги. Мне известно несколько случаев, показывающих, что это вероятно. В предпоследней войне, поскольку табак был дешев и приносил мало денежных переводов из-за границы, население Виргинии в основном пользовалось товарами домашнего производства. Позднее, когда табак поднялся в цене, оно вновь стало потреблять английские промышленные изделия.

Так, во время последней войны в Пенсильвании, сукновальни почти не использовались, поскольку банкноты имелись тогда в изобилии, и легко можно было переводить деньги в Англию за английские ткани и другие товары.

В. Если бы закон о гербовом сборе был отменен, то побудило ли бы это колониальные собрания Америки признать права парламента на обложение их налогом и аннулировали ли бы они свои резолюции?

О. Нет, никогда.

В. Существуют ли какие-нибудь средства принудить их аннулировать эти резолюции?

В. Насколько мне известно, они никогда этого не сделают, если только их не принудят к тому силой оружия.

В. Есть ли на земле такая сила, которая могла бы заставить их аннулировать эти резолюции?

О. Никакая сила, как бы велика она ни была, не может заставить людей изменить свои взгляды.

В. Рассматривают ли они почту как налог или как урегулирование?

О. Не как налог, но как урегулирование и удобство; каждое колониальное собрание поощряло и поддерживало ее на первых порах денежными пожертвованиями, чего они не стали бы делать, если бы смотрели на нее иначе; и население всегда платило почтовый сбор.

В. Когда вы получили инструкции, о которых вы упомянули?

О. Я привез их с собой, когда прибыл в Англию около пятнадцати месяцев тому назад.

В. Когда вы сообщили эту инструкцию министру?

О. Вскоре после моего приезда, в то время, когда обсуждалось обложение Америки гербовым сбором, и до того, как билль был внесен.

В. Что было бы более в интересах Великобритании — использовать рабочие руки в Виргинии для выращивания табака или в мануфактурах?

О. Конечно, для табака.

В. Что составляло до сих пор предмет гордости американцев?

О. Наслаждаться модами и промышленными изделиями Великобритании.

В. Что составляет предмет их гордости сейчас?

О. Продолжать носить свое старое платье до тех пор, пока они не смогут сами сделать себе новое. *(Удаляется.)*

ВОПРОСЫ

МИСТЕРА СТРАГАНА ПО ПОВОДУ АМЕРИКАНСКИХ ДЕЛ И ОТВЕТЫ ДОКТОРА ФРАНКЛИНА

В. СТРАГАН — В. ФРАНКЛИНУ

21 ноября 1769 года.

Дорогой сэр,

Во многих беседах, которые мы имели по поводу нынешних наших разногласий с Северной Америкой, мы были совершенно согласны в пожелании быстрого и счастливого окончания этих разногласий. Но как этого достигнуть — установить не столь легко.

Я смиренно полагаю, что слуги его величества имеют сейчас в виду две задачи: во-первых, освободить колонии от налогов, которые вызвали недовольство и в установлении которых они, конечно, не участвовали; во-вторых, сохранить честь, достоинство и главенство английской законодательной власти над всеми владениями его величества.

Поскольку мне известно Ваше превосходное знание вопроса, о котором идет речь, и я совершенно убежден в Вашей любви к его величеству и Вашем искреннем желании содействовать счастью в равной степени всех его подданных, прошу Вас прислать мне ответ на следующие вопросы в свойственном Вам четком, лаконичном и исчерпывающе ясном стиле. Я обращаюсь к Вам с этой просьбой сейчас, потому что дело это имеет величайшую важность и должно быть очень срочно подвергнуто обсуждению. Я делаю это с тем большим удовольствием, что Вы хорошо знаете меня и мои побуждения, так что у Вас не возникнет ни малейшего подозрения, что я могу использовать во зло какую-либо информацию, которую Вы мне дадите.

1. Не доставит ли отмена всех пошлин (за исключением пошлины на чай, которая и прежде взималась здесь при экспорте и, конечно, не представляет собой нового обложения [1])

полного удовлетворения колонистам? Если Вы ответите отрицательно, то

2. Каковы Ваши основания для такого суждения?

3. Считаете ли Вы, что единственно эффективный путь для урегулирования нынешних разногласий заключается в восстановлении точно такого положения, в котором американцы находились до принятия последнего закона о гербовом сборе? Если таково Ваше мнение, то

4. Каковы Ваши основания для него?

5. Если законодательная власть и министры его величества сочтут этот последний способ противоречащим их долгу, как хранителей законных прав короны и своих соотечественников, то не можете ли Вы подсказать какой-либо другой путь для окончания этих разногласий, совместимый с понятиями о справедливости и уместности, которые имеют подданные короля по обе стороны Атлантического океана?

6. И если этот способ будет действительно принят, то не думаете ли Вы, что это фактически поощрит необузданную и раскольническую часть колонистов домогаться еще больших уступок от метрополии?

7. Если они будут отменены только частично, то каковы будут, по Вашему мнению, как разумного и беспристрастного человека и друга в равной степени обеих сторон, возможные следствия этого?

Ответы на эти вопросы, как я смиренно полагаю, будут содержать всю нужную мне информацию, и я прошу Вас удостоить меня получить их как можно скорее. Всякий, кто желает мира и процветания Британской империи, и всякий друг нашей поистине счастливой конституции должен желать устранения даже самых ничтожных поводов к разладу между нашими соотечественниками. Наши внутренние раздоры, по моему мнению, сущие пустяки по сравнению с тем, о чем я говорю. Это Вы знаете гораздо лучше меня, и поэтому мне незачем что-либо добавлять, чтобы рекомендовать этот вопрос Вашему серьезному вниманию. Остаюсь с самым искренним уважением и любовью, дорогой сэр, Ваш покорный слуга

В. Страган.

ОТВЕТ

Кревен-стрит, 29 ноября 1769 года.

Дорогой сэр,

Только что возвратясь в город из маленькой экскурсии, нахожу Ваше письмо от 21-го числа, содержащее ряд вопросов, обстоятельный ответ на которые потребовал бы целой статьи.

Вы, однако, желаете получить только краткие ответы, которые я и постараюсь дать.

Перед тем, как поставить свои вопросы, Вы говорите мне, что, как Вы полагаете, слуги его величества имеют сейчас в виду, «во-первых, освободить колонистов от налогов, которые вызвали недовольство; во-вторых, сохранить честь, достоинство и главенство английской законодательной власти над всеми владениями его величества». Я надеюсь, что Ваша информация надежна и что то, что по Вашему предположению имеется в виду, будет проведено в жизнь посредством отмены всех тех законов, которые были созданы для сбора доходов в Америке властью парламента, без согласия ее народа. Честь и достоинство английской законодательной власти не пострадают от такого акта справедливости и мудрости. Мудрейшие государственные советы могут совершать ошибки, особенно в вопросах, далеких от их наблюдения. Не исправление ошибки, а упорство в ней роняет честь любого человека или организации людей.

Главенство этой законодательной власти, как я полагаю, будет лучше всего сохранено путем весьма осмотрительного ее применения: всегда не иначе, как для очевидного блага самих колоний или всей Британской империи; никогда — для односторонней выгоды Англии, в ущерб колониям. Думаю, что при таком разумном поведении главенство это может быть постепенно укреплено и со временем полностью упрочено; в противном случае, боюсь, что оно будет оспариваться и в ходе споров будет утрачено. В настоящее время колонии соглашаются на него и подчиняются ему в отношении общего регулирования торговли; но подчинение законам парламента не являлось частью их конституции в ее первоначальном виде. Прежние наши короли управляли колониями, как они управляли своими владениями во Франции, без участия английского парламента. Английский парламент никогда не осмеливался вмешиваться в эту прерогативу вплоть до периода великого мятежа, когда он узурпировал управление всеми другими владениями короля, — Ирландией, Шотландией [2] и др. Он победил силой оружия колонии, которые были на стороне короля, и управлял ими затем как покоренными странами; но Новую Англию, не оказавшую сопротивления парламенту, он рассматривал как братское королевство, находящееся в дружбе с Англией, и соответственно с ней обходился, как это видно из парламентских протоколов от *10 марта* 1642 г.

«1. Не доставит ли отмена всех пошлин (за исключением пошлины на чай, которая и прежде взималась здесь при экспорте и, конечно, не представляет собой нового обложения) полного удовлетворения колонистам?»

Ответ. Не думаю.

«2. Каковы Ваши основания для такого суждения?»

Ответ. Потому что бременем, на которое они жалуются, является для них не сумма, уплачиваемая ими по этой пошлине на чай, но принцип закона, выраженный в преамбуле; а именно, что пошлины эти были установлены для лучшего содержания правительства и судебной власти в колониях. Это колонисты считают ненужным, несправедливым и опасным для важнейших их прав. *Ненужным*, потому что во всех колониях (за исключением двух или трех новых *) правительство и судебные власти всегда хорошо содержались без каких-либо расходов для Англии; *несправедливым*, поскольку он обязывал такие-то колонии уплачивать такие-то расходы за других, до которых им не было никакого дела и в которых они не были заинтересованы; *опасным*, поскольку такой способ сбора денег для этих целей вел к тому, чтобы сделать их собрания бесполезными; ибо, если какой-то доход может быть собран в колониях для всех целей правительства на основании закона парламента, без вотирования его местным населением, то губернаторы, которые обычно не долюбливают собрания, никогда не стали бы их созывать. Собрания были бы отодвинуты в сторону; и, когда ничто уже не зависело бы больше от доброжелательства народа по отношению к правительству, права их были бы растоптаны; к ним стали бы относиться с презрением.

Другая причина, почему я думаю, что они не будут удовлетворены такой частичной отменой, заключается в том, что заключенные ими соглашения — ничего не ввозить до того, как будут отменены пошлины, — охватывают все пошлины в целом, а это показывает, что они возражают против всего в целом и что соглашения эти будут попрежнему связывать их, если не будет отменено все.

«3. Считаете ли Вы, что единственный эффективный путь для урегулирования нынешних разногласий заключается в восстановлении точно такого положения, в котором американцы находились до принятия последнего закона о гербовом сборе?»

Ответ. Думаю, что да.

«4. Каковы Ваши основания для такого мнения?»

Ответ. Были испытаны другие способы. Их осыпали градом упреков в гневных письмах. Их петиции либо не принимались, либо отклонялись парламентом. Обе палаты грозили им в своих резолюциях наказаниями за государственную измену. Их собрания были распущены, и к ним были высланы войска [3]; но все эти меры только ожесточали их и углубляли конфликт. Их решения не употреблять больше английских изделий еще более укрепились; и эти мероприятия, вместо того чтобы уладить

* Новая Шотландия, Георгия, Флорида и Канада. — *Автор.*

разногласия и содействовать доброму общению, почти ликвидировали Вашу торговлю с этими странами и серьезно угрожают национальному миру и общему благополучию.

«5. Если законодательная власть и министры его величества сочтут этот последний способ противоречащим их долгу, как хранителей законных прав короны своих соотечественников, то не можете ли Вы подсказать какой-либо другой путь для окончания этих разногласий, совместимый с понятиями о справедливости и уместности, которые имеют подданные короля по обе стороны Атлантического океана?»

Ответ. Я не вижу, каким образом способ этот может быть сочтен противоречащим правам короны. Если положение, в котором американцы находились прежде, будет восстановлено, то это должно быть сделано посредством закона парламента; в принятии такого закона королем права короны осуществляются, а не нарушаются. Для короны безразлично, будет ли помощь, получаемая из Америки, вотирована парламентом здесь или собраниями там, лишь бы *сумма* была той же самой; и я полагаю, что, как правило, там будут вотироваться добровольно бо́льшие суммы, нежели те, которые могут быть когда-либо взысканы или собраны властью парламента.

Что касается прав соотечественников (повидимому, Вы имеете в виду народ Англии), то я не могу себе представить, каким образом этот способ может их ущемить. Они будут попрежнему пользоваться правом вотировать собственные деньги и попрежнему смогут, если это им будет угодно, упорствовать в своей претензии на право вотировать наши — право, которое они никогда не смогут осуществлять надлежащим образом, ибо недостаточно знают нас, наши обстоятельства и наши способности (не говоря уже о маловероятности того, чтобы мы когда-либо ему подчинились), и которое, следовательно, не может принести им ни малейшей пользы; а мы будем продолжать пользоваться правом вотировать наши деньги фактически, придерживаясь широко распространенного у нас мнения, что мы свободные подданные короля и что подданные одной части его владений не являются повелителями над своими соотечественниками в любой другой их части.

Если подданные на разных берегах Атлантического океана имеют различные и противоположные понятия о «справедливости» и «уместности», то никакой «способ» не может быть совместимым одновременно с теми и другими понятиями. Лучше всего будет предоставить каждой стороне держаться собственных взглядов, не трогая их, если они не мешают общему благу.

«6. И если этот способ будет действительно принят, то не думаете ли Вы, что это фактически поощрит необузданную и

раскольническую часть колонистов домогаться еще больших уступок от метрополии?»

Ответ. Не думаю. В колониях, как и во всякой другой стране, могут найтись отдельные люди, заслуживающие названия раскольников и необузданных; но они не имели бы большого влияния, если бы подавляющее большинство трезвых, разумных людей было удовлетворено. Если бы оказалось, что какая-то колония считает некоторые Ваши торговые постановления несовместимыми с общими интересами империи или наносящими этой колонии ущерб, не давая никакой выгоды Вам самим, то она, как и прежде, изложит все это парламенту в своих петициях; но не будет, я полагаю, предпринимать каких-либо отчаянных шагов с целью добиться того, что она может надеяться со временем получить от мудрости здешнего правительства. Я не знаю ничего другого, что они могли бы иметь в виду; господствующее здесь представление о том, что они жаждут учредить свое собственное королевство или республику, является, как я достоверно знаю, совершенно беспочвенным.

Поэтому я думаю, что в случае полной отмены всех пошлин, специально установленных с целью сбора дохода с населения Америки без его согласия, нынешнее состояние напряженности было бы ослаблено; соглашения ничего не ввозить были бы расторгнуты, и торговля стала бы процветать, как и прежде; меня укрепляют в этом чувстве все полученные мной из Америки письма и мнения всех здравомыслящих людей, недавно прибывших оттуда, за исключением правительственных чиновников.

Я, конечно, знаю, что население Бостона жестоко оскорблено расквартированием там войск, которое оно считает противоречащим закону, и возмущено комиссией уполномоченных [4], оклеветавшей его перед правительством; но, как я полагаю, если будут осуществлены примирительные мероприятия, эти войска могут быть выведены; думаю также, что комиссия будет либо распущена, если она будет найдена бесполезной, либо заполнена более выдержанными и благоразумными людьми, если будет сочтена попрежнему полезной и нужной; я не представляю себе, чтобы эти частности помешали восстановлению столь желанной гармонии.

«7. Если они будут отменены только частично, то каковы будут, по Вашему мнению, как разумного и беспристрастного человека и друга в равной степени обеих сторон, возможные следствия этого?»

Ответ. Я полагаю, что частичная отмена пошлин ничего не даст Англии; торговля будет попрежнему затруднена, а американцы будут попрежнему следовать своим планам бережливости, прилежания и создания мануфактур к большой выгоде

для них самих. В какой степени это может нанести ущерб Англии, я сказать не могу; быть может, ущерб этот будет не столь велик, как опасаются некоторые, поскольку со временем она сможет найти новые рынки. Но я думаю, что если союз обеих стран будет продолжать существовать, то это не повредит общим их интересам; ибо то, что потеряет Англия в результате сокращения своей торговли с колониями, будет выиграно Америкой; а корона будет получать в общем прежнюю, если не еще бо́льшую, помощь от своих подданных.

А теперь, когда я ответил на Ваши вопросы относительно того, каковы могут быть, по моему мнению, следствия того или иного предполагаемого мероприятия, я пойду несколько дальше и скажу Вам, каков, как я опасаюсь, будет более вероятный ход действительных событий. Я опасаюсь, что власти, по крайней мере американские, будучи совершенно уверены в праве парламента, полагают, что оно должно быть осуществлено, каковы бы ни были последствия этого; и в то же время не считают, чтобы даже сейчас наблюдалось какое-то сокращение торговли между двумя странами в результате этих разногласий, или же думают, что если такое сокращение и имеется, то оно незначительно и не может продолжаться долго.

Правительственные чиновники в Америке уверяют их, что мануфактуры там невозможны; что число недовольных невелико и что это люди, не пользующиеся никаким влиянием; что почти все состоятельные и влиятельные люди довольны и склонны спокойно подчиниться праву парламента на налогообложение и что если таможенные законы будут продолжать действовать и отменены будут только те пошлины, которые называются антиторговыми, а вместо них, быть может, введены другие, то вскоре все терпеливо покорятся этому праву, и соглашения об отказе от ввоза — когда выяснится, что они не влекут здесь за собой никакого изменения мероприятий, — будут расторгнуты.

Вследствие этих и подобных им дезориентирующих сведений, которым здесь, повидимому, верят, я считаю вероятным, что в течение этой сессии Америке не будет дано основательного удовлетворения ее обид. Это может еще больше разжечь недовольство в этой стране; дальнейшие необдуманные мероприятия, осуществленные там, могут вызвать еще большее возмущение здесь, что может привести не только к неблагоразумному роспуску их собраний, как это было в прошлом году [5], но и к попытке аннулировать их конституцию; может случиться, что туда будет выслано еще больше войск, что создаст еще бо́льшую напряженность; чтобы оправдать мероприятия правительства, Ваши журналисты будут поносить американцев в Ваших газетах, как они уже начали это делать, называя их еретиками, мошен-

никами, негодяями, мятежниками и т. д., чтобы восстановить против них англичан, а все это поведет к дальнейшему ослаблению их любви к этой стране. Может также случиться, что некоторые из их страстных патриотов будут настолько выведены из себя, что какими-нибудь безумными действиями навлекут на себя высылку в Англию; а здешнее правительство будет достаточно неосторожно, чтобы на основании закона Генриха VIII повесить их.

Таким образом, взаимные провокации будут постепенно завершать разделение; и место той искренней любви, которая некогда и столь долго существовала, той гармонии, которая столь соответствовала обстоятельствам и была столь необходима для счастья, силы, безопасности и благополучия обеих стран, займут непримиримая злоба и взаимная ненависть, какие сейчас мы наблюдаем между испанцами и португальцами, генуэзцами и корсиканцами в результате столь же дурного управления со стороны верховных правительств; причем общность нации, религии, нравов и языка нисколько не помешают этому в нашем случае, как не помешали и там.

Я, однако, надеюсь, что все это может оказаться лжепророчеством и что нам с Вами еще доведется увидеть установление между нашими странами такой же искренней и совершенной дружбы, какая на протяжении столь многих лет существовала между мистером Страганом и его искренно любящим старым другом

В. Франклином.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА ПАУНОЛЛА О КОНСТИТУЦИИ КОЛОНИЙ С ЗАМЕЧАНИЯМИ ДОКТОРА ФРАНКЛИНА

«1 Куда бы англичане ни направлялись за пределы королевства и где бы они ни создавали поселения in partibus exteris *, эти поселения, как английские поселения, и эти жители, как английские подданные (несущие с собой законы страны повсюду, где бы они ни создавали колонии, и пользующиеся защитой его величества на основе его королевской хартии или правительственных патентов), обладают и пользуются всеми свободами и привилегиями свободных и натуральных подданных во всех и всяческих отношениях, как если бы каждый из них родился в пределах королевства, и они обязаны проявлять такую же преданность королю, как и все остальные подданные королевства».

Замечание. Поселенцы американских колоний не принесли с собой *законов страны* как законов, связывающих их повсюду, где бы они ни поселились. Они покинули королевство, чтобы избежать неудобств и лишений, которым они подвергались там, где действовали некоторые из этих законов, в особенности церковные законы, законы об уплате десятины и другие. Если бы имелось в виду, что они должны принести с собой эти законы, то лучше бы им было оставаться дома среди друзей, не подвергаясь риску и тяготам поселения на новом месте. Они принесли с собой право на такие статьи свода законов страны, которые они сочли выгодными или полезными для себя; право быть свободными от тех статей, которые они считали вредными; и право создавать такие новые законы, какие они сочтут необходимыми,

* За пределами государства. — *Ред.*

не нарушая при этом общих прав англичан; причем эти *новые* законы они должны были учреждать в возможно большем согласии с законами Англии.

«2. Поэтому обычное право Англии и все статуты, какие были приняты и действовали в то время, когда такие поселенцы покинули метрополию и когда такие колонии и плантации были учреждены (за исключением тех, которые позднее были отменены), вместе со всеми такими изменениями и исправлениями, какие могли быть внесены в означенное обычное право, являются в любое время и во все времена законом этих колоний и плантаций».

Замечание. Постольку, поскольку их приняли посредством специальных законов или практики.

«3. Поэтому все статуты, касающиеся права наследования или престолонаследия, вместе с относящимися к ним статутами о государственной измене; все статуты, регулирующие или ограничивающие общие полномочия и власть короны и отправление правосудия; все статуты, декларирующие права и свободу подданного, распространяются на всех английских подданных в колониях и на плантациях, как относящиеся к обычному праву и как если бы каждый из этих подданных родился в пределах королевства».

Замечание. Сомнительно, чтобы замещение престола санкцией парламента было признано в колониях иначе, как с согласия их собраний. Если бы восстание 1745 года было настолько успешным, что снова восстановило бы на троне династию Стюартов посредством закона парламента, то, думаю, что колонии не сочли бы себя связанными подобным законом. Они сохранили бы верность нынешней династии так долго, как только смогли бы.

Ответное замечание. Они являются верноподданными короля и его преемников, и мы не знаем другого порядка замещения престола, как по закону парламента. *(Т. П.)*

«4. Все статуты, введенные после учреждения колоний и плантаций, распространяются на означенные колонии и плантации и действуют в них, причем эти последние специально указываются в этих статутах».

Замечание. Сомнительно, чтобы какой-либо закон парламента действовал в колониях *по праву;* некоторые из них действовали и действуют *фактически.*

«5. Статуты и обычаи, касающиеся только специальных и местных обстоятельств королевства, не распространяются на означенные колонии и плантации, где не имеется таких специальных и местных обстоятельств, и не действуют в них. Таковы церковное и каноническое право и все статуты, касающиеся десятины; законы, касающиеся courts baron и копигольдеров;

законы об охоте; статуты, касающиеся бедняков и дарственных записей, и все другие законы и статуты, имеющие специальное отношение к специальным и местным обстоятельствам и учреждениям в пределах королевства; все они не распространяются на эти поселения in partibus exteris, где не существует таких обстоятельств или учреждений, и не действуют в них».

Замечание. Эти законы не имеют силы в Америке не только из-за различия местных обстоятельств, но также потому, что они никогда не были приняты или перенесены сюда законами собрания или судебной практикой.

«6. Никакие статуты, созданные с момента учреждения названных колоний и плантаций (за исключением описанных выше в статьях 3 и 4), не распространяются на означенные колонии и плантации и не действуют в них.

Вопрос. Распространялся ли бы на означенные колонии и плантации и действовал ли бы в них по праву какой-либо статут, созданный после учреждения означенных колоний и плантаций, если бы этот статут имел в виду отмену и ликвидацию полномочий и юрисдикций их конституций, причем управление в соответствии с этими конституциями не противоречило бы законам и не умаляло бы или не ослабляло их действенность каким-либо иным образом; или если бы этот статут имел в виду лишение поселенцев их прав и привилегий как английских подданных?»

Ответ. Нет. Парламент не имеет такой власти. Хартии не могут быть изменены иначе, как с согласия обеих сторон — короля и колоний.

«В отношении вопросов факта, права и закона, как указано выше, дело обстоит так, что, поскольку английские подданные, поселившиеся таким образом вне пределов королевства, in partibus exteris, каковые части не входят в единый союз с королевством, как части, находящиеся внутри него, они, эти подданные, имеют право иметь (как они и имеют) *отдельное гражданское правительство в полном его составе;* и управляться (как они и управляются) этим правительством, пользующимся такими же правами, преимуществами и юрисдикциями (в соответствии с подобными же правами, привилегиями, иммунитетами, избирательными правами и гражданскими свободами), какие существуют и установлены в английском правительстве в отношении английских подданных в пределах королевства».

Замечание. Правильно.

«Отсюда также следует, что права подданного, как они декларируются в Петиции о правах, ограничение прерогативы, установленное законом об уничтожении Звездной палаты и об упорядочении работы Тайного совета и т. д., Habeas corpus

act, статут о мошенничествах (Statute of Frauds), билль о правах распространяются согласно обычному праву на означенные колонии и плантации и действуют в них».

Замечание. Многие из этих прав установлены специальными колониальными законами. Если некоторые из них не установлены еще подобным образом, то колонии имеют право на такие законы; и, поскольку соглашение в хартиях было заключено королем за себя и за своих наследников, такие законы должны получать королевское согласие, как *основанные на праве.*

«Отсюда следует, что фригольдеры в границах этих юрисдикций принимают (как они должны по праву) *участие во власти создавать те законы,* которыми они должны управляться, по праву, согласно которому они посылают своих представителей, чтобы те действовали от их имени и давали за них согласие по всем вопросам законодательства; означенные представители, когда они собираются на генеральном собрании, имеют вместе с короной право создавать и принимать все подобные законы, касающиеся вопросов, дел и прав в границах их юрисдикции, как парламент имеет это право в отношении королевства и английских владений.

Отсюда также следует, что все исполнительные должности — от высшего члена гражданского магистрата, как заместителя *(locum tenens)* короля, и до констебля и градоначальника — должны по праву быть учреждены со всеми этими и им подобными полномочиями не в большей и не в меньшей степени, чем те, которые определены конституцией и законом, как они фактически и учреждены.

Отсюда следует, что судебные должности и суды, учрежденные в границах означенных юрисдикций, имеют, как и должны по праву иметь, все те юрисдикции и полномочия «во всей полноте и объеме, во всех и всяческих отношениях, какие имеют и должны иметь суды Королевской скамьи, Комонс Плиз и казначейский в пределах королевства его величества и уполномочены выносить приговоры и присуждать наказания на основании этих юрисдикций».

Отсюда следует, что посредством обладания, использования и употребления большой государственной печати его величества, врученной губернатору его величества, в границах соответствующих юрисдикций учреждены все те и подобные им права суда лорда-канцлера (за исключением тех провинций, где они специально исключаются хартиями), какие имеет канцлер его величества в пределах королевства его величества и должен иметь по праву в силу вручения ему большой государственной печати Англии. Отсюда следует, что все подобные права, привилегии и полномочия являются следствием использования, употребле-

ния и применения большой государственной печати каждой колонии и плантации в границах означенной юрисдикции; как это является и по праву должно являться следствием использования, употребления и применения большой государственной печати.

Отсюда также следует, что апелляции по искам о недвижимой собственности, по которым могут разбираться дела и выноситься решения в отношении земельных владений, арендуемых и унаследованных имений английских подданных, не подлежат, как по праву и по закону и не должны подлежать, компетенции Королевского совета.

Отсюда также следует, что в настоящее время не существует такого закона, по которому подданный в пределах означенных колоний и плантаций может быть изъят из-под юрисдикции, которой он подсуден во всех своих правах, посредством которой определяется его служба и преданность короне и согласно которой уголовные дела не подлежат апелляции; так, чтобы такой подданный мог стать подсудным юрисдикции, чуждой его естественным и законным правам, которой он может быть тем самым передан и на основании которой может быть отдан под суд и получить приговор, противоречащий правам и привилегиям подданного, декларированным духом и целью закона Habeas corpus, особенно же его 16-м разделом. И если бы особа какого-либо подданного в пределах означенных колоний и плантаций была схвачена и задержана какой-либо властью, исходящей из любого суда, находящегося вне пределов юрисдикции колонии, гражданином которой он был в то время, то обязанностью суда *в пределах* такой колонии станет издать предписание по закону Habeas corpus (что, несомненно, входит в пределы его юрисдикции).

Отсюда следует также, что подобно тому, как «командование и дислокация милиции и всех морских и сухопутных сил, как и всех фортов и укрепленных пунктов, составляют и по законам Англии всегда составляли бесспорное право его величества и его царственных предшественников, королей и королев Англии, в пределах всех королевств и владений его величества»; подобно тому, как верховная военная власть и командование (поскольку конституция знает и оправдывает их учреждение) неразрывно слиты в одно целое с должностью высшего члена гражданского магистрата, должностью короля и составляют ее существенную часть; подобно этому и во всех провинциях, находящихся под властью короля, где избиратели являются английскими подданными, имеющими полное и совершенное право на английские законы и конституцию, верховное военное командование в границах таких юрисдикций должно быть неразрывно слито с должностью высшего члена гражданского

магистрата (в какой бы форме она ни была учреждена: регента его величества, вице-регента, заместителя или locum tenens), так что король не может посредством какого-либо патента на регентство, какого-либо патента или хартии на управление отделить или отнять верховное командование военными силами от должности высшего члена гражданского магистрата ни путем сохранения этого командования в своих собственных руках для осуществления и исполнения независимо от гражданской власти, ни путем дарования отдельного патента какому-либо военному главнокомандующему для осуществления и исполнения; особенно же это недопустимо в отношении таких юрисдикций, где верховная военная власть (поскольку конституция ее знает и оправдает) *уже* слита с должностью высшего члена гражданского магистрата и дарована ей.

Отсюда следует, что король не может создать или учредить какое-либо военно-судебное или военное командование посредством выдачи патента какому-либо лицу, которое заняло бы место высшего члена гражданского магистрата в соответствующих границах гражданских юрисдикций означенных колоний и плантаций, а не подчинялось бы ему, разве только все это будет осуществляться так, как это имеет место в пределах его величества королевств и владений Великобритании и Ирландии, где означенные военно-судебные и военные патенты слиты с высшей юрисдикцией или подчинены ей; а отсюда следует, что учреждение и осуществление в Америке таких командований посредством патентов было бы незаконным».

Замечание. Королю принадлежит командование всеми военными силами в его владениях; но на вербовку и содержание такой военной силы в каждой отдельной части его владений должно иметься согласие парламента или собрания (представительного учреждения). Он не может даже набирать войска в одной части своих владений и расквартировывать их в другой без согласия последнего. Он не может по праву без согласия английского парламента привести и расквартировать в Англии войска, набранные в Ирландии, или привести в Ирландию и там расквартировать солдат, набранных в Англии, без согласия ирландского парламента, за исключением военного времени или случаев чрезвычайной необходимости. В 1756 году, когда спикер выступил, чтобы представить финансовые билли, он, между прочим, сказал, что «Англия способна сама вести свои собственные сражения и защищать себя; и хотя они всегда привержены особе вашего величества и всегда довольны вашим справедливым правлением, они не могут не обратить внимания на некоторые обстоятельства в нынешнем положении дел; и только вера в вашу справедливость сдерживает самые серьезные их опасения по поводу этих обстоятельств. Субсидии иностран-

ным государям очень тяжелы для страны, и без того обремененной выплатой почти непосильных долгов. Иностранные войска, приведенные в Англию — случай беспрецедентный и доселе неслыханный и неизвестный, — не может не вызвать тревоги» и т. д. и т. п. (см. «*Речь*»).

N. B. Эти *иностранные войска* состояли из подданных короля, ганноверцев, которые все находились на *его* службе; что равносильно...

ПЛАН ПОМОЩИ ОТДАЛЕННЫМ НЕОБЕСПЕЧЕННЫМ СТРАНАМ

ДОКТОР ФРАНКЛИН И Г. ДАЛРИМПЛ

29 августа 1771 года

Страна, называемая на картах Новая Зеландия, состоит, как это было открыто кораблем «Эндевор», из двух островов, которые по величине равны Великобритании; эти острова, называемые Акпи-Номавее и Тови-Поеннамоо, населены смелым, благородным племенем, у которого нет ни зерна, ни домашней птицы и никаких четвероногих, кроме собак.

Когда эти обстоятельства были недавно упомянуты в компании людей, разделяющих либеральные взгляды, то было замечено, что, повидимому, такой стране, как наша, следует передавать всем другим странам удобства жизни, которыми мы располагаем. Доктор Франклин, вся жизнь которого была направлена на служение подлинным интересам общества, сказал, что он с радостью согласится *сделать денежное пожертвование* на организацию путешествия, цель которого передать все те блага, которыми мы располагаем, странам, лишенным их в отдаленных частях земного шара. Так как это предложение было горячо принято остальными присутствующими, мистеру Далримплу, который там находился, было предложено принять командование этой экспедицией.

После долгих размышлений этот план был признан в наибольшей степени из всех возможных отвечающим национальному характеру, так как он основывался на благороднейшем принципе благожелательности. Хорошие намерения часто не осуществляются из-за отсутствия предварительной разработки. Мистеру Далримплу было поручено письменно изложить проект, который ниже публикуется, чтобы при первом же сообщении

была возможность собрать все советы, которые смогут способствовать действительному выполнению благотворительной цели этой экспедиции, в случае если она встретит всеобщее одобрение.

Когда этот план был показан доктору Франклину, то он изложил свои соображения в виде краткого вступления следующим образом.

«Говорят, Англия буквально ничего не производит, кроме *тёрна*. Какие большие выгоды ей предоставляют другие страны, ввозящие фрукты, зерно, корнеплоды, травы, скот и произведения искусства! При их посредстве мы стали богатой и могущественной нацией, изобилующей всеми хорошими вещами. Разве это не налагает на нас *обязанности* в отношении других стран, все еще пребывающих в том состоянии, в каком были мы?

Англия в настоящее время является первой морской державой в мире. Ее корабли бесчисленны и благодаря своей форме, размеру и прочности могут плавать по всем морям. Наши матросы храбры, искусны и выносливы, они умело исследуют отдаленные местности и готовы пускаться в путешествия в неизведанные страны, несмотря на то, что это связано с величайшими опасностями. Жители этих стран, наши *братья,* имеют только челноки, не зная железа, они не могут строить корабли; они плохо знают астрономию и у них нет компаса, поэтому они не могут приплыть к нам или добиться тех же успехов, что и мы. Разве не вытекает из этих обстоятельств, что мы в долгу перед ними? Разве провидение своими милостями не призывает нас что-нибудь сделать самим для общего блага человечества?

Тех, кто думает, что их обязанность ежедневно просить у него хлеб и другие благодеяния, разве не считают также своей обязанностью принимать эти благодеяния, когда они их получают, и выказывать свою благодарность великому благодетелю всеми средствами, которые в их распоряжении, и способствовать счастью других его чад?

Говорят, что Церера совершила путешествие по многим странам, чтобы научить людей пользоваться зерном и научить способам его произрастания. За эту единственную милость благодарные народы обожествляли ее. Насколько больше уважения могут заслужить англичане, если они передадут знания и уменье пользоваться не только зерном, но и всеми другими благами, производимыми землей, и теми, которыми они сейчас обладают. Commūnitĕr bona profundere, Deum est *.

Много путешествий было предпринято ради выгоды, грабежа или для удовлетворения своего негодования или с целью добиться для себя преимущества и причинить ущерб

* Сообща жертвовать благами угодно богам. — *Ред.*

другим. Но предлагаемое теперь путешествие с целью посетить отдаленные народы на другой стороне земного шара предпринимается не для того, чтобы обманывать их, грабить, захватывать их земли, порабощать их, а только из желания сделать им добро и, насколько это в наших силах, помочь им зажить, пользуясь теми же благами, как и мы.

Повидимому, похвальным является желание, чтобы все народы мира были объединены тем, что знали друг друга и обменивались взаимными выгодами; торговая нация особенно должна желать общей цивилизации человечества, так как торговля всегда ведется в большинстве случаев с народами, которые имеют ремесла и удобства жизни, а не с голыми дикарями. Мы можем надеяться, что задуманное нами дело принесет пользу нашей стране так же, как и тем бедным людям, которые хотя и значительно отдалены от нас, но в действительности родственны нам, и чьи интересы в какой-то степени касаются каждого, кто может сказать: Homo sum *.

План организации путешествия на деньги, собранные по подписке, для отправки средств повышения уровня жизни, а именно — домашней птицы, свиней, коз, крупного рогатого скота, зерна, железа и т. п., в отдаленные местности, лишенные их, и для перевозки оттуда таких продуктов, которые могут культивироваться в нашем королевстве для пользы общества, на корабле под командой Александра Далримпла.

Куттер или барк того типа, которые используются для перевозки угля, водоизмещением в 350 тонн, стоит около 2000 фунтов. Дополнительные расходы, шкиперское имущество, лодки и т. д. 3000 фунтов. Команда из 60 человек, 4 фунта каждому в месяц

$$\begin{array}{r} 240 \text{ фунтов} \\ \times \quad 12 \\ \hline 2880 \text{ фунтов в год.} \end{array}$$

Жалованье и провизия за 3 года 8640 фунтов

$$\begin{array}{r} 8640 \\ \hline 13\,640 \text{ фунтов} \end{array}$$

Включая предполагаемый груз корабля, получаем 15 000 фунтов.

Расходы этой экспедиции рассчитаны на три года, но наибольшая часть жалованья не понадобится до возвращения судна, а значительная часть расходов на провизию будет сохранена тем, что будет добыто во время путешествия посредством обмена или еще как-нибудь; тем не менее нужно предусмотреть непредвиденные обстоятельства.

---

* Я человек. — *Ред.*

ТЕРПИМОСТЬ В СТАРОЙ АНГЛИИ И В НОВОЙ АНГЛИИ

Сэр!

Из газет я понял, что в дебатах по законопроекту об освобождении диссидентов [1] от подписывания церковных догматов им были брошены всевозможные упреки, «что сами они нетерпимы к другим религиям и преследуют их. Когда они имели превосходство, они преследовали церковь и до сих пор преследуют ее в Америке, где они заставляют ее членов платить налоги на содержание пресвитерианской [2] и индепендентской [3] церквей и в то же время отказывают им в полном отправлении их религии путем назначения епископов».

Если мы оглянемся назад и рассмотрим характер существующих в христианстве сект, то обнаружим, что только немногие из них не были в свою очередь преследователями и не жаловались на преследование. Первые христиане считали преследования, проводившиеся язычниками, чрезвычайно несправедливыми, но сами практиковали его в отношении друг друга. Первые протестанты в англиканской церкви порицали преследования в Римской церкви, а сами преследовали пуритан. Последние считали это несправедливым со стороны епископов, но сами впадали в ту же несправедливость как здесь, так и в Новой Англии. Чтобы объяснить это, мы должны помнить, что доктрина *терпимости* не была тогда известна или не была так распространена. Вина преследования поэтому скорее ложилась не на секты, а на время. В те дни преследование не считалось *само по себе* плохим. Общим было мнение, что те, *кто заблуждается*, не должны преследовать истину; но *те, кто владел этой истиной*, были вправе преследовать заблуждение с тем, чтобы уничтожить его. Таким образом, каждая секта

считала, что она обладает *полной истиной*, и любой догмат, отличающийся от ее собственных, рассматривала как *заблуждение* и считала, что когда власть в ее руках, то такое преследование является обязанностью перед богом, которого они считали оскорбленным ересью. Постепенно появились более воздержанные *и более умеренные* суждения в христианском мире; и особенно среди протестантов все отказались от преследований, никто не оправдывал его и лишь немногие осуществляли. Вот почему мы должны не упрекать друг друга за то, что было сделано нашими предками, а судить о современном состоянии сект и церквей, исходя только из их *настоящего поведения.*

Теперь, чтобы установить справедливость обвинения против современных диссидентов, в особенности находящихся в Америке, давайте рассмотрим следующие факты. Диссиденты приехали из Англии, чтобы на свои собственные средства основать новое государство, где бы они могли довольствоваться свободным отправлением своей религии. Когда они купили землю у туземцев, то согласились дать часть земли церковным приходам, не требуя за это ни денег, ни ренты, а только выполнения единственного условия: чтобы земельные собственники всегда содержали евангельского священника (возможно, имеется в виду одна из ведущих сект) и приходскую школу. Таким образом, то, что обычно называется пресвитерианством, стало *официальной религией* в этой стране. Все шло хорошо до тех пор, пока эти религиозные взгляды были общими, а содержание священника и школы было определено пропорциональным налогом на землю. Но с течением времени некоторые стали квакерами, некоторые баптистами, а в последнее время некоторые вернулись к англиканской церкви (благодаря похвальным стараниям и *правильному распределению* денежных средств Общества распространения евангелия) и поэтому стали возражать против уплаты налога на поддержку церкви, которую они не одобряли и которую они покинули.

Тем не менее члены городского магистрата продолжали некоторое время собирать и устанавливать налог согласно первоначальным законам, которые оставались в силе; и они делали это довольно свободно, так как считали справедливым, что землевладельцы должны платить согласно контракту, ибо это было единственным условием их соглашения и было принято всеми последующими поселенцами, как постоянный налог на земельный участок, купленный поэтому по соответственно более дешевой цене. Считалось, что ни один честный человек не должен избегать этого налога под предлогом изменения своих религиозных убеждений. И это, я полагаю, является одним из лучших оснований требовать теперь в Англии уплаты церковных десятин диссидентами. Но так как эта практика приверженцами

епископальной церкви рассматривалась как преследование, законодательная власть провинции залива Массачузетс, пойдя им навстречу лет тридцать назад, издала закон, согласно которому налог уплачивался, как обычно, но часть сумм, полученных от обложения налогом членов английской церкви, должна быть выплачена священнику той церкви, где эти люди обычно посещали богослужение; священнику же дано было право получать эти деньги и в отдельных случаях *взыскивать по закону*.

Повидимому, законодательная власть считала, что *цель* налога — укреплять и улучшать нравственность людей и способствовать их счастью посредством поддержания среди них общественного поклонения богу и проповедования евангелия. Если люди определенным способом поклоняются богу, то этот способ, вероятно, наиболее удобный для них; и если делается добро, то уже неважно, каким способом или кем оно делается. То соображение, что их братьев диссидентов в Англии все еще заставляют платить церковную десятину священникам англиканской церкви, не имеет достаточного веса для законодательной власти, чтобы отменить этот умеренный закон, который все еще остается в силе; и я надеюсь, что никакой немилосердный поступок церкви по отношению к диссидентам никогда не побудит их окончательно отменить его.

Что касается *епископа*, то я не знаю, на каком основании диссидентов как здесь, так и в Америке обвиняют в нежелании иметь у себя этого священнослужителя. *Здесь*, повидимому, они не принимают никакого участия в этом деле. *Там* они не имеют силы предотвратить это, если правительство захочет послать епископа. Возможно, им будет *неприятно* видеть в своей среде людей, от преследований которых их отцы бежали в эту пустынную местность, будущего господства которой они могли опасаться, *не зная, что их собственная природа уже изменилась*. Но то, что епископы не назначаются в Америку, происходит по другой причине. То же самое мудрое правительство, которое не допускает соборов и запрещает за неподписание преследование noli prosequis диссидентов, избегает назначать епископов, где умы людей еще не приготовлены, чтобы сердечно принимать их, и чтобы общественное спокойствие не было нарушено.

А теперь давайте посмотрим, как это *преследование отражается* на позициях различных партий.

В Новой Англии, где законодательные учреждения почти все до одного состоят из диссидентов англиканской церкви:

1. Не существует присяги, которая препятствовала бы священникам занимать должности.

2. Сыновья прихожан имеют полное право учиться в университетах.

3. Налоги на отправление церковной службы, уплачиваемые членами англиканской церкви, передаются епископальному священнику.

В Старой Англии:

1. Диссиденты не допускаются ни на какую доходную или почетную должность.

2. Право на обучение в университетах дается только сыновьям членов англиканской церкви.

3. Духовенство диссидентов не получает ничего из церковной десятины, уплачиваемой членами его церкви, которым поэтому приходится вносить дополнительные средства.

Но говорят, что диссиденты Америки *противятся* назначению епископа.

В действительности не только одни диссиденты противятся (если «*не поощряют*», следует истолковывать как «*противятся*»), мирянам вообще и даже некоторым священникам тоже не нравится этот проект. Жители штата Виргиния почти все — приверженцы епископальной церкви. Там церковь полностью учреждена, и члены совета Генеральной ассамблеи все до одного — приверженцы этой церкви. Все же, когда недавно на собрании духовенства была принята резолюция просить о назначении епископа, то тем не менее некоторые возражали против нее, ассамблея же провинции на своем следующем заседании выразила по этому поводу решительное неодобрение, единодушно поблагодарив от имени палаты возражавших; многие американцы (приверженцы епископальной церкви), не принадлежащие к духовному званию, предпочитают отправлять своих сыновей в Англию для посвящения в духовный сан с тем, чтобы они одновременно могли здесь совершенствоваться в науках, или чтобы конгрегация пополнялась англичанами, которые получили образование в английских университетах и были посвящены в духовный сан перед тем, как ехать за границу. Тем не менее они не видят необходимости в епископе только для посвящения в духовный сан, а конфирмацию они считают церемонией не большой важности, поскольку в Англии только очень немногие стремятся к ней, где имеется сколько угодно епископов. Эти настроения преобладают среди многих прихожан: не поддерживать проект, который, как они полагают, рано или поздно должен обременить их большими расходами. Что касается диссидентов, то они более терпимо относятся к этому мероприятию, тем более если епископы по своей мудрости и доброте сочтут возможным показать свои священные особы в более дружественном свете, перестанут противиться просьбе диссидентов об освобождении их от письменной присяги и заявят о своем согласии на занятие диссидентами государственных должностей, на разрешение им обучаться в университетах

и привилегию обращать церковную десятину на содержание своего собственного духовенства. Во всех этих пунктах терпимости они остаются далеко позади нынешних диссидентов Новой Англии, и, возможно, некоторые сочтут ниже достоинства епископов следовать такому низменному примеру. Однако я не теряю надежды, что они сделают это со временем, ибо поступки подобного рода не являются слишком трудными для *истинно христианского смирения*. Остаюсь, сэр, ваш и т. д.

Житель Новой Англии.

ПРЕДИСЛОВИЕ АНГЛИЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

К «РЕШЕНИЯМ И ПРОТОКОЛАМ ЗАСЕДАНИЙ ФРИГОЛЬДЕРОВ И ДРУГИХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА БОСТОНА»

В последние годы здесь тщательно скрывались и заглушались все сообщения о столь широком недовольстве в наших колониях, поскольку в расчеты американского министра, повидимому, входило распространить мнение, что благодаря его великим талантам все раздоры были подавлены, всякое сопротивление сломлено и вся страна усмирена. Чтобы стало известным истинное положение дел в Америке и были поняты подлинные причины этого недовольства, здесь перепечатана нижеследующая статья (являющаяся не произведением одного автора, а единодушной акцией всего населения крупного американского города), недавно опубликованная в Новой Англии. На основании этой статьи английский народ и другие народы Европы могут с большей достоверностью уяснить себе причины разногласий, последствия которых рано или поздно могут коснуться их самих.

С момента создания первых поселений колонии управлялись с легкостью, какой, быть может, никогда не знала история столь отдаленных владений. Их любовь и уважение к Великобритании на протяжении всего того времени, когда с ними обращались доброжелательно, породили чуть ли не слепое повиновение указаниям монарха и даже актам английского парламента; хотя они никогда не понимали, какие верховные права могло иметь по отношению к ним это законодательное собрание, в котором они не были представлены. Эти уважение и любовь вызывали пристрастное отношение ко всему английскому; отсюда предпочтение ими английских мод и изделий; их покорность ограничениям ввоза иностранных товаров, пользоваться которыми они не имели особого желания; отсюда и монополия

на торговлю с ними, которой мы столь долго пользовались к вящему обогащению наших купцов и ремесленников.

Первым актом, нарушившим это счастливое положение вещей, была ошибочная политика закона о гербовом сборе; однако пламя, которое он разжег, было быстро потушено его отменой, и восстановилась прежняя гармония со всеми сопутствующими ей преимуществами для нашей торговли. Последующий закон нового правительства, которое, не довольствуясь установленным исключением иностранных изделий, начало с помощью высоких пошлин делать наши собственные изделия более дорогими для американских потребителей, вновь разжег это пламя; и на всем континенте стали заключаться соглашения о прекращении торговли с Англией до тех пор, пока эти пошлины не будут отменены. Соответственно с этим были отменены все пошлины, кроме одной, — *пошлины на чай*. Она была сохранена (что было открыто признано) как утверждение претензии на право назначать такие пошлины, присвоенное себе парламентом, и как осуществление этого права.

Колонии после этой отмены отказались от своего соглашения в отношении всех других товаров, за исключением того, на который была сохранена пошлина. Здесь министр по делам колоний возвестил об этом, как о победе; там это рассматривалось всего лишь как подобающая и надлежащая мера, показывающая готовность пойти навстречу метрополии в ответ на каждый ее шаг к примирению и как столь явное желание достигнуть доброго соглашения, что, возможно, они скоро смягчились бы также и в вопросе о чае. Но поскольку продолжала существовать система таможенных агентов, бесчисленного множества чиновников, с флотами и армиями для сбора и насильственного внедрения этих пошлин; поскольку чиновники эти действовали весьма неучтиво и опрометчиво (вызывая серьезное и ненужное беспокойство и чиня препятствия в торговых делах, затевая несправедливые и досадные судебные процессы и мешая торговле во всех ее отраслях, в то время как министр держал население в состоянии постоянного раздражения инструкциями, которые, повидимому, имели единственной целью удовлетворение его личных обид), — по всем этим причинам колонисты продолжали упорствовать в этом вопросе; и это обстоятельство должно было бы послужить министрам предостережением и побудить их не рисковать ради задетого самолюбия затруднением одной какой-либо отрасли торговли; поскольку тем самым могут быть нарушены весь ход дела и все торговые связи в целом, и в такой степени, которую невозможно предусмотреть или вообразить. Ибо оказывается, что поскольку колонии убедились в том, что их смиренные петиции об отмене этой пошлины были с презрением отклонены и что собранные

на основе этой пошлины суммы пошли на вознаграждение незаслуженным жалованьем и пенсиями всех их врагов, то сама пошлина стала им еще более ненавистной и их решение не признавать ее еще более энергичным и упорным.

Голландцы, датчане и французы воспользовались этим представившимся им по нашей неосторожности благоприятным случаем и занялись контрабандным ввозом чая на плантации. Вначале это было трудно; но в конце концов, поскольку всякое дело совершенствуется путем практики, провозить контрабандой стало легко. Побережье длиной в 1500 миль не могло охраняться на всем протяжении (даже если бы для этого был использован весь флот Англии), особенно в стране, все население которой считало введенные ограничения не соответствующими конституции, а контрабанду, конечно, актом патриотизма. К тому же несчастные бедняки, которым за жалкое вознаграждение было доверено сторожить порты и днем и ночью, во всякую погоду, считали более легким и выгодным делом не только клевать носом на посту, но и спокойно спать в своих постелях, поскольку торговцы платили им более щедро, чем король. Наряду с чаем стало выгодно ввозить также и другие индийские товары, которые сами по себе не могли бы сделать контрабандистский вояж достаточно прибыльным; и существует опасение, что дешевые французские шелка, ранее приходившиеся не по вкусу жителям колоний и отвергавшиеся ими, быть может, нашли себе дорогу туда вместе с изделиями Индии и сейчас прочно заняли свое место в потреблении населения, изменившего свое мнение о них.

Считается, что по меньшей мере миллион американцев пьют чай два раза в день; исходя из его первоначальной стоимости здесь, это составляет едва ли меньше полугинеи на душу в год. Этот рынок, который за пять лет, истекших со времени принятия закона, мог бы пополнить сундуки компании двумя с половиной миллионами гиней за один только чай, мы расточительно утратили в пользу чужеземцев.

Тем временем, говорят, поступление пошлин настолько сократилось, что весь сбор прошлого года составил всего-навсего жалкую сумму в восемьдесят пять фунтов при расходе в несколько сот тысяч фунтов на содержание вооруженных судов и солдат для поддержки таможенных чиновников. В результате чай и другие индийские товары, которые могли быть проданы в Америке, продолжают гнить на складах компании, в то время как в иностранных портах, как известно, все склады очищены для удовлетворения американского спроса. Отсюда до известной степени неспособность компании оплатить свои счета; падение ее акций, что повлекло за собой уничтожение на миллионы фунтов стерлингов имущества; снижение ее дивидендов,

что должно было повергнуть в нужду стольких людей; потеря правительством обусловленных 400 тысяч фунтов в год, что должно означать соответствующее сокращение наших накоплений, предназначенных для оплаты нашего огромного долга; и отчасти отсюда же тяжелый удар, нанесенный кредиту вообще и приведший к разорению множества семей; застой коммерческой деятельности в Спиталфильде и Манчестере вследствие отсутствия сбыта для их товаров, а также другие грядущие бедствия, избежать которые едва ли возможно в силу того, что из-за многочисленности связей в коммерческой деятельности в целом и из-за окутывающей их тайны их не легко предусмотреть.

КАК ИЗ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ СДЕЛАТЬ МАЛЕНЬКОЕ ГОСУДАРСТВО. ПРАВИЛА, ПРЕПОДАННЫЕ МИНИСТРУ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ЕГО В ДОЛЖНОСТЬ

Один древний мудрец гордился тем, что хотя он и не умел играть на скрипке, зато знал, как из маленького города сделать большой. Я же, современный простак, собираюсь преподать прямо противоположную науку.

Я обращаюсь ко всем министрам, управляющим обширными владениями, править которыми в силу самих их размеров стало весьма хлопотным, поскольку многочисленность их дел не оставляет времени для игры на скрипке.

1. Прежде всего, джентльмены, вам следует учесть, что большую империю, как и большой пирог, легче всего уменьшить, обламывая по краям. Обратите поэтому ваше внимание сначала на ваши *наиболее отдаленные* провинции с тем, чтобы, когда вы избавитесь от них, за ними могли по очереди последовать другие.

2. Чтобы возможность такого отделения могла существовать постоянно, особенно позаботьтесь о том, чтобы *провинции никогда не объединялись с метрополией*, чтобы они не пользовались теми же общими правилами, теми же торговыми привилегиями; чтобы они управлялись посредством более строгих законов, издаваемых только вами, причем не следует допускать их к какому-либо участию в выборе законодателей. Тщательно создавая и сохраняя такие различия, вы (придерживаясь моего сравнения с пирогом) будете действовать, как мудрый кондитер, который, чтобы облегчить себе резание пряника, заранее делает насечки на тесте в тех местах, по которым он должен разломать готовый пряник на отдельные части.

3. Быть может, эти отдаленные провинции были присоединены, куплены или завоеваны силами исключительно самих поселенцев или их предков, без помощи со стороны метрополии. Если бы оказалось, что это привело метрополию к усилению благодаря растущей численности населения, готового принять участие в ее войнах; к расширению ее торговли в силу увеличения спроса в колониях на ее промышленные изделия; или к росту ее морской мощи в результате более широкого использования ее судов и моряков, то провинции, вероятно, могут вообразить, что это отчасти и их заслуга, так что они имеют право претендовать на какую-то милость; поэтому вам следует *забыть все эти обстоятельства или возмутиться*, как если бы они нанесли вам оскорбление. Если окажется, что жители провинции являются ревностными вигами, друзьями свободы, воспитанными на революционных принципах, то припомните им все это как порочащее их, и постарайтесь их наказать; ибо после того как революция полностью упрочилась, подобные принципы уже бесполезны; более того — они ненавистны и отвратительны.

4. Как бы миролюбиво ни подчинялись ваши колонии вашему правительству, какую бы ни проявляли преданность вашим интересам, как бы терпеливо ни сносили свои обиды, вы должны предполагать, что они *всегда склонны к мятежу*, и обращаться с ними соответственно. Расквартировывайте там ваши войска, которые своей наглостью могут спровоцировать восстание простого люда, и подавляйте эти восстания пулями и штыками этих войск. С помощью этого средства, подобно мужу, который из-за подозрения дурно обращается с женой, вы со временем сможете превратить ваши подозрения в действительность.

5. Отдаленные провинции должны иметь губернаторов и судей, которые представляли бы особу короля и повсеместно осуществляли в границах своих полномочий ее обязанности и власть. Вы, министры, знаете, что сила правительства во многом зависит от мнения народа, а это мнение — от *выбора правителей*, непосредственно над ним поставленных. Если вы пошлете им в качестве губернаторов людей мудрых и хороших, которые будут вникать в интересы колонистов и способствовать их благосостоянию, они будут считать своего короля мудрым и хорошим и думать, что он желает своим подданным добра. Если вы пошлете им в качестве судей людей образованных и честных, они будут считать его приверженцем справедливости. Это может сильнее привязать ваши провинции к его правительству. Поэтому вы должны быть осторожны в выборе тех, кого вы рекомендуете на эти должности. Если вам удастся найти расточителей, промотавших свои богатства, игроков, разоренных картами или игрой на бирже, — то они вполне подойдут на долж-

ность губернаторов; ибо будут, очевидно, алчными и возбудят народ своими вымогательствами. Не дурны также и прокторы[1]-сутяги, а также адвокаты-крючкотворцы, ибо они будут вечно спорить и ссориться со своими маленькими парламентами. А если бы они к тому же оказались еще невеждами, упрямцами и паглецами, то тем лучше. На должность верховных судей подойдут письмоводители адвокатов и стряпчие из Ньюгейта, в особенности если они будут занимать свои посты до тех пор, пока это будет вам угодно; и все они будут содействовать внедрению таких представлений о вашем правительстве, какие подобают для народа, который вы желали бы заставить отказаться от этого правительства.

6. Чтобы укрепить эти представления и глубже их внедрить, во всех тех случаях, когда обиженные прибывают в столицу с жалобами на плохое управление, притеснение или несправедливость, *наказывайте таких просителей* длительной проволочкой, огромными издержками и окончательным приговором в пользу притеснителя. Это будет иметь прекрасный эффект во всех отношениях. Будет предотвращена неприятная возможность новых жалоб, а для губернаторов и судей это послужит поощрением к новым актам притеснения и несправедливости; отсюда недовольство народа может возрасти еще больше и дойти, наконец, до отчаяния.

7. Когда такие губернаторы набьют свои сундуки до отказа и вызовут к себе такую ненависть населения, что дальнейшее их пребывание там окажется невозможным без риска для их личной безопасности, *отзовите их и наградите* пенсиями. Вы можете также сделать их баронетами, если носители этого почтенного титула не сочтут нужным обидеться на это. Все это поощрит новых губернаторов продолжать ту же практику и сделает верховное правительство ненавистным для народа.

8. Если, когда вы будете вести войну, ваши колонии по одной вашей просьбе будут соревноваться между собой в щедрой помощи вам людьми и деньгами для защиты против общего врага и будут давать сверх своих возможностей, подумайте, что одно пенни, взятое вами у них насильно, сделает вам больше чести, чем благожелательно отданный ими фунт; *презирайте поэтому их добровольные дары* и примите решение изводить их *новыми налогами*. Они будут, вероятно, жаловаться вашему парламенту на то, что их облагает налогами учреждение, в котором они не имеют своих представителей, и что это противоречит обычному праву. Они обратятся к вам с петициями, взывающими о справедливости. Пусть парламент оставит их претензии без внимания, отвергнет их петиции, откажется даже допустить их чтение и будет третировать просителей с величайшим презрением. Ничто не может дать лучшего результата для того,

чтобы вызвать желаемое отчуждение; ибо хотя многие могут прощать оскорбления, никто никогда еще не прощал презрения.

9. При назначении этих налогов *никогда не принимайте во внимание того тяжкого бремени*, которое уже несет на себе население этих отдаленных областей, защищающее свои собственные границы, содержащее свое собственное провинциальное правительство, строящее новые дороги, возводящее мосты, церкви и другие общественные здания, которые в странах старого света были сооружены для вас вашими предками, но которые в новых странах постоянно предъявляют все новые требования к кошельку населения. Забудьте о тех стеснениях, которые вы чините их торговле ради вашей собственной выгоды, и о тех преимуществах, которые дает вашим ненасытным торговцам монополия на эту торговлю. Не думайте ничего ни о богатствах, которые приносит этим торговцам и вашим фабрикантам торговля с колониями, ни о том, насколько повышается тем самым их способность платить налоги у себя на родине, ни о том, что в ценах на свои товары они накапливают значительную часть этих налогов, которые они таким образом собирают со своих покупателей; все это вам следует совершенно забыть, равно как и то, что колонисты обеспечивают работой и содержат тысячи ваших бедняков. Но не забудьте сделать ваши деспотические налоги возможно более тягостными для ваших провинций, публично провозглашая, что ваши полномочия в налогообложении *не имеют границ*, так что, когда вы отнимаете у них без их согласия по шиллингу с каждого фунта, вы имеете явное право и на остальные девятнадцать. Это вероятно ослабит у них всякую уверенность в надежности их имущества и убедит в том, что при таком правительстве они ничего не смогут назвать своим; все это не преминет вызвать самые благодетельные последствия!

10. Возможно, конечно, что некоторые из них все еще будут утешать себя, говоря: «Хотя мы не имеем имущества, но у нас все же еще остается нечто ценное; мы пользуемся конституционной *свободой личности и совести*. Король, лорды и палата общин, которые, повидимому, находятся слишком далеко от нас, чтобы знать нас и сочувствовать нам, не могут отнять у нас нашего акта о неприкосновенности личности (Habeas corpus) или права на суд присяжных из числа наших соседей; они не могут лишить нас права исповедывать нашу религию, не могут изменить наши церковные порядки и заставить нас стать, если им это заблагорассудится, папистами или магометанами». Чтобы отнять у них это утешение, начните путем соответствующего законодательства затруднять их торговлю бесконечными постановлениями, которые невозможно запомнить и соблюдать:

предписывайте конфискацию их имущества за всякое нарушение этих постановлений, отмените суд присяжных по делам о таком имуществе и передайте его в руки вами самими назначаемых деспотических судей из числа самых темных личностей в стране, жалованье и доходы которых должны иметь своим источником пошлины или конфискованное у осужденных имущество и которых вы сможете смещать, когда вам заблагорассудится. Затем добейтесь официальной декларации обеих палат о том, что сопротивление вашим указам является государственной изменой и что лица в провинциях, заподозренные в государственной измене, могут (в соответствии с каким-нибудь устаревшим законом) быть схвачены и отправлены в столицу империи для предания их суду; и пусть парламент примет закон о том, что те, кто будет там обвинен в некоторых других нарушениях, будут закованы в цепи и высланы далеко от своих друзей и своей родины, для того чтобы подобным же образом предстать перед судом по обвинению в уголовном преступлении. Затем учредите у них новый следственный суд, располагающий вооруженными силами, с инструкциями ссылать всех таких заподозренных лиц за море; разорять их издержками, если для доказательства своей невиновности они будут вызывать свидетелей с родины, или признавать их виновными и вешать, если они не могут себе этого позволить. А чтобы люди не подумали, что дальше этого вы уже никак не можете пойти, примите другой торжественный декларационный акт, провозглашающий, что «король, палата лордов и палата общин обладали, обладают и по праву должны обладать всей полнотой власти и полномочиями издавать законы, которые имеют достаточно силы и действенности, чтобы *во всех случаях без исключения* быть обязательными для провинций, не представленных в парламенте. Сюда будут входить как церковные, так и светские законы, и в своей совокупности они должны замечательно хорошо служить вашим целям, ибо убедят колонистов в том, что они подчиняются в настоящее время власти, некоторым образом подобной той, о которой говорится в священном писании, — власти, которая может не только убить их тело, но и обречь их душу на вечное проклятие, заставив их, — если это ей заблагорассудится, — поклоняться дьяволу.

11. Чтобы сделать ваши налоги еще более ненавистными и способными вызвать сопротивление, пришлите из столицы для наблюдения за их сбором *бюро чиновников в составе самых бесцеремонных*, невоспитанных и наглых людей, каких вы только найдете. Пусть они получают огромное жалованье из доходов, добытых ими путем вымогательства, и живут в неприкрытой, кричащей роскоши, зиждящейся на поте и крови трудового населения, которое они должны непрестанно изводить

необоснованными и дорогостоящими преследованиями перед вышеупомянутыми деспотическими судьями по делам доходов — все это за счет обвиняемой стороны, хотя бы она и была оправдана, поскольку король не должен нести никаких расходов. Пусть эти чиновники будут по вашему приказу освобождены от всех обычных налогов и тягот, взыскиваемых в данной провинции, хотя и они и их имущество находятся под защитой ее законов. Если какие-либо чиновники по сбору доходов будут заподозрены в малейшем проявлении мягкосердечия по отношению к населению, увольняйте их. Если на других будут справедливо жаловаться, покровительствуйте им и вознаграждайте их. Если кто-нибудь из низших чиновников доведет своим поведением население до того, что оно изобьет его, переведите его на лучшую должность; это поощрит и других обеспечить себе столь выгодные побои путем умножения и расширения подобных провокаций, а все это в целом будет способствовать достижению цели, к которой вы стремитесь.

12. Другим способом сделать ваш налог ненавистным является *употребление собранных денег во зло*. Если первоначально эти деньги предназначались на оборону провинций, а также на лучшее содержание правительства и отправление правосудия там, где это было необходимо, — то не употребляйте впредь этих денег на оборону; обратите их на то, в чем нет необходимости, — на повышение жалованья или пенсии каждому губернатору, отличившемуся своей враждебностью к колонистам или клеветой на них государю. Это заставит их с еще большей неохотой платить этот налог и сделает более склонными ссориться с теми, кто его собирает и кто его назначил; последние будут в свою очередь ссориться с ними, а все это в целом будет содействовать успеху вашей собственной задачи — вызвать у населения чувство недовольства вашим управлением.

13. Если население какой-либо провинции привыкло *содержать своих собственных губернаторов и судей* в довольстве, то вам следует опасаться того, что это может побудить таких губернаторов и судей обращаться с населением доброжелательно и судить по справедливости. Вот еще одна причина, чтобы обратить часть получаемого дохода на повышение жалованья таким губернаторам и судьям, причем они будут получать это высокое жалованье, как и занимать свои должности, только пока это будет *вам* угодно; запретите им получать какое-либо жалованье от их провинций, с тем чтобы население уже не могло больше надеяться на доброжелательность со стороны своих губернаторов, или (в случае уголовных дел) на справедливость со стороны своих судей. И поскольку деньги, использованные таким образом во зло в одной провинции, вымогаются во всех

провинциях, то очевидно, что все они будут возмущены таким злоупотреблением.

14. Если парламенты ваших провинций осмелились бы потребовать справедливости или пожаловаться на ваше управление, прикажите, чтобы им досаждали *неоднократными роспусками*. Если одни и те же люди будут постоянно переизбираться вновь, перенесите их собрания в какую-нибудь деревушку, где они не смогут получить помещения, и держите их там, сколько вам заблагорассудится, ибо это, как вы знаете, является вашей прерогативой, — и притом прекрасной прерогативой, поскольку вы можете использовать ее для того, чтобы вызвать среди населения недовольство, уменьшить его уважение и усилить его нелюбовь.

15. Превратите храбрых, честных офицеров вашего *военно-морского флота* в ничтожных таможенных агентов и колониальных чиновников *таможни*. Пусть те, кто во время войны доблестно сражался в защиту торговли своих соотечественников, в мирное время учатся делать ее своей добычей. Пусть они учатся брать взятки у крупных, настоящих контрабандистов, но (чтобы показать свое рвение) пусть рыскают на вооруженных шлюпках по всем заливам, гаваням, рекам, ручьям и бухточкам вдоль всего побережья ваших колоний; пусть они останавливают и задерживают каждое каботажное судно, каждое судно с лесом, каждую рыбачью лодку; пусть переворошат все их грузы и даже их балласт и все перевернут вверх дном; если они найдут при этом хотя бы на одно пенни незанесенных в реестр гвоздей, пусть будет арестовано и конфисковано все. Таким образом, торговля ваших колонистов больше пострадает от друзей в мирное время, чем страдала от врагов во время войны. Затем пусть экипажи этих шлюпок совершают налеты на каждую встречающуюся на их пути ферму, грабят плодовые сады, крадут свиней и птицу и наносят оскорбление ее обитателям. Если оскорбленные и возмущенные фермеры, не имея возможности добиться справедливости иным путем, нападут на агрессоров, изобьют их и сожгут их лодки, вы должны назвать это *государственной изменой и мятежом*, послать флоты и войска в их область и пригрозить вывезти всех правонарушителей за три тысячи миль, чтобы их там повесили, волочили лошадьми или четвертовали. О, это подействует изумительно!

16. Если вам будут говорить о *недовольстве* в ваших колониях, никогда не верьте, что оно стало всеобщим или что вы — его виновники; поэтому не вздумайте как-то исправлять положение или отменять какую-нибудь оскорбительную для колонистов меру. Не удовлетворяйте никаких жалоб, чтобы не поощрять их к новым жалобам. Не удовлетворяйте ни одной справедливой и разумной просьбы, чтобы они не обратились

к вам с другой, неразумной. Получайте все сведения о положении колоний от враждебно относящихся к ним ваших губернаторов и чиновников. Поощряйте и вознаграждайте этих доносчиков (leasing-makers); утаивайте их ложные обвинения, чтобы их нельзя было опровергнуть, но основывайтесь на них, как если бы они были очевиднейшей уликой; и не верьте ничему, что вы услышите от друзей народа. Исходите из предположения, что все *их* жалобы выдуманы и распространяются горсточкой смутьянов-демагогов, и что достаточно вам поймать их и перевешать, как все будет спокойно. Поэтому поймайте и повесьте нескольких из них, — и кровь мучеников совершит чудеса для успеха вашего предприятия.

17. Если вы увидите, что *соперничающие с вами нации* радуются вашему разъединению с провинциями и стараются способствовать ему; если они переводят и публикуют все жалобы ваших недовольных колонистов и рукоплещут им, в то же время тайно побуждая вас к еще более суровым мерам, — то пусть это вас не задевает. Да и почему бы это могло вас задеть, если все вы стремитесь к одной цели?

18. Если бы оказалось, что какая-нибудь колония *построила на собственные средства крепость* для защиты своего *порта* против флотов чужеземного врага, то заставьте вашего губернатора передать эту крепость в ваши руки. Не вздумайте платить этой провинции ее стоимость, ибо это выглядело бы по меньшей мере как известное уважение к справедливости; но превратите ее в цитадель для устрашения местных жителей и подчинения себе их торговли. Если бы они разместили в такой крепости то самое оружие, которое они закупили и использовали для того, чтобы помочь вам в ваших завоеваниях, конфискуйте его все целиком; это подействует, как неблагодарность, добавленная к грабежу. Одним из замечательных результатов этих операций будет то, что они отобьют у всякой другой колонии охоту возводить подобные укрепления, и, таким образом, их и ваши враги легче смогут вторгнуться в их пределы, к великому позору вашего правительства и, конечно, к дальнейшему успеху вашего проекта.

19. Посылайте в их страну армии под предлогом защиты ее жителей; но вместо того, чтобы размещать войска в качестве гарнизонов в их пограничных фортах, с целью воспрепятствовать вторжениям, разрушьте эти форты и пошлите войска в глубь страны так, чтобы это поощрило дикарей напасть на ее границы, а войска находились бы под защитой жителей. Это будет выглядеть как результат вашей *злонамеренности или невежества* и еще больше будет содействовать созданию и укреплению у колонистов мнения, что вы уже больше неспособны управлять ими.

20. И, наконец, облеките *командующего вашей армией в провинциях* большими и неконституционными полномочиями и освободите его от контроля со стороны даже ваших собственных губернаторов. Пусть он будет иметь под своим командованием достаточно войск и пусть ему принадлежат все крепости; и кто знает, не взбредет ли ему в голову (в расчете на порожденное вами всеобщее недовольство, как это было с некоторыми военачальниками в провинциях Римской империи) воспользоваться этим в своих интересах? Если он это действительно сделает и вы тщательно осуществите на практике мои прекрасные и простые правила, то, даю вам слово, все провинции немедленно присоединятся к нему и в этот день (если это не случится еще раньше) вы раз и навсегда избавитесь от хлопот управления ими и от всех мучений, сопряженных с торговлей и связью с ними.

ЭДИКТ ПРУССКОГО КОРОЛЯ

Данциг, 5 сентября 1773 г.

Мы здесь давно удивляемся той покорности, с какой английская нация относится к налагаемым Пруссией пошлинам на ее товары, поступающие в наш порт. До последнего времени нам не были известны старые и новые претензии, тяготеющие над этой нацией; а поэтому мы не могли подозревать, что она подчиняется этим обложениям, может быть, из чувства долга или из принципов справедливости. Нижеследующий эдикт, только что обнародованный, может, — если только он серьезен, — пролить на это дело некоторый свет.

«Мы, Фридрих, Божьей милостью король Прусский, и прочая и прочая желаем доброго здоровья всем, кто ныне есть и будет (à tous présens et à venir). Мир, который сейчас царит во всех наших владениях, дал нам возможность заняться урегулированием торговли, улучшением наших финансов и в то же время облегчением налогового бремени, лежащего на наших *прусских* подданных. По этим причинам, а также по другим благим соображениям, нас к тому побудившим, настоящим объявляем, что, обсудив эти дела в нашем Совете в присутствии наших любезных братьев и других высших государственных чиновников, членов этого Совета, мы, основываясь на нашем несомненном знании истинного положения вещей, на всей полноте нашей власти и наших королевских правах, составили и издали настоящий эдикт:

«Принимая во внимание, что, как это хорошо известно всему миру, первые германские поселения, основанные на острове Британии, были учреждены колонистами — подданными наших прославленных предков, прусских герцогов, вышедшими из их

владений под предводительством Хенгиста, Хорсы, Геллы, Оффы, Цердика, Иды [1] и других; что указанные колонии процветали под августейшим покровительством нашего дома на протяжении столетий; никогда не были эмансипированы от него, и тем не менее до сих пор приносили ему весьма мало дохода; и что в ходе последней войны мы сами сражались за названные колонии, защищая их против французской державы, и тем самым дали им возможность отвоевать у этой державы территории в Америке, за что мы еще не получили надлежащей компенсации; учитывая также, что было бы справедливо и уместно собрать с упомянутых колоний в Британии доход, чтобы компенсировать нас, и что те, кто является потомками наших старых подданных, а, стало быть, все еще обязан нам надлежащим повиновением, должны содействовать пополнению нашей королевской казны, что́ они должны были бы делать, если бы их предки остались на территориях, ныне нам принадлежащих; по всем этим причинам настоящим предписываем и повелеваем, чтобы отныне со всех грузов, изделий и товаров и всех зерновых и других продуктов земли, вывозимых с означенного острова Британии, а также со всех товаров любого рода, привозимых туда, собиралась и уплачивалась чиновникам нашей *таможни* пошлина в четыре с половиной процента *ad valorem* * в пользу нас и наших преемников. А для большей успешности сбора этой пошлины настоящим предписываем, чтобы все корабли или суда, направляющиеся из Великобритании в любую часть света или идущие из любой части света в Великобританию, заходили на всех своих рейсах в наш Кенигсбергский порт, чтобы подвергнуться там разгрузке, досмотру и обложению означенной пошлиной.

И учитывая, что наши колонисты время от времени открывали на означенном острове Великобритании множество рудников или залежей железной руды; и что некоторые подданные нашего старинного владения, владеющие искусством превращать указанную руду в металл, переселились туда в прошлые времена, передав жителям означенного острова это искусство; и что обитатели означенного острова, считая, что имеют естественное право сделать наилучшее возможное употребление из природных продуктов своей страны для своей собственной выгоды, не только построили печи для выплавки железа из указанной руды, но также соорудили кузницы, металлообрабатывающие заводы и горны для выплавки стали с целью усовершенствования производства металла, поставив тем самым под угрозу сокращения означенную мануфактуру в нашем старинном владении, — по этой причине настоящим предписываем, чтобы

* Сообразно цене. — *Ред.*

отныне на означенном острове Великобритании не сооружались и не продолжали работать ни один стан или другой инструмент для резания или проката железа, ни одна кузница для работы хвостовым молотом, ни один горн для производства стали. Настоящим также повелевается лорду-наместнику каждого из графств на означенном острове при получении известий о таких сооружениях в пределах его графства приказывать и с помощью силы заставлять сносить и уничтожать их под страхом личной ответственности перед нами за невыполнение сего. Но тем не менее мы милостиво благоволим разрешить обитателям означенного острова перевозить свое железо в Пруссию с тем, чтобы оно здесь обрабатывалось и возвращалось им обратно; причем они будут платить нашим прусским подданным за их работу, а также комиссионные издержки, фрахт и страховку за перевозку туда и обратно, независимо от того, что могло бы противоречить этому в настоящем эдикте.

Мы, однако, не считаем уместным распространить это наше снисхождение на *шерсть*, но, намереваясь поощрить не только выделку шерстяных тканей, но и производство шерсти в наших старинных владениях и насколько возможно помешать тому и другому на нашем означенном острове, настоящим категорически воспрещаем перевозку шерсти оттуда даже в метрополию, то есть Пруссию; а для того, чтобы эти островитяне были далее и более успешно стеснены в извлечении какой-либо выгоды из своей шерсти путем выделки из нее изделий, мы повелеваем, чтобы она не вывозилась из одного графства в другое; мы также запрещаем вывоз камвольной (worsted, bay) или шерстяной пряжи, сукна (says, bays), кашемира, саржи (frizes), драгета, шерстяного сержа, легкой шерстяной ткани или каких бы то ни было других мануфактурных тканей, шерстяных или полушерстяных, в любое из означенных графств, или перевозку их водным путем, хотя бы даже через самую маленькую речку или ручеек, под страхом конфискации их вместе с лодками, повозками, лошадьми и т. д., которые будут использованы для того, чтобы их вывезти. Тем не менее настоящим разрешается нашим любезным подданным на означенном острове (если они сочтут нужным) употребить всю свою шерсть в качестве удобрения для улучшения своей земли.

Учитывая далее, что искусство и тайна *шляпного* производства достигли в Пруссии большого совершенства и что производство шляп нашими наиболее отдаленными от нас подданными должно быть, елико возможно, стеснено; и поскольку вышеупомянутые островитяне, обладающие шерстью, бобровыми шкурками и другими мехами, дерзко возомнили, что имеют право извлечь из них какую-то выгоду, выделывая из них шляпы в ущерб нашей отечественной мануфактуре, — мы настоя-

щим строго повелеваем и предписываем, чтобы ни шляпы, ни какие бы то ни было фетровые изделия, окрашенные или неокрашенные, отделанные или неотделанные, не грузились на какие-либо суда, в повозки, экипажи, или на лошадей с целью перевозки или вывоза из одного графства означенного острова в другое его графство, или в какое бы то ни было другое место, каким бы то ни было лицом или лицами под страхом конфискации этих грузов и уплаты штрафа в пятьсот фунтов стерлингов за каждое нарушение. И ни один шляпочник ни в одном из означенных графств не должен держать более чем двух подмастерьев под страхом штрафа в пять фунтов стерлингов ежемесячно; тем самым мы рассчитываем, что вышеназванные шляпочники, будучи подобным образом стеснены как в производстве, так и в продаже своего товара, не сочтут для себя выгодным продолжать свое дело. Но чтобы означенные островитяне не страдали от недостатка шляп, милостиво благоволим разрешить им посылать свои бобровые меха в Пруссию, а также разрешаем вывозить изготовленные из этих мехов шляпы из Пруссии в Англию; при этом облагодетельствованному таким образом народу разрешается оплачивать все расходы и налоги по производству, проценты, комиссионные нашим торговцам, страховые и перевозку туда и обратно, как это установлено в отношении железа.

И, наконец, будучи готовы еще более облагодетельствовать наши означенные колонии в Англии, мы настоящим также предписываем, чтобы все *воры*, разбойники с большой дороги, грабители, взломщики, фальшивомонетчики, убийцы, развратники и всякого рода мошенники, которые по законам Пруссии должны быть лишены жизни, но которых мы по великому нашему милосердию не считаем уместным повесить здесь, были выпущены из наших тюрем и отправлены на означенный остров Великобританию для лучшего заселения этой страны.

Мы льстим себя надеждой, что эти наши королевские постановления и повеления будут признаны нашими премного облагодетельствованными колонистами в Англии. *справедливыми и разумными*, ибо означенные постановления скопированы со статутов 10 и 11 Вильгельма III, статья 10, статута 5 Георга II, статья 22, статута 23 Георга II, статья 29, статута 4 Георга I, статья 11, и с других справедливых законов, изданных их парламентами, с инструкций, данных им государями, и с резолюций обеих палат, принятых в целях хорошего управления их *собственными колониями в Ирландии и Америке.*

Все лица на означенном острове настоящим предостерегаются против оказания сопротивления, в какой бы то ни было форме, выполнению этого нашего Эдикта или любой его части, ибо такое сопротивление представляет собой государственную

измену; все, кто будет заподозрен в этом преступлении, должны быть закованы в цепи и отправлены из Англии в Пруссию, где предстанут перед судом и будут казнены в соответствии с прусским законом.

Такова наша воля.

Дано в Потсдаме сего 25-го числа августа месяца тысяча семьсот семьдесят третьего года, в год тридцать третий нашего царствования.

За короля от имени его Совета
секретарь *Рехтмэсиг*».

Некоторые утверждают, что сей эдикт является лишь остроумной шуткой (jeux d'esprit) короля; другие полагают, что он серьезен и означает ссору с Англией; но все здесь думают, что заключительное его утверждение о том, «что эти постановления скопированы с актов английского парламента касательно их колоний» является весьма клеветническим; поскольку невозможно поверить, чтобы народ, отличающийся своей любовью к свободе, чтобы нация, столь мудрая, столь либеральная в своих чувствах, столь справедливая и беспристрастная по отношению к своим соседям, могла из низких и неблагоразумных побуждений мелочной непосредственной выгоды проявлять по отношению к своим собственным сынам такой произвол и тиранию.

ОТЧЕТ

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ПИСЕМ ГУБЕРНАТОРА ХАТЧИНСОНА

С юности занимаясь в той или иной степени общественными делами, я часто на протяжении моей жизни подвергался резким порицаниям за участие, которое в них принимал. Обычно я ничего не отвечал на такие порицания, понимая, когда они были справедливы, что мне скорее следовало бы исправить свои ошибки, чем защищать их; когда же они бывали незаслуженными, — что время скоро меня оправдает. Многократный опыт укрепил мое мнение о целесообразности подобного поведения; ибо, несмотря на частые, а иногда и злобные атаки, которые навлекла на меня борьба партийных интересов, я имел счастье донести до глубокой старости такую же незапятнанную репутацию (позволено ли мне будет сказать это?), как и большинство известных мне общественных деятелей, и я никогда не имел основания сожалеть о том, что пренебрегал ее защитой.

Поэтому (упорствуя, как это и полагается старику, в закоренелых привычках) я не должен был бы обращать внимания ни на последнюю инвективу министра юстиции, ни на обильную брань в газетах, если бы меня не принудили к этому друзья, утверждающие, что, поскольку первая была произнесена государственным чиновником перед высоким и весьма почтенным судом — Тайным советом и поддержана в отчете этого последнего, а вторая основывалась именно на этой речи, мне приличествует — в особенности потому, что я собираюсь покинуть эту страну — осведомить моих друзей о фактах, которые дадут им возможность оправдать перед другими свое хорошее мнение обо мне. Это заставило меня написать настоящую статью; в противном случае я и не подумал бы затруднять себя

оправданием своего политического поведения, а моих друзей — чтением этих оправданий, ибо за последнее время я постепенно растерял все общественные связи, отказался от поста агента по делам колоний и, удалившись к моей маленькой семье, твердо решил провести остаток дней моих в тиши уединения, равнодушный к мнению придворных, как человек, которому нечего искать у них или желать от них, в непоколебимой уверенности, что с течением времени рассеется та пыль, которую так недавно подняли предрассудок и партийные интересы.

Для того чтобы это поведение было лучше понято и его последовательность стала более очевидной, мне кажется необходимым объяснить сначала те принципы, на основе которых я действовал. Мне давно казалось, что единственно правильной политикой Великобритании была та, которая имела целью благо *всей Британской империи*, а не та, которая искала выгоды *одной стороны* в ущерб другим; поэтому я мысленно осуждал, как недостойные, пристрастные, несправедливые и злонамеренные, все мероприятия, направленные на обеспечение выгод для метрополии за счет убытка для ее колоний или выгод для колоний за счет убытка или в убыток Англии, особенно там, где выгоды были малы, а убыток велик; я осуждал также всякое сокращение мощи метрополии, поскольку эта мощь не наносила ущерба свободам колонистов, и всякое уменьшение привилегий колонистов, поскольку они не наносили ущерба благосостоянию метрополии. Я считал, что все это ведет к созданию разногласий и ослаблению того союза, от которого в значительной степени зависят сила, прочность и долговечность империи; и я боролся, насколько хватало моих слабых сил, против всех действий как здесь, так и в Америке, имевших, по моему мнению, такую тенденцию. Поэтому часто случалось, что, в то время как здесь меня считали «слишком американцем», в Америке я казался «слишком англичанином».

На основании тщательного изучения (в связи с законом о гербовом сборе) природы отношений между Англией и колониями я убедился, что связующей силой их союза является не парламент, а король, что колонисты не увезли с собой в Америку — страну, лежащую вне пределов королевства, — существовавших тогда статутов; ибо, если бы они это сделали, пуритане должны были бы подвергнуться *там* действию того же прискорбного закона о конформизме, церковных десятинах, церковных судах и т. д., от которого они намеревались избавиться, отправившись туда; и они напрасно покинули бы свою родину и все удобства и комфорт этой цивилизованной страны, чтобы бороться с трудностями нового поселения в далекой глуши, если бы они взяли с собой то, от чего намеревались бежать или если бы оставили позади силу, способную послать

вслед за ними те же цепи, чтобы связать их в Америке. Они, однако, унесли с собой по общему соглашению свою преданность королю и законодательную власть для создания с его согласия нового свода законов, посредством которого они должны были управляться. Таким образом, они стали отдельными штатами под властью одного государя, объединенными подобно Ирландии *с короной*, а не с *королевством* Англии и управляемыми каждый по *своим* собственным законам, хотя и одним и тем же монархом, причем каждый штат имел право вотировать этому монарху свои собственные деньги.

В то же время я считал, что верховная власть короля над всеми колониями имеет для них величайшее значение, ибо представляет собой *высшую инстанцию* для урегулирования всех их споров, средство сохранения мира между ними и центр, в котором могли бы объединиться их силы против общего врага. Поэтому я полагал, что эта власть, когда она действует в надлежащих своих пределах, должна всегда так же заботливо поддерживаться колонистами, как и жителями Англии.

В соответствии с этими принципами и как агент для колоний, я протестовал против закона о гербовом сборе и приложил все усилия к тому, чтобы добиться его отмены, как закона, нарушающего права колонистов без какой-либо реальной выгоды для Англии, поскольку она всегда могла быть уверена в более крупной помощи путем наших добровольных приношений, чем та, которой она могла бы ожидать от деспотических налогов; протестовал потому, что, утратив наше уважение и привязанность, от которых в значительной мере зависела ее торговля с нами, она потеряла бы в этой торговле больше, чем могла бы выиграть посредством таких налогов, и потому, что налог этот был губительным для столь счастливо существовавшей до того времени и столь необходимой для благосостояния всего целого гармонии. Чтобы поддержать, насколько это было в моих силах, по ту сторону океана почтение к королю и уважение к английской нации, а по эту его сторону — известное расположение к колониям (ибо и то и другое способствует такой гармонии), я в своих письмах в Америку при всех случаях усердно изображал те мероприятия, которые были для американцев тягостными, как мероприятия и не *королевские* и не *национальные*, а как интриги администрации, желавшей рекомендовать себя своей изобретательностью в области финансов или воспользоваться новыми доходами путем образования с помощью должностей и пенсий новых зависимых областей; и я всегда утверждал, что король является для колонистов добрым и милостивым государем, а народ Англии — их истинный друг. По эту же сторону океана я представлял народ Америки любящим Англию, заботящимся о ее интересах и ее славе и не имею-

щим ни малейшего желания отделиться от нее. В обоих случаях, как я считал и продолжаю считать, я не выходил из границ правды и испытываю в этом отношении внутреннее удовлетворение, сопутствующее добрым намерениям, даже когда они и не имеют успеха.

При таком образе мыслей я не мог без огорчения смотреть на посылку войск в Бостон, а их поведение по отношению к населению причинило мне глубокое беспокойство, ибо я опасался наихудших последствий от этого мероприятия, а именно — разрыва между обеими странами. И я был еще более огорчен, когда убедился, что это мероприятие рассматривалось там как национальный акт (поскольку никто здесь не выступал против него) и как доказательство того, что Англия уже не имеет к колонистам отеческого расположения. Сам я в беседах с разными лицами иногда говорил о таких мероприятиях в этом свете и, признаюсь, с некоторым возмущением (ибо я сам уроженец той страны), пока, к великому моему удивлению, один уважаемый и достойный джентльмен (назвать которого мне в настоящее время не дозволено) не уверил меня, что не только мероприятие, которое я порицал особенно горячо, но и все другие обидные для нас меры исходили не от здешнего правительства, но были задуманы и предложены администрации некоторыми наиболее почтенными лицами из среды самих американцев, ходатайствовавшими о них и добивавшимися их, как мер, необходимых для благосостояния этой страны. Поскольку мне не легко было допустить такую возможность, он взял на себя миссию убедить меня и, как он надеялся, через мое посредство (как их агента здесь) также и моих соотечественников. Соответственно с этим он спустя несколько дней посетил меня и предъявил мне эти самые письма губернатора Хатчинсона, министра Оливера и других, явившиеся с тех пор предметом такой горячей дискуссии.

При всем моем удивлении я не мог не признать себя убежденным и был готов, как этого желал упоминаемый джентльмен, убедить также и моих соотечественников; ибо я действительно видел и чувствовал по воздействию, какое имело это открытие на меня, что оно должно способствовать примирению с Англией, чего я серьезно желал во имя общего блага; к тому же я считал своим *долгом* дать моим избирателям столь важную для них информацию; однако здесь имелась известная трудность, поскольку этот джентльмен не разрешал снять с писем копии; а если бы это и было возможно, то подлинность таких копий могла бы вызвать сомнение и оспариваться. Еще менее достоверным было бы простое сообщение о них, как о виденных мною документах; поэтому я хотел иметь в своем распоряжении оригиналы, которые в конце концов и получил на следующих специальных

условиях: что они не будут опубликованы; что с них не будут сниматься копии; что они будут показаны только некоторым из руководящих деятелей правительства; и что они будут аккуратно возвращены.

Я принял эти условия и на этих условиях переслал подлинные письма бостонскому Комитету корреспонденции, не сняв и не оставив себе никакой копии с них. Я тем охотнее согласился на такое ограничение, что опасался, чтобы опубликование писем, — принимая во внимание то состояние раздражения, в котором в течение долгого времени держали там людей, — не вызвало какого-либо мятежа с пагубными последствиями. Никаких других сомнений в отношении пересылки писем у меня не было, ибо если они ходили здесь по рукам для того, чтобы причинить вред американскому народу, то почему бы было не использовать их для его выгоды? Авторы их также позволили себе подобные вольности с письмами других, передав сюда письма Розна и Очмьюти в подтверждение своей собственной клеветы на американцев; копии некоторых из моих писем также были возвращены сюда правительственными чиновниками. Так почему же их письма не должны были подвергнуться тому же? Кому они были адресованы здесь, — я мог только гадать; ибо об этом я не был осведомлен, и, когда я их получил, на них не было адресов. Мое письмо, куда они были вложены, полнее разъясняло упомянутые выше мотивы для их пересылки, и я сейчас приведу выдержку из той его части, которая их касается.

Но поскольку, наоборот, категорически утверждалось,что я, как агент, *не* передавал этих писем Комитету корреспонденции собрания; что я послал их клубу «Хунта», — *моим личным* корреспондентам; что, боясь быть узнанным как лицо, их пославшее, я настаивал на том, чтобы это обстоятельство держалось в секрете; что я «проявил величайшую заботу в отношении того, чтобы это оставалось тайной»; и поскольку это настойчиво выставлялось как наглядное доказательство того, что я признавал себя виновным в незаконном способе получения их, а потому настолько опасался разоблачения, что побоялся поставить свое имя под письмом, в которое вложил их и авторство которого можно было установить только по моему хорошо известному почерку; я желал бы, прежде чем привести эту выдержку, заметить здесь, что на той же бумаге была вначале приведена копия предыдущего моего письма, подписанная мной, как обычно; и соответственно письмо, о котором сейчас идет речь, начиналось следующими словами: «*Вышеприведенное является копией моего последнего письма*»; и вся его первая часть была посвящена моей деятельности по делам провинции, в частности, двум петициям, присланным мне собранием, как

его агенту, для представления королю. Эти обстоятельства должны были так же ясно показать каждому человеку там, что автором этого письма был я, как мой *хорошо известный почерк* должен был это показать тем *личным моим корреспондентам*, которым, как говорят, я его послал. Таким образом, если бы, не подписав своего имени под этим письмом, я надеялся остаться скрытым, то уподобился бы той глупой птице, о которой полагают, что она считает себя невидимой, когда спрячет только свою голову. И если я мог полагаться на то, что мои корреспонденты сохранят в тайне письмо и сделку, о которых они по необходимости должны были знать, что они мои, то я с таким же успехом мог бы доверить им и свое имя и не имел бы никаких мотивов, чтобы опустить его. В действительности же все, на чем я настаивал (во исполнение моего обязательства) — это, чтобы письма не были напечатаны или скопированы; но в то время я не имел ни малейшего намерения или желания сохранить в тайне мое участие в этом деле; и поэтому я не только не потребовал этого, но и не сделал ни малейшего намека на то, что мне было бы приятно не быть упомянутым в этой связи. И если бы я имел подобное желание, то поистине должен был бы быть весьма слабоумным, чтобы вообразить, что лицо, которому я писал, все остальные члены Комитета корреспонденции, пять других названных лиц и «*все прочие*, коим Комитет счел бы нужным показать их», а также три джентльмена здесь, в Англии, которым я это дело сообщил, будут держать в отношении меня в тайне то, из чего я сам не делал тайны и не просил скрывать.

Часть письма, относящаяся к письмам губернатора, гласит:

«По этому случаю считаю уместным известить Вас, что в мои руки недавно попала часть корреспонденции, которая, как я имею основание полагать, положила начало большинству, если не всем нашим нынешним обидам. Я не волен сказать Вам, каким путем я ее получил; и я дал обязательство, что она не будет напечатана и что ни со всего в целом, ни с какой-либо части ее не будет снято копий; но мне позволено показать ее некоторым достойным уважения людям в провинции только для их осведомления. Полагаясь на то, что Вы не нарушите моего обязательства, посылаю Вам при этом подлинные письма во избежание подозрений в недобросовестности при списывании, в каких-нибудь вставках или пропусках. Почерк каждого из этих джентльменов хорошо известен. Возможно, что им не понравится такое разоблачение их поведения, какая бы деликатность и конфиденциальность ни была при этом соблюдена. Но если они хорошие люди или претендуют быть таковыми и согласны с тем, что *все хорошие люди желают доброго согласия и гармонии между колониями и их метрополией*, то они тем

меньше должны сожалеть о том, что *столь желательное событие может быть до известной степени ускорено* ценой столь незначительного ущерба их репутации как людей искренних и патриотов среди их соотечественников. Что касается меня, то не могу не признать, что мое возмущение против Англии в связи с ее деспотическими мероприятиями по управлению нами, проведенными последним министром, было сильно ослаблено с того времени, как я ознакомился с этими документами. Они убедили меня, что мероприятия эти были задуманы, рекомендованы и потребованы уважаемыми людьми среди нас самих, людьми, совет которых был достаточно авторитетным, чтобы ввести в заблуждение, и потому не мог не ввести в заблуждение. *Думаю, что они должны оказать такое же воздействие и на Вас;* но, как я уже сказал, я не волен сделать эти письма общественным достоянием. Я могу разрешить только, чтобы их увидели Вы, другие джентльмены из Комитета корреспонденции, господа Баудойн и Питтс из Совета и доктора Чонси, Купер и Уинтроп, а также некоторые другие джентльмены, коим Вы сочтете уместным их показать. После того как они пробудут несколько месяцев в Вашем распоряжении, прошу Вас вернуть их мне обратно.

Что касается их авторов, то я легко и с чувством милосердия могу представить себе, что люди, воспитанные в предвзятом мнении о неограниченности власти парламента и т. д., могут считать непростительной всякую оппозицию даже по отношению к его неконституционным вымогательствам и полагать своим долгом подавлять такую оппозицию всеми доступными им средствами. Но когда я вижу, что они променивают свободы своей родины на должности и торгуются о жалованье и пенсиях, получаемых за счет народа; отдавая себе отчет в той ненависти, какую это может возбудить, вызывают войска, чтобы охранять и гарантировать пользование этими преимуществами; когда я вижу, что они возбуждают в государе ревнивые чувства и провоцируют его действовать против такой огромной части самых преданных его подданных; возбуждают вражду между различными странами, из которых состоит империя; причиняют большие расходы *старой* стране для подавления или предотвращения воображаемых мятежей в *новой*, и новой стране — для платежа ненужных награждений бесполезным чиновникам и врагам; когда я вижу все это, я не могу не подвергнуть сомнению их искренность даже в проповедуемых ими политических принципах и не считать их простыми приспособленцами, ищущими собственного обогащения ценой любого количества общественных бедствий; предателями интересов не только своей родины, но и правительства, на службу которому они претендуют, и всей Британской империи.

С величайшим почтением и уважением имею честь оставаться, сэр, ваш и Комитета покорный слуга

В. Франклин».

Мое следующее письмо, от 5 января 1773 года, к тому же джентльмену начинается следующими словами: «Я имел честь писать Вам 2 декабря прошлого года, приложив несколько подлинных писем от особ в Бостоне, которые, надеюсь, благополучно дошли по назначению»; затем я продолжаю говорить о других делах, совершенных мною как агентом по делам колоний, и подписываюсь, как обычно, своим именем. Поистине за все время моего пребывания в Лондоне я никогда и никому не посылал в Америку *анонимных* писем, не считая тех случаев, когда два или несколько писем оказывались написанными на одном и том же листе бумаги, причем первое было копией предыдущего, а последующее ссылалось на это предыдущее; в таком случае я, быть может, подписывал только одно из них, считая излишним подписывать все.

Первое письмо, подтверждающее получение документов, датировано «Бостон, 24 марта 1773 г.» и начинается так: «Я только что получил Ваше письмо от 2 декабря прошлого года с приложением всех документов, за которые весьма Вам признателен. Я сообщил их некоторым из упомянутых Вами джентльменов. Они придерживаются того мнения, что, хотя, быть может, и неудобно их опубликовать, все же было бы целесообразным снять с них копии и оставить по эту сторону океана, поскольку может представиться необходимость как-то использовать их позднее; однако я прочел им то, что Вы пишете мне по этому поводу, и сказал, что ни в коем случае не могу согласиться, чтобы без Вашего специального согласия с этих писем или с какой-то их части были сняты копии, что я напишу Вам по этому вопросу и буду строго придерживаться Ваших указаний».

Следующее письмо, датированное 20 апреля 1773 г., начинается так: «В последнем письме я писал Вам, что господа, которым я сообщил присланные Вами мне вместе с Вашим письмом от 2 декабря прошлого года документы, полагают, что эти документы следует задержать по эту сторону океана для того, чтобы позднее можно было употребить их так, как этого потребуют наши дела, или по крайней мере, прежде чем они будут возвращены, с них должны быть сняты засвидетельствованные копии. Я вижу, что мне предстоит весьма трудная задача провести это дело как подобает, если только Вы не добьетесь разрешения на задержку их или на снятие с них копий. Буду ожидать Ваших указаний по этому поводу и надеюсь, что они будут таковы, что удовлетворят всех джентльменов, которые единодушно полагают, что посылка этих писем

сюда для рассмотрения несколькими лицами лишь ради удовлетворения их любопытства ни в коей мере не отвечает сколько-нибудь серьезной цели».

9 марта, не получив еще этих писем, я написал тому же лицу и упомянул, что писал ему 2 декабря и 5 января; причем, зная, как используется против американского народа каждая пустяковая выходка черни и боясь, что если вопреки моим указаниям письма будут обнародованы, то может произойти нечто более серьезное в этом роде, я закончил свое письмо следующим образом: «Я надеюсь, что будут приняты тщательные меры к сохранению спокойствия среди населения, ибо враги наши ничего так не желают, как того, чтобы мы своими мятежами дали им благоприятный предлог для увеличения численности находящихся у нас войск и введения у нас еще более серьезных ограничений. Для всех должно быть очевидно, что благодаря нашей быстро растущей силе мы скоро приобретем такое значение, что ни одно из справедливых наших требований или привилегий не будет, как прежде, оставлено без внимания, и что нам не будет отказано ни в одной гарантии наших прав, какой только мы пожелаем».

Мое письмо от 6 мая начинается так: «Я не имею от Вас писем после 28 ноября. С тех пор я писал Вам в следующие сроки: 2 декабря, 5 января, 9 марта и 3 апреля; надеюсь, все эти письма благополучно дошли по назначению». Таким образом, в двух из трех писем, последовавших за письмом от 2 декабря, к которому были приложены письма губернатора, я упоминал о том, что написал это письмо, что свидетельствует об отсутствии у меня намерения скрыть этот факт; поэтому утверждение, будто я послал его анонимно, совершенно неправдоподобно.

В письме от 2 июня 1773 г. я подтверждаю получение письма от 24 марта и, не будучи в состоянии немедленно ответить на просьбу снять с писем копии, ничего об этом не говорю, отложив этот вопрос до благоприятного случая, который ожидался двумя днями позднее, т. е. 4 июня. Мое письмо от этого числа заканчивается так: «Что касается переданных мною Вам писем, то хотя я и не смог получить разрешения снять с них копии или опубликовать их, мне позволено оставить у Вас оригиналы на то время, пока Вы будете считать целесообразным иметь их в своем распоряжении».

В своем письме от... июля 1773 г. я отвечаю на вышеприведенное письмо от 20 апреля следующее: «Сообщенные Вам письма должны были не просто удовлетворить чье-то любопытство; предполагалось, что может оказаться полезным показать их некоторым друзьям провинции и *даже некоторым из партии губернатора* для более достоверной их информации относительно его поведения и политики, хотя бы письма и не были

широко обнародованы. Мне кажется, я с тех пор написал Вам, что нет необходимости срочно их возвращать; и, хотя пока я не могу получить разрешения на снятие с них копий, мне позволено сказать, что они могут быть показаны и прочитаны всем, кому Вы сочтете нужным».

То же лицо писало мне 14 июня 1773 г.: «Я старался нерушимо придерживаться Ваших предписаний в отношении посланных Вами мне документов; я показал их только тем лицам, которых Вы указали; ни один человек, за исключением доктора Купера и одного из членов Комитета, не знает, от кого они получены или кому были посланы. Я неизменно избегал упоминания при этом Вашего имени, так что (если Вы склонны держать это в секрете) нет никакой необходимости, чтобы когда-либо стало известным то, от кого они получены и кому были посланы, и *я желаю, чтобы в той мере, в какой я в этом замешан, мое имя не называлось; ибо это может мне повредить*. Я, однако, считал своим долгом сообщить эти письма, как это было разрешено, поскольку они содержат важные вопросы, очень близко касающиеся правительства. И, несмотря на все мои старания и все предосторожности, сейчас широко известно, что здесь имеются такие письма. Принимая во внимание число лиц, которые должны были их видеть (не менее десяти или пятнадцати), удивительно, что они не получили огласки еще раньше». Затем он рассказывает, что, услышав о них, собрание заставило его представить их, но обязалось их не печатать; и что оно все же позднее их напечатало, нарушив это обязательство в связи с появлением в палате копий, представленных одним из ее членов, который, как говорили, только что получил их из Англии. Письмо заканчивалось словами: «Я сделал все, что было в моей власти, чтобы строго следовать Вашим ограничениям; но из вышеизложенных обстоятельств Вы должны увидеть, что предотвратить огласку писем было невозможно, и поэтому надеюсь, что не заслужу порицания в отношении этого дела».

Это письмо объясняет, почему *неожиданно для меня* в Бостоне осталось тайной, что письма послал я. Джентльмен, которому я их послал, имел свои основания желать, чтобы не было известно, что он их получил и сообщил; но поскольку это могли бы заподозрить, если бы стало известно, что их послал я, то и это обстоятельство надо было держать в секрете. В соответствии с этим письма были переданы другому лицу, которое должно было представить их Комитету.

Мой ответ на это от 25 июля 1773 г. гласил: «Получил Ваше письмо от 14 июля, содержащее несколько копий решений Комитета по поводу писем. Из Вашего сообщения о ходе дела вижу, что Вы никак не могли помешать тому, что было сделано.

Что касается сообщения о получении других копий из Англии, то думаю, что этого быть не могло. Это была уловка, чтобы развязать руки Палате. Надеюсь, что наличие оригиналов и действия, предпринятые в связи с ними, будут иметь благотворные следствия для провинции, и тогда я буду весьма доволен. Я отметил упомянутое Вами обстоятельство, что ни один человек, кроме доктора Купера и одного из членов Комитета, не знал, что они исходили от меня. Я не сопровождал их просьбой сохранить мое имя в тайне; ибо, сознавая, что то, что я делаю, является моим *долгом,* как агента провинции, — хотя я и не сомневался, что это оскорбит не только разоблаченные стороны, но и здешнюю администрацию, — я был равнодушен к последствиям. Однако, поскольку сейчас, вопреки данному мной обещанию, письма скопированы и напечатаны, я рад, что мое имя не было при этом оглашено; и, поскольку я не думаю, чтобы такая огласка могла быть в каком-нибудь отношении полезна общественности, я желаю, чтобы оно не упоминалось и впредь, хотя мне кажется, что это едва ли возможно. Что касается Вашего имени, то Вы можете не сомневаться, что я никогда его не назову, разве только в том случае, если буду вынужден показать Ваше письмо для собственного моего оправдания одному только лицу, которое в противном случае могло бы считать себя вправе осуждать *меня* за нарушение обязательства».

Вместе с вышеупомянутым письмом от 14 июня я получил еще одно от другого джентльмена, которому были сообщены документы. Это письмо гласит: «Кем и кому они были посланы, попрежнему держится в тайне; это известно только трем особам здесь и, если Вы пожелаете, может остаться тайной». Моим ответом ему от 25 июля было: «Я не сопровождал их никаким ограничением относительно меня самого; я считал, что мой долг по отношению к провинции, как ее агента, требовал от меня оглашения их в той мере, в какой я мог это сделать. Я понимал, что могу нажить себе врагов там и, быть может, оскорбить правительство здесь; но я пренебрег этими опасениями. Я не ожидал и едва ли еще могу ожидать, чтобы то обстоятельство, что их послал я, могло сохраниться в тайне. Но поскольку до сих пор это обстоит так, то сейчас я хочу, чтобы так и осталось, потому что публикация писем вопреки моему обязательству изменила обстоятельства». На это он ответил в письме от 10 ноября: «После всех настойчивых расспросов губернатора и его друзей касательно этих писем, то, кем и кому здесь они были посланы, попрежнему остается тайной. У нас это известно только двоим кроме меня и останется скрытым, если только с Вашей стороны океана не придут дальнейшие сведения сверх тех, которые, как я имею основания полагать, были до сих пор здесь получены. Я, однако, не могу не восхищаться Вашей

честностью и прямотой в этом деле, как и благородным пренебрежением всеми неудобствами, которые могут возникнуть для Вас в результате этой важной услуги нашей оскорбленной стране».

То, что я писал того же 25 июля другому другу, покажет, какие опасения я испытывал все время в отношении бедствий, которыми сопровождался бы разрыв в такой крайне напряженной обстановке, и аргументы, использованные мною для предотвращения его; вот что содержится в этом письме: «Я рад видеть, что Вы избраны в совет и собираетесь принять участие в наших общественных делах. Ваши способности, честность и разумная приверженность к свободам нашей страны будут весьма полезны в это бурное время и помогут провести наше маленькое суденышко в надежную гавань. Судя по бостонским газетам, среди нас имеются, как кажется, горячие люди, выступающие за немедленный разрыв. Но я надеюсь, что общее благоразумие наших соотечественников увидит, что, опираясь на нашу растущую силу, мы быстро приближаемся к такому положению, когда все наши претензии должны быть разрешены; что преждевременная борьба может нанести нам вред и задержать наше развитие еще на столетие; что как между друзьями не всякая обида сто́ит дуэли и между нациями не всякое оскорбление сто́ит войны, так и между управляемыми и управляющими не всякая ошибка правительства, не всякое посягательство на права управляемых сто́ят восстания. Я полагаю, что пока достаточно того, что мы напоминаем об этих правах при всяком случае, не поступаясь ни одним из них; используем в то же время всякое средство, чтобы народ широко понимал и ценил их; стремимся создать гармонию между колониями, чтобы их единодушие придавало им больший вес; памятуя при всем том, что эта протестантская страна (наша мать, хотя за последнее время и неласковая) достойна сохранения; и что авторитет ее в глазах Европы, ее безопасность могут быть в значительной степени обусловлены нашим единением с ней. При таком поведении, я уверен, мы сможем через несколько лет добиться всяческого признания и всяческой гарантии наших неоценимых привилегий, какой мы только можем пожелать».

Его ответ от 31 декабря гласит: «Я целиком разделяю чувства, выраженные Вами в Вашем последнем письме. Ни один рассудительный человек, думаю, не может одобрять крайних мер, разве только если они применяются в отчаянных положениях. Американский народ чрезвычайно взволновали неоднократные усилия администрации подчинить его абсолютной власти. Американцев тешили рассказами о миролюбивом расположении министров и льстили им уверениями в том, что по их смиренным петициям все их жалобы будут удовлетворены.

Время от времени они подавали петиции; но единственным результатом этих петиций было то, что американцев заставили сильнее почувствовать собственное рабство. Вместо удовлетворения каждый год приносил какой-нибудь новый маневр, который мог быть направлен только на то, чтобы все больше и больше их раздражать. Последнее мероприятие Ост-Индской компании, которая прислала сюда чай, подлежащий пошлине, явилось, повидимому, последней каплей, переполнившей чашу их терпения. Вы, вероятно, слышали о шагах, предпринятых в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии для того, чтобы помешать уплате этой пошлины путем отправки чая обратно его владельцам. Но, поскольку в Бостоне это оказалось невозможным, дело кончилось уничтожением чая. Каков будет исход этих потрясений, знает один только бог. Население колоний, как кажется, непоколебимо в своем решении никогда не платить чайной пошлины; и если министры исполнены решимости ввести эти мероприятия силой, то боюсь за последствия; я поистине опасаюсь, что они превратят Америку в море крови. Но буду надеяться на лучшее».

Мне говорят, что администрация обладает большинством моих писем по общественным вопросам, посланных или полученных мной за несколько последних лет, причем копии их были получены из архивов некоторых собраний или при прохождении через почту. Я не осуждаю их министерского усердия и не жалуюсь на него. Приведенные выше выдержки можно сравнить с этими копиями; и я могу апеллировать к ним с уверенностью, что при таком сравнении эти выдержки окажутся сделанными добросовестно и что весь смысл моих писем заключался в том, чтобы убедить американцев в необходимости быть терпеливыми и тщательно остерегаться всякого насилия под влиянием переносимых обид. Такая сдержанность необходима по различным соображениям, потому что благосостояние империи зависит от единства ее частей; что монарх относится к нам благосклонно и что основная масса этой нации — наши друзья и благожелатели; что предубеждены против нас одни только министры; что настроения министров могут со временем быть изменены, или сами министры — смениться; или если не сбудутся все эти надежды, то по крайней мере время неминуемо принесет удовлетворение, поскольку сила, вес и значение Америки непрерывно и быстро возрастают и дружба ее, конечно, с каждым днем становится все более ценной, и весьма вероятно, что ее будут стараться сохранить, относясь внимательно к правам страны. Газеты возвестили, что в некоторых из моих писем обнаружена *измена*. В таком случае это, очевидно, весьма своеобразная измена. Изобретательность адвокатов всегда была плодотворной в деле изыскания новых измен; быть может,

сейчас стало изменой порицать поведение министров. Никакой измены другого рода, я уверен, в моей корреспонденции не может быть найдено.

Эффект писем губернатора среди населения Новой Англии, когда они были там прочтены, был именно таким, какой ожидался и имелся в виду при отправке их туда. Теперь стало очевидно, что мероприятия, которые вызвали такое глубокое негодование, как акция метрополии, были фактически мероприятиями двух-трех человек из среды собственного их народа; несомненно, что и вызванное ими негодование перенеслось туда, куда оно должно было обратиться, — против негодяев, которые были авторами зла. Обе палаты восприняли это дело именно в таком свете; и Палата представителей приняла следующие резолюции, доложенные комиссией, назначенной для рассмотрения писем.

«Комиссия, назначенная для рассмотрения известных писем, представленных Палате представителей, доложила следующие решения:

Вторник 15 июня 1773 г.

«Постановлено, что письма за подписью *Т. Хатчинсон* и *Эндр. Оливер,* находящиеся ныне на рассмотрении настоящей Палаты, являются подлинными письмами нынешнего губернатора и вице-губернатора этой провинции, ибо почерк и подписи этих лиц хорошо известны многим членам нашей Палаты; что письма эти содержат пристрастные отчеты о фактах и искажения; и что *явным намерением* авторов было представить вопросы, которые они трактуют, *в самом оскорбительном свете* для этой провинции и для лиц, против которых они написаны.

Постановлено, что хотя вышеупомянутые письма за подписью *Т. Хатчинсон* и названы губернатором в его послании к этой Палате от 9 июня «частными письмами, написанными джентльмену в Лондоне, ныне покойному», которые «все, за исключением последнего, были написаны за много месяцев до того, как он занял свой пост»; что тем не менее они были написаны нынешним губернатором *в бытность его вице-губернатором и верховным судьей* этой провинции, изображавшимся за границей человеком *знаменитым* как *своими способностями,* так и своим высоким положением, который не был официально обязан передавать сведения частного характера; что *поэтому письма эти должны рассматриваться* лицом, которому они были направлены, как *документы надежной информации;* что джентльмен в Лондоне, которому они были написаны, был в то время членом английского парламента, притом весьма активным в американских делах; и что поэтому *естественно предположить,* что эти письма, как бы тайно они ни были написаны, *должны были иметь* и *действительно имели влияние на общественные дела.*

Постановлено, что то обстоятельство, что эти «частные письма» были написаны «как строго конфиденциальные», имело исключительной целью помешать содержанию их стать известным *здесь,* как это явствует из указанных писем; и это делает их тем более оскорбительными по их тенденции и поистине коварными.

Постановлено, что письма за подписью *Т. Хатчинсон* — принимая во внимание лицо, которым они были написаны, вопросы, которые они специально содержат, нарочитое упоминание в ряде этих писем о «полном ознакомлении» с ними мистера Галлоуэлла, особы, глубоко заинтересо-

ванной в мерах, вызвавших столь большое недовольство, и рекомендательные представления различных других особ, чьи доходы, поскольку источником их являются наши общественные тяготы, должны побуждать их к тому, чтобы изображать нас в неблагоприятном свете; *предлагаемые в них меры,* тон, в котором они были написаны, способ, которым они были посланы, и лицо, которому они были адресованы, — имели естественное и *эффективное* стремление нарушить и отвратить расположение нашего всемилостивейшего монарха, короля Георга III, от этой его преданной и любящей провинции; разрушить гармонию и добрые отношения между Великобританией и этой колонией, которые желал бы установить каждый доброжелатель той и другой; возбудить негодование английской администрации против этой провинции; расстроить старания наших агентов и друзей сослужить нам службу честным изображением нашего состояния недовольства; помешать нашим смиренным и неоднократным петициям достичь царственного слуха нашего общего повелителя, вызвать *жестокие и пагубные меры,* принятые против этой провинции, а также другие, еще более жестокие и пагубные, которыми ей угрожали.

Постановлено, что, как полагает эта Палата, из вышеуказанных писем за подписью *Т. Хатчинсон* и *Эндр. Оливер* явно видно, что авторы их желали и старались, чтобы *известные законы* английского парламента о налогообложении в Америке *были проведены в жизнь с помощью военной силы;* и чтобы введением флота и армии в эту верную его величеству провинцию умы его подданных в колонии были устрашены, а также были предотвращены всякие конституционные меры для достижения отмены этих законов, столь справедливо расцениваемых как обида для нас, и чтобы был подавлен самый дух свободы.

Постановлено, что поскольку, как полагает эта Палата, недавно назначенные губернатору, вице-губернатору и судьям этой провинции жалованья, прямо противоречащие хартии и губительные для правосудия, основаны на этом сборе; и что поскольку эти письма были написаны с *намерением и имели тенденцию содействовать* этому сбору и *поддержать* его, то есть серьезные основания предположить, что авторы этих писем *были хорошо осведомлены, предлагали и содействовали проведению в жизнь* названных налоговых законов и учреждений, основанных на таковых.

Постановлено, что в то время как автор этих писем, подписавшийся *Т. Хатчинсон,* всячески изощрялся, чтобы с помощью своей «секретной конфиденциальной корреспонденции» ввести меры, губительные для нашей конституционной свободы, он пустил в ход среди жителей этой провинции все средства для того, чтобы укрепить в их умах возвышенное мнение о самой горячей его любви к ним и его неослабных стараниях отстаивать их важнейшие интересы при дворе Великобритании.

Постановлено, что, как полагает эта Палата, сравнивая эти письма, подписанные *Т. Хатчинсон,* с теми, которые подписаны *Эндр. Оливер, Ч. Пакстон* и *Нат. Роджерс,* и принимая во внимание все, что произошло с тех пор в связи с этим в действительности, мы находим, что в *течение многих лет в прошлом группа людей, родившихся и воспитанных среди нас, замышляла меры и создавала планы* увеличения своего собственного состояния и своего выдвижения на почетные и выгодные посты, что вело к гибели хартии и конституции этой провинции и должно было осуществляться за счет прав и свобод американских колоний. И, далее, Палата полагает, что указанные лица были одним *из главных орудий во введении* в провинцию войск, ибо это помогало осуществлению их планов; поэтому *они не только в значительной степени способствовали* нарушению мира и гармонии в правительстве, вызвали и усилили глубокий разлад и вражду, но могут также быть *справедливо обвинены* в серьезном развращении нравов и *во всем том смятении, страданиях и кровопролитии, которые были естественными следствиями введения войск.*

Поскольку в течение многих лет в прошлом английской администрацией принимались меры, весьма тягостные для добрых людей этой провинции, меры, которые, как имеет сейчас основания полагать Палата, были поддержаны, если не первоначально предложены авторами этих писем, и много усилий было совершено населением, чтобы добиться удовлетворения их обид, то

постановлено, что эта Палата считает достоверно выясненным, что авторы этих писем использовали беспорядки, естественно возникающие в свободной провинции при таких притеснениях, в качестве аргументов для доказательства необходимости принятия таких мер в прошлом и их продолжения и усиления в настоящем.

Поскольку в письме, подписанном *Ч. Пакстон* и датированном «Бостонский порт, 20 июня 1768 г.», недвусмысленно заявляется, что «если только мы немедленно не будем иметь двух или трех полков, то, по мнению всех друзей правительства, Бостон будет охвачен открытым мятежом»;

постановлено, что это является самым злостным и клеветническим изображением событий, направленным на то, чтобы взволновать умы министров его величества и нации и возбудить в сердце нашего повелителя подозрительность к его верным подданным в названном городе, как к врагам особы и правительства его величества без малейших на то оснований.

Поскольку Палате были представлены некоторые письма двух частных лиц, подписанные *Т. Моффат* и *Дж. Роум*, содержащие много вещей в высшей степени оскорбительных для правительства и национального мира;

постановлено, что несчастьем их провинции с самого раннего периода ее существования было то, что она время от времени служила предметом тайной клеветы и злостного искажения действительности перед английскими министрами со стороны лиц, кои не были дружески расположены ни к этой колонии, ни к английской конституции.

Постановлено, что эта Палата имеет справедливое основание жаловаться как на весьма серьезную обиду на то,что смиренные петиции и протесты Палаты этой провинции не допускаются до всемилостивейшего нашего повелителя только потому, что эти петиции и протесты представляются агентом, с назначением коего не согласен губернатор, являющийся, быть может, главной причиной нашего конфликта; в то время как *пристрастные* и *поджигательские письма* лиц, весьма заинтересованных в налоговых законах и мерах, предпринятых для их проведения в жизнь, *были представлены администрации, разобраны и по ним были приняты решения*, не только вредные для репутации народа, но и лишающие его бесценных его прав и свобод.

Поскольку эта Палата смиренно полагает, что его величество будет считать несовместимым с интересами его короны и с миром и безопасностью добрых людей этой его лояльной провинции, чтобы лица, о коих известно, что они с большим усердием, хотя и тайно, старались подорвать, изменить и ниспровергнуть конституцию провинции, продолжали оставаться на постах, сопряженных с высоким доверием и властью, то

постановлено, что эта Палата обязана, во исполнение своего долга перед королем и своими избирателями, смиренно протестовать перед его величеством по поводу поведения его превосходительства Томаса Хатчинсона, эсквайра, губернатора, и Эндрю Оливера, эсквайра, вице-губернатора этой провинции, и умоляет, чтобы его величество соизволило навсегда отстранить их от управления ею».

На этих решениях была основана следующая петиция, переданная мне для представления его величеству.

«Его августейшему королевскому величеству.

Всемилостивейший государь,

Мы, Вашего величества верные подданные, представители Вашей старой колонии Массачузетс Бэй, законно собравшись в Главном суде на основе предписания Вашего величества за подписью и печатью губернатора, просим разрешения представить Вашему величеству сию нашу смиренную петицию.

Ничто, кроме чувства долга, которым мы обязаны нашему государю, и лежащего на нас обязательства заботиться о мире и безопасности провинции, не могло побудить нас обратиться к Вашему величеству с протестом по поводу злонамеренного поведения лиц, кои до сих пор пользовались доверием и уважением всего народа и коих Ваше величество, руководствуясь чистейшими побуждениями осчастливить Ваших подданных, соизволило выдвинуть на самые высокие посты доверия и власти в провинции.

Вашего величества смиренные просители с величайшим огорчением и тревогой видели разногласия и враждебность, столь долго существовавшие между Вашими подданными в метрополии и таковыми в американских колониях. И мы трепетали от опасения, чтобы последствия, естественно отсюда возникающие, не оказались в конце концов роковыми для обеих стран.

Позвольте нам смиренно довести до сведения Вашего величества, что Ваши подданные здесь были склонны думать, что обиды, которые они терпели и продолжают терпеть, были причинены министрами и главными слугами Вашего величества, дезинформированными, к нашему несчастью, об известных фактах чрезвычайной для нас важности. Именно по этой причине предшествовавшие собрания время от времени подготавливали декларации о действительном положении дел для представления Вашему величеству; но, очевидно, их смиренным протестам и петициям тем или другим способом помешали достичь Вашей королевской руки.

Совсем недавно просители Вашего величества ознакомились с *известными документами,* на основании коих, как они смиренно полагают, будет весьма разумно предположить, что на протяжении длительного времени в сей провинции существовал заговор дурных людей, замысливших меры и создавших план выдвинуться к власти и увеличить свои собственные богатства способами, губительными для хартии провинции, за счет спокойствия нации и во уничтожение прав и свобод американских колоний.

И со всей покорностью, коей мы обязаны Вашему величеству, мы просим разрешения особо пожаловаться на поведение его превосходительства Томаса Хатчинсона, эсквайра, губернатора, и Эндрю Оливера, эсквайра, вице-губернатора сей Вашего величества провинции, как имеющих прямую и действенную тенденцию нарушить и отвратить расположение Вашего величества, нашего законного государя, от Вашей лояльной провинции; разрушить гармонию и доброжелательность между Великобританией и сей колонией, к установлению коих должен был бы стремиться каждый честный подданный; возбудить негодование английской администрации против сей провинции; расстроить старания наших агентов и друзей сослужить нам службу честным изображением положения наших дел; помешать нашим смиренным и неоднократным петициям достигнуть слуха Вашего величества или получить желаемый результат. И, наконец, мы жалуемся на то, что названные Томас Хатчинсон и Эндрю Оливер были одним из главных орудий во введении в сию провинцию флота и армии, чего они добивались, чтобы утвердить и увековечить свои планы; этим они весьма содействовали нарушению мира и гармонии в провинции и возникновению противоестественных и ненавистных разногласий и враждебности между различными частями обширных владений Вашего величества и могут быть справедливо обвинены в развращении нравов

и всем том смятении, страданиях и кровопролитии, кои были естественным следствием размещения армии в многолюдном городе.

Посему мы смиреннейше молим, чтобы Ваше величество соизволили отстранить от их постов в сей провинции названных Томаса Хатчинсона, эсквайра, и Эндрю Оливера, эсквайра, кои своим вышеупомянутым поведением и другими способами сделали себя ненавистными Вашим любящим подданным и всецело потеряли их доверие, и назначить вместо них таких хороших и преданных людей, каких Ваше величество в своей мудрости сочтет подобающим.

От имени и по приказу Палаты представителей

Томас Кушинг, спикер».

Поскольку, когда я получил эту петицию, лорд Дартмут, государственный секретарь по делам колоний, был здесь, я передал ее его светлости в приложении к письму, копия коего, а также ответа лорда Дартмута, приводятся ниже:

«Его светлости герцогу Дартмутскому

Лондон, 21 августа 1773 г.

Милорд,

Я только что получил от Палаты представителей провинции Массачузетс Бэй ее обращение к королю, кое при сем прилагаю и направляю Вашей светлости со смиренной просьбой моей от ее имени соизволить представить это обращение его Величеству при первом удобном случае.

Я с удовольствием узнал из последних полученных мною из этой провинции писем, что население ее искренне расположено быть в хороших отношениях с метрополией; что собрание заявило, что оно желает только одного — быть восстановленным в том положении, в коем оно находилось до закона о гербовом сборе. *Они не стремятся ни к каким новшествам* и говорят, что, после того как они недавно открыли, что виновниками их обид являются, как они думают, некоторые из их собственного народа, их негодование против Англии значительно ослабело.

Это их доброе расположение (да разрешит мне Ваша светлость это сказать) может еще возрасти вследствие благоприятного ответа на сие обращение, который, как я посему надеюсь, Ваша милость постарается получить. С величайшим почтением имею честь оставаться, милорд, и пр. и пр.

В. Франклин,

агент по делам Палаты представителей».

«Ответ лорда Дартмута

Сэндуэлл, 25 августа 1773 г.

Сэр,

Я получил Ваше письмо от 21 сего месяца вместе с обращением Палаты представителей провинции Массачузетс Бэй, которое не премину представить королю в следующий раз, как буду иметь честь быть допущенным к нему на прием. Не скрою удовольствия, с каким я услышал, что население сей провинции искренне расположено быть в хороших отношениях с метрополией, и моей серьезной надежды, что не очень далеко то время, когда исчезнут всякие основания для беспокойства и когда в сердцах сего народа восстановится полнейшее спокойствие и счастье.

Остаюсь, сэр, Ваш покорнейший смиренный слуга,

Дартмут.

Вениамину Франклину, эсквайру».

Никто из знающих лорда Дартмута не может сомневаться в искренности добрых пожеланий, выраженных в его письме ко мне; и если бы другие слуги его величества были, к нашему счастью, исполнены столь же доброжелательного расположения и столь же большого внимания к общественным интересам и искусству соблюдения их, какие обычно проявляют государственные деятели Англии в получении и закреплении за собой своих *постов*, то здесь им представлялся прекрасный случай для «восстановления союза и гармонии, ранее существовавших между Великобританией и ее колониями», столь необходимых для благосостояния обеих сторон, и на легко выполнимом условии одного только «восстановления того порядка вещей, какой существовал при окончании последней войны». Это была торжественная декларация, присланная сюда из наиболее серьезно обиженной провинции, декларация, в которой колонисты оправдывали Англию в причиненных им обидах и обвиняли в них нескольких лиц из своей собственной страны. Они не требовали возмездия этим злонамеренным людям; хотя те справедливо заслужили этого со стороны всей нации; они считали трудным для администрации делом наказать губернатора, действовавшего на основании приказов, хотя бы приказы эти и были получены посредством искажения фактов и клеветы; поэтому они только просили в своей петиции, «чтобы его величество соизволило отстранить от их постов в сей провинции Томаса Хатчинсона, эсквайра, и Эндрю Оливера, эсквайра, и назначить вместо них хороших и преданных людей». Отстраненные лица могли бы быть назначены на другие места или уволены на пенсию, как это делалось с другими; или подобно козлам отпущения старых времен они могли бы унести с собой в пустыню все обиды, возникшие между двумя странами, — обиды, бремя коих было бы весьма справедливо возложить на них, поскольку именно они были авторами этих козней.

Но у министров не хватило мудрости воспользоваться этим случаем: они предпочли отвергнуть его и оскорбить и наказать меня за то, что я им его предоставил. Против меня была поднята судебная шумиха, как против поджигателя; и я был столь несчастлив, что самый поступок, которым я гордился, поскольку он казался мне средством для уменьшения наших разногласий, был вменен мне в вину, как злонамеренная попытка их усилить. Странное извращение!

Я был, повидимому, равно несчастлив и в другом поступке, который был предпринят мной также с добрым намерением и который вызвал упомянутую выше шумиху. Поскольку здесь было получено известие об опубликовании этих писем в Америке, было проведено широкое расследование для выяснения, кто их туда передал. Газеты обвинили в этом

мистера Темпла, служащего таможни. Он реабилитировал себя. По этому поводу произошла публичная ссора между ним и неким мистером Уотли, братом и душеприказчиком того лица, которому, как предполагалось, были в свое время написаны эти письма и которое было заподозрено некоторыми в их передаче на том основании, что после смерти брата письма могли попасть в его руки. Поскольку в своем приведенном выше письме ко мне джентльмен, которому я их послал, привел важную причину для своего желания скрыть, что он их получил, и по той же причине предпочел не разглашать, что их послал я, я позволил этому столкновению идти своим ходом, не вмешиваясь в него, предполагая, что оно закончится так, как обычно заканчиваются газетные полемики, когда и затронутые стороны и публика устанут от них. Но эта ссора неожиданно и внезапно повлекла за собой дуэль. Джентльменов развели; мистер Уотли был ранен, но не опасно. Это, однако, встревожило меня и заставило пожалеть, что я не помешал дуэли; но, думая, что теперь между ними все кончилось, я попрежнему продолжал хранить молчание, пока не услышал, что дуэль считается незаконченной (поскольку она была прервана случайно находившимися поблизости лицами) и что она будет вероятно повторена, как только мистер Уотли, который быстро поправляется, восстановит свои силы. Тогда я решил, что пора вмешаться; и, поскольку ссора возникла из-за общественного мнения, я предпринял то, что считал кратчайшим путем для успокоения этого мнения в отношении обеих сторон, опубликовав следующее:

«Владельцу типографии газеты «Паблик адвертайзер»

Сэр,

Узнав, что, к сожалению, между двумя джентльменами произошла дуэль по поводу дела и его обстоятельств, о коих оба они ничего не знают и в коих оба совершенно невинны; считаю своим долгом заявить (для предотвращения дальнейших бед в той мере, в какой такое заявление может содействовать их предотвращению), что я один являюсь лицом, получившим и переславшим в Бостон письма, о коих идет речь. Мистер У. не мог их передать, поскольку они никогда не были в его распоряжении; по той же причине они не могли быть похищены у него мистером Т. Эти письма не носили характера *частной* переписки между друзьями. Они были написаны официальными лицами к лицам, занимающим официальные должности, по вопросам общественного характера и имели целью вызвать общественные меры; поэтому они были переданы другим официальным лицам, коих они могли побудить провести эти меры. Их назначением было восстановить метрополию против ее колоний и посредством рекомендованных там шагов углубить брешь между ними, что и было достигнуто. Главной предосторожностью в отношении конфиденциальности было сохранить их содержание в тайне от агентов колоний, которые, как опасались их авторы, могли бы вернуть эти письма или копии с них в Америку. Это опасение

было, повидимому, вполне обоснованным; ибо первый же агент, в чьи руки они попали, счел своим долгом переслать их своим избирателям.

В. Франклин,
агент Палаты представителей провинции Массачузетс Бэй.

Кревен-стрит, 25 декабря 1773 г.».

Это мое заявление получило вначале всеобщее одобрение, хотя некоторые порицали меня за то, что я не сделал его раньше, чтобы предотвратить дуэль; но я не обладал даром пророчества; я не мог предвидеть, что джентльмены будут драться; я не предвидел даже того, что кто-либо из них может на меня за это обидеться. Я воображал, что оказываю им добрую услугу, снимая подозрение с них обоих и устраняя причину ссоры. Я счел бы естественным, если бы оба они поблагодарили меня; но в отношении одного из них я ошибся. Быть может, сначала ему помешала это сделать его рана, а позднее его знакомцы из числа судейских чиновников, вероятно, научили его иного рода поведению.

Все мое знакомство с этим джентльменом, мистером Уильямом Уотли, ограничивалось тем, что он обратился ко мне с просьбой оказать ему любезность справиться об участке земли в Пенсильвании, который, как предполагалось, был некогда приобретен у первого владельца неким майором Томсоном, его дедом. В их семье сохранились об этом некоторые отрывочные записи, но никто не знал, не был ли этот участок продан дедом или передан кому-нибудь при его жизни, поскольку в его завещании о нем не упоминалось. В соответствии с этим я взял на себя труд написать одному из моих друзей, известному там юристу, хорошо знакомому с такими делами, и попросил его навести справки. Он по моей просьбе постарался это сделать, что ему и удалось, после чего он письменно уведомил меня, что нашел этот участок; что владелец участка претендует на него, но он думает, что право на него со всей очевидностью принадлежит наследнику Томсона; что он легко мог бы получить для него этот участок обратно и взял бы это на себя, если бы мистер Уотли пожелал воспользоваться его услугами, если же он предпочтет продать его, то мой друг уполномочивал меня предложить ему за него 5 тысяч фунтов стерлингов. С этим письмом я посетил мистера Уотли примерно за месяц до дуэли в его доме в Ломбард-стрит, причем это был первый раз, что я был в этом доме. Он был доволен полученными сведениями и после этого навестил меня один или два раза, чтобы посоветоваться, как составить документ на право владения.

Я упоминаю о некоторых из этих обстоятельств с целью показать, что я узнал о знаменитых письмах не в результате

какого-то предшествовавшего знакомства с ним; ибо письма находились в Америке уже около года, прежде чем я узнал хотя бы, где он живет; о других же обстоятельствах я упоминаю для того, чтобы показать, какова его благодарность. Я мог бы простить ему, что он не поблагодарил меня за то, что я избавил его от вторичного риска для его жизни; ибо хотя он и мог чувствовать себя удовлетворенным, он тем не менее мог также опасаться, что, если он будет казаться довольным, это будет выглядеть так, будто он боялся драться снова; или, быть может, он совсем не дорожил жизнью; но, казалось бы, умножение богатства имеет для банкира известную ценность; и все же этот достойный джентльмен отплатил за обе мои услуги тем, что навязал мне процесс в суде лорда-канцлера, без малейшего предварительного извещения, предупреждения, жалобы или обращения ко мне — прямого или косвенного.

В иске его говорилось, «что он был администратором всего имущества своего покойного брата Томаса Уотли; что губернаторами Хатчинсоном и Оливером было написано несколько писем к вышеупомянутому его брату; что эти письма хранились у его вышеупомянутого брата в момент его смерти *или были переданы им для прочтения какому-то другому лицу* и должны были надежно храниться этим лицом и быть возвращены вышеупомянутому Томасу Уотли; что они каким-то образом попали в мои руки; что во избежание обнаружения этого я или какое-то лицо по моему приказу уничтожило обращение на этих письмах к вышеназванному Томасу Уотли; что, занимаясь типографским делом, я с помощью моих агентов или *соучастников* напечатал и опубликовал эти письма в Америке и разослал их в большом количестве; что я угрожал напечатать их и продавать в Англии; что *он обращался ко мне* с просьбой передать ему названные письма и все копии с них, прекратить дальнейшее печатание и публикацию их и *отчитаться перед ним* в полученных *прибылях;* и что он надеялся, что я соглашусь на такую просьбу, *но оказалось, что я ее отверг,* и т. д., вопреки справедливости и *добросовестности* и к явному *вреду* и *притеснению* его, истца; и он просит лорда-канцлера обязать меня раскрыть, каким образом письма попали ко мне, какое число экземпляров я напечатал и продал *и рассчитаться с ним в прибылях*» и т. д. и т. п. Сам джентльмен должен был знать, что *каждое утверждение* этого иска, за исключением того, что брат его *передал письма какому-то другому лицу для прочтения,* было *чистейшей ложью.* Люди, столь же мало знакомые с судебными процессами, как я (который действительно до сего не имел ни одного процесса) могут так же удивиться этому, как удивился я; но теперь я узнал, что хотя

в суде лорда-канцлера *ответчик* и должен принести присягу в *правдивости* каждого пункта своего ответа, *истца* к присяге не приводят и не обязуют проявлять в своем иске хотя бы малейшее уважение к правде, но позволяют ему лгать сколько заблагорассудится. Я этого не понимаю, если только это не делается для поощрения судебной практики.

Мой ответ под присягой был, «что письма, о которых идет речь, были даны мне и попали в мои руки, *как агенту Палаты представителей провинции Массачузетс Бэй;* что в тот момент, когда они были мне даны, я не знал, к кому они обращены, поскольку на них не было обращения; не знал я также до этого, что такие письма существуют; что в течение многих лет я не занимался типографским делом; что я не поручал печатать этих писем и не руководил их публикацией; что я не уничтожил никакого обращения на письмах и не знаю о том, чтобы это было кем-либо сделано; что я, как агент по делам провинции, передал (как я почитал своим долгом сделать) названные письма одному из членов Комиссии, с коим мне было указано снестись, поскольку, по моему суждению, они касались дел, имеющих большую общественную важность для этой провинции, и были вручены мне с этой целью; что истец никогда ко мне не обращался, как утверждается в его иске, и я не извлек из писем никаких прибылей и не намеревался их извлекать», и т. д.

Примерно к этому времени стало очевидным, что все мысли о примирении с колонией Массачузетс Бэй посредством внимательного отношения к ее петициям и удовлетворения ее обид были отставлены в сторону; что было решено применить строгость; и что осуждение и поношение народа этой страны, в том числе и меня, как его агента, было официально одобренной мерой. Среди всей министерской публики считалось хорошим тоном бранить американцев и меня во всякой компании и во всех газетах; и мне дали понять как о деле решенном задолго до того, как это случилось, что петиция об отстранении губернаторов будет отклонена, собранию вынесено порицание, а сам я, представлявший его, должен в наказание лишиться моей должности в почтовом ведомстве. Ко всему этому я был поэтому подготовлен; но атака со стороны мистера Уотли, признаюсь, была для меня сюрпризом; принимая во внимание все, чем он был мне обязан, я не мог себе представить, чтобы человек мог быть достаточно низок, чтобы без малейшего повода с моей стороны *по собственному побуждению* начать против меня столь досадный процесс. Однако отдельные случайные сведения пролили некоторый свет на это дело. Один знакомый, посетивший меня сразу после того, как побывал в казначействе, показал мне то, что он назвал *хорошенькой вещицей* для

одного из его приятелей; это был ордер на сумму 150 фунтов, подлежащую выплате доктору Сэмюэлю Джонсон (составлявшую, как там говорилось, половину его годовой пенсии) и выписанную секретарем казначейства на мистера Уотли. Я тогда понял, что он был банкиром казначейства по пенсиям и потому имел с администрацией связи, носившие характер материальной заинтересованности, так что это могло побудить его досадить мне этим процессом *по наущению других;* после этого он еще *ниже пал* в моих глазах, если это только возможно, чем если бы он действовал по собственному побуждению.

Какие дальнейшие шаги будут предприняты им или его *соучастниками*, министрами, по этому делу — мне неизвестно. Я, конечно, не думаю, чтобы сам банкир, убедившись в том, что здесь нет никаких *прибылей*, которые можно было бы поделить, согласился добровольно выложить хотя бы еще шесть пенсов для ведения процесса; но мои финансы недостаточны для того, чтобы выдержать тяжбу со здешним *казначейством,* в особенности когда администрация позаботилась о том, чтобы помешать моим избирателям в Новой Англии выплатить мне жалованье или возместить мне мои расходы и дала губернатору специальную инструкцию *не подписывать для этой цели никакого ордера на тамошнее казначейство.*

Несправедливость такого лишения населения в Америке права пользоваться своими собственными деньгами для выплаты жалованья действующему в его защиту агенту, в то время как губернатору с огромным жалованьем из сумм, исторгнутых у этого населения законом парламента, была дана возможность щедро уплатить Модюи и Уэддерберну за то, чтобы они осыпали бранью и порочили американское население и его агента, — столь очевидна, что не требует комментариев. Но это они называют *у п р а в л е н и е м!*

ПРИТЧА ПРОТИВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

ПОДРАЖАНИЕ СВЯЩЕННОМУ ПИСАНИЮ

1. Авраам сел в дверях своего шатра, когда солнце клонилось к западу.

2. И увидел идущего по пустыне человека, согбенного годами и опирающегося на посох.

3. И встал Авраам и встретил его и сказал ему: «Прошу тебя, войди в мой шатер, омой свои ноги и отдохни ночь, а завтра встанешь рано и пойдешь своей дорогой».

4. Но человек ответил: «Нет, я не войду, потому что я хочу остаться под этим деревом».

5. И Авраам долго просил его, и он вернулся, и вошли они в шатер, и Авраам испек пресный хлеб, и они съели его.

6. И когда Авраам увидел, что человек не благодарит бога, то он сказал ему: «Почему ты не поклоняешься всевышнему богу, творцу небес и земли?»

7. И человек ответствовал: «Я не поклоняюсь богу, о котором ты говоришь, и не призываю его имя, потому что я сам создал для себя бога, который всегда обитает в моем доме и все мне дает».

8. И возгорелось негодование Авраама против этого человека, и встал он, и кинулся на него и выгнал его ударами из шатра в пустыню.

9. И в полночь позвал бог Авраама и сказал: «Авраам, где странник?»

10. И ответствовал Авраам: «Господи, он не поклоняется тебе и не взывает к имени твоему, и потому прогнал я его с глаз долой в пустыню».

11. И сказал бог: «Я терпел его сто девяносто восемь лет и кормил его и одевал его, несмотря на его бунт против меня, а ты, сам грешник, не мог вытерпеть его одну ночь?»

12. И сказал Авраам: «Не гневайся, Господи, на своего слугу, воистину согрешил я; воистину согрешил я; прости меня, молю тебя».

13. И встал Авраам и пошел в пустыню, и долго искал и нашел его, и вернулся с ним в шатер и был добр к нему и отослал его утром с дарами.

14. И снова говорил бог с Авраамом: «За этот твой грех твое потомство будет четыреста лет страдать в чужой земле;

15. Но за твое раскаяние я избавлю их, и они придут с силой и с радостью в сердце и с большим имуществом».

ПЛАН УЛУЧШЕНИЯ УСЛОВИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ СВОБОДНЫХ НЕГРОВ

Это дело относительно свободных негров будет рассматриваться комитетом, состоящим из двадцати четырех человек, ежегодно в апреле избираемых голосованием на собрании этого Общества; а для того чтобы исполнять различные поручения быстро, регулярно и энергично, этот комитет должен разделиться на следующие подкомитеты:

I. Комитет по наблюдению, который будет наблюдать за нравственностью, общим поведением и обычным положением свободных негров, давать им советы и указания, защищать от несправедливости и оказывать другие дружеские услуги.

II. Комитет попечителей, который будет помещать детей и юношей к подходящим людям, чтобы они в течение определенного времени учения и работы научились какому-нибудь ремеслу или другому делу для добывания средств существования. Комитет может осуществлять это отчасти путем убедительного влияния на родителей и людей, имеющих к этому отношение, а отчасти путем законов существующих и законов, которые могут быть введены для этих или для подобных целей. При заключении контрактов по этому поводу комитет предоставляет Обществу, насколько это возможно практически, право опеки над этими людьми.

III. Комитет образования будет наблюдать за школьным обучением детей и молодежи свободных негров. Члены комитета могут заставлять их регулярно посещать школы, уже устроенные в этом городе, или организовать для этой цели новые; они будут во всяком случае заботиться о том, чтобы ученики могли получить образование, необходимое для их

будущего положения в жизни, и особенно глубокие знания наиболее важных и общепринятых моральных и религиозных принципов. Они будут также вести и сохранять систематические записи женитьб, рождений и отпускных грамот всех свободных негров.

IV. Комитет найма будет стараться производить постоянный наем тех свободных негров, которые могут работать, так как недостаток работы привел бы к бедности, праздности и многим порочным привычкам. Этот комитет будет путем тщательного опроса подыскивать работу для большого числа людей. Он также будет заботиться, чтобы талантливые люди могли изучать подходящие для них различные ремесла, что может быть сделано, если их убедить подписать контракт на такой период времени, чтобы восполнить расходы их хозяев на их обучение и содержание. Комитет может попытаться учредить несколько полезных и простых мануфактур, которые не требуют большого мастерства, и может помочь начать дело тем, кто подойдет для этого.

Как только комитет по наблюдению обнаружит особенных людей, требующих внимания, члены комитета должны немедленно направить их в комитет, который может о них позаботиться.

В сложных случаях комитеты могут совещаться и, если необходимо, действовать совместно. Дела особой важности будут передаваться на рассмотрение всего комитета.

Расходы по выполнению этого плана должны оплачиваться из фонда, который должен быть собран из денежных пожертвований или по подписке для этой цели, и должен храниться отдельно от других фондов Общества.

Комитет должен отчитываться в своей деятельности, а также о состоянии денежных фондов перед Обществом на квартальных собраниях в апреле и октябре.

ОДНОДНЕВКА;

СИМВОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Мадам Брилльон, в Пасси.

Вы, возможно, помните, мой дорогой друг, что недавно, когда мы провели счастливый день в замечательном саду в милой компании в Мулен Жоли, я задержался немного в одной из аллей и на некоторое время оставил общество. Нам показывали бесчисленное множество мертвых мушек, называемых однодневками, чье потомство, нам сказали, появляется и умирает в течение одного дня. Я увидел, что много живых сидело на листе, и мне показалось, что они были увлечены разговором. Вы знаете, я понимаю язык всех низших животных. Мое слишком большое старание выучить их языки является самым лучшим извинением, которое я могу принести в том, что я так мало преуспеваю в вашем очаровательном языке. Я с любопытством слушал беседу этих маленьких существ; но когда они с присущей им национальной живостью говорили трое или четверо сразу, то я едва мог понимать их разговор. Однако я понял из отдельных фраз, которые я слышал время от времени, что они (один был cousin *, а другой moscheto **) горячо обсуждали достоинства двух иностранных музыкантов. В этом споре они тратили свое время, повидимому настолько безразличные к краткосрочности своей жизни, как будто они были уверены, что проживут месяц. Счастливый народ! подумал я; значит у вас мудрое, справедливое и доброе правительство, если у вас нет никаких общественных недовольств, чтобы на них жаловаться, или никакого предмета спора, кроме совершенств и недостатков иностранной музыки. Я повернулся

* Комар. — *Ред.*
** Москит. — *Ред.*

к старому седому существу, которое одиноко сидело на другом листе и говорило само с собой. Заинтересовавшись его монологом, я записал его в надежде заинтересовать ту, у которой я в долгу за самое приятное из всех развлечений, за ее прелестное общество и небесную гармонию.

«Мнение ученых философов нашей расы, — сказал он, — которые жили и творили задолго до нашего времени, что этот громадный мир Мулен Жоли не может сам существовать более восемнадцати часов. Я думаю, что для этого утверждения было основание, потому что несомненное движение светила, которое дает жизнь всей природе и которое в мое время явно клонится к океану в конце нашей земли, должно скоро закончиться; светило погаснет в водах, которые окружают нас, и оставит нашу землю в холоде и темноте, и за этим непременно последуют всеобщая смерть и разрушение. Я прожил семь часов, — долгое время, не меньше чем четыреста двадцать минут. Немногие из нас живут так долго! Я видел, как рождались, жили и умирали поколения. Мои теперешние друзья — дети и правнуки друзей моей юности, которых теперь, увы, больше нет! И скоро я должен за ними последовать; потому что согласно нашей природе, хотя я еще здоров, я не думаю, чтобы я прожил более семи или восьми минут. К чему теперь все мои труды по собиранию капелек меда на этом листе, на котором я уже не могу жить! К чему политическая борьба, в которой я участвовал для блага моих соотечественников на этом кустарнике? Или мои философские занятия на благо нашей расы в целом? Что могут сделать законы в политике без морали? Через несколько минут наша современная раса однодневок погибнет, как и на других, более старых, кустах, и поэтому она столь же несчастна! Увы! Как мал наш прогресс в философии! Увы! Искусство долго, а жизнь коротка! Мои друзья утешают меня тем, что, как они говорят, я оставлю имя после себя; и они говорят мне, что я прожил достаточно долго для природы и для славы. Но что значит слава для однодневки, которая больше не существует? И что случится со всей историей в восемнадцатом часу, когда весь мир, даже весь Мулен Жоли погибнет и будет погребен в руинах?»

После всех моих занятий теперь для меня не осталось никаких удовольствий, кроме как размышление над долгой жизнью, проведенной в желании добра, умного разговора с несколькими добрыми госпожами однодневками и время от времени любезная улыбка и голос всегда приветливой *Брилльон.*

В. Франклин

СВИСТОК

МАДАМ БРИЛЛЬОН

Пасси, 10 ноября 1779 года.

Я получил два письма моего дорогого друга от среды и субботы. Сегодня опять среда. Сегодня я не заслужил письма, потому что не ответил на предыдущее. Но хотя я ленив и не люблю писать, страх, что я никогда больше не увижу ваших милых писем, если не отвечу сам, заставляет меня взяться за перо; и когда мистер Б. любезно сообщил мне, что завтра он намеревается навестить Вас, то я вместо того, чтобы провести эту среду, как и предыдущие, в Вашем очаровательном обществе, решил провести ее, думая о Вас, написать Вам письмо и перечесть снова и снова Ваши письма.

Я очарован Вашим описанием Рая и тем, как вы предполагаете там жить; и я очень одобряю Ваше заключение, что тем временем мы должны брать все хорошее, что можем, от этого мира. По моему мнению, мы могли бы взять от него больше хорошего, чем мы берем, и меньше страдать от зла, если бы заботились о том, чтобы не платить слишком много за свистки. Потому что, мне кажется, что большинство несчастных людей, которых мы встречаем, стали несчастными из-за пренебрежения этой предосторожностью.

Вы спрашиваете, что я имею в виду? Вы любите рассказы, поэтому извините меня, если я расскажу один о себе.

Когда мне было семь лет, как-то в праздник мои друзья подарили мне полный карман медяков. Я сразу отправился в магазин, где продавали игрушки для детей; и, будучи очарован звуком *свистка,* который я видел по дороге в руках одного мальчика, я добровольно отдал все свои деньги за свисток.

Затем я пришел домой и начал свистеть на весь дом, раздражая родных, но страшно довольный своим *свистком*. Мои братья, сестры, кузины, поняв, что я наделал, сказали мне, что я заплатил за него в четыре раза больше, чем он стоит, и напомнили мне, какие хорошие вещи я мог бы купить на остальные деньги, и так долго смеялись надо мной, над моей глупостью, что я плакал от досады; и это переживание доставило мне больше огорчения, чем *свисток* доставил удовольствия.

Это, однако, потом пригодилось мне, потому что запечатлелось в моей памяти; так что часто, когда у меня есть искушение купить какую-нибудь ненужную вещь, я себе говорю: *не давай слишком много за свисток,* и я этим сохраняю свои деньги.

Когда я вырос, вступил в большой мир и стал наблюдать за действиями людей, то я встретил многих, очень многих людей, которые *давали слишком много за свисток.*

Когда я видел человека, слишком честолюбивого, жертвующего своим временем для посещения утренних приемов при дворе, своим отдыхом, своей свободой, своей добродетелью и возможно своими друзьями, чтобы добиться этого, я говорил себе: *этот человек дает слишком много за свой свисток.*

Когда я видел другого человека, который слишком любит популярность, постоянно занят в политической суматохе, пренебрегая своими собственными делами и этим губя их, то я говорил: *действительно он платит слишком много за свой свисток.*

Когда я видел скрягу, который отказывается от всяких удобств, от удовольствия делать добро другим, от всякого уважения своих сограждан и от радостей чистой дружбы, и все это для того, чтобы копить деньги, то я говорил: *несчастный, ты слишком много платишь за свой свисток.*

Когда я встречал сластолюбца, который приносил в жертву ум, состояние только ради чувственных наслаждений и подрывал этим свое здоровье, то я говорил: *ты заблуждаешься,* ты получаешь не удовольствие, а боль; *ты даешь слишком много за свой свисток.*

Если я вижу человека, который следит за своей наружностью, любит красивые наряды, красивые дома, красивую обстановку, красивые экипажи, а это все ему не по средствам, он влезает в долги и кончает жизнь в тюрьме, *увы,* говорю я, *он заплатил дорого, очень дорого за свой свисток.*

Когда я вижу, что милая, красивая девушка выходит замуж за отвратительного негодяя, то я говорю себе: *как жаль, что ей пришлось заплатить так много за свой свисток!*

Короче говоря, я считаю, что бóльшая часть человеческих несчастий проистекает оттого, что люди неверно оценивают вещи и *платят слишком много за свои свистки.*

Все же следует быть милосердным к этим несчастным, если подумать, что, несмотря на мудрость, которой я горжусь, в мире для меня есть такие соблазнительные вещи, как, например, яблоки короля Джона, которых, к счастью, нельзя купить; потому что, если бы они продавались с аукциона, я мог бы очень легко разориться на этой покупке и обнаружить, что я еще один раз слишком много дал за *свисток.*

До свиданья, мой дорогой друг, верьте, я искренне Ваш с неизменной любовью.

В. Франклин

ДИАЛОГ
МЕЖДУ ФРАНКЛИНОМ И ПОДАГРОЙ

Полночь. 22 октября 1780 г.

Франклин: Ой-ой! Что я сделал, чтобы заслужить такие ужасные страдания?

Подагра: Очень многое; ты ел и пил слишком обильно и слишком много разрешал лениться своим ногам.

Франклин: Кто это обвиняет меня?

Подагра: Это я, только я, Подагра.

Франклин: Что! Мой враг?

Подагра: Нет, не твой враг.

Франклин: А я говорю — мой враг, потому что ты не только досмерти замучила меня, но и лишила меня доброго имени, ты упрекаешь меня в том, что я обжора и пьяница; и теперь все, кто знает меня, не поверят, что я ни то, ни другое.

Подагра: Люди могут думать, что им нравится. Это иногда очень интересно для них самих или для их друзей. Но я очень хорошо знаю, что количество мяса и питья, достаточное для одного человека, который занимается моционом, будет слишком большим для другого человека, который этим не занимается.

Франклин: Я занимался, ой-ой, моционом, ой, столько, сколько я мог, госпожа Подагра. Ты знаешь мой сидячий образ жизни, и поэтому мне кажется, мадам Подагра, ты могла бы немного пожалеть меня, потому что это не целиком моя вина.

Подагра: Ничуть не бывало. Твоя риторика, твоя вежливость ни к чему, и твои извинения тебе не помогут. Если во время занятий ты ведешь сидячий образ жизни, то тогда по крайней мере твои развлечения и отдых должны быть подвижными. Ты должен гулять или ездить верхом на лошади или, если погода мешает этому, играть в биллиард. Давай посмотрим на твой образ жизни. По утрам, когда у тебя есть время

погулять на воздухе, что ты делаешь? Вместо того, чтобы нагулять себе аппетит перед завтраком полезным моционом, ты развлекаешься книгами, брошюрами, газетами, которые вообще не стоят того, чтобы их читать. Затем ты съедаешь слишком большой завтрак: четыре чашки чая со сливками, один или два куска хлеба с маслом и с копченым мясом. Все это, я думаю, не так легко переварить. Немедленно после этого ты садишься писать за свой стол или разговариваешь с людьми, которые обращаются к тебе по делу. Так время протекает до часу дня без единого физического упражнения. Но я могла бы простить тебе то, что ты ведешь сидячий образ жизни. Но что ты делаешь после обеда? Умный человек пошел бы погулять по саду со своими друзьями, с которыми он обедал, а ты садишься за шахматы и занимаешься этим два или три часа! Это твой обычный отдых, который является менее всего подходящим для человека, ведущего сидячий образ жизни; потому что вместо того, чтобы ускорить движение жидкостей, неподвижное состояние способствует замедлению кровообращения и затрудняет внешнее выделение. Погруженный в раздумье над этой несчастной игрой, ты разрушаешь свое здоровье. Что можно ожидать от такого образа жизни, кроме вялого настроения у человека, готового пасть жертвой всякого рода опасных болезней, если я, Подагра, время от времени не принесу вам облегчения тем, что взбудоражу ваше настроение, очищу и разгоню их? Если бы это было в каком-нибудь закоулке или на узкой улице в Париже, где ты не можешь прогуляться и поэтому после обеда играешь в шахматы, это было бы извинительно; но та же самая склонность существует в тебе, когда ты живешь в Пасси, Отейле, Монмартре или Сануа, в местах, где столько чудесных садов, аллей, чистого воздуха, прекрасных женщин и столько приятных и поучительных разговоров, и всем этим ты можешь наслаждаться, если будешь часто посещать аллеи. И все это отвергается из-за противной игры в шахматы. Фу, мистер Франклин! За своими поучениями я совсем забыла исполнять свои полезные обязанности, так на, получай приступ боли и еще один.

Франклин: Ой, ой-ой, О-о-о-й. Сколько угодно наставлений, мадам Подагра, и сколько угодно упреков; только умоляю, мадам, прекрати свои исправления!

Подагра: Нет, сэр, нет, я не уменьшу того, что послужит только для вашего добра, поэтому...

Франклин: Ой, ах. Неверно говорить, что я не делаю никаких физических упражнений, когда я их очень часто делаю — еду обедать и возвращаюсь в карете.

Подагра: Из всех возможных упражнений это наиболее легкое и незначительное, если вы ссылаетесь на движение

кареты, подвешенной на пружинах. Исходя из количества тепла, получаемого в результате разных родов движения, мы можем дать оценку каждому упражнению. Так, для примера, если вы зимой отправитесь пешком и у вас холодные ноги, то через час вы почувствуете приятную теплоту во всем теле; если ехать верхом на лошади, то почти такой же результат будет достигнут после четырехчасовой езды рысью; но если вы будете тащиться в карете (то, о чем вы говорили), то можете путешествовать целый день и, наконец, с радостью войдете в гостиницу, чтобы погреть ноги у огня. Не обольщайте больше себя надеждой, что получасовая езда в карете может называться физическим упражнением. Провидение только некоторым назначило ездить в каретах, тогда как всем дало пару ног, которые являются бесконечно более удобными и полезными машинами. В таком случае будь благодарен и пользуйся надлежащим образом своими ногами. Знаешь ли ты, как они способствуют кровообращению при каждом движении с места на место; понаблюдай, когда ты идешь пешком, как весь твой вес попеременно переходит с одной ноги на другую; это создает большое давление на сосуды ног и перегоняет кровь. Когда вес тела переходит на другую ногу, то сосуды в первой ноге расслабляются и могут снова пополняться, а когда все тело переходит на эту ногу, то выталкивание крови снова возобновляется, — таким образом ускоряется кровообращение. Теплота, получаемая в любой из этих моментов, зависит от степени этого ускорения; кровь в движении, настроение улучшается, выделение облегчается, и все идет хорошо; щеки румяные и здоровье становится крепким. Посмотри на своего прекрасного друга из Отейля *; женщина, которая получила от щедрой природы больше действительно полезной науки, чем полдюжины таких подражателей философам, которых ты можешь выбрать из всех твоих книг. Если она приходит с визитом к тебе, то всегда пешком. Она ходит весь день и оставляет праздность и сопутствующие ей болезни для своих лошадей. Этим одновременно она сохраняет здоровье и очарование. Но когда ты отправляешься в Отейль, ты должен ехать в карете, хотя от Пасси до Отейля не дальше, чем от Отейля до Пасси.

Франклин: Твои рассуждения становятся скучными.

Подагра: Согласна. Я буду молчать и буду выполнять свое дело. На, получай вот это и это.

Франклин: Ой! Ой-ой! Говори! Умоляю тебя!

Подагра: Нет, нет. У меня сегодня порядочно приступов боли для тебя, и ты можешь быть уверен, что завтра тоже будут.

---

* Мадам Гельвециус. — *Автор.*

Франклин: Что! с таким жаром. Я сойду с ума. Ой, ах! Не может ли кто-нибудь перенести это вместо меня?

Подагра: Спроси об этом у своих лошадей; они служили тебе верой и правдой.

Франклин: Как ты можешь так жестоко смеяться над моими мучениями?

Подагра: Смеяться! Я совершенно серьезна. Здесь у меня есть четко написанный список проступков против твоего собственного здоровья, и я могу оправдать каждый вызванный у тебя приступ.

Франклин: Ну тогда прочитай.

Подагра: Список очень длинный и подробный, но я коротко упомяну некоторые подробности.

Франклин: Ну давай, я весь внимание.

Подагра: Ты помнишь, сколько раз ты сам давал себе обещание гулять на следующее утро в Булонском лесу или в саду Мюэтте, или в своем собственном саду и не выполнял своего обещания, ссылаясь на то, что один раз было очень холодно, другой раз очень жарко, очень ветрено, очень сыро и все что угодно; когда на самом деле это было не что иное, как твоя непреодолимая лень?

Франклин: Сознаюсь, что это как-то было, возможно раз десять в год.

Подагра: Твое признание далеко от истины; и скорее это было сто девяносто девять раз.

Франклин: Неужели?

Подагра: Это факт; ты можешь положиться на правильность моего заявления. Ты знаешь, какие прекрасные аллеи в садах мистера Брилльона; ты знаешь замечательную лестницу в сто ступеней, которая ведет от террасы к лужайке внизу. Ты посещал эту милую семью два раза в неделю после обеда; и это твои слова, что «пройти одну милю вверх и вниз по лестнице — это то же самое, если пройти десять миль по родной местности». И какая возможность здесь была для тебя делать эти моционы? Как часто ты пользовался этим случаем?

Франклин: Я не могу сразу ответить на этот вопрос.

Подагра: Тогда я это сделаю за тебя. Ни разу.

Франклин: Ни разу?

Подагра: Именно так. Летом ты приходил туда в шесть часов. Там была очаровательная женщина, окруженная своими детьми и друзьями, готовая гулять с тобой и развлекать тебя приятным разговором; и какой же был твой выбор? Ты сидел на террасе, развлекаясь прекрасным видом, любуясь красотой сада, не желая сделать ни одного шага, чтобы спуститься и погулять по аллеям. Напротив того, ты просишь принести тебе чай и шахматы и, о, ужас, ты просиживаешь до девяти часов

и это еще кроме двух часов игры после обеда, и потом вместо того, чтобы пойти пешком домой и немножко пошевелиться, ты садишься в карету. Что за глупость думать, что всю эту беззаботность можно примирить со здоровьем без моего вмешательства.

Франклин: Теперь я понимаю справедливость слов бедного Ричарда, что «наши долги и наши грехи всегда больше, чем мы думаем».

Подагра: Так оно и есть. Вы, философы, мудрецы в ваших изречениях и глупцы в жизни.

Франклин: Ты считаешь преступлением то, что я возвращаюсь в карете от мистера Брилльона?

Подагра: Конечно, потому что, просидев целый день, ты не можешь жаловаться на усталость и поэтому не должен искать отдыха в карете.

Франклин: Что же тогда ты предлагаешь мне сделать с моей каретой?

Подагра: Сожжем ее, если хочешь; по крайней мере таким образом ты согреешься хоть раз благодаря ей; или, если тебе не нравится это предложение, могу предложить другое: посмотри на бедных крестьян, которые работают на виноградниках и на землях около деревень Пасси, Отейль, Шайо и др.; каждый день ты можешь увидеть среди этих достойных людей четырех или пятерых стариков и старух, согбенных, а может быть и искалеченных годами и слишком долгим и тяжелым трудом. После очень утомительного дня эти люди должны тащиться одну или две мили до своих закоптелых лачуг. Прикажи, чтобы твой кучер посадил их. Это будет очень хорошо для твоей души; и в то же самое время, если ты вернешься пешком после визита к Брилльонам, это будет хорошо для твоего здоровья.

Франклин: Какая ты надоедливая!

Подагра: Ну, ведь это моя работа, ты не должен забывать — я твой врач. Получай.

Франклин: Ой-ой! Какой врач, черт возьми!

Подагра: Какой ты неблагодарный! Разве не я под видом доктора спасла тебя от паралича, водянки и апоплексии? Если бы не я, какая-нибудь из этих болезней уж давно бы доконала тебя.

Франклин: Я покоряюсь и благодарю тебя за прошлое, но, умоляю, прекрати свои посещения в будущем, потому что, по моему мнению, лучше умереть, чем так лечиться. Разреши мне только напомнить, что я тоже не был недружественным по отношению к тебе. Я никогда не разрешал врачам и всяким знахарям писать рецепты против тебя; и если ты не оставишь меня в покое, то можно сказать, что ты тоже неблагодарна.

Подагра: Я с трудом могу принять это в качестве возражения. Что касается знахарей, то я презираю их; они могут действительно погубить тебя, но не могут повредить мне. А что касается квалифицированных врачей, то они, по крайней мере, считают, что подагра для такого организма, как твой, является не болезнью, а лекарством, а тогда зачем же ее лечить? Ну, а теперь за дело — вот!

Франклин: Ой-ой! Оставь меня в покое, ради бога, и я честно обещаю никогда не играть в шахматы, а каждый день делать физические упражнения и вести умеренный образ жизни.

Подагра: Я слишком хорошо тебя знаю. Ты хорошо обещаешь, но через несколько месяцев, если будешь здоров, вернешься к своим старым привычкам; твои хорошие обещания будут забыты, как форма прошлогодних облаков. Давай тогда заключим договор, и я уйду. Но я покидаю тебя с уверенностью, что приду снова в должное время и место, потому что моя цель сделать тебе добро, и ты теперь понимаешь, что я твой *настоящий друг.*

ЗАМЕТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ДИКАРЕЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Мы называем их дикарями, потому что их нравы отличаются от наших, которые мы считаем верхом учтивости; они думают то же самое о своих нравах.

Возможно, если бы мы могли беспристрастно изучить нравы различных наций, мы не нашли бы ни одного народа, настолько грубого, чтобы у него не было хотя бы некоторых правил вежливости, так же как мы бы не нашли ни одного настолько благовоспитанного народа, у которого бы не было остатков грубости.

Индеец если молод, то он охотник или воин; если старик, то член совета, так как все управление осуществляется у них советом мудрецов; у них нет полиции, тюрем, нет чиновников, чтобы заставлять подчиняться или налагать наказание. Поэтому они обычно изучают красноречие, и лучший оратор имеет бóльшее влияние. Индейские женщины возделывают землю, готовят пищу, нянчат и воспитывают детей, хранят и передают потомству память об общественных делах. Эти занятия мужчин и женщин считаются естественными и почетными. Имея незначительное количество искусственных потребностей, они располагают избытком досуга для усовершенствования в разговоре. Наш трудолюбивый образ жизни они по сравнению со своим считают рабским и низменным, а ученость, которую мы высоко ценим, пустячной и бесполезной. Примером этого может служить договор, подписанный в Ланкастере, в Пенсильвании, в 1744 году между правительством Виргинии и Шестью племенами. После того как основное дело было улажено, посланники Виргинии обратились к индейцам с речью и сказали, что в Вильямсбергском колледже имеются средства

для обучения индейской молодежи и что если вожди Шести племен пошлют полдюжины своих сыновей в этот колледж, то правительство позаботится, чтобы они были хорошо обеспечены и обучены всем наукам белых людей. Одним из правил индейской вежливости является не отвечать на общественное предложение в тот же самый день, когда оно сделано; они думают, что это может быть расценено как легкомыслие, и поэтому они, проявляя уважение к такому важному делу, откладывают его, чтобы обсудить. Поэтому они отложили свой ответ до следующего дня. Их оратор начал с того, что выразил глубокое чувство благодарности правительству Виргинии за это предложение. «Потому что мы знаем, — сказал он, — что вы высоко цените науки, которым обучают в колледже, и что содержание наших молодых людей будет очень дорого для вас. Поэтому мы убеждены, что этим предложением вы хотели сделать нам доброе дело; и мы сердечно вас благодарим. Но вы мудры и должны знать, что разные нации по-разному мыслят, и поэтому вы не должны обижаться, если наши представления о такого рода обучении не совпадут с вашими. У нас есть в этом некоторый опыт, несколько наших юношей недавно получили образование в колледжах северных провинций, они были обучены всем вашим наукам; но когда они возвратились к нам, то оказалось, что они плохие бегуны, не знают, как жить в лесах, неспособны переносить холод и голод, не умеют строить хижины, охотиться на оленей, убивать врагов, хорошо говорить на нашем языке, и поэтому они неспособны быть ни охотниками, ни воинами, ни членами совета; они вообще ни на что не годны. Однако это не уменьшает нашей благодарности за ваше доброе предложение, хотя мы не склонны принять его; и чтобы показать вам это, мы, если жители Виргинии направят нам дюжину своих сыновей, позаботимся как можно лучше об их воспитании, обучим их всему, что мы знаем, и сделаем из них настоящих *мужчин*».

Имея возможность часто собирать общественные собрания, индейцы добились большого порядка и благопристойности в их проведении. Старики сидят в передних рядах, воины в следующих, а женщины и дети на самых задних. Дело женщин пристально наблюдать за тем, что происходит, запечатлевать все в памяти (так как у них нет письменности) и передавать это своим детям. Они как бы являются летописью собраний и передают из поколения в поколение соглашения, заключенные сто лет назад. Если мы сравним их сведения с нашими записями, то всегда найдем их точными. Тот, кто собирается говорить, встает. Остальные хранят молчание. Когда говорящий кончает и садится на место, ему дается еще пять или шесть минут для того, чтобы сосредоточиться, и, если он пропустил что-нибудь из

того, что намеревался сказать, или хочет что-нибудь добавить, он снова может подняться и сказать. Перебивать другого, даже в общей беседе, считается в высшей степени неприличным. Как это отличается от поведения благовоспитанной английской палаты общин, где редкий день проходит без какого-нибудь беспорядка, что заставляет председателя кричать до хрипоты, призывая *к порядку*. Как это отличается от способа беседы во многих изящных салонах Европы, где, если вы не произнесли свое суждение с большой скоростью, вас перебьют на полуслове нетерпеливой болтовней те, с кем вы разговариваете, и никогда не дадут докончить вашу фразу!

Вежливость этих туземцев в разговоре приводит к крайности, так как не разрешает им противоречить или отрицать то, что утверждается в их присутствии. С помощью этого средства они избегают пререканий, но зато становится трудным узнать, что у них на уме и какое впечатление вы производите на них. Все миссионеры, которые пытались обратить их в христианство, жаловались на это, как на одну из трудностей своей миссии. Индейцы внимательно слушают, когда им объясняют истины евангелия, и делают свои обычные знаки согласия и одобрения, и вы думаете, что все дошло до их сознания. Ничего подобного. Это только вежливость.

Шведский священник собрал вождей индейцев Сусквеханны, произнес проповедь, познакомив их с основными историческими фактами, на которых основана наша религия, как то: грехопадение наших прародителей, которые съели яблоко, пришествие Христа, чтобы искупить зло, его чудеса и страдания и т. д. Когда он кончил, поднялся индейский оратор, чтобы поблагодарить его. «То, что вы нам рассказали, — сказал он, — очень хорошо. Действительно, очень плохо кушать яблоки. Гораздо лучше сделать из них сидр. Мы очень обязаны вам за то, что вы были настолько добры, что пришли так далеко и рассказали нам, что вы слышали от своих матерей. В ответ на это я расскажу вам несколько наших историй, которые мы слышали от своих матерей. В самом начале наши отцы имели только мясо животных для своего существования, а если их охота была неудачной, то они голодали. Двое наших молодых охотников, убив оленя, разожгли в лесу огонь, чтобы поджарить его. Когда они уже совсем собирались удовлетворить свой голод, они увидели, как прекрасная молодая женщина спустилась с облаков и села на том холме, который вы видите там между Голубыми горами. Они сказали друг другу, что это дух, который, наверное, услышал запах жареной оленины и захотел съесть кусок; давай дадим ей немного. Они угостили ее языком, ей понравился его вкус, и она сказала: «Ваша доброта будет награждена, придете на это место через

тринадцать лун, и вы найдете нечто очень ценное для вашего пропитания и для пропитания ваших детей до последнего поколения». Они так и сделали и, к своему удивлению, нашли растения, которых они никогда раньше не видели и которые с тех древних времен постоянно выращиваются у нас к нашему большому благу. Там, где ее правая рука коснулась земли, они нашли маис, там, где ее левая рука коснулась земли, они нашли фасоль, а там, где она сидела, они нашли табак». Добрый миссионер почувствовал отвращение к этой пустой сказке и сказал: «То, что я вам рассказал, было святой истиной, а то, что вы говорите, только небылица, вымысел и ложь». Оскорбленный индеец ответил: «Мой брат, мне кажется, что ваши друзья не дали вам достаточного образования, они не достаточно хорошо обучили вас правилам общепринятой вежливости. Вы видели, что мы понимаем эти правила и пользуемся ими и поэтому верим всем вашим рассказам, почему же вы отказываетесь поверить нашим?»

Когда кто-нибудь из индейцев приходит в наши города, наши люди способны собираться толпой вокруг них, разглядывать их и беспокоить их, тогда как они хотят быть в одиночестве; они считают это большой грубостью и результатом недостатка в обучении правилам вежливости и хорошим манерам.

«В нас, — говорят они, — столько же любопытства, сколько и в вас, и когда вы приходите в наши селения, мы по возможности хотим посмотреть на вас; но для этой цели мы прячемся в кустах, мимо которых вы должны проходить, и никогда не навязываем вам своего общества».

Чтобы войти в чужое селение, у них тоже имеются свои правила. Считается невежливым, если во время путешествия чужестранец внезапно войдет в деревню и не даст никакого уведомления о своем приближении. Поэтому, как только они доходят до того места, откуда их могут услышать, они останавливаются и кричат и остаются там до тех пор, пока их не пригласят войти. Обычно два старика выходят к ним и вводят их в селение. В каждой деревне есть свободное помещение, называемое «дом чужеземца». Здесь их помещают, а старики ходят от хижины к хижине и оповещают жителей, что пришли чужестранцы, которые, возможно, голодны и устали; и каждый посылает им то, что он может дать из пищи, и шкуры, чтобы было, на чем им спать. Когда странники подкрепятся и отдохнут, им приносят трубки и табак; и только тогда, а не раньше, начинается разговор, задаются вопросы, кто они, куда идут, какие новости и т. д.; обычно разговор кончается предложением услуг, если странникам нужен проводник, или что либо еще необходимое для продолжения путешествия; за

услуги не требуется никакого вознаграждения. Такое же гостеприимство, которое считается у них основной добродетелью, существует и между отдельными людьми, о чем мне сообщил наш переводчик Конрад Вейер и привел следующий пример. Он жил среди Шести племен и хорошо говорил на языке мохоков. Когда он ехал через страну индейцев, чтобы отвезти послание нашего правительства совету в Онондага, он заехал в дом Канассетего, своего старого знакомого, который обнял его, расстелил для него меха и поставил перед ним вареные бобы с олениной и смешал ром с водой для питья. Когда он подкрепился и зажег свою трубку, Канассетего начал беседу, спросил его, как он жил те многие годы, пока они не виделись, откуда он теперь едет, какова цель путешествия и т. д. Конрад ответил на все вопросы, и, когда разговор начал сникать, индеец, чтобы продолжить его, сказал: «Конрад, ты долго жил среди белых людей и кое-что знаешь об их привычках; я иногда бываю в Олбени и наблюдаю, что раз в семь дней они закрывают свои магазины и собираются все в большом доме; скажи мне, для чего? Что они там делают?» «Они собираются там, — ответил Конрад, — чтобы послушать и поучиться *хорошим вещам*». «Я не сомневаюсь, — сказал индеец, — что они так тебе сказали, они и мне сказали то же самое, но я сомневаюсь, что они говорят правду, и я тебе скажу, почему. Недавно я приехал в Олбени, чтобы продать шкуру и купить одеяла, ножи, порох, ром и прочее. Вы знаете, что я обычно имею дело с Гансом Хансоном, но на этот раз мне захотелось обратиться к другим купцам. Тем не менее я сначала зашел к Гансу и спросил его, сколько он мне может дать за бобра. Он сказал, что не может дать больше четырех шиллингов за фунт, «но, — сказал он, — сейчас я не могу говорить о делах; сегодня такой день, когда мы встречаемся вместе и учимся *хорошим вещам,* и я иду на это собрание». Я подумал про себя: так как я не могу сегодня заняться делом, то почему бы мне тоже не пойти на это собрание, и я пошел с ним. Там стоял человек в черном и что-то сердито говорил собравшимся. Я не понял, что он говорил, но, заметив, что он все время смотрел на меня и на Хансона, я решил, что он сердится, что я здесь; поэтому я вышел, сел около дома и зажег трубку, ожидая, когда кончится собрание. Мне показалось, что человек упомянул что-то вроде бобра, и я предположил, что, возможно, это было причиной их собрания. Поэтому, когда они вышли, я обратился к своему купцу: «Ну, Ганс, — сказал я, — надеюсь, ты согласился дать больше четырех шиллингов за фунт». «Нет, — сказал он, — я не могу дать столько, я не могу дать больше трех шиллингов и шести пенсов». Потом я говорил с несколькими другими торговцами, но все они пели одну и ту же песню —

три шиллинга и шесть пенсов, три и шесть пенсов. И мне стало ясно, что мое предположение было правильным: как бы они ни притворялись, что встречаются, чтобы поучиться *хорошим вещам*, настоящая их цель — посовещаться, как обмануть индейцев в ценах на бобров. Подумай немножко, Конрад, и ты со мной согласишься. Если они так часто встречаются, чтобы поучиться *хорошим вещам*, то уж пора им было чему-нибудь научиться. Но они все равно невежественны. Вы знаете, как мы поступаем. Если белый человек, путешествуя по нашей стране, войдет в одну из наших хижин, мы все обращаемся с ним так, как я с вами; мы высушиваем его одежду, если он промок; мы согреваем его, если он замерз, даем ему мясо и питье, чтобы он мог утолить свой голод и жажду; мы расстилаем для него хорошие меха, чтобы он мог отдохнуть и поспать; и мы ничего не требуем взамен. Но если я приду в дом белого человека в Олбени и попрошу еды и питья, жители скажут: «Где твои деньги?», и если у меня их нет, они скажут: «Убирайся отсюда, индейская собака». Вот видишь, они еще не усвоили даже таких незначительных *хороших обычаев*. А нам, чтобы знать их, не надо собираться на собрания, потому что наши матери обучили нас этому, когда мы еще были детьми. Поэтому невозможно поверить, что их встречи, как они говорят, устраиваются для обучения хорошему, они просто сговариваются, как *обмануть индейцев в ценах на бобров*».

ОБ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНАХ И ОБ ОБЫЧАЕ КАПЕРСТВА

14 марта 1785 года

Мой дорогой друг!

Среди памфлетов, которые вы мне недавно прислали, был один под заглавием «Мысли об исполнительном правосудии». В ответ на это я посылаю вам французский памфлет на ту же самую тему: «Observations concernant l'Exécution de l'Article II de la Déclaration sur le Vol» *. Они оба адресованы судьям, но написаны, как вы сами увидите, в совершенно различном духе. Автор-англичанин высказывается за повешение *всех* воров; автор-француз — за соразмерное наказание за проступки.

Если мы действительно верим или открыто признаем, что закон Моисея был законом бога и что предписания божественной мудрости бесконечно выше человеческой, то по какому праву мы приговариваем к смерти в наказание за проступок, который, согласно тому закону, должен быть наказан только четырехкратным возмещением убытков? Разве это не убийство, если мы приговариваем человека к смерти за проступок, который не заслуживает смерти? Или, как говорит французский писатель: «Doit-on punir un délit contre la société par un crime contre la nature?»**

Чрезмерное богатство является созданием общества. Простые и снисходительные законы были достаточны для охраны собственности, которая была только необходимостью.

Лук дикаря, его топор и его одеяние из шкур были достаточно защищены без закона — страхом личной обиды и воз-

---

* «Замечания по поводу проведения в жизнь статьи II Декларации о воровстве». — *Ред.*

** «Допустимо ли карать проступок против общества, совершая преступление против природы?». — *Ред.*

мездия. Когда благодаря первым законам часть общества накопила богатство и стала могущественной, она ввела другие, более суровые законы и стала защищать свою собственность в ущерб человечеству. Это было злоупотреблением их властью и началом тирании. Если бы перед тем как вступить в общество, дикарю сказали: «Твой сосед таким образом может стать владельцем сотни оленей, но если твой брат или твой сын, или ты сам голоден и не имеешь оленей и убьешь одного, то тебя ждет позорная смерть», то дикарь, возможно, предпочел бы свободу и свое право убивать любого оленя всем преимуществам общества, которые могут быть ему предложены.

Афоризм: лучше пусть сто виновных избежит наказания, чем пострадает один невиновный — давно получил всеобщее одобрение и, насколько я знаю, никогда не отрицался. Даже кровожадный автор «Мыслей» соглашается с этим, добавляя, «что сама мысль об *оскорбленной* невинности и еще больше о *страдающей* невинности должна пробудить все наши самые нежные и сострадательные чувства и в то же время вызвать наше глубочайшее негодование против нарушителей. Но, — добавляет он,—нет *никакой* угрозы пострадавшим со стороны строгих и верных законов». Неужели! А разве нет несправедливых законов? И если сам закон несправедлив, разве он не может быть тем «нарушением», которое должно «вызвать глубочайшее негодование автора и каждого человека»? Я прочел в последних газетах из Лондона, что одна женщина была приговорена центральным уголовным судом к смертной казни за то, что тайно похитила из магазина материи на четырнадцать шиллингов и три пенса. Есть ли какое-нибудь соответствие между ущербом, нанесенным вором и оцененным в четырнадцать шиллингов и три пенса, и наказанием живого существа смертью на виселице? Разве женщина не могла своим трудом возместить четырехкратную стоимость, которая предопределена богом? Разве все наказания, которые налагаются сверх меры за проступок, не являются наказанием невинности? А если так, то как велико ежегодное количество не только *оскорбленных*, но и *страдающих* невинных почти во всех цивилизованных государствах Европы!

Но, повидимому, предполагалось, что такого рода невиновные могут наказываться с целью *предупреждения* преступлений. Действительно, я читал о жестоком турке из Барбары, который, когда покупал нового раба — христианина, приказывал немедленно подвесить его за ноги и бить по пяткам сто раз, чтобы строгая мера наказания и страх подвергнуться ему снова могли предотвратить проступки, которые будут достойны такого наказания. Наш автор сам вряд ли одобрит полностью поведение этого турка в отношении рабов; и все же кажется,

что он предлагает что-то подобное для управления английскими подданными, когда он одобряет ответ судьи Барнета осужденному конокраду. Вора спросили, что он может сказать по поводу того, почему смертный приговор в отношении него не должен быть приведен в исполнение; он ответил, что жестоко повесить человека *только* за то, что он *украл* лошадь; на что судья ему сказал: «Ты должен быть повешен *не только* за воровство, но для того, чтобы другим было неповадно красть лошадей».

Если беспристрастно отнестись к ответу этого человека, то, я думаю, этот ответ покажется разумным, так как он основан на неизменном принципе справедливости и беспристрастности, что наказание должно соответствовать проступку; а ответ судьи был жестоким и неблагоразумным, хотя писатель желает, чтобы все судьи помнили его всякий раз, когда они приходят в суд, и чтобы хранили в памяти, как содержащий мудрый довод для всех уголовных уложений, которые они призваны приводить в исполнение. Это сразу показывает, говорит он, действительные мотивы и основание всех смертных приговоров, а именно, что собственность каждого человека, так же как и его жизнь, должна считаться священной и неприкосновенной. Тогда, значит, нет разницы в цепе между собственностью и жизнью? Если я считаю справедливым, что убийство должно наказываться смертью не только в качестве равного наказания за преступление, но чтобы предотвратить другие убийства, следует ли из этого, что я должен одобрять то же самое наказание за небольшое посягательство на мою собственность? Если я сам не такой жестокий, кровожадный и мстительный, чтобы убить себе подобного за кражу четырнадцати шиллингов и трех пенсов, как я могу одобрять закон, который делает это? Монтескье, который сам был судьей, пытался внедрить другие принципы. Он, должно быть, знал, что̀ чувствует гуманный судья в таких случаях и каков результат этих чувств, и, далекий от мысли, что суровые и чрезмерные наказания предотвращают преступления, утверждал, как цитирует наш французский автор, что: «L'atrocité des loix en empêche l'exécution. Lorsque la peine est sans mesure, on est souvent obligé de lui préférer l'impunité. La cause de tous les relâchements, vient de l'impunité des crimes, et non de la modération des peines»*.

Те, кто в общем знают Европу, говорят, что ежегодно в Англии совершается больше краж, чем во всех других странах вместе

---

* «Жестокость законов препятствует их выполнению. Если наказание чрезмерно, то часто находят необходимым предпочитать безнаказанность. Причина всех нарушений законов проистекает из безнаказанности преступлений, а не из умеренности наказания». — *Ред.*

взятых. Если это так, то должна быть причина или причины такой порочности вашего простого народа. Не может ли быть одной причиной отсутствие справедливости и морали в вашем национальном правительстве, что проявляется в вашем деспотическом поведении по отношению к подданным и в несправедливых войнах с вашими соседями. Посмотрите на длительное и упорное, несправедливое обращение с Ирландией, что, наконец, признано. Посмотрите на грабительское управление, осуществляемое вашими купцами в Индии; на захватническую войну с американскими колониями; и, не говоря уже о войнах с Францией и Испанией, посмотрите на последнюю войну с Голландией, которую беспристрастная Европа считала не чем иным, как грабежом и мародерством; надежда на громадную и легкую добычу была единственным очевидным и, повидимому, подлинным поводом и стимулом.

Справедливость строго обязательна как между соседними странами, так и между соседями-гражданами. Разбойник такой же грабитель, если он действует в шайке или один; а страна, которая ведет несправедливую войну, всего навсего *большая шайка*. Разве после использования ваших людей для ограбления Голландии странно, что в мирных условиях они продолжали грабить и грабят друг друга! Piraterie *, как это называют во Франции, или каперство, является общей склонностью английской нации как за границей, так и у себя на родине. Говорят, что в последней войне участвовало не менее семисот каперов, получивших патент. Они сражались для грабежа других купцов, которые никогда не причинили им никакого вреда. Найдется хотя бы один купец среди лондонских купцов-каперов, грабивших купцов Амстердама, который не ограбил бы другого лондонского купца с соседней улицы, если бы он мог это сделать безнаказанно? Алчность, alieni appetens, та же самая; и только страх перед виселицей составляет разницу. Как же может нация, которая среди честнейших людей имеет так много воров по призванию и чье правительство поддержало и подготовило не менее семисот шаек грабителей, как может такая нация иметь наглость приговаривать к смертной казни отдельных людей за преступления и на утро вешать двадцать из них? Естественно, это напоминает анекдот Ньюгейтской тюрьмы. Один из заключенных пожаловался, что ночью кто-то снял пряжки с его башмаков. «Что за черт! — сказал другой,— тогда значит среди нас есть *воры?* Этого нельзя терпеть, давайте отыщем жулика и изобьем его до смерти».

Недавно произошел случай с английским купцом, который не получил выгоды от прибыли, нажитой нечестным путем.

* Пиратство. — *Ред.*

Кажется, он был совладельцем корабля, который другие владельцы использовали для каперства и который ограбил ряд французских кораблей. Когда награбленное добро было поделено, он завел здесь агента, который осведомляется через объявление в газете о тех, кто потерпел убытки, с тем, чтобы, насколько это возможно, возместить их. Этот совестливый человек — квакер. Шотландские пресвитериане прежде были так же чувствительны, так как все еще существует указ муниципалитета Эдинбурга, изданный вскоре после Реформации, «запрещающий покупку награбленных товаров под страхом потери навсегда свободы города и других наказаний по усмотрению судьи, так как ограбление несовместимо с чистой совестью и противоречит правилу обращения с братьями-христианами так, как мы бы хотели, чтобы они с нами обращались. И эти товары *не должны продаваться благочестивыми людьми в черте этого города*». Род этих благочестивых людей в Шотландии, вероятно, вымирает, или их принципы забыты, так как эта нация участвует в разжигании войны против колоний и грабежи и конфискации можно считать значительным мотивом.

Некоторое время было общепринятым мнение, что человек, находящийся на военной службе, не должен интересоваться тем, справедлива данная война или несправедлива, он должен только выполнять приказы. Все государи, которые склонны стать тиранами, вероятно, должны одобрить это мнение и быть готовыми упрочивать его. Но разве это не опасное мнение? Согласно этому принципу, если тиран отдает приказ армии напасть и уничтожить не только безобидную соседнюю страну, но даже своих собственных подданных, армия вынуждена подчиняться. Если в наших колониях хозяин прикажет негру-рабу ограбить или убить соседа или совершить какой-нибудь другой аморальный поступок, то негр может отказаться, и судья защитит его за отказ в повиновении. Значит, рабство солдата хуже рабства негра! Добросовестный офицер, если только он не задержан под арестом по какой-нибудь причине, может уйти в отставку, чтобы не участвовать в несправедливой войне, но рядовые остаются рабами на всю жизнь и они, возможно, не способны судить об этом сами. Мы можем только оплакивать их судьбу, а еще больше судьбу матросов, которых часто силой отрывают от их честных занятий и принуждают окрашивать их руки в, быть может, невинной крови.

Но мне кажется, что купцам (как людям более просвещенным своим воспитанием и совершенно свободным от какой-либо подобной силы и обязанности) следует лучше обдумать справедливость войны, прежде чем добровольно нанимать шайку головорезов для нападения на своих собратьев-купцов из соседних стран, грабить их собственность и, возможно,

разорять их и их семьи, если они не сопротивляются, и ранить, калечить и убивать их, если они пытаются защищать свою собственность. И все же такие вещи делаются купцами-христианами независимо от того, справедлива данная война или несправедлива, а она вряд ли может быть справедливой для обеих сторон. Это делается английскими и американскими купцами, которые тем не менее жалуются на отдельных воров и вешают дюжинами этих воров, которых они обучили своим собственным примером.

Уже давно пора ради человечества положить конец этому чудовищному преступлению. Соединенные Штаты Америки, хотя и расположены лучше любой европейской страны для прибыльного занятия каперством (большая часть торговых путей между Европой и Вест-Индией проходит около них), пытаются, насколько это в их силах, уничтожить этот обычай, предлагая во всех своих договорах с другими державами включать раздел, торжественно утверждающий, что в случае будущей войны ни с какой стороны не должно быть каперства, и невооруженные торговые суда обеих стран смогут безбоязненно совершать свое плавание. Это будет счастливым улучшением закона народов. Гуманные и справедливые люди не могут не желать всеобщего успеха этому предложению. С неизменным уважением и любовью, всегда ваш

В. Франклин.

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

ПЕНСИЛЬВАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ УНИЧТОЖЕНИЮ РАБСТВА И ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ СВОБОДНЫМ НЕГРАМ, НЕЗАКОННО УДЕРЖИВАЕМЫМ В РАБСТВЕ

С особым удовлетворением мы сообщаем друзьям человечества, что при выполнении плана нашей ассоциации наши старания увенчались успехом и далеко превзошли наши самые большие ожидания.

Вдохновленные этим успехом и ежедневным увеличением ясного и доброго духа свободы, который распространяется по всему миру, и скромно надеясь на продолжительность божественного благословения наших трудов, мы осмелились сделать важное добавление к нашему первоначальному плану и поэтому решились серьезно просить поддержки и помощи у всех, кто испытывает сочувствие и сострадание или получает возвышенное удовольствие от благотворительности.

Рабство — это такое жестокое унижение человеческой природы, что самое его искоренение, если только оно не проводится с максимальной осторожностью, иногда может сделаться источником серьезных пороков.

Несчастный человек, с которым долго обращались как с животным, очень часто опускается и не имеет человеческого достоинства. Тягостные цепи, которые связывают его тело, сковывают и его умственные способности и ослабляют общественную привязанность его сердца. Он привык двигаться, как машина, по желанию хозяина; у него приостанавливается мышление; у него нет права выбора; причины и следствия имеют очень небольшое влияние на его поведение, потому что им преимущественно управляет чувство страха. Он беден и у него нет друзей, он, возможно, изнурен тяжелым трудом, возрастом и болезнями.

При этих обстоятельствах свобода для него часто может оказаться несчастьем, и это будет пагубно для общества.

Нужно надеяться, что попечение об освобожденных неграх будет находиться в ведении нашей национальной полиции; но коль скоро мы способствуем проведению этого освобождения, то это попечение, очевидно, является серьезной обязанностью, лежащей на нас, которую мы предполагаем выполнить как можно лучше.

Обучить, подготовить тех, которым возвращена свобода для того, чтобы они могли пользоваться гражданской свободой; привить им навыки трудолюбия, снабдить их работой, подходящей для их возраста, пола, талантов и других обстоятельств; дать образование их детям, рассчитанное на их будущее положение в жизни, — все это основы того плана, который мы разработали и который, мы думаем, будет существенно способствовать общественному благу и счастью тех наших братьев, которые до этого находились в слишком большом небрежении.

Такой обширный план не может быть приведен в исполнение без значительных денежных средств, превышающих существующие фонды Общества. Мы надеемся на щедрость просвещенных и благотворительных свободных людей и с благодарностью примем любые денежные пожертвования или деньги по подписке для этой цели; взносы можно делать нашему казначею Джемсу Старру или Джемсу Пембертону — председателю нашего комитета делопроизводства.

Подписано по приказу Общества

президентом В. Франклином.

Филадельфия, 9 ноября 1789 г.

О РАБОТОРГОВЛЕ

РЕДАКТОРУ «ФЕДЕРАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ»

23 марта 1790 года

Сэр,

читая вчера в вашей замечательной газете речь мистера Джексона, произнесенную им в Конгрессе против вмешательства Конгресса в дела работорговли или попыток улучшить положение рабов, я вспомнил нечто подобное, изреченное устами члена дивана Алжира — Сиди Магомет Ибрагима. Эта речь была произнесена сто лет назад, и подробную запись ее вы можете видеть в консульском отчете 1687 года Мартина — консула в Алжире. Эта речь была направлена против удовлетворения петиции секты *Erika,* или пуристов, обратившихся с просьбой об уничтожении пиратства и рабства ввиду их несправедливости. Мистер Джексон не ссылается на эту речь. Возможно, он не видел ее. Но если мы могли обнаружить в выразительной речи мистера Джексона некоторые из рассуждений Сиди Магомет Ибрагима, это только доказывает, что интересы и умы людей всех стран и климатов действуют удивительно одинаково всякий раз, когда люди оказываются в сходных обстоятельствах. В переводе речь этого африканца звучит так:

«*Нет бога кроме Аллаха и Магомет — пророк его.*

Представляют ли себе эти *Erika,* каковы будут последствия удовлетворения их петиций? Если мы прекратим набеги на корабли христиан, как сможем мы снабжаться товарами, которые производятся в их странах и которые необходимы нам?

А если мы не будем обращать захваченных в плен христиан в рабство, кто в столь жарком климате станет обрабатывать наши поля? Кто будет выполнять черную работу в нашем городе, в наших семьях? Должны ли мы быть в таком случае

рабами самим себе? Не надлежит ли нам, мусульманам, проявлять больше сострадания и больше благосклонности к своим соотечественникам, нежели к этим христианским собакам? У нас теперь более пятидесяти тысяч рабов в самом Алжире и в его окрестностях. Это количество скоро начнет уменьшаться и сойдет на нет, если сюда не вольются новые пополнения. Если, стало быть, мы прекратим захват и грабеж кораблей неверных и перестанем превращать матросов и пассажиров этих кораблей в рабов, наши поля перестанут плодоносить, так как мало будут обрабатываться; квартирная плата в городе упадет наполовину, а у правительства будет отнят один из источников доходов, представляющий собой часть захваченных богатств! И все это ради чего? Ради того, чтобы удовлетворить прихоть этой причудливой секты, которая хотела бы не только заставить нас отказаться от обращения в рабство новых христиан, но даже отпустить на волю тех, которые у нас есть.

Но кто возместит хозяевам их убытки? Согласится ли сделать это государство? Достаточно ли богата для этого наша казна? Сделают ли это Erika? В состоянии ли они это сделать? А не думают они, что, совершая справедливость для рабов, они совершают бóльшую несправедливость по отношению к их собственникам? А как быть с рабами, отпущенными на волю? Немногие из них захотят возвратиться на родину, хотя хорошо знают, что там их ожидают еще большие лишения. Они не примут нашей священной религии, они не усвоят наших обычаев; наш народ не осквернит себя смешанными браками с рабами. Может быть, мы должны сделать их нищими, просящими подаяния на наших улицах, или поставить под угрозу разграбления ими нашей собственности? Для человека, привыкшего к рабству, труд не может служить средством существования, когда его не принуждают. И что же достойного сострадания в их настоящем положении? Разве они не были рабами в своих собственных странах?

Разве Испанией, Португалией, Францией и Италией не управляют деспоты, которые всех подданных, без исключения, держат в рабстве? Даже в Англии с матросами обращаются, как с рабами. Всякий раз, когда этого пожелает правительство, их хватают и насильно сажают на военные корабли; за низкую плату или за одну только пищу их заставляют не только трудиться, но и сражаться — лучше ли это, чем то, что мы даем своим рабам? Разве ухудшается их положение от того, что они попадают в наши руки? Нет, они только меняют одно рабство на другое, и я бы сказал, на лучшее, ибо их приводят в страну, где светит и сияет в полном блеске солнце Ислама. Здесь они имеют возможность познакомиться с единственно истинным вероучением и тем самым спасти свои бессмертные души. Те же,

которые остаются на родине, не имеют такого счастья. Отсылая рабов на родину, мы, стало быть, отсылаем их из царства света в царство тьмы.

Я повторяю свой вопрос, что же делать с отпущенными рабами? Я слышал, предлагают, чтобы освобожденные рабы заселили пустыни, где так много земли, на которой они могли бы существовать, и где бы они процветали как свободное государство. Но я сомневаюсь, чтобы они, столь мало склонные к работе без принуждения и слишком невежественные, способны были установить хорошее правление. Кроме того, дикие арабы тут же уничтожили бы их или снова поработили. Пока они служат нам, мы заботимся о том, чтобы они были обеспечены всем необходимым, и обращаемся с ними гуманно. Работники в их странах, как мне известно, питаются, одеваются и живут гораздо хуже. Положение большинства из них уже улучшено и не требует дальнейшего улучшения. Здесь их жизнь в безопасности. Они не подлежат вербовке в солдаты, и их не заставляют перерезывать друг другу их христианские глотки, как это делается на войне в их собственных странах. Если некоторые из религиозных сумасшедших фанатиков, надоедающих нам теперь своими глупыми прошениями, в припадке слепого рвения освободили своих рабов, то не великодушие и не человеколюбие побуждало их к этому, а сознание тяжести грехов и надежда на избавление от проклятия за мнимую заслугу свершения такого доброго дела.

Как глубоко они ошибаются, считая, что Коран запрещает рабство! А две такие заповеди, чтобы не сослаться на большее число, как: «*Господин, относись к своим рабам с добротой; рабы, служите своим господам с веселъем и преданностью*», — что это, как не очевидное доказательство противоположного? Не может быть запрещено этой священной книгой и пиратство в отношении неверных; из нее хорошо известно, что бог отдал мир и все содержащееся в нем своим верным мусульманам, которые должны обладать всем этим, как только они его завоюют. Пусть же мы не услышим более этого отвратительного предложения об освобождении христиан-рабов, принятие которого через обесценение земель и домов привело бы в упадок наше имущество и лишило бы, таким образом, многих порядочных граждан их собственности, создало бы всеобщее недовольство, вызвало бы мятежи, угрожающие правительству и производящие всеобщий беспорядок и смятение. Поэтому я не сомневаюсь, что это разумное собрание предпочтет удобство и счастье целой нации правоверных, прихоти нескольких *Erika* и отклонит их прошение».

В результате, как сообщает Мартин, диван пришел к следующему решению:

«В лучшем случае *сомнительным* является учение, согласно которому грабить и обращать в рабство христиан — несправедливо; ясно, что в интересах государства следует продолжать эту практику. Поэтому петицию следует отклонить».

Соответственно, она была отклонена.

Не можем ли мы, мистер Браун, смело предсказать, исходя из вышеупомянутого, что до тех пор, пока сходные мотивы вызывают в умах людей сходные мнения и решения, петиции в английский парламент (не говоря уже о других законодательных учреждениях) и дебаты по ним будут иметь подобный же исход?

За сим, сэр, Ваш постоянный читатель и покорный слуга

Историк.

ЖИЗНЬ ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА

АВТОБИОГРАФИЯ

ГЛАВА I

Дорогой сын!

Я всегда любил собирать сведения о своих предках. Ты, вероятно, помнишь, как я расспрашивал всех своих находившихся в живых родственников, когда ты был вместе со мной в Англии, и как я ради этого предпринял целое путешествие. Предполагая, что и тебе тоже будет небезинтересно узнать обстоятельства *моей* жизни, многие из которых тебе неизвестны, и предвкушая наслаждение, которое я получу от нескольких недель ничем не нарушаемого досуга, я сажусь за стол и принимаюсь за писание. Имеются, кроме того, и некоторые другие причины, побуждающие меня взяться за перо. Хотя по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью. Удача мне неизменно сопутствовала даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг и почему с помощью провидения все для меня так счастливо сложилось. Кто знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям.

Когда я раздумываю над своей удачей, — а я это делаю частенько, — то мне иногда хочется сказать, что, будь у меня свобода выбора, я бы не возражал снова прожить ту же жизнь с начала и до конца; мне только хотелось бы воспользоваться преимуществом, которым обладают писатели: выпуская второе издание, они исправляют в нем ошибки, допущенные в первом. Вот и мне тоже хочется заменить некоторые эпизоды, поставив лучшее на место худшего. И все же и при невозможности осу-

ществить это я все равно согласился бы снова начать ту же жизнь. Но поскольку рассчитывать на подобное повторение не приходится, то, очевидно, лучший способ вернуть прошлое — это припомнить все пережитое; а для того, чтобы воспоминания дольше сохранились, их лучше изложить на бумаге.

Проводя свое время подобным образом, я уступаю присущей старикам склонности поговорить о себе и о своих делах; но я буду наслаждаться этим, не докучая тем, кто из уважения к моему возрасту мог бы считать себя обязанными меня слушать, в их воле будет, читать меня или не читать. И, наконец (я могу в этом признаться, так как даже если бы я и стал отрицать, то мне никто не поверил бы), что я в немалой степени удовлетворю свое тщеславие. В самом деле, мне ни разу не случалось слышать или видеть вступительную фразу «Безо всякого тщеславия я могу сказать» и т. п. без того, чтобы за этим сейчас же не следовало какое-либо тщеславное заявление. Большинство людей не терпит тщеславия в своих ближних, независимо от того, какой долей его они сами обладают; но я отдаю ему должное всякий раз, когда с ним сталкиваюсь, будучи убежден, что тщеславие часто приносит пользу тому, кто им обладает, равно как и другим, находящимся в сфере его действия; в силу чего во многих случаях было бы не совсем бессмысленно, если бы человек благодарил бога за свое *тщеславие,* равно как и за прочие щедроты.

Сказав о боге, я хочу со всем смирением признать, что то благополучие моей прошлой жизни, о котором я говорил, я отношу за счет его божественного провидения, умудрившего меня использовать те средства, к которым я прибегал, и принесшему мне удачу. Вера в это вселяет в меня *надежду,* однако я не должен *уповать,* что милость эта и в дальнейшем будет проявляться в отношении меня, сохраняя мое счастье, или что мне будут даны силы перенести роковую перемену судьбы, которая может постичь меня, как постигала и других; что мне сулит будущее, известно только тому, кто может благословлять нас даже в наших бедствиях.

Из некоторых заметок, переданных мне как-то одним из моих дядей, тоже питавшим слабость к собиранию семейных историй, мне стали известны кое-какие подробности о наших предках. Я узнал, что они жили в той же деревне Эктон в Нортгемптоншире, владея участком примерно в 30 акров по крайней мере триста лет, в точности же установить, насколько дольше они там жили, не представляется возможным.

Этого небольшого участка было бы недостаточно, чтобы их прокормить, если бы они не занимались кузнечным ремеслом, передававшимся в семье по наследству. Обычай этот сохранился еще и во времена моего дяди. Старшего сына неизменно

обучали кузнечному делу, и как мой дядя, так и мой отец последовали этому в отношении своих сыновей. Проштудировав церковные книги в Эктоне, я проследил браки и смерти в нашем роду только до 1555 года, так как до этого времени книги не велись. Из этих книг мне, однако, удалось узнать, что я являюсь младшим сыном младшего сына, который в свою очередь также был младшим сыном младшего сына, и так на протяжении пяти поколений. Мой прадед Томас, родившийся в 1598 году, жил в Эктоне до тех пор, пока мог заниматься своим ремеслом. Когда же старость вынудила его уйти на покой, он переехал в Бэнбери в Оксфордшире, где поселился в доме своего сына Джона, у которого проходил ученичество мой отец. Там же он и скончался, там его и похоронили. Мы видели его надгробие в 1758 году. Старший его сын Томас жил в доме в Эктоне и оставил его вместе с землей своей единственной дочери, муж которой, некто Фишер, продал дом и участок господину Истеду, нынешнему владельцу поместья. У моего деда было четверо сыновей, достигших зрелого возраста, а именно: Том, Джон, Бенджамин и Джозайа. В настоящее время мой архив находится далеко от меня, и я перескажу тебе находящиеся в нем бумаги по памяти; а если за время моего отсутствия они не потеряются, то ты найдешь там еще целый ряд дополнительных сведений.

Томас, мой старший дядя, готовился к тому, чтобы пойти по стопам своего отца и стать кузнецом, но так как он обладал недюжинными способностями, то его, как и всех его братьев, поощрял к учению эсквайр Палмер, самый влиятельный обитатель прихода. Томас сделался адвокатом и занял видное положение в графстве; он принимал самое деятельное участие во всех общественных начинаниях как графства, так и города Нортгемптона, не говоря уж о его родной деревне, где многие были ему сродни; его очень отличал лорд Галифакс, оказывавший ему покровительство. Он скончался в 1702 году, 6 января, ровно за четыре года до моего рождения. Мне вспоминается, что когда несколько стариков, которые его хорошо знали, описывали его характер, то тебя очень поразил их рассказ, так как тебе многое напомнило меня. «Умри он, — сказал ты, — четырьмя годами позже в тот же день, то можно было бы предположить переселение душ».

Джон, мой следующий дядя, обучался ремеслу красильщика, если мне не изменяет память, красильщика шерсти. Бенджамин должен был стать красильщиком шелка и обучался этому ремеслу в Лондоне. Он был недюжинным человеком. Я помню, когда я был мальчиком, он приехал к моему отцу в Бостон и прожил в нашем доме несколько лет. Они с отцом всегда были очень дружны, и я был его крестником. Он дожил до глубокой

старости. После него осталось два больших тома рукописей стихов его собственного сочинения. Это были стихи на случай, обращенные к его друзьям. Он изобрел собственную систему стенографии и обучил меня этой системе, но так как я в ней не практиковался, то я ее позабыл. Он был весьма благочестив и старательно посещал проповеди лучших проповедников. Эти проповеди он записывал по своему методу, и их у него набралось несколько томов.

Он также питал большую тягу к политике, даже, пожалуй, слишком большую для своего общественного положения. В мои руки недавно попало в Лондоне собрание всех важнейших политических брошюр по различным вопросам, которое он составил в период 1641—1717 гг. Многих томов, как явствует из нумерации, недостает, но все же сохранилось восемь томов ин фолио и двадцать ин кварто и ин октаво. Они попали в руки одного торговца старыми книгами, который их приобрел, зная мое имя, и принес мне. Повидимому, мой дядя оставил их здесь, когда лет пятьдесят назад отправился в Америку. Я обнаружил на полях ряд его пометок. Внук его, Сэмюэль Франклин, все еще живет в Бостоне.

Наше незнатное семейство рано примкнуло к Реформации. Наши предки оставались протестантами во время правления королевы Марии, когда они иногда подвергались опасности из-за своих выступлений против папистов [1]. У них была английская библия и, для того чтобы надежно спрятать ее в безопасном месте, ее прикрепили тесьмой под обивкой складного стула. Когда мой прапрадед хотел почитать ее своей семье, он перевертывал складной стул у себя на коленях, а затем листал страницы под тесьмой. Кто-нибудь из детей всегда стоял у дверей, чтобы подать знак при приближении судебного пристава, являвшегося чиновником духовного суда. Тогда стул перевертывали и ставили на ножки, и библия, как и прежде, оставалась в своем укрытии. Об этом мне рассказывал мой дядя Бенджамин. Вся семья продолжала пребывать в лоне англиканской церкви примерно до конца правления Карла II, когда некоторые священнослужители были изгнаны за неподчинение уставам англиканской церкви и за то, что они устраивали тайные религиозные собрания в Нортгемптоне. Мой дядя Бенджамин и мой отец Джозайа примкнули к ним и сохраняли им верность до конца жизни. Остальные члены семьи остались в лоне епископальной церкви.

Мой отец женился в ранней молодости и перевез свою жену и трех детей в Новую Англию около 1685 года. К этому времени тайные религиозные собрания были запрещены законом, и их часто разгоняли, поэтому некоторые из его влиятельных знакомых решили перебраться в эту страну; и его убедили отпра-

виться с ними туда, где, как они ожидали, они смогут беспрепятственно исповедовать свою религию. От этой же жены у моего отца там родилось еще четверо детей, а от второй жены — еще десять, а всего семнадцать, из которых мне часто доводилось видеть тринадцать одновременно сидящих за столом, и все они достигли совершеннолетия и вступили в брак. Я был младшим сыном и самым младшим из всех детей, кроме двух дочерей. Я родился в Бостоне, в Новой Англии. Моя мать, вторая жена, была Абия Фолгер, дочь Питера Фолгера, одного из первых поселенцев Новой Англии, о котором Коттон Мезер с уважением упоминает в своей церковной истории этой страны, озаглавленной «Magnalia Christi Americana» [2], как о «праведном и ученом англичанине», если память мне не изменяет. Я слышал, что он написал несколько небольших стихотворений на случай, но лишь одно из них было напечатано, и я прочел его много лет спустя. Это стихотворение было написано в 1675 году знакомым размером в духе той эпохи и обращено к тем, кто тогда находился там у власти. Оно утверждает свободу совести, и автор здесь выступает от имени анабаптистов, квакеров и прочих гонимых сектантов. Он считает следствием этих гонений войны с индейцами и другие постигшие страну бедствия, видя во всем этом неоднократное проявление божьего суда в наказание за столь гнусное преступление и призывает к отмене этих законов, столь противных милосердию. На меня это стихотворение произвело впечатление произведения, написанного с мужественной откровенностью и задушевной простотой. Последние шесть строк я помню, хотя я и забыл первые; смысл их заключался в том, что его упреки были продиктованы желанием добра, и поэтому он хотел бы, чтобы его авторство стало известно.

Ибо быть клеветником (говорит он)
Мне ненавистно до глубины души,
Из города Шерберна *, где я сейчас живу,
Я ставлю здесь свое имя,
Не желающий вас оскорбить, ваш истинный друг,
Питер Фолгер.

Все мои старшие братья обучались какому-либо ремеслу. Меня в возрасте восьми лет отдали в грамматическую школу [3], так как мой отец намеревался посвятить меня, как десятого из своих сыновей, служению церкви. Рано проявившаяся у меня охота к чтению (должно быть, в весьма раннем возрасте, так как я не помню времени, когда бы я не умел читать) и мнение всех его друзей, утверждавших, что я обязательно буду хорошим учеником, поддерживали его в этом намерении.

* На острове Нантуккет. — *Автор.*

Одобрял это и мой дядя Бенджамин, который предложил отдать мне свои тома застенографированных проповедей для обзаведения, если я овладею его стенографией. Однако мне довелось посещать грамматическую школу менее года, хотя за это время я постепенно передвинулся из середины класса на первое место и меня перевели в следующий класс, откуда должны были к концу года перевести в третий.

Но для моего отца, обремененного многочисленным семейством, было бы затруднительно оказывать мне материальную поддержку, необходимую для получения высшего образования, а, кроме того, как он сказал одному из своих друзей в моем присутствии, эта профессия давала мало преимуществ. Он отказался от своего первоначального плана, взял меня из грамматической школы и поместил в школу, где обучали письму и арифметике. Эту школу содержал знаменитый тогда господин Джордж Браунелл. Браунелл был превосходным педагогом, достигавшим больших успехов с помощью самых мягких и стимулирующих методов. Под его руководством я быстро научился хорошо писать, но арифметика мне не давалась и я в ней недалеко ушел. Когда мне исполнилось десять лет, отец забрал меня домой, чтобы я помогал ему в мастерской — отец занимался тогда изготовлением сальных свечей и варкой мыла. Это не было его первоначальным занятием, но он принялся за это дело по прибытии в Новую Англию, когда обнаружил, что его ремесло красильщика не было здесь особенно нужным и не давало ему возможности прокормить семью. И вот я стал нарезать фитили, заливал формы для отливки свечей, помогал в лавке, был на посылках и т. п.

Мне это ремесло было не по душе, и меня очень тянуло к морю, отец же мой решительно высказался против такого плана; но, живя у воды, я много времени проводил в ней и на ней. Я научился хорошо плавать и управлять лодкой; а когда я бывал с другими мальчишками, мне обычно доверяли быть рулевым, в особенности при каком-нибудь затруднении; да и в других случаях я обычно верховодил среди мальчишек, а иногда и возглавлял некоторые проделки, из которых расскажу об одной в качестве примера того, как рано во мне обнаружился дух общественных начинаний, хотя он тогда и не нашел правильного применения.

Около мельничного пруда был солончак, на краю которого мы во время паводка удили пескарей. Мы там столько топтались, что это место превратилось в настоящее болото. Я предложил соорудить там нечто вроде пристани, на которой мы могли бы стоять. При этом я показал своим товарищам на большую груду камней, предназначавшихся на строительство нового дома около солончака; эти камни прекрасно подходили

для нашей цели. И вот вечером, когда рабочие ушли, я собрал несколько своих приятелей, и мы старательно взялись за работу, перетаскивая камни, как муравьи, иногда берясь вдвоем или втроем за каждый камень, пока не соорудили нашу маленькую пристань. На следующее утро рабочие с удивлением обнаружили пропажу камней, которые пошли на постройку нашей пристани. Учинили дознание; нас разыскали и пожаловались родителям; некоторые из нас получили от своих отцов соответствующее внушение, и хотя я доказывал полезность нашей работы, мой отец убедил меня, что ничто нечестное не может быть действительно благодетельным.

Мне думается, тебе хотелось бы иметь представление о том, что за человек был мой отец. У него было превосходное здоровье, роста он был среднего, но хорошо сложен и обладал большой физической силой. Он имел ясный ум, хорошо рисовал, немного обучался музыке; у него был звучный приятный голос, и когда он наигрывал на своей скрипке, напевая при этом, как он иногда делал по вечерам после работы, то слушать его было приятно. Он был и немножко механиком и при случае мог показать, что мастерски владеет также инструментами ремесленников других профессий. Но главным его достоинством было умение глубоко разбираться в сущности всякого сложного вопроса и здраво судить о нем, независимо от того, касалось ли это общественных или личных дел. Верно, что ему никогда не доводилось вести общественные дела, так как заботы о воспитании многочисленного семейства и стесненные обстоятельства не позволяли ему отвлекаться от своего промысла; но я помню, что видные люди часто приходили узнать его мнение о различных городских или церковных делах и с уважением относились к его суждениям и советам.

К нему также часто обращались и отдельные лица по поводу своих затруднений, и его часто избирали третейским судьей между спорящими сторонами. Он любил, чтобы у него за столом во время обеда был кто-либо из друзей или соседей, умеющих вести умный разговор; отец при этом всегда старался избрать какую-нибудь интересную или полезную тему, чтобы развивать ум своих детей. Таким путем он обращал наше внимание на добрые дела и на справедливые и благоразумные поступки; и мало или никакого внимания не уделялось тому, что касалось находившихся на столе кушаний,— хорошо или дурно они были приготовлены, соответствовали ли они времени года, каковы были на вкус, лучше или хуже других подобных блюд; и я с детства приучился настолько не обращать внимания на такие вещи, что мне совершенно безразлично, какую еду мне подают, и вплоть до сегодняшнего дня я с трудом могу сказать через несколько часов после обеда, из каких блюд он состоял. Это

давало мне большое преимущество во время путешествий, когда мои спутники иногда чувствовали себя несчастными из-за невозможности должным образом удовлетворить свои более деликатные и более развитые вкусы и аппетиты.

Моя мать тоже обладала превосходным здоровьем. Она сама выкормила грудью своих десятерых детей. Я не помню, чтобы мой отец или моя мать чем-нибудь болели до своей смерти; он скончался в возрасте восьмидесяти девяти лет, а она — в возрасте восьмидесяти пяти. Они похоронены вместе в Бостоне, где я несколько лет назад поставил на их могиле мраморное надгробие с надписью:

Джозайа Франклин
И Абия, жена его,
Погребены здесь.
Они счастливо прожили в супружестве
Пятьдесят пять лет.
Не имея ни поместья, ни выгодной должности,
Посредством труда и прилежания,
(С благословения божьего)
Они содержали большую семью
В достатке;
И вырастили тринадцать детей
И семь внуков
Достойным образом.
Пусть этот пример, читатель,
Поощрит тебя к прилежанию в твоем деле,
И надейся на провидение.
Он был благочестивым и благоразумным человеком,
А она скромной и добродетельной женщиной.
Их младший сын
Из сыновнего почтения к их памяти
Поставил этот камень.

Дж. Ф. родился в 1655 г. — скончался в 1744 г. — в возрасте 89 лет.
А. Ф. родилась в 1667 г. — скончалась в 1752 г. — 85 лет.

Но я все время отклоняюсь от своего повествования, из чего заключаю, что становлюсь стар. Раньше я писал более упорядоченно. Но в домашнем кругу не наряжаются, как на бал. Может быть, это просто небрежность.

Итак, вернемся к нашей теме: я помогал своему отцу в течение двух лет, то есть до двенадцатилетнего возраста; а поскольку мой брат Джон, с детства обучавшийся этому ремеслу, отделился от отца, женился и открыл собственное дело в Род-Айленде, то по всем приметам мне было суждено занять его место и стать свечным мастером. Однако я продолжал выказывать такое нерасположение к этому ремеслу, что мой отец почувствовал, что если он не подыщет для меня более привлекательного занятия, то я выйду из повиновения и стану моряком, как сделал брат мой Джозайа, к величайшему неудовольствию отца. Поэтому отец стал брать меня с собой на про-

гулки и показывал мне плотников, каменщиков, токарей, медников и других мастеров за их занятиями, чтобы иметь возможность обнаружить мои склонности и определить меня к такому ремеслу, которое удержало бы меня на суше. Мне всегда с тех пор доставляло удовольствие видеть, как управляются со своими инструментами хорошие мастера; мне пошло на пользу и то, что я приобрел некоторый навык и мог сам сделать кое-что в доме, если нельзя было найти мастера; кроме того, я умею своими руками изготовлять небольшие машины для моих опытов. В конце концов отец решил сделать из меня ножовщика и поместил меня на несколько дней, в качестве испытательного срока, к Сэмюэлю, сыну моего дяди Бенджамина, обучавшемуся этому ремеслу в Лондоне и только что устроившемуся в Бостоне. Но тот заломил такую сумму за мое обучение, что отец рассердился и взял меня снова домой.

С малых лет я страстно любил читать и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, откладывал на покупку книг. Я очень любил путешествия. Первым моим приобретением были сочинения Бениана в отдельных томиках. Позднее я их продал, чтобы иметь возможность купить собрания исторических произведений Р. Бертона; это были небольшие книжечки, по дешевке приобретенные у бродячего торговца, числом сорок. Небольшая библиотека моего отца состояла из религиозно-полемических сочинений, большинство из которых я прочел. С тех пор я не раз сожалел о том, что в то время, когда у меня была такая тяга к знанию, в мои руки не попали более подходящие книги, так как уже было решено, что я не буду священником. Среди этих книг были и «Жизнеописания» Плутарха [4], которыми я зачитывался; и сейчас еще я считаю, что это очень пошло мне на пользу. Была также книга Дефо, озаглавленная «Опыт о проектах» [5], и сочинение доктора Мезера «Опыты о том, как делать добро». Эти книги, возможно, оказали влияние на мой духовный склад, что отразилось на некоторых важнейших событиях моей жизни.

Эти мои книжные склонности в конце концов привели к тому, что отец решил сделать из меня печатника, хотя один из его сыновей (Джемс) уже занимался этим ремеслом. В 1717 году мой брат Джемс вернулся из Англии и привез с собой печатный станок и шрифты, чтобы открыть типографию в Бостоне. Хотя это ремесло было мне куда больше по душе, чем то, которым занимался мой отец, но море попрежнему продолжало меня манить. Моему отцу не терпелось связать меня с братом договорными обязательствами, так как он опасался возможных последствий этого моего влечения. Некоторое время я сопротивлялся, но, наконец, не выдержал и подписал контракт о поступлении в ученичество, хотя мне и было тогда всего

двенадцать лет. По контракту я обязывался служить подмастерьем, пока мне не исполнится двадцать один год, причем только в последний год я должен был получать жалованье настоящего работника. За очень короткий срок я достиг значительных успехов в этом деле и оказывал своему брату большую помощь. Теперь у меня был доступ к более хорошим книгам. Я свел знакомство с учениками книготорговцев, что давало мне возможность одалживать то одну, то другую книжку, и я всегда старался возвращать их аккуратно и не пачкать. Частенько я просиживал за чтением в своей комнате чуть не всю ночь напролет, если книга была одолжена вечером, а вернуть ее надо было рано утром, чтобы ее не хватились.

Спустя некоторое время один купец, умный и здравомыслящий человек по имени Мэтью Адамс, имевший прекрасное книжное собрание и часто посещавший нашу типографию, обратил на меня внимание, пригласил меня посмотреть его библиотеку и очень любезно предложил давать мне читать любые книги по моему выбору. Теперь я пристрастился к поэзии и сам сочинил несколько стихотворений. Мой брат решил, что на этом можно заработать, и стал поощрять меня к сочинительству. По его побуждению я написал две баллады на случай. Одна называлась «Трагедия у маяка», и в ней рассказывалось о кораблекрушении, жертвой которого сделались капитан Уортилейк и его две дочери, другая была озаглавлена «Песня матроса по случаю захвата знаменитого «Тича», или пират Черная борода». Это была жалкая стряпня в духе уличных баллад; и когда они были напечатаны, он отправил меня продавать их по городу. Первую из них брали нарасхват, так как описанное в ней событие произошло недавно и наделало большой шум. Этот успех приятно щекотал мое самолюбие, но отец обескуражил меня, высмеяв мои вирши и объяснив, что стихотворцы всегда бывают нищими. Так я избежал опасности сделаться поэтом, да к тому же, вероятно, плохим. Но так как сочинения в прозе приносили мне большую пользу на протяжении всей моей жизни и оказались одним из главных средств моего успеха, то я расскажу тебе, каким образом я приобрел то небольшое мастерство, которым, как считают, я обладаю.

В городе был еще один книголюб по имени Джон Коллинс, молодой человек, с которым я вел близкое знакомство. Иногда мы вступали в споры и очень любили словопрения и всегда старались опровергнуть друг друга, а такая склонность к препирательствам, кстати говоря, может превратиться в дурную привычку и часто делает человека невыносимым в обществе, так как он начинает всем противоречить; это же в свою очередь не только отравляет беседу, но и вызывает отвращение и враждебность со стороны тех, с кем вы могли бы иметь дружест-

венные отношения. Я приобрел эту привычку, начитавшись отцовских книг религиозно-полемического содержания. Люди здравомыслящие, как мне с тех пор довелось убедиться, редко себя так ведут, кроме юристов, университетчиков, а также всех, получивших образование в Эдинбурге.

Как-то, не помню уже почему, между мной и Коллинсом разгорелся диспут о том, стоит ли давать женщинам образование и обладают ли они необходимыми способностями. Он стоял на той точке зрения, что им это ненужно и что они от природы для этого не приспособлены. Я занял противоположную позицию, возможно, отчасти и из желания поспорить. Он был от природы более красноречив, обладал бóльшим запасом слов, и иногда, как мне казалось, я бывал побежден не столько силой его аргументации, сколько словесным искусством. Поскольку мы расстались, не придя к определенному выводу, и должны были увидеться только нескоро, я решил письменно изложить свои доводы; я переписал их набело и отослал ему. Он мне ответил, а я послал новый ответ. Мы обменялись уже тремя-четырьмя письмами с каждой стороны, когда они случайно вместе с другими бумагами попали в руки моему отцу, который их прочел. Не высказываясь по существу затронутого вопроса, он воспользовался этим случаем, чтобы поговорить со мной о моем литературном слоге, причем заметил, что хотя я был сильнее своего противника в правописании и пунктуации (чему я, по его мнению, был обязан работе в типографии), мне недоставало изящества выражений, последовательности и ясности, — все это он доказал мне на ряде примеров. Я увидел справедливость его замечаний и с тех пор стал более внимательно следить за своим слогом и решил во что бы то ни стало улучшить свой стиль.

Примерно в это время мне попался в руки разрозненный том «Зрителя»[6]. Это был том третий. До сих пор я еще не видел ни одного. Я купил его, неоднократно перечитывал от корки до корки и был от него в совершенном восхищении. Слог показался мне бесподобным, и я решил, насколько возможно, ему подражать. С этой целью я взял некоторые очерки и кратко записал смысл каждой фразы, затем я отложил их на несколько дней, а потом попытался восстановить текст, не заглядывая в книгу и излагая смысл каждой фразы так же полно и подробно, как в оригинале, для чего я прибегал к таким выражениям, которые мне казались уместными. Затем я сравнил своего «Зрителя» с подлинником, обнаружил некоторые свои ошибки и исправил их. Но оказалось, что мне не хватало то ли запаса слов, то ли сноровки в их употреблении, а это, как я полагал, я бы уже теперь приобрел, если бы продолжал писать стихи; ведь постоянные поиски слов одинакового значения, но раз-

личной длины, которые подошли бы под размер, или различного звучания для рифмы принудили бы меня непрерывно искать разнообразия, а кроме того, все эти разнообразные слова закрепились бы у меня в уме и я был бы над ними хозяином. Тогда я взял некоторые из напечатанных в «Зрителе» историй и переложил их в стихи; когда же я как следует забыл прозаический оригинал, то принялся переделывать их обратно в прозу.

Иногда я в беспорядке перетасовывал свои конспективные записи и через несколько недель пытался расположить их наилучшим образом, прежде чем составлять законченные фразы и дописывать очерки. Это должно было научить меня упорядоченному мышлению. Сравнивая затем свое сочинение с оригиналом, я находил множество ошибок и исправлял их; но иногда я льстил себя мыслью, что в некоторых незначительных деталях мне удалось улучшить изложение или язык, и это заставляло меня думать, что со временем я, пожалуй, стану неплохим писателем, к чему я всячески стремился. Я мог выделить для этих упражнений и для чтения время только ночью после работы или утром до работы, или по воскресеньям, когда я старался оставаться один в типографии, избегая, насколько возможно, посещать общественное богослужение, чего от меня неуклонно требовал отец, когда я находился на его попечении, — я и до сих пор считал это своей обязанностью, хотя и не мог, как мне казалось, позволить себе тратить на это время.

Когда мне было лет шестнадцать, мне попалась книга некоего Трайона, рекомендовавшего вегетарианскую пищу. Я решил стать вегетарианцем. Мой брат, будучи еще неженатым, не вел у себя хозяйства, а столовался вместе со своими подмастерьями в другой семье. Мой отказ есть мясо вызвал неудобство, и меня часто корили за эту странность. По книжке Трайона я научился готовить некоторые рекомендуемые им кушанья, как вареный картофель, рис, пудинг на скорую руку и некоторые другие; и тогда я предложил брату, что если он будет выдавать мне половину тех денег, которые платит за мой стол, то я буду столоваться сам. Он сразу же согласился, и я обнаружил, что могу сэкономить половину того, что он мне выдавал. Это создало мне дополнительный фонд для покупки книг. Но, кроме того, я получил и еще одно преимущество. Мой брат и все другие уходили на обед из типографии, и я оставался там один; быстро перекусив (мой легкий завтрак часто состоял из сухаря или куска хлеба, горсточки изюма или пирожка из кондитерской и стакана воды), я мог располагать остальным временем до их возвращения как хотел; за этот промежуток я успевал многое сделать, ведь голова у меня

была ясная и я быстро все схватывал благодаря умеренности в еде и питье. Случилось так, что мне несколько раз пришлось краснеть из-за неумения считать, — в школе я дважды проваливался по арифметике; тогда я взял коккеровский учебник арифметики [7] и самостоятельно одолел его без малейшего труда. Кроме того, я прочел книгу Селлера и Стэрми по навигации и ознакомился с содержащимися там начатками геометрии, но в этой науке я недалеко ушел. Примерно в это же время я прочел сочинение Локка «О человеческом разуме» и «Искусство мышления», написанное господами из Пор-Рояля [8].

Мне очень хотелось улучшить свою речь, и мне попалась английская грамматика (кажется, Гринвуда), в конце которой было два небольших очерка об искусстве риторики и логики, причем последний заканчивался рассуждением о сократическом методе. А вскоре я достал «Воспоминания о Сократе» [9] Ксенофонта, где приводятся многочисленные примеры использования этого метода. Я был им совершенно очарован и стал применять его; я уже больше не прибегал ни к отрицанию, ни к позитивной аргументации, а усвоил позу смиренного вопрошателя. Кроме того, так как я, начитавшись Шефтсбери и Коллинса, сделался скептиком, — а я и без того уже скептически относился ко многому в наших религиозных доктринах, — то я нашел этот метод самым безопасным для себя и очень стеснительным для тех, против кого я его применял; поэтому я извлекал из него большое наслаждение, непрерывно в нем практиковался и достиг большого искусства в умении добиваться даже от весьма умных людей таких допущений, последствий которых они предвидеть не могли; при этом они попадали в затруднительное положение, выбраться из которого были не в состоянии; подобным образом мне удавалось одерживать такие победы, которых не заслуживал ни я, ни отстаиваемый мной тезис.

Я прибегал к этому методу в течение ряда лет, но постепенно отказался от него, сохранив лишь привычку высказывать свое мнение с величайшей скромностью, никогда не употребляя таких выражений, как «разумеется», «несомненно» и прочих в том же роде, придающих оттенок непогрешимости мнению, которое может быть оспорено; я предпочитал говорить: «Мне представляется или думается, что дело обстоит так-то», или «В силу таких-то причин я бы сказал, что...», «Если я не ошибаюсь, то...». Такая привычка, как я полагаю, сослужила мне хорошую службу, когда впоследствии мне не раз приходилось убеждать людей в своей правоте и получать их согласие на осуществление тех мер, которые я стремился провести. А поскольку главное во всякой беседе это *поучать других* или *учиться самому, доставить удовольствие* или *убедить в чем-*

либо, то я бы хотел, чтобы умные люди, питающие хорошие намерения, не уменьшали силу воздействия своих доводов посредством безапелляционной, заносчивой манеры говорить; это почти неизменно вызывает отвращение в слушателях, настраивает их недоброжелательно и, одним словом, достигает совершенно обратных целей, чем те, для которых мы одарены речью. Ведь если вы стремитесь поучать других, то безапелляционная, догматическая манера выражать свои мнения может вызвать противодействие и помешать внимательно вас выслушать. Если же вы хотите, чтобы другие уделили вам от своих знаний, то вам не следует заявлять о своей твердой приверженности к вашим нынешним взглядам; скромные и рассудительные люди, которые не любят споров, наверное предоставят вам и дальше пребывать в ваших заблуждениях. Если вы усвоите такую манеру, то трудно ожидать, что вы произведете приятное впечатление на своих слушателей или убедите тех, поддержкой которых вы хотите заручиться. Поп справедливо замечает:

Людей надо учить так, как если бы вы их не учили,
И незнакомые вещи преподносить как забытые.

Он также советует нам:

Говорить хотя и уверенно, но с напускной скромностью.

И он мог бы присоединить эту строку к той, которая у него соединена с другой, на мой взгляд, менее подходящей:

Недостаток скромности есть недостаток ума.

Если вы спросите, почему другая строка *меньше подходит*, то я повторю цитату:

Нескромные слова *ничем нельзя извинить*,
Так как недостаток скромности есть недостаток ума.

Так разве «недостаток ума» (когда человеку так не повезло, что ему не хватает его) не является некоторым извинением «недостатка скромности?» и не правильнее ли было бы читать эти строки так:

Нескромные слова *можно* извинить лишь тем,
Что недостаток скромности есть недостаток ума.

Окончательное решение этого я, однако, предоставляю лицам, более компетентным.

Мой брат в 1720 или в 1721 году стал издавать газету. Это была вторая газета, появившаяся в Америке, и называлась она «Нью-Ингленд курант». Ее единственной предшественницей была газета «Бостон ньюс-леттер». Я помню, как кое-кто из друзей пытался отговорить его от этого, по их мнению, безнадежного дела, считая, что одной газеты для Америки вполне достаточно. В настоящее время, в 1771 году, их не меньше двадцати пяти. Он все же взялся за это дело; на меня было возложено разносить газеты подписчикам после того, как я набирал и печатал очередной номер.

Среди его приятелей были одаренные люди, развлекавшиеся тем, что писали небольшие сочинения для его газеты, что увеличивало ее престиж и поднимало спрос на нее, и эти джентльмены часто нас посещали. Наслушавшись их разговоров об успехе этих произведений, мне не терпелось испытать себя на этом поприще. Но так как я был еще мальчиком и боялся, что брат не согласится печатать образцы моего творчества в своей газете, если будет знать о моем авторстве, то я изменил свой почерк и, написав анонимное сочинение, подсунул его ночью под дверь типографии. Утром оно было найдено и передано на суд его друзей, когда они собрались, как обычно. Они прочли его и разобрали в моем присутствии, и я получил величайшее наслаждение, услышав их похвалу; они старались угадать автора и перебрали при этом всех, кто выделялся у нас своей ученостью и умом. Теперь-то я считаю, что мне повезло с судьями и что, пожалуй, они не были такими знатоками, как я их считал. Ободренный, однако, успехом этого начинания, я написал и послал тем же путем в печать еще несколько сочинений, которые тоже были одобрены; и я хранил свою тайну до тех пор, пока мое маленькое вдохновение на произведения такого рода не иссякло; тогда я раскрыл истину, после чего знакомые брата стали несколько больше со мной считаться.

Брату же это не понравилось, так как он считал, что я могу возгордиться. Это, возможно, было одной из причин тех размолвок, которые начались у нас в это время. Хотя он и был моим братом, он считал себя моим хозяином, а меня подмастерьем, вследствие чего предъявлял ко мне такие же требования, как и к прочим; я же считал некоторые из них унизительными для себя, ожидая от него, как от брата, большего снисхождения. Наши споры нередко приходилось решать отцу, и то ли потому, что я обычно бывал прав, то ли лучше умел доказывать, но решение обычно оказывалось в мою пользу. Но мой брат был очень вспыльчив и часто бил меня, на что я немало обижался. Мне думается, что его суровое и тираническое обращение со мной вызвало во мне то отвращение ко всякой деспотической силе, которое сопутствовало мне на протяжении всей моей жизни. Мое ученичество было для меня очень тягостным, я с обидой вспоминал те побои, которые он слишком часто наносил мне в раздражении, хотя в остальном он не был дурным человеком. Может быть, я был слишком дерзким и самонадеянным.

Одну из статей в нашей газете по какому-то политическому вопросу, по какому именно я уже забыл, ассамблея сочла для себя оскорбительной. Брата арестовали, вынесли ему порицание и посадили на месяц в тюрьму по предписанию спикера; я думаю, преимущественно за то, что он не хотел открыть имя

автора. Меня тоже арестовали и допрашивали в совете; но хотя я не доставил им никакого удовлетворения, они ограничились увещеванием и отпустили меня, возможно, потому, что считали меня подмастерьем, обязанным хранить секреты своего хозяина. Во время тюремного заключения моего брата, о котором я очень сожалел, несмотря на наши личные разногласия, я руководил газетой и осмелился при этом допустить несколько выпадов против наших правителей; брат отнесся к этому весьма доброжелательно, другие же получили обо мне неблагоприятное впечатление, как о молодом таланте, питающем склонность к клевете и сатире.

Освобождение моего брата сопровождалось приказом (весьма странным), что «Джемс Франклин впредь не должен печатать газету под названием «Нью-Ингленд курант»». В связи с этим в нашей типографии была устроена небольшая конференция с участием наших друзей. Некоторые предлагали обойти этот приказ, изменив название газеты; однако мой брат, считая, что это связано с неудобствами, решил, наконец, что можно найти лучший выход и издавать ее в будущем под именем «Бенджамина Франклина»; для того же, чтобы избежать возможного порицания со стороны ассамблеи за то, что газету продолжает издавать его подмастерье, была употреблена следующая хитрость: мне вернули мой старый контракт, на обороте которого было указано, что меня полностью рассчитали; этот контракт можно было предъявить в случае необходимости; для того же, чтобы мой брат и в дальнейшем мог пользоваться моими услугами, я должен был подписать новый контракт на весь остальной срок, и этот контракт должен был сохраняться в тайне. Это был очень ненадежный план, но, как бы то ни было, его немедленно привели в исполнение, и газета в течение нескольких месяцев выходила под моим именем.

Когда же между мной и братом снова начались нелады, то я воспользовался случаем обеспечить себе свободу, предполагая, что он не осмелится предъявить новый контракт. С моей стороны было нечестно воспользоваться этим преимуществом, и это я считаю одной из первых ошибок в своей жизни. Но какое значение имела для меня нечестность этого поступка, когда и так я все время желал, чтобы представилась какая-либо возможность сократить этот срок, и такая возможность вдруг представилась самым неожиданным образом.

Когда он узнал, что я хочу его оставить, то он постарался, чтобы я не мог найти себе место ни в одной типографии города; для этого он обошел все типографии и говорил с каждым владельцем, вследствие чего ни один не взял меня на работу. Тогда я стал подумывать о переезде в Нью-Йорк, как в ближайшее место, где была типография; и я был склонен покинуть Бостон,

когда раздумывал о том, что уже сделал себя до некоторой степени неприятным для правящей партии; а самочинные действия ассамблеи в отношении моего брата давали мне основание заключить, что если я останусь, то вскоре у меня будут неприятности; помимо этого мои несдержанные рассуждения относительно религии привели к тому, что добрые люди с ужасом показывали на меня как на язычника и безбожника. Я твердо решил уехать в Нью-Йорк, но теперь мой отец объединился с моим братом, и я знал, что если я попытаюсь уехать открыто, то мне постараются помешать. Тогда мой друг Коллинс решил помочь мне бежать. Он договорился с капитаном одного нью-йоркского шлюпа о моем проезде под тем предлогом, что я — знакомый ему молодой человек, у которого была интрижка с девицей легкого поведения, родители которой хотят меня заставить жениться на ней, почему я и не могу открыто ни уйти, ни уехать. Я продал часть своих книг, чтобы иметь немного денег, меня тайно взяли на борт шлюпа, ветер был попутный, и через три дня я очутился в Нью-Йорке, почти в трехстах милях от своего родного дома в возрасте семнадцати лет (6 октября 1723 года), не имея никаких рекомендаций, не зная здесь ни одной живой души и почти без гроша в кармане.

ГЛАВА II

Моя тяга к морю к этому времени уже прошла, а то я мог бы вполне ее удовлетворить. Но, овладев другой профессией и считая себя довольно хорошим мастером, я предложил свои услуги здешнему печатнику, старому мистеру Вильяму Бредфорду (он был первым печатником в Пенсильвании, но уехал оттуда вследствие ссоры с губернатором Джорджем Кейсом). Он не мог дать мне места, так как работы было мало, а подмастерьев достаточно. «Но, — сказал он, — у моего сына в Филадельфии недавно умер его главный помощник Аквила Роуз. Если ты туда отправишься, то, я думаю, у него найдется для тебя место». До Филадельфии была еще сотня миль. Однако я сел на судно, направлявшееся в Амбой, отправив свой сундук и вещи кружным путем по морю.

Когда мы пересекали залив, разразился шторм, который разорвал наши гнилые паруса в клочки, не дал нам возможности войти в гавань и отогнал нас к Лонг-Айленду. Во время переезда один пьяный голландец, тоже находившийся в числе пассажиров, свалился за борт; он уже тонул, когда я перегнулся через борт и схватил его за кудлатую голову; я его подтянул, и мы снова втащили его на судно. Купанье несколько отрезвило его, и он отправился спать, но сначала достал из

кармана книжку и попросил меня просушить ее. Это оказался мой старый любимый автор Бениан «Странствия паломника» [10] на голландском языке, напечатанные мелким шрифтом, на хорошей бумаге с гравюрами на меди; это издание было лучше, чем те, которые я когда-либо видел на его родном языке. Впоследствии я узнал, что это произведение переведено на большинство европейских языков и что оно, пожалуй, больше читается, чем какая-либо другая книга, за исключением, возможно, библии. Честный Джон первым из тех, кого я знаю, стал чередовать повествование с диалогом, такой способ изложения захватывает читателя, который в самых интересных местах чувствует, что он как бы находится в обществе действующих лиц и присутствует при их разговоре. Дефо успешно подражал ему в своем «Робинзоне Крузо», в своей «Молл Флендерс» и в других произведениях; а Ричардсон употребил тот же прием в своей «Памеле» и т. д.

Приблизившись к острову, мы увидели, что находимся в таком месте, где нельзя пристать, так как сильный прибой разбивался о каменистый берег. Тогда мы бросили якорь и протянули канат к берегу. Некоторые из жителей острова подошли к краю воды и что-то кричали нам, а мы в свою очередь кричали им, но ветер был так силен, а прибой производил такой шум, что мы не могли понять друг друга. На берегу было несколько небольших лодок, и мы делали знаки и кричали, чтобы они за нами приехали, но они либо не понимали нас, либо считали это невозможным и ушли прочь. Приближалась ночь, и нам ничего не оставалось, кроме как набраться терпения и ждать, пока стихнет ветер; тем временем мы с хозяином судна решили по мере возможности соснуть и забрались под палубу, где находился все еще мокрый голландец. Моросивший сверху дождь просачивался к нам, и вскоре мы стали такими же мокрыми, как он. Так мы и пролежали всю ночь почти без всякого отдыха; но на следующий день ветер стих, и мы взяли курс на Амбой, чтобы приплыть туда до наступления ночи. Мы уже находились на воде тридцать часов без пищи и питья, кроме бутылки скверного рома, а вода, по которой мы плыли, была соленая.

Вечером я почувствовал, что меня очень лихорадит, и лег в постель; но так как я где-то читал, что холодная вода, выпитая в большом количестве, помогает от лихорадки, то я последовал этому рецепту, сильно потел почти всю ночь, и лихорадка оставила меня. Утром, переправившись на пароме, я продолжал свое путешествие пешком — мне предстояло пройти еще пятьдесят миль до Берлингтона, где, как мне сказали, я смогу найти лодки, которые подвезут меня до самой Филадельфии.

Весь день шел очень сильный дождь, я промок до костей и к полудню сильно устал; поэтому я остановился в убогой

гостинице, где и провел ночь, начиная уже сожалеть, что я покинул дом. К тому же я представлял собой такое жалкое зрелище, что, судя по обращенным ко мне вопросам, во мне заподозрили беглого слугу, и я подвергался опасности быть арестованным по этому подозрению. Однако на следующий день я продолжал свой путь и вечером оказался на расстоянии восьми или десяти миль от Берлингтона, в гостинице, которую содержал некий доктор Браун. Пока я насыщался, он вступил со мной в разговор и, обнаружив, что я кое-что читал, сделался очень общительным и радушным. Наше знакомство продолжалось до конца его жизни. Он был, как я полагаю, странствующим лекарем, так как не было такого города ни в Англии, ни в какой-либо европейской стране, о котором он не мог бы весьма обстоятельно рассказать. Он получил некоторое литературное образование и обладал незаурядным умом, но это не мешало ему быть настоящим язычником и через несколько лет он принялся кощунственно перелагать библию разухабистыми стишками, наподобие того, как Коттон поступил с Вергилием [11]. Таким путем он выставил многие факты в весьма непривлекательном свете и мог бы внести смятение в слабые умы, если бы его произведение было опубликовано, чего, однако, не случилось.

В его доме я провел эту ночь, а на следующее утро добрался до Берлингтона. Здесь меня, однако, ожидало разочарование, так как я узнал, что рейсовые лодки ушли незадолго до того и не ожидались раньше вторника, а сегодня была только суббота. Тогда я вернулся в город к одной старой женщине, у которой я купил немного имбирных пряников, чтобы питаться во время путешествия по воде, и попросил у нее совета; она предложила мне оставаться в ее доме, пока мне не представится возможность уехать на какой-либо другой лодке; я был утомлен своим пешим путешествием и принял это приглашение. Когда она узнала, что я печатник, она захотела, чтобы я остался в этом городе и занимался своим ремеслом, но это было потому, что она не понимала, какое мне нужно для начала оборудование. Она была очень гостеприимной, от всего сердца накормила меня обедом из бычьей головы, а взамен приняла от меня только кружку пива. Я уже примирился с тем, что мне придется торчать здесь до вторника. Однако вечером, когда я прохаживался по берегу реки, подошла лодка, которая, как я узнал, отправлялась в Филадельфию с несколькими пассажирами. Они согласились взять меня с собой, и так как ветра не было, то нам пришлось грести на всем протяжении пути; и примерно в полночь, так как города все еще не было видно, некоторые из нашей компании стали говорить, что мы его, должно быть, проехали и что нам не надо больше грести; другие же не знали,

где мы находимся, тогда мы направились к берегу, вошли в небольшую бухточку, пристали около старого забора, из столбов которого развели костер (ведь была холодная октябрьская ночь), и там мы оставались до рассвета. Тогда один из наших спутников узнал это место, называвшееся бухта Купера, немного выше Филадельфии, которую мы увидели, как только выбрались из бухты. Мы прибыли в Филадельфию в воскресенье утром, в восемь или в девять часов, и высадились на пристани около Маркит-стрит.

Я описываю так подробно свое путешествие и не менее подробно буду описывать и мое первое прибытие в этот город, чтобы ты мог мысленно сравнить такое неприглядное начало с тем положением, которого я впоследствии там достиг. На мне было мое рабочее платье. Мой выходной костюм должен был прибыть кружным путем по морю. Я был грязным после своего путешествия; карманы мои были набиты рубашками и чулками; я не знал ни одной живой души и не имел понятия, где искать себе жилье. Ходьба, гребля и недостаток сна утомили меня, я был очень голоден и все мои наличные средства состояли из одного доллара и примерно шиллинга медными монетами, и я отдал эти деньги лодочникам за проезд. Сначала они отказывались от них, говоря, что я тоже греб, но я настаивал, чтобы они взяли эти деньги. Иногда человек, имея немного денег, бывает более щедрым, чем когда их у него много, возможно потому, что боится, как бы не подумали, что у него мало.

Я пошел вверх по улице, оглядываясь по сторонам, пока не дошел до Маркит-стрит, здесь я встретил мальчика, который нес хлеб. Мне часто приходилось обедать сухим хлебом, и, узнав, где он его купил, я немедленно отправился в указанную мне булочную. Я спросил сухарей, подразумевая такие, какие были у нас в Бостоне, но их, повидимому, в Филадельфии не делали. Тогда я спросил буханку за три пенни, и мне опять сказали, что у них таких нет. Не зная ни здешних цен, ни названий различных сортов хлеба, я сказал булочнику, чтобы он дал мне чего-нибудь на три пенни. Тогда он дал мне три большие пышные булки. Я удивился такому количеству, но взял их, и так как у меня в карманах не было места, то я сунул по одной булке себе подмышки, а третью стал есть. В таком виде я прошествовал вверх по Маркит-стрит до Форстрит, пройдя мимо двери мистера Рида, отца моей будущей жены; здесь она, стоя в дверях, увидела меня и подумала, что у меня — как оно несомненно и было — довольно странный и дикий вид. Затем я повернул и пошел вниз по Честнэт-стрит и немного по Уолнэт-стрит, всю дорогу уплетая свою булку. Повернув еще раз, я снова оказался у пристани на Маркит-стрит, неподалеку от лодки, на которой я приехал. Здесь

я напился речной воды и, досыта наевшись одной булкой, отдал две другие женщине с ребенком, которые ехали вместе с нами в лодке и должны были отправиться дальше.

Подкрепившись подобным образом, я снова пошел вверх по улице, на которой к этому времени уже было много хорошо одетых людей и все они шли в одном направлении; я присоединился к ним и попал в большой молитвенный дом квакеров, расположенный около рынка. Я сел среди них и, оглянувшись по сторонам и ничего не слыша, заснул, так как очень утомился прошедшей ночью и не имел случая выспаться. Я крепко спал до самого конца собрания, когда кто-то по своей доброте разбудил меня. Это был первый дом, который я посетил и в котором я спал в Филадельфии.

Тогда я снова пошел вниз к реке и, вглядываясь в лица прохожих, увидел молодого квакера, наружность которого мне понравилась. Я обратился к нему и спросил, не может ли он указать мне такое место, где приезжий мог бы остановиться. Мы находились поблизости от гостиницы «Три моряка». «Вот, — сказал он, — дом, где принимают приезжих, но у него дурная слава; если ты пойдешь со мной, то я покажу тебе лучшее место». Он провел меня к гостинице «Приют заблудших» на Уотер-стрит. Здесь мне дали обед. Пока я ел, мне задали несколько хитрых вопросов, так как по моему юному виду и наружности во мне заподозрили беглеца.

После обеда хозяин показал мне мою койку, и я улегся, не раздеваясь, и спал до шести часов вечера, пока меня не позвали ужинать. Потом я снова лег очень рано и проспал крепким сном до самого утра. Утром я оделся, по возможности аккуратней, и отправился к Эндрю Бредфорду, печатнику. В типографии я встретил его старого отца, с которым виделся в Нью-Йорке и который, путешествуя верхом, добрался до Филадельфии раньше меня. Он познакомил меня со своим сыном; тот меня любезно принял, угостил завтраком, но сказал, что в настоящее время не нуждается в помощнике, так как только что одного нанял. Но в городе недавно обосновался еще один печатник, некто Кеймер, у которого, возможно, найдется для меня работа; если нет, то он предлагает мне жить в его доме и выполнять время от времени его небольшие поручения, пока не откроется вакансия.

Старый джентльмен сказал, что сам пройдет со мной к новому печатнику. Когда мы туда пришли, Бредфорд сказал: «Сосед, я привел к тебе молодого человека, занимающегося тем же ремеслом, что и ты; может быть, он тебе понадобится». Тот задал мне несколько вопросов, сунул мне в руки верстатку, чтобы посмотреть, как я работаю, а затем сказал, что вскоре примет меня, хотя в настоящее время у него нет для меня

никакой работы. Кеймер никогда раньше не видел Бредфорда и решил, что это один из расположенных к нему горожан. Он завязал с ним разговор о своем нынешнем предприятии и о видах на будущее; Бредфорд же не сказал ему, что он отец другого печатника, и когда Кеймер стал распространяться о своих намерениях забрать бо́льшую часть дела в свои руки, то Бредфорд хитрыми вопросами и незначительными сомнениями выудил у него все подробности касательно того, на чье влияние он рассчитывает и каким образом намеревается действовать. Я стоял рядом и все слышал и сразу понял, что один из них — старый пройдоха, а другой — зеленый новичок. Бредфорд оставил меня с Кеймером, который страшно удивился, когда я ему сказал, кто был этот старик.

Типография Кеймера, как я обнаружил, состояла из старого сломанного печатного станка и небольшого изношенного комплекта английских шрифтов, которыми он сам в этот момент пользовался, набирая элегию о вышеупомянутом Аквиле Роузе, талантливом молодом человеке с превосходной репутацией, которого весьма уважали в городе; он был секретарем ассамблеи и неплохим поэтом. Кеймер и сам сочинял стихи, но довольно неважные. Нельзя было сказать, что он их *пишет*, так как его метод заключался в том, что он набирал их литерами прямо экспромтом; и так как у него не было рукописного оригинала, а только две типографские кассы, а на элегию мог уйти весь шрифт, то никто не был в состоянии ему помочь. Я решил попытаться наладить его станок (которым он еще не пользовался и в котором он ничего не понимал); пообещав прийти и напечатать его элегию, как только она будет готова, я вернулся к Бредфорду, который дал мне пока небольшую работу; у него же я жил и столовался. Через несколько дней Кеймер прислал за мной, чтобы я напечатал элегию. Теперь у него была еще пара касс и брошюра для печати, и он посадил меня за работу.

Оба эти печатника, как я обнаружил, плохо подходили для своего дела. Бредфорд не учился этому ремеслу и был очень безграмотным; а Кеймер, хотя и знал кое-что, был простым наборщиком, понятия не имевшим о типографском деле. Он был одним из французских пророков и умел подражать их пылкой жестикуляции. В описываемую эпоху он не исповедовал какой-либо конкретной религии, но верил во все понемножку одновременно, очень плохо разбирался в житейских делах и — как я впоследствии обнаружил — был по своему характеру довольно изрядный плут. Ему не нравилось, что я живу у Бредфорда, хотя работаю у него. Правда, у него был дом, но без обстановки, так что там он не мог меня поселить; но он устроил меня у мистера Рида, о котором уже говорилось выше и который

был владельцем его дома. К этому времени мой сундук и мое платье уже прибыли, и я имел гораздо более приличный вид, чем тот, который у меня был, когда мисс Рид впервые увидела меня, уплетавшим булку на улице.

Теперь у меня завелись знакомые среди тех молодых людей в городе, которые были любителями чтения. Я приятно проводил с ними вечера и благодаря своему прилежанию и умеренности имел достаточный заработок. Я был доволен своей жизнью и, насколько возможно, забыл о Бостоне; мне не хотелось, чтобы там стало известно, где я обосновался. Об этом знал только мой друг Коллинс, который был посвящен в мою тайну и сохранил ее. Но в конце концов произошел один случай, и мне пришлось отправиться обратно гораздо скорее, чем я предполагал. У меня был зять Роберт Хомс, хозяин шлюпа, курсировавшего между Бостоном и Делавэром. Как-то он был в Ньюкасле, расположенном на сорок миль ниже Филадельфии, услышал там обо мне и прислал мне письмо. В этом письме он говорил о том беспокойстве, которое вызвал мой внезапный отъезд у моих родных и друзей в Бостоне, заверял меня в их добром ко мне расположении и в том, что все будет сделано по моему желанию, если я соглашусь вернуться, к чему он меня очень настойчиво побуждал. Я ответил на его письмо, поблагодарив его за совет, но изложил все причины, заставившие меня покинуть Бостон, настолько подробно и в таком свете, чтобы убедить его, что я не был столь неправ, как он полагал.

В Ньюкасле тогда находился сэр Вильям Кейс, губернатор провинции, и капитан Хомс беседовал с ним в тот момент, когда ему доставили мое письмо. Капитан Хомс рассказал ему обо мне и показал письмо. Губернатор прочел его и, повидимому, удивился, когда узнал, сколько мне лет. Он сказал, что я произвожу впечатление многообещающего молодого человека и что поэтому меня надо поддержать. Печатники в Филадельфии были неважные, и если бы я там обосновался, то он не сомневается, что я добился бы успеха; со своей стороны он обещал обеспечить меня казенными заказами и оказать мне любую другую услугу, какую мог. Все это впоследствии мой зять Хомс рассказал мне в Бостоне. Но тогда я еще ничего об этом не знал; и вот однажды, когда мы с Кеймером работали около окна, мы увидели губернатора и еще одного джентльмена (оказавшегося полковником Френчем из Ньюкасла, в провинции Делавэр) в изящном платье. Они перешли через улицу, подошли к нашему дому, и мы услышали их у дверей.

Кеймер сломя голову помчался вниз, думая, что это пришли к нему; но губернатор осведомился обо мне, поднялся наверх и очень снисходительно и любезно, к чему я совсем не привык, сделал мне ряд комплиментов, выразил желание поддерживать

со мной знакомство, слегка пожурил меня за то, что я не представился ему, когда прибыл в город, и пригласил меня отправиться с ним в таверну, куда он шел вместе с полковником Френчем отведать, как он сказал, великолепной мадеры. Я был немало удивлен, а Кеймер вытаращил глаза. Тем не менее я отправился вместе с губернатором и полковником Френчем в таверну на углу Третьей улицы, и там за бокалом мадеры он предложил помочь мне открыть собственную типографию. Он изложил все шансы на успех, и как он, так и полковник Френч заверили меня, что они примут во мне участие и употребят свое влияние, чтобы я мог получать казенные заказы обоих правительств. Когда я выразил сомнение в том, окажет ли отец мне поддержку в этом деле, то сэр Вильям сказал, что он даст мне письмо к нему, в котором изложит все преимущества, и что он не сомневается, что это побудит моего отца согласиться. Итак, было решено, что я вернусь в Бостон с первым же кораблем, имея при себе рекомендательное письмо губернатора к моему отцу. Тем временем это намерение надлежало хранить в тайне, и я продолжал работать с Кеймером, как обычно. Губернатор иногда приглашал меня отобедать с ним, что я считал за великую честь, в особенности потому, что он беседовал со мной самым любезным, непринужденным и дружеским образом, какой только можно вообразить.

Примерно в конце апреля 1724 года небольшое судно должно было отправиться в Бостон. Я отпросился у Кеймера под предлогом, что хочу повидаться со своими друзьями. Губернатор дал мне пространное письмо, где весьма лестно отзывался обо мне и усиленно рекомендовал моему отцу поддержать мой проект обосноваться в Филадельфии, так как это должно было, по его словам, принести мне состояние. Идя вниз по заливу, мы сели на мель, и наше судно дало течь; море было штормовое, и нам почти все время приходилось откачивать воду, в чем и я тоже принимал участие. Все же недели через две мы невредимыми прибыли в Бостон. Я находился в отсутствии семь месяцев, и мои друзья ничего обо мне не слышали, так как мой зять Хомс еще не вернулся и ничего не писал им обо мне. Мое неожиданное возвращение удивило семью; все они, однако, были очень рады видеть меня и оказали мне радушный прием, за исключением моего брата. Я нанес ему визит в его типографии. Я был одет лучше, чем тогда, когда находился у него на службе, на мне был новый модный костюм, часы, а в карманах звенело почти пять фунтов серебром. Он принял меня не слишком любезно, осмотрел меня с головы до пят и снова вернулся к своей работе.

Рабочие расспрашивали меня, где я был, что это за место и как мне там понравилось. Я очень расхваливал Филадельфию

и ту счастливую жизнь, которую я там вел, и подчеркнул, что намереваюсь вернуться туда; когда один из них спросил меня, какие у нас там деньги, то я вытащил пригоршню серебра и рассыпал его перед ними — для них это было редкое зрелище, к которому они не привыкли, так как в Бостоне ходили бумажные деньги [12]. Затем я воспользовался случаем продемонстрировать им свои часы и, наконец (мой брат попрежнему выглядел сердитым и надутым), я дал им доллар на выпивку и распрощался. Это мое посещение его несказанно оскорбило. И когда впоследствии моя мать как-то заговорила о примирении и о том, что ей хочется, чтобы мы снова были в хороших отношениях и жили в будущем, как братья, то он ответил, что я так оскорбил его на глазах его работников, что он никогда не сможет ни забыть, ни простить этого. В этом, однако, он ошибался.

Мой отец был несколько удивлен, получив письмо губернатора, но он почти ничего не говорил мне о нем в течение нескольких дней. Когда вернулся капитан Хомс, то он показал ему письмо и спросил, знает ли он Кейса и что тот за человек, добавив, что, по его мнению, он поступает не особенно благоразумно, собираясь помочь открыть собственное дело мальчику, который еще только через три года достигнет совершеннолетия. Хомс привел все доводы, какие только мог, в пользу этого плана; но мой отец считал эту затею совершенно несостоятельной и, наконец, решительно отказал. При этом он написал вежливое письмо сэру Вильяму, поблагодарив его за любезно предложенное мне покровительство, и отказался помочь мне открыть собственную типографию, так как я, по его мнению, был еще слишком молод, чтобы мне можно было доверить руководство таким важным делом и оборудование для которого требовало значительных затрат.

Мой старый приятель Коллинс, служивший письмоводителем на почте, пришел в восторг от моих рассказов о моем новом местожительстве и решил тоже отправиться туда. И, пока я ожидал, какое решение примет мой отец, он выехал по суше в Род-Айленд, оставив свое книжное собрание, в котором находились ценные сочинения по математике и физике. Эти книги должны были прибыть вместе с моими и со мной самим в Нью-Йорк, где он обещал ожидать меня.

Отец мой хотя и не одобрил предложение сэра Вильяма, но все же был доволен, что я удостоился такого лестного отзыва от столь важной особы в том месте, где обосновался, и что я проявил такое трудолюбие и бережливость, сумев так хорошо одеться за такое непродолжительное время. Затем, так как он не видел надежды на мое примирение с братом, он дал свое согласие на мое возвращение в Филадельфию, посоветовав мне

вести себя там с достоинством в отношениях с людьми, попытаться заслужить всеобщее уважение и избегать пасквилей и клеветы, к которым, по его мнению, у меня была слишком большая склонность; он сказал, что с помощью настойчивости и прилежания и благоразумной бережливости я смогу к тому времени, когда мне исполнится двадцать один год, накопить такую сумму, которая мне позволит открыть собственное дело, и что если мне будет немного не хватать до этой суммы, то он добавит остальное. Это было все, что я смог от него получить, кроме нескольких маленьких подарков, которые он и мать сделали мне в знак их любви, когда я снова отправлялся в Нью-Йорк, теперь уже с их согласия и благословения.

Когда шлюп остановился в Ньюпорте на Род-Айленде, я навестил своего брата Джона, который женился и обосновался там несколько лет назад. Он оказал мне самый радушный прием, так как всегда любил меня. Один из его друзей, некий Вернон, попросил меня, чтобы я получил тридцать пять фунтов наличными, которые ему были должны в Пенсильвании, и сохранил эти деньги до тех пор, пока он не укажет, как ими распорядиться. Он выдал мне на них доверенность. Это дело впоследствии причинило мне немало беспокойства.

В Ньюпорте на наше судно село несколько новых пассажиров, в том числе две молодые женщины, путешествовавшие вместе, и степенная, напоминавшая матрону квакерша со своими служанками. Я с готовностью оказал ей несколько маленьких услуг, что, как я полагаю, несколько расположило ее ко мне; и когда она увидела, что я со дня на день все больше сближаюсь с двумя молодыми женщинами, которые, повидимому, меня к этому поощряли, она отвела меня в сторонку и сказала: «Молодой человек, я беспокоюсь о тебе, так как у тебя нет здесь друга, а сам ты, очевидно, плохо разбираешься в житейских делах и в тех силках, которые расставляют молодежи; поверь мне, это очень скверные женщины; я это вижу по всем их поступкам; и если ты не будешь начеку, то они втянут тебя в какую-нибудь историю; ты, ведь, их не знаешь, и я тебе по-дружески советую, ради твоего же блага, не иметь с ними никаких отношений». Так как я сначала не думал о них так дурно, как она, то она сообщила мне некоторые замеченные и услышанные ею вещи, ускользнувшие от моего внимания, и убедила меня теперь, что она была права. Я поблагодарил ее за добрый совет и обещал последовать ему. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, они рассказали мне, где они живут, и пригласили навещать их; но я уклонился от этого. Этот поступок оказался благоразумным, так как на следующий день капитан хватился серебряной ложки и некоторых других вещей, которые были взяты из его каюты; а так как он уже знал эту пару

потаскушек, то получил ордер на обыск их квартиры, обнаружил украденные вещи и подверг наказанию преступниц. Итак, хотя мы счастливо избежали подводной скалы, о которую наше судно поцарапало днище во время плавания, я все же считаю, что был еще более счастлив, избежав этой опасности.

В Нью-Йорке я нашел своего друга Коллинса, прибывшего туда несколько раньше меня. Мы были дружны с детства и читали вместе одни и те же книги, но у него было передо мной то преимущество, что он располагал бóльшим количеством времени для чтения и учебы и обладал замечательным даром к математике, в которой мог заткнуть меня за пояс. Когда я жил в Бостоне, то бóльшую часть своих свободных часов проводил в беседах с ним; он был трезвым и прилежным молодым человеком, которого весьма уважали за его ученость как некоторые духовные лица, так и другие джентльмены, и, повидимому, он должен был достичь хорошего положения в жизни. Но за время моего отсутствия он усвоил привычку пить коньяк, и я узнал как по его собственным рассказам, так и по рассказам других, что он был пьян каждый день с момента своего прибытия в Нью-Йорк и вел себя самым недостойным образом. Кроме того, он еще играл в азартные игры и проиграл все свои деньги, так что мне пришлось заплатить за него квартирную плату и оплатить его путевые издержки и проезд до Филадельфии, — а это было для меня довольно чувствительно.

Тогдашний губернатор Нью-Йорка Бернет, сын епископа Бернета, услышав от капитана, что некий молодой человек, один из его пассажиров, вез с собой множество книг, попросил, чтобы капитан привел меня к нему. Я отправился к нему и взял бы с собой также и Коллинса, если бы он был трезв. Губернатор принял меня с отменной учтивостью, показал мне свою библиотеку, которая была очень обширной, и мы долго беседовали о книгах и писателях. Это был уже второй губернатор, оказавший мне честь своим вниманием, и для бедного юноши вроде меня это было очень лестно.

Мы продолжали свой путь в Филадельфию. По дороге я получил деньги Вернона, без которых мы вряд ли смогли бы закончить свое путешествие. Коллинс хотел получить место в какой-нибудь конторе; но, возможно, они заметили по его дыханию или по его поведению, что он пьет, и, хотя у него и были кое-какие рекомендации, он нигде не добился успеха и продолжал жить и столоваться в одном доме со мной и за мой счет. Зная, что у меня есть деньги Вернона, он непрерывно у меня одалживал, все время обещая заплатить, как только он устроится. Наконец, он перебрал у меня уже столько, что я с ужасом думал о том, что я буду делать, если мне вдруг предложат уплатить эти деньги.

Коллинс продолжал пьянствовать, из-за чего мы иногда ссорились, так как, выпив, он делался необыкновенно сварлив. Однажды мы вместе с несколькими другими молодыми людьми катались на лодке по Делавэру, и он отказался грести, когда наступила его очередь.

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня домой, — говорит он.

— Мы тебя не повезем, — говорю я.

— Вам придется меня везти, — говорит он, — а не то вы проведете всю ночь на воде, можете быть спокойны.

Тогда остальные говорят:

— Давайте грести; что с него взять?

Но у меня уже накопилось раздражение против него в связи со всем его предшествующим поведением, и я продолжал отказываться. Тогда он с проклятьями сказал, что заставит меня грести или выбросит за борт. И он направился ко мне, шагая по сидениям; когда он подошел и ударил меня, то я быстрым движением просунул ему свою голову между ног и, приподнявшись, опрокинул его головой вниз в реку. Я знал, что он хороший пловец, и нисколько о нем не беспокоился; но, прежде чем он успел подплыть и схватиться за лодку, мы сделали несколько гребков, и он уже не мог до нас дотянуться. И всякий раз, как он приближался к лодке, мы спрашивали, согласен ли он грести, и, сделав несколько ударов веслами, ускользали от него. Он готов был лопнуть от злости, но упрямо продолжал отказываться; однако, когда мы увидели, что он начинает уставать, мы втащили его в лодку и привезли вечером домой мокрым до нитки. После этого приключения мы редко обменивались вежливыми словами. Наконец, один капитан из Вест-Индии, у которого было поручение найти наставника для сыновей некоего джентльмена на острове Барбадос, познакомившись с Коллинсом, предложил ему поехать туда и занять это место. Коллинс согласился и расстался со мной, пообещав заплатить свой долг из первых же заработанных денег. Но с тех пор я ничего больше о нем не слышал.

Я не оправдал доверия Вернона в отношении его денег, и это было одной из первых больших ошибок в моей жизни; эта история показала, что мой отец не особенно ошибался, когда считал, что я слишком молод для важного дела. Но сэр Вильям, прочитав его письмо, сказал, что он слишком уж щепетилен, что человек человеку рознь и что благоразумие не обязательно свойственно пожилому возрасту и что им могут обладать и люди молодые. «Раз он не хочет помочь вам устроиться, — сказал он, — то я сделаю это сам. Дайте мне список всех вещей, которые необходимо выписать из Англии, и я пошлю за ними. Вы мне заплатите, когда сможете; я твердо решил иметь здесь хорошего печатника, и я убежден, что вы

будете преуспевать». Все это было высказано с такой кажущейся сердечностью, что я не питал никаких сомнений в том, что он осуществит свое намерение. До сих пор я держал в тайне свои планы обосноваться в Филадельфии и продолжал хранить их про себя. Если бы стало известно, что я рассчитываю на губернатора, то, вероятно, кто-нибудь из друзей, знавших его лучше, посоветовал бы мне не полагаться на него, так как впоследствии я услышал, что его знали как человека, щедро раздающего обещания, которые он не собирается выполнять. И все же, поскольку я ничего от него не искал, как мне могло прийти в голову, что его великодушные предложения были неискренни? Я считал его одним из самых лучших людей на свете.

Я представил ему список всего необходимого для маленькой типографии, причем издержки на все это сводились, примерно, к ста фунтам стерлингов. Он одобрил этот список, но спросил, не лучше ли мне самому поехать в Англию, чтобы на месте выбрать шрифты и позаботиться о том, чтобы все было хорошего качества. «Кроме того,— сказал он, — когда вы будете там, вы сможете завязать знакомство и установить переписку с книжными и писчебумажными лавками». Я согласился, что это могло оказаться полезным. «Тогда, — сказал он, — приготовьтесь к отплытию на «Аннис»». — Это был корабль, совершавший рейсы раз в год, и только он в это время поддерживал регулярное сообщение между Лондоном и Филадельфией. Но до отплытия «Аннис» оставалось еще несколько месяцев, и я продолжал работать у Кеймера, все время переживая тревогу из-за тех денег, которые у меня забрал Коллинс, и ожидая со дня на день, что Вернон их у меня затребует, что, однако, случилось только через несколько лет.

Мне кажется, что я забыл упомянуть о том, что когда во время моего первого плавания из Бостона в Филадельфию мы попали в полосу штиля у острова Блок-Айленд, то наша команда стала ловить треску и наловила ее очень много. До этой поры я строго соблюдал свое решение не есть ничего живого; и на этот раз я тоже считал вместе со своим наставником Трайоном, что ловля рыбы — своего рода ничем не оправданное убийство, поскольку ни одна рыба никогда нам не причинила и не могла причинить какого-либо вреда, который оправдывал бы это умерщвление. Все это представлялось мне весьма резонным. Но дело в том, что раньше-то я очень любил рыбу, и, только что зажаренная на сковороде, она издавала восхитительный запах. Некоторое время я колебался между принципом и влечением, пока не вспомнил, что когда рыбу потрошили, то я видел, как из ее желудка доставали других маленьких рыбок. «Ну, раз так, — подумал я, — если вы поедаете друг друга, то почему

бы и нам не есть вас». Итак, я с аппетитом пообедал треской и с тех пор продолжал питаться, как и все остальные люди, переходя только изредка на вегетарианский стол. Вот как удобно быть *рассудительным существом*, ведь это дает нам возможность посредством рассуждения найти или изобрести повод сделать все то, к чему мы стремимся.

Мы с Кеймером были в довольно хороших приятельских отношениях и вполне уживались друг с другом, так как он ничего не подозревал о том, что я собираюсь открыть собственную типографию. Он сохранил значительную долю своего старого пыла и любил поспорить. Поэтому у нас бывали многочисленные дискуссии. Я продолжал испытывать на нем свой сократический метод и часто загонял его в тупик с помощью вопросов, казалось бы, очень далеких от нашей темы и все же постепенно приводивших к ней и ставивших его в затруднительное и противоречивое положение; вследствие этого он сделался до смешного осторожен и не отвечал даже на самый простой вопрос, не спросив сначала: «Какие вы намереваетесь сделать из этого выводы?» Благодаря этому, однако, он составил такое высокое мнение о моих полемических способностях, что совершенно серьезно предложил мне стать его партнером в осуществлении задуманного им проекта создания новой секты. Он должен был проповедовать доктрины, а я — опровергать всех противников. Когда он начал излагать мне свои доктрины, то я обнаружил в них несколько темных мест, против которых я возражал и соглашался лишь на том условии, что он сделает мне некоторые уступки и позволит добавить кое-что от себя.

Кеймер носил длинную бороду, потому что в законе Моисея где-то сказано: «Ты не должен осквернять концы твоей бороды». Точно так же он соблюдал субботу в седьмой день, и эти два пункта были для него очень важными. Мне они оба не нравились, но я был готов на них согласиться при условии, что он откажется от употребления в пищу мяса. «Я сомневаюсь, — говорил он, — что мое здоровье это выдержит». Я заверил его, что здоровье выдержит и что он будет себя даже лучше чувствовать. Он был большим обжорой, и мне хотелось доставить себе развлечение, поморив его голодом. Он соглашался попробовать, если только я составлю ему компанию; я был готов его поддержать, и мы питались три месяца подобным образом. Провизию нам все время закупала, приготовляла и приносила одна соседка, которой я дал список из сорока кушаний, чтобы она нам готовила их в разное время, в эти кушания не входили ни рыба, ни мясо, ни птица. Эта причуда меня в данное время вполне устраивала благодаря своей дешевизне; каждый из нас тратил на еду не больше восемнадцати пенсов серебром

в неделю. Я с тех пор не раз соблюдал посты более строго, отказываясь для этого от обычной пищи, а потом сразу переходил на обычный стол без малейшего неудобства, на основании чего я полагаю, что совет делать такие переходы постепенно ни на чем не основан. Я себя чувствовал превосходно, но бедняга Кеймер страшно страдал, он утомился от этого проекта, мечтал о египетских котлах с мясом и заказал жареного поросенка. Он пригласил отобедать вместе с ним меня и двух своих приятельниц, но так как поросенка подали на стол слишком рано, то он не выдержал искушения и съел его сам целиком еще до нашего прихода.

В течение этого времени я немного ухаживал за мисс Рид. Я питал к ней глубокое уважение и привязанность и имел некоторые основания полагать, что и она испытывала ко мне такие же чувства; но поскольку я должен был отправиться в длительное путешествие и мы оба были еще очень молоды, лишь немного старше восемнадцати лет, то ее мать решила, что благоразумнее помешать нам зайти слишком далеко и что лучше, чтобы наш брак, если он состоится, был заключен после моего возвращения, когда я уже буду, как я надеялся, прочно стоять на ногах. Возможно также, что она считала, что мои надежды не имели под собой такого солидного основания, как я воображал.

Моими наиболее близкими знакомыми в то время были Чарлз Осборн, Джозеф Уотсон и Джемс Ралф — все большие любители чтения. Первые два служили письмоводителями у видного в нашем городе нотариуса Чарлза Брокдена, а третий был письмоводителем у купца. Уотсон был благочестивым, рассудительным и очень честным молодым человеком. Остальные не обладали такими твердыми религиозными убеждениями, в особенности Ралф, которого я, так же как и Коллинса, поколебал в вере, за что они оба заставили меня страдать. Осборн был рассудительным, прямодушным, откровенным, искренним и доброжелательным к своим друзьям, но в литературных делах слишком увлекался критикой. Ралф был умен, обладал хорошими манерами и необыкновенным красноречием, я, пожалуй, никогда не встречал лучшего оратора. Оба они были большими поклонниками поэзии и начинали кое-что пописывать. Сколько приятных прогулок совершили мы вчетвером по воскресеньям в лесу на берегах Скейлкилла, когда мы по очереди читали друг другу и обсуждали прочитанное!

Ралф был склонен целиком посвятить себя поэзии, нисколько не сомневаясь, что достигнет успеха в этой области и даже разбогатеет. Он утверждал, что и величайшие поэты, когда они только начинали писать, совершали не меньше ошибок, чем он сам. Осборн пытался разубедить его в этом, дока-

зывая, что у него нет таланта к поэзии, советовал ему думать только о деле, для которого его воспитали, убеждал, что в торговле, хотя у него и нет капитала, он может, если будет старательным и пунктуальным, получить должность комиссионера и со временем приобрести собственный капитал для торговли. Я со своей стороны одобрял занятия поэзией время от времени для развлечения и для усовершенствования своего литературного языка, но не более.

После этого было предложено, чтобы каждый из нас к следующей встрече подготовил собственное произведение с целью его усовершенствования с помощью наших взаимных замечаний, критики и поправок. Все наше внимание было обращено на язык и выразительность; поэтому мы исключили все темы с занимательной фабулой и остановились на переводе 18-го псалма, описывающего сошествие бога. Перед нашей встречей Ралф первым зашел ко мне и сообщил, что его произведение готово. Я сказал ему, что был занят и еще ничего не сделал, так как не чувствую большой склонности к этому занятию. Тогда он показал мне свое произведение, прося высказать свое мнение. Я нашел его превосходным и горячо его одобрил. «Осборн никогда не признает ни малейших достоинств ни в одной моей вещи, — сказал Ралф, — напротив, он сделает тысячу критических замечаний просто из зависти. Тебе он не так завидует, поэтому я хочу, чтобы ты взял эту вещицу и выдал ее за свою; я же скажу, что у меня не было времени и что я ничего не написал. Послушаем тогда, что он скажет об этом стихотворении».

Сказано — сделано, и я немедленно переписал произведение Ралфа, чтобы было видно, что оно написано моей рукой.

Мы собрались. Заслушали произведение Уотсона; кое-что в нем было удачно, но много было и недостатков. Заслушали Осборна; его произведение было много лучше, Ралф воздал ему должное, отметил некоторые ошибки, но одобрил его красоты. Самому ему нечего было представить. Я мялся, делал вид, что хотел бы, чтобы меня освободили от этой обязанности, так как, мол, у меня не было достаточно времени для исправления и т. п., но никакие оправдания не принимались, я должен был выступить. Стихотворение было прочитано дважды. И Уотсон и Осборн тут же отказались от соревнования со мной и единодушно его одобрили. Только Ралф сделал несколько критических замечаний и предложил кое-какие поправки, но я защищал свой текст. Осборн рассердился на Ралфа и сказал ему, что он так же мало способен к критике, как к писанию стихов. Когда они вдвоем возвращались домой, Осборн высказался еще решительнее в пользу того, что он считал моим произведением; по его словам, он вначале был сдержан в своей оценке, чтобы

я не заподозрил его в намерении мне польстить. «Но кто бы мог подумать, — говорил он, — что Франклин способен на это. Какая яркость образов, какая сила, какой огонь! Он даже улучшил оригинал. В обычной беседе он кажется весьма некрасноречивым, он подыскивает слова и даже грубо ошибается, и, однако, боже мой, как он пишет!» При следующей встрече Ралф раскрыл нашу шутку, и Осборн был высмеян.

Этот эпизод укрепил Ралфа в его решении стать поэтом. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы отговорить его, но он продолжал кропать стихи до тех пор, пока его не отвадил от этого Поп. Однако он стал довольно хорошим прозаиком. О Ралфе еще будет речь впереди. Но так как едва ли представится случай упомянуть о двух других, отмечу здесь, что Уотсон умер на моих руках несколькими годами позже. Его смерть была для нас большим горем, так как он был лучше всех нас. Осборн уехал в Вест-Индию, где сделался знаменитым юристом и разбогател, но умер молодым. В свое время мы с ним совершенно серьезно уговорились, что тот, кто умрет первым, нанесет, если это окажется возможным, дружеский визит оставшемуся в живых и сообщит, как он себя чувствует в бестелесном мире. Но он так и не выполнил своего обещания.

Губернатор, которому, казалось, понравилось мое общество, часто приглашал меня к себе, и о его покровительстве мне говорили, как о чем-то само собой разумеющемся. Он обещал дать мне рекомендательные письма к целому ряду своих друзей, не говоря уже об аккредитиве на сумму, достаточную для покупки печатного станка, шрифта, бумаги и т. п. Меня неоднократно приглашали зайти за этими письмами, как только они будут готовы, но всякий раз об этом говорилось в будущем времени. Так продолжалось до дня отплытия корабля, которое также несколько раз откладывалось. Когда я зашел попрощаться и получить рекомендательные письма, ко мне вышел секретарь губернатора, доктор Бэрд, и сказал, что губернатор чрезвычайно занят перепиской, но что он приедет в Ньюкасл до отплытия корабля, и тогда письма будут мне вручены.

Ралф, хотя был женат и имел ребенка, решил сопровождать меня. Предполагалось, что он намеревается установить торговые связи и достать товары для продажи их на комиссию, но позднее я узнал, что у него произошли какие-то неприятности с родными жены и он решил оставить ее на их попечение и никогда не возвращаться в Америку. Сказав последнее прости своим друзьям, обменявшись обещаниями с мисс Рид, я покинул Филадельфию на корабле, который бросил якорь в Ньюкасле. Губернатор был там, но, когда я явился к нему на квартиру, его секретарь вышел ко мне с выражениями величайшего сожаления по поводу того, что губернатор не может принять меня, так как

он чрезвычайно занят, но что он пришлет письма ко мне на корабль, что он сердечно желает мне счастливого пути и скорейшего возвращения и т. п. Я вернулся на корабль немного озадаченным, но я еще не сомневался в нем.

ГЛАВА III

На том же корабле плыл знаменитый филадельфийский юрист, мистер Эндрю Гамильтон с сыном, а также мистер Денхам, купец-квакер, и господа Оньям и Рассел, владельцы железоделательного завода в Мериленде; все они заняли большую каюту. Мы с Ралфом были вынуждены согласиться на каюту в 3-м классе, а так как никто на корабле нас не знал, то нас принимали за простолюдинов. Но мистер Гамильтон и его сын Джемс (впоследствии губернатор) вернулись из Ньюкасла в Филадельфию: отца привлекла высокая оплата за ведение процесса о захваченном корабле. Перед самым отплытием на корабль явился полковник Френч, который был со мной очень любезен, так что меня заметили другие джентльмены и пригласили перейти вместе с моим другом Ралфом в каюту, где теперь освободились места, что мы и сделали.

Сообразив, что полковник Френч принес на корабль депеши губернатора, я попросил у капитана те письма, которые относились ко мне. Он сказал, что все письма сложены в одну сумку и что он не может в данный момент их достать, но я успею получить их до прибытия в Англию. Я до поры удовлетворился этим ответом, и мы продолжали плавание. В нашей каюте образовалась дружная компания, и мы проводили время на редкость хорошо, пользуясь, между прочим, всеми запасами мистера Гамильтона, а их было предостаточно. Во время этого путешествия я подружился с мистером Денхамом, и эта дружба продолжалась до самой его смерти. Но в целом путешествие было не из приятных, так как погода была по большей части плохая.

Когда мы вошли в Ламанш, капитан сдержал свое слово и разрешил мне обследовать содержимое сумки с губернаторской почтой. Я не нашел писем, на которых стояла бы моя фамилия как лица, которому было поручено их вручение. Я взял шесть или семь, которые, судя по почерку, могли быть обещанными письмами, особенно потому, что одно из них было адресовано Баскету — королевскому печатнику, а другое — какому-то торговцу канцелярскими принадлежностями. Мы прибыли в Лондон 24 декабря 1724 года. Я зашел по ближайшему адресу к торговцу и передал ему письмо якобы от губернатора Кейса. «Я не знаю такого человека», — сказал он, но,

распечатав письмо, воскликнул: «О, это от Ридлсдена. Я недавно убедился, что он совершеннейший мерзавец, и я с ним не желаю иметь ничего общего и не хочу получать от него никаких писем». С этими словами он сунул мне письмо в руку, повернулся на каблуках и покинул меня, чтобы обслужить какого-то покупателя.

Я был поражен, узнав, что письма были вовсе не от губернатора; припомнив и сопоставив некоторые обстоятельства, я начал сомневаться в искренности губернатора. Я нашел своего друга Денхама и все рассказал ему. А он раскрыл мне глаза на характер Кейса и сказал, что совершенно невероятно, чтобы он написал для меня какие-то письма, что все, кто его знает, не верят ему ни в чем; и он посмеялся над тем, что губернатор мог дать мне аккредитив, тогда как сам не располагал никаким кредитом. Когда я сказал, что не знаю, что же мне теперь делать, он посоветовал мне постараться устроиться на работу по моей специальности. «Среди здешних печатников, — сказал он, — вы усовершенствуетесь и, когда вернетесь в Америку, сможете хорошо устроиться».

Обоим нам, как и торговцу канцелярскими принадлежностями, довелось убедиться, что поверенный Ридлсден был действительно большой негодяй. Он почти разорил отца мисс Рид, втершись к нему в доверие. Из его письма мы узнали, что он совместно с Кейсом разработал тайный план принести ущерб мистеру Гамильтону (предполагалось, что тот прибудет в Англию вместе с нами); Денхам, который был другом Гамильтона, нашел, что того следует поставить об этом в известность; так что когда Гамильтон вскоре прибыл в Англию, то я — отчасти от обиды и недоброжелательства к Кейсу и Ридлсдену, а отчасти из расположения к Гамильтону — пошел к нему и отдал ему письмо. Он сердечно поблагодарил меня, это предостережение было для него очень важно; с этого времени он стал моим другом и впоследствии не раз оказывал мне большие услуги.

Но что же сказать о губернаторе, выкидывающем такие жалкие шутки, так грубо обманувшем бедного неопытного мальчика! Это было для него обычным делом. Он хотел угодить всем и каждому, но так как почти ничего не мог дать, то дарил обещания. Во всем остальном он был способным, благоразумным человеком, неплохим писателем и хорошим губернатором для простого народа, но не для своих избирателей — собственников, чьими указаниями он иногда пренебрегал. Некоторые наши лучшие законы были предложены им и проведены в жизнь во время его правления.

Мы с Ралфом были неразлучными товарищами. Мы поселились вместе в гостинице «Малая Британия» за три шиллинга и шесть пенсов в неделю; это было как раз столько, сколько

мы были в состоянии тогда платить. Он нашел некоторых родственников, но они были бедны и не могли помогать ему. Теперь он открыл мне свое намерение остаться в Лондоне и никогда не возвращаться в Филадельфию. У него не было никаких средств; все, что ему удалось наскрести, пошло на покупку билета. У меня было пятнадцать пистолей, так что он время от времени занимал у меня, пока подыскивал работу. Сперва он пытался поступить в театр, считая, что сможет стать актером; но Уилкс, к которому он обратился, прямо посоветовал ему выбросить из головы мысль об этом поприще, так как он никогда не сможет достигнуть на нем успеха. Тогда он предложил Робертсу, издателю в «Патер ностер роу», писать для него на определенных условиях еженедельное обозрение, подобное «Зрителю», но получил отказ. Затем он пытался найти себе работу переписчика и снимать копии для торговцев и адвокатов у Темпла, но не мог найти вакансии.

Что касается меня, то я немедленно устроился в известной типографии Палмера в Бертоломью Клоуз, где прослужил около года. Я работал очень усердно, но большую часть своего заработка тратил вместе с Ралфом на театры и другие развлечения. Мы истратили почти все мои пистоли и теперь кое-как перебивались со дня на день. Он, повидимому, совершенно забыл свою жену и ребенка, а я постепенно забывал мои обещания, данные мисс Рид. Я написал ей только одно письмо, в котором известил ее, что не собираюсь в скором времени возвращаться. Это была другая величайшая ошибка моей жизни, которую я хотел бы исправить, если бы мне пришлось начинать жизнь сначала. Но фактически при наших расходах у меня никогда не было денег на обратный билет.

У Палмера я участвовал в наборе второго издания «Религии природы» Волластона [13]. Некоторые из его аргументов показались мне легковесными, и я написал небольшую метафизическую статью, в которой сделал замечания по их поводу. Эта статья была озаглавлена «Диссертация о свободе и необходимости, удовольствии и страдании». Я посвятил ее моему другу Ралфу и напечатал в небольшом количестве экземпляров. Это заставило мистера Палмера обратить внимание на меня, как на не лишенного способностей молодого человека, хотя он серьезно разубеждал меня в принципах моего памфлета, которые находил отвратительными. То, что я напечатал этот памфлет, также было с моей стороны ошибкой. Живя в «Малой Британии», я познакомился с книготорговцем Уилкоксом; его лавка была рядом с моей гостиницей. Он имел огромную коллекцию подержанных книг. В то время не было библиотек с выдачей книг на дом; но мы договорились на определенных разумных условиях, которые я теперь забыл, что я буду брать

у него книги, читать их и возвращать. Я это оценил как большую удачу и извлек из этого столько пользы, сколько мог.

Каким-то образом мой памфлет попал в руки некоего Лионса, хирурга, автора книги «Непогрешимость человеческого суждения». Это послужило поводом для нашего знакомства. Лионс обратил на меня серьезное внимание, часто приглашал меня побеседовать на эти темы, водил меня в Хорнс, захудалую таверну в одном из переулков Чипсайда, и представил меня доктору Мандевилю, автору «Басни о пчелах» [14], который имел там клуб; душой этого клуба был сам Мандевиль — очень остроумный, веселый товарищ. Лионс представил меня также доктору Пембертону из торгового дома Батсона, который обещал как-нибудь при случае дать мне возможность увидеть Исаака Ньютона, чего я страстно желал. Но этому желанию так и не суждено было исполниться.

Я привез с собой из Америки несколько редких вещиц. Главной среди них был кошелек из асбеста, который чистился огнем. Об этом услышал сэр Ганс Слоун. Он нанес мне визит, пригласил меня в свой дом в Блумсбери-сквер, показал мне все свои редкости и уговорил дополнить его коллекцию моим кошельком, уплатив за него крупную сумму.

В нашем доме жила молодая женщина, модистка, которая, кажется, имела лавку где-то в Клойстерсе. Она была хорошо воспитана, остроумна, весела и приятная собеседница. Ралф читал ей по вечерам пьесы; они сблизились; она переменила квартиру, он последовал за ней. Некоторое время они жили вместе, но он все еще был без работы, а ее доходов не хватало, чтобы прожить втроем с ее ребенком. Тогда Ралф решил уехать из Лондона и попытать счастья в сельской школе; он считал себя способным к этому делу, потому что обладал хорошим почерком и был мастером в арифметике и в счете. Но он находил это занятие ниже своего достоинства и, надеясь на лучшее будущее, опасался, как бы это низкое занятие его тогда не скомпрометировало. Поэтому он скрыл свое имя и оказал мне честь, приняв мое. Вскоре я получил от него письмо, в котором сообщалось, что он поселился в маленькой деревушке (кажется в Беркшире, где он учил десять-двенадцать ребятишек чтению и письму за шесть пенсов с каждого в неделю), что он поручает миссис Т. моим заботам и просит меня писать ему по такому-то адресу, на имя мистера Франклина, учителя.

Он продолжал часто писать мне, высылая мне большие отрывки из своей эпической поэмы, которую он в то время сочинял, прося моих замечаний и поправок. Я посылал их ему время от времени, но больше старался отвадить его от литературных занятий. Как раз в то время была опубликована одна из сатир Янга. Я переписал и послал ему значительную часть

этой сатиры, которая едко высмеивала глупость поклонников муз, рассчитывающих на успех с их помощью. Но все было напрасно — листы с отрывками из поэмы продолжали прибывать с каждой почтой. Тем временем миссис Т., потеряв из-за Ралфа своих друзей и работу, стала сильно нуждаться. Она часто посылала за мной и занимала у меня столько, сколько я мог уделить из своих средств, чтобы облегчить их положение. Я начал находить удовольствие в ее обществе, а так как в то время я не находился под сдерживающим влиянием религии, то попытался воспользоваться ее зависимостью от меня и позволил себе некоторые вольности (опять-таки ошибка), которые она отвергла с величайшим негодованием. Она написала о моем поведении Ралфу; это вызвало разрыв между нами; когда он вернулся в Лондон, то поставил меня в известность, что считает себя свободным от всех своих обязательств по отношению ко мне; из этого я сделал вывод, что мне нечего рассчитывать на возврат одолженных или авансированных ему денег. Это, однако, не имело большого значения, так как он был совершенно неплатежеспособен, а с утратой его дружбы я почувствовал, что с моих плеч свалилось тяжкое бремя. Я начал теперь задумываться над тем, как бы сделать некоторые сбережения, и, рассчитывая на лучшую оплату, перешел от Палмера к Уоттсу — в еще бóльшую типографию, близ Линколнс Инн Филдз. Здесь я работал в течение всего своего дальнейшего пребывания в Лондоне.

Когда я поступил в эту типографию, то пристрастился к работе у печатного станка, полагая, что мне необходимы физические упражнения, к которым привык в Америке, где набор связан с печатанием. Я пил только воду; остальные рабочие, около пятидесяти человек, были большими любителями пива. Однажды я поднялся и спустился по лестнице, держа в каждой руке по большой печатной форме, тогда как другие несли только одну в обеих руках. Они очень удивились, убедившись на этом и на других примерах, что «*водяной американец*», как они прозвали меня, крепче, чем они, пившие *крепкое* пиво! У нас был «пивной мальчик», который всегда прислуживал в типографии, снабжая рабочих пивом. Мой товарищ по печатному станку каждый день выпивал пинту пива перед завтраком, пинту с хлебом и сыром за завтраком, пинту между завтраком и обедом, пинту за обедом, пинту около 6 часов вечера и еще одну по окончании дневной работы. Я считал это отвратительной привычкой, но он утверждал, что необходимо пить *крепкое* пиво, чтобы быть *крепким* для работы. Я пытался убедить его, что физическая сила, которую дает пиво, пропорциональна лишь количеству ячменного зерна или муки, растворенной в воде, из чего делают пиво; что в хлебце ценой в один пенни

больше муки, и, следовательно, если бы он ел его с пинтой воды, это придало бы ему больше силы, чем кварта пива. Но он все-таки продолжал пить и должен был выплачивать каждый субботний вечер четыре или пять шиллингов за этот отвратительный напиток; я же был свободен от такой траты. Так эти несчастные постоянно сами себя губили.

Через несколько недель Уоттс пожелал, чтобы я перешел в наборную, и я расстался с печатниками. Наборщики потребовали с меня новый вступительный взнос на выпивку, размером в пять шиллингов. Я счел это плутовством, так как я уже заплатил такой взнос печатникам; хозяин был того же мнения и запретил мне платить его. Я держался две или три недели, в течение которых на меня смотрели, как на отверженного. Мне пришлось испытать на себе проявление мелочной злобы: стоило мне только выйти из комнаты, как мои литеры смешивались, мои печатные материалы переставлялись и рвались и т. д. и т. д., и все это приписывалось действиям «типографского духа», который, как они говорили, всегда преследует тех, кто не принят законным порядком в число рабочих. Поэтому, несмотря на заступничество хозяина, мне пришлось исполнить их требование и уплатить деньги; я убедился, что глупо жить в ссоре с теми, с кем приходится постоянно иметь дело.

Теперь между нами установились хорошие отношения, и вскоре я приобрел среди них значительное влияние. Я предложил внести некоторые разумные изменения в правила типографских рабочих и добился того, что они были приняты, вопреки всей оппозиции. Следуя моему примеру, большая часть рабочих отказалась от своего одурманивающего завтрака, состоящего из пива, хлеба и сыра. За ту же цену, что и пинта пива, то есть за три полупенса, они стали брать, как и я, из соседней харчевни большую миску горячей каши на воде, посыпанной перцем, с кусочком масла и накрошенным хлебом. Это был гораздо более питательный и дешевый завтрак, который к тому же оставлял головы ясными. Те же, кто продолжал весь день поглощать свое пиво, часто за неимением денег теряли кредит в пивной и старались уговорить меня достать пива, ибо, как они говорили, их *свет погас*. По субботам вечером я стоял около платежной ведомости и взыскивал с них долги; иногда мне приходилось платить за них около тридцати шиллингов в неделю. Это обстоятельство, а также то, что я слыл большим остряком, поддерживало мой авторитет в обществе. Мой хозяин был доволен тем, что я всегда аккуратно являлся на работу (я никогда не опаздывал даже после праздников). Так как я набирал с необычайной быстротой, меня перевели на ускоренную работу, которая гораздо лучше оплачивалась. Таким образом, мои дела шли теперь очень хорошо.

Моя квартира в «Малой Британии» была расположена слишком далеко от работы, поэтому я нашел другую, на Дьюк-стрит, напротив Римского собора. Две пары ступенек вели во внутрь, в итальянский магазин гастрономических и колониальных товаров. Дом принадлежал вдове; у нее была дочь, горничная и поденщик, который обслуживал магазин, но не жил в доме. Наведя справки на моей прежней квартире о моем характере, хозяйка согласилась принять меня за ту же плату, три шиллинга и шесть пенсов в неделю, — дешевле, как она сказала, чем следовало, потому что она надеялась найти защиту, имея в доме мужчину. Это была пожилая женщина, как дочь священника воспитанная в протестантской вере; но муж, память которого она свято чтила, обратил ее в католицизм; в свое время она вращалась среди известных людей и знала о них множество анекдотов вплоть до времен Карла II. Она страдала подагрой и хромала, отчего редко покидала свою комнату и потому скучала без общества, я же очень любил с ней побеседовать и всегда с готовностью проводил у нее вечера, когда она только этого хотела. Наш ужин состоял из половины анчоуса на каждого, маленького ломтя хлеба с маслом и полпинты эля на двоих; но ее рассказы доставляли мне истинное удовольствие. Ей не хотелось расставаться со мной, так как я рано ложился и рано вставал и вообще причинял мало беспокойства семье; поэтому, когда я заговорил о квартире, которая, как я слышал, была еще ближе к моей работе и стоила всего два шиллинга в неделю, что имело для меня большое значение, поскольку я решил экономить, она попросила меня не думать об этом, ибо она будет в дальнейшем брать с меня на два шиллинга в неделю дешевле. Итак, я оставался у нее за шиллинг и шесть пенсов в течение всего своего остального пребывания в Лондоне.

В мансарде ее дома жила старая дева семидесяти лет, которая вела самый замкнутый образ жизни. Как сообщила мне моя хозяйка, эта леди была католичкой. В молодости она была послана за границу, где поселилась в монастыре с намерением стать монахиней, но родные не разрешили ей этого; поэтому она вернулась в Англию, где не было монастырей. Однако она дала обет вести монашеский образ жизни, поскольку это возможно в существующих условиях. Поэтому она пожертвовала все свое состояние на благотворительные цели, сохранив за собой только двенадцать фунтов в год; однако и из этой суммы она еще выделяла значительную часть на благотворительность, питалась одной кашей на воде и употребляла огонь только для того, чтобы сварить ее. Она уже много лет занимала этот чердак, где жители дома, которые все были католиками, разрешали ей жить бесплатно, так как считали, что ее пребыва-

ние в их доме приносит им счастье. Каждый день ее посещал священник для исповеди. «Я спросила ее, — сказала моя хозяйка, — как она может, ведя такой образ жизни, находить в чем так часто исповедоваться!» — «О, — ответила та, — невозможно избежать *суетных мыслей*». Однажды я получил разрешение нанести ей визит. Она была бодра и любезна, ее беседа была занимательна. Вся обстановка ее чистенькой комнаты состояла из матраца, стола с распятием и книгой, стула, который она предложила мне, и картины над камином с изображением святой Вероники, показывающей свой платок с чудесно запечатлевшимся на нем изображением окровавленного лица Христа, как объяснила мне хозяйка с полной серьезностью. Она была бледна, но отнюдь не казалась болезненной; вот лишний пример того, с каким малым доходом можно поддерживать свою жизнь и здоровье.

В типографии Уоттса я познакомился с одним неглупым молодым человеком, неким Вигейтом, который благодаря своим богатым родственникам получил лучшее образование, чем большинство его товарищей-печатников, знал сносно латынь, говорил по-французски и любил читать. За два урока я научил его и его друга плавать, и вскоре они стали хорошими пловцами. Они познакомили меня с джентльменами из провинции, которые плавали до Челси, чтобы посмотреть Колледж и диковинки дона Сальтеро. По просьбе новых знакомых, любопытство которых было возбуждено рассказами Вигейта, я в свою очередь разделся, бросился в реку и проплыл, начав недалеко от Челси, до Блэкфрайерса; при этом я проделал много различных трюков на воде и под водой, к величайшему удивлению и удовольствию тех, для кого все это было новостью.

Я с детства полюбил этот вид спорта, изучал и применял движения и приемы Тевенота, а также добавил кое-что от себя, стремясь к изяществу и легкости, а также к пользе. Я воспользовался этим случаем, чтобы показать свое искусство новым знакомым, и был весьма польщен их восторгом. Вигейт, желавший стать мастером в этом деле, все более и более привязывался ко мне как по этой причине, так и вследствие сходства наших занятий. Наконец,он предложил мне совершить вдвоем путешествие по всей Европе; он считал, что мы сможем поддерживать свое существование, работая везде по своей специальности. Я уже был готов согласиться, но когда я сказал об этом моему доброму другу мистеру Денхаму, с которым часто проводил свободное время, тот разубедил меня, посоветовав думать только о том, чтобы вернуться в Пенсильванию; он и сам готовился это сделать.

Я должен рассказать об одном случае из жизни этого прекрасного человека. Прежде он имел дело в Бристоле, но, задолжав многим лицам, частично погасил свои долги и уехал в Аме-

рику. Там он усердно занялся торговлей и составил в течение нескольких лет большое состояние. Вернувшись в Англию на одном корабле со мной, он устроил вечер для своих прежних кредиторов, на котором поблагодарил их за то, что они в свое время согласились ограничиться небольшими суммами, которые он им выплатил как несостоятельный должник. А когда они уже больше не ожидали ничего, кроме угощения, каждый из них нашел под своей тарелкой банковский билет на полную сумму невыплаченной части долга с процентами.

Теперь он сказал мне, что собирается вернуться в Филадельфию и повезет с собой большое количество товаров, чтобы открыть там магазин. Он предложил мне сопровождать его в качестве клерка, чтобы вести его книги, чему он меня обучит, переписывать его письма и работать в магазине. Он добавил, что, как только я ознакомлюсь с коммерческой деятельностью, он повысит меня в должности, отправит с грузом муки и хлеба в Вест-Индию и обеспечит мне комиссионные с других доходных сделок; и если я буду удачно справляться с делами, то поможет мне хорошо устроиться. Это предложение мне понравилось; я истосковался в Лондоне и с удовольствием вспоминал счастливые месяцы, проведенные в Пенсильвании. Мне хотелось снова увидеть ее. Поэтому я, не задумываясь, согласился; мы договорились, что я буду получать пятьдесят фунтов в год пенсильванской монетой; это было фактически меньше, чем мой заработок в качестве наборщика, но это сулило лучшие перспективы.

Итак, я оставил печатное дело, как тогда думал, навсегда, и был теперь целый день поглощен своими новыми обязанностями, — расхаживал с мистером Денхамом среди торговцев, покупая различные товары, следил за их упаковкой, передавал донесения, поторапливал рабочих и т. д. Когда погрузка была закончена, я получил несколько дней отдыха. В один из этих дней меня, к моему великому изумлению, вызвал один высокопоставленный человек, которого я знал только по имени, — сэр Вильям Уиндхем. Я явился к нему. До него каким-то образом дошли слухи о моем плавании от Челси до Блэкфрайерса и о том, что я за несколько часов научил плавать Вигейта и другого юношу. Он имел двух сыновей и собирался послать их в путешествие, но хотел, чтобы они прежде научились плавать. Он предложил мне хорошую награду, если я займусь их обучением. Но их еще не было в городе, а я не знал, долго ли пробуду в Лондоне, и потому не смог принять предложения сэра Уиндхема. Но из этого случая я понял, что если бы я остался в Англии и открыл там школу плавания, то смог бы неплохо зарабатывать; и это произвело на меня такое впечатление, что, получи я такое предложение раньше, я, может быть, не так скоро вернулся бы в Америку.

Много лет спустя тебе и мне пришлось иметь более важные дела с одним из этих сыновей сэра Вильяма Уиндхема, тогда уже эрлом Игремонта, о чем я упомяну в свое время.

Итак, я провел в Лондоне восемнадцать месяцев; большую часть этого времени я усердно работал по своей специальности и тратил на себя очень мало, если не считать посещения театра и приобретения книг. Мой друг Ралф держал меня в бедности, он задолжал мне около двадцати семи фунтов, которые я не надеялся получить; а это была огромная сумма при моем маленьком заработке! Но, несмотря ни на что, я любил его, потому что у него было много приятных качеств. Однако, хотя я нисколько не улучшил свое состояние, я обогатил свои знания, познакомился с интересными людьми, беседы с которыми принесли мне большую пользу, и много прочел.

ГЛАВА IV

Мы отплыли из Грейвэнда 23 июля 1726 года. Что касается моих путевых впечатлений, то я отсылаю тебя к моему дневнику, где они изложены со всеми подробностями. Пожалуй, самая важная часть дневника — это содержащийся в нем план, который я составил во время плавания на всю свою последующую жизнь. Этот план замечателен тем, что я следовал ему всю свою жизнь до старости.

Мы высадились в Филадельфии 11 октября. Там я нашел различные перемены. Кейс больше не был губернатором, его сменил майор Гордон; я встретил Кейса, когда он прогуливался по городу как простой гражданин. Увидев меня, он, кажется, немного смутился и прошел мимо, не сказав ни слова. Я был бы столь же смущен при встрече с мисс Рид, если бы ее друзья, отчаявшись с полным основанием в моем возвращении по получении моего письма, не уговорили ее выйти замуж за некоего Роджерса, гончара. Свадьба состоялась в мое отсутствие. Но этот брак оказался неудачным, и вскоре она ушла от Роджерса, отказавшись с ним жить и носить его фамилию; говорят, что у него была другая жена. Он был никчемным парнем, хотя и отличным рабочим, что и соблазнило ее друзей. Он залез в долги, бежал в 1727 или 1728 году в Вест-Индию и там умер. Кеймер купил дом получше, лавку с писчебумажными принадлежностями, много новых шрифтов, нанял несколько подручных, среди которых, однако, не было ни одного опытного, и, повидимому, затевал большое дело.

Мистер Денхам открыл магазин на Уотер-стрит, где мы разместили свои товары; я прилежно занимался делами, изучал счета и за короткий срок стал специалистом в торговле. Мы жили и столовались вместе: он чистосердечно привязался ко

мне и помогал мне своими отеческими советами. Я уважал и любил его, и мы, вероятно, продолжали бы жить вместе весьма счастливо. Но в начале февраля 1727 г., когда мне только что исполнился 21 год, мы оба заболели. Я перенес плеврит, который чуть не унес меня в могилу. Болезнь протекала очень тяжело, я оставил всякую надежду на выздоровление и испытал чувство, близкое к разочарованию, когда начал выздоравливать; я с сожалением, думал о том, что теперь рано или поздно мне снова придется вернуться к своей неприятной работе. Не помню, что было у мистера Денхама, но он болел долго, и в конце концов болезнь унесла его. Он оставил мне в знак своего доброго расположения небольшую сумму в форме устного завещания, и я опять остался один-одинешенек на белом свете; магазин перешел к его душеприказчикам, и моя работа под его руководством окончилась.

Мой зять Хомс, живший в то время в Филадельфии, посоветовал мне вернуться к своей профессии, а Кеймер соблазнял меня предложением пойти за большое жалование в управляющие его типографией, чтобы он мог уделять больше внимания своей лавке писчебумажных принадлежностей. Я слышал о нем плохие отзывы в Лондоне от его жены и ее друзей, и мне не хотелось иметь с ним никаких дел. Я искал места клерка в каком-нибудь торговом доме, но, ничего не найдя, снова заключил соглашение с Кеймером. В его типографии было несколько работников: Хью Мередит, тридцатилетний пенсильванец из Уэллса, привычный к деревенской работе, благоразумный, опытный человек, большой любитель чтения, но охотник выпить; Стефан Поттс, молодой деревенский парень, также имевший опыт в сельских работах, с незаурядными способностями, весьма смышленный и острый на язык, но немного ленивый. Кеймер нанял их обоих за необычайно низкую недельную плату, с повышением на шиллинг каждые три месяца, по мере того как они будут совершенствоваться в своем ремесле; ожидание этих будущих высоких заработков удерживало их в его типографии. Мередит должен был работать на печатном станке, а Поттс — в переплетной. Кеймер, по соглашению, должен был обучить их, хотя не знал ни того, ни другого дела; Джон — необузданный ирландец, не приученный ни к какому делу; Кеймер откупил его на четыре года у капитана какого-то корабля и тоже собирался сделать печатником; Джордж Уэбб, оксфордский студент, точно так же откупленный на четыре года Кеймером с намерением сделать его наборщиком (о нем я вскоре скажу), и Давид Гарри, деревенский мальчик, которого он взял в ученики.

Я вскоре понял, что Кеймер предложил мне плату гораздо более высокую, чем он имел обыкновение платить с той целью,

чтобы я обучил этих дешевых, неумелых работников; как только я обучу их, он сможет обойтись без меня и сохранит этих работников, связанных с ним контрактом. Однако я, не унывая, приступил к делу, привел в порядок его типографию, которая была очень запущена, и постепенно знакомил его работников с делом и учил их лучше выполнять свои обязанности.

Странно было встретить оксфордского студента в положении наемного слуги. Джорджу Уэббу было не больше 18 лет; он рассказал мне о себе следующее: он родился в Глочестере, окончил начальную школу и выделялся среди школьников своими актерскими способностями, когда они ставили пьесы; он был там членом «клуба остряков» и написал несколько вещиц в прозе и стихах, которые были напечатаны в глочестерских газетах. Оттуда его послали в Оксфорд, где он пробыл около года, но не получил удовлетворения, ибо больше всего ему хотелось попасть в Лондон и стать актером. Наконец, получив свое трехмесячное содержание в размере пятнадцати гиней, он, вместо того чтобы заплатить долги, ушел из города, спрятал свою мантию в зарослях дрока и отправился пешком в Лондон; там, не имея добрых друзей, которые могли бы помочь ему советом, он попал в дурную компанию; вскоре он потратил все свои гинеи и, не сумев проникнуть в круг актеров, совсем обеднел, заложил свою одежду и голодал. Когда он, голодный, ходил по улицам, не зная, что ему делать, вербовщик матросов сунул ему в руку листок, предлагающий немедленную помощь и содержание тому, кто обяжется службой в Америке. Он не задумываясь пошел, подписал контракт, был посажен на корабль и отправлен в Америку; он ни строки не написал своим друзьям о своей участи. Это был веселый, остроумный юноша с прекрасным характером, приятный товарищ, но до крайности ленивый, беспечный и опрометчивый.

Ирландец Джон вскоре убежал; с оставшимися у меня установились прекрасные отношения; все они уважали меня, особенно после того, как убедились, что Кеймер неспособен их обучить, а от меня они каждый день чему-то учатся. Я заводил новые знакомства среди культурных людей города. Мы никогда не работали по субботам (это был день отдыха Кеймера), так что у меня было два дня в неделю для чтения. Сам Кеймер обращался со мной очень вежливо и казался внимательным ко мне. Ничто теперь меня не тревожило, кроме долга Вернону, который я еще не был в состоянии выплатить, так как до сих пор с трудом сводил концы с концами при строжайшей экономии. Он, однако, был так добр, что не напоминал мне об этом долге.

Наша типография часто нуждалась в литерах, а в Америке не было словолитни; я видел, как отливают шрифты у Джемса

в Лондоне, но я не обращал большого внимания на то, как это делается; однако я придумал литейную форму и, использовав литеры, которые применялись нами в качестве пунсонов [15], отлил матрицы из свинца и, таким образом, нашел сносный выход из всех наших затруднений. Я также при случае выполнял граверные работы, делал чернила, работал в лавке и, короче говоря, был в полном смысле слова мастером на все руки.

Но, как я ни был полезен, я начал замечать, что в моих услугах с каждым днем все меньше нуждаются, так как другие рабочие набивают руку в своем деле; при уплате моего жалованья за второй квартал Кеймер дал мне понять, что ему трудно платить такую большую сумму, и, повидимому, думал, что я попрошу ее снизить. Он постепенно становился менее вежливым, больше показывал себя хозяином, часто находил недостатки, придирался и, казалось, готов был прорваться. Но я терпеливо переносил все это, думая, что его поведение отчасти объясняется стеснительными обстоятельствами. Наконец, сущий пустяк привел к разрыву между нами: на улице поднялся сильный шум, и я выглянул в окно, чтобы узнать, в чем дело. Кеймер, стоявший во дворе, взглянул вверх и, увидев меня, громко и резко напомнил мне о моей работе, добавив несколько упреков, которые оскорбили меня главным образом потому, что были сказаны при людях; все соседи, выглянувшие из окон по той же причине, что и я, слышали, как со мной обращаются. Кеймер немедленно поднялся в типографию, снова набросился на меня с упреками, с обеих сторон было сказано немало резкостей, он сделал мне предупреждение об увольнении через 3 месяца, как было условлено, добавив, что он желал бы сократить этот срок. Я сказал, что это его желание излишне, так как я покину его немедленно и, взяв шляпу, вышел, попросив Мередита, которого встретил внизу, позаботиться об оставленных мною вещах и принести их ко мне на квартиру. Мередит пришел вечером, и мы с ним обсудили мои дела. Он очень сожалел о моем уходе и особенно о том, что я ушел из типографии в то время, когда он должен был в ней оставаться. Он отговорил меня от возвращения на родину, о чем я начал подумывать; он напомнил мне, что Кеймер запутался в долгах, что его кредиторы начинают терять терпение; что его лавка находится в жалком состоянии, так как он часто продает без прибыли, ради наличных денег, и доверяет в кредит, не ведя учета; что он, следовательно, должен разориться, а это откроет вакансию, которой я смогу воспользоваться. Я возразил, что у меня нет для этого средств. Тогда он дал мне понять, что его отец очень высокого мнения обо мне, и что на основании некоторых разговоров между ними он не сомневается, что отец ссудит меня деньгами для устройства,

если я вступлю в долю с сыном. «Мой срок у Кеймера, — сказал он, — кончается весной; к этому времени мы сможем получить печатный станок и шрифты из Лондона. Я понимаю, что я не специалист, но если желаете, то соединим ваши знания и мой капитал и будем делить прибыли поровну».

Это предложение было приемлемо для меня, и я согласился; отец Мередита был в городе и одобрил это дело, тем более что, как он сказал, я имел большое влияние на его сына: благодаря мне он уже давно воздерживался от выпивки. Отец надеялся, что, когда мы будем так тесно связаны, я смогу окончательно отучить его от этой дурной привычки.

Я передал отцу Мередита опись необходимого оборудования, а он передал ее купцу; все это было заказано, мы решили держать дело в тайне, пока не прибудет оборудование, а на это время я должен был попытаться найти работу в другой типографии. Но я не нашел там вакансии и оставался праздным в течение нескольких дней. Между тем Кеймеру представилась возможность получить заказ на печатание бумажных денег в Нью-Джерси. Для этого были необходимы гравировальные доски и различные шрифты, что сделать мог только я; опасаясь, что Бредфорд пригласит меня и отобьет у него заказ, он послал мне очень любезное письмо, где писал, что старые друзья не должны расставаться из-за нескольких слов, сказанных в порыве раздражительности, и просил меня вернуться. Мередит уговорил меня согласиться, так как это дало бы ему возможность повышать свою квалификацию под моим постоянным руководством; итак, я вернулся, и все пошло глаже, чем до этого эпизода. Работа из Нью-Джерси была заказана, я изобрел для нее печатный станок с медной гравировальной доской — первый в Америке; я вырезал несколько орнаментов и штампов для банкнот. Мы поехали вместе с Кеймером в Берлингтон, где я удовлетворительно выполнил работу, а он получил такую большую сумму, которая на некоторое время спасла его от краха.

В Берлингтоне я познакомился со многими видными людьми провинции Нью-Джерси. Некоторые из них были членами комиссии, назначенной собранием, чтобы следить за печатанием и заботиться о том, чтобы не было напечатано больше банкнот, чем повелевал закон. Поэтому они постоянно появлялись среди нас; обычно каждый приводил с собой одного или двух друзей для компании. Я был гораздо более начитан и развит, чем Кеймер; очевидно, по этой причине они предпочитали беседовать со мной. Они приглашали меня к себе, познакомили со своими друзьями и были со мной очень любезны, в то время как Кеймер оставался в тени, хотя он и был хозяином. По правде сказать, это был странный человек; в нем соединялись такие

черты, как незнание общественной жизни, страсть резко противоречить общепринятым мнениям, неряшливость, доходящая до крайней неопрятности, энтузиазм в некоторых вопросах религии и в довершение всего некоторая склонность к мошенничеству.

Мы пробыли там около трех месяцев, и за это время список моих друзей пополнился именами судьи Аллена, секретаря провинции Сэмюэля Бастилла, Исаака Пирсона, Джозефа Купера и нескольких Смитов, членов собрания, а также Исаака Декау, главного землемера. Этот последний был умный, прозорливый старик; он рассказал мне, что начал свою деятельность с того, что в юности месил глину для кирпичников, научился писать уже взрослым, носил измерительные приборы для землемеров, которые научили его производить землемерные работы, и теперь благодаря своему трудолюбию составил хорошее состояние. Он сказал мне: «Я предвижу, что вы вскоре вытесните этого человека из его дела и составите себе на этом поприще состояние в Филадельфии». В то время он еще ничего не знал о моем намерении начать дело там или где-либо в другом месте. Эти друзья впоследствии были для меня очень полезны, а иногда и я для них. Все они на всю жизнь сохранили прекрасное отношение ко мне.

Прежде чем говорить о моем появлении в обществе в качестве самостоятельного предпринимателя, я хотел бы рассказать тебе о моем образе мыслей в то время, о моих принципах и правилах морали, чтобы ты мог увидеть, насколько они повлияли на все последующие события моей жизни. Мои родители рано начали заниматься моим религиозным воспитанием и в течение всего моего детства воспитывали меня в строго диссидентском духе. Но когда мне было около пятнадцати лет, я начал сомневаться в целом ряде пунктов, которые оспаривались в нескольких прочитанных мною книгах, и, наконец, стал сомневаться в самом откровении. В мои руки попало несколько книг, направленных против деизма; кажется, в них излагается сущность проповедей, читавшихся на лекциях Бойля. Эти книги оказали на меня действие, совершенно обратное тому, для которого они предназначались: аргументы деистов, которые приводились для опровержения, показались мне гораздо сильнее, чем сами опровержения; короче говоря, я вскоре стал самым настоящим деистом. Мои доводы совратили других, особенно Коллинса и Ралфа. Но после того, как оба они причинили мне много зла без малейших угрызений совести, после того, как я задумался над поведением Кейса (который также был вольнодумцем) по отношению ко мне и над своим собственным поведением по отношению к Вернону и мисс Рид, которое по време-

пам меня очень мучило, я начал подозревать, что это учение, может быть и правильное, но не очень полезное. Я вспомнил свой лондонский памфлет, напечатанный в 1725 году [16]. Эпиграфом к нему я избрал следующие строки Драйдена:

Все справедливо, что ни есть. Но люди
Подслеповатые лишь только часть цепи
В ее ближайших звеньях видеть могут.
Их взор недостает до стрелки тех весов,
Что сверху все приводит в равновесье.

В этом памфлете, исходя из атрибутов бога — его бесконечной мудрости, благости и всемогущества, — я доказывал, что в мире не может быть зла и что порок и добродетель — это пустые слова, в действительности же таких вещей вовсе не существует. Теперь этот памфлет показался мне далеко не таким умным и совершенным, каким представлялся ранее. Я начал задумываться, не вкралась ли в мою аргументацию какая-нибудь незамеченная ошибка, которая повела к ложным выводам, как это часто бывает в метафизических рассуждениях.

Постепенно я начал убеждаться, что *истина*, *искренность* и *честность* в отношениях между людьми имеют громадное значение для счастья жизни, и я написал максимы поведения, которые сохранились в моем дневнике, чтобы следовать им в течение всей своей жизни. Откровение как таковое, действительно, не имело для меня самодовлеющего значения; но я пришел к мнению, что хотя определенные действия могут и не быть плохими только потому, что они им запрещаются, или не быть хорошими только потому, что они им предписываются; однако вероятно, что эти действия могли быть запрещены, *потому что* они плохи для нас, или предписаны, *потому что* они полезны нам по своей собственной природе, при учете всех обстоятельств. И это убеждение, кому бы я ни был им обязан — провидению или ангелу-хранителю, или случайному благоприятному стечению обстоятельств, или всему этому вместе, — сохранило меня в эти опасные годы юности в рискованных положениях, в которые я нередко попадал среди чужестранцев, вдали от надзора и советов моего отца, от намеренных, грубо безнравственных и несправедливых поступков, которых можно было бы ожидать в связи с отсутствием у меня религиозного чувства. Я говорю «намеренных», потому что те случаи, о которых я упоминал, заключали в себе какую-то неизбежность, обусловленную моей молодостью, неопытностью или мошенничеством других. Следовательно, я вступал в жизнь со сносным характером, я оценил это в себе и решил сохранить.

Вскоре после нашего возвращения в Филадельфию прибыли новые шрифты из Лондона. Мы рассчитались с Кеймером и рас-

стались с ним полюбовно прежде, чем он узнал о наших планах. Мы нашли дом, сдававшийся в наем недалеко от рынка, и сняли его. Чтобы уменьшить арендную плату, которая тогда составляла всего двадцать четыре фунта в год, хотя я слышал, что с тех пор она поднялась до семидесяти, мы взяли жильца — стекольщика Томаса Годфрея с семьей; они должны были платить значительную часть арендной платы, и мы у них столовались. Едва мы успели распаковать литеры и привести в порядок печатный станок, как Джордж Хауз, мой знакомый, привел к нам повстречавшегося ему крестьянина, который искал типографию. Мы были тогда совершенно без денег, так как все наши средства пошли на покупку множества необходимых вещей. Поэтому пять шиллингов, полученные от крестьянина, — первый плод нашей деятельности, к тому же столь своевременный, — доставил мне так много радости, как ни одна крона, заработанная впоследствии, а чувство благодарности, которое я испытал тогда по отношению к Хаузу, не раз побуждало меня оказывать помощь молодым начинателям, может быть, в большей степени, чем я был бы склонен, не будь этого случая.

В каждой стране есть во́роны, которые занимаются тем, что предвещают ее гибель. Один такой ворон жил и в Филадельфии, — представительный пожилой человек с глубокомысленным взглядом и с очень степенной манерой говорить; его звали Сэмюэль Майкл. Этот джентльмен, с которым я совершенно не был знаком, остановил меня однажды у моей двери и спросил, не тот ли я молодой человек, который недавно открыл новую типографию? Получив утвердительный ответ, он сказал, что весьма за меня опечален, потому что это дорогостоящее предприятие, а вложенные средства несомненно будут потеряны, ибо Филадельфия — гиблое место, люди здесь уже наполовину банкроты или близки к этому; все признаки противоположного, например, новые постройки и рост ренты, являются, по его твердому мнению, ложными, ибо в действительности именно они-то и разорят нас. Затем он так подробно рассказал мне о несчастьях, существующих в настоящее время или ожидаемых в ближайшем будущем, что оставил меня в довольно-таки меланхолическом настроении. Знай я его раньше, чем начал это дело, я, весьма вероятно, отказался бы от своей затеи. Эта личность продолжала жить в этом «гиблом месте» и проповедовать в том же духе. В течение многих лет он отказывался покупать здесь дом, потому что «все было готово рухнуть»; и, наконец, я имел удовольствие видеть, как он заплатил за дом в пять раз дороже, чем мог бы заплатить в то время, когда только начал каркать.

ГЛАВА V

Я должен был бы еще раньше упомянуть о том, что осенью предыдущего года я основал клуб, объединивший многих из моих наиболее способных знакомых. Клуб этот, названный нами Хунтой, имел целью взаимное усовершенствование. Мы собирались по вечерам каждую пятницу. Составленные мною правила требовали, чтобы каждый член Хунты в порядке очередности выдвинул на обсуждение членами клуба один или несколько тезисов по какому-либо вопросу морали, политики или натурфилософии и раз в три месяца представил и прочел написанный им доклад на любую тему по его собственному выбору. Наши дискуссии, проводимые под руководством председателя, должны были быть проникнуты духом искреннего стремления к истине. В них не было места спору ради спора или ради победы, и, во избежание полемического пыла, все слова, выражающие непреклонность личного мнения или прямое противоречие мнению другого, вскоре стали считаться недопустимыми и были запрещены под страхом небольших денежных штрафов.

Первыми членами Хунты были:

Джозеф Брайнтнал, работавший переписчиком у нотариусов, добродушный, общительный человек средних лет, большой любитель поэзии; он читал все, что попадало ему под руку, и сам неплохо писал. Он проявлял одинаковую остроту ума как во всевозможных шутках, так и в серьезной беседе;

Томас Годфрей, очень способный в своей области математик-самоучка, изобретший впоследствии то, что теперь называется квадрантом Хедлея. Но за пределами своей специальности он мало что знал; он не был приятным собеседником в обществе, так как подобно большинству великих математиков, с которыми я встречался в своей жизни, он требовал во всех случаях чрезвычайной точности выражений и всегда прицеплялся к пустякам, что расстраивало всякую беседу. Вскоре он нас оставил;

Николас Скалл, землемер, впоследствии главный землемер; он любил чтение и сам пописывал небольшие стихотворения;

Вильям Персонс — по ремеслу сапожник; благодаря любви к чтению он приобрел значительные познания в математике, которой занялся вначале ради астрологии, над чем впоследствии сам смеялся. Он также стал главным землемером;

Вильям Могридж, столяр и, кроме того, очень умелый механик, человек трезвого ума и твердого характера;

О Хью Мередите, Стефане Поттсе и Джордже Уэббе я говорил выше;

Роберт Грейс, состоятельный молодой джентльмен, веселый, остроумный и великодушный, любитель пошутить и хо-

роший товарищ; наконец, Вильям Коулмен, в то время торговый служащий, приблизительно моих лет, человек с холодным, ясным умом и горячим сердцем, едва ли не превосходивший всех известных мне людей строгостью своих моральных принципов. Впоследствии он стал крупным купцом и одним из судей нашей провинции. Наша дружба продолжалась до самой его смерти, свыше сорока лет.

Клуб существовал почти столько же. На протяжении этих лет он был лучшей школой философии, морали и политики в нашей провинции. Наши доклады, которые зачитывались за неделю до их обсуждения, заставляли нас внимательно изучать различные предметы, чтобы мы могли говорить со знанием дела. Здесь мы приобрели также навыки ведения дискуссии. В наших правилах было предусмотрено все, чтобы предохранить нас от раздоров. Потому-то так долго существовал этот клуб, о котором я еще не раз буду иметь случай говорить в дальнейшем. Но сейчас я хочу упомянуть о той пользе, которую этот клуб приносил мне в том отношении, что каждый из его членов усиленно старался найти для нас работу. В частности, Брайнтнал достал нам от квакеров печатание сорока листов истории их секты (остальные листы печатались Кеймером). Эта работа, которую мы делали по очень низкой оплате, потребовала от нас особенно напряженного труда. Книга была форматом в пол-листа; основной текст набирался шрифтом цицеро, примечания — корпусом. Я набирал по листу в день, а Мередит печатал. Нередко я заканчивал разбор шрифта к следующему дню только в одиннадцать часов вечера и даже еще позднее; дело в том, что нас задерживали небольшие работы, которые нам доставляли время от времени другие друзья. Но я твердо придерживался своего решения набирать по листу в день. Примером моего упорства может служить следующий случай: однажды вечером, когда я уже спустил свои печатные формы и считал, что моя дневная работа закончена, одна из них случайно сломалась и две страницы рассыпались; я немедленно разобрал шрифт и снова набрал эти страницы, прежде чем лечь спать. Такое трудолюбие не могло остаться незамеченным нашими соседями; постепенно мы стали пользоваться уважением и доверием. Между прочим, мне рассказали, что о новой типографии как-то зашел разговор в купеческом клубе. Все считали, что ее ждет провал, так как в городе уже было два типографа: Кеймер и Бредфорд. Но доктор Бэрд (которого мы с тобой видели много лет спустя на его родине, в Сент-Эндрюс, в Шотландии) высказал противоположное мнение. «У этого Франклина, — сказал он, — неслыханное трудолюбие; я вижу его за работой, когда возвращаюсь домой из клуба; и он снова сидит за работой, прежде чем встают соседи». Это заявление

произвело большое впечатление на всех присутствующих, и вскоре мы получили от одного из них предложение снабжать нас писчебумажными материалами; но мы еще не решались заняться торговлей.

Я говорю здесь о своем трудолюбии так откровенно и подробно, хотя это и может показаться хвастовством, для того, чтобы те из моих потомков, которые прочтут это, поняли важность этой добродетели, увидев, какую пользу принесла она мне в этом отношении.

Джордж Уэбб, которому одна его знакомая одолжила сумму, необходимую, чтобы откупиться от Кеймера, пришел теперь к нам и предложил свои услуги в качестве подмастерья. В тот момент у нас не было для него работы, но я имел глупость сказать ему по секрету, что вскоре собираюсь открыть газету, и тогда у меня найдется работа для него. Я сказал ему также, что мои надежды на успех основаны на том, что единственная в то время в нашем городе газета, выпускаемая Бредфордом, никуда не годится, издается плохо, совершенно не интересна — и все-таки выгодна для него; поэтому я считаю, что хорошая газета вряд ли будет испытывать недостаток в подписчиках. Я просил Уэбба никому не говорить об этом, но он рассказал Кеймеру, а тот немедленно, чтобы опередить меня, опубликовал предложение организовать газету и пригласил Уэбба работать в ней.

Это меня раздосадовало, и, чтобы помешать им, я, не имея возможности приступить к изданию собственной газеты, написал в газету Бредфорда несколько юмористических рассказов под общим заглавием «The Busy Body», которые Брайнтнал печатал в течение нескольких месяцев.

Таким образом внимание публики было приковано к этой газете, и предложение Кеймера, которое мы всячески осмеивали и выставляли в карикатурном виде, было оставлено без внимания. Однако он все же начал издавать свою газету, но через девять месяцев предложил мне купить ее за ничтожную цену. Число ее подписчиков составляло тогда всего лишь девяносто человек. Я был к тому времени уже в состоянии издавать собственную газету и немедленно принял его предложение. Через несколько лет эта газета стала приносить мне большой доход.

Я замечаю, что говорю в единственном числе, хотя наше товарищество еще продолжалось. Может быть, это объясняется тем, что в действительности все управление делом лежало на мне. Мередит не был наборщиком, печатал плохо и редко появлялся в трезвом виде. Мои друзья выражали сожаление по поводу того, что я был с ним связан, но я старался сделать все, что только мог.

Наши первые номера резко отличались от всех газет, ранее выходивших в нашей провинции, лучшим шрифтом и тем, что они были гораздо лучше напечатаны. Но несколько моих замечаний о споре между губернатором Бернетом и собранием провинции Массачузетс вызвали много разговоров о газете и ее редакторе среди именитых людей, и через несколько недель все эти лица стали нашими подписчиками. Их примеру последовали многие другие, и тираж нашей газеты продолжал неуклонно возрастать. Это было одним из первых положительных результатов того, что я немного научился писать; другим результатом было то, что влиятельные лица, видя, что газета теперь находится в руках человека, умеющего обращаться и с пером, сочли нужным поддержать меня и помочь мне. До этого законы, избирательные бюллетени и прочие деловые бумаги печатал Бредфорд. Однажды он очень небрежно, с грубыми ошибками напечатал обращение Палаты к губернатору. Мы перепечатали его красиво и правильно и разослали всем членам Палаты. Они заметили разницу. Этот случай укрепил позиции наших друзей в Палате, и при их содействии нам было поручено печатание материалов Палаты на весь следующий год.

Говоря о моих друзьях в Палате, я не должен забывать уже упоминавшегося мистера Гамильтона, который тогда вернулся из Англии и занял депутатское место в Палате. Он принял во мне большое участие в этом случае, как впоследствии во многих других, и продолжал покровительствовать мне до самой своей смерти.

Примерно в это время мистер Вернон напомнил мне о деньгах, которые я ему был должен; но он не торопил меня. В ответном письме я выразил ему свою искреннюю благодарность и просил потерпеть еще немного, на что он согласился. При первой возможности я вернул ему долг с процентами и поблагодарил его, так что эта ошибка была до некоторой степени исправлена.

Но теперь возникла другая, совершенно неожиданная трудность. Отец мистера Мередита, обещавший мне заплатить за нашу типографию, смог ссудить нас только ста фунтами, которые и были уплачены, а остальные сто фунтов, причитавшиеся купцу, остались за нами; терпение купца истощилось, и он подал на нас судебный иск. Мы выставили поручителя, но видели, что, если деньги не будут во-время добыты, дело скоро дойдет до судебного решения и исполнения, и наши надежды на будущее погибнут вместе с нами, так как печатный станок и шрифты придется продать для уплаты долга, может быть, всего за полцены.

В эту тяжелую минуту ко мне, независимо один от другого, пришли два истинных друга, доброту которых я никогда не забывал и не забуду, пока мне будет служить память; оба, не

сговариваясь и без какой-либо просьбы с моей стороны, предложили ссудить меня необходимой суммой для того, чтобы я мог взять на себя все дело, если это будет осуществимо; но и тот и другой возражали против товарищества с Мередитом, которого, как они говорили, часто видели пьяным на улицах или за азартной игрой в пивных, что нас очень дискредитировало. Этими друзьями были Вильям Коулмен и Роберт Грейс. Я сказал им, что не могу предложить отделение, пока остается какая-либо надежда на то, что Мередиты выполнят свои обязательства, ибо я считаю себя весьма обязанным им за все, что они уже сделали и сделали бы в будущем, если бы смогли; но если они в конце концов не выполнят своих обещаний и наше товарищество придется расторгнуть, я сочту себя свободным принять помощь своих друзей.

Прошло еще некоторое время; наконец, я сказал моему компаньону: «Может быть, ваш отец не удовлетворен той ролью, которую вы взяли на себя в этом деле, и не хочет одалживать вам и мне того, что он одолжил бы вам одному. Если дело в этом, скажите мне, и я оставлю вам все дело и уйду». «Нет, — сказал он, — мой отец действительно был разочарован и действительно не может дать этих денег; а я не хочу обременять его более. Я вижу, что это дело не по мне. Меня готовили стать фермером, и с моей стороны было глупостью приехать в город и в тридцать лет взяться за новое ремесло и стать учеником. Многие из моих уэльских земляков собираются осесть в Северной Каролине, где земля дешева. Я хочу пойти с ними и приняться за мою прежнюю работу; вы же можете найти друзей, которые вам помогут. Если вы возьмете на себя долги нашей компании, вернете моему отцу те сто фунтов, которые он уплатил, заплатите мои личные мелкие долги и дадите мне 30 фунтов и новое седло, я откажусь от своей доли и оставлю все дело в ваших руках». Я согласился на это предложение; оно немедленно было записано, подписано и скреплено печатью. Я дал ему то, что он просил, и он вскоре отправился в Каролину; оттуда он прислал мне в следующем году два длинных письма, содержавших самый подробный отчет, какой когда-либо был написан об этой стране, — о ее климате, почве, животноводстве и т. п., так как в этих вопросах он прекрасно разбирался. Я напечатал эти письма в газете, и они имели большой успех.

Как только он уехал, я обратился к обоим моим друзьям, и так как я не хотел быть неблагодарным, отдав предпочтение кому-нибудь одному из них, я взял половину необходимой мне суммы, которую предложил каждый, у одного, а половину — у другого; я заплатил долги компании и продолжал вести дело от своего собственного имени, дав объявление о роспуске компании. Это было, кажется, в 1729 году или около этого.

Примерно в это время население начало остро нуждаться в бумажных деньгах, ибо в провинции находились в обороте только пятнадцать тысяч фунтов, причем и эти деньги должны были скоро рассосаться. Богатые жители протестовали против дополнительного выпуска, ибо они вообще были против бумажных денег из опасения, что они будут обесценены, как это случилось в Новой Англии в ущерб всем кредиторам. Мы обсудили этот вопрос у себя в Хунте; я стоял за дополнительный выпуск, ибо был уверен, что первое небольшое количество бумажных денег, выпущенное в 1723 году, принесло большую пользу. Благодаря этим деньгам расширилась торговля, было занято много рабочих рук и возросло население провинции; теперь все старые дома были заняты и строилось много новых, между тем как я хорошо помнил, что когда я впервые шел по улицам Филадельфии, жуя булку, на дверях многих домов на Уолнэт-стрит, между Секонд-стрит и Франт-стрит, а также на Честнэт-стрит и других улицах были наклеены билетики «сдается в наем», и у меня создалось впечатление, что жители этого города один за другим покидают его.

Благодаря нашим дебатам я настолько вошел в курс дела, что написал и напечатал анонимную брошюру по этому вопросу, озаглавленную «Природа и необходимость бумажных денег» [17].

Она встретила хороший прием среди простого народа, но богатым она не понравилась, так как увеличила и усилила требование дополнительного выпуска бумажных денег, а так как среди них не оказалось авторов, способных ответить на мою брошюру, то их оппозиция ослабла и закон о выпуске бумажных денег был принят большинством Палаты. Мои друзья в Палате, считавшие, что я оказал им услугу, сочли уместным вознаградить меня, поручив мне печатать бумажные деньги; это была выгодная работа, которая мне очень помогла. Так способность владеть пером доставила мне еще одно преимущество.

Время и опыт с очевидностью доказали пользу бумажных денег, так что впоследствии против них не выдвигалось серьезных возражений; количество бумажных денег вскоре возросло до пятидесяти пяти тысяч фунтов, а в 1739 году — до восьмидесяти тысяч; в течение всего этого времени торговля, строительство и численность населения непрерывно росли. Впрочем, теперь я считаю, что есть пределы, далее которых рост бумажных денег может оказаться вредным.

Вскоре после этого я получил через посредство моего друга Гамильтона заказ на печатание бумажных денег для Ньюкасла. Тогда я считал это выгодной работой; ведь малое кажется великим тем, кто имеет малые средства, а для меня

это было и в самом деле большим преимуществом и подспорьем. Благодаря мистеру Гамильтону я получил также печатание законов и избирательных бюллетеней правительства; эта работа оставалась у меня все время, пока я занимался типографским делом.

Тогда же я открыл небольшую лавочку писчебумажных принадлежностей, в которой продавались всевозможные бланки — самые безупречные, какие когда-либо у нас появлялись.

Была у меня и бумага, пергамент, книги для торговых записей. Мне помогал в этом деле мой друг Брайнтнал. Некий Уайтмэш — наборщик, с которым я познакомился в Лондоне, прекрасный рабочий, теперь приехал ко мне и аккуратно и усердно работал со мною. Кроме того, я взял ученика — сына Аквила Роуза.

Я начал постепенно выплачивать свой долг за типографию. Для того, чтобы обеспечить мой кредит и репутацию как торговца, я старался не только быть трудолюбивым и бережливым *в действительности*, но и избегать всякого *внешнего проявления* противоположных качеств. Я одевался просто, и меня никогда не видели в местах праздных развлечений. Я никогда не занимался ужением рыбы или охотой; книга, правда, иной раз отрывала меня от моей работы, но это случалось редко и оставалось незамеченным, так что не вызывало сплетен. Чтобы показать, что я не брезгаю своим делом, я иногда привозил домой бумагу, купленную мной в магазине, на тачке. Я слыл трудолюбивым и преуспевающим молодым человеком, аккуратно платящим по счетам. Купцы, ввозившие канцелярские принадлежности, просили у меня заказов; другие предлагали снабжать меня книгами, и дела мои шли прекрасно. Между тем дело Кеймера с каждым днем все более приходило в упадок, кредит его уменьшался, и, наконец, он вынужден был продать свою типографию, чтобы удовлетворить кредиторов. Он уехал на Барбадос и прожил там несколько лет в очень плохих условиях.

Его ученик Давид Гарри, которого я обучил, когда работал вместе с ним, купил материалы Кеймера и обосновался на его месте в Филадельфии. Вначале я опасался сильной конкуренции со стороны Гарри, так как его друзья могли ему в этом помочь и были в этом заинтересованы. Поэтому я предложил ему товарищество, которое он, к счастью для меня, с презрением отверг. Он был очень горд, одевался джентльменом, жил на широкую ногу, предавался развлечениям и удовольствиям за границей, залез в долги и запутал свое дело, которое вскоре пришло в упадок. Ему ничего не оставалось, как последовать за Кеймером на Барбадос, захватив с собой типографию. Там этот ученик нанял своего бывшего хозяина в качестве под-

мастерья; они часто ссорились, и Гарри постоянно был по уши в долгах. Наконец, он был вынужден продать шрифты и вернуться к сельскохозяйственным работам в Пенсильвании; человек, который купил их, нанял работать с ними Кеймера, который умер спустя несколько лет.

Теперь единственным моим конкурентом в Филадельфии остался старый Бредфорд, богатый и состоятельный человек; типографским делом он занимался мало и небрежно и не слишком о нем беспокоился. Однако, поскольку он заведовал почтовой конторой, его считали лучше информированным. Его газета считалась более подходящей для помещения объявлений, чем моя, и потому она всегда получала значительно больше объявлений, что было очень выгодно для него и убыточно для меня. Дело в том, что хотя в действительности я получал и рассылал газеты по почте, широкой публике это не было известно, ибо то, что я посылал, развозилось подкупленными мною конными почтальонами, которые получали мои материалы тайным образом, так как Бредфорд был настолько жесток, что запрещал делать это, к крайнему моему возмущению. Я находил его поведение настолько низким, что впоследствии, оказавшись в его положении, старался никогда ему не подражать.

Я продолжал столоваться у Годфрея, занимавшего с женой и детьми часть моего дома и имевшего один прилавок в моем магазине для продажи своих изделий из стекла, впрочем, он работал мало, ибо всегда был поглощен своими занятиями математикой. Миссис Годфрей задумала женить меня на дочери своего родственника. Она заботилась о том, чтобы мы часто встречались, пока я со своей стороны не начал серьезно ухаживать за этой девушкой, действительно обладавшей большими достоинствами. Родители поощряли меня, приглашали то и дело на ужин, оставляли нас наедине, пока, наконец, не настало время объясниться. Миссис Годфрей занялась нашим маленьким договором. Я сообщил, что ожидаю получить за дочерью ее родственника сумму, достаточную для уплаты оставшейся части долга за типографию, не превышавшей в то время, я думаю, ста фунтов. Она передала мне, что у них нет столько свободных денег. Я сказал, что они могут заложить свой дом. Через несколько дней последовал ответ, что они не одобряют этого брака, что, наведя справки у Бредфорда, они узнали, что типографское дело недоходное, что шрифты быстро изнашиваются и приходится покупать новые, что Кеймер и Давид Гарри потерпели один за другим неудачу и меня, вероятно, вскоре постигнет та же участь. Поэтому мне было отказано от дома, а дочери запрещено выходить на улицу.

Не знаю, было ли это действительно переменой мнения или только уловкой, рассчитанной на то, что наша взаимная при-

вязанность слишком велика, чтобы я мог пойти на попятный, и мы поэтому поженимся тайком, так что они смогут давать или не давать нам средства по своему усмотрению. Но я заподозрил этот мотив, возмутился им и больше не ходил в этот дом. Позже мисисс Годфрей принесла мне более благоприятные известия об их настроениях и пыталась снова наладить отношения, но я заявил, что безоговорочно решил никогда не иметь ничего общего с этой семьей. Это решение не понравилось Годфреям. Мы поссорились, и они уехали, оставив мне весь дом. После этого случая я решил больше не пускать жильцов.

Но это событие заставило меня серьезно подумать о женитьбе. Я огляделся вокруг и попытался завести в нескольких местах знакомства, но вскоре столкнулся с тем обстоятельством, что, так как типографское дело всюду считалось неприбыльным, я не мог рассчитывать получить за женой деньги, — разве только за такой, которая меня не устраивала в других отношениях. Между тем неукротимые страсти юношеского возраста часто толкали меня на связи с женщинами легкого поведения, которые встречались на моем пути, что влекло за собой известные расходы и большие неудобства, а также постоянную угрозу моему здоровью, особенно меня страшившую, хотя, к моему величайшему счастью, я избежал этой опасности.

Я продолжал поддерживать дружеские отношения с семейством Ридов — моими соседями и старыми знакомыми. Все они были ко мне расположены еще со времени моего первого пребывания в их доме. Меня часто приглашали и просили моего совета в делах, в чем я иногда был им полезен. Печальное положение бедной мисс Рид возбудило во мне жалость. Она была обычно в подавленном настроении и избегала общества. Ее редко видели веселой. Я считал свое легкомыслие и непостоянство во время пребывания в Лондоне главной причиной ее несчастья, хотя ее мать была настолько добра, что считала свою вину больше моей, так как она воспрепятствовала нашему браку до моего отъезда в Лондон и уговорила ее выйти за другого в мое отсутствие. Наше прежнее взаимное чувство пробудилось вновь, но теперь существовали большие препятствия нашему браку. Фактически ее брак считался недействительным; говорили, что первая жена ее мужа проживает в Англии, но это нелегко было доказать из-за дальности расстояния. Имелось сообщение о смерти ее мужа, но оно не было вполне достоверным. Затем, даже если бы это было так, он оставил много долгов, уплату которых могли бы потребовать от ее второго мужа. Однако мы пренебрегли всеми этими трудностями, и я женился на ней 1 сентября 1730 года. Ни одно из наших опасений не сбылось. Она оказалась хорошим и верным другом, много помо-

гала мне в обслуживании магазина, мы вместе трудились и всегда старались сделать друг друга счастливыми. Так я, насколько смог, исправил эту большую ошибку.

Приблизительно в это время собрания членов нашего клуба стали происходить не в таверне, а в маленькой комнате мистера Грейса, отведенной специально для этой цели. Я высказал мнение, что, поскольку нам часто приходится обращаться к нашим книгам для справок при исследовании обсуждаемых вопросов, будет удобнее держать их все вместе там, где мы встречаемся, чтобы в случае надобности мы могли их использовать. Если мы соберем книги в общую библиотеку, каждый из нас сможет пользоваться книгами всех других членов клуба, что будет почти так же выгодно, как если бы каждый владел всеми книгами. Предложение было одобрено, и мы снесли в нашу комнату все книги, без которых могли обойтись. Число книг оказалось не столь велико, как мы ожидали; и хотя они принесли большую пользу, однако возникли и некоторые неудобства в связи с недостатком должной заботы о них. Приблизительно через год коллекция распалась, и каждый снова взял свои книги домой.

Тогда я выдвинул свой первый общественный проект — проект библиотеки по подписке. Я набросал план и отдал сформулировать его нашему великому юристу Брокдену. С помощью моих друзей в Хунте я нашел пятьдесят подписчиков, которые внесли по сорок шиллингов в качестве вступительного взноса и затем должны были вносить по десять шиллингов в год в течение пятидесяти лет (срок действия нашего общества). Впоследствии мы заключили договор, и число членов общества было увеличено до ста человек; оно явилось родоначальником всех североамериканских библиотек по подписке, столь многочисленных в настоящее время. Это было большое событие, и значение его с течением времени все возрастало. Эти библиотеки расширили кругозор американцев, сделали обычных торговцев и фермеров столь же развитыми, как большинство джентльменов в других странах, и, может быть, в некоторой степени способствовали возникновению того сопротивления, которое оказали все наши колонии, защищая свои привилегии.

ГЛАВА VI

Когда я обосновался в Пенсильвании, то во всех колониях к югу от Бостона не было ни одного хорошего книжного магазина. В Нью-Йорке и Филадельфии печатники одновременно торговали и канцелярскими принадлежностями; но они продавали только бумагу, баллады, календари и кое-какие школь-

ные учебники. Любителям чтения приходилось посылать за книгами в Англию. Члены нашей Хунты имели небольшое количество книг. Мы перестали встречаться в таверне и перенесли свой клуб в специально снятую для этого комнату. И вот я предложил, чтобы все мы снесли в эту комнату все наши книги, где они не только будут под рукой во время наших заседаний, если понадобятся справки, но и окажутся общим достоянием, так как каждый из нас получит возможность брать любую из этих книг на дом. Так мы и сделали. В течение некоторого времени это мероприятие нас удовлетворяло.

Увидев преимущества, которые представляла эта маленькая коллекция книг, я предложил расширить круг читателей, организовав библиотеку на основе общественной подписки. Я составил проект плана и необходимых правил и попросил опытного нотариуса мистера Чарлза Брокдена придать этому проекту окончательный вид в форме статей юридического соглашения. На основе этого соглашения каждый подписчик должен был внести определенную сумму денег, предназначенную для основания библиотеки, а также платить годовой взнос для ее расширения. В то время в Филадельфии было так мало любителей чтения, а большинство из нас было так бедно, что я при всем старании не смог найти больше пятидесяти человек, главным образом молодых торговцев, которые согласились внести в виде вступительного взноса сорок шиллингов и платить ежегодно десять. С этого маленького фонда мы и начали. Книги были выписаны, библиотека была открыта для выдачи их подписчикам раз в неделю. Подписчики обязывались в случае задержки книг уплачивать двойную сумму за пользование библиотекой. Вскоре стало очевидно, насколько полезным было это учреждение, и оно вызвало подражания в других городах и провинциях. Число библиотек увеличивалось благодаря частным пожертвованиям, чтение вошло в моду, и наш народ за неимением публичных развлечений, которые отвлекали бы его от занятий, стал более начитанным, так что через несколько лет иностранцы отмечали, что у нас люди были более развиты и сведущи, чем люди того же общественного положения в других странах.

Когда мы собирались подписать вышеупомянутые правила, которые налагали обязательства на нас, наших наследников и т. д. на срок в пятьдесят лет, мистер Брокден, нотариус, сказал нам: «Вы молоды, но мало вероятно, что кому-либо из вас доведется дожить до истечения срока, указанного в этом документе». Тем не менее многие из нас еще живы, а первоначальные правила через несколько лет были ликвидированы и заменены документом, который расширил и увековечил компанию.

Те возражения и даже враждебность, с которыми мне пришлось столкнуться при вербовке подписчиков, заставили меня вскоре почувствовать неудобство положения, когда один человек выступает зачинщиком полезного дела. Может возникнуть мнение, что благодаря этому делу он чуть возвысится над своими соседями, в то время как он именно нуждается в их помощи, чтобы осуществить свой план. Поэтому я стал по возможности держаться в тени и представлять свой проект как замысел *многих друзей*, которые попросили меня обойти тех, кого они считали любителями чтения, и предложить его им. После этого дело пошло более гладко. В дальнейшем я всегда прибегал в подобных случаях к этому приему и, основываясь на своем успешном опыте, могу искренне его рекомендовать. Маленькая жертва, принесенная тщеславием в настоящем, в будущем будет вознаграждена сторицей. Если же останется невыясненным, кому принадлежат заслуги, и другие, еще более тщеславные, чем ты, решатся присвоить их себе, тогда даже зависть будет расположена воздать тебе должное, ощипав присвоенные перья и вернув их истинному владельцу.

Библиотека дала мне возможность усовершенствоваться благодаря постоянным занятиям, на которые я ежедневно выделял час или два. Эти занятия помогли мне возместить до некоторой степени отсутствие систематического образования, которое когда-то хотел дать мне мой отец. Чтение было единственным развлечением, которое я себе позволял. Я не тратил времени ни на таверны, ни на игры или другие увеселения и неутомимо продолжал трудиться в типографии, выполняя всю необходимую работу. Я был в долгах за свою типографию, я имел детей, которых скоро должен был воспитывать, у меня было двое конкурентов, с которыми я должен был бороться и которые обосновались в этих местах раньше меня. Однако мое положение с каждым днем улучшалось. Моя прирожденная привычка к бережливости сохранилась, а отец внушал мне в детстве в числе других наставлений притчу Соломона: «Видел ли ты человека, проворного в своем деле. Он будет стоять перед царями, он не будет стоять перед простыми». Поэтому я смотрел на трудолюбие как на средство достижения богатства и положения в обществе, и это поддерживало мое рвение, хотя я никогда не думал, что буду в буквальном смысле *стоять перед царями*, однако так и случилось: я стоял перед *пятью* королями и даже имел честь сидеть с одним из них за обедом, а именно, с королем Дании.

Английская поговорка гласит: «*Если хочешь преуспеть, проси об этом свою жену*». Для меня было большой удачей, что моя жена была такой же трудолюбивой и бережливой, как и я сам. Она охотно помогала мне в моем деле, складывая и сши-

вая брошюры, присматривая за магазином, скупая старые льняные тряпки для изготовления бумаги и т. п. Мы не держали праздных слуг, наш стол был очень простым, наша обстановка самой дешевой. Например, в течение долгого времени мой завтрак состоял из хлеба и молока (не чая), и я ел его оловянной ложкой из глипяной, двухпенсовой миски. Обрати, однако, внимание, как вкрадывается в семьи роскошь и делает успехи, невзирая ни на какие принципы: однажды утром я нашел свой завтрак в китайской чашке с серебряной ложкой! Они были куплены без моего ведома моей женой специально для меня и обошлись ей в колоссальную сумму двадцать три шиллинга; она думала, что ее муж заслуживает серебряной ложки и китайской чашки так же, как и любой из его соседей, — вот единственное, что она могла привести в оправдание своей покупки. Это было первым случаем появления столового серебра и фарфора в нашем доме; с течением времени, по мере роста нашего богатства их количество возросло и достигло стоимости нескольких сотен фунтов.

В религиозном отношении я был воспитан в пресвитерианских правилах; но, хотя некоторые догмы этого вероисповедания, такие, как вечные божественные законы, предопределение одних людей к спасению, а других — к осуждению и т. д., казались мне неразумными, другие сомнительными, и я рано перестал посещать публичные собрания секты, сделав воскресенье днем занятий, я никогда не утрачивал некоторых религиозных принципов. Например, я никогда не сомневался в существовании бога, в том, что он создал мир и управляет им своим провидением, что бог более всего любит делать добро людям, что наши души бессмертны и что все преступления будут наказаны, а добродетель вознаграждена здесь или в будущей жизни.

Эти принципы я считал сущностью всякой религии. Находя их во всех имевшихся в нашей стране вероисповеданиях, я уважал все эти вероисповедания, хотя в разной степени, так как находил, что в них примешиваются другие положения, которые отнюдь не имеют целью внушать, поддерживать и утверждать нравственность и служат главным образом тому, чтобы разделять нас и сеять между нами вражду. Это уважение ко всем вероисповеданиям, убеждение, что даже худшие из них оказывают некоторое хорошее воздействие, побудили меня избегать всяких рассуждений, которые могли бы ослабить приверженность другого человека к его религии; так как население нашей области непрестанно возрастало, постоянно возникала потребность в новых местах богослужения, которые сооружались на добровольные пожертвования, и я никогда не отказывался вносить на это свою скромную лепту, какова бы ни была при этом секта.

Хотя я сам редко посещал публичные богослужения, я все же считал их уместными и полезными, если только они правильно проводятся. Поэтому я регулярно делал свой ежегодный взнос в пользу единственного пресвитерианского священника или религиозного собрания в Филадельфии. Он иногда наносил мне дружеский визит и приглашал меня посещать его богослужения; время от времени я исполнял его желание — примерно в одно воскресенье из пяти. Если бы я находил его хорошим проповедником, то я может быть и продолжал бы посещать эти собрания, несмотря на то, что мне приходилось жертвовать для этого воскресным досугом, предназначенным для занятий. Но его проповеди по большей части посвящались либо полемике, либо объяснению частных догм нашей секты; все они казались мне очень сухими, неинтересными и непоучительными, поскольку они не ставили и не затрагивали ни одного морального принципа; их цель скорее состояла в том, чтобы сделать нас *пресвитерианами*, чем в том, чтобы сделать нас *хорошими гражданами*.

Наконец, он взял для темы своей проповеди следующий стих из четвертой главы послания к филиппийцам: «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте». И я думал, что в проповеди на такую тему он не сможет не коснуться морали. Но он ограничился только пятью пунктами, как будто апостол только и имел в виду, что: 1) соблюдение святости воскресного дня; 2) усердное чтение священного писания; 3) посещение в должное время общественных богослужений; 4) принятие таинств; 5) проявление должного уважения к служителям бога. Все это, возможно, было хорошо, но так как это было совсем не то, чего я ожидал от проповеди на этот текст, я потерял надежду услышать о том из какой-нибудь другой проповеди, возмутился и больше не посещал его проповедей. За несколько лет до этого (в 1728 году) я составил маленькую службу или своего рода молитву для собственного употребления, озаглавленную «Пункты веры и действия религии». Я вернулся к ее употреблению и не ходил больше на общественные религиозные собрания. Возможно, что мое поведение предосудительно; но я оставляю этот факт, не пытаясь приводить каких-либо извинений; цель моя состоит в том, чтобы изложить факты, а не в том, чтобы их оправдывать.

Приблизительно в это время я замыслил смелый и трудный план достижения *морального совершенства*. Я желал жить, никогда не совершая никаких ошибок, победить все, к чему могли меня толкнуть естественные склонности, привычки или общество. Так как я знал или думал, что знаю — что хорошо

и что плохо, то я не видел причины, почему бы мне *всегда* не следовать одному и не избегать другого. Но вскоре я обнаружил, что я поставил перед собой гораздо более сложную задачу, чем предполагал вначале. В то время как мое внимание было занято тем, как бы избежать одной ошибки, я часто неожиданно совершал другую; укоренившаяся привычка проявлялась, пользуясь моей невнимательностью; склонность оказывалась иногда сильнее разума. Наконец, я пришел к выводу, что простого разумного убеждения в том, что для нас самих лучше всего быть совершенно добродетельными, недостаточно, чтобы предохранить нас от промахов, и что прежде, чем мы добьемся от себя устойчивого, постоянно нравственного поведения, мы должны искоренить в себе вредные привычки. Для этой цели я выработал следующий метод.

В различных перечислениях *моральных добродетелей*, которые я встречал в прочитанных мною книгах, я находил большее или меньшее их число, так как различные писатели обозначали большее или меньшее количество идей одним и тем же именем. Например, *воздержание* некоторые сводили только к умеренности в еде и питье, другие же расширяли это понятие до ограничения всякого удовольствия, всякой склонности или страсти, телесной или духовной, даже честолюбия или скупости. Я решил для большей ясности стремиться скорее к большему количеству имен с меньшим количеством идей, связанных с каждым именем, чем к немногим именам с большим количеством определяемых каждым из них идей, и я обозначил тринадцатью именами все те добродетели, которые казались мне в то время необходимыми и желательными, связав с каждым именем краткое наставление, которое полностью выражало объем каждого понятия.

Вот названия этих *добродетелей* с соответствующими наставлениями:

1. *Воздержание.* — Есть не до пресыщения, пить не до опьянения.

2. *Молчание.* — Говорить только то, что может принести пользу мне или другому; избегать пустых разговоров.

3. *Порядок.* — Держать все свои вещи на их местах; для каждого занятия иметь свое время.

4. *Решительность.* — Решаться выполнять то, что должно сделать; неукоснительно выполнять то, что решено.

5. *Бережливость.* — Тратить деньги только на то, что приносит благо мне или другим, то есть ничего не расточать.

6. *Трудолюбие.* — Не терять времени попусту; быть всегда занятым чем-либо полезным; отказываться от всех ненужных действий.

7. *Искренность.* — Не причинять вредного обмана, иметь чистые и справедливые мысли; в разговоре также придерживаться этого правила.

8. *Справедливость.* — Не причинять никому вреда; не совершать несправедливостей и не опускать добрых дел, которые входят в число твоих обязанностей.

9. *Умеренность.* — Избегать крайностей; сдерживать, насколько ты считаешь это уместным, чувство обиды от несправедливостей.

10. *Чистота.* — Не допускать телесной нечистоты; соблюдать опрятность в одежде и в жилище.

11. *Спокойствие.* — Не волноваться по пустякам и по поводу обычных или неизбежных случаев.

12. *Целомудрие.* — . . . . . .

13. *Скромность.* — Подражать Иисусу и Сократу.

Я хотел выработать *навык* во всех этих добродетелях; с этой целью я решил не разбрасываться в погоне за всеми сразу, но в течение определенного времени сосредоточивать внимание только на одной добродетели; когда же я ею овладею, переходить к другой и так далее, пока, наконец, не приобрету все тринадцать. А так как одни из них облегчают приобретение других, то я расположил все добродетели в том порядке, в каком они перечислены выше. На первом месте я поставил *воздержание*, так как оно способствует приобретению хладнокровия и ясности мысли, необходимых там, где требуется непрестанная бдительность и охрана от упорной притягательной силы старых навыков и постоянных соблазнов. Приобретение и укоренение этого навыка облегчит *молчание*. Я стремился, совершенствуясь в добродетелях, одновременно приобретать знания и, считая, что в беседе полезнее слушать других, чем говорить самому, жаждал изжить в себе привычку к пустословию, каламбурам и остротам, которая делала меня всегда желанным гостем в обществе бездельников. Поэтому *молчание* я поставил на второе место. Я надеялся, что приобретение этого и следующего навыка — *порядка* позволит мне выделить больше времени как для осуществления моего проекта самоусовершенствования, так и для моих занятий. Навык *решительности* будет поддерживать меня в стремлении приобрести все дальнейшие добродетели; *бережливость* и *трудолюбие* освободят меня от долгов и обеспечат мне богатство и независимость, что в свою очередь облегчит приобретение навыков *искренности*, *справедливости* и т. д. и т. п. Сознавая в соответствии с советом Пифагора, высказанным в его замечательных стихах, необходимость ежедневного самоконтроля, я придумал следующий метод для его осуществления.

Я завел книжечку, в которой выделил для каждой добродетели по странице. Каждую страницу я разлиновал красными чернилами так, что получилось семь столбиков по числу дней недели; каждый столбик отмечался начальными буквами соответствующего дня недели. Затем я провел тринадцать горизонтальных линий и обозначил начало каждой строки первыми буквами названия одной из добродетелей. Таким образом, на каждой строке в соответствующем столбике я мог по надлежащей проверке отмечать маленькой черной точкой каждый случай нарушения соответствующей добродетели в течение того дня.

ОБРАЗЕЦ СТРАНИЦЫ

ВОЗДЕРЖАНИЕ —

есть не до пресыщения; пить не до опьянения

	Воскр.	Пон.	Вт.	Ср.	Чет.	Пят.	Субб.
В.							
М.	××	×		×		×	
П.	×	×	×		×	×	×
Р.			×			×	
Б.		×				×	
Т.			×				
И.							
Спр.							
У.							
Ч.							
Сп.							
Ц.							
Скр.							

Я решил уделять в течение недели строгое внимание приобретению каждого из этих навыков в указанной последовательности. Таким образом, в первую неделю моя главная забота состояла в том, чтобы избегать самого малого нарушения *воздержания;* другие же добродетели оставлялись на волю случая, я только отмечал каждый вечер промахи, сделанные в течение дня. Если на протяжении первой недели мне удавалось сохранить первую строку, отмеченную буквой В., чистой от точек, я заключал, что навык в этой добродетели настолько укрепился, а противоположный навык настолько ослаблен, что я могу отважиться расширить свое внимание и включить в его сферу вторую добродетель, чтобы в течение следующей недели держать свободными от точек обе строчки. Продолжая так вплоть до последней добродетели, я мог проделать полный курс в течение тринадцати недель, а за год пройти четыре таких курса. Я решил поступать подобно человеку, который, желая выполоть свой огород, не пытается сразу уничтожить всю сорную траву, что превосходило бы его возможности и силы, а трудится одновременно только на одной грядке и переходит ко второй лишь после того, как очистит первую. Так и я надеялся, что, постепенно очищая от точек строки своей книжечки, увижу на ее страницах свои успехи в приобретении добродетелей и, наконец, по прошествии нескольких курсов буду иметь счастье увидеть после тринадцатинедельного ежедневного испытания чистую книгу.

Моя книжечка имела три эпиграфа: во-первых, строки из «Катона» Эддисона:

> Я знаю, если высшая над нами сила есть
> (О том, что есть она, природа вопиет
> Во всех своих делах), то ей Добро угодно,
> И счастье — тех удел, кто ей угоден.

Во-вторых, из Цицерона:

«О, философия, руководительница жизни! О, изыскательница добродетелей, изгнательница пороков! Один день, прожитый хорошо и в соответствии с твоими предположениями, предпочтительнее вечности, проведенной в грехах».

Третий эпиграф книги был из притчей Соломоновых, где говорится о мудрости или добродетели:

«Долгоденствие в правой руке ее, а в левой у нее богатство и слава. Пути ее — пути приятные, и все стези ее мирные».

Считая бога источником мудрости, я решил, что будет правильно и необходимо испросить его помощь для достижения мудрости; с этой целью я составил следующую краткую молитву, которую поместил перед моими таблицами самопроверки, чтобы читать ее ежедневно:

«О, всемогущая благость! Щедрый отец! Милосердный руководитель! Возрасти во мне мудрость, которая откроет мне мое истинное благо. Укрепи мою решимость исполнять то, что предписывается мудростью. Прими добро, которое я делаю другим твоим детям, — только это могу я принести тебе в благодарность за твои постоянные милости ко мне». Я использовал также маленькую молитву, которую нашел в стихотворениях Томсона:

Света и жизни отец, ты всевышнее благо!
О, научи меня, что есть добро, научи меня сам!
От безрассудства, пороков, тщеславия душу спаси!
Низких желаний избави и душу мою ты наполни
Знанием, миром душевным и добродетелью чистой;
Неувядаемым, вечным, священным блаженством.

Заповедь *порядка* требовала, чтобы каждому делу было отведено определенное время. Поэтому одна страница моей книжечки содержала следующее расписание занятий в течение суток:

РАСПИСАНИЕ

	Часы	
УТРО		Встать, умыться и помолиться
Вопрос: Что я сделаю сегодня хорошего?	5	Всемогущему Богу.
	6	Продумать, чем буду заниматься
	7	сегодня, и принять решения на день; продолжить текущие занятия. Завтрак.
	8	
	9	Работа.
	10	
	11	
ПОЛДЕНЬ	12	Читать или просматривать счета.
	1	Обед.
ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЕ ЧАСЫ	2	Работа.
	3	
	4	
	5	
ВЕЧЕР	6	Привести все в порядок. Ужин.
Вопрос: Что я сделал хорошего за день?	7	Музыка, развлечение или беседа.
	8	Продумать истекший день.
	9	
НОЧЬ	10	
	11	Сон.
	12	
	1	
	2	
	3	
	4	

Я приступил к выполнению этого плана самоконтроля и осуществлял его со случайными перерывами в течение некоторого времени. Я был удивлен, найдя в себе гораздо больше

недостатков, чем предполагал, но я с удовлетворением видел, что они уменьшаются. Моя книжечка скоро стала полна дыр оттого, что я стирал на бумаге знаки старых ошибок, освобождая место для новых знаков при новых курсах. Чтобы не заниматься возобновлением ее время от времени, я перенес свои таблицы и наставления в записную книжку со страницами из слоновой кости, на которых линии были проведены стойкими красными чернилами; свои пометки я делал графитным карандашом, так что легко мог стирать их влажной губкой. Но вскоре я проделал за целый год всего один курс, затем один за несколько лет; наконец, я совершенно прекратил это занятие, так как путешествия и работа за границей, а также множество других дел поглощали все мое время; но я всегда носил с собой свою книжечку.

Самые большие трудности представляло для меня соблюдение моего распорядка дня. Я пришел к заключению, что такое расписание может применяться там, где род занятий человека позволяет ему самому распределять свое время, например, оно годится для рабочего-печатника; но его нельзя точно придерживаться хозяину, который должен общаться с миром и часто принимать деловых людей тогда, когда это им удобно. Мне было также чрезвычайно трудно соблюдать порядок в отношении места для вещей, бумаг и т. п. Я не был с детства приучен к *методу* и, обладая исключительно хорошей памятью, не испытывал больших неудобств вследствие отсутствия метода. Таким образом, этот пункт стоил мне мучительного напряжения внимания, а мои неудачи так меня раздражали и я делал столь малые успехи в исправлении этого недостатка и столь часто у меня случались рецидивы, что был почти готов оставить дальнейшие попытки и смириться с этим своим недостатком.

Я уподобился человеку, который, покупая топор у моего соседа — кузнеца, пожелал, чтобы вся поверхность топора так же блестела, как лезвие. Кузнец согласился отшлифовать для него весь топор, если только он будет вертеть колесо. Он вертел, а кузнец сильно нажимал лопастью топора на камень, что делало работу этого человека весьма тяжелой. Он то и дело отходил от колеса посмотреть, как идут дела, и наконец пожелал взять топор таким, каков он есть, без дальнейшей шлифовки. «Нет, — сказал кузнец, — верти, верти, мы понемножку сделаем его блестящим, а пока он только крапчатый!» — «Да, — ответил покупатель,— но я считаю, что крапчатый топор подходит мне больше всего». Думаю, что так случалось со многими, кто, не имея применявшихся мною средств, убедился, как трудно приобрести хорошие навыки и искоренить дурные в других вопросах порока и добродетели; вероятно, многие из них отказались от борьбы и пришли к выводу, что «*крапчатый*

топор — самый лучший». Ибо, что-то вроде голоса разума время от времени нашептывало мне, что такая крайняя щепетильность, которой я от себя требовал, может оказаться своего рода фатовством в морали, которое, стань оно известным, сделает меня смешным; что безупречный характер имеет свои неудобства, ибо он может вызывать зависть и ненависть; что благожелательный человек должен допустить в себе наличие нескольких недостатков, чтобы нуждаться в моральной помощи со стороны своих друзей.

Сказать по правде, я оказался неисправимым в отношении порядка. Теперь, когда я состарился и память моя ухудшилась, я остро чувствую этот свой недостаток. Но в целом, хотя я весьма далек от того совершенства, на достижение которого были направлены мои честолюбивые замыслы, мои старания сделали меня лучше и счастливее, чем я был бы без этого опыта; так те, которые стремятся выработать хороший почерк путем подражания выгравированным образцам, хотя никогда не достигают совершенства этих образцов, но все же их почерк от их стараний улучшается и делается сносным, а затем красивым и четким.

Я хотел бы, чтобы мои потомки знали, что именно этому маленькому изобретению, с божьего благословения, обязан их предок постоянным счастьем своей жизни вплоть до настоящего времени, когда он пишет эти строки в возрасте семидесяти девяти лет. Неизвестно, какие превратности жизни могут ожидать его в оставшиеся годы; все это во власти провидения; но, если они наступят, то память о прошлом счастье должна помочь ему перенести их с большим смирением. *Воздержанием* объясняет он свое хорошо сохранившееся здоровье и все еще крепкую организацию; *трудолюбию* и *бережливости* обязан он тем, что быстро добился улучшения своего положения, приобрел состояние и накопил все те знания, которые дали ему возможность стать полезным гражданином и принесли ему некоторую известность в ученом мире; *искренности* и *справедливости* он обязан доверием своей страны, почетными обязанностями, которые она на него возложила; а всем добродетелям в целом, даже в том несовершенном состоянии, которого он смог достичь, — ровностью своего характера и живостью беседы, которые делают его общество приятным и желанным даже для его молодых знакомых. Поэтому я выражаю надежду, что некоторые из моих потомков последуют моему примеру и пожнут такую же жатву.

Могут заметить, что, хотя мой план и не обходит полностью религиозных проблем, в нем, однако, нет и следа специфических догматов какой-либо отдельной секты. Я сознательно избегал их. Намереваясь со временем опубликовать свой метод,

в полезности и совершенстве которого я глубоко убежден, считая, что он может быть приемлем для людей всех вероисповеданий, я хотел избежать всего, что могло бы восстановить против моего метода какую бы то ни было секту, какие бы то ни было предрассудки. Я предполагал написать небольшой комментарий к каждой добродетели, в котором показал бы преимущества обладания ею, а также то зло, которое несет противоположный ей порок. Я хотел назвать эту книгу «Искусством добродетели», потому что она показала бы средства и способы достижения добродетели; в этом состояло бы ее отличие от простых увещаний быть добродетельными, ибо такого рода увещания ничему не учат и не указывают никаких способов. Они подобны человеку из послания апостола Иакова, сострадательному только на словах, который не указывает раздетым и голодным, где и как они могут достать пищу и одежду, а только желает им быть сытыми и одетыми.

Но мое намерение написать и издать этот комментарий так и не осуществилось. Время от времени я делал короткие заметки о мнениях, рассуждениях и т. д., чтобы использовать их в этой работе; некоторые из них сохранились до сих пор; но я все время откладывал исполнение своего замысла, так как мое внимание постоянно было поглощено другими делами: в молодости — частными, позднее — общественными. Я смотрел на этот труд, как на великий и обширный проект, осуществлению которого я должен буду отдаться целиком. Непредвиденные дела, следовавшие одно за другим, помешали мне это сделать, и мой замысел так и остался невыполненным.

В этом труде я хотел объяснить и развить следующую мысль: *порочные деяния не потому вредны, что они запрещены, но они именно потому и запрещены, что они вредны*, причем это объяснение было бы построено исключительно исходя из природы человека; следовательно, каждый должен быть заинтересован в том, чтобы быть добродетельным, если он желает быть постоянно счастливым даже в этом мире; и, поскольку в мире всегда найдется немало богатых торговцев, знатных людей, государств, князей, нуждающихся в честных работниках для ведения их дел, а честные люди очень редки, я хотел бы попытаться убедить молодых людей, что нет более благоприятных качеств, которые бы обеспечили счастье бедному человеку, чем *честность и искренность*.

Мой список сперва содержал только двенадцать добродетелей; но один из моих друзей, квакер, дружески меня уведомил, что меня все считают гордым; что моя гордость часто проявляется в беседе, что я не довольствуюсь своей правотой при обсуждении того или другого вопроса, но держу себя властно и вызывающе, и убедил меня в этом, приведя несколько приме-

ров; тогда я решил постараться излечиться, если смогу, в числе прочих и от этого порока или глупости; и я добавил к своему списку *скромность*, употребив это слово в самом широком смысле.

Я не могу похвастаться, что я *действительно* приобрел эту добродетель; но я многого добился в смысле ее внешнего проявления. Я взял за правило избегать прямого противоречия мнениям других, а также самоуверенного отстаивания своей точки зрения. Я даже запретил себе, в соответствии со старыми законами нашей Хунты, употреблять какие бы то ни было слова или выражения, передающие твердое мнение, например, *конечно*, *несомненно* и т. д.; вместо них я употреблял такие выражения, как *я полагаю*, *опасаюсь*, *думаю* или *мне так кажется в данный момент*. Когда другие утверждали что-либо, казавшееся мне ошибочным, я отказывал себе в удовольствии резко противоречить и немедленно показать абсурдность их утверждений; но и я начинал свой ответ с замечания, что в определенных условиях и при известных обстоятельствах это мнение было бы правильным, но в данном случае *мне кажется* или *представляется*, что дело обстоит иначе, и т. д. Вскоре я убедился в преимуществах этой новой манеры: мои беседы с другими людьми стали протекать более приятно. Скромная манера выражать свои мнения приводила к тому, что их скорее принимали и они вызывали меньше противоречия; если выяснялось, что я ошибался, это доставляло мне меньше огорчений; если я оказывался прав, мне было легче убедить других отказаться от ошибок и присоединиться к моей точке зрения.

И эта манера поведения, к которой я сначала насильственно приучал себя вопреки своей естественной склонности, стала, наконец, легкой для меня и столь привычной, что за последние пятьдесят лет никто не слышал, чтобы у меня вырвалось какое-либо догматическое утверждение. Думаю, что этой своей привычке (после моего качества — честности) я больше всего обязан тем, что мои соотечественники столь рано стали считаться с моим мнением, когда я предлагал ввести новые учреждения или изменить старые, а также своим большим влиянием в общественных советах, когда я стал их членом. Ибо я был плохим, некрасноречивым оратором, затруднялся в выборе слов, говорил не очень правильно и, несмотря на все это обычно проводил свою точку зрения.

В действительности, вероятно, из всех наших прирожденных страстей труднее всего сломить *гордость;* как ни маскируй ее, как ни борись с ней, души, умерщвляй ее, — она все живет и время от времени прорывается и показывает себя, что ты, может быть, увидишь, читая этот рассказ. Ибо, даже если бы я решил, что полностью преодолел ее, я, вероятно, гордился бы своей скромностью.

ГЛАВА VII

Я упомянул выше о великом и обширном проекте, который я задумал; мне кажется уместным дать здесь некоторое представление о его характере и целях. Он впервые возник в моем уме, вылившись в форму следующего маленького, случайно сохранившегося документа:

«*Замечания, сделанные при чтении истории, в библиотеке. 9 мая 1731 года.*

Великие мировые события, войны, революции и т. д. производятся и ведутся партиями.

Взгляды этих партий определяются их текущими общими интересами или тем, что они принимают за свои интересы.

Различие взглядов этих различных партий вызывает всю путаницу.

В то время как партия осуществляет общие цели, каждый человек преследует свои особые частные цели.

Как только партия достигнет общих целей, каждый человек начинает заботиться о своих частных интересах; тем самым он вступает в противоречие с другими, и в партии происходит раскол, что вызывает еще бóльшую путаницу.

Среди тех, кто занимается общественными делами, лишь немногие думают только о благе своей страны, что бы они при этом ни говорили; и, хотя их действия приносят реальное благо их стране, люди с самого начала рассматривают свои интересы как одно целое с интересами родины, поэтому они действуют не из альтруистических соображений.

Еще меньшее число людей руководствуется в общественных делах благом всего человечества.

На основании всего этого мне представляется в настоящее время уместным создание Объединенной партии добродетели: все добродетельные и хорошие люди всех наций должны объединиться в организованную партию, руководствующуюся благими и мудрыми правилами, которым, вероятно, эти добрые и мудрые люди будут более единодушно подчиняться, чем обычные граждане подчиняются общим законам.

Я думаю, что всякий, кто попытается правильно и хорошо исполнить это, не может не угодить богу и не добиться успеха».

Обдумывая этот проект, который я предполагал осуществить в будущем, когда мои обстоятельства позволят мне располагать необходимым досугом, я записывал время от времени на листках бумаги мысли, приходившие мне в голову по его поводу. Большинство этих листков потеряно; но я нашел один, с записью того, что я считал сущностью моей религии, содержащей, как я думал, основные положения всех известных религий и свобод-

ной от всего, что могло бы шокировать представителей того или иного вероисповедания, а именно:

«Существует один бог, который сотворил весь мир.

Своим провидением он управляет миром.

Ему следует поклоняться путем благоговения, молитвы и благодарения.

Но самое угодное служение богу состоит в том, чтобы делать добро людям.

Душа бессмертна.

Бог непременно вознаградит добродетель и накажет порок или здесь, или в загробной жизни».

Согласно моим представлениям в то время эта организация должна возникнуть и начать распространяться в первую очередь среди молодых и одиноких людей; для вступления в нее каждый желающий должен не только заявить, что он принимает эти религиозные положения, но и пройти по уже описанному мною образцу тринадцатинедельное испытание и практику в добродетелях; существование такого общества следует держать в секрете, пока оно не станет значительным, чтобы предотвратить просьбы о приеме со стороны недостойных лиц; но все члены должны искать среди своих знакомых способных, благонамеренных молодых людей, которым можно будет постепенно, с соблюдением необходимой предосторожности, сообщить план организации. Члены обязаны давать друг другу советы, оказывать помощь и поддержку, служить взаимным интересам, преуспеванию в жизни и в работе. Для отличия от прочих организаций мы должны называться *обществом свободных и спокойных* — свободных, так как постоянным упражнением в добродетели и приобретением навыка в ней мы освободили себя от господства порока; а также, между прочим, и потому, что благодаря трудолюбию и бережливости избавились от долгов, которые делают человека зависимым от кредиторов и как бы отдают его им в рабство.

Вот все, что я могу вспомнить сейчас об этом проекте. Помню также, что я сообщил его частично двум молодым людям, которые отнеслись к нему весьма одобрительно и с большим энтузиазмом; но вследствие моих стесненных обстоятельств и необходимости уделять все внимание работе я должен был отложить на некоторое время осуществление своего проекта; затем разнообразные занятия, общественные и личные, вновь и вновь заставляли меня откладывать этот замысел. Так проходило время, пока, наконец, у меня не осталось ни сил, ни энергии, необходимых для такого предприятия. Тем не менее я до сих пор думаю, что это был вполне осуществимый план, который мог бы оказаться весьма полезным и дать нашей стране многих добрых граждан. Меня не останавливали грандиозные

размеры предприятия, так как я всегда считал, что один мало-мальски способный человек может произвести большие перемены и совершить великие дела в мире, если он предварительно разработает хороший план и, отказавшись от всех развлечений или других занятий, которые могут его отвлечь, посвятит все свое внимание и силы выполнению этого плана.

В 1732 году я впервые опубликовал свой альманах под псевдонимом *Ричарда Саундерса;* он выходил после этого на протяжении почти двадцати пяти лет и был известен под названием «Альманаха бедного Ричарда». Я старался сделать его одновременно занимательным и полезным; в связи с этим на него был такой спрос, что я получал от него значительный доход, продавая ежегодно около десяти тысяч экземпляров. Видя, что он получил широкое распространение (едва ли во всей нашей провинции был такой уголок, где его не знали бы), я счел его подходящим средством для наставления простого народа, который едва ли покупал какие-либо другие книги. Поэтому я заполнил все промежутки между знаменательными датами в календаре краткими изречениями и поговорками, направленными главным образом на внедрение трудолюбия и бережливости, как средств достижения благосостояния, а тем самым обеспечения добродетели; человеку, находящемуся в нужде, труднее поступать всегда честно; как гласит одна из этих поговорок «пустому мешку *нелегко* стоять прямо».

Эти поговорки, содержащие мудрость многих поколений и народов, я собрал и оформил в виде последовательного рассуждения, предпосланного Альманаху 1757 года в форме речи мудрого старика к посетителям аукциона. Объединение всех этих разбросанных в разных местах советов придало им большую выразительность. Мой краткий сборник получил всеобщее одобрение и был опубликован всеми газетами американского континента, перепечатан в Англии на больших листах бумаги, чтобы вешать в домах; два перевода были сделаны во Франции, и большое количество экземпляров было куплено духовенством и джентри для бесплатной раздачи бедным прихожанам и арендаторам. Высказывалось мнение, что этот сборничек, осуждавший бесполезные траты на заграничные предметы роскоши, способствовал росту денежных фондов в Пенсильвании, который наблюдался там в течение нескольких лет после его опубликования.

Я рассматривал свою газету также как одно из средств наставления народа и с этой целью часто перепечатывал в ней извлечения из «Спектейтора» и моралистов, а иногда опубликовывал собственные небольшие статьи, написанные в свое время для прочтения в Хунте. В их числе был один из диалогов Сократа, доказывавший, что порочного человека нельзя

назвать в буквальном смысле слова умным, каковы бы ни были его способности и дарования, а также рассуждение о самоотречении, показывающее, что добродетель не является прочной до тех пор, пока она не станет навыком и не перестанет подвергаться влиянию противоположных склонностей. Все это можно найти в газетах начала 1735 года.

Издавая свою газету, я тщательно избегал всяких клеветнических и личных выпадов, которые позднее сделались столь постыдным явлением в нашей стране. Когда меня просили поместить в моей газете материалы этого рода, причем авторы обычно ссылались на свободу печати и утверждали, что газета должна быть подобна почтовой карете, в которой всякий, кто в состоянии заплатить, может занять место, я отвечал, что, если угодно, я могу напечатать это произведение отдельно, в количестве стольких экземпляров, сколько автор пожелает сам распространить; но что я отказываюсь заниматься распространением его клеветы и что, заключив контракт с моими подписчиками снабжать их тем, что или полезно, или занимательно, я не могу наполнять свою газету частной перебранкой, которая их не касается, ибо в таком случае совершу явную несправедливость. В настоящее время многие из наших издателей без малейшего угрызения совести служат злобным чувствам отдельных личностей путем ложного обвинения прекраснейших людей среди нас; они разжигают ненависть настолько, что дело доходит до дуэлей. Они по большей части так нескромны, что печатают непристойные измышления о правительствах соседних государств и даже о поведении наших лучших национальных союзников, что может привести к самым пагубным последствиям. Я упоминаю обо всем этом, чтобы предостеречь молодых издателей и побудить их не осквернять свою прессу и не дискредитировать свою профессию такими постыдными действиями, но всегда отказываться от материала подобного рода, они могут убедиться на моем примере, что это в общем не причинит ущерба их интересам.

В 1733 году я послал одного из моих рабочих в Чарлстон (Южная Каролина), где требовался печатник. Я снабдил его печатным станком и шрифтом; мы заключили соглашение, по которому я становился его компаньоном и должен был получать треть его доходов, уплачивая треть расходов. Он был человеком грамотным и честным, но невежественным в вопросах отчетности, и, хотя он иногда переводил мне деньги, я не мог ни получить от него точного отчета, ни добиться того, чтобы наше товарищество достигло при его жизни более или менее удовлетворительного состояния. Когда он умер, дело продолжала его вдова; эта женщина, рожденная и воспитанная в Голландии, где, как я знал, ведение книг входит в программу женского

образования, послала мне самый ясный отчет, какой только она могла составить о прошлых делах, и продолжала с величайшей регулярностью и точностью сообщать каждые три месяца о положении дел. Она вела дело так успешно, что не только прекрасно воспитала своих детей, но и по истечении срока смогла купить мою типографию для своего сына.

Я упоминаю об этом случае главным образом для того, чтобы рекомендовать нашим молодым женщинам эту область образования, которая в случае вдовства будет, вероятно, для них и их детей более полезна, чем музыка и танцы; умение лично вести дела оградит вдову от убытков, причиняемых обманом всякого рода ловких людей, и даст ей возможность продолжать, может быть, доходное торговое дело с установленными связями, пока не подрастет ее сын настолько, чтобы быть в состоянии взять на себя это дело и продолжать его к дальнейшему преуспеванию и обогащению семьи.

Около 1734 года к нам прибыл из Ирландии молодой пресвитерианский проповедник по имени Хемпхилл, читавший звучным голосом превосходные проповеди, которые он, казалось, импровизировал; эти проповеди вызывали большое стечение людей различных вероисповеданий; все дружно ими восхищались. Я стал в числе прочих одним из его постоянных слушателей; его проповеди нравились мне, так как они не страдали догматизмом, но настойчиво внедряли добродетельное поведение или то, что на религиозном языке называется *добрыми делами*. Однако те из нашей конгрегации, которые считали себя ортодоксальными пресвитерианами, не одобряли его взглядов; к ним присоединилось большинство старых священников, обвинивших Хемпхилла перед синодом в ереси, для того чтобы заставить его замолчать. Я стал его ревностным сторонником и всеми способами постарался создать партию его приверженцев.

Некоторое время мы боролись за него с надеждой на успех. Много было написано тогда за и против: обнаружив, что он, хотя и хороший проповедник, но плохой писатель, я написал для него два или три памфлета и одну статью для «Газеты» от апреля 1735 года. Эти памфлеты, как обычно бывает с полемической литературой, жадно читались в то время, но вскоре были забыты, и я сомневаюсь, чтобы хоть один их экземпляр сохранился до сегодняшнего дня.

В разгар этой полемики произошел неприятный случай, чрезвычайно повредивший Хемпхиллу. Один из противников нашей партии, прослушав его проповедь, вызвавшую всеобщее бурное восхищение, вспомнил, что он уже где-то читал эту проповедь или по крайней мере ее часть. Предприняв поиски, он обнаружил, что часть ее была напечатана со всеми подроб-

ностями в одном из номеров английского «Ревью» и была взята из речи доктора Фостера. Это открытие внушило многим из нашей партии отвращение к Хемпхиллу, и они от него отступились, что ускорило наше поражение в синоде. Я его не оставил, так как считал, что лучше читать хорошие проповеди, написанные другими, чем свои, да плохие, как делали все наши учители. Впоследствии он мне признался, что все его проповеди ему не принадлежали, и добавил, что благодаря своей прекрасной памяти он мог запомнить и воспроизвести любую проповедь, прочитав ее всего один раз. Когда мы потерпели поражение, он нас покинул и отправился искать счастья где-либо в другом месте. С тех пор я оставил конгрегацию и никогда ее больше не посещал, хотя продолжал в течение многих лет оказывать помощь по подписке ее служителям.

В 1733 году я начал изучать языки и вскоре настолько овладел французским, что был в состоянии свободно читать французскую литературу. После этого я принялся за итальянский. Один мой знакомый, также изучавший этот язык, часто приглашал меня сыграть с ним партию в шахматы. Увидев, что это отнимает слишком много времени от моих занятий, я отказался, наконец, играть с ним иначе, как на том условии, что победителю в каждой партии будет предоставлено право дать побежденному задание, состоящее либо из проработки какого-либо грамматического правила, либо из перевода; выполнение этого задания было делом чести для побежденного до нашей следующей встречи. Так как мы играли приблизительно одинаково, то мы таким образом заставляли друг друга изучать язык. Впоследствии я без большого труда настолько овладел испанским языком, что смог и на нем свободно читать.

Я уже упоминал о том, что учился в латинской школе только один год и притом в очень юном возрасте, после чего совершенно перестал заниматься этим языком. Но когда я познакомился с французским, итальянским и испанским языками, то, просматривая однажды латинское завещание, с удивлением обнаружил, что понимаю гораздо больше, чем ожидал. Это воодушевило меня возобновить изучение латинского языка, что я и сделал на этот раз с большим успехом, так как знание других языков весьма облегчило мою задачу.

На основании приобретенного опыта я понял, что в нашем общепринятом методе изучения языков имеется непоследовательность. Нам говорят, что надо начинать с латинского языка, знание которого облегчит изучение происшедших от него современных языков; при этом, однако, мы не начинаем с греческого, чтобы легче овладеть латынью. Конечно, если вы смогли вскарабкаться на вершину лестницы, не пользуясь ступенями,

то вы сможете при их помощи легко спуститься вниз; но несомненно, и то, что, если вы начнете подыматься с самой низшей ступени, вы легче достигнете вершины; поэтому я хочу предложить тем, кто заведует образованием нашей молодежи, подумать над следующим: поскольку многие, начиная с латыни, затрачивают на ее изучение несколько лет и останавливаются на этом, не добившись большого успеха, а все, что они усваивают, остается почти бесполезным, так что в конечном счете все время оказывается потерянным, то не лучше ли начинать с изучения французского, затем переходить к итальянскому и т. д. В этом случае, если изучающие потратят столько же времени, а затем вовсе бросят изучение языков и так никогда и не дойдут до латыни, они все же приобретут знание одного или двух живых языков, которые могут пригодиться им в повседневной жизни.

Когда мои обстоятельства улучшились, я совершил поездку в Бостон, где не был целых десять лет, и навестил своих родственников, чего ранее не мог себе позволить. На обратном пути я заехал в Ньюпорт повидаться со своим братом Джемсом, который в то время имел там типографию. Наши прошлые разногласия были забыты, и встреча получилась весьма сердечной и нежной. Здоровье его быстро ухудшалось. Чувствуя скорое приближение смерти, он попросил меня взять к себе, когда он умрет, его сына, которому было в то время всего десять лет, и обучить его типографскому делу. Я исполнил его просьбу и, прежде чем начать приучать мальчика к делу, отдал его на несколько лет в школу. Пока он не подрос, дело продолжала его мать. Я подарил ему новые шрифты, так как старые, служившие его отцу, износились. Таким образом я с избытком вознаградил своего брата за ущерб, причиненный ему моим ранним уходом от него.

В 1736 году я потерял одного из своих сыновей, славного мальчика четырех лет, умершего от оспы. Долгое время я горько упрекал себя и упрекаю до сих пор, что не позволил сделать ему прививку. Я упоминаю об этом ради родителей, которые избегают этого средства. Они говорят, что никогда не простят себе, если ребенок умрет от прививки; но мой пример показывает, что и в противном случае сожалеть приходится не меньше, следовательно, надо выбирать то, что менее опасно.

Наш клуб Хунта оказался столь полезным и давал такое удовлетворение своим членам, что некоторые из них пожелали ввести в него своих друзей. Но этого нельзя было сделать, не выходя за пределы того числа, которое мы считали наиболее необходимым, а именно — двенадцати. С самого начала одним из правил нашего устава было держать организацию в тайне, и это правило довольно хорошо соблюдалось. Целью его было

предотвращение просьб о приеме со стороны неподходящих лиц, которым, может быть, иной раз будет трудно отказать. Я был одним из тех, кто выступал против увеличения числа членов Хунты. Но взамен этого я внес в письменной форме предложение, чтобы каждый член нашего клуба попытался организовать подчиненный клуб с такими же правилами, вопросами и т. д., не сообщая его членам о их связи с Хунтой. Преимущества этого предложения состояли в следующем: через наши организации мы могли бы способствовать совершенствованию гораздо более широкого круга молодых людей; эти организации позволили бы нам лучше ознакомиться с настроениями населения во всех случаях, так как член Хунты мог бы ставить любые нужные нам вопросы и должен был сообщать Хунте обо всем, что происходит в его клубе; они служили бы нашим частным интересам в делах благодаря более широкой рекомендации и увеличили бы наше влияние в общественных делах и наши возможности делать добро, распространяя в нескольких клубах мнения и чувства Хунты.

Проект был одобрен, и каждый член попытался организовать свой клуб; но не все в этом преуспели. Было основано всего пять или шесть клубов. Они носили различные названия: «Лоза», «Союз», «Отряд» и др. Они были полезны и сами по себе, а нам они доставляли большое удовольствие, снабжали нас информацией и многому нас научили. Кроме того, они в немалой степени способствовали осуществлению нашей задачи — оказывать влияние в отдельных случаях на общественное мнение. Об этом я еще расскажу в дальнейшем, в соответствующих частях своего повествования.

Мое первое продвижение по службе состояло в избрании меня в 1736 году секретарем Генерального собрания. В тот год я был избран единогласно; но в следующем году, когда я снова выставил свою кандидатуру (секретарь, как и члены собрания, избирался на один год), один из новых членов произнес против меня длинную речь в пользу другого кандидата. Тем не менее я был избран. Это было для меня тем более приятно, что, кроме платы за непосредственное исполнение обязанностей секретаря, новое место доставляло мне большие возможности привлечь к себе внимание членов, которые обеспечивали меня заработком, давая печатать избирательные бюллетени, законы и бумажные деньги, а также другую случайную работу для публики, что в целом приносило немалый доход.

Поэтому мне весьма не понравилась оппозиция со стороны этого нового члена, богатого и образованного джентльмена, обладающего талантами, которые могли со временем обеспечить ему большое влияние в Палате, что впоследствии действительно и случилось. Я не стремился, однако, приобрести его располо-

жение, оказывая ему какие-либо раболепные знаки уважения; но спустя некоторое время я применил другой способ. Услышав, что в его библиотеке имеется очень редкая и интересная книга, я послал ему записку, в которой выразил свое желание прочитать эту книгу и попросил оказать мне любезность одолжить ее мне на несколько дней. Он прислал ее немедленно, и я вернул ее приблизительно через неделю с запиской, в которой горячо поблагодарил за его услугу. Когда мы следующий раз встретились в Палате, он заговорил со мной, чего раньше никогда не делал, и притом весьма любезно; и в дальнейшем он неизменно обнаруживал готовность оказывать мне услуги во всех случаях, так что мы вскоре стали большими друзьями, и наша дружба продолжалась до самой его смерти. Вот лишний пример справедливости усвоенного мною старинного изречения, которое гласит: «*Тот, кто однажды сделал вам добро, охотнее снова поможет вам, чем тот, кому вы сами помогли*». И этот случай показывает, насколько выгоднее благоразумно устранять вражду, чем злопамятствовать, платить злом за зло и продолжать враждебные действия.

В 1737 году полковник Спотсвуд, бывший губернатор Виргинии, а затем главный почтмейстер, недовольный поведением своего представителя в Филадельфии, его небрежностью в составлении отчетов и в пересылке денег, лишил его полномочий и предложил их мне. Я с радостью согласился. Эта должность оказалась весьма выгодной, несмотря на небольшое жалованье, так как она обеспечивала широкие связи, что благоприятно отразилось на моей газете; спрос на нее возрос, в ней стали помещать больше объявлений, и это давало мне значительный доход. Газета моего старого конкурента соответственно пришла в упадок, и я был удовлетворен тем, что не отомстил ему за его отказ в бытность почтмейстером разрешить развозить мои газеты конным почтальонам. Так он жестоко пострадал за свою небрежность в отчетах; и я привожу это как урок молодым людям, занимающимся ведением чужих дел, чтобы они всегда вели счета с большой четкостью и пунктуальностью. Эти качества служат лучшей рекомендацией в глазах нанимателей и лучшим залогом успеха в делах.

Теперь я начал подумывать о деятельности на общественном поприще; но начал я с малых дел. Одним из первых вопросов, на который, как я увидел, следовало обратить внимание, была охрана города. Она велась поочередно констеблями различных районов города; констебль брал себе на подмогу на ночь нескольких домовладельцев. Те, кто не хотел участвовать в этом деле, платили ему пять-шесть шиллингов в год отступного. Предполагалось, что эти деньги идут на наем замены, но в действительности они значительно превышали необходимую для этой

цели сумму, что делало должность констебля весьма доходной. А констебль за небольшую выпивку нередко набирал в качестве стражи таких оборванцев, что порядочные домовладельцы не хотели общаться с ними. Обходами они также часто пренебрегали и большую часть ночи проводили в попойках. Я написал доклад для Хунты, в котором говорилось обо всех этих злоупотреблениях, но главный упор делался на несправедливость выплаты шестишиллингового налога констеблю, независимо от состояния платящих; получалось, что бедная вдова-домовладелица, все состояние которой, охраняемое стражей, не превышало, может быть, пятидесяти фунтов, платила столько же, сколько и самый богатый торговец, имеющий на тысячи фунтов товаров в своих лавках.

В общем я предложил нанимать подходящих людей на постоянную работу, что обеспечивало бы более эффективную охрану города, а как наиболее справедливый способ получения средств предлагал обложение налогом, пропорциональным собственности. Эта мысль была одобрена Хунтой, а затем передана в другие клубы, но так, как будто она возникла именно в каждом из них. И хотя наш план не был немедленно проведен в жизнь, однако, подготовив умы людей к перемене, он подготовил почву для закона, принятого несколькими годами позже, когда влияние членов наших клубов возросло.

Приблизительно в это же время я написал доклад (сперва предназначавшийся для прочтения в Хунте, но затем опубликованный) о различных случайностях и беззаботности, которые вызывают в наших домах пожары, о мерах предосторожности против пожаров, о средствах для их предотвращения. Доклад признали полезным, о нем много говорили. На его основе вскоре возник проект образовать команду для более быстрого тушения огня и для взаимной помощи в деле выноса и спасения имущества, находящегося в опасности. Число членов этой организации вскоре достигло тридцати человек. Наше соглашение обязывало каждого члена держать всегда в полной исправности и в постоянной готовности определенное количество кожаных ведер, крепких мешков и корзин (для упаковки и переноса вещей), которые нужно было доставлять к каждому пожару. Мы условились устраивать раз в месяц общественные собрания, на которых высказывать и обсуждать наши соображения о том, как лучше бороться с огнем, чтобы затем использовать их в случаях пожара.

Вскоре стала ясной польза от этой организации, и число лиц, пожелавших принять в ней участие, оказалось больше, чем мы считали нужным для одной команды. Им посоветовали организовать вторую команду, что и было сделано. Этим дело не кончилось — новые команды продолжали организовываться одна

за другой, пока они не стали столь многочисленны, что включили в себя большинство жителей, владеющих собственностью. Команда, которую я организовал, названная Объединенной пожарной командой, продолжает существовать и процветать доныне, хотя со дня ее основания прошло более пятидесяти лет. Ее первые члены все умерли, за исключением меня и еще одного, старше меня на год. Небольшие штрафы, которые выплачивались членами в случаях пропусков ежемесячных собраний, пошли на покупку пожарных машин, лестниц, пожарных крюков и других полезных орудий для каждой команды. Думаю, что едва ли есть на свете город, снабженный лучшими средствами для прекращения пожаров. И в самом деле, за время, прошедшее после организации этих команд, наш город не потерял от пожара больше одного-двух домов за раз; и часто огонь удавалось потушить прежде, чем дом, в котором возник пожар, сгорал наполовину.

ГЛАВА VIII

В 1739 году к нам прибыл из Ирландии достопочтенный мистер Уайтфилд, прославившийся там как странствующий проповедник. Сначала ему было разрешено проповедовать в некоторых из наших церквей, но он пришелся не по душе духовенству, и оно очень скоро лишило его кафедры, так что он был вынужден проповедовать в окрестностях города. На его проповеди стекалось множество людей всех сект и вероисповеданий. Я тоже был в их числе. Меня всегда наводило на размышления необычайное влияние его ораторского искусства на слушателей, которые восхищались им и уважали его, хотя обычно он обличал их, называя «полуживотными и полудьяволами». Вскоре в образе жизни населения нашего города произошла поразительная перемена. Если раньше о религии не думали или были к ней безразличны, то теперь, казалось, весь свет стал религиозным; вечером нельзя было пройти по улицам города, чтобы не услышать пения псалмов, доносившегося из каждого дома.

Собираться на открытом воздухе в любую погоду было неудобно, и потому скоро было решено построить дом для собраний. Были назначены лица для сбора пожертвований, и за короткое время были собраны суммы, достаточные для покупки земли и постройки здания в сто футов длины и семьдесят футов ширины, т. е. размером примерно, с Вестминстер холл [18]. Работы велись с таким увлечением, что были завершены гораздо раньше, чем предполагалось. Дом и земля, порученные попечителям, могли быть использованы любым проповедником любых религиозных убеждений, который пожелал бы что-либо сказать жителям Филадельфии; ведь целью постройки было

не обслуживание какой-либо отдельной секты, а всего населения в целом, так что, даже если бы константинопольские муфтии [19] пожелали послать миссионера, чтобы проповедовать нам магометанство, то он нашел бы кафедру к своим услугам.

Покинув Филадельфию, мистер Уайтфилд проповедовал во всех колониях вплоть до Георгии. Заселение этой провинции началось недавно, но ее первыми жителями были не крепкие, трудолюбивые крестьяне, привычные к сельскохозяйственным работам — единственно пригодные для этой цели люди, а семьи разорившихся лавочников и других несостоятельных должников; среди них было много ленивых бездельников, выпущенных из тюрем. Попав в леса, все эти люди, не умеющие расчищать землю и неспособные переносить трудности нового поселения, гибли в огромном количестве, оставляя без всяких средств множество беспомощных детей. При виде их жалкого положения в великодушном сердце мистера Уайтфилда родилась мысль построить сиротский дом для содержания и воспитания таких детей. Вернувшись на север, он стал в своих проповедях призывать население к участию в этом добром деле и собрал большие пожертвования, ибо его красноречие обладало чудесной властью над сердцами и кошельками слушателей, примером чему могу служить я сам. Я не возражал против этого проекта, но, поскольку Георгия была тогда бедна материалами и рабочими руками и все это предполагалось выслать из Филадельфии, что потребовало бы больших расходов, я считал, что было бы лучше построить дом в Филадельфии и привезти детей сюда. Я посоветовал это, но он настаивал на своем первоначальном намерении и отверг мой совет; тогда я отказался внести пожертвование. Вскоре после этого мне случилось присутствовать на одной из его проповедей, по ходу которой я понял, что он собирается кончить сбором пожертвований, и я в душе решил, что от меня он ничего не получит. В кармане у меня была горсть медных монет, три или четыре серебряных доллара и пять золотых пистолей. Но, слушая его, я постепенно смягчился и решил отдать медяки. Через некоторое время его блестящее красноречие заставило меня устыдиться, и я решил пожертвовать серебро; а кончил он так прекрасно, что я опустошил весь свой карман, высыпав на поднос сборщика золото и все остальные монеты. На проповеди присутствовал также один из членов нашего клуба, разделявший мое мнение относительно постройки в Георгии; подозревая, что будет сбор, он из предосторожности очистил свои карманы, прежде чем выйти из дому. Но к концу проповеди ему очень захотелось сделать пожертвование, и он обратился к стоявшему с ним рядом соседу с просьбой одолжить ему немного денег. К несчастью, просьба эта была обращена к единственному, быть может, человеку во всем собрании,

твердость которого не была поколеблена проповедником. Он ответил: «В любое другое время, друг Гопкинсон, я охотно одолжил бы тебе деньги, но не сейчас, потому что ты, кажется, немного рехнулся».

Некоторые враги мистера Уайтфилда высказывали предположение, что он употребляет собранные деньги на свое собственное обогащение; но у меня, человека, близко знакомого с ним (я печатал его проповеди и дневники), никогда не возникало ни малейшего подозрения насчет его честности, и до сего дня я решительно считаю, что он был во всем своем поведении идеально честным человеком. Полагаю, что мое свидетельство в его пользу имеет тем более веса, что между нами не было религиозной связи. Действительно, он несколько раз молился о моем обращении, но ему так и не пришлось испытать удовлетворение от сознания, что его молитвы были услышаны. Это была чисто гражданская дружба, искренняя с обеих сторон и продолжавшаяся до самой его смерти.

Следующий пример позволит лучше понять характер наших отношений. В один из его приездов из Англии в Бостон он написал мне, что скоро должен приехать в Филадельфию, но не знает, где там остановиться, ибо, как он узнал, его прежний гостеприимный хозяин Бенезет переехал в Германтаун. Я ответил: «Вы знаете мой дом; если вас устраивают его скромные удобства, от души прошу вас быть моим желанным гостем». Он ответил, что если я делаю это любезное предложение во имя Христа, то буду за это вознагражден. На это я возразил: «Не заблуждайтесь на мой счет: я делаю это не ради Христа, а ради вас». Один из наших общих знакомых шутя заметил, что я, зная манеру святых переносить тяжесть благодарности за оказанную услугу со своих плеч на небо, постарался удержать ее на земле.

Последний раз я видел мистера Уайтфилда в Лондоне, где он советовался со мной насчет своего сиротского дома и говорил о своем намерении приспособить его для устройства колледжа.

У него был громкий и ясный голос и такая превосходная дикция, что его можно было слышать и понимать на большом расстоянии, тем более что его многочисленные слушатели всегда соблюдали полнейшую тишину. Однажды вечером он проповедовал с верхних ступеней здания суда, находящегося на перекрестке Маркит-стрит и Секонд-стрит. Обе улицы были переполнены слушателями. Я стоял в задних рядах на улице Маркит; из любопытства мне захотелось проверить, на каком расстоянии его можно слушать, и я стал отступать вниз по улице к реке; я отчетливо слушал его голос все время, пока не дошел до Франт-стрит, где уличный шум заглушил его. Мысленно построив полукруг, заполненный слушателями, на каждого из

которых я отвел по два квадратных фута, с радиусом, равным расстоянию до меня, я подсчитал, что его могут хорошо слышать более тридцати тысяч человек. Это примирило меня с газетными отчетами, в которых говорилось, что его слушало за городом двадцать пять тысяч человек, и с рассказами древних о генералах, обращавшихся с речами к целым армиям, в чем я иногда сомневался.

Часто слушая его, я научился легко отличать недавно сочиненные проповеди от тех, которые он неоднократно произносил во время своих путешествий. Чтение последних было доведено частым повторением до высокого совершенства; каждый звук, каждое ударение, каждая модуляция голоса были так хорошо отработаны и расставлены, что, даже не интересуясь темой, нельзя было не получить от речи удовольствия, подобного тому, которое мы получаем от прекрасной музыки. Странствующие проповедники имеют это преимущество перед проживающими на одном месте, ибо последние не могут совершенствовать чтение своих проповедей столь частым повторением.

То, что он писал и печатал, время от времени давало сильное оружие в руки его врагов; неосторожные выражения и даже ошибочные мнения, высказанные в устной проповеди, могут быть впоследствии объяснены или смягчены ссылкой на другие высказывания в той же проповеди, от них можно даже отречься, но litera scripta manet*. Критики яростно нападали на его произведения, и их аргументация казалась настолько убедительной, что им удалось уменьшить число его приверженцев и прекратить их возрастание. И я убежден, что если бы он никогда ничего не писал, то оставил бы после себя гораздо более многочисленную и влиятельную секту, и его слава все больше возрастала бы после его смерти; ибо критика, не имея возможности сослаться на его писания, не могла бы его унизить, а его восторженные прозелиты могли бы свободно приписывать ему всевозможные замечательные качества.

Мое коммерческое предприятие все более разрасталось, и дела шли с каждым днем лучше, ибо моя газета, которая одно время была чуть ли не единственной в нашей и соседних провинциях, приносила большой доход. К тому же я на себе испытал всю справедливость поговорки: «После того как добыта первая сотня фунтов, гораздо легче добыть вторую», ибо по самой своей природе одни деньги притягивают другие.

Компаньонство в Каролине оказалось успешным, и это побудило меня вступить в другие товарищества. Я повысил нескольких моих рабочих хорошего поведения, поручив им заведование типографиями в различных колониях на тех же условиях,

---

* Написанное остается. — *Ред.*

что и в Каролине. Многие из них разбогатели и смогли по истечении срока договора (6 лет) купить у меня шрифты и повести дело самостоятельно; таким образом, несколько семей значительно улучшили свое положение. Компаньонство часто кончается ссорами, но я был счастлив в этом отношении; наши дела всегда велись успешно и кончались дружески; думаю, одной из основных причин этого было то, что в наших контрактах всегда очень точно предусматривались обязанности каждого партнера, так что спорить было не о чем. Такую предосторожность я рекомендую всем, кто вступает в товарищество, ибо, как бы ни было велико уважение и доверие партнеров друг к другу в момент заключения контракта, впоследствии всегда могут возникнуть из-за каких-нибудь мелочей ревнивые и недружелюбные чувства, мысли о неравном распределении тягот и забот, паев и т. д., что часто сопровождается разрывом дружбы и прекращением всяких отношений, а иногда даже судебными процессами и другими неприятными последствиями.

В общем у меня было достаточно причин быть довольным тем, что я обосновался в Пенсильвании. Но все-таки два обстоятельства вызывали мое недовольство: в Пенсильвании не было средств ни для защиты населения, ни для законченного образования молодежи: ни милиции, ни какого-либо колледжа. Поэтому в 1743 году я выдвинул предложение основать академию и, считая достопочтенного мистера Петерса, бывшего в то время не у дел, подходящим лицом для надзора над такого рода учреждением, сообщил ему свой план. Но он имел более благоприятные виды (впоследствии осуществившиеся) на службу у собственников и потому отклонил это предложение; не зная в то время другого лица, подходящего для попечительства, я отложил на некоторое время осуществление своего плана. Бо́льший успех я имел в следующем, 1744 году, когда я предложил и основал философское общество. Статью, написанную с этой целью, можно найти в моих бумагах, если только она не затерялась.

Что касается защиты, то мы оказались вовлеченными в большую опасность, ибо к Испании, уже несколько лет воевавшей против Великобритании, присоединилась и Франция, а упорные и долгие старания нашего губернатора Томаса убедить собрание, состоявшее из квакеров, принять закон о милиции и осуществить другие меры по обеспечению безопасности провинции, оказались бесплодными; поэтому я решил попробовать, к чему может привести добровольная подписка населения. Сначала, чтобы подготовить почву, я написал и опубликовал статью, озаглавленную «Простая истина», где в энергичных выражениях изобразил наше беспомощное положение, доказывая необхо-

димость объединения и дисциплины для защиты, и обещал через несколько дней предложить на общую подпись план создания ополчения для этой цели. Статья имела неожиданный бурный успех. Мне было предложено создать это ополчение. Разработав план с несколькими друзьями, я назначил собрание граждан в упоминавшемся раньше большом здании. Помещение было переполнено; я заготовил определенное количество печатных копий своего плана и позаботился о том, чтобы по всей комнате в разных местах имелись чернила и перья. Я обратился к собравшимся с небольшой речью, зачитал бумагу, объяснил ее, а затем роздал копии, которые без всяких возражений с энтузиазмом были подписаны.

Когда все разошлись и бумаги были собраны, по подсчете оказалось около тысячи двухсот подписей, а так как другие копии были разосланы по всей провинции, число записавшихся составило в конечном счете более десяти тысяч. Все они обзавелись, как только смогли, оружием, объединились в роты и полки, избрали офицеров и собирались каждую неделю, чтобы обучаться ружейным приемам и другим видам военной подготовки. Женщины по подписке между собой изготовили шелковые знамена, украшенные предложенными мною эмблемами и девизами, которые они подарили ротам.

Офицеры рот, входивших в филадельфийский полк, избрали меня на своем собрании полковником; но я, считая себя не подходящим для этого поста, отказался и рекомендовал мистера Лоуренса, превосходного человека, пользовавшегося большим влиянием, который и был назначен. Затем я предложил провести лотерею, чтобы оплатить расходы по возведению батареи за городом и приобретению для нее орудий. Сборы поступили быстро, и вскоре была возведена батарея с зубцами, обложенными бревнами и заполненными землей. В Бостоне мы купили несколько старых пушек, но так как этого было недостаточно, мы написали в Англию, прося прислать еще, и в то же время обратились, хотя и без особой надежды, за помощью к нашим собственникам.

Тем временем ополченцы послали полковника Лоуренса, Вильяма Аллена, Абрахама Тейлора и меня в Нью-Йорк с поручением одолжить несколько пушек у губернатора Клинтона. Сначала он решительно нам отказал, но на обеде с его советниками, где по местному обычаю было выпито много мадеры, он постепенно смягчился и сказал, что одолжит нам шесть пушек. Еще несколько бокалов, — и он дошел до десяти; наконец, он настолько смилостивился, что согласился дать восемнадцать. Эти прекрасные восемнадцатифунтовые орудия с лафетами были вскоре перевезены и установлены на нашей батарее, где ополченцы несли ночную вахту все время, пока продолжалась война;

я в числе прочих регулярно заступал свою очередь, как простой солдат.

Губернатор и совет одобрительно отнеслись к моей деятельности и, посвятив меня в свои дела, советовались со мной по поводу каждой меры, где их содействие могло бы быть полезным для ополчения. Я предложил им опереться на помощь религии и объявить пост, чтобы возбудить религиозные чувства и призвать благословение неба на наше предприятие. Они согласились с этим, но секретарь не имел прецедента, на основе которого он мог бы составить обращение, так как это должен был быть первый пост во всей провинции. То, что я получил образование в Новой Англии, где пост объявляется каждый год, оказалось здесь известным преимуществом; я составил обращение в обычном стиле, оно было переведено на немецкий язык, напечатано на немецком и английском языках и распространено по провинции. Таким образом, духовенство различных сект получило возможность побуждать свою паству присоединиться к ополчению, и оно, возможно, стало бы всеобщим (исключая квакеров), если бы всему этому вскоре не положило конец заключение мира.

Некоторые мои друзья считали, что моя деятельность по созданию ополчения оскорбит секту квакеров и, следовательно, повредит моим интересам в собрании провинции, где они составляли подавляющее большинство. Один молодой человек, также имевший друзей в собрании и желавший заменить меня на посту секретаря, сообщил мне, что меня решено сместить на следующих выборах, и благожелательно посоветовал мне самому уйти в отставку, что было бы более почетно, чем быть отставленным. Я ответил ему, что я где-то читал или слышал об одном общественном деятеле, принявшем за правило никогда не просить о должности и никогда не отказываться от той, которую ему предлагали. «Я одобряю это правило, — сказал я, — и буду придерживаться его с небольшим добавлением: я никогда не буду *просить* о должности, *отказываться* от нее или *добровольно оставлять* ее. Если они желают передать мою должность секретаря другому, то они могут отнять ее у меня. Я не хочу, добровольно отдавая ее, утратить право предпринять когда-нибудь ответные меры против моих соперников».

Но больше я об этом ничего не слышал, и на следующих выборах меня снова, как всегда, единодушно избрали секретарем. Возможно, они были бы довольны, если бы я добровольно оставил их, так как им не нравилась моя близость к членам совета, поддерживавшим губернаторов во всех спорах по поводу военных приготовлений, уже давно беспокоивших Палату; но они не могли сместить меня только из-за моего усердия в делах, связанных с ополчением, а других причин они выставить не могли.

Впрочем, я имел основания думать, что защита страны была не так уж неприятна любому из них, при условии, что от них не требовали участия в этом. И я обнаружил, что гораздо бо́льшее количество квакеров, чем можно было бы подумать, явно стояло за оборонительную войну, хотя и против наступательной. По этому вопросу было опубликовано много статей pro и contra; авторами некоторых из них были истые квакеры, высказывавшиеся в пользу обороны; думаю, это убедило большую часть их молодежи.

Одно мероприятие в нашем обществе по борьбе с пожарами позволило мне лучше понять преобладавшие среди них мнения. Было предложено для поощрения плана возведения батареи вложить наш наличный капитал, равный тогда шестидесяти фунтам, в лотерейные билеты. По нашим правилам деньги не могли быть использованы до следующего заседания после выдвижения предложения. Общество состояло из тридцати членов, из которых двадцать два были квакеры и только восемь разделяли наши убеждения. Наша восьмерка в назначенное время явилась на собрание; но, хотя мы и полагали, что некоторые квакеры присоединятся к нам, мы нисколько не были уверены, что окажемся в большинстве. Из квакеров явился только один — мистер Джемс Моррис, пришедший, чтобы противодействовать мероприятию. Он выразил глубокое сожаление по поводу того, что оно было предложено, так как, по его словам, все «Друзья» (секта квакеров) были против, и утверждал, что оно породит такие разногласия, которые могут расколоть общество. Мы сказали ему, что не видим причин для этого; мы составляем меньшинство, и, если «Друзья» против мероприятия и забаллотируют нас, мы должны будем подчиниться и подчинимся, как это обычно бывает во всех обществах. Когда пришло время решать дело, вопрос был поставлен на голосование; он согласился, что по правилам мы можем уже голосовать, но так как он может заверить, что определенное число членов собиралось присутствовать, чтобы выступить против, то было бы справедливо немного подождать их.

Пока мы обсуждали все это, пришел слуга и сказал, что два джентльмена внизу желают поговорить со мной. Я спустился вниз и увидел там двух наших членов, квакеров. Они сказали мне, что восемь из них собралось рядом в таверне и что они решили прийти и голосовать с нами, если это будет нужно, но надеются, что дело не дойдет до этого; они выразили желание, чтобы мы не обращались к их помощи, если мы можем без нее обойтись, ибо если они будут голосовать за такое мероприятие, это может рассорить их с их старейшинами и друзьями. Таким образом, я мог быть уверенным в том, что нам будет обеспечено большинство. Поднявшись наверх, я после непродолжительного

притворного колебания согласился подождать еще час. Мистер Моррис признал это весьма благородным поступком. К его величайшему удивлению, ни один из его друзей, противников нашего мероприятия, не явился, и по истечении часа мы провели решение большинством в восемь голосов против одного; так как из двадцати двух квакеров восемь было готово голосовать с нами, а тринадцать продемонстрировало своим отсутствием нежелание противодействовать мероприятию, то впоследствии я считал, что среди квакеров количество искренних противников обороны выражалось соотношением — один к двадцати одному. Ибо все эти двадцать один человек были постоянными и уважаемыми членами общества и прекрасно знали о том, какое предложение выдвигалось на этом собрании.

Почтенный и образованный мистер Логен, член этой секты, написал обращение к ним, заявляя, что одобряет оборонительную войну, и подкрепил свое мнение многочисленными убедительными аргументами. Он вручил мне шестьдесят фунтов на лотерейные билеты для батареи с указанием полностью употребить их на это дело, каковы бы ни были цены. Говоря об обороне, он рассказал мне следующий анекдот о своем старом хозяине Вильяме Пенне. Молодым человеком мистер Логен приехал из Англии вместе с этим собственником в качестве его секретаря. Шла война, и их корабль подвергся преследованию вооруженного судна, как предполагалось — вражеского. Их капитан приготовился к защите, но Вильяму Пенну и его друзьям — квакерам он сказал, что не ожидает от них помощи и что они могут удалиться в каюту; так они все и сделали, за исключением Джемса Логена, который предпочел остаться на палубе и был поставлен к пушке. Предполагаемый враг оказался другом, так что сражения не произошло; но когда секретарь спустился вниз, чтобы сообщить это известие, Вильям Пенн стал сурово укорять его за то, что он остался на палубе и, вопреки принципам «Друзей», собирался помочь в защите судна, тем более что капитан даже не требовал этого. Секретаря обидел этот выговор, сделанный в присутствии всех остальных, и он ответил: «Ведь я твой слуга, почему же ты не приказал мне спуститься вниз? Но ты сам хотел, чтобы я остался и помог вести бой с судном, когда ты думал, что есть опасность».

На протяжении многих лет моей деятельности в собрании, большинство которого неизменно составляли квакеры, я часто имел возможность видеть, какие затруднения создавали для них их противовоенные принципы, когда по приказу короны им предъявлялось требование отпустить средства на военные цели. Они не решались ответить прямым отказом, чтобы не оскорбить правительство, и опасались проявить уступчивость, противоречащую их принципам, чтобы не вызвать недовольства

своих «Друзей». Поэтому им приходилось прибегать к самым различным уловкам, чтобы избежать уступок или замаскировать их, когда они были неизбежны. Наконец, вошло в обычай отпускать средства под прикрытием фразы «на нужды короля» и не справляться, на что они были потрачены.

Но эта фраза оказывалась непригодной, если требование исходило не непосредственно от короны: в таких случаях приходилось придумывать что-нибудь другое. Так, когда был нужен порох (кажется, для гарнизона в Луисбурге) и правительство Новой Англии, поддержанное в палате губернатором Томасом, запросило его у Пенсильвании, квакеры не могли отпустить деньги на покупку пороха, так как это военное средство, но голосовали за помощь Новой Англии в размере трех тысяч фунтов, которые должны были быть вручены губернатору и употреблены на закупку хлеба, муки, пшеницы «или другого зерна». Некоторые члены совета, желая создать еще большие затруднения для Палаты, советовали губернатору не принимать этих средств, так как это не то, что он просил; но он ответил: «Я возьму эти деньги, так как я хорошо понимаю, что они имеют в виду: *другое зерно* — это порох». Так он и поступил — купил порох, и квакеры против этого не возражали.

Когда в нашем обществе по борьбе с пожарами возникли опасения за успех предложенной нами лотереи, то, намекая на этот случай, я сказал моему другу мистеру Сингу, одному из членов общества: «Если нас постигнет неудача, давайте предложим купить на эти деньги пожарную машину; у квакеров не будет оснований возражать против этого; и тогда, если вы выдвинете в комиссию для этой цели меня, а я вас, мы купим большую пушку, которую, несомненно, можно назвать пожарной машиной». «Я вижу, — сказал он, — что благодаря долгому пребыванию в собрании вы многому научились; ваше двусмысленное предложение вполне может соперничать с их «пшеницей или другим зерном»».

В связи с этими затруднениями, которые испытывали квакеры вследствие того, что установили и провозгласили в качестве принципа, что никакая война не является законной, и впоследствии не могли без больших затруднений отказаться от уже провозглашенного принципа, хотя, возможно, и изменили свои взгляды в этом отношении, я хочу упомянуть о более благоразумном, как я думаю, поведении другой секты, а именно — дункеров. Я познакомился с одним из ее основателей, Майклом Уэлфаром, вскоре после ее возникновения. Он жаловался мне, что на них грубо клевещут фанатики других убеждений и обвиняют их в отвратительных действиях и принципах, которые им совершенно чужды. Я сказал ему, что так всегда бывает с новыми сектами и что для прекращения подобных обвинений, мне

кажется, им надо было бы опубликовать принципы своего верования и правила своей дисциплины. Он сказал, что у них уже выдвигалось такое предложение, но его отвергли по следующей причине: «Когда мы впервые объединились в общество, — сказал он, — богу было угодно просветить наши умы, и мы увидели, что некоторые доктрины, считавшиеся правильными, являются заблуждением, а другие, которые мы считали заблуждением, являются истинной правдой. Ему было угодно время от времени еще просвещать нас, и наши принципы совершенствовались, а наши заблуждения уменьшались. Теперь мы не уверены, что находимся в конце этого пути и достигли полного совершенства духовного или теологического знания, и мы опасаемся, что если мы опубликуем наше вероисповедание, то будем чувствовать себя как бы связанными и ограниченными им и, наверное, не пожелаем дальнейшего совершенствования, а наши потомки тем более не пожелают этого, ибо будут считать то, что сделали их предки и основатели секты, чем-то священным и неизменным».

Вероятно, такая скромность со стороны секты является единственным примером в истории человечества, ибо каждая секта считает, что она обладает всей полнотой истины, а все остальные, отличающиеся от нее, всецело погрязли в заблуждениях. Их можно сравнить с человеком, путешествующим в туманную погоду: людей на некотором расстоянии перед собой он видит в тумане, а также всех, кто идет сзади и по сторонам; но вокруг себя он видит на небольшом расстоянии ясно, хотя в действительности он, так же как и все, окутан туманом. В последнее время квакеры, чтобы избежать подобного рода затруднений, постепенно начали отказываться от общественной деятельности в собрании и в магистратуре, предпочитая отказаться от своей власти, чем от своих принципов.

Соблюдая последовательность в изложении событий, я должен был бы еще раньше упомянуть, что в 1742 году я изобрел открытую печь для лучшего обогревания комнат при одновременной экономии топлива, так как впускаемый воздух обогревался при входе. Модель этой печи я подарил мистеру Роберту Грейсу, одному из моих старых друзей. У него был горн, и он занялся отливкой плит для этих печей, что оказалось весьма выгодным делом, так как спрос на них все возрастал. Чтобы повысить этот спрос, я написал статью, озаглавленную: «*Отчет о недавно изобретенных пенсильванских каминах, где подробно объясняется их конструкция и способ действия, доказывается их преимущество перед всеми другими способами обогревания комнат и рассматриваются и опровергаются все возражения, выдвинутые против их использования*» [20] и т. д. Статья имела большой успех; губернатор Томас был так доволен описанной в ней конструкцией, что предложил мне патент на исключи-

тельное право продавать камины в течение определенного времени, но я отказался из принципа, который всегда имел для меня большой вес в подобных случаях, а именно: *если мы охотно пользуемся большими преимуществами от чужих изобретений, то мы должны быть рады случаю послужить другим своим изобретением, и мы должны это делать бескорыстно и великодушно.*

Но какой-то лондонский торговец скобяными изделиями, порядочно позаимствовав из моей статьи и переработав ее по-своему, сделав небольшие изменения в машине, которые скорее мешали ее действию, взял там на нее патент и, как я слышал, заработал себе на этом состояние. И это не единственный случай, когда другой получал патент на мое изобретение, хотя и не всегда с таким успехом; но я их никогда не оспаривал, ибо сам не имел желания извлекать выгоду из патентов и ненавидел споры. Применение этих каминов во многих домах в Пенсильвании и соседних с нею штатах давало и дает жителям большую экономию дров.

ГЛАВА IX

Так как мир был заключен и дела в ополчении закончились, я снова начал подумывать об учреждении академии. Я начал с того, что посвятил в свой план целый ряд энергичных друзей, многие из которых были членами Хунты. Затем я написал и опубликовал статью под заглавием «*Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании*» [21]. Эту статью я бесплатно разослал всем наиболее влиятельным жителям; и, когда я мог считать, что их умы уже немного подготовлены ее чтением, я объявил подписку на открытие и содержание академии. Плата должна была вноситься по частям раз в год в течение пяти лет; распределив ее таким образом, я думал увеличить подписку. Так оно и случилось; собранная сумма, если память мне не изменяет, превышала пять тысяч фунтов.

В предисловии к этой статье я написал, что эти предложения исходят не от меня, а от неких «*проникнутых духом общественности джентльменов*», избегая, таким образом, по мере возможности, согласно моему обычному правилу, выступать самому перед публикой в качестве автора какого-либо плана в ее пользу.

Подписчики, желая немедленно провести в жизнь этот проект, избрали из своей среды двадцать четыре доверенных и поручили мистеру Френсису, занимавшему тогда пост генерального прокурора, и мне составить основные правила управления академией, что было выполнено и подписано; было снято поме-

щение и приглашены преподаватели; классы открылись, кажется, в том же 1749 году.

Скоро помещение оказалось слишком малым, так как количество учащихся быстро возрастало. Мы занялись поисками удобно расположенного участка земли, чтобы построить новое здание; в этот момент провидение послало нам уже построенное большое здание, которое при небольших перестройках могло послужить для нашей цели. Это было уже упоминавшееся здание, построенное слушателями мистера Уайтфилда; получили мы его следующим образом.

Нужно сказать, что так как пожертвования на постройку этого здания вносились различными сектами, попечители, которым должны были быть доверены земля и здание, назначались с большой осторожностью, чтобы не дать преимущества ни одной из сект; иначе это преимущество позволило бы со временем такой секте единолично располагать всем зданием вопреки первоначальному замыслу. Поэтому попечители назначались по одному от каждой секты, а именно — один англиканец, один пресвитерианин, один баптист, один гернгутер и т. д.; вакансия в случае смерти одного из попечителей должна была замещаться посредством выборов из числа постоянных членов. Гернгутер чем-то не угодил своим коллегам, и после его смерти они решили не иметь больше никого из этой секты. Но это создало новую трудность: при очередных выборах надо было как-то предотвратить появление двух представителей от какой-либо одной секты.

Было предложено несколько лиц, и все они были отвергнуты по указанной причине. Наконец, кто-то назвал меня, заметив, что я просто честный человек и не принадлежу *ни к какой секте;* это убедило их избрать меня. Энтузиазм, с которым строилось здание, давно остыл, и попечители уже не могли изыскивать новые пожертвования, чтобы уплачивать земельную ренту и расквитаться с некоторыми другими долгами, сделанными в связи с постройкой, что их очень беспокоило. Поскольку теперь я был членом обоих попечительских советов (и здания и академии), я имел полную возможность посредничать между этими двумя советами и привел их, наконец, к соглашению; попечители здания уступали его академии, которая обязывалась заплатить долги, содержать в здании согласно первоначальному замыслу большой холл, всегда открытый для случайных проповедников, а также бесплатную школу для детей бедняков.

Соответствующие документы были составлены, и, уплатив долги, попечители академии вступили во владение помещением; большой и высокий холл был разделен перегородками на два этажа и на комнаты для нескольких классов наверху и внизу, был куплен дополнительный участок земли, и, таким образом,

все было приспособлено для нашей цели, и учащиеся перешли в это здание. На меня легли все трудности и заботы по найму рабочих, покупке материалов и наблюдению за работами; я тем более охотно брался за все это, что это не мешало тогда моему частному предприятию, так как за год до того я взял очень способного, трудолюбивого и честного партнера, мистера Давида Холла, которого я хорошо знал, так как он четыре года работал для меня. Он снял с меня все заботы о типографии и аккуратно выплачивал мне мою долю доходов. Это партнерство продолжалось восемнадцать лет и было успешным для нас обоих.

Через некоторое время грамотой губернатора попечители академии были признаны легальным обществом, их фонды возросли за счет пожертвований в Британии и земельных дарений собственников, к которым впоследствии сделало значительное добавление собрание; так был учрежден теперешний Филадельфийский университет.

Я продолжаю, вот уже почти сорок лет, быть одним из его попечителей; за эти годы я имел величайшее удовольствие видеть, как многие молодые люди, получившие образование в этом университете, развили свои способности, выдвинулись на поприще полезной общественной деятельности и стали украшением своей страны.

Когда я освободился от забот о своем частном предприятии — о чем я уже говорил выше — у меня появилась отрадная надежда, что приобретенное мной скромное, но достаточное состояние позволит мне пользоваться досугом для философских занятий и развлечений в продолжении оставшихся мне лет жизни. Я купил всю аппаратуру у доктора Спенса, приехавшего из Англии, чтобы читать лекции в Филадельфии, и вскоре я достиг значительных успехов в моих опытах над электричеством; но общественность, считая меня досужим человеком, завладела мною для своих целей: каждый орган нашего гражданского управления возложил на меня какие-либо обязанности, причем все это делалось почти одновременно. Губернатор сделал меня членом комиссии по заключению мира; городская корпорация избрала меня членом коммунального совета, а вскоре за этим — членом городской управы; граждане ряда округов избрали меня своим представителем в собрании. Последняя должность была самой приятной для меня, так как мне, наконец, надоело сидеть там и слушать дебаты, в которых я, как секретарь, не мог участвовать и которые часто были такими неинтересными, что мне приходилось развлекаться рисованием магических квадратов или кругов, или делать еще что-нибудь, чтобы избавиться от скуки; и я считал, что, став членом собрания, я буду иметь больше возможностей делать добро. Я не

хочу сказать, что все это возвышение не льстило моему честолюбию; конечно, я был весьма польщен.

Если принять во внимание, что я начал с самых низших ступеней, это было большим успехом, тем более приятным, что успех этот являлся широким непринужденным проявлением благоприятного общественного мнения, не вызванным никакими претензиями с моей стороны.

Одно время я немного занимался исполнением своих обязанностей в качестве мирового судьи, посещая некоторые судебные заседания, где, сидя на скамье, слушал дела; но, обнаружив, что для достойной работы на этом посту необходимо лучше знать обычное право, чем я его знал, я постепенно отошел от этого дела, оправдываясь обязанностью выполнять более высокие задачи законодателя в собрании. На этот пост меня избирали ежегодно в течение десяти лет, причем я ни разу не попросил ни одного избирателя голосовать за меня и никогда, ни прямо, ни косвенно, не выражал желания быть избранным. После того как я стал членом Палаты представителей, секретарем стал мой сын.

В следующем году, когда дело шло о заключении договора с индейцами в Карлиле, губернатор обратился к Палате с посланием, предлагая ей назначить несколько своих членов, которые вместе с некоторыми членами совета должны были стать комиссарами для заключения договора. Палата выделила спикера (мистера Норриса) и меня, и мы, облеченные полномочиями, отправились в Карлиль, где встретились с индейцами.

Так как эти люди питают огромное пристрастие к спиртным напиткам, а в пьяном виде сварливы и необузданны, мы строго запретили продавать им спиртные напитки; когда они стали жаловаться на это запрещение, мы сказали им, что, если они продержатся трезвыми в течение переговоров, мы дадим им много рома после завершения дела. Они обещали это и сдержали свое обещание, так как не могли достать спиртных напитков; переговоры прошли очень спокойно и были завершены к обоюдному удовлетворению. Тогда они потребовали и получили ром. Это было в полдень, их было около ста человек — мужчин, женщин и детей; они разместились во временных шалашах, расположенных в форме квадрата, невдалеке от города. Вечером, услышав, что они подняли большой шум, комиссары вышли посмотреть, в чем дело. Мы увидели, что они развели большой костер в середине квадрата; все они, мужчины и женщины, были пьяны, ссорились и дрались. Их полуобнаженные темные тела мелькали вокруг, освещенные лишь тусклым светом костра; они гонялись друг за другом, наносили друг другу удары головешками под аккомпанемент ужасных воплей — все это составляло сцену, очень похожую на наши представления об аде;

буйство не утихало, и мы вернулись в наше помещение. В полночь индейцы начали барабанить в нашу дверь, требуя еще рома, но мы не обратили на это внимания.

На следующий день, чувствуя, что они провинились, доставив нам беспокойство, они прислали к нам для извинений трех старых советников. Один из них произнес речь, в которой признал вину, но возложил ее на ром, а затем попытался извинить ром, сказав: «Великий дух, сотворивший все существующее, создал каждую вещь для какой-нибудь пользы, и вещь должна использоваться для того, для чего она предназначена. Когда же он сотворил ром, он сказал: «Да будет он для того, чтобы индейцы им напивались». Так оно и должно быть». И действительно, если провидению было угодно уничтожить этих дикарей, чтобы освободить место для земледельцев, то ром был бы, по всей вероятности, самым подходящим средством для этого. Он уже привел к гибели все племена, населявшие раньше морское побережье.

В 1751 году доктор Томас Бонд, мой близкий друг, задумал основать в Филадельфии больницу для содержания и лечения больных бедняков, будь то жители провинции или чужеземцы. Это весьма благодетельное намерение было приписано мне, но в действительности исходило первоначально от него. Он усердно и деятельно пытался собрать взносы по подписке, но, поскольку такое предложение было в Америке новостью и вначале не было хорошо понято, он не имел большого успеха.

Наконец, он пришел ко мне с любезным заявлением, что он убедился в невозможности провести в жизнь какой-либо проект, направленный на пользу общества, без моего участия. «Ибо те,— сказал он, — к кому я обращаюсь с предложением сделать взнос, часто спрашивают меня: «вы советовались по этому делу с Франклином? Что он думает об этом?» И когда я отвечаю им — нет, полагая, что это не по вашей части, они не подписываются и говорят, что еще подумают об этом». Я расспросил о содержании его проекта и пользе, которую он может принести, и, получив от него вполне удовлетворительное объяснение, не только подписался сам, но и ревностно занялся сбором подписей среди населения. Предварительно, однако, я постарался подготовить для этого умы людей, написав в газетах об этом вопросе, что я обычно делал в подобных случаях и чего не сделал доктор Бонд.

После этого публика стала подписываться охотнее и на более крупные суммы; но скоро подписка снова начала ослабевать, и я увидел, что взносов не хватит без некоторой помощи со стороны собрания. Поэтому я предложил подать петицию об этом, что и было сделано. Представителям сельских местностей проект сначала не понравился. Они утверждали, что он применим только в городе и поэтому платить за него должны только горожане;

к тому же они выражали сомнение, что его одобрят и все горожане.

Мое заявление, что проект встретил одобрение и мы, без сомнения, можем получить две тысячи фунтов по добровольным взносам, они сочли фантастическим и совершенно нереальным предположением.

В ответ на это я составил свой план и попросил разрешения внести билль о создании корпорации жертвователей соответственно их просьбе, выраженной в петиции, и выдаче им необходимой суммы денег; это разрешение было дано в основном из того соображения, что Палата может отвергнуть билль, если он ей не понравится; но я составил билль так, что основная его статья была условной, а именно: «Да будет постановлено вышеуказанными властями, что когда означенные жертвователи соберутся и изберут своих управителей и казначея *и когда их пожертвования составят основной капитал в две тысячи фунтов* (ежегодный процент от которого должен употребляться на устройство больных в означенную больницу, на питание, уход, медицинские консультации и лекарства), *и если наличный в то время спикер ассамблеи сочтет*, что это может и будет считаться законным с его стороны, то означенный спикер должен подписать приказ казначею провинции о выплате двух тысяч фунтов двумя годичными платежами казначею больницы на закладку фундамента, постройку и завершение здания».

Благодаря этому условию билль прошел, так как члены, выступавшие против него, поняли теперь, что могут прослыть милосердными без всяких затрат, и согласились на его принятие. Тогда, обращаясь за подпиской к населению, мы усердно использовали условное обещание закона как дополнительный мотив для пожертвований, пока взносы каждого не удвоились; таким образом, этот пункт билля сослужил нам двойную службу. В результате подписка скоро принесла необходимую сумму, и мы потребовали и получили общественный дар, который позволил нам привести план в исполнение. Вскоре было построено удобное и красивое здание. Опыт показал, что это учреждение полезно; оно процветает до сего дня. Среди всех моих политических маневров я не помню ни одного, успех которого доставил бы мне бо́льшее удовольствие, и ни одного, в котором бы я, вспоминая о нем впоследствии, так легко простил себе применение некоторой хитрости.

Примерно в то же время автор другого проекта, достопочтенный Джилберт Теннент, пришел ко мне с просьбой помочь ему в организации подписки на сооружение нового дома для религиозных собраний. Это помещение предназначалось для нужд конгрегации, которую он собрал из пресвитериан, бывших ранее последователями мистера Уайтфилда. Я решительно

отказался, не желая вызвать против себя недовольство моих сограждан слишком частым выпрашиванием их пожертвований. Тогда он попросил, чтобы я дал ему список лиц, которых я по своему опыту знаю как людей щедрых и проникнутых духом общественности. Я счел для себя неподобающим, после того как они великодушно откликнулись на мой призыв, подвергнуть их назойливости других просителей и поэтому отказался дать такой список. Наконец, он пожелал, чтобы я по крайней мере дал ему добрый совет. «Это я сделаю охотно, — сказал я. — Я советую вам прежде всего обратиться к тем, о которых вы знаете, что они дадут что-нибудь; затем к тем, в отношении которых вы не уверены, дадут они или нет, и покажите им список тех, которые уже дали; наконец, не пренебрегайте и теми, относительно которых вы уверены, что они ничего не дадут, ибо в некоторых из них вы можете ошибиться». Он рассмеялся, поблагодарил меня и сказал, что последует моему совету. Так он и сделал, ибо просил у всех; и он получил гораздо бо́льшую сумму, чем ожидал. На эту сумму он построил просторный и весьма элегантный дом собраний, который стоит на Арч-стрит.

Наш город, прекрасно и правильно расположенный, с широкими и прямыми улицами, пересекающими друг друга под прямым углом, позорно мирился с тем, что эти улицы долгое время оставались немощеными; в мокрую погоду колеса тяжелых экипажей превращали их в трясину, так что трудно было их перейти, а в сухую погоду прохожих одолевала пыль. Я жил около рынка Джерси Маркит и с болью в сердце видел, как жители, покупая провизию, вязнут в грязи. Наконец, была вымощена кирпичом полоска земли посредине рынка; таким образом, попав на рынок, люди имели под ногами твердую почву; но часто до этого они утопали по щиколотку в грязи. Я говорил и писал об этом и, наконец, добился того, что был вымощен камнем участок улицы перед рынком, между кирпичными тротуарами, проходившими вдоль домов по обе стороны улицы. Это на некоторое время позволило проходить на рынок, не замочив ног; но так как остальная часть улицы не была вымощена, то, когда экипаж выезжал из грязи на мостовую, он стряхивал здесь всю грязь, и скоро мостовая оказывалась покрытой грязью, которую не удаляли, так как в городе еще не было чистильщиков улиц.

После некоторых расспросов я нашел бедного трудолюбивого человека, который согласился содержать мостовую в чистоте, подметая ее два раза в неделю и убирая грязь перед всеми соседними дверями за шесть пенсов в месяц от каждого дома. Тогда я написал и напечатал статью, где обрисовал жителям нашего квартала выгоды, которые могут быть получены за столь малую плату: нам будет легче содержать наши дома в чи-

стоте, ибо на ногах будет приноситься меньше грязи, повысятся доходы лавок в связи с увеличением количества покупателей, которые легче смогут добраться до них, а также благодаря тому, что в ветреную погоду пыль не будет садиться на товары, и т. д. и т. п. Я послал по одной статье в каждый дом и через день или два стал обходить соседей, чтобы узнать, кто подпишет соглашение об уплате этих шести пенсов; оно было единодушно подписано и в течение некоторого времени хорошо выполнялось. Все жители города были восхищены чистотой мостовой, окружавшей рынок, так как это было удобно всем. Это вызвало общее желание вымостить все улицы и расположило людей к уплате сбора для этой цели.

Через некоторое время я составил билль об устройстве в городе мостовой и внес его в собрание. Это было как раз перед моей поездкой в Англию в 1757 году, и билль прошел уже после моего отъезда, с изменением — мне кажется, не к лучшему — способа обложения; но зато были выделены дополнительные средства не только на мощение, но и на освещение улиц, что было большим улучшением. Мысль осветить весь город была впервые подана населению частным лицом — покойным мистером Джоном Клифтом, который продемонстрировал полезность освещения, повесив фонарь над своей дверью. Честь этого общественного благодеяния приписывали также и мне, но в действительности она принадлежала этому джентльмену. Я только последовал его примеру и могу претендовать лишь на ту заслугу, что изменил шаровидную форму фонарей, которые поставлялись нам из Лондона. Они оказались во многих отношениях неудобными: у них не было снизу доступа для воздуха и, следовательно, дым не легко выходил вверх, а циркулировал в шаре, оседая на его внутренней поверхности, и скоро затемнял свет, который фонари должны были давать; кроме того, их ежедневно нужно было чистить, и случайный удар мог разбить их и полностью вывести из строя. Поэтому я предложил делать фонари из четырех плоских стекол, с длинным дымоходом вверху для вытяжки дыма и с щелями, пропускающими снизу воздух для ускорения выхода дыма; благодаря этому они оставались чистыми и не затемнялись через несколько часов, как лондонские лампы, но сохраняли яркость до самого утра; случайный удар мог разбить только одно стекло, что легко поправимо.

Меня не раз удивляло, что пример употребляемых в Воксхолле фонарей, сохраняющих чистоту благодаря отверстиям на дне, не побудил лондонцев делать такие же отверстия в своих уличных фонарях. Но так как те отверстия делаются для другой цели, а именно для того, чтобы пламя сразу переходило на фитиль через свисающие сквозь них маленькие пучки льна, то, очевидно, при этом не было обращено внимание на пользу в дру-

гом отношении, а именно в связи с доступом воздуха, поэтому улицы Лондона через несколько часов, после того как зажигаются фонари, освещены очень плохо.

Говоря об этих усовершенствованиях, я хочу упомянуть и о том, которое я предложил, находясь в Лондоне, доктору Фозергиллу — одному из лучших людей, которых я знаю, и большому поборнику полезных проектов. Я заметил, что в сухую погоду улицы никогда не подметались и легкая пыль не убиралась; ее накопление терпели до тех пор, пока дождливая погода не превращала ее в грязь; после того как эта грязь в течение нескольких дней настолько покрывала мостовую, что переходить улицу можно было только по узким дорожкам, которые бедняки расчищали лопатами, ее с трудом сгребали и сваливали в открытые сверху телеги, откуда комья грязи падали при каждом толчке, причем от этого часто страдали пешеходы.

Пыльные улицы не подметались якобы по той причине, что пыль могла проникнуть в окна домов и лавок. Одно случайное обстоятельство показало мне, как много можно подмести за короткое время. Однажды утром я увидел перед моей дверью на Кревен-стрит бедную женщину, подметавшую мостовую березовым веником; она была очень бледна и казалась такой слабой, как будто только оправилась от болезни. На мой вопрос, кто поручил ей подметать здесь, она ответила: «Никто, но я очень бедна и несчастна, и подметаю перед дверьми джентльменов в надежде, что они дадут мне что-нибудь». Я попросил ее подмести дочиста всю улицу и обещал дать ей шиллинг. Это было в девять часов; в полдень она пришла за шиллингом. По медлительности, которую я заметил сначала в ее работе, я с трудом мог поверить, что она сделала все так быстро, и послал своего слугу проверить это. Он доложил, что вся улица прекрасно выметена и пыль свалена в проходившую по середине улицы сточную канаву; первый же дождь совсем смыл ее, так что улица и даже канава были совершенно чисты.

Тогда я рассудил, что если слабая женщина могла подмести такую улицу за три часа, то сильный, энергичный мужчина может сделать это за вдвое меньшее время. Позвольте мне отметить здесь удобство иметь только одну сточную канаву посредине узкой улицы, вместо двух — по обе стороны, рядом с дорожкой для пешеходов. Ибо когда вся выпадающая на улице дождевая вода бежит с краев к середине, она превращается там в достаточно сильный поток, чтобы снести всю попадающуюся по дороге грязь; но если эта вода разделена на два русла, ее сила часто оказывается недостаточной, чтобы их очистить, и вода лишь разжижает встречающуюся грязь. Колеса экипажей и копыта лошадей разбрасывают эту слякоть по дорожке для пешеходов, которая становится грязной и скользкой, а иногда

забрызгивают прохожих. Предложение, которое я сообщил доктору, сводилось к следующему:

«Для более эффективной чистки и содержания в чистоте улиц Лондона и Вестминстера предлагается нанять несколько сторожей, чтобы они, каждый на нескольких улицах и переулках своей округи, выметали пыль в сухую погоду, а в дождь очищали грязь; их надо снабдить метлами и другими необходимыми для этой цели инструментами, которые должны храниться наготове в соответствующих местах и раздаваться беднякам, которых можно использовать для этой работы.

В сухие летние месяцы вся пыль должна сметаться в кучи на должном расстоянии, еще до того, как обычно открываются лавки и окна домов; затем чистильщики улиц должны вывозить ее в плотно закрытых телегах.

Счищенную грязь не следует оставлять в кучах, которые снова будут разноситься колесами экипажей и копытами лошадей; чистильщики должны быть снабжены телегами с кузовами, посаженными не высоко — на колесах, а низко — на полозьях, с решетчатым дном, покрытым соломой; такое дно удержит сваленную на него грязь и сделает возможным отток из нее воды; тем самым она станет намного легче, так как вода составляет основную ее тяжесть. Эти телеги должны располагаться на удобных расстояниях друг от друга, и грязь должна подвозиться к ним в тачках, они же будут оставаться на месте, пока грязь не подсохнет, а затем следует приводить лошадей, чтобы увезти их».

Впоследствии у меня возникли сомнения в возможности повсеместного осуществления последней части предложения из-за узости некоторых улиц и трудности так поставить сани, чтобы они не очень загромождали проход; но я до сих пор считаю, что в первой части предложения требование подметать и увозить пыль до открытия лавок — очень практично в длинные летние дни; так, проходя однажды в семь часов утра по Стрэнд и Флитстрит, я заметил, что еще не открыта ни одна лавка, хотя было светло и солнце взошло уже три часа тому назад; нередко высказываемое недовольство пошлиной на свечи и дороговизной жира жителями Лондона, которые добровольно предпочитают жить при свете свечей и спать при солнечном, звучит довольнотаки абсурдно.

Некоторые могут сказать, что все это пустяки, о которых не следует вспоминать или рассказывать; но если они поразмыслят, что хотя пыль, попавшая в ветреный день в глаза одному человеку или в одну лавку, не имеет большого значения, то большое число таких случаев в населенном городе и частое их повторение придают этой мелочи вес и значительность; тогда, может быть, они не будут так сурово критиковать тех, кто уделяет

некоторое внимание столь низменным по внешнему виду делам. Человеческое счастье создается не столько большими удачами, которые случаются редко, сколько небольшими каждодневными улучшениями. Так, если вы научите бедного молодого человека бриться самому и содержать свою бритву в порядке, вы можете сделать гораздо больше для его счастья в жизни, чем если бы вы дали ему тысячу гиней. Эта сумма может быть скоро израсходована и останется только сожаление по поводу того, что деньги так глупо растрачены, а в первом случае он избавится от частого раздражения в ожидании цирюльника, от их иногда грязных пальцев, зловонного дыхания и тупых бритв; он сможет бриться тогда, когда ему это удобно, и каждый день будет иметь удовольствие делать это хорошим инструментом. С такими мыслями я осмелился написать предыдущие страницы, в надежде, что из них могут быть почерпнуты сведения, которые окажутся полезными сейчас или когда-нибудь в будущем для города, который я люблю, прожив в нем очень счастливо много лет, а может быть, и для иных наших городов в Америке.

В течение некоторого времени я состоял на службе у главного почтмейстера Америки в качестве инспектора. В мои обязанности входило наблюдение над несколькими конторами и получение отчетов чиновников. После его смерти, последовавшей в 1753 году, я был назначен, по указанию генерального почтмейстера Англии, вместе с мистером Вильямом Гантером, его преемником. До этого времени американская почта ничего не платила британской. Мы должны были располагать шестьюстами фунтами на двоих, если смогли бы извлечь их из доходов почты. Для получения этой суммы потребовалось ввести всевозможные усовершенствования; некоторые из них вначале неизбежно оказались дорогими, так что за первые четыре года почта задолжала нам около девятисот фунтов. Но скоро она начала выплачивать этот долг, и к тому времени, как я был смещен по капризу министров, о чем я буду говорить позже, мы добились того, что почта давала короне *в три раза* больше чистого дохода, чем почта Ирландии. После же этого неблагоразумного поступка они не получили от нее ни одного фартинга!

В том же году мне случилось по делам почты поехать в Новую Англию, где Кэмбриджский колледж по собственной инициативе наградил меня степенью магистра искусств. Перед этим такую же честь оказал мне Йельский колледж в Коннектикуте. Так, не учившись ни в одном колледже, я стал пользоваться их почестями. Эти почести оказаны мне за мои усовершенствования и открытия в области натурфилософии, занимающейся изучением электричества.

ГЛАВА X

В 1754 году ввиду снова ожидавшейся войны с Францией в Олбени должен был по распоряжению парламента собраться Конгресс уполномоченных различных колоний совместно с главами Шести племен для совещания о средствах защиты наших и индейских земель. Губернатор Гамильтон, получив этот приказ, ознакомил с ним Палату представителей, прося выделить необходимые по этому случаю подарки для индейцев и назначил уполномоченными меня и спикера (мистера Норриса); мы должны были вместе с мистером Джоном Пенном и секретарем мистером Петерсом представлять на Конгрессе Пенсильванию. Палата одобрила назначение и доставила товары для подарков, хотя ее члены не очень любят угощать кого бы то ни было за пределами своей провинции; мы встретились с другими комиссарами в Олбени около середины июня.

По дороге туда я задумал и составил план объединения всех колоний под одним правительством, насколько это необходимо для обороны и других важных общих задач. Когда мы были проездом в Нью-Йорке, я показал мой проект мистеру Джемсу Александеру и мистеру Кеннеди, двум джентльменам с большими познаниями в общественных делах; получив их одобрение, я осмелился предложить его Конгрессу. Оказалось, что несколько уполномоченных составили подобные же планы. Сначала был поставлен предварительный вопрос, следует ли учредить союз, на что единодушно был дан утвердительный ответ. Затем назначили комиссию, в которую вошло по одному члену от каждой колонии, для рассмотрения различных планов и составления отчета. Мой проект был признан наилучшим и с небольшими поправками был соответственно доложен Конгрессу.

По этому плану общее правительство должно было возглавляться генеральным председателем, назначаемым короной; средства на его содержание также должны были отпускаться короной. Представители населения различных колоний должны были на соответствующих собраниях избирать большой совет. Дебаты об этом велись в Конгрессе ежедневно, параллельно с обсуждением индейских дел. План встретил много возражений и затруднений, но наконец, все они были преодолены, и план был единодушно принят; копии его было указано разослать Торговой палате и собраниям всех провинций. Судьба его весьма любопытна: собрания не приняли его, считая, что в нем слишком много *привилегий,* а в Англии его сочли слишком *демократичным.* Поэтому Торговая палата не одобрила его и не рекомендовала к одобрению его величества.

Вместо этого был составлен другой план, якобы более соответствующий той же самой цели. Согласно новому плану губернаторы провинций вместе с несколькими членами своих советов должны были собраться, чтобы распоряжаться набором войск, постройкой фортов и т. д. Деньги на все эти расходы они могли получать из казначейства Великобритании с тем, чтобы впоследствии возместить их с помощью налога на Америку, утвержденного парламентом. Мой план с аргументами в его защиту можно найти среди моих напечатанных политических статей.

Зимой следующего года, находясь в Бостоне, я много беседовал с губернатором Ширли об обоих планах. Содержание наших бесед частично отразилось в этих статьях. Разнообразие и противоречивость возражений против моего плана заставляют меня предположить, что он действительно был правильным средством, и я до сих пор считаю, что, если бы он был принят, это было бы счастьем и для Англии и для Америки. Объединенные таким образом колонии были бы достаточно сильны, чтобы защитить себя; тогда не было бы необходимости присылать войска из Англии, и, конечно, мы избежали бы последующего предлога для обложения Америки налогами и порожденного этим кровавого спора. Но такие ошибки не новы; история полна заблуждениями государств и монархов.

Взгляни на этот мир: как мало тех, кто знает,
В чем благо их, иль, зная то, достичь его умеет.

Те, кто правит, как правило, не любят сверх своих многочисленных дел брать на себя труд рассматривать и проводить в жизнь новые проекты. Самые лучшие общественные меры редко *принимаются в результате предварительного мудрого размышления; обычно они диктуются обстоятельствами.*

Посылая проект в собрание, губернатор Пенсильвании отозвался о нем одобрительно, сказав, что «по его мнению, план составлен весьма ясно и с большой силой суждения. Поэтому он заслуживает самого пристального и серьезного внимания со стороны собрания». Но Палата, по инициативе одного из ее членов, поставила его на рассмотрение в мое отсутствие, что я нашел не очень благородным, и, к моей немалой обиде, отвергла его, не уделив ему никакого внимания.

В этом же году, проездом в Бостон, я встретился в Нью-Йорке с только что прибывшим туда из Англии нашим новым губернатором мистером Моррисом, которого я хорошо знал раньше. Он приехал с полномочием заменить мистера Гамильтона, который вышел в отставку, устав вести споры, в которые его вовлекали инструкции собственников. Мистер Моррис спросил меня, не думаю ли я, что его ожидает беспокойное управление. Я сказал: «Нет, напротив, у вас будет очень спокойное управле-

ние, если вы остережетесь вступать в какие-либо споры с собранием».

«Мой дорогой друг, — сказал он шутливым тоном, — как вы можете советовать мне избегать диспутов? Вы знаете, что я люблю спорить, это одно из самых больших моих удовольствий; но, чтобы показать, насколько я ценю ваш совет, я обещаю вам, что буду по возможности избегать этого». У него были основания любить споры, так как он был умным, красноречивым софистом и поэтому обычно имел успех в диспутах. Он был подготовлен к этому полученным воспитанием, ибо его отец, как я слышал, любил, оставаясь за столом после обеда, заставлять своих детей ради собственного развлечения вести друг с другом дискуссии. Но я считаю, что это было неразумно, так как, по моим наблюдениям, такие умело дискутирующие, всем противоречащие и все опровергающие люди обычно бывают несчастливы в своих делах. Они иногда одерживают победу, но никогда не завоевывают доброжелательного отношения, которое было бы им гораздо полезней. Мы расстались: он отправился в Филадельфию, а я в Бостон.

На обратном пути я встретился в Нью-Йорке с членами собрания Пенсильвании, от которых узнал, что он, несмотря на данное мне обещание, уже вступил в острую борьбу с Палатой; борьба эта длилась непрерывно все время, пока он оставался у власти. В ней принял участие и я, ибо, как только я вновь занял свое место в собрании, меня избирали в каждую комиссию, отвечавшую на его речи и послания, а комиссии поручали мне составлять ответ. Наши ответы, точно так же как и его послания, были часто едкими и иногда до неприличия бранными, и так как он знал, что от имени собрания писал я, то можно было бы подумать, что при встрече нам трудно будет удержаться, чтобы не перерезать друг другу горло. Но он был такой добродушный человек, что эта борьба не порождала между нами никаких личных раздоров, и мы часто вместе обедали.

Однажды в полдень, в самый разгар этой публичной ссоры, мы встретились на улице. «Франклин, — сказал он, — вы должны пойти ко мне домой и провести со мной вечер; у меня будет компания, которая вам понравится», — и, взяв меня под руку, он направился к своему дому. После ужина во время веселого разговора с вином он шутливо сказал мне, что его восхищает мысль Санчо Панса, который, когда ему предложили губернаторство, пожелал иметь подданными *чернокожих*, чтобы он мог их продать, если с ними не уживется. Один из его друзей, сидевший рядом со мной, сказал: «Франклин, почему вы продолжаете выступать за этих проклятых квакеров? Не лучше ли было бы продать их? Собственник дал бы вам хорошую цену». «Губернатор, — сказал я, — еще недостаточно их *очернил*».

Он действительно во всех своих посланиях всячески старался очернить собрание, но оно вытирало краску так же быстро, как он ее накладывал, и в свою очередь густо мазало ею лицо губернатора; наконец, заметив, что скоро его самого превратят в негра, он, как и мистер Гамильтон, почувствовал усталость от этой борьбы и удалился со своего поста.

По сути дела эти публичные ссоры происходили из-за собственников, наших наследственных правителей, которые, когда нужно было нести какие-либо расходы по защите их провинции, поручали с невероятной низостью своим представителям не пропускать ни одного акта, устанавливающего необходимые налоги, если в этом акте не освобождались специальной оговоркой от налогов их обширные поместья; они даже налагали на своих представителей формальное обязательство соблюдать эти инструкции. Собрания в течение трех лет выступали против этой несправедливости, но вынуждены были смириться. Наконец, капитан Денни, преемник губернатора Морриса, осмелился не подчиниться этим инструкциям; о том, как это произошло, я расскажу после.

Но я забегаю вперед; нужно еще упомянуть о некоторых делах, происшедших во время управления губернатора Морриса.

Правительство бухты Массачузетс, поскольку война с Францией уже фактически началась, задумало атаку на Краун Пойнт и послало за помощью мистера Куинси в Пенсильванию, а мистера Паунолла, впоследствии губернатора, в Нью-Йорк. Так как я был членом собрания, знал его нравы и был земляком мистера Куинси, то он попросил меня помочь ему своим влиянием. Я зачитал в собрании его обращение, которое было хорошо принято. Они проголосовали за помощь в размере десяти тысяч фунтов, которые должны были быть истрачены на провиант. Но губернатор отказался утвердить их билль (включавший наряду с этой также и другие суммы, выделенные на нужды короны), если не будет внесен пункт, освобождающий имение собственника от всякой доли в необходимом налоге; собрание при всем своем желании сделать дар Новой Англии не знало, как это осуществить. Мистер Куинси упорно добивался согласия губернатора, но тот упрямо стоял на своем.

Тогда я предложил способ обойтись без губернатора в этом деле: дать ордера, что̀ собрание по закону имело право сделать, на попечителей заемной конторы. Впрочем, в это время в конторе почти совсем не было денег, и поэтому я предложил, чтобы ордера были оплачены в течение одного года и давали пять процентов роста. Я полагал, что на эти ордера можно будет легко закупить провиант. После весьма непродолжительного колебания собрание приняло это предложение. Ордера были немедленно напечатаны, и я был избран членом комиссии, учрежденной

для того, чтобы подписывать их и ими распоряжаться. Фонд для их оплаты составлялся из процента со всего бумажного обращения, наличного в то время в провинции по займу, вместе с доходом от акциза. Таким образом, было известно, что фонд более чем достаточен, и ордера приобрели доверие. Их не только принимали в уплату за провиант, но многие богатые люди, имевшие наличные деньги, вкладывали их в эти ордера, считая это выгодным, так как, пока они были на руках, на них нарастали проценты, а в любой момент они могли быть использованы в качестве денег. Таким образом, они быстро раскупались, и через несколько недель уже нельзя было достать ни одного ордера. Так благодаря предложенному мной средству было завершено это важное дело. Мистер Куинси отблагодарил собрание в изящной петиции; он уехал домой, очень довольный успехом своего посольства и всегда после этого питал ко мне самые сердечные и нежные дружеские чувства.

Британское правительство не желало допустить объединения колоний в той форме, в какой оно предлагалось в Олбени, и доверить этому союзу его собственную защиту, ибо колонии могли вследствие этого стать слишком воинственными и почувствовать свою силу; к тому же оно относилось к ним в это время подозрительно и ревниво, и потому послало за океан генерала Брэддока с двумя полками регулярных английских войск. Он высадился у Александрии в Виргинии и оттуда прошел маршем к Фредериктауну в Мериленде, где остановился в ожидании транспорта. Наше собрание, узнав из некоторых источников, что Брэддок питает против собрания сильное предубеждение вследствие отрицательного отношения последнего к военной службе, пожелало, чтобы я посетил Брэддока, но не от имени собрания, а в качестве генерального почтмейстера под предлогом урегулирования с ним способа наиболее быстрого и верного обмена депешами между ним и губернаторами различных провинций, с которыми он, несомненно, должен был установить постоянную переписку. Собрание предложило оплатить мне расходы, связанные с этой поездкой. Мой сын сопровождал меня.

Мы застали генерала в Фредериктауне, нетерпеливо ожидающим возвращения тех, кого он послал собирать фургоны в отдаленные части Мериленда и Виргинии. Я пробыл с ним несколько дней, ежедневно обедал с ним и имел полную возможность устранить его предубеждение, информировав его о том, что́ действительно сделало собрание перед его приездом и намеревалось сделать в будущем, чтобы облегчить его действия. Когда я собирался уезжать, был получен рапорт об ожидаемых фургонах; оказалось, что их было всего двадцать пять и не все они были пригодны. Генерал и все офицеры были удивлены; они заявили, что продолжать экспедицию невозможно, и воз-

мущались министрами, по невежеству пославшими их в страну, лишенную средств транспортировки припасов, багажа и т. д., для чего нужно было по меньшей мере сто пятьдесят фургонов.

Мне случилось высказать сожаление, что они не высадились в Пенсильвании, так как в этой местности почти каждый фермер имеет свой фургон. Генерал жадно ухватился за мои слова и сказал: «Сэр, тогда вы, как человек влиятельный в той провинции, могли бы, вероятно, раздобыть их для нас; и я прошу вас взяться за это». Я спросил его, какие условия следует предложить владельцам фургонов, и мне было предложено самому написать те условия, которые я считаю необходимыми. Я это сделал, они согласились с ними, и немедленно были заготовлены соответствующие полномочия и инструкции. Каковы были эти условия, можно увидеть из объявления, опубликованного мной немедленно по прибытии в Ланкастер; поскольку оно представляет некоторый интерес по вызванному им большому и внезапному эффекту, то я привожу его здесь со всеми подробностями.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ланкастер, 26 апреля 1753 г.

Поскольку войскам его величества, собирающимся у Уиллс-Крик, необходимы сто пятьдесят фургонов с четырьмя лошадьми на каждый и тысяча пятьсот вьючных или верховых лошадей и поскольку его превосходительству генералу Брэддоку было угодно уполномочить меня заняться заключением контрактов для найма оных, я извещаю, что буду для этой цели ожидать в Ланкастере с сегодняшнего дня до вечера следующей среды и в Нью-Йорке с утра следующего четверга до вечера пятницы, где я буду готов договариваться о фургонах и упряжках или отдельных лошадях на следующих условиях: 1) Каждый фургон с четырьмя лошадьми и погонщиком будет оплачиваться по пятнадцати шиллингов в день; каждая годная лошадь с вьючным или другим седлом и прочими принадлежностями — по два шиллинга в день; каждая годная лошадь без седла — по восемнадцати пенсов в день. 2) Оплата начинается с момента их присоединения к войскам у Уиллс-Крик, что̀ должно произойти 20 мая или раньше; вдобавок выплачивается удовлетворительное содержание на совершение пути до Уиллс-Крик и обратно после увольнения. 3) Каждый фургон и упряжка, каждая верховая или вьючная лошадь должны быть оценены беспристрастными лицами, избранными мною и их владельцем; в случае утраты на службе какого-либо фургона, упряжки или лошади должна быть установлена и выплачена сумма, соответствующая означенной оценке. 4) Владельцу каждого фургона и упряжки

или лошади при заключении контракта авансируется семидневная плата и выплачивается мною по требованию наличными; остаток выплачивается генералом Брэддоком или кассиром армии в день увольнения или частями по мере затребования. 5) Ни один из погонщиков фургонов или лиц, ухаживающих за нанятыми лошадьми, ни в коем случае не может быть призван к выполнению долга солдата или использован иначе, чем для сопровождения их экипажей и лошадей или ухода за ними. 6) Весь овес, маис или другой фураж, который фургоны или лошади доставят в лагерь сверх количества, необходимого для пропитания лошадей, должен быть взят на нужды армии и оплачен по приемлемой цене.

Замечание. Мой сын, Вильям Франклин, уполномочен заключать подобные контракты с любым лицом в округе Кемберленд.

В. Франклин»

«ЖИТЕЛЯМ ОКРУГОВ ЛАНКАСТЕР, ЙОРК И КЕМБЕРЛЕНД

Друзья и соотечественники,

Случайно попав несколько дней тому назад в лагерь у Фредериктауна, я узнал, что генерал и офицеры крайне раздосадованы тем, что их не снабдили лошадьми и транспортом, ожидаемыми от этой провинции, как наиболее способной поставить их; из-за распрей между нашим губернатором и собранием не были выделены деньги, а также не было предпринято ни одного шага для поставок. Предполагалось немедленно послать в эти округа вооруженный отряд, чтобы захватить столько лучших фургонов и лошадей, сколько необходимо, и принудить к службе столько людей, сколько нужно для того, чтобы править ими и ухаживать за ними.

Я боялся, что в таких условиях продвижение британских солдат через эти округа, особенно если учесть их настроение и их возмущение против нас, будет сопровождаться многими серьезными неудобствами для населения, и поэтому я охотно взял на себя труд попробовать сначала, что̀ может быть достигнуто честными и справедливыми средствами. Население этих отдаленных округов еще недавно жаловалось собранию, что в стране недостаточное денежное обращение; теперь у вас есть возможность получить и разделить между собой весьма значительную сумму денег, ибо если служба в этой экспедиции продлится сто двадцать дней, — а это более чем вероятно, — то плата за фургоны и лошадей превысит тридцать тысяч фунтов, которые будут вам выплачены серебром и золотом в королевских деньгах.

Служба будет незначительной и легкой, ибо армия едва ли будет делать более двенадцати миль в день и фургоны и вьючные

лошади, несущие на себе вещи, совершенно необходимые для благосостояния армии, должны передвигаться вместе с армией и не быстрее; ради блага армии они будут всегда — на марше или в лагере — занимать самые безопасные места.

Если вы действительно, как я надеюсь, добрые и верные подданные его величества, вы можете сейчас оказать весьма желательную услугу и в то же время облегчить ее для себя: три или четыре человека, которые не в состоянии каждый в отдельности выделить из своего хозяйства на плантации один фургон, четырех лошадей и погонщика, могут объединиться: один поставит фургон, другой — одну или двух лошадей, третий — погонщика, а плату вы можете распределить между собой пропорционально. Но если вы, когда вам предлагается такая хорошая плата и выгодные условия, не окажете добровольно вашему королю и стране эту услугу, то ваша лояльность будет под большим подозрением. Дело короля должно быть сделано; столь многочисленные храбрые войска, прибывшие издалека для вашей защиты, не могут бездействовать из-за вашего нежелания сделать то, что от вас разумно ожидается; фургоны и лошади должны быть получены; возможно, будут применены насильственные меры. Тогда ищите вознаграждения там, где хотите: едва ли кто-нибудь проявит к вам участие или сожаление.

У меня нет личной заинтересованности в этом деле, так как кроме удовлетворения от попытки сделать добро, я ничего не буду иметь.

Если этот способ поставки фургонов и лошадей не удастся, я должен буду сообщить об этом генералу в четырнадцатидневный срок. Предполагаю, что гусар сэр Джон Сент-Клэр немедленно вступит в провинцию с отрядом солдат, о чем мне будет весьма прискорбно услышать, ибо я искренно и честно являюсь вашим другом и благожелателем.

В. Франклин»

Я получил от генерала около восьмисот фунтов на аванс владельцам фургонов; но так как этой суммы было недостаточно, я авансировал дополнительно более двухсот фунтов, и через две недели сто пятьдесят фургонов с 259 вьючными лошадьми двигалось к лагерю. В объявлении была обещана уплата суммы, соответствующей предварительной оценке, в случае если какой-нибудь фургон или лошадь будут утеряны. Но владельцы, ссылаясь на то, что они не знают генерала Брэддока и не уверены, насколько можно надеяться на его обещание, требовали, чтобы я дал им соответствующие обязательства, что я и сделал.

Когда я еще был в лагере, однажды на ужине с офицерами полка полковника Дунбара последний высказал мне беспокой-

ство о своих младших офицерах, которые, по его словам, были в большинстве своем небогаты и в условиях этой местности могли лишь с большим трудом запасаться продовольствием, необходимым для такого долгого похода через пустыню, где ничего нельзя купить. Я посочувствовал их положению и решил попытаться как-нибудь облегчить его, ничего, однако, не сказав ему о своем намерении. На следующее утро я написал в комиссию собрания, располагавшую некоторой суммой общественных денег, горячо рекомендуя рассмотреть положение этих офицеров и предлагая послать им в подарок предметы первой необходимости и напитки. Мой сын, обладавший некоторым опытом лагерной жизни и знакомый с ее нуждами, составил для меня список, который я приложил к моему письму. Комиссия приняла это предложение и проявила такое усердие, что припасы, сопровождаемые моим сыном, прибыли в лагерь одновременно с фургонами. Они состояли из двадцати тюков, содержавших каждый: шесть фунтов кускового сахара, шесть фунтов хорошего сахара Muscovado, один фунт хорошего зеленого чая, один фунт чая bohea, шесть фунтов хорошего молотого кофе, шесть фунтов шоколада, полцентнера лучших белых бисквитов, полфунта перца, одну кварту лучшего белого уксуса, один глочестерский сыр, один боченок с двадцатью фунтами хорошего масла, две дюжины бутылок старой мадеры, два галона ямайского рома, бутылку горчицы в порошке, два хорошо прокопченных окорока, полдюжины сушеных языков, шесть фунтов риса, шесть фунтов изюма.

Эти тюки, хорошо упакованные, были взвалены на двадцать лошадей; каждый тюк вместе с лошадью предназначался в подарок одному офицеру. Они были приняты с большой признательностью, и в письмах ко мне командиры обоих полков в самых любезных выражениях благодарили меня за внимание. Генерал также был очень доволен моей помощью в поставке ему фургонов и охотно оплатил по счету все расходы; при этом он неоднократно благодарил меня и просил и в дальнейшем помогать ему, посылая провизию. Я взялся и активно занимался этим, пока мы не услышали о его поражении; на эту работу я авансировал из своих собственных денег более тысячи фунтов стерлингов, на которые послал ему счет. К счастью для меня, счет попал в его руки за несколько дней до битвы, и он немедленно переслал мне ордер на получение круглой суммы тысяча фунтов, оставив остаток до следующего расчета. Я считаю эту оплату большой удачей, так как остаток я уже так и не смог получить; но об этом после.

Этот генерал был, я думаю, храбрым человеком и мог наверное отличиться как хороший офицер в какой-нибудь европейской войне. Но он был слишком уверен в себе, слишком

высокого мнения о достоинствах регулярных войск и слишком низкого — об американцах и индейцах. Наш индейский переводчик Джордж Кроган присоединился к нему во время похода вместе с сотней индейцев, которые были бы очень полезны его армии в качестве проводников и разведчиков, если бы он хорошо обращался с ними; но он держал себя с ними грубо и пренебрежительно, и постепенно все они покинули его.

Однажды в разговоре со мной он отчасти посвятил меня в свои планы продвижения вперед: «Взяв форт Дюкен, — сказал он, — я проследую к Ниагаре, а взяв ее — к Фронтенаку, если успею сделать это до изменения погоды; я надеюсь успеть, так как Дюкен вряд ли задержит меня больше чем на три или четыре дня, а затем я не вижу ничего, что могло бы помешать моему маршу к Ниагаре». Я испытывал сомнения и опасения за исход кампании при мысли о том долгом пути, который должна была проделать его армия по очень узкой дороге, пробиваясь сквозь леса и кустарники, а также о том, что я читал о предшествующем поражении тысячи пятисот французов, вторгшихся в область ирокезов. Но я лишь осмелился заметить: «Конечно, сэр, если вы благополучно доберетесь до Дюкена с вашими прекрасными войсками, так хорошо снабженными артиллерией, то форт, вероятно, окажет лишь непродолжительное сопротивление, так как он еще не полностью укреплен и, насколько нам известно, не имеет очень сильного гарнизона. Я предвижу только одну опасность, которая может помешать вашему маршу, — это засады индейцев; благодаря постоянной практике они научились очень ловко задумывать и осуществлять такие засады. Необходимость вытянуться в узкую линию около четырех миль длины подвергнет вашу армию опасности неожиданных атак с фланга, и армия может быть перерезана, как нитка, на несколько кусков, которые из-за дальности расстояния не смогут во-время прийти на помощь друг другу».

Мое невежество вызвало у него улыбку, и он ответил: «Эти дикари могут быть действительно опасным врагом для вашей необученной американской милиции; но, сэр, невозможно, чтобы они произвели какое-либо впечатление на регулярные и дисциплинированные королевские войска». Сознавая, насколько неприлично мне спорить с военным человеком по вопросам, касающимся его профессии, я ничего больше не сказал. Но неприятель не воспользовался вопреки моим опасениям тем, что армия была вытянута в длинную линию на марше, и позволил ей продвигаться без всяких помех, пока она не оказалась на расстоянии девяти миль от цели; когда же она скучилась (ибо она только что перешла реку, и передние отряды остановились, ожидая переправы остальных) на более открытом, чем пройденные, участке леса, атаковал ее авангард сильным огнем

из-за деревьев и кустов, что было для генерала первым свидетельством близости врага. Передние ряды смешались, и генерал поспешно послал войска к ним на помощь, что было проделано в большом беспорядке из-за фургонов, багажа и скота; теперь огонь ударил во фланг, и офицеры верхом на конях служили легко заметной и удобной мишенью и быстро гибли; солдаты сбились в кучу и, не получая или не слыша приказов, стояли под огнем, пока две трети из них не было убито; затем оставшиеся, охваченные паникой, стремительно бежали.

Фургонщики взяли из упряжки каждый по лошади и бежали; их примеру немедленно последовали остальные, так что все фургоны, провизия, артиллерия и припасы были оставлены врагу. Генерал был ранен и с трудом выведен из-под обстрела; его секретарь мистер Ширли был убит у него под боком; и из восьмидесяти шести офицеров шестьдесят три было убито или ранено; всего из тысячи ста человек было убито семьсот четырнадцать. Эти тысяча сто человек были цветом всей армии; остальные держались сзади с полковником Дунбаром, который должен был следовать за Брэддоком с более тяжелой частью припасов, провизии и багажа. Беглецы, никем не преследуемые, прибыли в лагерь Дунбара, и принесенная ими паника мгновенно охватила лагерь. Хотя у Дунбара было около тысячи человек, а численность индейских и французских отрядов, разбивших Брэддока, не превышала четыреста человек, он, вместо того чтобы продолжать продвижение вперед и попытаться хотя бы отчасти восстановить утраченную честь, приказал уничтожить все припасы, амуницию и т. п., чтобы иметь меньше громоздкого багажа и больше лошадей для бегства к поселениям. Губернаторы Виргинии, Мериленда и Пенсильвании встретили его там с просьбой разместить войска на границах, чтобы предоставить жителям некоторую защиту; но он продолжал свой поспешный марш через всю страну и почувствовал себя в безопасности лишь тогда, когда прибыл в Филадельфию, где жители могли его защитить. Все это дело внушило нам, американцам, первое подозрение, что наше высокое мнение о доблести британских регулярных войск не совсем обосновано.

К тому же во время своего первого марша со дня высадки до того, как они вышли за пределы поселений, они грабили и обдирали жителей, полностью разорив некоторые бедные семьи; кроме того, они оскорбляли, поносили и арестовывали людей, если те сопротивлялись. Этого было достаточно, чтобы мы перестали думать о таких защитниках, даже если бы мы действительно в них нуждались. Насколько иным было поведение наших французских друзей в 1781 году, которые во время похода через самую населенную часть нашей страны от Род-Айленда до Виргинии (около семисот миль), не вызвали ни

единой жалобы по поводу потери поросенка, цыпленка или хотя бы яблока!

Капитан Орм, один из адъютантов генерала, тяжело раненный, был вынесен вместе с генералом и был с ним до самой его смерти, наступившей через несколько дней. Он рассказывал мне, что генерал молчал весь первый день и только ночью сказал: «Кто мог бы это подумать?» На следующий день он снова молчал, наконец, сказал: «В следующий раз мы будем лучше знать, как с ними обращаться», — и через несколько минут умер.

Так как бумаги секретаря со всеми приказами, инструкциями и перепиской генерала попали в руки врагов, они отобрали и перевели на французский язык ряд материалов, которые они напечатали, чтобы доказать враждебные намерения британского двора перед объявлением войны. Среди них я видел некоторые письма генерала министерству, где он высоко отзывался о большой услуге, оказанной мной армии, и рекомендовал меня их вниманию. Давид Юм, бывший несколько лет спустя секретарем лорда Гертфорда, посла во Франции, а затем секретарем генерала Конвея, когда тот был министром иностранных дел, рассказывал мне, что он видел среди этих официальных бумаг письма Брэддока, высоко рекомендующие меня. Но, как видно, из-за неудачи экспедиции моя услуга не была сочтена очень ценной, так как эти рекомендации не принесли мне никакой пользы.

Что касается вознаграждений лично от генерала, то я просил только одного, — чтобы он отдал приказ своим офицерам не вербовать больше наших купленных слуг и отпустить тех, которые были уже завербованы. На это он охотно согласился, и действительно, несколько слуг были по моей просьбе возвращены своим хозяевам. Дунбар, к которому перешло командование, был не так великодушен. Когда он был в Филадельфии во время своего отступления или, скорее, бегства, я обратился к нему, напомнив о приказах покойного генерала по этому поводу, с просьбой отпустить слуг трех бедных фермеров из округа Ланкастер, которых он завербовал. Он обещал мне, что, если хозяева явятся к нему в Трентон, где он будет через несколько дней по пути в Нью-Йорк, он отдаст им их людей. Они взяли на себя труд и издержки, связанные с поездкой в Трентон, а он, к их разочарованию, отказался выполнить свое обещание, что стоило им больших убытков.

Как только разнеслась весть о потере фургонов и лошадей, все владельцы пришли ко мне, требуя обещанной выплаты их стоимости. Эти требования причинили мне много огорчений. Я говорил им, что деньги уже в руках кассира, но что сначала нужно получить от генерала Ширли ордера на их выплату и что я обратился к нему за этими ордерами. Однако они должны

набраться терпения, ибо генерал далеко, и ответ придет не так скоро. Но всего этого было недостаточно, чтобы удовлетворить их, и некоторые подали на меня в суд. Генерал Ширли, наконец, выручил меня из этого ужасного положения, назначив комиссаров для проверки требований и выдав ордера на уплату. Счета достигали двадцати тысяч фунтов; выплата такой суммы совершенно разорила бы меня.

До того, как мы получили известие о поражении, ко мне пришли два доктора Бонд с подписным листом для сбора денег на оплату стоимости большого фейерверка, который предполагалось устроить, как только будет получено известие о взятии нами форта Дюкен. Я нахмурился и сказал, что, по моему мнению, у нас будет достаточно времени организовать увеселение, когда мы узнаем, что у нас есть повод, чтобы веселиться. Они, казалось, были удивлены, что я не согласился сразу же на их предложение. «Какого ч...!, — сказал один из них, — неужели вы думаете, что форт не будет взят?». «Я не уверен, что он не будет взят, но я знаю, что предугадать ход военных действий очень трудно». Я изложил им причины моих сомнений; от подписки отказались, и тем самым инициаторы этого дела избежали горького разочарования, которое они испытали бы, если бы фейерверк был подготовлен. Доктор Бонд впоследствии по другому поводу говорил, что он не любит предчувствий Франклина.

ГЛАВА XI

Губернатор Моррис, еще до разгрома Брэддока надоедавший собранию непрестанными посланиями, в которых стремился побудить Палату издать такой закон о сборе средств для защиты провинции, который не облагал бы налогом имения собственников, теперь удвоил свои усилия. У него было теперь больше надежд на успех, так как опасность и настоятельная потребность сбора средств на оборону возросли. Поэтому губернатор отвергал все законопроекты Палаты, которые не включали в себя эту льготу. Однако собрание твердо стояло на своем. Оно считало, что справедливость на его стороне, что допустить внесение губернаторских поправок в его финансовые законы означало бы отказ от весьма важного права. В самом деле, в одном из последующих биллей, субсидирующем пятьдесят тысяч фунтов, предложенная губернатором поправка касалась только одного слова. В билле говорилось, что «все имущество, как движимое, так и недвижимое, должно быть обложено налогом, не исключая имущества собственников». Поправка губернатора состояла в замене слова «не» на «только». Небольшая, но весьма существенная поправка!

Однако, когда известие о несчастье достигло Англии, наши тамошние друзья, которым мы позаботились передать все ответы собрания на губернаторские послания, подняли шум против собственников. Они обвинили собственников в низости и несправедливости, проявленных в этих инструкциях губернатору. Некоторые даже заявили, что собственники, препятствуя обороне своей провинции, утрачивают на нее всякие права. Это испугало собственников, и они послали указание своему казначею добавить пять тысяч фунтов из их средств к любой сумме, которая будет выделена собранием для целей обороны.

Палата была уведомлена об этом и приняла это предложение. Эта сумма заменила долю собственников в общем налоге. Поэтому Палатой был составлен и принят новый билль, включающий в себя льготную статью. На основании этого закона я был назначен одним из уполномоченных, которым доверили распоряжаться деньгами в сумме шестидесяти тысяч фунтов. Я принимал активное участие в составлении билля и содействовал его утверждению. В то же время я разработал другой билль, касающийся учреждения и обучения добровольной милиции. Я провел его через Палату без больших трудностей, так как позаботился, чтобы закон не распространялся на квакеров. Чтобы содействовать объединению, необходимому для формирования милиции, я написал «Диалог», в котором формулировались, а затем опровергались все возражения, какие я только мог придумать, против организации милиции. Он был напечатан и имел, как я думаю, большой успех. Пока в городе и в сельской местности формировалось и обучалось несколько рот, губернатор уговорил меня заняться нашей северо-западной границей, кишевшей врагами. Я должен был обеспечить защиту населения, собирая войско и строя линию фортов. Я принял это военное поручение, хотя и не считал себя достаточно компетентным в этом деле. Губернатор дал мне патент с неограниченными полномочиями, а также пачку чистых бланков для патентов на офицерский чин, которые я мог выдавать тем, кого сочту достойным этого звания. При вербовке я не встретил серьезных затруднений. Вскоре под моим начальством находилось пятьсот шестьдесят человек. Мой сын, бывший в предшествующую войну офицером в армии, действовавшей против Канады, стал моим адъютантом и принес мне большую пользу.

Индейцы сожгли Гнейденхаттен — деревню, заселенную гернгутерами, и вырезали жителей; но мы считали это место удобным для организации одного из фортов. Для похода туда я организовал отряды в Бетлехеме, главном поселении гернгутеров. Я был удивлен, найдя его хорошо защищенным, — разрушение Гнейденхаттена заставило жителей осознать опасность. Главные строения были защищены частоколом, жители

закупили в Нью-Йорке оружие и амуницию. Они даже сложили между окнами своих высоких каменных домов небольшие камни, предназначенные для мощения улиц. Эти камни женщины должны были бросать в головы индейцев, если те попытаются ворваться в дома. Вооруженные братья несли стражу, сменяя друг друга так пунктуально, как в любом гарнизонном городе. В беседе с епископом Спенгенбергом я выразил свое изумление по этому поводу, ибо знал, что гернгутеры получили от парламента акт, освобождающий их от военной службы в колониях, и потому полагал, что они откажутся носить оружие. Епископ ответил, что отказ носить оружие не был одним из твердо установленных принципов вероучения гернгутеров, но в то время, когда они получили этот закон, это убеждение считалось господствующим среди них. В данном случае они с изумлением увидели, что отвращение к военной службе разделяется лишь немногими. Повидимому, гернгутеры или сами плохо себя знали, или обманывали парламент; но все же иногда здравый смысл, усиленный непосредственной опасностью, одерживает верх над всякого рода экстравагантными мнениями.

Было начало января, когда мы отправились на постройку фортов. Я выслал одно отделение по направлению к Минисинку с заданием построить форт для обеспечения безопасности верхней части страны, а другое — в нижнюю часть с тем же заданием; с оставшимися я решил идти в Гнейденхаттен, где немедленная постройка форта была наиболее необходима.

Гернгутеры снабдили меня пятью фургонами для наших инструментов, припасов и багажа.

Как раз перед нашим выходом из Бетлехема одиннадцать фермеров, изгнанных со своих плантаций индейцами, пришли ко мне, прося снабдить их огнестрельным оружием, чтобы они могли вернуться и спасти свой скот. Я дал каждому из них по ружью с необходимой амуницией. Не успели мы далеко отойти, как начался дождь и шел весь день; но по пути не попадалось жилья, где можно было укрыться. Наконец, к ночи мы добрались до дома одного немца. В этом доме и в амбаре мы столпились, промокшие до нитки. Хорошо еще, что мы не подверглись нападению во время похода, ибо наши ружья были самого обычного образца и наши люди не могли сохранить их замки сухими. Индейцы очень изобретательны в выдумках на этот счет, чем мы не могли похвастаться. В этот день они встретили упомянутых одиннадцать бедных фермеров и убили десять из них. Оставшийся в живых сообщил нам, что его ружье и ружья его товарищей отказали, намокнув под дождем.

На следующий день погода была прекрасная; мы продолжали поход и прибыли в разрушенный Гнейденхаттен. Поблизости

от поселения находилась лесопилка. Вокруг нее сохранились груды досок, из которых мы смастерили хижину; это было совершенно необходимо в то суровое время года, так как у нас не было палаток. Первое, чем нам пришлось заняться, было погребение найденного там нами мертвеца, только наполовину захороненного сельскими жителями.

На следующее утро наш форт был спланирован и размечен. Его окружность составляла четыреста пятьдесят пять футов. Для сооружения частокола нужно было наделать столько же бревен с диаметром в среднем равным футу. Наши семьдесят топоров были немедленно пущены в ход для рубки деревьев; так как наши люди умело обращались с ними, работа спорилась. Видя, с какой быстротой валят деревья, я полюбопытствовал заметить время, когда двое рабочих начали подрубать сосну; через шесть минут они ее повалили; я обнаружил, что ее диаметр составлял четырнадцать дюймов.

Из каждой сосны делались три кола восемнадцати футов длины каждый, заостренные с одного конца. Пока одни делали эту работу, другие копали канаву по линии форта глубиной в три фута, в которую должны были быть установлены колья. Сняв с наших фургонов кузова и отделив передние колеса от задних (для чего был вынут шплинт, соединяющий две части дрожины), мы получили десять повозок с двумя лошадьми на каждую для перевозки кольев из леса к форту. Когда частокол был сооружен, наши плотники построили вдоль него с внутренней стороны платформу высотой около шести футов, стоя на которой можно было стрелять сквозь амбразуры. Мы имели вращающуюся пушку. Установив ее на одном из углов, мы немедленно выстрелили, чтобы индейцы, если бы они оказались в пределах слышимости, знали, что у нас есть такие орудия. Итак, наш форт, — если это громкое название применимо к жалкому частоколу, — был готов в течение недели, хотя через день шли такие сильные дожди, что мы не могли работать.

Последнее обстоятельство дало мне случай заметить, что когда люди заняты работой, у них бывает лучшее настроение; в те дни, когда наши люди работали, они были добродушны и веселы. Они весело проводили вечера, сознавая, что днем хорошо поработали.

Но в дни вынужденного безделья они были раздражительны и сварливы, выискивали недостатки в свинине, хлебе и т. д. и постоянно пребывали в плохом расположении духа. Это напомнило мне одного морского капитана, взявшего за правило держать постоянно своих людей за работой; когда однажды его помощник доложил, что вся работа переделана и что занять экипаж судна больше нечем, он ответил: «Заставьте их чистить якорь».

Такого рода форт, как он ни был жалок, являлся достаточной защитой от индейцев, не имевших пушек. Расположившись теперь в безопасности и имея укрытие, куда при случае можно было ретироваться, мы решили разбиться на отряды, чтобы очистить прилегавшую местность. Индейцев мы не встретили, но обнаружили на соседних холмах места, где они скрывались, следя за нашими действиями. В устройстве этих наблюдательных постов они проявили искусство, заслуживающее упоминания. Так как была зима, то они нуждались в огне. Но обычный костер, разведенный на поверхности земли, выдал бы их расположение на большом расстоянии. Поэтому они вырыли в земле ямы, имевшие приблизительно три фута в диаметре и немного больше в глубину. Мы обнаружили места, в которых они добывали древесный уголь, срубая его с поверхности обугленных бревен, лежащих в лесу. При помощи этого угля они разводили на дне ям небольшой огонь.

Мы заметили на траве следы того, как они лежали вокруг огня, опустив ноги в ямы, чтобы держать их в тепле, что было для них главное. Подобный огонь не мог выдать их ни светом, ни пламенем, ни искрами, ни даже дымом. Повидимому, число индейцев было невелико. Очевидно, они поняли, что нас слишком много, чтобы им можно было решиться на нападение с какой-либо надеждой на успех.

С нами был капеллан, ревностный пресвитерианский священник, мистер Битти. Он пожаловался мне, что наши люди не все и не всегда посещают его молитвы и проповеди. Когда отряд вербовался, то было обещано, что кроме платы и продовольствия завербованные будут ежедневно получать по четверти пинты рома, которая им регулярно выдавалась два раза: полпорции утром и полпорции вечером. Я заметил, что они очень точно за ней являлись. Поэтому я сказал мистеру Битти: «Может быть, недостойно вашей профессии поступать подобно стюарду, раздающему ром; но если бы вы сами раздавали его, причем только после молитв, они бы все были вокруг вас». Он одобрил эту мысль, взялся за ее выполнение и с помощью нескольких помощников, которые отмеривали ром, успешно ее осуществил. Никогда еще молитвы не посещались так пунктуально всеми нашими людьми; поэтому я считаю этот метод лучше наказания, которое предписывается некоторыми военными законами за непосещение богослужения.

Едва я закончил свое дело и снабдил форт достаточными запасами провизии, как получил письмо от губернатора. Из этого письма я узнал, что губернатор созвал собрание и желает, чтобы я на нем присутствовал, если положение дел на границе не делает мое пребывание там необходимым. Мои друзья по собранию в своих письмах также настаивали, чтобы я, если смогу, при-

сутствовал на заседании. Так как намеченные мной три форта были теперь закончены и жители согласились остаться на своих фермах под их защитой, я решил вернуться. Я это сделал тем охотнее, что прибывший из Новой Англии офицер, полковник Клепхем, опытный в войне с индейцами, посетил наш форт и согласился принять на себя командование. Я передал ему свои полномочия и, собрав гарнизон, зачитал их в торжественной обстановке; я представил полковника как офицера, который при своей опытности в военных делах более годится в командиры, чем я, и, прочитав им легкое наставление, отбыл. Меня эскортировали до Бетлехема, где я остановился на несколько дней, чтобы отдохнуть от всех понесенных трудов. В первую ночь, лежа в хорошей постели, я едва мог спать: слишком уж она отличалась от моего жесткого ложа только с одним или двумя одеялами на полу хижины в Гнейденхаттене.

Во время своей остановки в Бетлехеме я немного ознакомился с обычаями гернгутеров; некоторые из них сопровождали меня, и все были очень добры ко мне. Я увидел, что они трудились ради пополнения общих запасов, ели за общими столами и спали в общих спальнях, вмещающих много людей. В спальнях под потолком я заметил отверстия, расположенные через определенные интервалы, предназначенные, как я думаю, для притока воздуха. Я посетил их церковь, где наслаждался хорошей музыкой: звуки органа сопровождались скрипками, гобоями, флейтами, кларнетами и др. Я узнал, что проповеди обычно читались не смешанной аудитории, состоящей из мужчин, женщин и детей, как это принято у нас, но что в одно время собирались женатые мужчины, в другое время их жены, затем юноши, девушки, дети — все в свое время. Проповедь, услышанная мною, предназначалась для детей, которые пришли и разместились на скамьях; мальчики находились под руководством молодого человека, их наставника, а девочки — под наблюдением молодой женщины. Беседа казалась хорошо приспособленной к их уровню развития и велась в приятной, дружеской форме. Детей убеждали, как обычно, быть хорошими. Они вели себя очень послушно, но выглядели бледными и болезненными; это заставило меня предположить, что их слишком много держат в закрытом помещении или лишают физических упражнений. Я расспросил о браках гернгутеров: правда ли, что они заключаются по жребию? Мне ответили, что жеребьевка применяется только в исключительных случаях. Обычно, когда юноша решает жениться, он сообщает об этом старшим его класса, которые консультируются со старшими дамами, управляющими девушками. Так как эти старшие того и другого пола хорошо знают склонности и характеры своих учеников и учениц, они лучше могут решить, какие пары наиболее подходящие, и их

решению обычно повинуются. Но если окажется, например, что две или три девушки в равной степени подходят для данного молодого человека, тогда вопрос решается жребием. Я возразил, что некоторые из таких браков, заключенных не по взаимному выбору, могут оказаться очень несчастливыми. «То же может случиться, — ответил мой собеседник, — если вы позволите выбирать им самим». Этого я, действительно, не мог отрицать.

Вернувшись в Филадельфию, я увидел, что организация добровольной милиции проходит с полным успехом. Почти все жители, за исключением квакеров, в нее вступали, образовывая роты и выбирая своих капитанов, лейтенантов и эмблемы согласно новому закону. Доктор Бонд нанес мне визит и рассказал о своих усилиях, предпринятых для широкой пропаганды этого закона. Этим усилиям он придавал большое значение. Я со своей стороны имел тщеславие приписывать все моему «Диалогу», однако, допуская, что доктор, может быть, прав, я позволил ему тешиться своим мнением; это я считаю лучшим способом поведения в подобных случаях.

Собрание офицеров избрало меня командиром полка, на что я дал свое согласие. Не помню, сколько у нас было рот; но на парад мы вывели около 1200 хорошо выглядевших людей, а также артиллерийскую роту, имевшую шесть бронзовых полевых орудий. С этими орудиями наши артиллеристы научились так хорошо обращаться, что производили двенадцать выстрелов в минуту. Когда я впервые устраивал смотр своего полка, эта батарея проводила меня до дому и салютовала мне несколькими залпами у двери, в результате чего часть стеклянных приборов из моей электрической аппаратуры упала на пол и разбилась. Моя новая почетная должность оказалась не прочнее этих приборов; вскоре все наши полномочия были ликвидированы, ибо закон о добровольной милиции был отменен в Англии. В течение того короткого времени, что я был полковником, я собрался совершить поездку в Виргинию. Офицеры моего полка решили, что они должны сопровождать меня при выезде из города вплоть до Лауер Ферри. Только я собрался сесть на лошадь, как они явились к моему дому числом от тридцати до сорока человек, верхом и в полной форме. Я ничего не знал заранее об их затее, а то бы я предотвратил ее, так как от природы не люблю парадности ни в каких случаях. И я был очень огорчен появлением офицеров, так как не мог воспрепятствовать им сопровождать меня. Хуже всего было то, что, как только мы тронулись, они вынули свои сабли и всю дорогу ехали, держа их наголо. Кто-то описал все это собственнику, и это происшествие очень обидело его. Такая честь никогда не оказывалась ни ему во время его пребывания в провинции, ни кому-либо из его губернаторов,

и он сказал, что подобное чествование допустимо лишь по отношению к принцам королевской крови; может быть, это и так, насколько я могу судить, так как я был и остаюсь несведущим в этикете в подобных случаях. Этот глупый случай, однако, очень усилил его враждебность ко мне, которая и без того была немалой из-за моего поведения в собрании по вопросу об освобождении его владений от налога; я всегда горячо противился этому, сурово порицая его за низость и несправедливость, проявленные им в требовании этой льготы. Собственник обвинил меня перед министерством. По его словам, я препятствовал службе королю, ибо благодаря своему влиянию в Палате помешал тому, чтобы законы о сборе денег были приняты в должной форме. Он упомянул о параде моих офицеров в доказательство моего намерения захватить у него силой управление провинцией. Он также предложил сэру Эверарду Фокенеру, генерал-почтмейстеру, лишить меня моей службы. Но это не оказало другого действия, кроме того, что сэр Эверард сделал мне вежливое внушение.

Несмотря на постоянные пререкания между губернатором и Палатой, в которых я, как член Палаты, принимал большое участие, между этим джентльменом и мной сохранились хорошие отношения, и у нас никогда не было личных ссор. Впоследствии мне иногда приходила мысль, что то обстоятельство, что он мало или даже вовсе не обижался на меня, хотя и знал, кто был автором ответов на его послания, может быть объяснено профессиональной привычкой; получив юридическое образование, он мог рассматривать нас обоих как простых адвокатов, представляющих двух тяжущихся клиентов: он — собственников, а я — собрание. Поэтому губернатор часто дружески советовался со мной в трудных вопросах и иногда, хотя и не всегда, принимал мои советы. Мы действовали в согласии, снабжая армию Брэддока продовольствием; а когда пришли потрясающие известия о его поражении, губернатор срочно послал за мной, чтобы посоветоваться о мерах предотвращения бегства населения из отдаленных областей. Не помню уже, что я ему тогда посоветовал. Кажется, я рекомендовал написать Данберу и попросить его, если возможно, расположить свои войска на границе для ее защиты, пока не подойдут подкрепления из колоний и он не сможет отправиться в экспедицию. После моего возвращения с границы губернатор хотел поставить меня во главе войска провинции для экспедиции против форта Дюкен. Данбер и его войска были тогда заняты в другом месте, и губернатор предложил мне полномочия генерала. Я не был такого высокого мнения о своих военных способностях, как он, если судить по его словам. Но я думаю, что его действительное мнение было гораздо более умеренным, чем его заявления. Возможно, он пола-

гал, что моя популярность облегчит набор людей, а мое влияние в собрании облегчит нахождение средств для их оплаты; и все это, может быть, произойдет без обложения налогом собственника. Увидев, что я не столь расположен заняться этим делом, как он ожидал, губернатор отказался от своего проекта; вскоре он оставил бразды правления и был замещен капитаном Денни.

Прежде чем перейти к рассказу о том участии в общественных делах, которое я принимал при управлении нового губернатора, будет уместно остановиться на том, как возникла и развивалась моя известность в качестве философа.

В 1746 году я встретился в Бостоне с доктором Спенсом, прибывшим недавно из Шотландии. Он показал мне ряд опытов над электричеством. Выполнение их было несовершенно, так как доктор Спенс не был знатоком этого дела. Эти опыты касались совершенно нового для меня предмета, поэтому они изумили меня и доставили мне удовольствие. Вскоре после моего возвращения в Филадельфию наше библиотечное общество получило в подарок от мистера Петера Коллинсона, члена Лондонского королевского научного общества, особую стеклянную трубку. Он сопроводил ее описанием того, как ею пользоваться при подобных опытах. Я поспешил воспользоваться возможностью повторить виденное мною в Бостоне, и благодаря большой практике научился с большой ловкостью производить те опыты, которые описывались в английской инструкции, а также дополнил их своими. Я говорю о «большой практике», потому что мой дом в течение некоторого времени был постоянно полон людьми, приходившими смотреть на эти новые чудеса.

Чтобы немного уменьшить наплыв посетителей, я решил заказать несколько таких трубок в нашей стекольной мастерской для своих друзей. Они их взяли, и у нас, наконец, стало несколько исполнителей. Главным среди них был мистер Киннерсли, один из моих соседей, очень способный человек, находившийся в то время без работы. Я убедил его попытаться демонстрировать опыты за плату и написал для него две лекции. В этих лекциях опыты следовали друг за другом в таком порядке и сопровождались объяснениями в такой форме, что предшествующее должно было помогать пониманию последующего. Для этой цели он добыл красивые приборы. Все мелкие инструменты, которые я грубо смастерил для себя, были изящно сделаны специальными мастерами.

Его лекции хорошо посещались и имели большой успех. Через некоторое время он отправился в турне по колониям, показывая опыты в каждом столичном городе и зарабатывая немалые деньги. Однако на Вест-Индских островах опыты производились с трудом из-за большой влажности воздуха.

Сознавая, насколько мы обязаны мистеру Коллинсону за подарок трубки и пр., я решил, что будет правильным информировать его о наших успехах в пользовании ею. Я написал ему несколько писем с описанием наших опытов. Мистер Коллинсон прочел их в Королевском обществе, где их сперва не сочли достойными напечатания в трудах этого общества. Доклад, который я написал для мистера Киннерсли, доказывающий тождество молнии и электричества, был послан мною доктору Митчелу, моему знакомому, члену того же общества; он ответил, что доклад был прочитан, но высмеян знатоками. Однако, когда доклады показали доктору Фозергиллу, он посоветовал их напечатать, так как нашел их слишком ценными, чтобы замалчивать. Тогда мистер Коллинсон передал их Кейву для опубликования в его «Журнале джентльмена», но последний решил напечатать их отдельно в виде брошюры, а доктор Фозергилл написал к этим докладам предисловие. Повидимому, Кейв, как издатель, поступил дальновидно, так как с последующими добавлениями брошюра превратилась в книгу размером in quarto и выдержала пять изданий, а ее переиздание ничего ему не стоило.

Однако прошло некоторое время, прежде чем эти доклады обратили на себя внимание в Англии. Случилось так, что один экземпляр докладов попал в руки Бюффона, философа, заслуженно пользующегося широкой известностью во Франции и в Европе. Он поручил мистеру Далибару перевести их на французский язык, и они были напечатаны в Париже. Опубликование этих докладов задело аббата Нолле, преподавателя натурфилософии в королевской семье, способного экспериментатора, создавшего и опубликовавшего свою теорию о природе электричества, которая была в то время в большой моде. Он сперва не поверил, что такая работа пришла из Америки, и сказал, что она, должно быть, сфабрикована его врагами в Париже в целях подрыва его системы. Позднее, уверившись в действительном существовании такой личности, как Франклин из Филадельфии, в чем он сперва сомневался, Нолле написал и опубликовал том писем, адресованных главным образом ко мне, защищающих его теорию и отрицающих достоверность моих опытов и положений, выведенных из них. Моим первым побуждением было ответить аббату, и я начал было писать ответ. Но затем я подумал о том, что моя работа содержит лишь описание опытов, которые каждый может повторить и проверить, а без проверки их вообще нельзя защищать; что, далее, она содержит ряд соображений, высказанных в качестве предположений, а не догматических утверждений, следовательно, я не обязан защищать их. Кроме того, я понял, что диспут между двумя людьми, владеющими разными языками, затянулся бы в значительной

степени из-за ошибок в переводе, ведущих к взаимному непониманию. (Многие возражения в одном из писем аббата Нолле были вызваны ошибкой в переводе моего доклада.) Я решил предоставить мои доклады их участи, полагая, что будет лучше использовать время, которое я могу выкроить из занятий общественными делами, для производства новых экспериментов, чем для дискуссии по поводу экспериментов, уже произведенных. Поэтому я так и не ответил господину Нолле, и дальнейший ход событий не заставил меня пожалеть о своем молчании, так как мой друг господин Ле Руа из королевской Академии наук взял на себя мою защиту и опроверг его. Моя книга была переведена на итальянский, немецкий и латинский языки, и содержащаяся в ней теория была постепенно принята всеми философами Европы, отдавшими ей предпочтение перед теорией аббата Нолле, которому суждено было остаться единственным представителем своей секты, если не считать господина Б. из Парижа, его ученика и ближайшего последователя.

Неожиданную и широкую известность принес моей книге успех одного из предлагаемых в ней опытов, повторенного Далибаром и Делором в Марли. Этот опыт, состоявший в притяжении молнии из облаков, привлек повсюду внимание публики. Делор, имевший аппаратуру для экспериментальной философии и читавший лекции в этой отрасли знания, повторил то, что он называл филадельфийскими экспериментами; и, после того как они были показаны королю и двору, все любопытные в Париже хлынули на это зрелище.

Я не буду растягивать этот рассказ описанием вышеупомянутого главного опыта, а также громадного удовольствия, которое я получил вскоре после этого от успеха произведенного мною в Филадельфии аналогичного опыта со змеем; и то и другое можно найти в книгах по истории электричества.

Доктор Райт, английский врач, бывший в то время в Париже, написал своему другу, члену Королевского общества, о той высокой оценке, которую мои опыты получили среди ученых за границей и об их удивлении по поводу того, что мои работы так мало были замечены в Англии. Тогда общество вновь рассмотрело мои письма, зачитывавшиеся в нем ранее. Прославленный доктор Уотсон составил резюме писем, а также всего, что я затем посылал в Англию по этому предмету, и сопроводил это резюме похвалой автору. Это резюме было затем напечатано в трудах Лондонского королевского общества, и некоторые члены этого общества, в частности весьма талантливый мистер Кэнтон, проверили опыт, при котором молния притягивалась из облаков с помощью заостренного стержня. Они сообщили в общество об успешном исходе опыта, и вскоре я был с избытком компенсирован за то пренебрежение, с которым они сперва

отнеслись ко мне. Без всякой просьбы с моей стороны они избрали меня своим членом, освободив от обычного взноса, достигающего двадцати пяти гиней, и также бесплатно посылали мне впоследствии свои труды. Кроме того, я был награжден золотой медалью сэра Годфрея Коплея за 1753 г. Вручение мне этой медали сопровождалось очень красивой речью председателя общества лорда Мэклсфилда, в которой он высоко оценил меня.

ГЛАВА XII

Наш новый губернатор капитан Денни привез для меня от Королевского общества вышеупомянутую медаль, которую он преподнес мне на приеме, организованном городом в его честь. При этом он в очень любезных словах выразил мне свое уважение, сказав, что он уже давно много слышал обо мне. После обеда, когда общество по обычаю того времени приступило к вину, он отвел меня в другую комнату и сообщил, что его друзья в Англии советовали ему подружиться со мной, как с человеком, который способен дать ему наилучшие советы и наиболее эффективно содействовать облегчению его административной работы; что поэтому он больше всего желает установить со мной хорошее взаимопонимание и заверяет меня в своей готовности во всех случаях оказывать мне любые услуги, какие будут в его власти. Он также много говорил мне о благосклонном отношении собственника к провинции и о выгоде, которая будет возможна для нас всех и для меня в частности, если давно продолжающаяся оппозиция против его мероприятий прекратится и между ним и народом восстановится согласие; при этом считают, что в осуществлении такой задачи никто не смог бы оказаться более полезным, чем я, и я могу рассчитывать на соответствующие вознаграждения и знаки благодарности. Остальные гости, заметив, что мы не возвращаемся, послали нам графин мадеры, которому губернатор оказал большое внимание, после чего его просьбы и обещания соразмерно возросли. На это я ответил, что мои обстоятельства, слава богу, таковы, что в благосклонности собственника я не нуждаюсь и что, состоя членом собрания, я не могу принять ни одно из его предложений; однако лично я не имею ничего против собственника и что всякий раз, когда предлагаемые им общественные меры будут, повидимому, служить благу народа, никто не поддержит их и не будет способствовать их продвижению более ревностно, чем я сам. Моя оппозиция в прошлом была основана на том, что мероприятия, которых от нас требовали, были явно в интересах собственника, вопреки интересам народа; я весьма признателен губернатору за его высказывания в отноше-

нии меня и он может не сомневаться, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы по возможности облегчить его управление; в заключение я выразил надежду, что он не привез с собой таких злосчастных инструкций, которые мешали работе его предшественников.

На это он тогда ничего не сказал; но когда впоследствии он занялся обсуждением дел совместно с собранием, опять появились эти инструкции и возобновились дебаты, и я, как всегда, стал активно действовать в оппозиции. Я опубликовал сперва эти инструкции, а затем ряд замечаний о них. И то и другое можно найти в материалах собрания того времени и в историческом обзоре, который я впоследствии напечатал.

Но между нами не возникло личной вражды; мы часто встречались, он был образованным человеком, много повидал на свете и был интересным и приятным собеседником. Он сообщил мне, что мой старый друг Ралф жив и считается одним из лучших политических писателей Англии, что Ралф участвовал в диспуте между принцем Фредериком и королем и получил пенсию в триста фунтов стерлингов в год; что на поэтическом поприще он так и не стяжал большой славы. Поп осудил его поэзию в «Дунсиаде», но проза его считалась не хуже, чем проза любого другого автора.

Собрание, поняв, наконец, что собственники упорно продолжают связывать депутатам руки своими инструкциями, несовместимыми не только с привилегиями для народа, но и со службой короне, решило обратиться с петицией к королю и назначило меня своим агентом в Англии для представления и поддержки петиции.

Палата направила губернатору билль, выделявший в пользу короля сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов (из которых десять тысяч фунтов стерлингов поступало в распоряжение тогдашнего генерала лорда Лаудона). Губернатор, руководствуясь своими инструкциями, категорически отказался утвердить этот билль. Я уже договорился с капитаном почтового корабля в Нью-Йорке Моррисом о моем проезде, и багаж мой был погружен на корабль, когда в Филадельфию прибыл лорд Лаудон — специально для того, как он сказал мне, чтобы попытаться примирить губернатора с собранием, дабы служба его величества не усложнялась их разногласиями. Поэтому он пожелал иметь встречу с губернатором и со мной, чтобы иметь возможность выслушать мнения обеих сторон. Мы встретились и обсудили этот вопрос. От имени собрания я выдвинул различные доводы, которые можно найти в прессе того времени. Они были мною написаны и опубликованы в протоколах собрания; губернатор отстаивал свои инструкции, говорил о данном им обязательстве соблюдать их и утверждал, что его ждет

гибель, в случае если он нарушит это обязательство; но, повидимому, он не прочь был рискнуть, если лорд Лаудон посоветует это сделать. Его светлость этого сделать не пожелал, хотя был момент, когда я подумал, что почти убедил его согласиться на это; но в конечном счете он предпочел настаивать на уступках со стороны собрания. Он просил меня приложить все усилия для осуществления вместе с ним этой цели, заявив, что не сохранит ни одного из королевских подразделений для защиты наших границ, так что если мы не будем продолжать заботиться о защите сами, то границы останутся незащищенными и открытыми для врага. Я ознакомил Палату с тем, что произошло, и представил ряд резолюций, которые я составил, декларирующих наши права и провозглашающих, что мы не отказываемся от требования этих прав, но лишь откладываем их осуществление, уступая силе, против которой мы протестовали; наконец, Палата согласилась снять свой билль и составить другой, соответствующий инструкциям собственника. Этот билль губернатор, конечно, утвердил, и я мог спокойно продолжать свою поездку. Но тем временем корабль с моим багажом отошел, что явилось для меня немалой потерей, а единственным возмещением были выражения благодарности его светлости за мои услуги; вся честь достигнутого соглашения досталась ему. Он отправился в Нью-Йорк раньше меня, и так как время отправки почтовых кораблей зависело от его распоряжения, а там находилось два корабля, из которых один, как он сказал, должен был отойти очень скоро, я попросил сообщить мне точное время отбытия, чтобы не опоздать на него. На это последовал ответ: «Я объявил, что корабль должен отойти в следующую субботу; но могу вам сообщить, между нами, что если вы будете там в понедельник утром, то как раз поспеете во-время; но дольше не задерживайтесь». Из-за какой-то случайной задержки на переправе я прибыл на место в понедельник днем и очень опасался, что корабль уже отплыл, так как ветер был попутный. Но меня скоро успокоили сообщением, что корабль еще находится в гавани и не отплывет до следующего дня.

Можно было бы подумать, что теперь я уже почти уехал в Европу; я и сам был того же мнения; оказалось, однако, что тогда я еще мало знал характер его светлости, одной из главных черт которого была нерешительность.

Приведу некоторые примеры. Было начало апреля, когда я прибыл в Нью-Йорк, а отплыли мы, кажется, в конце июня. В Нью-Йорке стояло два почтовых корабля; они уже давно находились в готовности, но задерживались из-за писем генерала, доставка которых все время откладывалась на «завтра». Прибыло другое судно, которое также задержали, и, прежде чем мы отплыли, ожидалось прибытие уже четвертого корабля.

Наш корабль должен был отправиться первым, так как он долее всех стоял в гавани. Пассажиры были набраны полностью, и некоторые из них нетерпеливо ожидали отправления. Купцы испытывали тревогу за свои письма, за свои страховые полисы (время было военное) и за портящиеся товары, но их беспокойство ни к чему не приводило. Письма его сиятельства были не готовы; к тому же всякий, кто ни являлся к нему, всегда находил его за бюро с пером в руке и убеждался, что ему приходится очень много писать. Однажды утром, зайдя к нему засвидетельствовать свое почтение, я нашел в его прихожей некоего Инниса, посыльного из Филадельфии, прибывшего оттуда нарочным с пакетом для генерала от губернатора Денни. Он вручил мне несколько писем от моих друзей; это заставило меня поинтересоваться, когда он должен вернуться и где остановился, чтобы я мог послать с ним несколько писем. Он сказал, что ему приказано зайти завтра в девять за ответом генерала для губернатора и что он отправится немедленно. Я в тот же день отдал ему письма. Спустя две недели я опять встретил его в том же месте. «Вы так скоро вернулись, Иннис?» — «Вернулся! Нет, я еще не уезжал». «Как так?» — «В течение последних двух недель я захожу сюда каждое утро за письмами его светлости, но они все еще не готовы». — «Возможно ли это, когда он так много пишет! ведь я постоянно вижу его за бюро». — «Да, — сказал Иннис, — но он, подобно святому Георгу, *всегда сидит верхом на коне, но никогда не скачет*». Это наблюдение, сделанное посыльным, было, повидимому, вполне обоснованным, так как, будучи уже в Англии, я узнал, что мистер Питт (впоследствии лорд Чэтэм) привел в качестве одной из причин для снятия этого генерала и назначения генералов Эмхертса и Вольфа то, что «министр никогда ничего не слышал от него и не мог понять, чем он занимается».

В этой обстановке ежедневного ожидания отплытия, а также в связи с тем, что все три почтовых корабля спустились к Сэнди Хук, чтобы там примкнуть к флоту, пассажиры полагали, что лучше всего быть на борту, чтобы корабли по внезапному приказу не отплыли, и они не остались бы. Насколько я помню, мы пробыли там около шести недель, истребляя свои дорожные запасы и добывая новые. Наконец, флот ушел с генералом и всей его армией на борту к Луисбургу с намерением осадить и взять эту крепость; всем почтовым кораблям было приказано сопровождать генеральский корабль и быть готовыми принять его депеши, когда они будут написаны. В таком положении мы пробыли пять дней, прежде чем получили письмо с разрешением отплыть, и наш корабль покинул флот и взял курс на Англию. Два других почтовых корабля генерал еще задержал, ведя их за собой до Галифакса, где он остановился на некоторое

время с целью произвести военное учение, состоявшее в бутафорских атаках на бутафорские форты; затем, раздумав осаждать Луисбург, он вернулся в Нью-Йорк со всеми своими войсками вместе с двумя вышеупомянутыми почтовыми кораблями и всеми их пассажирами!

За время его отсутствия французы и индейцы взяли форт Георг на границе той провинции, и после капитуляции индейцы перерезали значительную часть гарнизона.

Впоследствии я встретил в Лондоне капитана Бонелла, который вел один из этих почтовых кораблей. Он рассказал мне, что, когда его корабль был задержан на месяц, он доложил его светлости, что подводная часть его корабля заросла ракушками и водорослями до такой степени, что это неизбежно будет мешать быстрому ходу, который необходим для почтового корабля, и попросил разрешения произвести очистку подводной части. Его светлость спросил, сколько на это потребуется времени. Капитан ответил, что три дня. Тогда генерал заметил: «Если вы сможете справиться с этим в один день, я разрешу, в противном случае — нет, так как вы должны будете отплыть послезавтра».

Так он и не получил разрешения, хотя после этого его задерживали со дня на день еще в течение целых трех месяцев.

Я видел также в Лондоне одного из пассажиров Бонелла, который был настолько взбешен тем, что его светлость обманул его и так долго задержал в Нью-Йорке, а затем провез в Галифакс и обратно, что поклялся подать на него в суд за понесенные убытки. Осуществил ли он свое намерение или нет, я не слышал, но, судя по его словам, ущерб его делам был нанесен весьма значительный.

В общем я очень удивлялся, как такому человеку могло быть вверено столь важное дело, как командование большой армией; но впоследствии, когда я больше повидал мир и узнал средства получения мест и должностей и мотивы назначения на них, мое удивление значительно уменьшилось. Генерал Ширли, к которому перешло командование армией после смерти Брэддока, должен был бы, по моему мнению, если бы оставался на своем посту, значительно лучше провести военную кампанию, нежели это сделал в 1757 г. Лаудон, который был легкомысленным, расточительным и в высшей степени бесчестным по отношению к нашему народу командующим. Хотя Ширли сам не имел военного образования, он обладал острым умом и проницательностью, прислушивался к добрым советам других, был способен составлять разумные планы и быстро, деятельно проводить их в жизнь. Лаудон же, вместо того чтобы оборонять колонии со своей огромной армией, оставил их совершенно незащищенными, а сам устраивал ненужные смотры

в Галифаксе, в результате чего был потерян форт Георг; кроме того, он расстроил все наши торговые операции и истощил нашу торговлю продолжительным эмбарго на экспорт продовольственных товаров под тем предлогом, чтобы продукты не достались врагу, но в действительности с целью сбить на них цены в пользу подрядчиков, в чьих доходах, как говорили, он имел свою долю (впрочем, последнее, возможно, было лишь недоказанным подозрением); когда же, наконец, эмбарго было снято, он не позаботился послать сообщение об этом в Чарлстон, где флот Каролины был задержан дополнительно почти на три месяца, вследствие чего подводная часть кораблей была до такой степени источена червями, что бо́льшая часть из них на обратном пути пошла ко дну.

Ширли, как человек не знакомый с военными делами, я уверен, был искренно рад избавиться от столь обременительного дела, как командование армией. Я присутствовал на приеме, организованном городом Нью-Йорком в честь лорда Лаудона, когда последний принимал командование. Ширли, хотя и был смещен, также находился в числе присутствующих. Собралось большое общество из офицеров, горожан и иностранцев, и пришлось одолжить несколько кресел по соседству. Одно из этих кресел, очень низкое, досталось мистеру Ширли. Заметив это, так как мы сидели рядом, я сказал: «Вам дали, сэр, слишком низкое место». — «Неважно, мистер Франклин, — сказал он. — Я считаю *низкое место самым удобным!*»

Пока меня вышеупомянутым образом задерживали в Нью-Йорке, я получил все счета на снабжение продовольствием и всем прочим, что я доставил Брэддоку. Некоторые счета нельзя было раньше получить от разных лиц, которых я нанимал для помощи в этом деле. Я представил эти счета лорду Лаудону с просьбой, чтобы мне их оплатили. Лаудон поручил проверить их соответствующему чиновнику, который после сличения каждой статьи с ее оправдательным документом заверил их, и его светлость пообещал выдать мне ордер на получение у кассира следуемой мне суммы. Однако выплата все время откладывалась, и хотя я аккуратно заходил в назначенное время, денег я не получал. Наконец, перед самым моим отъездом, Лаудон сказал мне, что по долгом размышлении решил не смешивать свои счета со счетами предшественников. «А вы, — заявил он, — когда будете в Англии, представьте сразу же ваши счета в казначейство, и они будут немедленно оплачены».

Я выразил желание получить по счетам тотчас же, ссылаясь на большие и неожиданные расходы, которые я понес вследствие столь продолжительной задержки в Нью-Йорке, — но все было безрезультатно. Напрасно я говорил, что, по моему мнению, было неправильно чинить мне дальнейшие затруднения в

получении денег, которые я уплатил авансом, так как я не получал комиссионных за мою службу. «О, сэр, — сказал он, — вы и не думайте убедить нас, что вы не в выигрыше; мы лучше понимаем эти дела и знаем, что всякий, кто связан со снабжением армии, находит средства и пути, чтобы при этом набить свой собственный карман». Я уверял его, что это ко мне не относится и что я не взял ни фартинга, но он явно не верил мне; в самом деле, впоследствии я узнал, что на таких поставках часто создаются огромные состояния.

Что же касается моих счетов, то они остаются неоплаченными и по сей день, о чем я еще буду говорить ниже.

До отплытия капитан нашего почтового корабля много хвастался быстроходностью своего судна; к несчастью, когда мы вышли в море, корабль, к его немалому разочарованию, оказался тихоходным при девяноста шести парусах. Было высказано много догадок о причинах этого. Однажды, когда мы находились вблизи другого корабля, почти такого же тихоходного, как наш, который, однако, обогнал нас, капитан приказал всем перейти на корму и стоять по возможности ближе к флагштоку. Нас было, включая пассажиров, всего около сорока человек. Пока мы там стояли, корабль ускорил ход и вскоре оставил далеко позади своего соседа, что явно подтвердило подозрение нашего капитана, что корабль имел слишком большую нагрузку на нос. Бочонки с водой, кажется, все были помещены впереди; поэтому он приказал переместить их дальше к корме, после чего корабль раскрыл свои возможности и показал себя наилучшим во всем флоте.

Капитан сказал, что этот корабль однажды шел со скоростью тринадцати узлов, т. е. тринадцати миль в час. Мы имели на борту в качестве пассажира капитана королевского флота Кеннеди. Он возразил, что это невозможно, что ни один корабль никогда не шел так быстро и что, должно быть, деления лаглинии неточны или неверно определялась скорость лагом. Между двумя капитанами было заключено пари: спор должен был решиться, когда подует благоприятный ветер. Кеннеди предварительно тщательно проверил лаг-линию; она оказалась удовлетворительной. Он решил сам бросить лаг. Спустя несколько дней, когда поднялся свежий попутный ветер, капитан нашего почтового корабля Лутвидж высказал уверенность, что корабль идет со скоростью тринадцати узлов. Кеннеди сделал проверку и признал, что проиграл пари.

Я привожу этот факт, чтобы высказать следующее соображение. Известно, что из-за несовершенства в искусстве кораблестроения никогда нельзя знать заранее, будет ли новый корабль быстроходным, ибо часто оказывается, что новое судно, по-

строенное по точной модели быстроходного корабля, выходит на редкость тихоходным.

Я думаю, что это в какой-то степени зависит от различных мнений моряков о способах нагрузки, снаряжения корабля и постановки парусов; каждый имеет свой метод, и одно и то же судно, нагруженное в соответствии с распоряжениями одного капитана, будет идти лучше или хуже, нежели оно пойдет, нагруженное соответственно приказам другого. Кроме того, очень редко случается, чтобы корабль строился, оснащался для плаванья и управлялся одним и тем же лицом. Один человек строит корпус корабля, другой оснащает его, а третий нагружает и ведет. Ни один из них не имеет полного представления о соображениях и опыте других и поэтому не может сделать правильных выводов из сочетания всех обстоятельств.

Даже в простой операции управления кораблем на море я часто был свидетелем различных суждений со стороны офицеров, сменявших друг друга на вахте. При одинаковом ветре они расходились во мнениях относительно того, под каким углом следует ставить паруса, так что казалось, что у них нет твердо установленного способа управления кораблем. Однако я думаю, что можно было бы провести ряд опытов, во-первых, для того, чтобы определить наиболее правильную форму корпуса корабля для быстрого хода; во-вторых, чтобы установить наилучшие размеры мачт и наиболее подходящее место для них; затем определить форму и количество парусов и их наилучшее положение при различных ветрах и, наконец, размещение нагрузки. Наш век — это век опытов, и я полагаю, что ряд точно проведенных комбинированных опытов принес бы большую пользу. Поэтому я уверен, что недалек тот день, когда какой-нибудь изобретательный философ займется этим делом, и желаю ему успеха.

За время нашего рейса мы несколько раз подвергались преследованиям, но всякий раз уходили; в течение тридцати дней мы производили измерения глубины лотом.

Наши наблюдения были точны. Капитан решил, что мы уже так близко находимся от нашего места назначения — порта Фэлмут, что если мы сделаем за ночь хороший переход, то к утру достигнем входа в гавань. Благодаря ночному переходу мы смогли бы также остаться незамеченными вражескими каперами, которые часто крейсировали у входа в пролив. Мы поставили все паруса, какие только могли; ветер был свежим и попутным; мы шли прямо по ветру и преодолели большое расстояние. Капитан, сделав наблюдения, наметил курс, как он думал, так, чтобы пройти вдали от островов Силли; но, повидимому, иногда в проливе Святого Георга возникает сильное течение, которое вводит в заблуждение моряков и, в частности, вызвало гибель

эскадры сэра Клоудсли Шовела. Оно же, вероятно, было причиной того, что случилось с нами.

На носу нашего корабля стоял вахтенный, которому часто отдавалась команда: «Смотри хорошенько вперед!» И он каждый раз отвечал: «Есть, есть!». Но, по всей вероятности, глаза его при этом были закрыты, и он почти спал (говорят, вахтенные иногда отвечают механически), так как он не заметил впереди света, который был скрыт лиселями от рулевого и от остальных вахтенных; благодаря случайному отклонению корабля этот свет был обнаружен и вызвал большую тревогу, так как мы были очень близко к нему; свет казался мне величиной с колесо телеги. Была полночь, и наш капитан крепко спал; но капитан Кеннеди, выскочив на палубу и увидев опасность, приказал кораблю сделать крутой поворот при всех парусах; эта операция, весьма опасная для мачт, была хорошо проведена, и мы избежали неминуемого кораблекрушения, так как мчались прямо на скалы, где был установлен маяк. Это избавление от гибели благодаря маяку произвело на меня сильное впечатление, и я решил поддержать их строительство в Америке, если я доживу до возвращения туда.

Утром промером глубины и другими способами было обнаружено, что мы находимся вблизи нашего порта, но земля была скрыта от нас густым туманом. Около девяти часов туман начал рассеиваться, казалось, что он поднимался прямо из воды, как театральный занавес, за которым открывается вид на город Фэлмут, суда, стоящие в гавани, и поля. Это было чарующее зрелище для тех, кто долго не видел других горизонтов, кроме однообразной картины пустынного океана: оно доставляло нам тем большее удовольствие, что теперь мы были избавлены от всех тревог, связанных с состоянием войны.

Я немедленно отправился с сыном в Лондон и только ненадолго останавливался по дороге, чтобы осмотреть Стоунхэдж в Салисбери Плэйн и дом, сады и очень любопытную коллекцию древностей лорда Пэмброка в Вильтоне.

Мы прибыли в Лондон 27 июля 1757 года.

ЗАМЕТКИ

ПО НЕКОТОРЫМ ИЗ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ НАБЛЮДЕНИЙ, ПОДРОБНО ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НРАВОВ НА НАСЕЛЕНИЕ

В письме автору от Ричарда Джексона из Лондона

Милостивый государь!

Прошло уже около трех лет с тех пор, как я получил ваши блестящие «Высказывания о росте человечества», в которых вы с большой проницательностью и тщательностью показали, каким образом и по какой причине лучше всего повышается это основное средство политического могущества, и так хорошо подтвердили те выводы, которые вы время от времени делали относительно общего состояния наших американских колоний и взглядов и поведения некоторых жителей Великобритании.

Вы вполне доказали, что естественная плодовитость едва ли должна приниматься во внимание, так как vis generandi *, как мы знаем, не ограничена и так как опыт показывает, что большое количество наций управляется косвенными факторами, из которых ни один не имеет такой важности, как количество средств существования: будь то результат климата или почвы, улучшение обработки земли, торговля, рыбные промыслы, гарантированная собственность, завоевание новых стран или другие благоприятные обстоятельства.

Так как я полностью согласен с вашими рассуждениями по этим вопросам, мне очень хотелось сделать свои выводы, исходя из положений, которые вы приводите; ваши намеки в 21 разделе побудили меня обеспокоить вас некоторыми мыслями о влиянии, которое имеют нравы на численность населения и на его политическое процветание в целом.

---

* Сила порождающая. — *Ред.*

Целью каждого индивидуума является его личное благополучие. Правила, которые он применяет в погоне за этим благополучием, являются системой действий, почти каждое из которых основано на власти, т. е. на получении влияния через доверие, данное одному или нескольким лицам, а не через доказательство.

И это, так же как и в других важных вопросах жизни, происходит и с той частью человечества, куда входят мудрецы и философы; и то, что это должно быть именно так, менее странно, когда мы считаем, что, повидимому, невозможно доказать, что *существование* или сама жизнь имеет какую-нибудь другую цену, нежели та, которая установлена властью.

Подтверждение это можно вывести из наблюдения, что в любой стране мира счастье достигается разными путями; и даже в одной и той же стране мы видим, что оно определяется разными возрастами, профессиями и категориями людей в достижении наслаждений, не похожих одно на другое.

Эти положения, так же как и другие, основанные на них, постепенно становятся обычными и, когда они направляют и определяют нравы, я называю их *моральными обычаями.*

Есть другая система обычаев, которая управляет частями тела, и поэтому я их называю *механическими обычаями.* Они составляют то, что мы обычно называем знаниями, которые являются более или менее свободными или механическими, так как они более или менее основаны на работе мозга.

Cumulus * моральных обычаев каждого индивидуума является правом этого индивидуума; cumulus нравов индивидуумов составляет нравы нации.

Счастье индивидуумов является, очевидно, конечной целью политического общества; а политическое благоденствие, или сила, величие и богатство государства всегда допускается как политическими писателями, так и лучшей частью человечества в целом для достижения этой цели, и поэтому они желательны.

Причины, которые способствуют или препятствуют любому из этих трех объектов, могут быть внешними и внутренними. Последние могут быть подразделены на физические, гражданские и личные. Под личными я понимаю моральные и механические обычаи человечества. Физические причины — это в основном климат, почва и количество людей; гражданские — это правительство и законы; политическое благоденствие всегда находится в соотношении с силой этих определенных причин. Большое число внешних причин и все внутренние причины не только контролируют и видоизменяют, но и постоянно действуют, и поэтому незаметно, а также и заметно изменяют друг друга в лучшую и хорошую сторону, не исключая и климата.

---

* Вершина. — *Ред.*

Огромное значение обычаев в приросте населения является очевидным из примера с квакерами, о котором вы упомянули; среди них трудолюбие и бережливость увеличили и расширили пользование предметами первой необходимости; нравам подобного рода обязана плотность населения в Голландии, Швейцарии, Китае, Японии и большей части Индостана, в каждой из этих стран размер территории и плодородие земли увеличиваются или их недостаток возмещается трудолюбием и бережливостью.

Природа и искусство не очень сильно способствуют производству средств существования в Швейцарии; тем не менее мы видим, что бережливость сохраняет и даже увеличивает семьи, которые живут на свое состояние и которых в Англии мы называем нетитулованным дворянством; и вывод, который мы не можем не сделать в отношении южной части этого королевства, что эти семьи, включая и все высокопоставленные, постепенно вымирают, дает несомненное доказательство, что роскошь (т. е. бо́льший расход средств существования, чем это может потребовать благоразумие человека) является столь же пагубной, как и несоразмерное отсутствие этой роскоши; но в Шотландии и Швейцарии джентри (нетитулованное дворянство), имея не больше одной четвертой части дохода, возрастает количественно.

И здесь я не могу не отметить, насколько хорошо обоснована сделанное вами различение прироста населения в старых и новых странах вообще и особенно в случаях, касающихся семей, занимающих высокое общественное положение. В Америке, где расходы более ограничены предметами первой необходимости, а эти последние дешевы, часто можно видеть более ста человек, происходящих от одного находящегося в живых старика. В Англии обычно случается так, что если человек имеет семь, восемь или более детей, то в следующем поколении не будет потомков, так как большое количество детей в семье ведет к большим трудностям при расточительной и дорогостоящей жизни в Англии, что препятствует браку.

И то, что это скорее происходит из-за роскоши, чем из-за нужды, явствует из того, что я сказал о Шотландии, и более очевидно на примере местностей Англии, удаленных от Лондона, в большинстве которых предметы первой необходимости почти так же дороги, а в некоторых даже дороже, чем в Лондоне, тем не менее люди всякого общественного положения женятся и воспитывают своих детей.

И еще: среди низших классов ни у кого не бывает детей меньше, чем у слуг. Это в какой-то мере определяется их положением, которое препятствует женитьбе, но это определяется также их привычкой к роскоши и развращенностью нравов, которая наблюдается среди них больше, чем в какой-либо

другой категории людей в Англии, и является следствием более близкого знакомства с жизнью и людьми, занимающими высокое положение.

В Англии количество средств существования со временем несомненно становится больше, и все же, если население более многочисленно, оно, конечно, не находится в соответствии с увеличением средств существования. Я склонен думать, что некоторые части королевства в прошлом были заселены больше, чем в настоящее время. У меня есть несколько неоспоримых доказательств именно так думать о большей части стран, с которыми я особенно близко познакомился; но так как, возможно, не у всех в одно и то же время происходил рост заселения и так как некоторые наши города в настоящее время явно и значительно растут, я не осмелюсь предполагать, как это делают рассудительные люди, что теперь Англия населена меньше, чем прежде.

Рост наших городов является результатом изменения нравов и улучшения ремесел, свойственного всей Европе; и, хотя нельзя предполагать, что это приостановило рост средств существования в стране, очевидно, что при бо́льшем их потреблении (неминуемое следствие того, что население живет в городах) это противодействует результату наших громадных успехов в ремеслах.

Но, однако, умеренность может возмещать естественные или приобретенные средства существования, а расточительство может им противодействовать; несомненно, что трудолюбие является более действенным основанием для изобилия, чем любое естественное преимущество в территории или плодородии. Я упоминаю примеры умеренности и трудолюбия в сочетании с территорией и плодородием. В Испании и Малой Азии мы видим, как умеренность сочетается с территорией и плодородием без трудолюбия; в Ирландии некогда мы наблюдали то же самое; Шотландия ничего этого не имеет, за исключением умеренности. Изменения в этих двух странах, очевидные для каждого, обязаны тому обстоятельству, что трудолюбие в каждой из этих стран не широко развито. Результаты трудолюбия и умеренности в Англии удивительны; как арендная плата, так и стоимость унаследованной земли зависят от них гораздо больше, чем от природных условий, хотя нет большой разницы в цене на наших рынках. Земля одинакового плодородия допускает удвоение арендной платы другого участка земли, лежащего в том же графстве; существует разница в многолетних доходах с земли в разных графствах, где арендная плата равно хорошо выплачивается и гарантирована.

Таким образом, нравы оказывают влияние на численность населения; а их молчаливое влияние на гражданскую консти-

туцию, историю и даже на наш собственный опыт дает нам избыток доказательств, хотя нравы нередко считают внешними причинами; поддержка ими государства против внешних сил так велика, что имеется даже афоризм среди защитников свободы, что ни одно свободное правительство никогда не было распущено или побеждено прежде, чем были развращены нравы подданных.

Превосходство Греции над Персией объясняется единственно различием их нравов; хотя все естественные преимущества были на стороне Персии, и к этому я могу еще прибавить гражданские нравы, хотя самое большое преимущество — свобода — было на стороне Греции, все же это не прибавляло ей политической силы, а когда нравы были развращены, восстановление их свободы римлянами ниспровергло остатки их мощи.

Судить, способствовали или нет нравы древнего Рима в какой-то период счастью индивидуумов, не входит в мою задачу, но то, что их нравы и влияние этих нравов на правительство и политическое управление способствовали основанию, расширению и поддержке, а потом ниспровержению империи, не подлежит никакому сомнению. Один из результатов их завоеваний дает нам серьезное доказательство, что влияние нравов и широкое их распространение имеют большее значение, чем количество средств существования; потому что когда установился обычай давать гражданам Рима достаточно хлеба для содержания их и их семей, а Египет и Сицилия поставляли зерно, которым питалось население Италии, то оно стало уменьшаться с каждым годом и jus trium liberorum * было лишь средством, которое не могло уравновесить недостаток трудолюбия и умеренности.

Развращенность нравов не только истощила население Римской империи, но и сделала оставшихся неспособными к защите задолго до падения империи, возможно перед падением республики. Таким образом, без постоянной дисциплинированной армии, состоящей из людей, чьи моральные устои, во-первых, и механические навыки, во-вторых, отличают их от простого скопления людей, Римская империя стала добычей варваров за много веков до того, как она пала.

Под механическими навыками солдат я разумею их дисциплинированность и искусство ведения войны; и то, что это является второстепенным качеством, вытекает из неравенства, которое существует на протяжении веков между необученной, но хорошо дисциплинированной армией и ветеранами, и еще более из непреодолимой силы моральных устоев, религии,

---

* Право, принадлежащее тем, у кого трое детей. — *Ред.*

которая действует зачастую на недисциплинированные и неопытные войска.

Военные обычаи аристократии Франции составили основную силу этого королевства, а предприимчивый и беспокойный характер жителей Канады дал возможность горстке людей беспокоить наши густонаселенные и в общем менее воинственные колонии; и однако ни те, ни другие не имеют той ценности, как это кажется на первый взгляд, так как выведенные из равновесия недостатком нравов, которые могли бы дать более желательную политическую пользу, военные обычаи не необходимы для людей в такое время и в таких странах, где эти обычаи могут изредка, время от времени, возникать и сохраняться среди людей в той мере, в какой этого достаточно для защиты государства. Такой страной является Великобритания, где, хотя низшие классы людей, несомненно, не принадлежат к военному сословию, все же из них получаются лучшие солдаты, чем даже из французских аристократов.

Несколько веков тому назад население этой страны было тем же самым для населенных и богатых провинций Франции, чем теперь является Канада для британских колоний. Правда, существовала меньшая диспропорция между их естественными силами, но мне кажется, что богатства Франции имели малое значение в сравнении с военными обычаями, основанными на бедности и суровом характере, свойственным тогда англичанам; нужно помнить, что в то время нравы народа отличались от нравов солдат, так как регулярная армия лишает воинственный народ преимуществ, которые он имел раньше перед другими; и хотя часто говорится, что гражданские войны придают силу, потому что они превращают всех людей в солдат, я полагаю, что это можно считать верным только для внутренних войн, следующих за гражданскими, а не для внешних войн, так как теперь во внешних войнах небольшая армия с достаточными средствами для ее поддержки обладает большей силой, чем более многочисленная армия с малой поддержкой. Этот последний факт часто имеет место при столкновениях между Францией и Германией.

Средства поддержки армии и, следовательно, проявления внешних сил сильнее всего у трудолюбивых и умеренных народов, правительства и законы которых поощряют торговлю, так как торговля теперь является почти единственным стимулом, который заставляет каждого вкладывать часть труда для общественной пользы.

Но натура человека такова и мир так устроен, что трудно получать только одну выгоду без того, чтобы не утратить чего-нибудь другого. Улучшение нравов в одном направлении часто портит нравы — в другом; так, мы наблюдали, что трудолюбие

и умеренность под влиянием торговли, которую называют торговым духом, могут уничтожить, равно как и поддержать, правительство, при котором торговля процветает.

Торговля совершенствует ремесла, но больше механические, чем свободные, и это по очевидной причине; торговля смягчает и расслабляет нравы. Стойкая добродетель и непреклонная честность редко могут быть обнаружены там, где дух торговли пропитывает каждую вещь; совершенство торговли в том, что каждая вещь должна иметь свою цену. Каждый день мы видим ее прогресс как с выгодой, так и с ущербом для нас. Вещи, которые boni mores * запрещают продавать, становятся ее предметом, и мало вещей, которые действительно extra commercium **. Сама законодательная власть может оказаться in commercio ***, и церковный приход редко дается без особых соображений даже со стороны искренних христиан, а по особым соображениям отдается нередко совершенно недостойным лицам. Грубость древних военных времен и ярость более современных уже отошли в прошлое; даже дух судебных споров удивительно ослабел, все черты нравов смягчились, но роскошь и развращенность заняли их место и кажутся неотлучными спутниками торговли и ремесел.

Я не могу не отметить тем не менее, что это скорее всего случается в больших странах, особенно в их столицах, чем в других местах. Это старое наблюдение политиков, обычно повторяющееся историками, — что малые государства всегда лучше сохраняют свои нравы. Происходит ли это потому, что на большой территории труднее действовать законодательной власти, а если дело касается меньшей территории, то там меньше места для честолюбия и скупости, и это серьезный аргумент для тех, кто стоит против объединенного или федерального союза колоний в Америке, который сможет в будущем объединить колонии под властью одного правительства.

Их сила, пока они разобщены, меньше, но их свобода, так же как и их нравы, лучше сохранится; так как вероятность их порабощения очень невелика, то я предпочел бы, чтобы они страдали от своей разобщенности; видеть их под общим правительством, менее беспристрастным, чем то, о котором было достигнуто соглашение в Олбени [1].

По моему мнению, население Пенсильвании более трудолюбиво и умеренно, чем население любой области Америки. Если роскошь распространится, ее нельзя искоренить законами. Плутарх рассказывает, что Платон обычно говорил: «*Трудно*

---

* Добрые нравы. — *Ред.*
** Вне торговли. — *Ред.*
*** В торговле. — *Ред.*

было составить законы для жителей Кирены, так как они обладали богатством и изобилием».

Из того, что я изложил, должно быть очевидно, что только образование может задержать стремительный поток и, не препятствуя ни истинному трудолюбию, ни бережливости, не допускать ни отвратительной скаредности и лени старых ирландцев и многих из современных шотландцев (я имею в виду тех жителей этой страны, которые переезжают в другую страну, где люди более трудолюбивы), равно как и не допускать трудолюбия ради роскоши, и, ознакомив с нравами древних, примирить бескорыстие с торговлей, что мы часто видим в людях, получивших широкое образование.

Заключение. Когда мы захотим образовать народ, можно подыскать достаточно хорошие почву и климат, нужно поощрять и даже поддерживать заселение; должно быть создано хорошее правительство и законы, можно развивать ремесла или импортировать готовую продукцию; но многие необходимые моральные обычаи почти нельзя обнаружить у тех, кто добровольно решил поселиться в колониях, когда на родине спокойно. Кроме того, моральные обычаи, так же как и механические, заимствованные из метрополии, часто не годятся для новых поселенцев и для внешних событий, многие из которых никогда нельзя предвидеть. Поэтому мы видели бесплодные попытки заселить колонии, предпринятые несколькими державами Европы с огромными общественными и личными затратами. И это особенно заметно, так как ни одна из английских колоний не стала сколько-нибудь значительной до тех пор, пока не появились необходимые моральные устои и не упрочились в этой стране, за исключением тех, для которых отдельные обстоятельства внутреннего порядка не создали нравы, подходящие для создания нового государства

Остаюсь Ваш и т. д. *Р. Дж.*

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ВОЙНЕ

Согласно первоначальному закону народов война и истребление были наказанием за оскорбление. Постепенно смягчаясь, закон допускал рабство вместо смерти; следующей ступенью был обмен пленными вместо рабства; затем при завоевании больше щадилась собственность частных лиц, нужно было быть довольным захваченными владениями. Почему бы этому закону народов не улучшаться дальше? Века разделяют эти несколько ступеней; в последнее время знания быстро возрастают, почему не ускорить эти шаги? Почему же нельзя принять такой будущий закон народов, чтобы во время всех войн, которые произойдут в дальнейшем, обе стороны не мешали и покровительствовали следующим категориям людей и разрешили им в безопасности продолжать свои занятия?

1. Земледельцы, потому что они трудятся для существования человечества.

2. Рыбаки по той же самой причине.

3. Торговцы и купцы на невооруженных кораблях, которые снабжают различные народы путем подвоза и обмена предметов первой необходимости и удобств жизни.

4. Художники и ремесленники, живущие и работающие в открытых городах.

Нет необходимости добавлять, что больницы врагов не должны повреждаться, им надо оказать помощь. В интересах человечества в целом надо, чтобы бедствия войн и побуждающие их моменты были уменьшены. Если уничтожить грабеж, то будет устранено одно из поощрений войн, и мир, вероятно, будет более прочным и длительным.

Практика ограбления купцов в открытом море — пережиток древнего пиратства; хотя это случайно может быть полезным для некоторых лиц, далеко не так выгодно для всех участвующих, и для нации, которая санкционирует это. В начале войны несколько богатых кораблей были застигнуты врасплох и захвачены. Это побудило первых авантюристов снарядить несколько вооруженных кораблей и проделать то же самое. Но враг тем временем стал более осторожным, лучше вооружил свои торговые корабли и оснастил их так, что их было не легко взять, и стал плавать также под защитой конвоя. Таким образом, в то время как число каперов увеличивалось, корабли, которые могли быть ограблены, и возможность выгоды уменьшались; так что было предпринято много морских путешествий, в которых расходы превысили прибыль, и, так же как в лотереях, где только некоторые получают премии, масса авантюристов проиграла, так как затраты на оснащение каперов за время войны были больше, чем все количество захваченных товаров.

Затем труд людей, занимающихся грабежом, потерян для страны; они не только тратят все, что добывают, в разгуле, пьянстве и разврате, они утрачивают свои привычки к трудолюбию, редко способны к какой-нибудь порядочной деятельности в мирное время и служат только для увеличения числа разбойников и взломщиков. Даже предприниматели, которым везет, при неожиданном богатстве начинают вести расточительную жизнь, привычка к которой остается, когда исчерпаны средства, и это их окончательно губит; справедливое наказание за то, что они бессмысленно и беспощадно разорили много честных, невинных торговцев и их семьи, деятельность которых служила общим интересам человечества.

ПРОШЕНИЕ ЛЕВОЙ РУКИ

Тем, кто ведает воспитанием.

Я обращаюсь ко всем друзьям молодости и заклинаю их обратить свои сострадательные взгляды на мою несчастную судьбу для того, чтобы устранить те предрассудки, жертвой которых я явилась. Мы сестры-близнецы; глаза человека не могут быть больше похожи, чем мы с сестрой; и если бы не пристрастие родителей, которые создали несправедливое различие между нами, то мы бы могли быть в прекрасных отношениях друг с другом. С самого детства меня заставляли считать свою сестру существом возвышенным. Мне пришлось расти без всякого обучения, тогда как для ее образования ничего не жалели. У нее были учителя по рисованию, музыке и другим наукам; но если я случайно дотрагивалась до карандаша, ручки или иголки, то мне делали строгий выговор, а несколько раз меня били за то, что я была неуклюжа и неизящна. Правда, моя сестра иногда общалась со мной, но всегда считала обязательным для себя руководить мной и звала меня только в случае необходимости или чтобы помочь ей.

Не подумайте, господа, что мои жалобы побуждены только тщеславием. Совсем нет, моя тревога заключается в более серьезных вещах. Дело в том, что в нашей семье все заботы по обеспечению средствами существования ложатся на нас с сестрой. Если она заболеет (скажу по секрету, что она подвержена ревматизму, подагре, спазмам, не говоря уже о других болезнях), то что ожидает нашу бедную семью? Может ли не быть раскаяние наших родителей чрезмерным из-за того, что они создали такую

громадную разницу между сестрами, которые совершенно равны? Увы, мы должны будем погибнуть от нужды, потому что я не смогу даже написать каракулями просьбу о помощи, даже сейчас мне пришлось просить чужую руку написать просьбу, с которой я теперь имею честь к вам обратиться.

Снизойдите, господа, до того, чтобы дать моим родителям почувствовать несправедливость исключительной нежности к сестре и необходимость одинаково распределять свою заботу и любовь между всеми своими детьми. Остаюсь со своей большой просьбой, ваша покорная слуга

Левая рука.

КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В КАРМАНЕ БЫЛО МНОГО ДЕНЕГ

В то время, когда все жалуются на «недостаток денег», будет добрым делом сказать всем, у кого нет денег, как они могут наполнить свои карманы. Я познакомлю с секретом ловить деньги, с одним способом наполнять пустые кошельки и сохранять их всегда полными. Два простых, хорошо продуманных правила сделают это дело.

Первое, пусть честность и трудолюбие будут твоими постоянными спутниками; и

второе, трать на один пенс меньше, чем ты зарабатываешь.

Вскоре твой тощий кошелек начнет наполняться и никогда больше не будет кричать от голода, и кредиторы не будут оскорблять тебя, нужда не будет притеснять тебя, голод не будет тебя мучить, и ты не будешь мерзнуть от недостатка одежды.

Весь небосвод будет сиять ярче, и в каждом уголке души будет радость бить ключом. Поэтому воспользуйся этими правилами и будь счастлив. Отгони от себя печальные мысли, живи независимо, и ты станешь человеком. Не прячь свое лицо, если увидишь богатого, и не испытывай неприятного чувства, что ты ничтожен, когда будет идти рядом с тобой баловень счастья, потому что независимость в большом или малом тоже большое счастье, и она ставит себя рядом с теми, что гордятся своим золотом. О, будь мудрым, и пусть трудолюбие сопутствует тебе с самого утра и сопровождает тебя до тех пор, пока не придет вечерний час отдыха. Пусть честность будет дыханием твоей

души, и никогда не забывай оставить пенс, когда подсчитаны и оплачены все твои расходы; и ты достигнешь счастья, и независимость будет твоим щитом и защитой, твоим шлемом и короной, и тогда твоя душа распрямится и не будет склоняться перед негодяем в шелку только потому, что у него есть богатство, и ты не будешь молча проглатывать оскорбление только потому, что оно нанесено рукой, на которой блестит бриллиантовый перстень.

НРАВСТВЕННОСТЬ ИГРЫ В ШАХМАТЫ

Игра в шахматы — это наиболее древняя и наиболее известная игра среди людей, потому что ее происхождение относится к далеким временам, и в течение бесчисленных веков эта игра была развлечением всех цивилизованных наций Азии: персов, индийцев и китайцев. В Европе она появилась свыше тысячи лет тому назад; испанцы распространили ее по своей части Америки, и недавно она начала появляться в Соединенных Штатах Америки. Сама по себе она настолько захватывает, что не нужно заинтересованности в денежном выигрыше, чтобы играть в нее, поэтому в нее редко играют на деньги. Те, кто имеет время для этого развлечения, не знают другой более невинной игры. Следующий отрывок, написанный с целью исправить (среди немногих молодых друзей) небольшие нарушения в проведении игры, покажет в то же время, что эта игра по своему действию на мозг не только безвредна, но полезна как для побежденного, так и для победителя.

Игра в шахматы — не просто праздное развлечение. Некоторые очень ценные качества ума, необходимые в человеческой жизни, требуются в этой игре и укрепляются настолько, что становятся привычкой, которая полезна во многих случаях жизни. Жизнь — своего рода игра в шахматы, в которой мы часто имеем возможность выиграть и бороться с соперниками и противниками, в которой есть большое разнообразие хороших и дурных событий, являющихся в какой-то степени результатом благоразумия или отсутствием такового. Играя в шахматы, таким образом, вы можете научиться:

I. *Предвидению*, умению немного заглядывать в будущее и взвешивать последствия, которые могут сопровождать какое-либо действие; над этим постоянно размышляет шахматист: «Если я продвину эту фигуру, каково будет преимущество моего нового положения? Какую пользу из этого извлечет мой противник, чтобы досадить мне? Какие другие ходы я могу сделать, чтобы укрепить свое положение и защититься от его нападений?»

II. *Осмотрительности*, умению изучать шахматную доску, или поле действия, взаимоотношения различных фигур и положений, опасность, которой подвергается каждая в отдельности фигура, возможность помощи одной фигуры другой; вероятность, что противник сделает тот или иной ход и нападет на эту или другую фигуру, и какие средства могут быть использованы, чтобы избежать его удара или обратить последствия удара против него.

III. *Осторожности*, умению делать свои ходы не очень поспешно. Это правило лучше всего подтверждается строгим выполнением законов игры, как, например: «Если вы дотронулись до фигуры, вы должны ею ходить; если вы ее куда-нибудь поставили, то пусть она там стоит»; и поэтому очень хорошо, что эти правила должны выполняться, и игра поэтому становится отражением жизни и особенно войны, в которой, если вы неосторожно поставите себя в плохое или опасное положение, то вы не сможете добиться, чтобы противник дал вам возможность отвести войска в более безопасное место; вы должны нести все последствия вашего опрометчивого поведения.

И, наконец, играя в шахматы, мы приобретаем привычку *не падать духом при современном состоянии наших дел, надеяться на благоприятное изменение и упорно продолжать поиски новых возможностей*. Игра так полна событиями, и они так разнообразны, настолько подчинены неожиданным превратностям, что вырабатывают умение находить средства выйти из предполагаемого непреодолимого затруднения, и каждый стремится продолжить игру до самого конца в надежде выиграть благодаря своему умению или по крайней мере добиться пата благодаря небрежности противника. Всякий человек согласится, что в игре в шахматы мы видим пример того, как небольшой успех может породить самонадеянность, а последующее невнимание может повести к потерям; это научит нас не очень унывать при успехе противника и не терять надежды выиграть при каждом отпоре, который можно получить в погоне за удачей.

Чтобы мы чаще прибегали к этому полезному развлечению в противовес другим, которые не имеют такого преимущества, нужно учитывать каждое обстоятельство, которое может уве-

личить удовольствие от игры; любого некрасивого или неуважительного действия или слова, или чего-нибудь, что может быть неприятным, нужно избегать, как противоречащего намерению обоих игроков приятно провести время.

Поэтому, во-первых, если решено играть согласно строгим правилам, то тогда обе стороны должны точно выполнять эти правила без того, чтобы одна сторона выполняла, а другая уклонялась от правил, потому что это несправедливо.

Во-вторых, если решено играть, не соблюдая строго правила игры, и один из играющих требует снисхождения, то он должен быть готов предоставить то же самое другому игроку.

В-третьих, никогда нельзя делать неверных ходов, чтобы выйти из затруднительного положения или чтобы получить преимущество. Нет никакого удовольствия играть с человеком, которого однажды уличили в таком некрасивом поступке.

В-четвертых, если ваш противник долго думает, вы не должны торопить его или выражать нетерпение при его промедлении. Вы не должны ни петь, ни свистеть, ни смотреть на часы, не должны брать и читать книгу, постукивать ногами по полу или пальцами по столу или делать что-нибудь, что может отвлекать его внимание. Потому что все эти вещи очень неприятны, и они не обнаруживают вашего искусства в игре, но скорее вашу хитрость и вашу грубость.

В-пятых, вы не должны пытаться развлекать или обманывать вашего противника, притворяясь, что вы сделали плохие ходы, и говорить, что вы теперь проиграли, с тем чтобы сделать его уверенным, небрежным и невнимательным к вашей игре; все это мошенничество и обман, а не искусство играть.

В-шестых, если вы победили, то не должны употреблять какие бы то ни было торжествующие или обидные выражения или выказывать слишком большое удовольствие; вы должны попытаться утешить своего противника, сделать так, чтобы он не очень расстраивался, вежливо и правдиво убеждая его: «Вы понимаете игру лучше, чем я, но вы несколько невнимательны», или «Вы играете слишком быстро», или «У вас была хорошая игра, но что-то отвлекло ваши мысли, и это повернуло игру в мою пользу».

В-седьмых, если вы наблюдаете, как играют другие, сохраняйте полнейшее молчание. Потому что, когда вы даете советы, вы наносите обиду двум сторонам: и тому, против кого вы советуете, так как это может привести к его поражению, и тому, кому вы советуете, так как если совет и хорош и он ему последует, то игрок не получает того удовлетворения, какое бы он имел, если бы сам додумался до этого хода. Даже после одного хода или нескольких ходов вы не должны снова передвигать фигуры и показывать, как можно было бы лучше пойти, по-

тому что это неприятно и может породить споры и сомнения относительно правильного расположения фигур. Всякие разговоры с игроками отвлекают и рассеивают их внимание и поэтому неприятны. Также нельзя делать ни малейших намеков любой стороне посредством каких-либо звуков или движений. Если вы так поступаете, то вы недостойны быть зрителем. Если вы хотите высказать или показать свое суждение, то делайте это, когда играете сами и когда у вас есть возможности критиковать, не вмешиваясь в чужие дела и не подавая советов игрокам.

И, наконец, если игра ведется не строго по вышеуказанным правилам, то в таком случае сдерживайте свое желание победить противника и будьте довольны, если сумеете одержать победу над собой. Не хватайтесь сразу за всякое преимущество, возникшее у вас в связи с неумением или невниманием противника, но вежливо заметьте ему: «Таким-то ходом вы ставите или оставляете фигуру в опасности и незащищенной», или «таким-то ходом вы поставите короля в опасное положение» и т. д. При такой щедрой вежливости (настолько противоречащей вышеназванным неблаговидным поступкам) вы, конечно, можете проиграть своему противнику; но вы завоюете то, что гораздо лучше: его почтение, его уважение, его любовь вместе с молчаливым одобрением и доброжелательством беспристрастных зрителей.

ОЧЕРК ОБ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ

НА РАССМОТРЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЯМ ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Ожидается, что каждый ученик, допущенный в эту школу, может по крайней мере произносить и разделять слоги при чтении и писать разборчивым почерком. Никто моложе стольких-то лет не должен приниматься в эту школу.

ПЕРВЫЙ, ИЛИ НИЗШИЙ, КЛАСС

Первый класс должен изучать правила английской грамматики; в то же время нужно обращать особое внимание на улучшение правописания. Возможно, что последнее лучше всего сделать следующим образом: подобрать учеников по парам так, чтобы они примерно были равны в правописании, и заставить их стремиться к победе; каждый ученик задает другому написать десять слов. Тот, кто напишет правильно большинство слов, заданных товарищем, будет победителем на сегодняшний день. Тот, кто будет победителем большинства дней в месяце, получит награду — какую-нибудь хорошую, изящно оформленную книжку, полезную для его будущих занятий. Этот метод останавливает внимание детей исключительно на правописании слов, и очень скоро они начинают писать правильно. Ведь стыдно быть настолько невежественным в этом нетрудном искусстве своего родного языка, чтобы постоянно путать слова с одинаковым звучанием и различным значением; сознание этого недостатка делает образованных в других отношениях людей неспособными написать даже простое письмо.

Нужно, чтобы отрывки, которые ученики читают в этом классе, были короткие, как, например, «Басни» Кроксалла и небольшие рассказы. Задавая урок, прочтите его ученикам, объясните значение трудных слов, дайте им выучить рассказ наизусть перед тем, как вызвать их читать перед учителем или младшим учителем, которые при этом должны обращать особое внимание на то, чтобы ученики не читали очень быстро и чтобы в нужное время останавливались на точках и паузах. Следует сделать словарь с объяснением наиболее часто встречающихся трудных слов; ученики должны ежедневно выучивать наизусть по нескольку таких слов с объяснениями, что будет упражнением для их памяти; они также могут записать некоторые слова в небольшую тетрадку с той целью, чтобы лучше закрепить в памяти их значение; в то же самое время у каждого будет маленький словарик, который пригодится в будущем.

ВТОРОЙ КЛАСС

Нужно научить внимательно читать с правильной модуляцией голоса, в зависимости от настроения и содержания.

В этом классе для уроков можно брать короткие отрывки, не превышающие по длине рассказы из журнала «Зритель» (для этой цели подойдут и некоторые из самых легких номеров этого журнала). Эти уроки можно давать каждый вечер как задание, с тем чтобы к утру ученики могли их выучить. Затем потребуйте, чтобы ученики, во-первых, делали разбор по частям речи и построение одного или двух предложений. Это обяжет их часто повторять грамматику и запоминать ее основные правила. Во-вторых, разбор намерения писателя или идею отрывка, значение каждого предложения и каждого необычного слова. Это рано познакомит их со значением и силой слов и выработает у них необходимую привычку внимательно читать.

Затем учитель читает отрывок с правильной модуляцией голоса, с надлежащим ударением и жестами в тех местах, где это требуется, и заставляет учеников подражать.

Если автор употребил не самое удачное выражение, подчеркните это, особенно указывайте молодежи на красоты стиля.

Уроки чтения сделайте разнообразными, чтобы ученики могли познакомиться со всякого рода хорошими стилями в прозе и стихах и с правильной манерой чтения каждого из них; можно дать хорошо изложенный рассказ, отрывок из проповеди, речь генерала перед его солдатами, монолог из трагедии, часть комедии, оду, сатиру, письмо, белые стихи, героико-комические стихи, героические и т. д. Но выбирайте такие уроки для чтения, чтобы они содержали полезные наставления, где в то же

самое время можно было совершенствовать разум и нравственность молодежи.

Нужно требовать, чтобы сначала ученики выучили и поняли уроки перед тем, как заставлять их правильно читать; для этой цели у каждого мальчика должен быть английский словарь, чтобы помогать ему в случае трудности. Когда наши мальчики читают нам по-английски, мы склонны воображать, что они понимают то, что читают, потому что мы сами понимаем и потому что это их родной язык. Но они часто читают так, как говорят попугаи, понимая очень мало или совсем не понимая смысла. Читающий не может сообщить своему голосу верную модуляцию и правильно произносить слова, если он не понимает того, что читает. Если мальчики приучились читать вслух, не понимая значения, то это и является причиной того установившегося тона, такого обычного среди читающих, который трудно исправить, если уж однажды была приобретена привычка употреблять его, и как раз поэтому среди пятидесяти чтецов мы вряд ли найдем одного хорошего. Из-за недостатка хорошего чтения произведения, печатающиеся с целью повлиять на умы людей для их собственной или общественной пользы, теряют половину своей силы. Если по соседству есть хоть один человек, умеющий хорошо читать, то общественного глашатая можно было бы слышать по всей стране с таким же успехом и он производил бы такое же впечатление на слушателей, как если бы они слышали его голос.

ТРЕТИЙ КЛАСС

Надо научить правильно и легко говорить, что так же важно, как и хорошее чтение, и естественно следует за ним в обучении молодежи. Пусть ученики этого класса начинают учить элементы риторики по какой-нибудь краткой системе, чтобы можно было дать понятие о наиболее употребительных тропах и риторических фигурах. Нужно указать им на все дурные привычки их речи, все погрешности против правил грамматики, на все искажения или иностранное произношение и все неправильные предложения.

Короткие речи из римской или другой истории или из парламентских дебатов и т. д. можно давать выучивать наизусть и произносить с правильным выражением. Речи и сцены из наших лучших трагедий и комедий (исключая все, что может повредить нравственности молодежи) можно также давать выучивать на память, чтобы мальчики упражнялись в чтении вслух или в постановке; особое внимание нужно обратить на формирование их манеры говорить по лучшим образцам. Для их будущего совершенствования и для того, чтобы разнообразить их заня-

тия, давайте им теперь читать историю после того, как дадите выучить наизусть небольшую таблицу основных эпох в хронологии. Они могут начать с древней и римской истории Роллена [1], а потом перейти, по мере того как будут переходить в последующие классы, к истории нашей нации и колоний. Устройте соревнование между мальчиками, давая маленькие премии или другие небольшие поощрения тем, кто сможет дать лучший ответ на основании того, что он прочел о времени, месте, знаменитых именах людей и т. п. Это заставит их читать внимательно и хорошо запечатлевать в памяти прочитанное. Давая пояснения по истории, учитель имеет замечательную возможность исподволь делать всякого рода наставления и совершенствовать как нравственность, так и разум молодежи.

Естественная и механическая история, по книге «Spectacle de la Nature» *, тоже может быть начата в этом классе и продолжена в последующих классах по другим книгам такого же рода, так как после понятия о долге эта отрасль знаний, конечно, является наиболее полезной и занимательной. Обладая этими знаниями, купец сможет лучше разбираться в товарах, ремесленник сможет улучшить свое дело новыми инструментами, смесями и материалами; науки часто помогают советами новым видам производства, а также дают новые методы обработки земли, которые могут быть применены для пользы страны.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС

Обучение сочинению. Хорошее изложение на родном языке является следующим необходимым достижением после умения хорошо говорить. Делом учителя чистописания является забота о том, чтобы мальчики выводили красивые буквы, писали их прямо по линейкам; делом же учителя английского языка является формирование их стиля и забота о том, чтобы знаки препинания и прописные буквы были верно расставлены. Нужно заставлять мальчиков писать друг другу письма о самых обыкновенных случаях, о различных предметах, воображаемых делах и т. д.; письма, содержащие небольшие рассказы, пересказ последней прочитанной книги с указанием на то, что понравилось у автора и почему; письма с поздравлениями, приветствиями, просьбами, благодарностями, рекомендациями, предостережениями, утешениями, соболезнованиями, увещеваниями, извинениями и т. п. В этих письмах они должны выражаться ясно, сжато и естественно, без жеманных слов и напыщенных

* «Картины природы». — *Ред.*

фраз. Все их письма должны пройти через руки учителя, который должен указать на ошибки, дать советы, сделать исправления и похвалить то, что он находит верным. Некоторые из лучших писем, напечатанные на нашем родном языке, как, например, письма сэра Вильяма Темпла[2], письма Попа и его друзей и некоторые другие, должны быть представлены ученикам как образцы, красота их должна быть выявлена и объяснена учителем, а сами письма должны быть переписаны учениками.

Книга «Ethices Elementa», или «Первые принципы морали» Джонсона может быть теперь прочитана учениками и объяснена учителем с тем, чтобы заложить в них прочные основы добродетели и благочестия. Так как в этом классе заканчивается чтение истории, то дайте им некоторые дальнейшие знания в хронологии и в той части географии (с учителем математики), которая необходима для понимания карт и глобуса. Ученики также должны быть знакомы с современными названиями мест, упоминание о которых они находят у античных писателей. В свободные часы все еще продолжаются упражнения в хорошем чтении и правильном устном изложении.

ПЯТЫЙ КЛАСС

Для совершенствования в писании сочинений ученики теперь могут, помимо писем, начинать писать небольшие очерки в прозе, а иногда и в стихах, не для того, чтобы сделаться поэтами, но по той причине, что ничто так быстро не познакомит мальчика с разнообразным выражением мыслей, как необходимость отыскать такие слова и фразы, которые подойдут по размеру, звучанию и ритму стиха и в то же время выразят чувства. Учитель должен проверить все очерки, указать на ошибки и дать их исправить автору. Если рассудок недостаточно созрел для создания новых очерков, то можно предложить темы некоторых рассказов из журнала «Зритель» и потребовать, чтобы ученики изложили их собственными словами, или дать сюжет какого-нибудь хорошего рассказа с тем, чтобы ученик мог все пересказать своими словами. Иногда им можно давать сократить многословный отрывок какого-нибудь автора или распространить и расширить то, что описано очень сжато. Теперь можно дать молодежи прочитать книгу «Абстракция или начальные принципы человеческого познания» Джонсона, содержащую логику или искусство рассуждения, и т. п. Учитель должен объяснить все трудности, которые могут встретиться ученикам. Чтение истории, упражнения в правильном чтении и устном изложении все еще продолжаются.

ШЕСТОЙ КЛАСС

В этом классе, кроме продолжения предыдущих занятий по истории, риторике, логике, морали и натурфилософии, можно читать и объяснять произведения лучших английских авторов, как то: Тиллотсона, Мильтона, Локка, Аддисона, Попа, Свифта, лучшие переводы Гомера, Вергилия и Горация, «Телемак» и «Путешествия Кира» и т. п.

Раз в год устраивайте публичные экзамены в зале в присутствии попечителей и граждан. Дайте хорошо изданные книги с золотым обрезом в награду тем мальчикам, которые выделяются и превосходят других в какой-либо отрасли знания. Установите три разряда: дайте лучшую награду тому, кто лучше всех все выполнит; менее ценную тому, кто следует за лучшим; и следующему за ними — третью награду; остальным ученикам дайте похвальные отзывы, поощрения и советы, и это вселит в них надежду самим завоевать награду в следующий раз посредством прилежания. Имена тех, кто заслужил награду, должны ежегодно печататься в особом списке.

Ежедневно часы занятий должны быть распределены таким образом, чтобы часть классов могла заниматься с учителем правописания, улучшая свой почерк, другие — с учителем математики, занимаясь арифметикой, счетом, географией, учась пользоваться глобусами, рисованием, механикой и т. п., тогда как остальные могут заниматься с учителем английского языка.

Молодежь, обученная таким образом, после школы способна изучить любое дело и профессию, кроме тех, в которых требуется знание языков; и, хотя не будучи знакомы с каким-либо древним или иностранным языком, они будут в совершенстве владеть своим родным языком, который им более необходим, и притом приобретут целый ряд других полезных навыков; то время, которое обычно тратится, часто безуспешно, на овладение этими языками, занято в школе на приобретение основ знаний и способностей, которые могут подготовить их к достижению и занятию различных должностей по гражданской службе с пользой и славой для себя и для своей страны.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКИ; ПРАВДИВОЕ ОПИСАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ ЭТОГО ОБШИРНОГО КОНТИНЕНТА

Рассказывают, что при заселении Новой Англии первые поселенцы встретились со многими трудностями и лишениями, как обычно бывает, когда цивилизованный народ пытается устроиться в дикой стране. Будучи благочестивыми людьми, они искали помощи у неба, обращаясь к богу со своими желаниями и несчастьями в частые дни молитв и постов. Постоянное размышление и рассуждение по этому поводу сделало их разум мрачным и неудовлетворенным; они походили па детей Израиля, многие из которых были склонны вернуться в Египет, покинутый ими из-за преследований. В конце концов, когда на собрании было предложено установить еще один пост, то один фермер, обладавший здравым рассудком, встал и сказал, что неудобства, которые они переживают и по поводу которых так часто беспокоят небо своими жалобами, не так уж велики, как можно было ожидать, и уменьшаются с каждым днем по мере того, как усиливается колония; что земля начинает вознаграждать их труд и обильно снабжать средствами существования; что моря и реки полны рыб, воздух свежий, климат здоровый; и, кроме того, они здесь могут пользоваться полной свободой как гражданской, так и религиозной. Поэтому он полагает, что размышление и разговоры на эту тему должны быть более утешительными, так как будут способствовать тому, чтобы они были более довольными существующим положением; будет лучшей благодарностью божеству, если вместо поста они отслужат благодарственный молебен. Его совет был принят, и, начиная с того дня до сегодняшнего, они ежегодно обсуждают условия общественного благосостоя-

ния, чтобы устроить благодарственный молебен, который служат и соблюдают с религиозным благоговением.

Я вижу в газетах различных штатов частые жалобы на *тяжелые времена, застой в торговле, недостаток денег* и т. п. В мои намерения не входит доказывать или утверждать, что эти жалобы полностью безосновательны. Нет такой страны или нации, в которой не было бы людей, поставленных в такие условия, когда трудно заработать средства на жизнь; людей, у которых нет выгодного занятия и у которых деньги являются редкостью, потому что взамен им нечего дать, а даже небольшое число людей всегда может поднять большой крик. Но давайте смотреть беспристрастно на общее состояние наших дел, и, возможно, перспектива представится нам менее мрачной, чем мы вообразили.

Главным занятием континента является сельское хозяйство. Я предполагаю, что на одного ремесленника или купца приходится по крайней мере сто фермеров, бо́льшая часть которых обрабатывает собственные плодородные земли, откуда многие из них черпают не только пропитание, необходимое для их существования, но и материал для их одежды и поэтому почти не нуждаются в иностранных поставках; в то же время они располагают излишками продукции, и у них постепенно накапливается богатство. Доброта божественного провидения к этим краям, а также благоприятный климат сделали то, что после трудностей первых трех или четырех лет в поселениях наших отцов уже нельзя было услышать о голоде или нужде; напротив того, хотя одни годы были более обильными, другие менее, все равно нам всегда хватало продуктов питания, и даже некоторое количество шло на экспорт, и, хотя урожай последнего года был в общем хороший, фермеры, как утверждают напечатанные прейскуранты, никогда еще не получали столько денег за проданную часть урожая. С ростом населения постепенно поднимаются в цене земли, которыми владеют фермеры, и они имеют возможность давать такую высокую плату тем, кто на них работает, что все, кто знакомы со Старым светом, должны согласиться, что ни в одной части его трудящаяся беднота в общем не питается, не одевается, не живет и не оплачивается так хорошо, как в Соединенных Штатах Америки.

Если вы въедете в город, то обнаружите, что со времени революции выгода владельцев домов и участков земли значительно увеличилась, квартирная плата поднялась до небывалой высоты, что поощряет строительство и дает работу излишку рабочих; этому способствует также рост роскоши и великолепие образа жизни разбогатевших жителей. Эти рабочие все требуют и получают плату наличными деньгами более высокую, чем где бы то ни было в другой стране. Поэтому классу этих людей не при-

ходится жаловаться на тяжелые времена, а эти люди составляют значительную часть городского населения.

Я живу далеко от наших американских рыбных угодий и поэтому не могу говорить о них с полной уверенностью, но я не слышал от работающих там замечательных людей, что их труд хуже оплачивался или что они были менее удачливы, чем до революции. Китобои действительно лишились одного из рынков сбыта китового жира, но я слышал, что для них открывается другой рынок, который, можно надеяться, будет не менее выгодным, а спрос на их спермацетовые свечи постоянно увеличивается, и поэтому они стоят дороже, чем раньше.

Остаются купцы и лавочники. Хотя они составляют небольшой процент всей нации, число их велико, даже значительно больше, чем того требует дело, которым они занимаются; потребление товаров в каждой стране ограничено и платежеспособность людей, т. е. их способность покупать и платить, соответствует только определенному количеству товаров. Если купцы плохо подсчитают эту пропорциональность и импортируют слишком много товаров, конечно, они не получат больших прибылей и некоторые из них скажут, что торговля идет вяло. Опыт должен научить и несомненно научит их меньше импортировать. Если слишком много ремесленников в городе и фермеров в сельских местностях будут льстить себя надеждой вести более легкую жизнь и сделаются лавочниками, то из всего этого промысла, поделенного между всеми, очень небольшая часть достанется каждому, и, конечно, это повлечет за собой жалобы, что торговля замирает. Некоторые могут предположить, что это происходит из-за недостатка денег, тогда как в действительности это несчастье происходит не из-за того, что мало покупателей, а из-за чрезмерного количества продавцов. И если каждый фермер и ремесленник, имеющий лавку, вернется к своему плугу или рабочему инструменту, а в лавках оставит вдов и других женщин, то для торговли будет достаточно продавцов, которые справятся с этим делом.

Всякий, кто путешествовал по странам Европы, видел, как незначителен процент людей, живущих там в изобилии и достатке, по сравнению с теми, кто живет в бедности и унижении: несколько богатых и высокомерных помещиков и множество бедных жалких арендаторов, платящих непомерную арендную плату и десятину, и полуголодных оборванных рабочих. Здесь же он увидит счастливую умеренность, в общем преобладающую в Штатах, где земледелец работает на себя и содержит свою семью в достатке; увидит, мне кажется, достаточную причину благодарить божественное провидение за очевидную и значительную разницу в отношении к нам и убедится, что ни одна

нация, известная нам, не пользуется бо́льшим человеческим счастьем.

Правда в некоторых штатах есть партии и разногласия, но давайте оглянемся назад и посмотрим, жили ли мы когда-нибудь без них? Они существуют везде, где есть свобода и, возможно, они помогают сохранять ее. В столкновении различных мнений рождаются искры правды и достигается политическая ясность. Различные фракции, которые теперь разделяют нас, имеют целью общественное благоденствие, различия только в разных методах его достижения. Предметы, действия, мероприятия и намерения всех родов представляются в умах людей в самом разнообразном виде; невозможно, чтобы все мы мыслили одинаково о каждом предмете, если почти ни один человек не сохраняет на продолжительное время одни и те же идеи. Поэтому партии являются общей участью человечества; и наши партии никоим образом не являются более злонамеренными или менее полезными, чем партии других стран, наций и веков, располагающих в той же самой степени великим счастьем политической свободы.

Действительно, некоторые из нас не столько огорчаются современным состоянием наших дел, как боятся за будущее. Рост роскоши пугает их, и они думают поэтому, что мы идем прямым путем к гибели. Они считают, что никакой годовой доход не достаточен без экономии и что очень обильный доход всего народа от натуральных продуктов страны может быть растрачен на напрасные и ненужные расходы, и бедность может занять место изобилия. Это вполне возможно. Это, однако, случается редко потому, что, повидимому, у каждой нации есть большее соответствие между трудолюбием и бережливостью, которые ведут к обогащению, чем между праздностью и расточительностью, которые ведут к бедности; таким образом, в целом идет непрерывное накопление. Посмотрите, чем были во времена римлян Испания, Галлия, Германия и Англия, населенные людьми, немногим богаче наших дикарей, и сравните с богатством, которым они располагают в настоящее время, с многочисленными хорошо построенными городами, усовершенствованными фермами, с богатой движимостью, магазинами, полными ценных тканей, не говоря о столовом серебре, драгоценных камнях и звонкой монете; и все это — несмотря на плохие, расточительные, грабительские правительства и их безумные разрушительные войны; и все же роскошь и расточительную жизнь не пытались обуздать в этих странах. Сравните теперь большой процент трудолюбивых, бережливых фермеров, населяющих внутренние районы Американских Штатов и составляющих основу нашей нации, и судите, возможно ли, чтобы роскоши наших морских портов было достаточно, чтобы разорить такую страну. Если

ввоз заграничных предметов роскоши может погубить народ, то мы бы давно погибли, потому что английское государство заявляет и осуществляет свое право на ввоз не только избытков своей собственной продукции, но и избытков всех стран; мы покупаем и потребляем их, и все же мы процветаем и богатеем. В настоящее время наши независимые правительства могут осуществить то, чего мы тогда не могли сделать, — установить большие пошлины или предотвратить импорт такого рода серьезными ограничениями, и таким образом мы еще больше разбогатеем, если только, хотя это можно и оспаривать, допустить, что желание приобрести себе нарядное платье, иметь хорошую обстановку, красивые дома и т. д., способствуя развитию производства, в значительной степени является причиной для создания бо́льших ценностей, чем требуется для удовлетворения этого желания.

Сельское хозяйство и рыболовство Соединенных Штатов являются значительным источником нашего возрастающего богатства. Тот, кто бросает зерно в землю, вознаграждается, возможно, в сорокократном размере; а тот, кто вылавливает рыбу из воды, вытаскивает серебряную монету.

Давайте же будем (а в том, что это будет, нет сомнения) к ним внимательными, и тогда сила соперников со всеми их ограничивающими и запрещающими законами не сможет нам сильно повредить. Мы — сыновья земли и морей, и, если, как мифическому Антею в борьбе с Геркулесом, нам иногда и придется упасть, то прикосновение наших родителей придаст нам свежие силы и энергию, чтобы возобновить борьбу.

К СВЕДЕНИЮ ТЕХ, КТО СОБИРАЕТСЯ ПЕРЕЕХАТЬ В АМЕРИКУ

Многие лица в Европе непосредственно или через письма выразили автору этих строк, который хорошо знаком с Северной Америкой, свое желание переехать и устроиться в этой стране; но они, повидимому, по незнанию составили себе ошибочное представление о том, чего можно там ожидать, и автор считает, что он может принести пользу и предотвратить неудобные, дорогие и бесплодные переезды и путешествия неподходящих людей, если он даст несколько более ясных и более верных заключений об этой части мира, чем те, которые преобладали до сих пор.

Автор обнаружил, что многие воображают, будто жители Северной Америки богаты, в состоянии награждать и награждают за всякое искусство; будто в то же самое время они невежественны в науках, и поэтому чужестранцы, имеющие талант в литературе, изящных искусствах и т. д., должны пользоваться большим уважением и хорошо оплачиваться и поэтому могут быстро сами разбогатеть; будто там есть много выгодных должностных мест, которые не могут быть заняты туземцами, и так как там мало людей знатных родов, то высокородных иностранцев глубоко уважают и, конечно, дают им лучшие из этих должностей, каждая из которых может принести состояние; будто правительство также для поощрения эмиграции из Европы не только оплачивает расходы по переезду, но и дает чужестранцам даром земли, негров для обслуживания, домашнюю утварь и скот. Все это — дикие выдумки, и те, кто поедет в Америку с ожиданиями, основанными на них, конечно, будут разочарованы.

Правда, хотя в этой стране мало таких несчастных людей, как бедняки в Европе, но здесь также мало тех, кого в Европе называют богачами; здесь преобладает счастливая середина. Здесь мало крупных землевладельцев и мало арендаторов. Большинство людей обрабатывает свою собственную землю или занимается ремеслом или торговлей; очень мало людей настолько богатых, чтобы праздно жить на ренту и доходы и платить бешеные деньги, которые дают в Европе за живопись, скульптуру, архитектуру и другие произведения искусства, скорее любопытные, чем полезные. Следовательно, природные гении, которые появились в Америке с такими талантами, все как один покидают эту страну и переезжают в Европу, где они скорее могут получить соответствующее вознаграждение. Действительно, литература и математические знания здесь в большом почете, но они в то же время более распространены, чем можно было ожидать; здесь уже существует девять колледжей и университетов: четыре в Новой Англии и по одному в провинциях Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мериленд и Виргиния — во всех преподают ученые профессора; кроме того, есть некоторое число меньших учебных заведений, в которых значительное число молодых людей обучается языкам и наукам, которые подготавливают учащихся к таким профессиям, как богословие, юриспруденция и физика. Иностранцы ни в коем случае не лишаются возможности заниматься этими профессиями, а повсеместный быстрый рост населения дает им такие же шансы на получение работы, как и местному населению. Гражданских чинов и должностей немного, и нет, в отличие от Европы, излишних должностей; а в некоторых штатах установлено правило, что никакая служба не должна быть столь выгодна, чтобы ее добиваться ради этого.

Тридцать шестая статья конституции Пенсильвании гласит буквально следующее: «Так как каждый свободный человек, чтобы сохранить свою независимость (если у него нет достаточного имущества), должен иметь какую-нибудь профессию, ремесло, торговлю или ферму, дающие ему возможность честно существовать, то не может быть никакой необходимости и пользы в том, чтобы учреждать выгодные должности, обычным результатом которых является зависимость и раболепство владельцев и претендентов, не подобающие свободным гражданам, и раздор, борьба, подкуп и беспорядок в народе. Если когда-нибудь или где-нибудь путем увеличения жалованья или еще каким-нибудь способом должностное место станет настолько выгодным, чтобы многие стали добиваться его, то законодательная власть должна сократить это жалованье».

Поскольку эти идеи преобладают более или менее во всех Соединенных Штатах, то не стоит человеку, располагающему

средствами к жизни у себя на родине, тратить время на то, чтобы эмигрировать в надежде на получение доходной гражданской должности в Америке; что касается военных должностей, то они прекращают свое существование после окончания войны, когда армия распускается. Еще менее целесообразно приезжать людям, которые не имеют никаких других достоинств, кроме знатности. В Европе действительно это имеет свою цену, но этот товар не может быть привезен на рынок худший, чем Америка, где люди интересуются не тем, *кто* чужестранец, а тем, *что он может делать*. Если он знает какое-нибудь полезное ремесло, то его радушно примут, и если он выполняет свои обязанности и хорошо себя ведет, то его будут уважать все, кто его знает; но человека знатного, который благодаря этому захочет жить за счет общества на жалованье, будут презирать и игнорировать. Землепашцам и даже ремесленникам там оказывается уважение, так как их занятия полезны. Есть поговорка, что всемогущий бог — сам величайший в мире ремесленник, и его уважают и им восхищаются больше за разнообразие, изобретательность и полезность его работы, чем за древность его рода. Людям нравятся слова одного негра, и они часто их повторяют, что Боккарора (имеется в виду белый человек) «*заставляет работать черного человека, заставляет работать лошадь, заставляет работать быка, заставляет всех работать, кроме свиньи. Свинья не работает, она ест, пьет, гуляет, спит, когда захочет, она живет как джентльмен*». Согласно этому мнению американцев, каждый из них будет более обязан генеалогу, если тот докажет ему, что его предки и родственники на протяжении десятка поколений были землепашцами, кузнецами, плотниками, токарями, ткачами, дубильщиками или даже сапожниками, а следовательно, полезными членами общества, чем если он только докажет, что его предки были джентльменами, которые ничего ценного не сделали, праздно жили за счет других до самой смерти, только fruges consumere nati * и потому *бесполезные* до тех пор, пока после смерти их имения не станут *резать* на части, как свинью, о которой рассказывал негр.

Что касается поощрений иностранцев со стороны правительства, то они сводятся лишь к тому, что можно извлечь из справедливых законов и свободы. Иностранцев хорошо принимают, потому что для всех есть достаточно места и поэтому старые поселенцы не завидуют им. Законы достаточно защищают их, и нет надобности в покровительстве сильных мира сего, и каждый получит плоды своих трудов. Если иностранец не привез с собой состояния, он должен работать и трудолю-

* «Рожденные, чтобы есть хлеб». — *Ууттс.*

бием зарабатывать на жизнь. Проживание в течение года или двух даст ему все права гражданина. Правительство, что бы оно ни делало в прежние времена, в настоящее время не нанимает людей для поселения и не оплачивает их проезд и не дает им ни земли, ни негров, ни домашней утвари, ни скота и никаких других вознаграждений. Короче говоря, Америка — это страна труда и ни в коем случае не то, что называют раем дураков, где, говорят, улицы вымощены большими булками, дома покрыты блинами и где летают жареные куры и кричат: *приди, съешь меня!*

Кто же тогда те люди, для кого эмиграция в Америку может быть выгодной? И каковы преимущества, которых они могут ожидать?

Земля в этой стране дешевая, так как громадные леса все еще свободны от жителей и не будут заселены в ближайшее столетие; земля дешева настолько, что право собственности на сто акров плодородной земли с лесом может быть получено во многих местах около границ за восемь или десять гиней, и здоровые молодые трудолюбивые люди, умеющие выращивать хлеб и ухаживать за скотом, а в этой стране это делается почти так же, как и в Европе, могут легко обосноваться здесь. Немного денег, сбереженных от хороших заработков, которые они получают здесь пока работают на других, даст им возможность самим купить землю и устроить плантацию, в чем им будут помогать доброжелательные соседи и некоторый кредит. Таким образом, множество бедняков из Англии, Ирландии, Шотландии и Германии в течение нескольких лет стали богатыми фермерами, тогда как у себя на родине, где все земли заняты и заработки низкие, они никогда не смогли бы выйти из бедного состояния, в котором они родились.

Благодаря хорошему воздуху, здоровому климату, множеству хороших продуктов и обеспеченному существованию тех, кто обрабатывает землю, поощряются ранние браки, и население Америки очень быстро увеличивается и еще больше увеличится за счет притока иностранцев. Следовательно, имеется постоянный спрос на большое число ремесленников всех необходимых и полезных специальностей, чтобы снабдить земледельцев домами, громоздкой обстановкой и домашней утварью, т. е. тем, чего не стоит привозить из Европы. Можно быть уверенным, что более или менее хорошие мастера во всех этих ремеслах найдут работу, которая будет хорошо оплачиваться, и не будет никаких ограничений и не будет требоваться особых разрешений для иностранцев, занимающихся любым ремеслом. Если они бедны, то они начнут с того, что будут работать слугами или подмастерьями; и если они трезвы, трудолюбивы, бережливы.

то скоро станут хозяевами, устроятся, женятся, заведут семью и станут уважаемыми гражданами.

Если люди среднего достатка, имеющие нескольких детей, захотят воспитать их в трудолюбии и сохранить свое состояние для потомства, то они имеют все возможности сделать это в Америке, — в Европе это невозможно. Здесь они могут выучиться и заниматься выгодным ремеслом, не подвергаясь бесчестью, а, наоборот, завоевывая уважение своими способностями. Здесь небольшой капитал, вложенный в землю, которая ежедневно дорожает из-за прироста населения, обеспечит достаточное состояние для детей. Автору этих строк известно несколько случаев, когда большие участки земли были куплены там, где проходила в то время граница Пенсильвании, по десять фунтов стерлингов за сотню акров; когда пределы колонии расширились, те же участки были проданы без всяких улучшений в них по три фунта за каждый акр. Акр в Америке тот же, что в Англии и в Нормандии.

Те, кто хочет понять положение правительства в Америке, хорошо сделают, если прочтут конституции отдельных штатов и параграфы конституции федерации, которая объединила все штаты вместе для общих целей под руководством собрания, называемого Конгрессом. Эти конституции были отпечатаны в Америке по приказу Конгресса, два их издания также были напечатаны в Лондоне, и недавно в Париже они были опубликованы в хорошем переводе.

Некоторые из последних правителей Европы в целях выгоды решили производить все товары и изделия внутри своих стран, чтобы уменьшить или сделать ненужным ввоз; для этого пытались переманить рабочих из других стран, предлагая им большие заработки, привилегии и т. д. Многие люди притворились знающими ремесла; воображая, что Америка нуждается в них и что Конгресс вероятно склонен подражать вышеупомянутым правителям, они предложили переехать в Америку, если им оплатят дорогу, дадут земли, назначат плату, предоставят исключительные привилегии в отношении выслуги и т. д. Но эти люди, прочитав параграфы конституции федерации, обнаружат, что Конгресс не имеет ни власти, ни денег для таких целей; и что если и предоставляется подобное поощрение, то оно делается правительством какого-нибудь отдельного штата. Это, однако, очень редко случается в Америке, а когда и бывает, то редко имеет успех, так как недостаточно поощрять отдельных граждан, чтобы упрочить ремесла, для которых страна еще не вполне подготовлена. Труд в Америке вообще слишком дорог, и рабочие руки трудно достать, потому что каждый стремится быть хозяином, а дешевая земля способствует тому, что люди оставляют свое ремесло и начинают заниматься сель-

ским хозяйством. Некоторые действительно добились успеха и преимуществ. Это бывает в тех случаях, если требуется небольшое количество рабочих рук или если бо́льшая часть работы выполняется машинами. Очень громоздкие товары такой небольшой ценности, что они не оправдывают затрат на перевозку, дешевле производить внутри страны, чем импортировать. Производство таких товаров будет выгодным везде, где имеется достаточный спрос. Американские фермеры действительно производят много шерсти и льна, причем ничто не экспортируется — все потребляется, но потребляется внутри хозяйства, для нужд семьи. В различных провинциях несколько раз пытались закупить некоторое количество шерсти и льна, имея в виду нанять прядильщиков, ткачей и т. д., организовать большие предприятия по изготовлению льняных и шерстяных товаров, в значительном количестве для продажи, но каждый раз эти попытки полностью проваливались, так как равноценные товары импортировались по более дешевой цене. И когда ходатайствовали перед правительством поддержать эти проекты путем поощрений деньгами или путем обложения налогом ввозимых товаров, то обычно в этом отказывали на том основании, что если страна подготовлена к развитию ремесел, то они могут быть поддержаны поощрением отдельных лиц, но если страна не подготовлена, то было бы безрассудством думать, что можно принудить природу. Большие предприятия требуют большого числа бедняков, готовых работать за небольшую плату, таких бедняков можно найти в Европе, но нельзя найти в Америке, пока не будут разобраны и обработаны все земли и пока не будет излишка людей, которые не получат земли и должны будут наниматься. Говорят, что производство шелка естественно во Франции, а производство сукна — в Англии, потому что каждая страна производит множество этой материи; но если бы Англия производила как шелк, так и сукно, и Франция — как сукно, так и шелк, то эти производства должны были бы поддерживаться взаимными запрещениями или высокими пошлинами на импорт товаров каждой из этих стран, с помощью чего мастеровым будет предоставлена возможность назначать более высокие цены отечественным потребителям, тогда как более высокие заработки, которые они получат, не сделают их ни богаче, ни счастливее, потому что они будут только больше пить и меньше работать. Поэтому правительство Америки ничего не делает для поощрения этих проектов. Таким образом, народ не обманывают ни купец, ни ремесленник. Если купец потребует слишком высокую цену за импортную обувь, люди купят у сапожника; если тот запросит слишком высокую цену, они купят у купца; таким образом, обе эти профессии контролируют друг друга. В целом сапожник получает значи-

тельную выгоду за свой труд в Америке по сравнению с тем, что он имел в Европе, так как он должен прибавить к цене сумму, примерно равную всем расходам на перевозку и доставку, риск или страхование и т. д. — то, что по необходимости делают купцы. То же самое получается с мастеровыми в любом другом ремесле. Следовательно, ремесленники в Америке в общем живут лучше и спокойнее, чем в Европе, и люди бережливые достаточно обеспечивают свою старость и своих детей. Таким людям стоит переезжать в Америку.

В давно заселенных странах Европы все ремесла, торговля, профессии, фермы и т. д. настолько заполнены, что бедняку, у которого есть дети, трудно устроить их так, чтобы они могли зарабатывать или учиться зарабатывать деньги на приличную жизнь. Ремесленники, которые боятся появления будущих соперников в деле, отказываются брать учеников-подмастерьев и соглашаются только при условии уплаты большой суммы денег, содержания и т. п., на что не могут пойти родители. Поэтому молодежь воспитывается, не зная никакого полезного ремесла, и, чтобы существовать, молодые люди вынуждены идти в солдаты, в слуги или становиться ворами. В Америке в связи с быстрым ростом населения нет страха соперничества, и ремесленники охотно берут учеников, надеясь на выгоду от их труда после того, как их обучат, а обусловленное время еще не истечет. Следовательно, для бедных семей легко отдать детей в ученье, потому что ремесленники так заинтересованы в учениках, что многие из них дают даже родителям деньги, чтобы мальчиков от десяти до пятнадцати лет взять в ученики до двадцати одного года; и многие бедные родители при приезде в эту страну таким образом добывают деньги и покупают достаточно земли, чтобы устроиться самим и содержать остальных в семье на доходы от сельского хозяйства. Договоры хозяев с учениками составляются мировым судьей, который приводит соглашение в соответствие с благоразумием и справедливостью и, имея в виду формирование будущего полезного гражданина, обязывает хозяина записать в контракте не только то, что в течение указанного времени ученик должен быть как следует обеспечен мясом, питьем, одеждой, жильем и по истечении срока новой одеждой, но так же и то, что его должны научить читать, писать и считать; и что он должен быть обучен искусству или мастерству своего хозяина или кого-нибудь другого, после чего он смог бы зарабатывать на жизнь и в свою очередь обзавестись семьей. Копию этого договора дают ученику или его друзьям, а сам документ хранит судья, к которому можно прибегнуть за помощью в случае, если хозяин нарушит одно из условий контракта. Это желание хозяев получить как можно больше рабочих рук, работающих на них, заставляет их опла

чивать дорогу молодым людям обоего пола, которые после приезда соглашаются служить один, два, три или четыре года; те, кто уже обучен ремеслу, соглашаются работать более короткий срок, соответственно своему умению и непосредственной ценности своей работы; те, которые не обучены, соглашаются работать более долгий срок с целью обучиться ремеслу, так как бедность не позволила им обучиться в своей собственной стране.

Почти всеобщий средний достаток, который преобладает в Америке, обязывает народ заниматься каким-нибудь делом для поддержания своего существования, а поэтому те пороки, которые обычно порождаются праздностью, в большей степени предупреждаются. Трудолюбие и постоянная занятость являются серьёзным средством сохранения нравственности и добродетели нации. Поэтому плохие примеры для молодежи более редки в Америке, что должны принять во внимание родители. К этому еще можно прибавить, что серьезная религия с ее различными сектами не только допускается, но и уважается. Атеизм там неизвестен, неверие редко и скрыто; так что люди могут долго жить в этой стране без того, чтобы их благочестие было оскорблено встречей с атеистом или с язычником. И, повидимому, господь выказывает свое одобрение тому, что различные секты относятся друг к другу с взаимной снисходительностью и добротой, и поэтому он соблаговолил отметить целую страну замечательным процветанием.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

АВТОРАМ ПАРИЖСКОГО ЖУРНАЛА

Господа,

Вы часто развлекаете нас докладами о новых открытиях. Разрешите мне через ваш журнал рассказать публике об открытии, которое я недавно сделал, так как я думаю, оно может быть очень полезным.

Как-то вечером я был в большой компании, где демонстрировалась новая лампа г. Квинке и г. Ланга; все восторгались ее великолепием и интересовались, пропорционален ли свету расход масла, потребляемого лампой, если нет, то ее использование будет неэкономично. Никто из присутствующих не мог ответить нам на этот вопрос; все согласились, что это разумеется само собой, потому что каждый стремится по возможности уменьшить расходы по освещению квартиры, исходя из того, что расходы в семье и без того все более увеличиваются.

Я был рад увидеть такое общее стремление к экономии, потому что я сам чрезвычайно люблю экономию.

Я пришел домой, лег в постель и до трех или четырех часов утра думал над этим вопросом. Неожиданный шум разбудил меня около шести часов утра, и я был удивлен, когда увидел, что моя комната наполнена светом; сначала мне показалось, что в комнату внесено несколько таких ламп, но, протерев глаза, я понял, что свет идет из окон. Я встал и посмотрел в окно, чтобы понять, что было тому причиной. Я увидел поднимающееся над горизонтом солнце, которое посылало свои лучи в мою комнату, потому что мой слуга забыл с вечера закрыть ставни.

Я посмотрел на свои часы, которые всегда идут хорошо, и увидел, что было только шесть часов утра. Я все еще считал

чем-то особенным, что солнце взошло так рано, и поэтому посмотрел в календарь, где нашел, что это именно и был час, когда должно было вставать солнце в этот день. Я посмотрел дальше и обнаружил, что оно будет вставать еще раньше вплоть до конца июня и что в любое время года оно не встает позже восьми часов утра. Ваши читатели, которые так же, как и я, никогда не видели солнечного света до полудня, и редко смотрят астрономический отдел календаря, будут удивлены так же, как и я, когда узнают, что солнце встает так рано, и особенно будут удивлены, если я буду уверять их, что *солнце дает свет, как только оно взошло*. Я убежден в этом. Я уверен в этом факте. Никто не может быть более уверен в этом факте. Я видел это своими собственными глазами. И повторив то же наблюдение в три последующих утра, я всегда видел точно такой же результат.

Но получается так, что когда я говорю другим об этом открытии, то по выражению их лиц я вижу, что они не совсем мне верят, хотя на словах воздерживаются об этом говорить. Один ученый философ уверял меня, что я должно быть ошибся относительно света, падающего в мою комнату; потому что хорошо известно, сказал он, что в такой час вне дома не может быть никакого света, и отсюда следует, что никакой свет не мог проникать извне. Следовательно, если мои окна случайно были оставлены открытыми, то вместо того, чтобы впустить свет, они послужили для того, чтобы выпустить темноту; он приводил много простых доказательств, чтобы показать мне, как я был обманут. Признаюсь, он немного озадачил меня, но не убедил. Последующие наблюдения, которые я делал, убедили меня в моем первом мнении.

Это событие повлекло за собой несколько серьезных и важных рассуждений. Я понял, что если бы я не был так рано разбужен, я бы проспал еще шесть часов при солнечном свете и вместо этого просидел бы вечером шесть часов при свечах. Так как свечное освещение более дорого, чем солнечный свет, то моя любовь к экономии побудила меня привлечь мои арифметические знания и сделать некоторые расчеты, которые я предложу вам после того, как поясню, что такое, по моему мнению, полезность, какова ценность изобретений и что открытие, которое не дает никакой пользы, ни на что не нужно.

В основу своего расчета я положил предположение, что в Париже живет сто тысяч семейств и что эти семьи расходуют по вечерам полфунта восковых свечей за час. Я думаю, это в среднем умеренный расход, потому что, хотя некоторые и тратят меньше, но я знаю и многих, которые тратят значительно больше. Затем, если принять во внимание, что в среднем семь часов в день проходит от восхода солнца до нашего пробужде-

ния, а солнце встает в течение следующих шести месяцев от шести до восьми часов утра, и если учесть, что каждый вечер мы семь часов жжем свечи, то расчет будет следующий:

За шесть месяцев, между 20 марта и 20 сентября: ночей	183
Количество часов за каждую ночь, когда жжем свечи	7
это даст общее количество часов	1 281
Число часов 1281, умноженное на 100 000 (число жителей), даст	128 100 000
Сто двадцать восемь миллионов сто тысяч часов, проведенных в Париже при свечном освещении, учитывая, что за час сжигается полфунта воска или жира, дает вес, равный	64 050 000 фунтов
Шестьдесят четыре миллиона пятьдесят тысяч фунтов при средней цене тридцать су за фунт дают сумму в девяносто шесть миллионов семьдесят пять тысяч турских ливров	96 075 000

Какую громадную сумму Париж мог бы сохранять ежегодно, если бы экономил и вместо свечей пользовался дневным светом!

Если мне скажут, что люди склонны сохранять свои старые привычки и что будет трудно научиться вставать до полудня, а следовательно, мое открытие не представляет ценности, то я отвечу: Nil desperandum *. Я верю, что все люди, имеющие здравый ум, как только узнают из моей статьи, что с восходом солнца можно пользоваться дешевым светом, тоже решат вставать вместе с солнцем, а чтобы принудить других, я предлагаю следующие меры:

Во-первых, обложить налогом в луидор каждое окно со ставнями, которые не впускают солнечный свет в комнаты.

Во-вторых, пусть полиция проведет ту же полезную операцию по запрещению пользования свечами, какую она проводила прошлую зиму по более экономичному использованию дров. В магазинах по продаже восковых и сальных свечей должен быть установлен контроль — ни одной семье нельзя разрешать покупать больше одного фунта свечей на неделю.

В-третьих, также должна быть установлена охрана, чтобы останавливать кареты и пр., которые едут по улицам после заката солнца, за исключением врачей, хирургов и акушерок.

В-четвертых, каждое утро, как только встанет солнце, нужно бить во все церковные колокола, и если этого недостаточно, то пусть на каждой улице стреляют пушки, чтобы как следует разбудить лежебок и заставить их открыть глаза и увидеть свою действительную выгоду.

Вся трудность будет в первые два или три дня, после чего новое положение будет таким же естественным и легким, как

* Не следует отчаиваться. — *Ред.*

теперешняя беспорядочность; потому что ce n'est que le premier pas qui coûte *. Обяжите человека вставать в четыре часа утра, и больше чем вероятно, что он с удовольствием ляжет спать в восемь часов вечера; а проспав восемь часов, он охотно встанет в четыре часа на следующее утро. Но эта сумма в девяносто шесть миллионов и семьдесят пять тысяч ливров еще не вся, которую можно сохранить по моему экономическому плану. Вы можете заметить, что я делал расчет только на одну половину года, но много может быть сохранено и за вторую половину, хотя дни тогда короче. Кроме того, огромное количество воска и сала, которое осталось неиспользованным с лета, возможно, удешевит свечи к предстоящей зиме; свечи будут продолжать дешеветь, пока будет поддерживаться предложенное нововведение.

За большую выгодность этого открытия, так откровенно сообщенного и подаренного мной публике, я не требую ни места, ни пенсии, ни исключительных привилегий, ни каких-либо других наград. Я хочу только, чтобы честь этого открытия принадлежала мне. Все же я знаю, что найдется несколько завистников, которые, как всегда, будут отказывать мне в этом открытии и будут говорить, что мое изобретение было известно древним, и, возможно, они приведут в доказательство этого отрывки из старинных книг. Я не буду спорить с этими людьми, что древние не знали, что солнце восходит в определенные часы; у них, возможно, как и у нас, были календари, по которым они это определяли, но отсюда не следует, что они знали, что *солнце дает свет, как только оно взошло*. Я заявляю, что это мое открытие. Если древние и знали это, то с тех пор это могло быть забыто; потому что, без сомнения, это было неизвестно современным людям, по крайней мере парижанам, и, чтобы доказать это, потребовался только один простой аргумент. Они такой же обученный, рассудительный и благоразумный народ, как и любой другой в мире, и все претендуют, как и я, быть поборниками экономии; а из-за многих тяжелых налогов, которые они выплачивают для нужд государства, у них есть еще одна причина быть экономными. Я повторяю, что невозможно, чтобы такой разумный народ при таких обстоятельствах так долго жил при дымном, нездоровом и чрезвычайно дорогом свете свечей, действительно не понимая, что можно даром иметь много чистого солнечного света. Остаюсь и т. д.

Подписчик.

---

* Труден только первый шаг. — *Ред.*

ЗДОРОВАЯ И ИЗУРОДОВАННАЯ НОГА

В мире существует две категории людей, из которых одни при одинаковом здоровье, богатстве и других жизненных удобствах становятся счастливыми, а другие — несчастными. Это происходит большей частью из-за различия их представлений о вещах, людях и событиях и воздействия этих различных представлений на их умы.

В каком бы положении люди ни находились, они всегда могут найти удобства и неудобства; в какой бы компании ни находились, всегда могут найти людей и беседы более или менее приятные; за каким бы столом они ни сидели, всегда они найдут еду и питье лучшего и худшего качества, блюда, приготовленные лучше или хуже; в каком бы климате они ни жили, всегда будет хорошая и плохая погода; при любом правительстве можно найти хорошие и плохие законы, и хорошее и плохое их исполнение; в любой поэме или гениальном произведении можно найти неудачные места и достоинства; и почти в каждом лице и в каждом человеке можно обнаружить хорошие черты и недостатки, хорошие и плохие качества.

На этих моментах сосредоточивают свое внимание обе вышеупомянутые категории людей; те, кто склонны быть счастливыми, обращают внимание на удобства вещей, на приятные моменты в беседе, на хорошо приготовленные блюда, на хороший вкус вина, на хорошую погоду и т. д. и от всего этого получают удовольствие. Те, кто несчастливы, думают и говорят наоборот. Следовательно, они постоянно недовольны собой и своими замечаниями раздражают общество, оскорбляют многих людей и делаются везде нетерпимыми. Если в природе существует такой склад ума, то таких несчастливых людей надо жалеть. Но склонность критиковать и испытывать отвращение,

возможно, первоначально появляется как подражание кому-нибудь и неожиданно переходит в привычку, которая, хотя в настоящее время и очень сильна, тем не менее может быть исправлена, если те, кто имеет эту привычку, поймут, что она дурно влияет на их благосостояние; и я надеюсь, что это маленькое замечание послужит им на пользу и заставит их отказаться от этой привычки, которая имеет серьезные последствия в жизни, приносит действительное горе и несчастья. Из-за того, что многие обижены этими людьми, их никто не любит и никто не выказывает им больше, чем простую вежливость и уважение, и только это; поэтому они часто не в духе, и это ведет к спорам и раздорам. Если они задаются целью достигнуть повышения в чинах или улучшения состояния, то никто не желает им успеха, никто не позаботится, не замолвит за них словечко. Если они подвергнутся общественному порицанию или немилости, то никто не будет защищать или извинять их, а многие присоединятся, чтобы усугубить их положение, и сделают их полностью виноватыми. Если эти люди не изменят своей плохой привычки, не снизойдут до того, чтобы быть довольными тем, что приятно, без того, чтобы раздражать себя и других противоречиями, то тогда для других будет лучше избегать с ними знакомства, которое всегда неприятно, а иногда очень неудобно, особенно когда обнаружишь, что ты втянут в их ссору.

Один мой старый друг философ убедился на своем опыте и стал очень осторожным в этом деле, и всячески избегал какой бы то ни было близости с этими людьми. Как все другие философы, он имел термометр, чтобы узнавать температуру воздуха, и барометр, который показывал, что хорошо и что плохо; но так как еще не изобретен инструмент, чтобы с первого взгляда определять эту неприятную склонность в человеке, то поэтому для этой цели он пользовался своими ногами, одна из которых была замечательно красивая, а другая из-за какого-то случая была искривлена и изуродована. Если незнакомец при первом разговоре больше обращал внимание на его больную ногу, чем на здоровую, то он сомневался в этом человеке. Если он говорил о больной ноге и не обращал внимания на здоровую, то этого было достаточно для моего философа, чтобы не иметь с этим человеком никакого дальнейшего знакомства. Но не у каждого есть такой инструмент, состоящий из двух ног; но каждый при небольшом внимании может заметить признаки этого придирчивого ворчливого характера и принять то же самое решение: избегать знакомства с теми, кто заражен этим недостатком. И поэтому я советую всем недовольным, жалующимся, ворчливым несчастливым людям, если они хотят, чтобы их все уважали и любили и если они хотят сами быть счастливыми, то *они должны перестать обращать внимание на больную ногу.*

ИСКУССТВО ВИДЕТЬ ПРИЯТНЫЕ СНЫ

ПОСВЯЩАЕТСЯ МИСС **** И НАПИСАНО ПО ЕЕ ПРОСЬБЕ

Поскольку большую часть своей жизни мы спим и при этом иногда видим приятные, а иногда неприятные сны, то очень важно добиваться хороших снов и избегать дурных, потому что боль действительная или воображаемая, все равно боль, а удовольствие — это удовольствие. Если мы можем спать без сновидений, это хорошо, потому что мы избегаем дурных снов. Если мы спим и можем видеть какие-нибудь приятные сны, то это, как говорят французы, autant de gagné * увеличивает удовольствие жизни.

Для этого, во-первых, необходимо заботиться о сохранении здоровья посредством упражнения и умеренности, потому что во время болезни воображение расстроено и могут появляться неприятные, а иногда ужасные мысли. Моцион должен предшествовать еде, а не следовать за ней, потому что первое способствует, а второе, особенно если не умеренно, препятствует пищеварению. Если после моциона мы умеренно поели, пищеварение будет хорошее и правильное, человек будет в веселом и бодром настроении и все естественные функции организма будут правильно совершаться. Сон, если он за этим последует, будет естественным и спокойным; тогда как праздность и неумеренное питание ведут к кошмарам и невыразимым ужасам: мы проваливаемся в пропасти, на нас нападают дикие звери, убийцы, демоны, и мы испытываем всякого рода страдания. Заметьте, однако, что количество пищи и моцион находятся в зависимости: те, кто много двигается, могут и действительно должны больше питаться, те, кто двигается мало, должны есть

* Чистая выгода. — *Ред.*

мало. Вообще с того времени, как улучшилась кулинария, человечество стало есть в два раза больше против естественных потребностей. Ужины — вещь неплохая, если мы не обедали; но бессонные ночи естественно следуют за плотным ужином, которому предшествовал обильный обед. Однако существует разница в телосложении людей, и некоторые так хорошо отдыхают после еды, что кошмарный сон переходит в апоплексический удар, после чего они спят до дня страшного суда. В газетах чаще всего встречаются заметки о людях, которых после сытного ужина на утро находили в постели мертвыми.

Другим средством сохранить здоровье является постоянный доступ свежего воздуха в вашу спальню. Является большой ошибкой спать в совершенно закрытых комнатах и в постелях, задернутых пологом. Никакой уличный воздух не может быть менее полезным, чем тот, которым вы дышите в непроветренной закрытой комнате. Подобно тому как кипящая вода не будет горячее от долгого кипячения, так как частицы, которые получили больше теплоты, могут ускользнуть; так и живой человеческий организм не сгниет, если частицы могут выбрасываться в тот момент, когда они уже отработаны. Организм освобождается от них через поры тела и через легкие, и на свежем открытом воздухе эти частицы растворяются, а в закрытой комнате мы снова и снова дышим этими частицами и поэтому они становятся все более и более испорченными. Большое количество людей, собравшихся в небольшой комнате, в несколько минут так отравляют воздух, как в Черной пещере в Калькутте. Говорят, что один человек потребляет в минуту один галлон воздуха, и поэтому требуется долгое время, чтобы испортить воздух в целой комнате, но тем не менее постепенно это происходит и является причиной многих болезней. О Мафусаиле рассказывают, что он жил дольше всех и, возможно, сохранил свое здоровье тем, что всегда спал на открытом воздухе. Когда он прожил пятьсот лет, то к нему пришел ангел и сказал: «Вставай, Мафусаил, и построй себе дом, потому что ты должен прожить еще пятьсот лет». Но Мафусаил сказал: «Если я должен прожить еще пятьсот лет, то мне нет смысла строить дом, я буду спать на открытом воздухе, как это я обычно делал». Врачи, которые в течение веков утверждали, что больной человек не должен пользоваться свежим воздухом, наконец, обнаружили, что это может принести только пользу. Поэтому можно надеяться, что со временем таким же образом они обнаружат, что это не вредно и для тех, кто здоров, и что тогда нас нужно будет лечить от аërophobia *, которая в настоящее время причиняет страдание слабым людям и заставляет их скорее

* Воздухобоязнь. — *Ред.*

задыхаться и дышать отравленным воздухом, чем оставлять открытыми окна в спальне или опускать стекла в карете.

Воздух в закрытом помещении, насыщенный испарениями *, не может много впитать в себя, и испарения должны оставаться в нашем организме и порождать болезни; мы сами ощущаем, что испарения вредны, потому что они порождают очередное недомогание, малозаметное сначала; в отношении легких — это пустяковое раздражение, а для пор кожи что-то вроде беспокойства, которое трудно описать, и немногие из тех, кто это ощущает, знают причину этого. Но мы можем припомнить, что иногда, проснувшись ночью, очень трудно опять уснуть, если вы очень тепло укрыты. Мы часто поворачиваемся и ни в каком положении не можем найти покой. Это беспокойство (я употребляю это выражение за неимением лучшего) полностью зависит от раздражения, происходящего из-за сохранения испарений; постельное белье вобрало в себя определенное количество испарений и, будучи насыщено, не может больше поглощать. Чтобы убедиться в этом на опыте, положите человека на постель и снимите постельное белье и пусть свежий воздух получит доступ к телу и сразу же человек почувствует, как освежилось его тело, потому что воздух немедленно освобождает кожу, вбирает и уносит испарения, которые беспокоили ее. Каждая частица прохладного воздуха, доходящая до разгоряченной кожи, получив часть испарений, получает вместе с тем частицу теплоты, которая разрежает и делает более легкой эту частицу воздуха, которая в свою очередь выталкивается под действием силы тяжести более прохладным, а потому более тяжелым чистым воздухом, занимающим на минуту это место, и таким же образом меняется, согревается и уступает место следующему количеству. Таков закон природы предохранять организм от отравления собственными испарениями. Теперь человек ощутит разницу между той частью тела, которая подвергалась действию воздуха, и той, которая оставалась закрытой в постели и была лишена доступа воздуха; при сравнении в этой части тела теперь чувствуется неловкость более определенно, и эта неловкость лучше ощущается, чем когда вся поверхность тела испытывала это раздражение.

Это, таким образом, является одной из серьезных и главных причин дурных снов. Потому что когда организм находится в стесненном состоянии, то нарушается душевное равновесие и естественным следствием этого являются всякого рода неприятные мысли во сне.

---

* Врачи называют испарениями то, что выходит из нашего организма через легкие и через поры кожи. Говорят, что их количество должно равняться пяти восьмым от того количества, которое мы поглощаем. — *Автор*.

Профилактические и лечебные средства следующие:

1. Питаться нужно умеренно (что, как указывалось, полезно также и для здоровья), чтобы в определенное время было меньше испарений; а следовательно, чтобы постельное белье дольше могло впитывать их, а мы могли бы дольше спать, пока не почувствуем раздражение, когда белье уже не сможет больше впитывать испарения.

2. Надо употреблять более тонкое белье, сделанное из редкой ткани, которая могла бы легко пропускать вредные испарения, и нас бы это меньше стесняло и не так беспокоило в течение более продолжительного времени.

3. Если вы проснулись из-за этого раздражения и поняли, что не можете снова заснуть, встаньте с постели, взбейте и переверните подушку, перетряхните хорошенько постельное белье, снимите с постели одеяло — пусть оно охладится; а в это время разденьтесь и пройдитесь по комнате, пока кожа не освободится от испарений, и это будет тем скорее, чем суше и холоднее воздух. Когда вы почувствуете, что вам уже неприятен холодный воздух, вернитесь в свою постель, и скоро вы заснете, и ваш сон будет крепким и приятным. И все сцены, которые представятся вашей фантазии, будут приятными. Я часто развлекаюсь ими так же, как действием какой-нибудь оперы. Если случится, что вам очень не захочется вставать с постели, то вместо этого вы можете поднять ваше одеяло одной рукой и одной ногой, чтобы впустить свежий воздух, потом опустите одеяло и снова поднимите. Повторив это раз двадцать, вы удалите испарения, и это позволит вам некоторое время спать спокойно. Но этот метод не равен предыдущему.

Те, кто не любят беспокойства и могут позволить себе иметь две кровати, поймут, какое большое удовольствие встать с жаркой постели и перейти в прохладную. Такая смена постелей очень полезна для людей, у которых жар, потому что это освежает их и часто способствует сну. Большая кровать, которая позволит перемещаться с одного места на другое, более прохладное и удобное, в какой-то степени может служить этой цели.

Еще одно или два замечания, и я закончу эту статью. Когда вы ложитесь, то нужно позаботиться и так положить подушку, чтобы было удобно для головы и неутомительно; затем так поместите конечности, чтобы они не давили одна на другую, как, например, суставы лодыжек; потому что хотя неудобное положение не доставит больших неприятностей и сначала почти не будет заметно, все же в течение продолжительного времени это будет неудобно, вызовет неприятное ощущение во время сна и расстроит ваше воображение. Таковы правила этого

искусства. Хотя эти правила в общем эффективны для достижения поставленной цели, все же может оказаться, что самое тщательное их выполнение будет совершенно бесполезным. Мой дорогой друг, мне не нужно было бы вам напоминать об этом, но моя статья о данном искусстве была бы несовершенной без этого. Я имею в виду тот случай, когда человеку хочеться приятных сновидений, но он не позаботился о том, чтобы сохранить самую необходимую вещь —

Чистую совесть.

ПРИЧИНЫ НЕДОВОЛЬСТВА АМЕРИКАНЦЕВ В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЙ 1768 ГОДУ

Волны вздымаются только тогда,
Когда дует ветер.
(пословица)

Сэр,

Поскольку, как кажется, не все понимают причину нынешнего недовольства в Америке и принятых там решений покупать меньше наших (английских) промышленных изделий, то, быть может, ваши читатели получат некоторое удовлетворение, если Вы сообщите им нижеследующую краткую историю фактов.

Говорят, что с того времени, как впервые было признано, что колонии способны оказывать материальную помощь короне и вплоть до конца последней войны постоянным методом получения этой помощи был метод запросов, обращаемых короной через ее губернаторов ко всем колониальным собраниям в циркулярных письмах государственного секретаря, от имени его величества излагающих основания для запроса, предлагающих обсудить его и выражающих надежду, что движимые благоразумием, чувством долга и любовью к правительству его величества, они вотируют такие суммы или наберут такое количество солдат, какие соответствуют обстоятельствам каждой данной провинции.

Колонии привыкли к этому методу и время от времени вотировали короне деньги или набирали войска для службы ей соразмерно своим возможностям, а на протяжении последней войны — и свыше своих возможностей, так что парламент ежегодно возвращал им значительные суммы, поскольку они превышали свою долю.

Если бы продолжал практиковаться этот удобный для всех метод запросов (метод, который предоставлял подданным

короля в этих отдаленных краях приятную возможность показать ему свое усердие и лояльность и думать, что щедростью своих добровольных приношений они рекомендуют себя своему государю), то нет сомнения, что все деньги, на сбор которых тем или иным способом можно было разумно рассчитывать, были бы получены, причем это не вызвало бы ни малейшей досады, обиды или нарушения гармонии тех теплых чувств и общих интересов, которые так долго существовали между двумя странами.

Считалось, что правительство, осуществляющее верховную власть над различного рода людьми, поступает мудро, относясь *с известным уважением к преобладающим и упрочившимся* в управляемом народе *мнениям*, независимо от того, будут ли эти мнения в конечном счете препятствовать или содействовать государственным мероприятиям. Если они имеют тенденцию препятствовать государственной службе, их надо, если это возможно, изменить прежде, чем мы сделаем попытку действовать вопреки им; а изменены они могут быть только путем доводов и убеждения. Но если можно провести государственное дело не переча этим мнениям, если их, наоборот, можно заставить служить ему, то не следует им без надобности перечить, как бы абсурдны ни были такие народные мнения по своей природе.

Такова была мудрость нашего правительства в отношении сбора денег в колониях. Было хорошо известно, что колонисты единодушно придерживались мнения, что никакие деньги не могут собираться с английских подданных иначе, как с их собственного согласия, даваемого ими самими или их избранными представителями; что поэтому любые деньги, какие только должны быть собраны с населения в колониях, должны предварительно вотироваться колониальными собраниями, подобно тому как деньги, собираемые в Англии, должны сначала вотироваться палатой общин; что это право вотирования своих собственных денег было неотъемлемой частью английской свободы; и что если бы какой-нибудь человек или организация людей, в которой колонии не имеют избранного ими представителя, имели право произвольно облагать их налогами, то колонии не могли бы считать, что имеют какое-то имущество и вообще что-нибудь, что они могут назвать своим. Но, поскольку эти мнения не мешали им добровольно и щедро вотировать деньги, когда бы корона ни обращалась в их собрания через своих слуг (как она делает это в парламентах Англии и Ирландии) с просьбой о помощи, то был избран этот метод, а не ненавистный метод деспотических налогов.

Я не задаюсь здесь целью выступить с поддержкой этих мнений американцев; они были опровергнуты последним актом

парламента, декларирующим его собственную власть; однако тот же самый парламент мудро проявил столь деликатное уважение к этим закоснелым предрассудкам, что отменил налог, шедший вразрез с ними. И предрассудки эти все еще так прочны и так глубоко укоренились в умах американцев, что, говорят, ни один человек из них не убедился в своей ошибке, несмотря даже на этот акт парламента.

Таким образом, тот, кто первым задумал отбросить привычный метод запросов и собирать деньги в Америке с помощью марок, поступил, повидимому, немудро, уклонившись от этого метода (который колонисты считали конституционным) и без надобности вступив в конфликт с установившимися предрассудками столь большого числа подданных короля. Но он поступил так не потому, что не знал, что его действия оскорбят их; он, повидимому, очень хорошо это понимал и опасался, что это может послужить поводом для беспорядков, для предотвращения или подавления которых он замыслил еще один билль, внесенный в ту же сессию, что и закон о гербовом сборе, и долженствовавший узаконить право офицеров в колониях размещать своих солдат на постой в частные дома [1].

Это, повидимому, предназначалось для устрашения населения с целью заставить его принять первый из этих законов. Поскольку, однако, агенты по делам колоний и торгующие там купцы выступили с энергичным протестом против этого билля (в связи с заявлением колонистов о том, что при такой силе в лице армии никто не сможет считать свой дом своей собственностью или думать, что у него есть домашний очаг, если по произволу офицера в него могут быть введены солдаты и смешаны с его семьей), эта часть билля была снята; но когда он был принят как закон, в нем все же осталась статья, обязующая все колониальные собрания обеспечивать солдат помещениями, снабжать их топливом, постелью, свечами, пивом или ромом и различными другими предметами за счет провинций. И этот закон продолжал действовать, когда закон о гербовом сборе был отменен [2]; хотя, будучи обязательным для собраний, он в то же время противоречил упомянутому выше американскому принципу, что никакие деньги не могут собираться с английских подданных без их согласия.

Тем не менее колонии, в высшей степени обрадованные отменой гербового закона, предпочли избежать нового спора о втором законе, поскольку он был временным и срок его действия скоро должен был истечь, с тем чтобы, как они надеялись, он уже никогда не мог возродиться вновь; одновременно они различными в каждой колонии способами обеспечили расквартирование войск: либо посредством постановлений своих собственных собраний, оставляя без внимания закон парламента,

либо путем какого-нибудь изменения или небольшого сокращения в предписанном законом снабжении, например, в отношении соли и уксуса; чтобы то, что они делали, могло выглядеть как их добровольный акт, а не как подчинение закону парламента, повиноваться которому они в соответствии со своими представлениями о своих правах считали для себя тягостным.

Все могло бы быть хорошо, если бы это дело прошло тогда незамеченным; но поскольку один из губернаторов написал в Англию гневное осуждающее письмо о подобном поведении в законодательном собрании своей провинции, потерпевший неудачу автор * закона о гербовом сборе и его сторонники, бывшие в то время в оппозиции, подняли такой шум против Америки, якобы находящейся в состоянии восстания, и против тех, кто выступал за отмену гербового закона, как явившихся тем самым подстрекателями этого предполагаемого восстания, что было сочтено необходимым ввести в действие закон о военном постое с помощью другого закона парламента, отнимающего у провинции Нью-Йорк, наиболее открыто выразившей свое несогласие, все ее законодательные права до тех пор, пока она не согласится принять этот закон. Известие об этом весьма встревожило население всей Америки, поскольку (как говорили) язык подобного закона, по их мнению, гласил: слепо повинуйтесь законам, издаваемым парламентом Великобритании, направленным на то, чтобы собирать с вас деньги без вашего согласия, или вы вовсе не будете пользоваться никакими правами или привилегиями.

В то же время особа, с недавних пор занявшая высокий пост **, задумала собирать с Америки еще больше денег посредством новых пошлин на различные товары нашего собственного производства, такие, как оконное стекло, бумага, краски для живописи и т. д., назначив новое таможенное бюро и направив туда группу специальных уполномоченных с большим жалованьем, которые должны были обосноваться в Бостоне и на которых должна была лежать обязанность собирать эти пошлины; в отношении же пошлин в законе должно было быть специально указано, что они предназначаются для уплаты жалованья губернаторам, судьям и другим государственным чиновникам в Америке, поскольку здесь было довольно широко распространено мнение, что содержание этих чиновников ни в какой его части не должно зависеть от тамошнего населения.

В намерения мои не входит оспаривать это мнение. Но, быть может, Вашим читателям интересно будет узнать, каковы мысли американцев по этому поводу. Итак, они говорят в отно-

* Господин Джордж Гренвиль. — *Автор.*
** Господин Чарлз Тауншенд. — *Автор.*

шении губернаторов, что их нельзя уподоблять государям, чье потомство получает управление какой-то нацией по наследству и поэтому заинтересовано в ее процветании; они же [губернаторы] обычно являются чужими людьми для тех провинций, которыми их посылают управлять; не имеют там ни поместий, ни родственников, ни свойственников, ничего, что порождало бы в них привязанность к этой стране; что они приходят сюда только затем, чтобы сделать деньги так быстро, как они только смогут; иногда это люди с порочной натурой, расстроенным состоянием, лица, которых министр направляет туда просто для того, чтобы избавиться от них; что поскольку они не намереваются оставаться в стране дольше, чем будет продолжаться их управление, и не предполагают оставить после себя семью, то они склонны пренебрегать расположением народа и не беспокоятся о том, что будут о них говорить или думать после того, как они уйдут.

В то же время, по мнению американцев, положение губернаторов дает им много возможностей притеснять население, и они часто это делают, невзирая на свою зависимость от колониальных собраний в отношении той доли своего содержания, которая не проистекает из установленного законом вознаграждения; но, вероятно, они притесняли бы народ еще гораздо сильнее, если бы их содержание шло из сумм, исторгнутых у населения без его согласия или доброй воли, что является откровенной целью нового закона. Американцы говорят, далее, что если администрация будет содержаться в Америке посредством этих насильно навязанных пошлин без вмешательства колониальных собраний, то на эти собрания скоро станут смотреть как на бесполезные и губернатор перестанет их созывать, поскольку ему не на что будет надеяться в результате их совещания и даже, быть может, ему придется опасаться результатов их расследований и протестов против его злоупотреблений; что, таким образом, население будет лишено самых насущных своих прав; что, поскольку, как это имеет место в настоящее время, губернатор заинтересован в поддержании доброжелательного к нему отношения со стороны населения, которым он управляет, он содействует его благосостоянию, что может быть осуществлено без ущерба для метрополии; потому что все законы, на которые его могут убедить дать свое согласие, подлежат пересмотру здесь, и в случае неблагоприятного отзыва о них министерства торговли будут немедленно отменены короной; к тому же он не смеет принимать какого-либо закона, противоречащего полученным им инструкциям, занимая свой пост до тех пор, пока это будет угодно короне, и отвечая своими ценными бумагами, если преступит эти инструкции. Вот что они говорят в отношении губернаторов.

В отношении же судей они утверждают, что, поскольку судьи эти назначаются отсюда и сохраняют свои полномочия не в зависимости от хорошего исполнения ими своих обязанностей, как это установлено в Англии, но в зависимости от произвола короны, то, если жалованье им будет также уплачиваться из пошлин, собранных с населения без его согласия и независимо от того, одобряется или не одобряется поведение судей колониальными собраниями, все преимущества и все влияние окажутся сосредоточенными на одной только чаше весов (в то время как обе они должны держаться в равновесии). Что судьи действительно должны были бы быть свободны от всякого влияния; и поэтому всякий раз, как здешнее правительство будет жаловать патенты способным и честным судьям, пока они хорошо исполняют свои обязанности, собрания будут устанавливать им постоянное и щедрое жалованье на срок действия их патентов; но в настоящее время у них не остается другого средства избавиться от невежественного или несправедливого судьи (а, по их словам, им иногда присылали скандальные личности), как только взять их измором.

Я не предполагаю, чтобы эти их рассуждения показались здесь особенно вескими. Я привожу их здесь не с надеждой убедить Ваших читателей. Я передаю их только во исполнение задачи, которую я сам себе поставил, быть беспристрастным историком американских фактов и мнений.

Будучи, таким образом, как я уже говорил, сильно встревожены известием о законе, предусматривающем ликвидацию законодательной власти Нью-Йорка, и наложением этих новых пошлин для подобных явно неприятных целей (предоставление новых полномочий таможенным чиновникам наводило на сильное подозрение, что скоро для них будет обеспечена еще более широкая деятельность того же рода, дабы они могли заработать свое жалованье), колонисты стали серьезно размышлять над своим положением и вновь вспоминать обиды, которые они долго сносили из уважения и любви к нашей родине и, казалось, были почти готовы забыть.

Они размышляли о том, как низко оценивались здесь интересы всей Америки, когда оказывалось, что интересы небольшого числа жителей Великобритании приходили в малейшее противоречие с ними. Что всему американскому народу отказано в выгоде прямого ввоза вина, растительного масла и фруктов из Португалии, и он должен получать их удороженными всеми издержками окольного морского путешествия в тысячу ли, поскольку они сначала доставляются в Англию, а оттуда — в Америку, что повышает издержки на тридцать процентов, по крайней мере в военное время. И все это делается только для того, чтобы несколько португальских купцов в Лон-

доне могли получить комиссию за товары, проходящие через их руки (эти португальские купцы, кстати сказать, могут во всеуслышание выражать недовольство по поводу малейших тягот, налагаемых на их торговлю иностранцами, и тем не менее не далее как в прошлом году употребили все свое влияние, чтобы противодействовать облегчению участи своих сограждан, страдающих под столь тяжелым гнетом!). Колонисты видят, что на основании малейшей жалобы со стороны нескольких виргинских торговцев девяти колониям было запрещено выпускать бумажные деньги [3], ставшие совершенно необходимыми в их внутренней торговле, вследствие того что они постоянно переводят свое золото и серебро в Англию.

Но, говорят они, оказывается, что не только интересы определенной группы торговцев, но и интересы любой небольшой группы английских ремесленников и мастеров перевешивают интересы всех королевских подданных в колониях. Не может быть более сильного естественного права, чем право человека извлекать возможно бóльшую выгоду из продукта своей земли, при условии что он не наносит тем самым ущерба государству вообще. Железо может быть найдено в Америке повсюду, и бобровый мех является естественным продуктом этой страны. Шапки и гвозди, а также сталь нужны там так же, как и здесь. Для общего блага империи не имеет значения, добывает ли подданный короля свои средства к существованию, выделывая шапки на этой или на той стороне океана. И тем не менее шапочники Англии добились закона [4] в их собственную пользу, ограничивающего эту мануфактуру в Америке, с целью принудить американцев посылать свои бобровые шкурки для обработки в Англию и покупать там шапки, обремененные расходами по двойной перевозке. Подобным же образом небольшое число фабрикантов гвоздей и еще меньшая группа фабрикантов стали (быть может их не найдется в Англии и полудюжины) добились полного запрещения по закону парламента сооружения в Америке металлообрабатывающих заводов или сталеплавильных печей, чтобы американцы вынуждены были брать все гвозди для своих построек и сталь для своих инструментов у этих промышленников на тех же невыгодных условиях.

Вдобавок к этому американцы припомнили закон, разрешающий самое жестокое оскорбление, какое только когда-либо было нанесено одним народом другому, оскорбление, *выразившееся в отправке преступников* из наших тюрем в поселения американцев [5]; Шотландия также получила за последние два года привилегию, которой не имела до сих пор, — посылать своих мошенников и злодеев на плантации. Я размышляю о том, что они говорили друг другу (их газеты полны таких

разговоров): «Эти люди не довольствуются тем, что превращают нас в свою монополию, запрещая нам торговать со всеми другими странами Европы и принуждая покупать все необходимое у них, хотя многие товары мы могли бы приобретать в других странах на десять, двадцать, на пятьдесят процентов дешевле; но сейчас они, можно сказать, заявили, что имеют право произвольно облагать нас внутренними и внешними налогами и что у нас отнимут наши учреждения и свободы, если мы не подчинимся этому требованию.

Они не довольствуются высокими ценами, по которым продают нам свои товары; сейчас они начали еще более повышать эти цены посредством новых пошлин; с помощью дорогостоящего аппарата нового комплекта чиновников они замышляют, повидимому, увеличить и умножить эти тяготы, которые станут для нас еще более мучительными. Наш народ безрассудно увлекается их модными излишествами и промышленными изделиями, поглощающими все наши наличные деньги и отягощающими нас долгами, что ведет к обнищанию нашей собственной страны; они не позволяют нам сдерживать с помощью законов стремление наших жителей к роскоши, как они это делают у себя; они могут издавать законы, препятствующие ввозу французских предметов роскоши или запрещающие его; но хотя английские предметы роскоши не менее разорительны для нас, чем французские — для них, стоит нам только издать закон такого рода, как они немедленно его отменят.

Таким образом, посредством торговли забирают у нас все наши деньги; всякий доход, какой мы могли бы где-либо получить посредством нашего рыболовства, нашей промышленности или торговли, в конце концов сосредоточивается у них; но тогда мы лишаемся этого дохода. Пора же нам, наконец, позаботиться о самих себе с помощью лучших средств, какие только имеются в нашей власти. Объединимся торжественным решением, возьмем на себя и дадим друг другу обязательство, что причиним как можно меньше беспокойства этим новым чиновникам, и не будем потреблять английских изделий, с которых им надлежит взимать пошлины. Договоримся не покупать больше их дорогих безделушек. Будем жить бережливо, будем прилежно производить все, что можем, для себя самих; таким образом мы сможем с честью выплатить им долги, которые мы уже имеем; после этого мы, быть может, будем в состоянии удержать немного денег в нашей стране не только для целей нашей внутренней коммерции, но и для службы нашему милостивому государю, когда бы у него ни встретилась надобность в ней и когда бы он ни счел нужным потребовать ее у нас в старой конституционной манере. Ибо, несмотря на упреки, бросаемые по нашему адресу в их официальных

газетах и памфлетах, несмотря на то, что нас обзывали в их сенате мятежниками и предателями, мы являемся поистине лояльным народом. Шотландия имела свои мятежи и Англия свои заговоры против нынешнего королевского дома; но Америка *не запятнана этими преступлениями;* едва ли там найдется хоть один человек, во всяком случае среди уроженцев нашей страны, который не был бы глубоко предан своему королю из принципа и из любви.

Но от нас, повидимому, требуют другого рода лояльности, лояльности к парламенту; лояльности, которая, говорят, должна дойти до отказа от всего нашего имущества, когда бы палата общин, в которой нет ни единого члена, избранного нами, не сочла нужным передать его им без нашего согласия, вплоть до терпеливого перенесения нами утраты наших привилегий как англичан, если мы откажемся пойти на такую уступку. Океан отделил нас слишком далеким расстоянием от Англии, но нас связывали с ней уважение и любовь, так что мы в любое время были готовы охотно отдать свою жизнь и свое небольшое состояние за ее дело; однако несчастная новая система политики ведет к разрыву этих уз и к нашему разъединению навеки».

Таков исступленный бред полуобезумевших сейчас американцев. Безусловно, ни один разумный человек в Англии не может одобрять подобных чувств, и, как я уже сказал выше, я не позволю себе поддерживать или оправдывать их; но я искренно желаю ради мануфактур и торговли Великобритании и ради мощи, которую дал бы нам крепкий союз с нашими растущими колониями, чтобы народ этот никогда не был так без всякой надобности выведен из себя.

Остаюсь ваш и т. д.

Ф. В.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРАВИЛА КЛУБА, УЧРЕЖДЕННОГО ДЛЯ ВЗАИМНОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В 1728 году Франклин создал в Филадельфии просветительское общество, ставившее своей целью самообразование его членов и распространение знаний. Общество было названо Хунтой или Клубом кожаных фартуков: в него входили ремесленники, подмастерья, торговцы. На заседаниях члены клуба обсуждали вопросы политики, истории, философии, морали, поэзии, физики, механики и т. п. Хунта просуществовала около 40 лет. В дальнейшем из нее выросло Американское философское общество, первым президентом которого был Франклин.

«ЛЮБОПЫТНЫЙ»
(№№ 1, 2, 3, 4, 5, 8)

План издания очерков «Любопытный» созрел у Франклина после возвращения из первой поездки в Англию. Очерки были напечатаны в газете «The Weekly Mercury», издаваемой в Филадельфии типографщиками Кеймером и Бредфордом.

НЕОБХОДИМЫЕ СОВЕТЫ ТЕМ, КТО ХОТЕЛ БЫ СТАТЬ БОГАТЫМ

Одно из произведений Франклина, посвященных морали; написано в 1736 году.

СОВЕТ МОЛОДОМУ ТОРГОВЦУ

Написан в 1748 году. В этом произведении с особой яркостью выражена буржуазная сторона мировоззрения американского просветителя.

ПЛАН ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ЗАПАДНЫХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И ОБОСНОВАНИЕ ЭТОГО ПЛАНА

Работа написана вскоре после состоявшегося в 1754 году конгресса представителей английских колоний в Олбени (штат Нью-Йорк). Конгресс стремился наметить план защиты от нападений индейцев из Новой Франции (Канады). Губернатором Пауноллом было предложено образование так называемых «барьерных колоний», т. е. поселений колонистов на запад от Аппалачей. Представленный Франклином план создания двух западных колоний является попыткой не только объединения колоний для защиты от внешнего нападения, но и создания центрального колониального правительства с полномочиями вести войну, заключать мир, регулировать торговлю с индейцами. В этом же «Плане» Франклин выдвигает

ряд предложений, которые имели целью содействовать самостоятельному хозяйственному развитию колоний и нанести удар монополии английской землевладельческой аристократии на торговлю с индейскими племенами. Таким образом, в своем плане Франклин умело использует противоречия между колониальными интересами Франции и Англии. Вполне естественно поэтому, что английский парламент отверг план Франклина, и он был осуществлен лишь в ходе Семилетней войны (1756—1763), когда Франция вынуждена была отдать Канаду и Луизиану Англии, а затем в ходе революционной войны за независимость (1775—1783), в результате которой Англия утратила свои права на колонии в Северной Америке. Предлагаемая работа Франклина наглядно характеризует его как политического деятеля, умелого дипломата и большого знатока хозяйственной жизни североамериканских колоний.

[1] В Северной Америке Англия владела тринадцатью колониями, расположенными вдоль побережья Атлантического океана и ограниченными Аппалачскими горами с запада: Нью-Гемпшир, Массачузетс, Нью-Йорк, Род-Айленд, Коннектикут, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр, Мерилэнд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Георгия.

[2] Т. е. Северной и Южной Каролин.

[3] Колония Франции в бассейне реки Миссисипи. Колонизация Луизианы началась с конца XVII века. Основателем колонии считается французский миссионер Ла-Саль.

В результате Семилетней войны Франция потеряла эту колонию; с образованием США в 1776 году Луизиана вновь перешла в руки Франции, а в 1803 году Наполеон I продал Луизиану США.

[4] Т. е. Тихому океану.

[5] Союз шести кровнородственных ирокезских племен: сенека, кайюга, онондага, онейда, могавк и тускарора.

Основателями союза по преданию были Гайявата и Деканавида. Союз оформился в конце XVI века под названием Ирокезская лига. В него входило пять племен. С начала XVIII века к союзу присоединилось племя тускарора. «Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы, поскольку они не переступали низшую ступень варварства...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 237).

ДОКЛАД КОМИТЕТА ПО ЖАЛОБАМ АССАМБЛЕИ ПЕНСИЛЬВАНИИ

от 22 февраля 1757 года

В качестве уполномоченного от колонии Пенсильвания В. Франклин обратился в 1757 году в английский парламент с рядом претензий по поводу нарушений Королевской хартии и дарованных Пенсильвании привилегий.

Колония Пенсильвания была основана в 1681 году В. Пенном, которому английский король Карл II отдал ее в уплату долга в 16 тысяч ливров. Будучи владельцем колонии, В. Пенн ввел в Пенсильвании либеральные учреждения, удержав за собой ежегодную арендную плату за землю. Пенсильвании была пожалована Королевская хартия, предоставлявшая колонии самоуправление в виде местного собрания — ассамблеи, выборного губернатора, выборных должностных лиц. Практически самоуправление ограничивалось исполнительной властью владельцев, проводивших политику превращения колонии в королевскую провинцию (к 1776 году, кроме Коннектикута и Род-Айленда, все колонии были превращены в королевские провинции, т. е. лишены всякого самоуправления). Доклад Франклина пронизан антифеодальными просветительскими тенден-

циями и ярко демонстрирует деятельность американского мыслителя в борьбе за свободу и независимость колоний.

[1] В период с 1756 по 1763 год в Северной Америке происходила Семилетняя война английских и французских колонизаторов из-за Канады.

[2] Брэддок — английский генерал, возглавлявший кампанию по завоеванию долины Огайо (в 1755 году) и разгромленный французско-индейским отрядом.

[3] Новой Англией называлась группа северо-восточных колоний: Массачузетс, Коннектикут, Нью-Гемпшир, Род-Айленд, Мэн и Вермонт.

[4] *Каперы* — частные судовладельцы, получившие от правительства воюющего государства разрешение на насильственное задержание и захват в море неприятельских торговых судов. Особого расцвета каперство достигло в XVII—XVIII веках. Каперство было воспрещено Парижским конгрессом в 1856 году.

ПУТЬ К ИЗОБИЛИЮ

С 1732 года в течение 25 лет Франклин издавал календарь «Альманах простака Ричарда» («Poor Richard's Almanac»), в котором сведения по метеорологии и астрономии перемежаются с притчами, баснями, мудрыми народными пословицами и поговорками. Собрав воедино все изречения и поговорки «Ричарда Саундерса», Франклин в 1757 году выпустил отдельным изданием «Путь к изобилию».

В этом произведении сформулирован житейский идеал человека «третьего сословия». Выступая против расточительности, праздности и паразитизма феодально-аристократического мира, Франклин противопоставляет ему добродетельную жизнь трудолюбивого плебея, для которого материальное благополучие — средство для достижения независимости в мире денег.

В России это произведение Франклина выходило отдельным изданием в 1784 году под названием «Учение добродушного Рихарда».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОНСТИТУЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА ПЕНСИЛЬВАНИИ

Работа впервые опубликована в Лондоне в 1759 году.

«Исторический очерк» Франклина дает яркую картину борьбы колоний в лице народного представительства — ассамблеи с их владельцами. Сам Франклин принимал активное участие в этой борьбе, и в качестве уполномоченного от нескольких колоний он в 1757 году отправляется со специальной миссией в Англию. Работа «Исторический очерк», опубликованная во время пребывания Франклина в Лондоне, возбудила горячий протест прогрессивно настроенных кругов против колонизаторской политики, проводимой правительством Георга II. Работа представляет большой интерес для характеристики социологических взглядов Франклина. Печатается нами в сокращенном виде.

[1] Имеется в виду Семилетняя война в Европе (1756—1763).

[2] Отец Вильяма Пенна — адмирал английского королевского флота.

[3] *Фригольдеры* (от англ. freeholder) — свободные держатели земли

[4] *Великая хартия* (Magna Charta) — грамота, предъявленная в 1215 году феодалами английскому королю Иоанну Безземельному. Хартия закрепляла феодальные вольности, полученные крупными феодалами в ходе борьбы с королем.

[5] В своем сочинении «Океана» (1656) Гаррингтон выдвигал идею о гарантировании буржуазной земельной собственности законом.

[6] *Квит-рента* — арендная плата, которую выплачивали фригольдеры.

[7] *Habeas corpus* — начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 году и являющегося развитием статьи 39 Великой хартии вольностей о свободе личности.

[8] *Пять племен* (Five Nations) — пять объединившихся индейских племен (могавк, онейда, онондага, кайюга и сенека). Шестое племя — тускарора — присоединилось в начале XVIII века к упомянутым Пяти племенам, после чего они стали называться Шестью племенами.

[9] *Эсквайр* (esquire) — оруженосец в феодальной Англии, впоследствии одно из низших дворянских званий.

[10] *Квакеры* (от англ. quake — трястись, дрожать) — религиозная секта, возникшая в Англии в XVII веке; позднее квакерами стали называть всех жителей Филадельфии (штат Пенсильвания).

[11] *Ровоам* — один из сыновей царя Соломона, против которого под руководством Иеровоама восстали десять колен израилевых, отделившихся от Иудеи.

РАССМОТРЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЕЕ КОЛОНИЙ И ПРИОБРЕТЕНИЯ КАНАДЫ И ГВАДЕЛУПЫ

Работа впервые опубликована в Лондоне в 1760 году, вскоре после победы англичан под Квебеком, в результате которой Канада оказалась в руках Великобритании. В этой работе Франклин отвечает на памфлет Берка «Заметки на письмо к двум великим мужам» («Remarks on the Letter to Two Great Men»). Точка зрения Франклина была учтена при заключении мирного договора с Францией в 1763 году.

Ввиду того, что в оригинальном авторском издании этой работы отсутствовали заголовки разделов, внесенные позднее (и неудачно) другой рукой, они в настоящем издании сняты.

[1] «Письмо, адресованное двум великим мужам» написано графом Батом. В «Письме» доказывается необходимость сохранения за Великобританией Канады. В ответ на это «Письмо» и появился памфлет Берка.

[2] Военная кампания 1733 года началась с завоевания Лотарингии, которую французы сделали плацдармом для продолжения военных действий в Италии. По Венскому договору 1738 года Франция окончательно присоединила к себе Лотарингию.

[3] Нью-Йорк был присоединен к английским владениям в Северной Америке после войны 1673 года по Вестминстерскому мирному договору 1674 года.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ВЫСТУПЛЕНИЕ СУДЬИ ФОСТЕРА В ЗАЩИТУ ПРАВА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ВЕРБОВКИ МАТРОСОВ

Франклин резко отрицательно относился к практиковавшейся в XVIII веке в Англии насильственной вербовке матросов, называя эту вербовку разновидностью рабства.

«Замечания» были сделаны карандашом на полях доклада судьи Фостера, защищавшего практику насильственной вербовки матросов.

Работа написана в 1762 году.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ НЕДАВНЕГО ПРОТЕСТА ПРОТИВ НАЗНАЧЕНИЯ ГОСПОДИНА ФРАНКЛИНА АГЕНТОМ ДЛЯ ПРОВИНЦИИ ПЕНСИЛЬВАНИИ

После окончания Семилетней войны Франклин возвратился к своим обязанностям представителя Филадельфии в Пенсильванском провинциаль-

ном собрании. Этот период ознаменовался оппозицией Франклина по отношению к губернатору и владельцам колонии, стремившимся свести на нет роль провинциального собрания. Отношения между провинциальным собранием, с одной стороны, и владельцами и губернатором, с другой — настолько обострились, что собрание Пенсильвании принимает решение послать королю петицию об уничтожении права владельцев колонии самим назначать губернаторов. Миссия представления и поддержки петиции была возложена на Франклина.

Поводом для написания данной работы послужили выпады врагов Франклина. Стремясь подорвать влияние и популярность Франклина, они осенью 1764 года сорвали избрание его в Пенсильванское собрание, бессменным членом которого он был в течение 14 лет. Несмотря на это, собрание назначило его агентом в Англию. Враги Франклина опубликовали по этому поводу протест, не нашедший, однако, никакой поддержки провинциального собрания. Ответом на этот протест и являются «Замечания», написанные Франклином непосредственно перед отъездом его в Англию.

ЗАМЕЧАНИЯ
ПО ПОВОДУ ОСОБОГО БИЛЛЯ О МИЛИЦИИ, ОТКЛОНЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ВЛАДЕЛЬЦА ИЛИ ГУБЕРНАТОРОМ

Написаны Франклином 28 сентября 1764 года в качестве обращения к свободным жителям Пенсильвании.

Поводом для этого обращения послужило наложение *veto* на постановление провинциального собрания Пенсильвании о праве участия населения в избрании командования милиции. Практика отмены решений провинциального собрания стала системой. Она отражала все более крепнувшее стремление владельцев и губернаторов колоний отнять у провинциальных собраний право самостоятельно решать дела колоний. Франклин возглавил оппозицию губернатору Пенсильвании и систематически в своих выступлениях, отчетах, рапортах и т. п. разоблачал алчность, несправедливость и неосновательность притязаний владельцев и губернаторов колоний.

[1] В Пенсильванию переселилось очень много немцев, привлеченных сюда щедрыми обещаниями даровой земли.

ЗАМЕЧАНИЯ
ПО ПЛАНУ БУДУЩЕГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ ИНДЕЙЦЕВ

Написаны в 1765—1766 годах.

Франклин неоднократно обращался к вопросу об урегулировании отношений с индейскими племенами. В 50-х годах он был назначен полномочным комиссаром от Пенсильвании в комиссию, установившую мирные отношения с индейцами.

Предлагаемый документ окончательно формулирует взгляды Франклина на торговлю с индейцами.

ПИСЬМО
КАСАТЕЛЬНО БЛАГОДАРНОСТИ АМЕРИКИ, А ТАКЖЕ ВЕРОЯТНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЙ СОЮЗА С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ; ОБ ОТМЕНЕ ИЛИ ОТСРОЧКЕ ЗАКОНА О ГЕРБОВОМ СБОРЕ

Письмо датировано 6 января 1766 года; лицо, которому оно адресовано, неизвестно.

К 1765—1766 годам противоречия между колониями и метрополией настолько обострились, что введение закона о гербовом сборе и ряда других законов вызвало бурю протеста почти всего населения Америки. И

в самой метрополии наметились по этому поводу разногласия. Либеральная часть палаты общин была готова даже встать на защиту прав колоний, а Питт произносил речи во славу американских патриотов. Ввиду такого протеста со стороны колоний и оппозиционной группы английского парламента английское правительство было вынуждено в 1766 г. отменить закон о гербовом сборе.

Находясь в Лондоне в качестве представителя сначала Пенсильвании, а затем еще некоторых колоний Северной Америки, Франклин не скрывал своих убеждений и продолжал работать в направлении развития независимости североамериканских колоний, вдохновляя американцев на борьбу за свои права.

О ЦЕНЕ НА ХЛЕБ И УПРАВЛЕНИИ БЕДНЫМИ

Работа написана Франклином в Англии в 1766 году в защиту прав американских фермеров, которым английское правительство запретило экспорт зерна в другие страны.

ДОПРОС ДОКТОРА ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА В АНГЛИЙСКОЙ ПАЛАТЕ ОБЩИН ПО ДЕЛУ ОБ ОТМЕНЕ АНГЛИЙСКОГО ЗАКОНА О ГЕРБОВОМ СБОРЕ В 1766 ГОДУ

Опубликован в 1767 году.

По окончании Семилетней войны министры Георга III решили переложить на колонии часть расходов, связанных с завоеванием Канады. С этой целью в 1765 году был издан Гербовый акт. Акт предусматривал более строгое применение навигационных законов, репрессии против контрабанды, постоянные гарнизоны в главных городах, запрещал жителям английских колоний совершать какие бы то ни было операции обменного, денежного, имущественного характера без уплаты определенной суммы в звонкой монете за марку, делающую соответствующие документы законными. Не говоря уже о трудностях доставки марок ввиду распыленности колоний по территории Америки, гербовый сбор выкачал бы из колоний все золото. Франклин, находившийся в это время в Лондоне в качестве представителя нескольких колоний, советовал парламенту пересмотреть положение о гербовом сборе и отменить ряд других репрессивных мер. Когда губернаторы в Америке приступили к введению гербового сбора, население Бостона и Нью-Йорка подняло восстание, а Виргинское собрание заявило протест; в провинциях организовались патриотические собрания «Сынов свободы». По предложению Массачузетского собрания делегаты девяти колоний собрались на конгресс в Нью-Йорке в октябре 1765 года, составили петицию к королю и парламенту. Движение масс за отмену этого закона заставило английский парламент отменить в 1766 году закон о гербовом сборе.

[1] Имеется в виду Семилетняя война 1756—1763 годов.

[2] На Втором континентальном конгрессе, собравшемся в мае 1775 года и утвердившем общую почтовую систему, Франклин был избран главным директором почт Северной Америки.

[3] В колониях не было ни золотых, ни серебряных рудников, вследствие чего звонкая монета могла быть получена только путем расширения внешней торговли.

[4] Закон о гербовом сборе предусматривал двойную пошлину в случаях, когда документы не имели специального оформления, например, в случае, когда документы были написаны не на английском языке.

[5] Предложенный Франклину вопрос имеет в виду сахарный закон 1764 года, приведший к резкому сокращению американской торговли сахаром.

[6] Целью английского законодательства в отношении регламентации торговли английских колоний в Северной Америке было, с одной стороны, создание из колоний дешевых источников сырья для английской промышленности, а с другой — создание выгодного рынка для сбыта готовых английских товаров.

[7] Имеется в виду конгресс в Олбени 1754 года. См. о нем: «План образования двух западных колоний в Северной Америке».

[8] В 1764 году в целях охраны капиталовложений английских купцов в колониях бумажная валюта была отменена.

[9] В экспедиции против испанской провинции Картагены участвовал полк в 3600 человек, составленный из представителей британских колоний в Северной Америке.

[10] Утрехтский договор 1713 года, заключенный между Англией и Францией. По этому договору Англия получила ряд французских колоний в Северной Америке (Акадия, Ньюфаундленд, побережье Гудзонова залива) и право монопольной продажи негров в испанских колониях.

[11] Имеется в виду англо-испанская война 1739—1748 годов.

ВОПРОСЫ МИСТЕРА СТРАГАНА ПО ПОВОДУ АМЕРИКАНСКИХ ДЕЛ И ОТВЕТЫ ДОКТОРА ФРАНКЛИНА

Работа написана в 1769 году в Англии, куда Франклин в 1764 году был послан как агент Пенсильвании, и представляет собой ответы на вопросы члена английского парламента Вильяма Страгана.

Основным вопросом, волновавшим в то время колонии, был вопрос о налогах. В своих ответах Франклин исходит из основного начала английской конституции, в силу которого никто не обязан платить налогов, не вотированных представительным учреждением.

Работа является яркой характеристикой общественно-политической деятельности Франклина, защищавшего перед королем и английским парламентом неотъемлемые права североамериканских колоний, на которые посягали владельцы и губернаторы колоний.

[1] Пошлина на чай была косвенным налогом, взимаемым с населения Америки. Чай, составлявший монополию ост-индской компании, шел через лондонские склады и уже оттуда попадал в Америку. Облагая особым сбором чай, английское правительство заставляло американцев платить налог, который последние отказывались платить прямым путем.

[2] В 1649—1651 годах Шотландия и Ирландия были завоеваны войсками Кромвеля.

[3] В 1768 году губернатор Массачузетса Бернар объявил колониальное собрание распущенным и обратился с просьбой прислать войска; в октябре войска высадились в Бостоне. Такие чрезвычайные меры были вызваны усилившимся в 1768 году противодействием американцев ввозу английских товаров.

[4] Вероятно, имеется в виду деятельность учрежденной в Лондоне Торговой палаты (Board of Trade), специальной миссией которой было осуществление контроля над всеми американскими делами, защита интересов короны и английского купечества и т. п.

[5] Имеется в виду роспуск Бостонского собрания в 1768 году.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА ПАУНОЛЛА О КОНСТИТУЦИИ КОЛОНИЙ С ЗАМЕЧАНИЯМИ ДОКТОРА ФРАНКЛИНА

Заявление губернатора Паунолла было опубликовано около 1769 года Замечания по каждому параграфу этого заявления написаны рукой Франклина для Паунолла. Ответные замечания сделаны Пауноллом (подпись — *Т. П.*).

ПЛАН ПОМОЩИ ОТДАЛЕННЫМ НЕОБЕСПЕЧЕННЫМ СТРАНАМ

«План» имеет в виду население Новой Зеландии. Франклин предложил организовать экспедицию на острова не только с научной целью, но и для помощи местному населению. Свои соображения он изложил в виде краткого вступления к плану организации экспедиции, написанному Далримплом.

«План» датирован 29 августа 1771 года.

ТЕРПИМОСТЬ В СТАРОЙ АНГЛИИ И В НОВОЙ АНГЛИИ

В этой работе Франклин горячо выступает против религиозных преследований в защиту свободы совести.

Работа впервые опубликована в «The London Packet» 3 июня 1772 года.

[1] *Диссиденты* (от лат. dissideo — быть несогласным, расходиться) — лица, отступающие от учения господствующей церкви. В Англии после установления англиканской церкви диссидентами стали называть протестантов-пуритан.

[2] *Пресвитерианская церковь* — кальвинистская церковь, приверженцы которой составили религиозно-политическую партию в период английской буржуазной революции XVII в. Так же как и индепенденты, пресвитериане отвергали государственную английскую церковь.

[3] *Индепендентская церковь* (от англ. independent — независимый) — представители пуританизма, выступавшие под лозунгом религиозной независимости против англиканской церкви.

ПРЕДИСЛОВИЕ АНГЛИЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ К «РЕШЕНИЯМ И ПРОТОКОЛАМ ЗАСЕДАНИЙ ФРИГОЛЬДЕРОВ И ДРУГИХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА БОСТОНА»

20 ноября 1772 года на собрании жителей Бостона был зачитан отчет комиссии, выбранной на прошлом собрании. Отчет содержал обзор общественных дел, говорил о правах колоний и о нарушениях этих прав со стороны британского правительства. В это время Франклин был в Лондоне. Получив копию отчета, он сейчас же опубликовал его, снабдив вступительной заметкой, написанной им самим.

Мы печатаем предисловие Франклина к лондонскому изданию «Отчета комиссии».

КАК ИЗ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ СДЕЛАТЬ МАЛЕНЬКОЕ ГОСУДАРСТВО. ПРАВИЛА, ПРЕПОДАННЫЕ МИНИСТРУ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ЕГО В ДОЛЖНОСТЬ

Этот памфлет, как и ряд других сатирических произведений Франклина, относится к годам войны за независимость. Написан памфлет в 1773 году и направлен против министерства лорда Норса (1770—1782), осуществлявшего в отношении колоний политику уничтожения американских вольностей.

[1] *Проктор* (proctor) — во времена Франклина звание стряпчего в английских духовных судах и в суде адмиралтейства. Теперь — инспектор в английском университете.

ЭДИКТ ПРУССКОГО КОРОЛЯ

Сатирическая просветительская шутка (bagatelle); написана В. Франклином в 1773 году, накануне войны за независимость в Америке; направлена против английского правительства, грубо попиравшего права английских колонистов в Северной Америке.

[1] Хенгист, Хорса, Гелла, Оффа, Цердик и Ида — предводители англосаксонских завоевателей. Хенгист, Хорса, Цердик и Гелла явились основателями трех саксонских королевств в Британии в V веке: Уэссекса, Сессекса и Кента.

ОТЧЕТ
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ПИСЕМ ГУБЕРНАТОРА ХАТЧИНСОНА

Написан в конце 1773 — начале 1774 года.

Столкновение между гражданами Бостона и английскими солдатами в 1770 году (так называемая «Бостонская резня») усугубило крайнее недовольство английским господством в Северной Америке. А между тем в донесении губернатора английскому министерству бостонцы были изображены виновниками этого столкновения. Франклин, находившийся в это время в Лондоне, решил разоблачить лживость этих обвинений. К нему случайно попало донесение местного губернатора Хатчинсона, и он пересылает его со своими комментариями в колонию. Этот разоблачающий документ вызвал глубокое возмущение и в Америке и в Англии действиями английского министерства и его агентов. Министерство привлекло Франклина к ответственности: он был вызван в Тайный совет к допросу. Этот допрос был превращен в суд над Франклином.

ПРИТЧА ПРОТИВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

«Притча» направлена против догматов американского пуританизма и религиозной нетерпимости.

Впервые опубликована в 1774 году.

ПЛАН УЛУЧШЕНИЯ УСЛОВИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ СВОБОДНЫХ НЕГРОВ

Работа написана около 1775 года. В этом же году сразу по приезде из Европы Франклин основал Пенсильванское аболиционистское общество (Пенсильванское общество содействия уничтожению рабства), президентом которого оставался до конца жизни.

ОДНОДНЕВКА;
СИМВОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Морально-философская притча; написана Франклином в 1778 году во время пребывания его во Франции.

СВИСТОК

Морально-философская притча; написана во Франции в 1779 году.

ДИАЛОГ МЕЖДУ ФРАНКЛИНОМ И ПОДАГРОЙ

Морально-философская притча; вышла в свет в 1780 году во Франции. Работа получила громкую известность.

ЗАМЕТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ДИКАРЕЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Опубликованы в Англии в 1784 году отдельным изданием.

ОБ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНАХ И ОБ ОБЫЧАЕ КАПЕРСТВА

Работа написана в 1785 году в форме письма к В. Вогану и направлена против широко распространенного в то время каперства. Франклин опирается в ней на взгляды французского просветителя Монтескье.

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

Написано Франклином в 1789 году. В этот период вопрос о рабстве приобрел особую остроту. О рабстве шла речь на конституционных конгрессах 1776, 1779, 1783—1784 и 1787 годов. В результате были введены некоторые ограничения рабства: на конгрессе 1776 года было принято решение об одинаковом налоговом обложении рабов и наемных рабочих, что ставило рабовладельцев в явно невыгодное положение; в 1780 году в Пенсильвании был издан закон о запрещении ввоза рабов.

О РАБОТОРГОВЛЕ

Эта сатирическая притча-пародия (bagatelle) появилась в «Федеральной газете» 25 марта 1790 года за 24 дня до смерти ее автора (Франклин умер 17 апреля 1790 года).

Будучи президентом аболиционистского общества, Франклин обратился 12 февраля 1789 года в Палату представителей Конгресса США с предложением об отмене работорговли. В дебатах по этому вопросу представитель рабовладельческого южного штата Георгия Джексон выразил свое отрицательное отношение к вопросу об отмене работорговли.

Искусно имитируя речь мусульманского владыки, доказывавшего необходимость обращения в рабство христиан, Франклин показывает, что аргументация Сиди Магомет Ибрагима очень сходна с доводами американских рабовладельцев, которые они приводят в оправдание своей торговли неграми.

ЖИЗНЬ ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА

АВТОБИОГРАФИЯ

«Автобиография» — одно из крупных и наиболее известных произведений Франклина; была начата Франклином в 1771 году в Англии и писалась в течение многих лет. Как видно из писем, Франклин намеревался писать «Автобиографию» до конца жизни, но общественно-политическая деятельность и пошатнувшееся в последние годы здоровье помешали осуществлению задуманного. Поэтому «Автобиография» заканчивается сообщением о прибытии Франклина в Лондон в июле 1757 года, куда он был послан провинциальным собранием Пенсильвании в качестве уполномоченного.

Первая часть «Автобиографии» написана в форме письма к сыну — Вильяму Франклину (будущему губернатору Нью-Джерси).

«Автобиография» вышла в свет во французском переводе в 1791 году, после смерти Франклина.

[1] В 30-х годах XVI в. королем Генрихом VIII в Англии была проведена церковная реформация. В царствование Марии Тюдор (1553—1558) произошла кратковременная реставрация католицизма. Организация англиканской церкви была полностью закончена при королеве Елизавете (1558—1603).

[2] Работа американского пуританского священника и писателя Мезера Коттона (1663—1728) «Великие деяния Христа в Америке» («Magnalia Christi Americana») представляет собою собрание биографических и исторических фрагментов по истории церкви Новой Англии; вышла в свет в 1702 году.

[3] Грамматическая школа примерно соответствовала классической гимназии.

[4] «Жизнеописания» Плутарха — 50 биографий выдающихся греческих и римских государственных деятелей и полководцев.

[5] В произведении «Опыт о проектах» («An Essay on Projects», 1698) Дефо выступает как апологет буржуазного общества; произведение содержит ряд конкретных предложений относительно развития торговли, банковского дела, учреждения академии, военных колледжей, высших школ для женщин и т. д.

[6] «Зритель» («Spectator», 1711—1712) — нравственно-сатирический журнал Аддисона и Стиля — известных журналистов эпохи раннего английского Просвещения. По форме журнал представляет собой дидактические беседы издателя («Зрителя») с читателем на темы быта, морали и философии.

[7] Имеется в виду учебник по арифметике английского математика Эдварда Коккера (1631—1675).

[8] Франклин имеет в виду последователей Декарта — янсенистов А. Арно и П. Николь, составивших пособие по логике — «Логика, или искусство мыслить» (1662). Книга долгое время служила школьным руководством.

[9] «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта — одно из классических произведений III века до н. э. На латинском языке произведение называется «Memorabilia», что дословно означает: «достойные упоминания вещи». Работа представляет собою апологию Сократа и его учения.

[10] «Странствие паломника» («The Pilgrim's Progress», 1678) — роман английского религиозного писателя Джона Бениана (1628—1688). Несмотря на пуританско-морализаторскую тенденцию, произведение ценно своей острой критикой нравов аристократии и торгашеской буржуазии.

[11] Франклин имеет в виду пародию на Вергилия («Virgil Travestie», 1664—1670) английского поэта Чарлза Коттона (1630—1687).

[12] Массачусетс был первой колонией, начавшей в 1690 году выпуск бумажных денег.

[13] «Религия природы» — произведение английского философа Волластона (Wollaston, William, 1659—1724), опубликованное впервые в 1722 году.

[14] Выдающаяся философская басня-сатира английского мыслителя Бернарда Мандевиля (1670—1733); вышла в свет в 1705 году под названием «Ропчущий улей, или мошенники, ставшие честными». При втором издании в 1714—1729 году Мандевиль назвал ее «Басней о пчелах». В произведении подвергаются критике пороки буржуазного мира, мира стяжателей и мошенников.

[15] *Пунсон* — вырезанное из стали выпуклое изображение, которым выдавливают на меди матрицу для отливки шрифта.

[16] Имеется в виду опубликованное в Лондоне в 1725 году «Рассуждение о свободе и о необходимости удовольствия и страдания» («A Dissertation on Liberty and Necessity, Pleasure and Pain»); написано по поводу книги Волластона «Религия природы».

[17] Брошюра, напечатанная Франклином в 1729 году. Полное название — «A Modest Jnquiry into the Nature and Necessity of a Paper Currency».

[18] Часть здания парламента в Вестминстерском дворце.

[19] Мусульманские богословы-правоведы.

[20] Знаменитые камины Франклина уменьшили трату топлива вдвое. За это изобретение ему была присвоена степень «доктора искусств».

[21] «The Proposals Relating to the Education of Youth in Pennsylvania» написаны Франклином в 1749 году.

ЗАМЕТКИ ПО НЕКОТОРЫМ ИЗ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ НАБЛЮДЕНИЙ, ПОДРОБНО ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НРАВОВ НА НАСЕЛЕНИЕ

Одно из важнейших произведений Франклина, характеризующее его взгляды на мораль и на роль морали в развитии общества.

Дата написания не установлена.

[1] Франклин был сторонником федеративного союза североамериканских колоний. Идею такого союза он выдвигал еще на съезде представителей колоний в Олбени в 1754 году.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ВОЙНЕ

Работа написана Франклином в последние годы жизни и направлена против реакционных, захватнических войн.

ПРОШЕНИЕ ЛЕВОЙ РУКИ

Произведение не датировано; относится к серии морально-философских притчей (bagatelles).

КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В КАРМАНЕ БЫЛО МНОГО ДЕНЕГ

Это произведение относится к серии морально-философских притчей; написано во время пребывания Франклина во Франции; не датировано.

НРАВСТВЕННОСТЬ ИГРЫ В ШАХМАТЫ

Морально-философская притча. Дата написания не установлена.

ОЧЕРК ОБ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Бесплатные народные школы появились в североамериканских колониях сравнительно рано. Особенно большое внимание школьному делу уделялось в Пенсильвании. Постановлением 1723 года законодательная власть Мериленда утверждала необходимость иметь в каждом графстве школу, в которой бы преподавались грамматика, письмо и математика, а учитель назначался из представителей господствующей церкви.

Работа Франклина «Очерк об английской школе» не датирована.

[1] «Древняя история» и «История Рима» — труды известного французского историка и ученого Шарля Роллена (1661—1741).

[2] Имеются в виду исторические «Заметки» и «Введение в историю Англии» известного английского государственного деятеля Вильяма Темпла (Temple, William, 1628—1699). Большая часть «Писем» была опубликована после смерти автора Д. Свифтом.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКИ; ПРАВДИВОЕ ОПИСАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ ЭТОГО ОБШИРНОГО КОНТИНЕНТА

Работа представляет собою обстоятельный справочник для переселенцев в Америку, поток которых особенно усилился после войны за независимость (1775—1783).

К СВЕДЕНИЮ ТЕХ, КТО СОБИРАЕТСЯ ПЕРЕЕХАТЬ В АМЕРИКУ

Работа написана Франклином в последние годы жизни. Она представляет собою справочник, знакомящий с характерными особенностями Северной Америки того времени, ее условиями жизни, передвижения и т. п.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Входит в серию так называемых морально-философских притчей.

Точная дата написания работы не установлена. Относится ко времени пребывания Франклина во Франции в период 1776—1785 годов.

ЗДОРОВАЯ И ИЗУРОДОВАННАЯ НОГА

Относится к серии морально-философских притчей. Дата написания работы не установлена.

ИСКУССТВО ВИДЕТЬ ПРИЯТНЫЕ СНЫ

Морально-философская притча; написана в период пребываний Франклина во Франции (1776—1785).

ПРИЧИНЫ НЕДОВОЛЬСТВА АМЕРИКАНЦЕВ В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЙ 1768 ГОДУ

Рядом законов, изданных незадолго до войны за независимость 1775—1783 годов, Англия стремилась противодействовать развитию промышленности и торговли в колониях. Как представитель нескольких колоний Северной Америки, Франклин неоднократно обращался в английский парламент, борясь против попыток несправедливого обложения колоний налогами.

[1] Закон о военном постое касался расквартирования английских войск в черте города Бостона.

[2] Имеется в виду «закон о гербовом сборе», отмененный английским правительством в 1766 году.

[3] Закон 1764 года о «денежном обращении» был издан английским парламентом в целях охраны колониальных капиталовложений английских купцов. По этому закону запрещался выпуск бумажных денег и изымались те деньги, которые находились в обращении.

[4] К середине XVIII века города Бостон, Ньюпорт и Нью-Йорк стали центрами производства шляп. Стремясь сохранить монополию английских промышленников, английский парламент законом 1732 года запрещает вывоз шляп из колоний.

[5] За 150 лет колониального периода из Англии было отправлено в Америку около 50 тыс. осужденных преступников, работавших в колониях в качестве «слуг-должников».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авраам — мифическая личность, по библейским сказаниям древнееврейский патриарх — 385, 386.

Агриппа, Корнелий (Agrippa, Cornelius, 1486—1535) — средневековый философ, писатель и врач — 76.

Аддисон, Джозеф (Addison, Joseph, 1672—1719) — английский писатель, журналист и политический деятель — 578.

Альба, Фернандо Альварес де Толедо (Duque de Alba, 1507—1582) — герцог испанский, наместник Нидерландов (1567—1573) — 253.

Альберт Великий (Albertus Magnus, род. в 1193 или 1207—ум. 1280)—немецкий схоласт — 76.

Анна Стюарт (Anne Stewart, 1665—1714) — королева Великобритании и Ирландии с 1702 по 1714 год — 168.

Антей (Ἀνταῖος) — мифический герой, сын Посейдона и Геи, побежденный Гераклом — 583.

Бениан, Джон (Bunyan, John, 1628—1688) — английский писатель-моралист эпохи Реставрации — 69, 426, 435.

Бертон, Роберт (Burton, Robert, 1577—1640) — английский богослов, автор в свое время популярной «Анатомии меланхолии» («The Anatomy of Melancholy») — 426.

Блеккуэлл, Джон (Blackwell, John)—вице-губернатор Пенсильвании (декабрь 1688—февраль 1689—1690) — 107, 117.

Бурбоны (Bourbon) — королевская династия во Франции (1589—1792, 1814—1815 и 1815—1830) — 230.

Бюффон, Жорж Луи Леклерк (Buffon, Georges-Louis Leclerc de, 1707—1788) — французский естествоиспытатель — 544.

Вашингтон, Джордж (Washington, George, 1732—1799) — первый президент Соединенных Штатов Америки — 206, 223.

Вергилий (Vergilius, 70—19 до н. э.)—римский поэт эпохи императорского Рима (современник Октавиана-Августа) — 75, 436, 578.

Вильгельм III Оранский (William III prince of Orange, 1650—1702) — правитель Нидерландов (1674—1702), король Англии (1689—1702) — 149, 359.

Волластон, Вильям (Wollaston, William, 1659—1724), — английский философ, автор «Религии природы» («The Religion of Nature Delineated», 1722) — 453.

Гамильтон, Джемс (Hamilton, James) — вице-губернатор Пенсильвании с июня 1748 года по июнь 1754 года — 177, 180, 225, 523, 524, 526.

Гамильтон, Эндрю (Hamilton, Andrew) — вице-губернатор Пенсильвании (1 ноября 1701 — февраль 1702—1703) — 122, 138, 139.

Гаррингтон, Джемс (Harrington, James, 1611—1677) — английский публицист эпохи буржуазной революции XVII века, идеолог обуржуазившегося дворянства — 112.

Генрих VIII (Henry VIII, 1491—1547) — король Англии с 1509 года, из династии Тюдоров — 327.

Георг I (George Louis, 1660—1727) — король Великобритании и Ирландии — 359.

Георг II (George Augustus, 1683—1760) — король Великобритании и Ирландии — 359.

Георг III (George William Frederick, 1738—1820) — король Великобритании и Ирландии — 375.

Геркулес (Hercŭlēs) — латинское название греческого мифического героя Геракла — 583.

Гомер ("Ομηρος, между 12 и 8 веками до н. э.) — легендарный эпический поэт древней Греции — 578.

Гораций Флакк, Квинт (Q. Hŏrātius Flaccus, 65—8 до н. э.) — поэт классического периода литературы античного Рима — 59, 578.

Гордон, Патрик (Gordon, Patrick) — вице-губернатор Пенсильвании с июня 1726 года по июнь 1736 года — 169, 170, 194, 460.

Гукин, Чарлз (Gookin, Charles) — вице-губернатор Пенсильвании (март 1708—1709—1717) — 139, 152, 156, 157, 160, 162.

Дефо, Даниэль (Defoe, Daniel, 1659—1731) — буржуазный писатель эпохи раннего английского Просвещения — 426, 435.

Драйден, Джон (Dryden, John, 1631—1700) — английский поэт, драматург и теоретик драматического искусства эпохи Реставрации — 466.

Дуглас, Джон (Douglas, John, 1721—1807) — шотландский писатель и англиканский священник — 234.

Елизавета (Elizabeth, 1533—1603) — королева Англии и Ирландии — 238, 243, 254.

Иаков II, граф Йоркский (James II, duke of York, 1633—1701) — король Великобритании и Ирландии с 1685 года — 111, 116, 125.

Карл I (Carlos I, 1500—1558) — испанский король (1516—1556), под именем Карла V император т. н. Священной Римской империи (1519—1555) — 248.

Карл II (Charles II, 1630—1685) — английский король (1660—1685); с него начинается реставрация династии Стюартов — 91, 107, 421, 457.

Кейс, Вильям (Keith, William) — вице-губернатор Пенсильвании с марта 1717 года по июнь 1726 года — 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 169, 170, 193, 194, 440, 441, 442, 451, 452, 460, 465.

Коллинс, Антони (Collins, Anthony, 1676 — 1729) — прогрессивный английский философ, последователь Локка — 430.

Конде, Луи Жозеф де Бурбон (Condé, Louis-Joseph de Bourbon, prince de, 1736—1818) — принц из династии Бурбонов, эмигрировал из Франции в 1792 году — 57.

Коттон, Чарлз (Cotton, Charles, 1630—1687) — английский поэт и переводчик — 436.

Ксенофонт (Ξενοφῶν, род. ок. 430 до н. э. — ум. 355/4 до н. э.) — греческий писатель и историк, известный своими «сократическими произведениями» — 430.

Ликург (Λυκοῦργος, 390—324 до н. э.) — государственный деятель и оратор древних Афин в период борьбы греческих государств против македонского владычества — 104, 138.

Ллойд, Томас (Lloyd, Thomas) — президент Пенсильванской ассамблеи с августа 1684 года по декабрь 1688 года — 146.

Локк, Джон (Locke, John, 1632—1704) — выдающийся английский философ-материалист — 430, 578.

Макиавелли, Николо (Machiavelli, Nicolò, 1469—1527) — итальянский писатель и политический деятель эпохи разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений — 106, 254.

Мандевиль, Бернард (Mandeville, Bernard de, 1670—1733) — выдающийся английский писатель и философ эпохи раннего английского Просвещения — 454.

Мария Тюдор (Tudor, Mary, 1516—1558) — английская королева, правление которой ознаменовано жестокой католической реакцией в Англии — 421.

Маркхем, Вильям (Marcham William) — вице-губернатор Пенсильвании с 3 июня 1693 года по декабрь 1699 года — 122, 125, 128, 130.

Мафусаил — библейский патриарх, по библейскому свидетельству жил 969 лет — 599.

Мезер, Коттон (Mather, Cotton, 1663—1728) — американский религиозный деятель, воинствующий фанатик — 422, 426.

Мильтон, Джон (Milton, John, 1608—1674) — знаменитый английский поэт и публицист периода английской буржуазной революции — 578.

Моисей — мифический библейский пророк, которому приписывается написание так называемого Пятикнижия — 406, 447.

Монтескье, Шарль (Montesquieu, Charles, 1689—1755) — выдающийся французский просветитель XVIII века, автор «Духа законов» и других трудов — 138, 408.

Моррис, Роберт (Morris, Robert) — вице-губернатор Пенсильвании с октября 1754 года по август 1756 года — 225, 524, 526, 535.

Ньютон, Исаак (Newton sir, Isaac, 1642—1727) — знаменитый английский физик, астроном и математик, основатель механики как науки — 454.

Пенн, Вильям (Penn, William, 1644—1718) — основатель колонии Пенсильвании; с октября 1682 года по август 1684 года и с 3 декабря 1699 года по 1 ноября 1701 года был губернатором Пенсильвании — 91, 92, 94, 107, 108, 109, 110, 111, 115, 116, 117, 121, 122, 123, 135, 137, 154, 156, 158, 159, 163, 164, 166, 167, 171, 173, 197, 509.

Персий, Авл. Флакк (Aulus Persius Flaccus, 34—62) — римский поэт-сатирик — 68.

Питт, Вильям (Pitt, William, 1708—1778) — английский государственный деятель — 549.

Пифагор (Πυθαγόρας, 580—500 до н. э.) — древнегреческий математик и философ-идеалист — 483.

Платон (Πλάτων, 427—347 до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник объективного идеализма, ученик Сократа — 561.

Плутарх (Πλούταρχος, ок. 46—126) — греческий ученый, историк-биограф — 426, 561.

Поп, Александр (Pope, Alexander, 1688—1744) — английский поэт эпохи раннего английского Просвещения — 57, 431, 450, 547, 577, 578.

Рафаэль, Санти (Raffaelo, Sanzio, 1483—1520) — знаменитый итальянский художник эпохи Возрождения — 111.

Ричардсон, Сэмюэль (Richardson, Samuel, 1689 — 1761) — английский писатель-романист, проповедовавший мещанскую мораль среднего буржуа — 435.

Роллен, Шарль (Rollin, Charles, 1661—1741) — французский писатель и историк — 576.

Роу (Rowe Nicholas, 1674—1718) — английский драматург и писатель — 60.

Рошфуко (La Rochefoucauld-Liancourt, François, 1747—1827) — французский политический деятель — 57.

Свифт, Джонатан (Swift, Jonathan, 1667—1745) — великий английский писатель-сатирик — 578.

Сократ (Σωκράτης, 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист — 430, 483, 493.

Соломон (ок. 950—933 до н. э.) — царь Израиля и Иудеи — 485.

Солон (Σόλων, ок. 638 — ок. 558 до н. э.) — древнегреческий деятель, реформатор, впоследствии причисленный к «семи мудрецам» древней Греции — 104.

Темпл, Вильям (Temple, William, 1628—1699) — английский государственный деятель, дипломат и писатель — 577.

Теренций, Публий (Publius Terentius Afer, ок. 185—159 до н. э.) — римский комедиограф — 63.

Томас, Джордж (Thomas, George) — вице-губернатор Пенсильвании с июня 1738 года по июнь 1747 года — 170, 193, 194, 221, 505, 510, 511.

Уинтроп, Джон (Winthrop, John, 1588—1649) — основатель колонии Массачусетс и первый ее губернатор — 367.

Флетчер, Вениамин (Fletcher, Benjamin) — губернатор колоний Нью-Йорк и Пенсильвания с 26 апреля по 3 июня 1693 года — 122, 125, 126, 128, 130, 133, 145, 147, 173.

Фридрих II Великий (Friedrich II der Große, 1712—1786) — прусский король с 1740 года — 356.

Хатчинсон, Томас (Hutchinson, Thomas) — вице-губернатор, а затем и губернатор Пенсильвании во время «Бостонской резни» 1770 года — 304, 361, 364, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 382.

Церера (Cĕrēs) — в древнеримской мифологии — богиня, покровительница земледелия — 336.

Цицерон, Марк Туллий (Cĭcĕrō, Marcus Tullius, 106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор, политический деятель и философ — 485.

Шефтсбери, Антони (Anthony Ashley Cooper Earl of Shaftesbury, 1671—1713) — английский философ-моралист — 430.

Эванс, Джон (Evans, John) — вице-губернатор Пенсильвании (февраль 1703—1704—февраль 1708—1709) — 139, 141, 142, 147, 152, 153, 154, 157, 158, 164, 173.

Юм, Давид (Hume, David, 1711—1776) — английский философ-идеалист — 534.

СОДЕРЖАНИЕ

Вениамин Франклин 5

Правила клуба, учрежденного для взаимного усовершенствования 51

«Любопытный» № 1 54

«Любопытный» № 2 57

«Любопытный» № 3 59

«Любопытный» № 4 63

«Любопытный» № 5 68

«Любопытный» № 8 75

Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым 80

Совет молодому торговцу 82

План образования двух западных колоний в Северной Америке и обоснование этого плана 84

Доклад комитета по жалобам ассамблеи Пенсильвании 91

Путь к изобилию 97

Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании . . 104

Рассмотрение интересов Великобритании в отношении ее колоний и приобретения Канады и Гваделупы 226

Замечания на выступление судьи Фостера в защиту права насильственной вербовки матросов 260

Замечания по поводу недавнего протеста против назначения господина Франклина агентом для провинции Пенсильвании . . 267

Замечания по поводу особого билля о милиции, отклоненного представителем владельца или губернатором 276

Замечания по плану будущего управления делами индейцев . . . 281

Письмо касательно благодарности Америки, а также вероятности и последствий союза с Великобританией; об отмене или отсрочке закона о гербовом сборе 285

О цене на хлеб и управлении бедными 289

Допрос доктора Вениамина Франклина в английской палате общин по делу об отмене английского закона о гербовом сборе в 1766 году 293

Вопросы мистера Стрэгана по поводу американских дел и ответы доктора Франклина 320

Заявление губернатора Паунолла о конституции колоний с замечаниями доктора Франклина 328

План помощи отдаленным необеспеченным странам 335

Терпимость в Старой Англии и в Новой Англии 338

Предисловие английского издателя к «Решениям и протоколам заседаний фригольдеров и других жителей города Бостона» . . . 343

Как из великой империи сделать маленькое государство. Правила, преподанные министру при вступлении его в должность 347

Эдикт прусского короля 356

Отчет об обстоятельствах дела в отношении писем губернатора Хатчинсона 361

Притча против преследования 385

План улучшения условий существования свободных негров . . . 387

Однодневка; символ человеческой жизни 389

Свисток 391

Диалог между Франклином и Подагрой 394

Заметки относительно дикарей Северной Америки 400

Об уголовных законах и об обычае каперства 406

Обращение к населению 412

О работорговле 414

Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография 418

Заметки по некоторым из предшествующих наблюдений, подробно показывающие влияние нравов на население 555

Высказывания о войне 563

Прошение Левой руки 565

Как сделать, чтобы у каждого человека в кармане было много денег. 567

Нравственность игры в шахматы 569

Очерк об английской школе 573

Внутреннее положение Америки; правдивое описание интересов и политики этого обширного континента 579

К сведению тех, кто собирается переехать в Америку 584

Экономический проект 592

Здоровая и изуродованная нога 596

Искусство видеть приятные сны 598

Причины недовольства американцев в период, предшествовавший 1768 году 603

Примечания 612

Указатель имен 625

ФРАНКЛИН ВЕНИАМИН
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *Л. Князева*

Оформление художника *Н. Симагина*

Художественный редактор *С. Сергеев*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Ответственный корректор *О. Панкова*

Сдано в набор 3 июля 1956 г. Подписано в печать 22 ноября 1956 г. Формат 60×92 1/16. Физ. печ. л. 39 1/2 + 1 вклейка 1/8. Условн. печ. л. 39,6. Учетно-изд. л. 38,8. Тираж 20 тыс. экз.

Заказ № 1429. Цена 11 руб.

Государственное издательство политической литературы. Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

11 р.

В. ФРАНКЛИН